

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Древности Боспора

28

Москва
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

28

МОСКВА
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

*Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского*

Том 28

Редакционный совет:

член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков* (председатель);
проф., д. и. н. *М. Г. Абрамзон*; проф. *Д. Браунд* (Великобритания);
д-р. *П. Дюпон* (Франция); проф., д. и. н. *А. В. Подосинов*;
проф., д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*; к. и. н. *В. П. Толстиков*;
проф., д. и. н. *Яйленко В. П.*

МОСКВА, 2023

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Работа по организации и редакционной подготовке издания осуществлена в рамках проекта:
**«Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира
и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций»**
(№ НИОКТР 122011200269-4)

Редакционная коллегия

д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов; д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты

д. и. н. С. Ю. Внуков
к. и. н. В. А. Гаيبов

*Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН*

Д73 **Древности** Боспора. Том 28. – М., 2023. 504 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-403-6

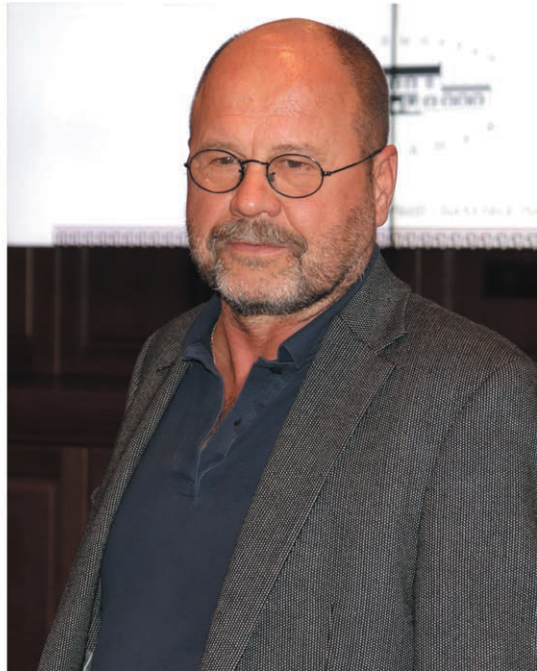
Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин.

Для археологов, историков, краеведов.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-403-6
ISSN 2686-6870
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-403-6

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2023
© Редколлегия, 2023
© Авторы статей, 2023

В 2023 году свой юбилей отмечают наши выдающиеся коллеги-антиковеды Александр Александрович Масленников, которому исполняется 75 лет, и Владимир Дмитриевич Кузнецов, который празднует 70-й год своего рождения.

Этим знаменательным событиям посвящается очередной том ДБ.

*Друзья, коллеги
и ученики*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ахмадеева М. М.</i>	
Усадьба А в ближнем предместье античной Феодосии: предварительные итоги исследований	9
<i>Бейлин Д. В., Рукавишников И. В., Федосеев Н. Ф. †</i>	
Исследования каменного склепа в районе ул. Мирошника в Керчи (Северный участок некрополя Пантикапея)	38
<i>Василиненко Д. Э., Жупанин О. Ф.</i>	
Комплекс средневековых пифосов на территории поселения Варваровка-3	62
<i>Винокуров Н. И.</i>	
Два типа гробниц северо-восточного некрополя городища Артезиан (раскоп 12, 2019 г.)	73
<i>Журавлев Д. В.</i>	
Коллекция «керченских древностей» из даров Великой княгини Елизаветы Федоровны в Государственном Историческом музее	105
<i>Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.</i>	
Фанагории в период поздней архаики – ранней классики (стратиграфия, хронология, периодизация. 1)	126
<i>Завойкина Н. В.</i>	
Аспург – царь Боспора (9/8 г. до н. э. – 38 г. н. э.)	149
<i>Зубарев В. Г., Маркова К. О.</i>	
Амфоры С Spn I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» (1996–2022 гг.)	168
<i>Иванов А. В., Сударев Н. И.</i>	
Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике древней Греции и на Боспоре	187
<i>Каргин Ю. Ю.</i>	
К вопросу о классификации и интерпретации античных граффити и дипинти (по материалам раскопок поселения «Ленина»)	227
<i>Ковальчук А. В., Болонкина Е. В.</i>	
Керамические клейма с поселения «Полянка» (2012, 2018–2022 гг.)	257
<i>Ковальчук А. В., Соловьев С. Л., Устаева Э. Р.</i>	
Находки из катакомбы № 1 поселения Вышестеблиевская 16-а	273
<i>Масленников А. А.</i>	
Раскопки «башни» на горе Михалкина или несбывшиеся надежды	294
<i>Сазанов А. В.</i>	
Керамические комплексы начала – третьей четверти V в. поселения «Ильич-1»	309

<i>Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А.</i>	
Граффити и дипинти из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье	369
<i>Суриков И. Е.</i>	
Возвращение Фанагора?	383
<i>Трейстер М. Ю.</i>	
Канфары типа «Высочино»: хронология, центр изготовления и распределение характерной формы боспорских серебряных сосудов I в. н.э.	398
<i>Хриановский В. А.</i>	
Кромлехи на некрополе Китея (хронология и этнокультурная принадлежность)	410
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i>	
De titulis Bosporanis et viciniis VII	433
<i>Яйленко В. П.</i>	
Античная географическая традиция о фанагорийском острове и попытки коррекции ее буром	455
Сокращения	496
Правила и рекомендации по оформлению рукописей	500

М. М. Ахмадеева

(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Усадьба А в ближнем предместье античной Феодосии: предварительные итоги исследований

Феодосия, будучи крупным полисом, располагая обширной хорой и значительным экономическим потенциалом, занимала особое место в структуре Боспорского царства. Город удостоился упоминаний в целом ряде письменных источников, в том числе, и подробно повествующих о тяжелой и затяжной борьбе Боспора за обладание его ресурсами (Dem. XX. 33; Polyaeu. V: 23, 44; VI. 9: 3, 4). Автономный монетный чекан, обязательное отдельное упоминание в титуле ранних Спартокидов – все это дополняет красноречивую картину специфического положения Феодосии. При этом крайне немногочисленные данные археологии до сих пор лишь немного могут добавить к нашему представлению об этом древнем городе.

Феодосийские древности привлекли внимание ученых в середине XIX века, и, как это было обычно для науки того времени, все усилия были сосредоточены на изучении богатого курганного некрополя [Тункина 2011; Петрова 2000, 19–21]. Масштабные строительные работы конца XIX века по реконструкции и расширению Феодосийского порта, уничтожившие западную часть Карантинного холма, дали первый массовый археологический материал, который позволил А. Л. Бертье-Делагарду подтвердить локализацию городища античной Феодосии именно здесь, фактически под постройками и слоями цитадели средневековой Каффы [фон Штерн 1906, 90]. В дальнейшем кратковременные археологические изыскания на феодосийском городище производились лишь дважды: в 1949, 1951 и 1952 гг. работала совместная экспедиция Феодосийского музея и ИИМК АН СССР под руководством И. Б. Зеест [Зеест 1951; 1953], а в 1975–1977 гг. экспедиция ИА АН СССР под руководством Б. Г. Петерса [Петерс, Голенцов 1981]. Хора Феодосии известна чуть лучше благодаря работам экспедиции Феодосийского музея древностей под руководством Е. А. Катюшина [Катюшин 1977; 1978; 1979; 2007, 45–46], а также систематическим многолетним изысканиям А. В. Гаврилова [Гаврилов 2004]. Ближайшие же предместья становились объектом внимания, в первую очередь, в связи с исследованиями феодосийского курганного некрополя, предпринятого Е. А. Катюшиным в 1970-х – 80-х гг. [Катюшин 1977; 1978; 1979; 1982]. Помимо погребальных памятников, в ходе этих работ были открыты и поселенческие структуры, как, например, поселение IV–II вв. до н. э. на склоне Тепе-Оба, на территории карьера Феодосийского

Рис. 1. Спутниковый снимок с обозначением района исследований

завода строительных материалов [Катюшин 1994; 1995], а также небольшой фрагмент пригородной усадьбы к востоку от цитадели, в 0,2 км к югу от ул. Корабельная [Катюшин 1991]. Подобный объект, обозначенный Е. А. Катюшиным как «раскоп А», был обнаружен и в южном направлении [Катюшин 1982]: именно он стал предметом наших дальнейших исследований и настоящей предварительной публикации. Данный участок находится в 0,2 км к югу от крайних домов по ул. Зеленая и отдален от крепостных стен цитадели Каффы, т. е. от места локализации городища античной Феодосии, на 1,5 км по прямой. Расстояние до отдельно стоящей башни Джованни ди Скаффа – 0,5 км. Памятник расположен на северном пологом склоне хребта Тепе-Оба, полукругом опоясывающего Феодосию с трех сторон – с юго-запада, юга и юго-востока (рис. 1). Исследуемый участок занимает относительно ровное плато с уклоном в северо-восточном направлении, вплотную примыкающее с запада к глубокой, (до 35 м) Генуэзской балке. Рельеф плато несколько нарушен террасами и рядом неглубоких параллельных борозд, появившихся в ходе лесоустроительных работ по посадке сосны в 1960-х гг. (рис. 2). Небольшой разведочный раскоп А площадью 36 м² был заложен на небольшом мысу на самом краю Генуэзской балки, в месте значительной концентрации подъемного материала. В результате работ 1982 года было открыто небольшое прямоугольное сооружение, состоящее из кладок «А» и «В» и пристроенных встык к ним кладок «Б» и «Г». Пространство, ограниченное этими четырьмя кладками, было забутовано мелким камнем, образуя своего рода платформу. Размеры этой забутованной площадки составили 4,2×2,7 м. Конструкция кладки «Б», замыкающей контур сооружения с юго-востока, своеобразна и существенно отличается от остальных открытых объектов. Кладка сложена из двух рядов прекрасно обработанных известняковых блоков: нижний ряд состоит из трех массивных квадратов высотой около 0,2 м, верхний ряд сложен

Рис. 2. Топографический план, спутниковый снимок территории Усадьбы А

из 6 блоков высотой до 0,14 м, при этом нижний ряд выступает вперед относительно верхнего на 0,06 м. Кладки «А» и «В» продолжают за пределы раскопа. Е. А. Катюшин датировал открытую в раскопе А постройку III в. до н. э., однако отмечал значительное присутствие более ранних материалов. При этом самые ранние находки, представленные несколькими фрагментами чернолаковых сосудов, относятся к рубежу V–IV вв. до н. э. Пытаясь интерпретировать открытое сооружение, Е. А. Катюшин, в первую очередь связал его с феодосийским некрополем, исходя из расположения памятника в непосредственной близости от известных погребальных комплексов. Назначение постройки установить не удалось, однако наличие «главной», парадной кладки «Б» позволило предположить симметричность всего сооружения и гипотетически видеть в нем часть ансамбля пропилеев городского некрополя [Катюшин 1982, 15].

В 2017 г. к исследованиям региона приступила Феодосийская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. В течение трех сезонов, в 2017–2019 гг., на данном участке проводились комплексные разведочные работы, включающие в себя археологические разведки и шурфовки, ряд геодезических работ, а также геофизические изыскания. Результатом этой работы, в том числе, стала подготовка пакета документов для постановки памятника на государственный учет как выявленного объекта археологического наследия «Поселение Феодосия-1». В ходе разведочных работ на обширной территории плато, ограниченном двумя балками (Генуэзской с востока и безымянной с запада), общей площадью порядка 8 га, было зафиксировано несколько участков концентрации подъемного материала IV–III вв. до н. э. и XIII–XV вв. [Ахмадеева 2017]. В восточной части обозначенной территории также обнаружен фрагмент каменной конструкции в виде платформы, сложенной из очень крупных тщательно отесанных камней. Подобные крупные камни и плиты встречены на всей площади вдоль западного склона Генуэзской балки. Два разведочных шурфа, заложенных на участке вдоль края балки, открыли остатки построек разной сохранности: часть неглубокой фундаментной траншеи, забутованной камнем, а также фрагмент кладки и каменного развала [Ахмадеева 2018; 2019a]. Немногочисленные находки, обнаруженные при исследовании культурных напластований в шурфах, позволяют датировать открытые объекты IV началом III вв. до н. э. Здесь же были проведены комплексные геофизические исследования с применением различных методов и аппаратуры¹. Важно отметить, что все геофизические работы велись на пересекающихся участках, что дает редкую возможность сравнительного анализа, используемого в археологических целях геофизического оборудования и методик. Общая обследованная таким образом площадь достигла 6100 м². В ходе этих работ был зафиксирован целый ряд объектов², имеющих правильные геометрические очертания, которые с большой степенью вероятности можно интерпретировать как остатки конструкций. Характерно, что все зафиксированные на данном участке объекты и строительные остатки в раскопе А, и открытые в шурфах фрагменты построек, и лежащие на самом краю склона балки крупные плиты, и геофизические аномалии, – все имеют одинаковую ориентировку по линии северо-запад – юго-восток, обусловленную рельефом местности, то есть направлением края склона Генуэзской балки. Приведенные результаты комплексного обследования восточной части территории поселения Феодосия-1 позволяют утверждать, что на данной площади мы фиксируем довольно плотную и относительно одновременную застройку IV – начала III вв. до н. э.

Начиная с 2019 г. одно из основных направлений работ Феодосийской экспедиции – исследование загадочной постройки, открытой Е. А. Катюшиным в 1982 г. С этой

¹ Геофизические исследования проводились: в 2018 г.: Лабораторией «Археологическая геофизика», В. Г. Бездудный; магнитометрическая съемка процессорным оверхаузеровским датчиком POS-2 в градиентометрической (двухканальной) модификации; георадарная съемка среднечастотным (200 МГц) видео-импульсным радаром; в 2019, 2021 гг.: Компанией ВНИИСМИ, П. А. Морозов, В. В. Андрющенко, Воровский П. Л., Морозов Ф. П.; георадарная съемка импульсным георадаром Лоза-1В с передатчиком 1 кВ (в импульсе) и с антеннами с центральной частотой 200 МГц, временная развертка при проведении измерений 256 нсек (глубина ~ 12–14 метров);

² В данном случае важно, что результаты, полученные различными геофизическими методами, в целом совпадают, а значит, достоверность их приемлема.

целью исследуемый участок был расширен в направлении трассы кладки «А», на юго-запад [Ахмадеева 2019б; 2020], а затем – в юго-восточном направлении. Общая открытая к настоящему моменту площадь составляет порядка 170 м². В результате уже первых двух сезонов раскопок³ была открыта северная часть довольно крупной постройки, размеры которой составляют 10,5×16,5 м (рис. 3), при этом основные конструкции и характерные культурные напластования продолжают за пределы раскопа в юго-восточном, северо-восточном и юго-западном направлениях, окончательный контур сооружения еще не выявлен [Ахмадеева 2021; 2022]. В южной части постройки частично открыты две глинисто-цемяночные давяльные площадки. Стало очевидно, что данное сооружение отношения к погребальному культу не имеет, а, вероятнее всего, представляет собой пригородную усадьбу с функцией винодельческого комплекса. Вслед за традиционным названием раскопа, памятник получил обозначение Усадьба А, а входящий в его структуру исследуемый раскопками строительный комплекс – Постройка А. Предварительный анализ планиграфии и стратиграфии открытых строительных остатков и культурных напластований дает возможность выделить три основных этапа функционирования Постройки А, отмеченных различными перестройками.

Строительный период 1

Первоначальное ядро Постройки А составляет угол монументальных кладок № 2 и № 3, а также пристроенный к внутреннему фасу кладки № 2 комплекс из двух давяльных площадок, разделенных кладкой № 8.

Кладка № 2⁴ ограничивает Постройку А с юго-запада (рис. 4). Ориентация кладки – северо-запад – юго-восток. Кладка регулярная, однослойная, двухлицевая. При сооружении кладки № 2 были использованы тщательно обработанные крупные блоки, лишь на одном участке кладки вместо одного блока установлено несколько менее массивных камней. Размеры самого крупного камня достигают 0,8×0,8 м. Остальные блоки имеют размеры 0,6–0,7×0,8 м. Общая длина кладки достигла 7,8 м, ширина 0,8 м. Кладка открыта на высоту одного блока, т. е. до 0,4 м. Строительные блоки, составляющие кладку № 2, очень хорошо подогнаны друг к другу, небольшие зазоры заполнены мелкими камнями. На тех участках кладки, где использован более мелкий материал, камни хорошо подобраны по форме таким образом, что составляют жесткую конструкцию. Очевидно, строители сооружения стремились получить довольно ровную поверхность кладки. Об этом свидетельствуют следы подтески верхних граней блоков, а там, где это было необходимо, дополнительно устанавливались небольшие плоские камни. Следуя общему рельефу, отметки поверхности камней понижаются в северном направлении на 0,5 м. Кладка № 2 сохранилась не полностью: в южной ее части, у юго-восточного борта раскопа, зафиксирован разрыв длиной 1,2 м. Очевидно, кладка пострадала в результате выборки камня в средневековый период, что хорошо иллюстрирует темно-серое пятно поздней траншеи. Судя по размеру разрыва, из кладки было взято 2 блока.

³ Раскопки проводились в 2019, 2021, 2022 гг.

⁴ Объекты, открытые в 1982 г. имеют буквенное обозначение, а объекты, открытые начиная с 2019 года и далее – цифровое.

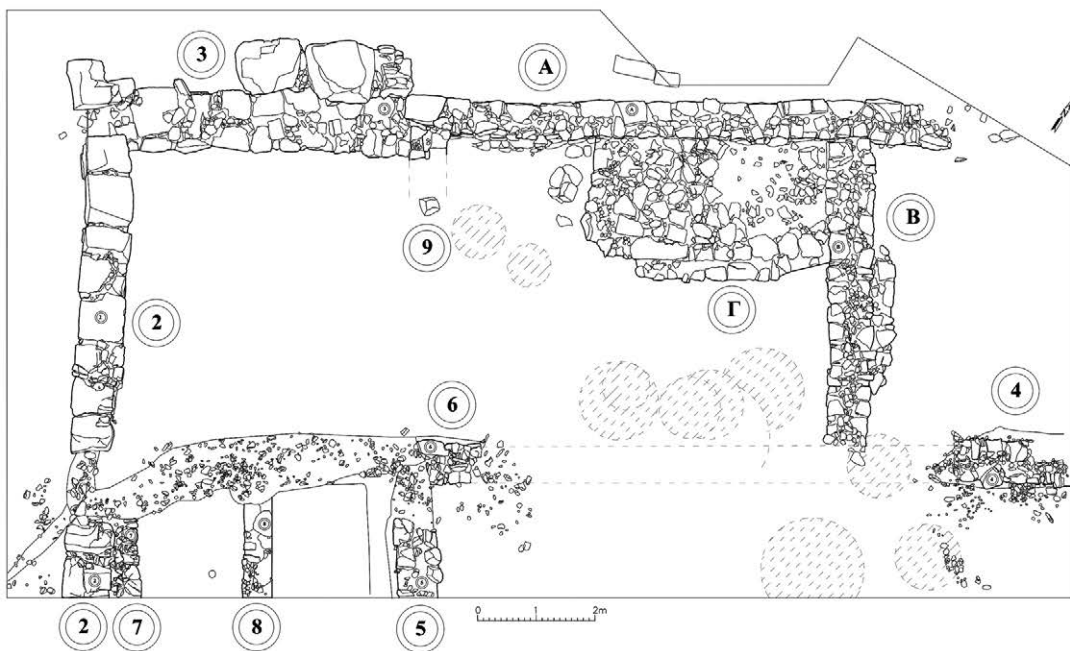

Рис. 3. Усадьба А. Постройка А, план: ортофо, чертеж

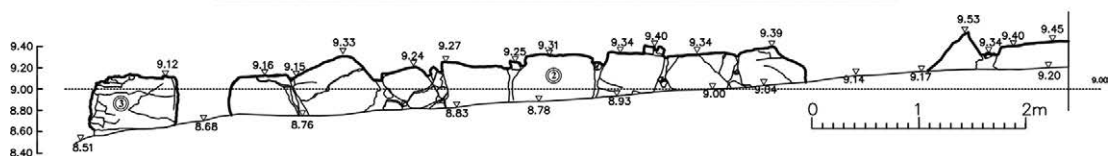
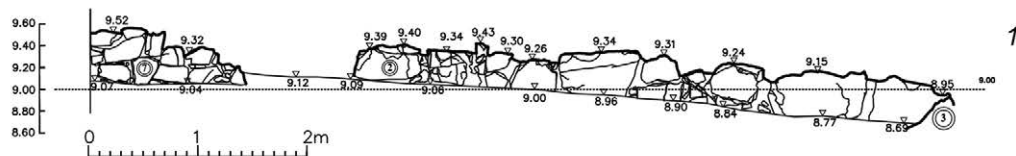

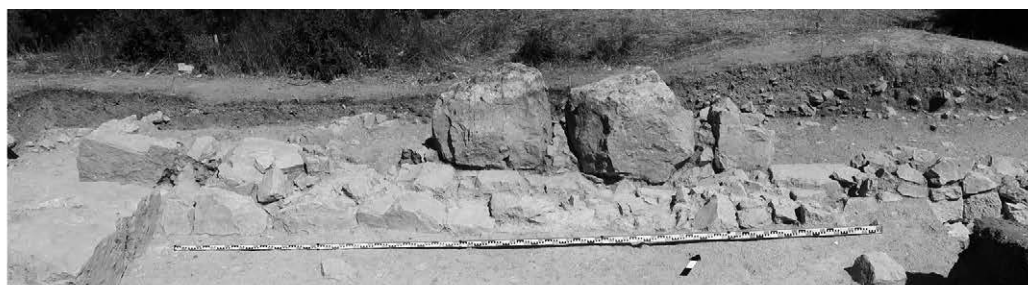
Рис. 4. Кладка 2. 1 – северо-восточный фас, фото, чертеж; 2 – юго-западный фас, фото, чертеж; 3 – южная часть, деталь, вид с юго-востока

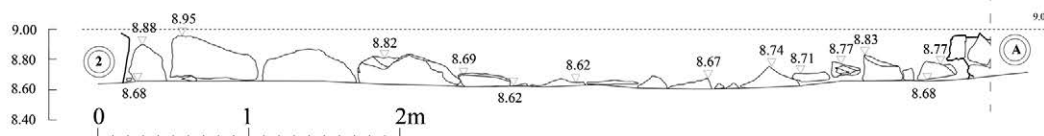
Интересна конструкция самой южной открытой части кладки, состоящей из двух блоков (рис. 4. 3). Верхняя грань южного блока обработана таким образом, что поверхность его представляет собой две ровные площадки, приблизительно равные по площади, при этом западная половина ниже восточной на 0,05 м. Эта нижняя, западная площадка имеет полукруглый выступ в северном направлении, по обеим сторонам выступа уложены небольшие камни, образуя конструкцию в форме слива. Следующему к северу блоку также придана сложная форма: восточная его часть имеет небольшую плоскую площадку, а вся западная часть стесана под углом в 45°. Назначение конструкции на данном этапе предположить сложно. Кладка № 2 открыта не полностью, камни ее уходят в юго-восточный борт раскопа.

Кладка № 3 ограничивает Постройку А с северо-запада (рис. 5). Ориентация – юго-запад – северо-восток. Кладка двухлицевая, двух-трехслойная, с забутовкой пространства между крупными камнями более мелкими. Кладка сложена из крупных, хорошо обработанных камней плотного светлого известняка, средние размеры которых составляют 0,4–0,6×0,4 м. Ширина кладки № 3 составляет 0,9 м, длина – 6,5 м. Кладка открыта на один ряд, до 0,3 м в высоту как по южному, так и по северному фасу. Кладка сооружена довольно тщательно: камни уложены аккуратно, мелкие камни заполнения использованы только в центре кладки, фасы выведены крупными камнями. Поверхность кладки выровнена при помощи очень светлой, почти белой чистой глины, заполняющей пространство между камнями. Конструкция кладки довольно сложная: в западной части южный ее фас сформирован двумя орфостатами, размеры камней 0,79×0,22, 0,6×0,23 м. Кроме того, два камня северного фаса выдвинуты вперед на 0,2 м, что, однако, может являться результатом оползания камней вниз по рельефу. Камень, образующий западный торец кладки, выдвинут на 0,4 м к северу. Более того, к северному фасу кладки примыкает два очень крупных грубо отесанных блока размерами 1×1,1×0,9 м и третий, чуть меньше – 0,7×0,7×0,6 м. Верхние их части были видны на поверхности участка еще до начала раскопок. Эти массивные блоки стоят на плоских камнях кладки, а не наоборот, как следовало бы ожидать, кладка пристроена к ним с юга. Крупные блоки выдвинуты вперед относительно северного фаса кладки № 3 на 0,7 м. Камни, возможно, первоначально стояли ровно по трассе кладки, и в позднее время были сдвинуты, например, в результате землетрясения. Однако северные грани камней образуют почти ровную линию, чего при случайном сдвиге не могло бы быть. Кроме того, пространство между блоками плотно забутовано мелким камнем. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что массивные блоки у северного фаса кладки первоначально входили в ее структуру, но характер их расположения пока не ясен. Следует отметить, что угловой камень, образующий внешний угол кладок № 2 и № 3, также выдвинут вперед относительно трасс обеих кладок (рис. 5. 3): на 0,4 м севернее относительно северного фаса кладки № 3 и на 0,2 м западнее относительно западного фаса кладки № 2. Вследствие такого смещения в месте соединения кладок № 2 и № 3 образован разрыв, шириной 0,5 м, заполненный упавшими камнями.

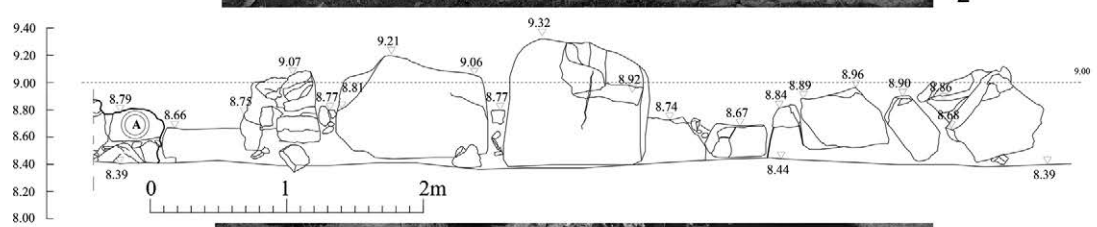
В южной части открытого раскопками участка расположены **Давильные площадки № 1 и № 2** (рис. 6). Площадки непосредственно примыкают с северо-востока к внутреннему фасу кладки № 2, ориентация их планировочных осей совпадает

1

2

3

Рис. 5. Кладка 3. 1 – юго-восточный фас, фото, чертеж; 2 – северо-западный фас, фото, чертеж; 3 – внешний угол кладок 2 и 3, вид с юго-запада

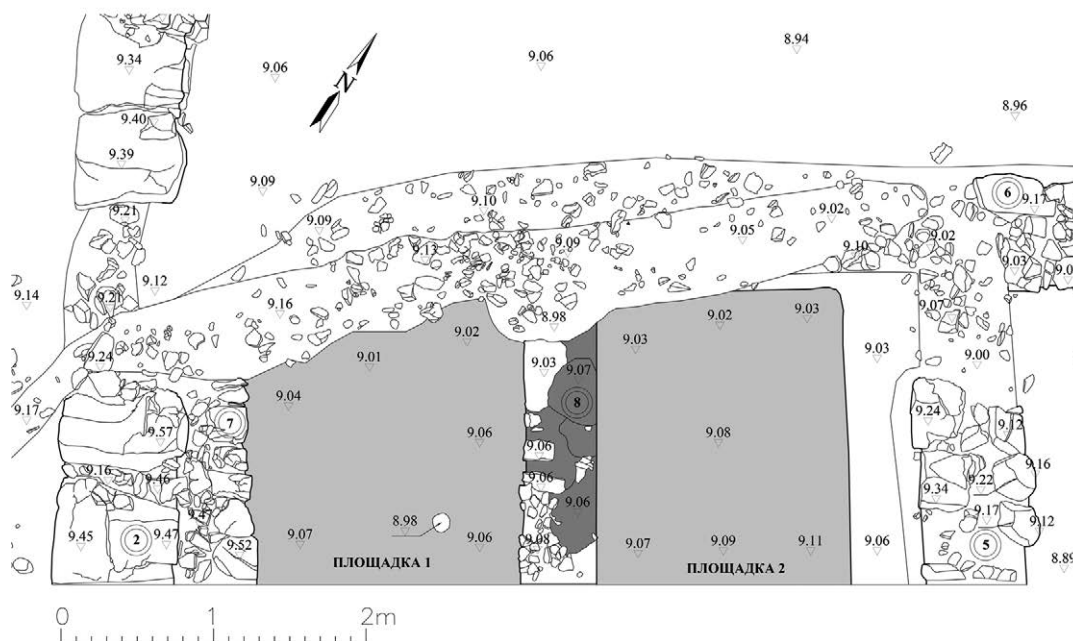
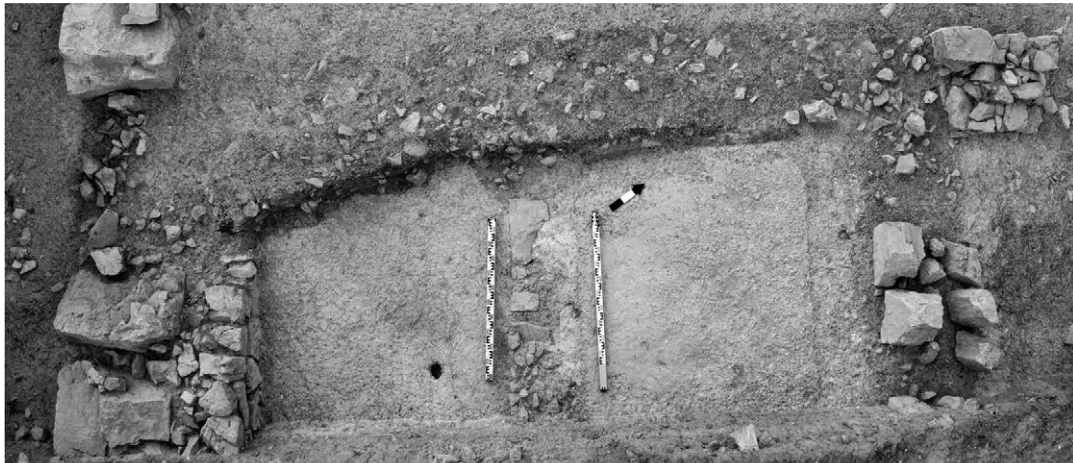

Рис. 6. Давильные площадки 1 и 2, кладка 8. Общий вид, план

с основным направлением кладок Постройки А – северо-запад – юго-восток. Общие размеры двух площадок составляют: ширина – 3,9 м, открытая к концу раскопок длина – 1,9 м. Площадки открыты не полностью: южные их части продолжают в юго-восточном направлении. Средневековая траншея выборки камня несколько повредила конструкцию: срезан западный угол Площадки № 1 и северо-западная граница обеих площадок. Нетронутым оказался лишь северный угол Площадки № 2.

Ширина западной Площадки № 1, составляет 1,7 м, максимальная ее длина – 1,87 м. Т.е. площадь открытой пока раскопками части Площадки № 1 составляет 3,2 м². Поверхность Площадки № 1 имеет небольшой уклон в северо-западном направлении до-

стигающий 0,06 м или же порядка 2°. В восточной части Площадки № 1 расположено круглое отверстие диаметром 0,08 м. Выборка этого углубления полностью не производилась во избежание повреждений поверхности площадки. Ширина восточной Площадки № 2 составила 1,6 м, длина – 1,95 м, площадь – 3,1 м². Площадка № 2 также имеет уклон в северо-западном направлении до 0,09 м или 3°. Сохранившийся нетронутым северный угол имеет характерную сглаженную форму.

Частью конструкции давящих площадок является разделяющая их **кладка № 8**. Как и площадки, кладка № 8 повреждена в северной части поздней траншеей выборки камня, южная ее часть уходит в юго-восточный борт раскопа. Длина открытой части кладки № 8 составляет 1,7 м, ширина – 0,48 м. Открыты лишь верхние камни кладки, поэтому судить о ее высоте преждевременно. В составе кладки отмечен как относительно крупный плоский камень размерами 0,48 · 0,28 м, так и более мелкие размерами 0,28×0,13 м, 0,2×0,14 м, а также мелкий бутовый камень. Кроме этого, на поверхности кладки зафиксированы прослойки плотной очень светлой глины. В центральной части кладки эти прослойки не имеют четкой формы и покрывают плоские камни. В восточной же части слой чистой глины образует ровную линию, соответствующую границе кладки № 8. Среди аморфной массы глинистой прослойки удалось выделить два элемента, имеющих подобие границ и формы. Вероятно, эти элементы, как и вся глинистая масса, представляют собой остатки нижнего ряда сырцового или глинобитной части кладки № 8.

Поверхность обеих площадок покрыта ровным гладким слоем глинисто-цемячного раствора с включениями большого количества мелкой (размер частиц 20–40 мм) морской гальки, шамота и известковой крошки. В момент открытия цемячная поверхность имела довольно интенсивный розовый оттенок, который, однако, под воздействием солнечных лучей быстро исчезал. Именно характер покрытия площадок, а также очевидный уклон поверхности позволяет видеть в них остатки специальных сооружений винодельческого производственного комплекса – давящих площадок, где происходил отжим винограда. Цистерны, принимающие отжатый сок, пока не открыты; на расположение этого важного элемента к северо-западу от давящих площадок, вероятнее всего, указывает направление уклона их поверхности.

Помимо давящих площадок в ходе раскопок был обнаружен целый ряд ям круглых очертаний, очевидно устроенных для установки пифосов (рис. 7). Это предположение подтверждается большим количеством стенок пифосов, найденных при исследовании Постройки А, а также очень высокой концентрацией таких фрагментов именно на данном участке. Группа из четырех близко расположенных ям, частично прорезающих друг друга, читается к юго-западу от кладки «В». С юго-востока пятна ограничены трассой более поздних кладок № 4 и № 6, северо-западным ее фасом – очевидно, что эти стены (одна стена?) были сооружены поверх участка с пифосами. Подобным же образом и трасса кладки «В» пересекает несколько круглых пятен от пифосных ям. Диаметр пятен варьируется в пределах 1,1–1,7 м. Обнаруженные группы пифосных ям, расположенных компактно на небольшом участке, очевидно представляют собой остатки специального помещения для брожения или хранения вина в пифосах. Судя по плотности их расположения, участок использовался довольно интенсивно.

Рис. 7. Очертания ям для установки пифосов. Общий вид, аэрофотосъемка

Подобные помещения для установки пифосов, открытые в античных винодельческих комплексах Боспора, зачастую размещались в подвалах или же полуподвалах, менее подверженных сезонным и суточным колебаниям температуры. Вероятнее всего, так же дело обстояло и в комплексе Усадьбы А. В пользу этого предположения говорит взаиморасположение верхнего уровня фиксации пифосных ям и давящих площадок: последние находятся на 0,3–0,4 м выше. Более того, рельеф дневной поверхности исследуемого участка фактически представляет собой две площадки с резким падением уровня, что также как будто указывает на наличие как минимум двух высотных уровней застройки.

Ямы – следы от установки пифосов – очевидно являются звеном в производственной цепи винодельни и непосредственно связаны с давящими площадками, в том числе и хронологически. Расположение пифосных ям либо строго к северо-западу от трассы поздних кладок № 4 № 6, либо ниже уровня подошвы этих кладок, а также по трассе кладки «В» подтверждает гипотезу о том, что первоначальное ядро Постройки А было связано с винодельческим комплексом.

К оборудованию винодельни предположительно можно отнести и следующую находку. В ходе разборки культурного слоя на разных участках Постройки А было найдено до десятка фрагментов толстостенного изделия, назначение которого предварительно было определено как хозяйственное. Глина, из которой сформован предмет,

светло-коричневая, мягкая, слоистая, с включениями извести и мелких минеральных зерен. Поверхность керамического изделия заглажена жидкой глиной. Толщина стенки 2,5 см. Частично восстановить форму предмета удалось благодаря находке двух относительно крупных фрагментов. Предмет имеет форму цилиндра с прямыми стенками диаметром порядка 16 см. Ближайшие аналогии ему можно обнаружить в боспорских винодельнях, открытых на поселениях Пустынный Берег-II и Генеральское-Западное [Ломтадзе, Масленников 2003, табл. XI. 2; Винокуров 2007, рис. 95. 3; рис. 96. 4–6], где подобные изделия использовались для оформления стока сусли из давяльной площадки в цистерну. Также стоит упомянуть необычно большое количество морских галек – всего при раскопках их обнаружено 26. Находки их распределены по всей площади исследованного участка, локальной концентрации не наблюдается. Часть обнаруженных галек целые, а часть – ровно сколотые половинки. На многих присутствуют следы известкового раствора. Вероятнее всего, галька входила в состав какой-либо субструкции, например, вымощенной площадки или же основания прессового ложа, требующего большой прочности.

Все внутреннее пространство Постройки А 1 строительного периода, т. е. к югу, востоку и юго-востоку от угла кладок № 2 и № 3 было заполнено мощным слоем каменного завала (рис. 8). Сами кладки № 2 и № 3 также им перекрыты. Очевидно, этот завал образовался в результате разрушения нижних каменных частей этих кладок. Площадь каменного завала составляет порядка 50 м², при этом он продолжается в юго-западном направлении, уходя в борт раскопа, а в юго-восточной части срезан трассой более поздних кладок № 4 – № 6. Восточной границей распространения завала служит край верхней, юго-западной части раскопа, лишь некоторые камни сползли вниз по склону. Мощность каменного завала достигает 0,4 м. Завал состоит из колотых обломков плотного известняка средними размерами 0,1×0,15×0,2 м. В нижней его части нередко встречаются крупные камни размерами 0,3×0,3×0,4 м с одной-двумя ровными гранями. Среди камней развала зафиксированы отдельные пятна глины, возможно, представляющие собой фрагменты сырцовых или глинобитных частей стен. При разборке каменного завала был обнаружен относительно немногочисленный керамический материал в количестве 441 фрагмента, среди которых заметную группу составляет разнообразная продукция южнопонтийских центров, а именно: обломок синопского солена, стенка синопского лутерия, 9 фрагментов синопского пифоса, в том числе и массивный венчик, 5 стенок гераклейского пифоса, 6 фрагментов синопских столовых сосудов. Из 287 обнаруженных среди камней фрагментов амфор можно упомянуть ручки хиосского и синопского сосудов, оббитую ножку гераклейской амфоры. Значительную часть составляют фрагменты красноглиняной столовой посуды – 61 обломок или почти 14%. К датирующим находкам можно отнести два фрагмента гераклейских амфор, в первую очередь, обломок горла с частью клейма ΑΡΙΣ [ΤΟΚΛΗΣ] | ΚΟΑΣ, которое можно интерпретировать как оттиск раннего магистратского штампа Аристокла⁵ (рис. 9. 1. 1), датировка которого лежит в пределах 90-х годов IV в. до н. э. [Кац 2007, 428, Прилож.

⁵ Выражаю искреннюю признательность Н. А. Павличенко за подробные консультации и помощь в определении клейма.

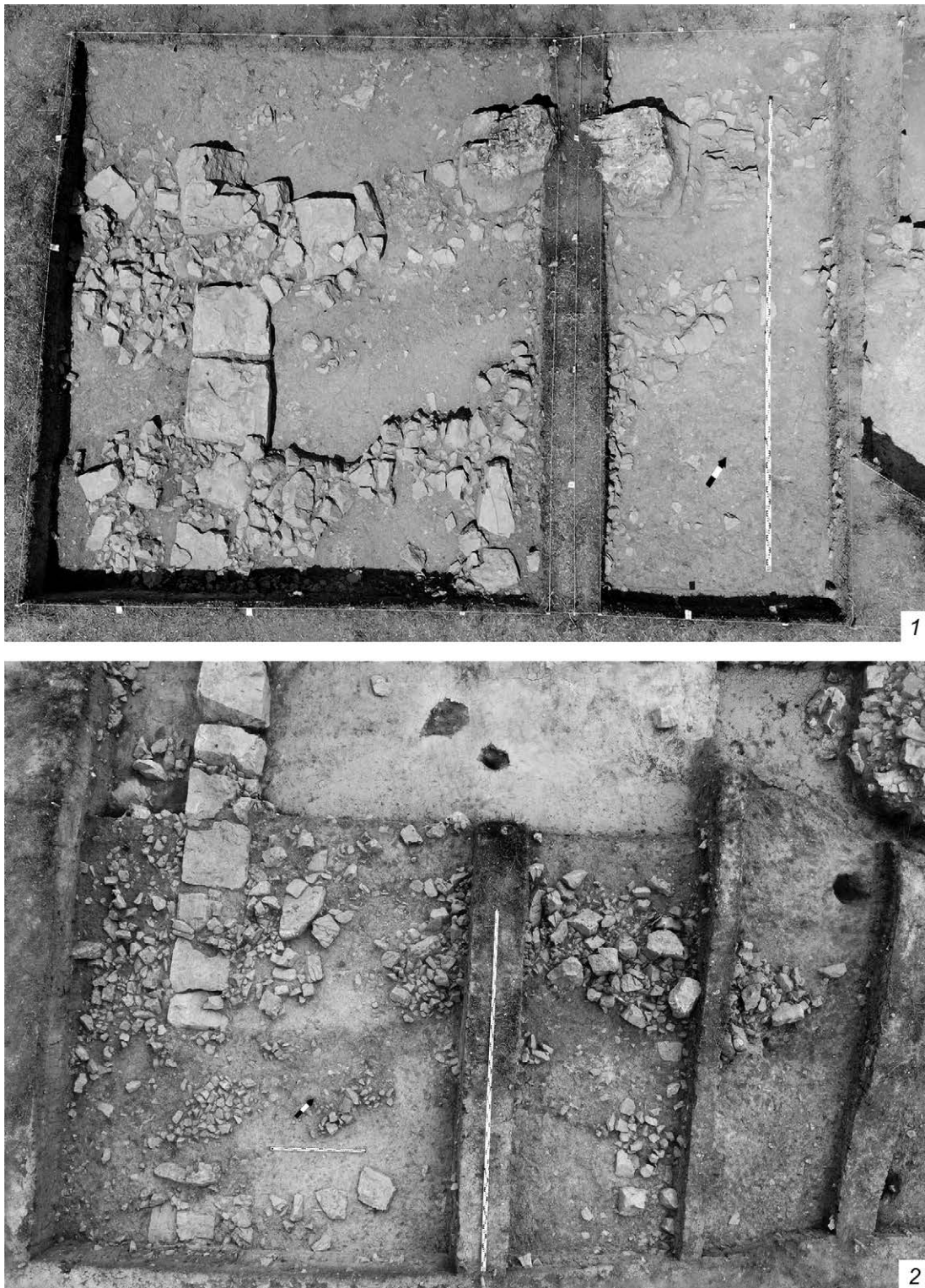

Рис. 8. Слой каменного завала: 1 – северная часть; 2 – южная часть

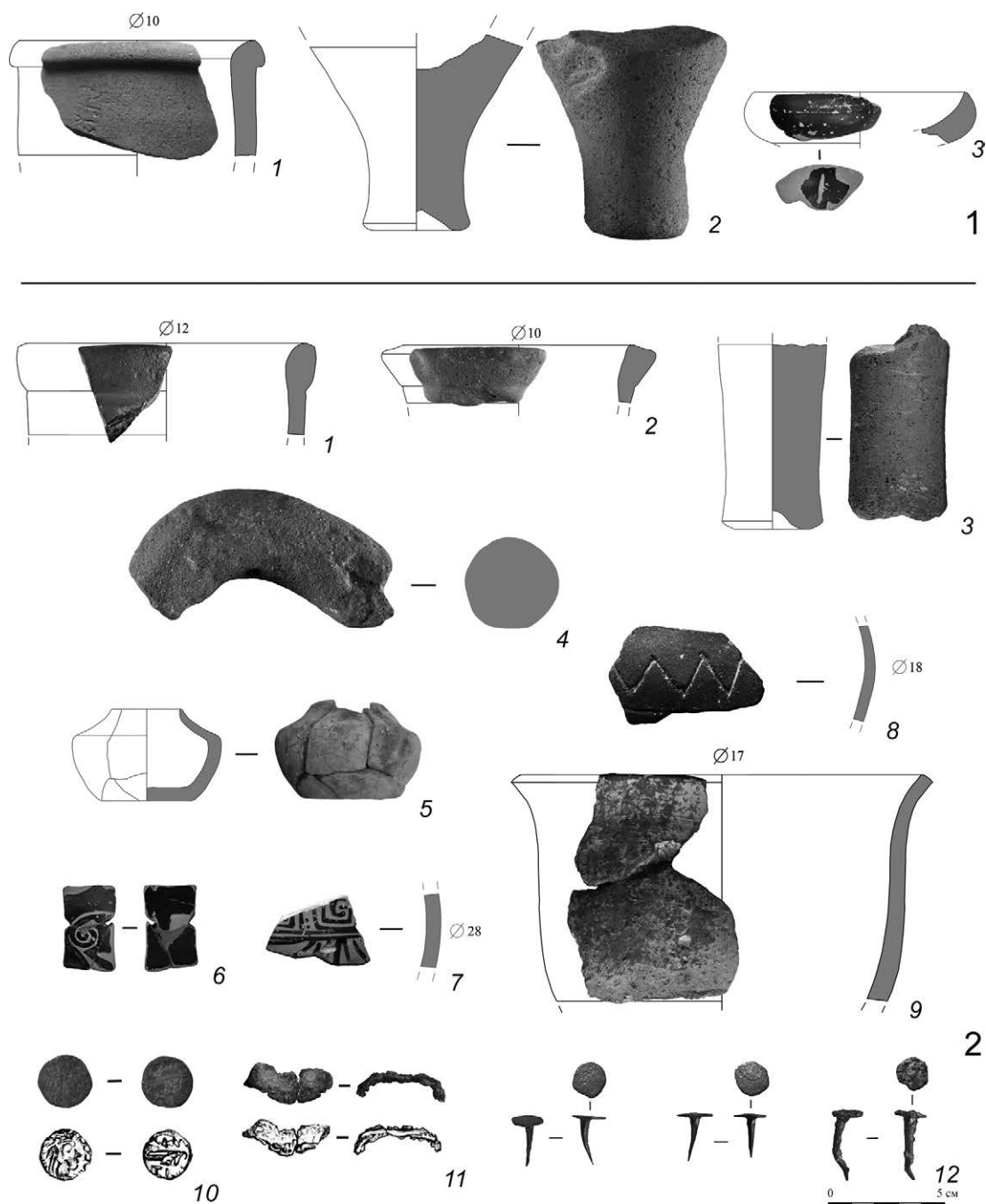

Рис. 9. 1. Находки из слоя каменного завала: 1, 2 – фрагменты гераклейских амфор; 3 – фрагмент чернолаковой миниатюрной мисочки. 2. Находки из слоя серовато-желтого суглинка: 1–4 – фрагменты амфор Хиоса, Фасоса, Гераклеи, Лесбоса/Эолии; 5 – сероглиняный светильник; 6, 7 – стенки краснофигурных сосудов; 8, 9 – фрагменты лепных сосудов; 10–12 – изделия из бронзы: монета Перисада I, фрагмент перстня, гвозди

V]. Клейма магистрата Аристокла стоят исключительно на сосудах I пифоидного типа гераклейской тары, относящегося ко времени от рубежа V–IV вв. до н. э. до конца первой четверти IV в. до н. э. [Монахов 2003, 126132, табл. 8690]. Амфоре именно этого типа принадлежит ножка с конической выемкой на подошве, найденная среди камней завала (рис. 9. 1. 2). К этому же времени (т. е. к рубежу V–IV вв. до н. э. – первой четверти IV в. до н. э.) вероятно, следует отнести фрагмент венчика миниатюрной мисочки с загнутым внутрь краем (рис. 9. 1. 3). Относительно массивная стенка и заостренный край сближает наш фрагмент с серией однотипных сосудов, происходящих из кургана Госпитальный [Егорова 2022, 190191, № 48, 50, илл. 353]. Упомянутые выше находки относятся к ранней группе материала Усадьбы. А и, таким образом, позволяют поместить время начала ее функционирования не позже самого начала IV в. до н. э.

Под камнями завала располагался слой плотного серовато-желтого суглинка, образование которого предположительно можно связать с разрушением верхних сырцовых или же глинобитных частей стен Постройки А первого строительного периода. Общая площадь распространения этого слоя составляет порядка 50 м², мощность – до 0,4 м. Относительно других открытых раскопками контекстов слой серовато-желтого суглинка максимально насыщен находками. При его разборке всего было обнаружено 1776 фрагментов керамики. В их числе: 10 фрагментов синопской черепицы, край синопского лутерия, 92 стенки пифосов (36 – синопского сосуда и 56 – гераклейского). Среди последних встречен ряд фрагментов⁶ с просверленными отверстиями диаметром чуть более 1 см. Очевидно, импортные пифосы, будучи весьма дорогим предметом, неоднократно ремонтировались и использовались долго. Фрагменты амфор составили 64,5% комплекса, среди наиболее информативных профильных частей можно отметить следующие. В первую очередь это венчики (рис. 9. 2. 1), а также оббитая и заглаженная ножка амфор Хиоса конического типа, которые можно в целом соотносить с вариантами V-A и V-B первой половины IV в. до н. э. [Монахов 2003, 20–22, табл. 10–12, особо табл. 11. 4, 5]. Фрагменты гераклейских амфор – цилиндрическую ножку (рис. 9. 2. 3) и 2 венчика, – вероятнее всего, следует связать со II коническим типом, вариантов не ранее середины IV в. до н. э. [Монахов 2003, 139, табл. 94]. Венчик фасосской амфоры II биконического типа развитого биконического варианта (рис. 9. 2. 2) относится ко второй – третьей четверти IV в. до н. э. [Монахов 2003, 67–69, табл. 44–45]. Также стоит упомянуть единичную находку более раннего сосуда – ручку красноглиняной лесбосской амфоры (рис. 9. 2. 4), бытование которых, как кажется, не выходит за пределы середины V в. до н. э. [Монахов 2003, 49]. Категория простой столовой керамики представлена находками 207 фрагментов, из которых подавляющее большинство принадлежит красноглиняным сосудам закрытых форм. При этом значительную часть, до 20% в составе столовой керамики занимают фрагменты синопских сосудов. Категория кухонной керамики представлена находками 81 фрагментов, в первую очередь, это обломки тонкостенных кастрюль и горшков хорошего качества. В то же время, найдено относительно много фрагментов крышек кухонных сосудов, в том числе – верхняя часть крышки с ручкой. Фрагментов лепных сосудов найдено чуть меньше – 64 обломка. Среди них особо стоит отметить фрагмент

⁶ Такие фрагменты встречены и в других контекстах Постройки А, общее их количество – 19.

горшка, сохранившийся почти наполовину высоты профиля и две стенки лепного сосуда (корчаги?) с врезанным орнаментом в виде зигзага под горизонтальным желобком (рис. 9. 2. 8, 9). Последние относятся к восточно-крымской керамике Айвазовского типа и связываются с местным населением [Сенаторов 1999, 298–299; 2002, 22, № 77]. Импортные чернолаковые сосуды представлены находками 25 фрагментов, среди которых подавляющее большинство составляют обломки сосудов для питья и открытых сосудов типа мисок. К этой же группе примыкает и фрагмент горла краснофигурного кратера (?) с изображением части меандра, а также поделка из стенки краснофигурного сосуда, вероятнее всего, крышки леканы, с изображением волютообразного завитка (рис. 9. 2. 6, 7). Из нескольких фрагментов удалось собрать полный профиль небольшого сероглиняного закрытого светильника (рис. 9. 2. 5). Отдельно стоит отметить находки предметов из металла: 4 бронзовых гвоздика (рис. 9. 2. 12), фрагмент бронзового перстня с плавно переходящей в уплощенный щиток шинкой (рис. 9. 2. 12), фрагмент бронзового браслета, фрагмент лезвия железного ножа, а также 3 бронзовые монеты. Сохранность двух из них, к сожалению, неудовлетворительна, одну же можно определить как боспорский халк типа «голова безбородого сатира вправо – лук, горит, ПАН-П» (рис. 9. 2. 10). Чекан этих монет в целом относят ко времени правления Перисада I и датируют в пределах 320–310 гг. до н. э. [Анохин 2011, 151, № 1025]. Таким образом, можно утверждать, что стены постройки были разрушены не ранее, чем в последней четверти IV в. до н. э., скорее ближе к концу столетия. Вполне вероятно, что ранние кладки Постройки А частично использовались при дальнейших перестройках комплекса. Представляется, что именно этим обстоятельством можно объяснить хронологическую неоднородность находок, происходящих с этого участка.

Строительный период 2

Ко второму строительному периоду относится сооружение ряда пристроек к основным конструкциям с северо-востока: к кладке № 3 пристраивается угол кладок «А» и № 9, при этом, похоже, что северо-восточная часть кладки № 3 была разобрана. С юго-востока встык к кладке «А» пристраивается кладка «В». Вероятно, в это же время или вскоре в углу кладок «А» и «В» возводится каменная площадка, ограниченная не сохранившимися ныне кладкой «Г» и квадратной кладкой «Б». Назначение этой каменной площадки пока остается невыясненным, как и вопрос – использовалась ли Постройка А как винодельня или же при перестройке функция сооружения была изменена.

Как уже упоминалось, **кладка «А»** пристроена к кладке № 3 с северо-востока таким образом, что северо-западный фас обеих кладок полностью совпадает (рис. 10. 1). Основные параметры кладок второго строительного периода существенно отличаются от более ранних конструкций. Так, ширина кладки «А» составляет 0,65–0,7 м (кладка № 3–0,9 м). Кладка «А» – двухлицевая, трехслойная с забутовкой мелкими камнями. Система кладки приближается к иррегулярной, камни уложены с очень условным соблюдением рядности. Западная часть юго-восточного фаса кладки «А», открытая на максимальную высоту, это хорошо иллюстрирует: здесь неровности ряда, образованного крупными камнями, строители попытались сnivelировать камнями меньшего размера, что, однако, им удавалось не вполне. Для сооружения кладки «А» использованы грубо

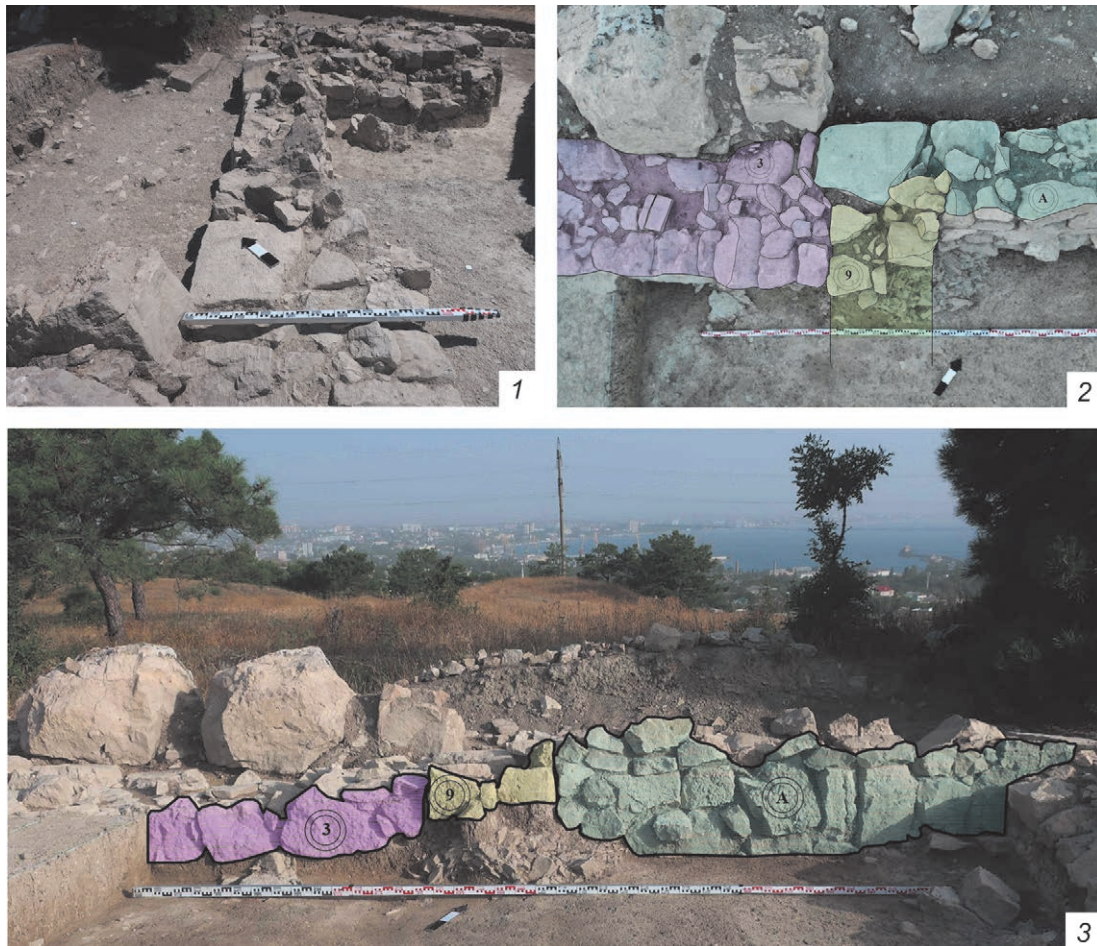

Рис. 10. Угол кладок 3/А/9: 1 – вид с юго-запада; 2 – общий вид; 3 – вид с юго-востока

обработанные колотые камни плотного известняка как относительно крупные, подпрямоугольной формы, средними размерами 0,3–0,35×0,4 м, так и мелкие, неправильной формы, 0,2 · 0,2 м. Общая длина кладки «А» достигает 10 м, причем кладка продолжается в северо-восточном направлении – об этом свидетельствуют несколько камней, расположенных по трассе кладки у северо-западного борта. На разных участках кладка «А» открыта на разную высоту, максимально – на три условных ряда или до 0,7 м. При этом подошва кладки «А» достигнута только на очень небольшом западном участке юго-восточного ее фаса, в месте стыка с кладкой № 9, где нижние камни кладки уложены на выход слоистого скальника. Перпендикулярная ей **кладка № 9** также лежит на материковой породе – прослойке тяжелого темно-коричневого суглинки, перекрывающего выход скальника (рис. 10. 2, 3). Кладка № 9 сохранилась очень фрагментарно: зафиксировано лишь несколько ее камней, общая длина ее, включая угловой камень⁷,

⁷ Крупный плоский камень, образующий внешний угол кладок «А» и № 9, скорее всего, принадлежит кладке № 3 и был использован для укрепления конструкции новых кладок.

составляет 0,9 м. Сохранившаяся высота кладки № 9 – два ряда или же 0,3 м. Ширина – 0,5 м. Насколько можно судить по небольшому фрагменту, кладка двухлицевая трехслойная, сложена из камней плотного известняка средними размерами 0,2×0,2 м. Интересно, что уровень залегания кладки № 9 лежит значительно выше, чем уровень кладки «А». При этом вся кладка № 9 несколько смещена и наклонена к северо-востоку.

В 6,4 м от угла кладок № 9 и «А», встык к юго-восточному фасу последней пристроена **кладка «В»** (рис. 11. 1). Длина кладки «В» составила 5,6 м, с юго-востока она ограничена трассой кладок № 4 – № 6. Ширина кладки «В» составляет 0,65 м. Кладка двухлицевая, трехслойная, с забутовкой среднего слоя мелкими камнями. Система кладки приближается к иррегулярной, без соблюдения рядности, однако, зафиксировано несколько случаев, когда зачастую неправильной формы камни уложены таким образом, чтобы компенсировать неровность полученной поверхности. Средний размер составляющих кладку «В» камней плотного известняка – 0,25–0,35×0,3–0,4 м. Максимальная зафиксированная высота кладки «В» – два-три ряда, до 0,4 м. Учитывая данные раскопок 1982 г., общая восстанавливаемая высота кладки достигает 1 м. При этом, как и в случае с кладкой «А», подошва кладки «В» еще не открыта. Стоит отметить, что под крайними сохранившимися юго-восточными камнями кладки «В» хорошо читается круглое пятно пифосной ямы. То есть, при сооружении кладки «В» был перекрыт участок, первоначально отведенный для установки пифосов.

К западному фасу кладки «В» встык пристроена **кладка «Б»**, квадраты которой, к сожалению, не сохранились⁸ (рис. 11. 2, 3). Общая длина кладки «Б», открытая в 1982 г., составила 3,5 м, ширина – 0,6 м. В отличие от всех остальных конструкций, кладка «Б» сложена из двух рядов прекрасно обработанных известняковых блоков: нижний ряд состоит из трех массивных квадратов высотой около 0,2 м, верхний ряд сложен из 6 блоков высотой до 0,14 м, при этом нижний ряд выступает вперед относительно верхнего на 0,06 м. Кладка «Б» сооружена на поверхности слоя плотного серовато-желтого суглинка, выровненной при помощи 8 плоских камней. Аналогичным образом, между южным фасом кладки «А» и кладкой «Б» поставлена **кладка «Г»**, также разрушенная в недавнем прошлом. В момент открытия в 1982 г. было зафиксировано до двух рядов кладки, сложенной на одно лицо. Между всеми этими кладками устроена забутовка из камней известняка в виде **каменной платформы**. Восточная часть этой площадки также оказалась сильно повреждена, поэтому некоторые составляющие ее камни были убраны и зачищен разрез. Выяснилось, что площадка сформирована из колотых камней плотного известняка средними размерами 0,3–0,4×0,3 м, уложенных без какого-либо порядка. Общая мощность каменной забутовки составляет около 0,4 м, т. е. 2, изредка 3 слоя камней. Основанием ее служит слой плотного серовато-желтого суглинка, идентичный тому, что подстилает кладки «Б» и «Г». Поверхность площадки не выровнена. Размеры сохранившейся части составляют 2,6×2,2 м (без учета ширины остатков кладок «Б» и «Г», ограничивающих площадку с юга и запада). Общие размеры площадки, вместе с кладками «Б» и «Г», таким образом, достигали 4,2×2,7 м. Очевидно, что кладки «Б»,

⁸ После исследований 1982 г. раскоп А был законсервирован, однако, несмотря на это, все же был значительно поврежден: полностью разобраны кладки Б и Г, частично – кладка В, каменная площадка.

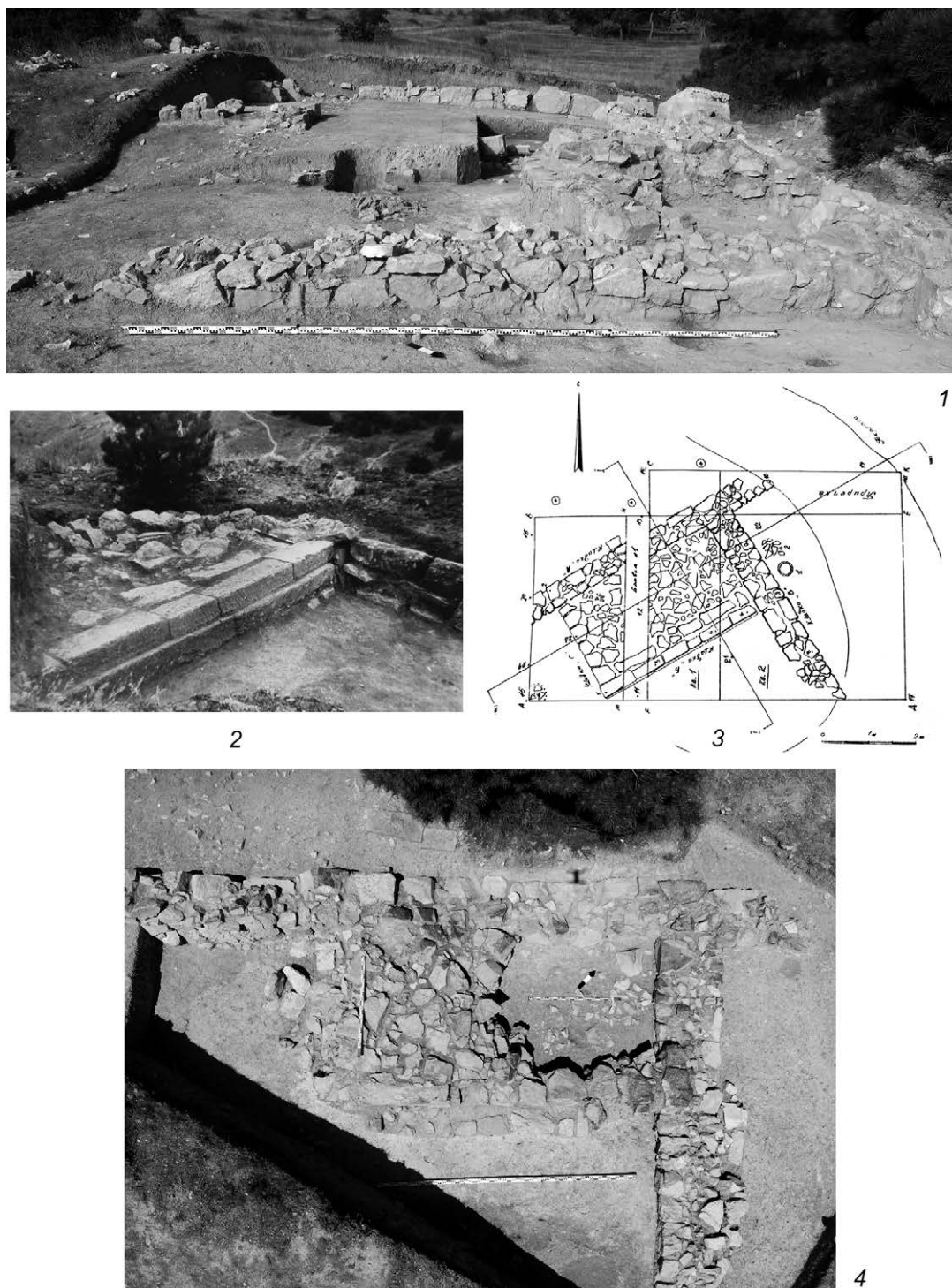

Рис. 11. 1 – Кладка «В», северо-восточный фас, фото; 2, 3 – каменная площадка, кладки «Б» и «Г», вид с юга, план (Катюшин 1982); 4 – современное состояние, общий вид

«Г» и поставленная между ними каменная площадка пристраивались к уже существующим кладкам «А» и «В», то есть, формально – на следующем строительном этапе. Данный участок исследовался в 1982 г., поэтому выделить слой, маркирующий строительный период 2, как и отдельные его этапы, сейчас вряд ли возможно. Однако, участок культурного слоя, расположенный к северо-востоку от кладки «В», скорее всего, также связан с функционированием Постройки А второго строительного периода. Слой этот исследован на площади чуть менее 20 м², ограниченной кладкой «В», трассой кладки № 4 – № 6 и северо-восточным бортом раскопа и фактически расположен на самом краю мыса, резко обрывающегося в склон балки. Рассматриваемый слой представляет собой тяжелый желто-серый суглинок и напоминает напластования в пределах основного контура Постройки А, отличаясь лишь чуть более плотной комковатой структурой. При разборке этого слоя было найдено 1105 фрагментов керамики. Находки строительной керамики при раскопках Постройки А, в целом, немногочисленны, при этом наибольшее их число происходит именно с данного участка: здесь найдено 36 фрагментов черепицы и все – синопского производства. Состав керамического комплекса довольно стандартный: 24 обломка пифосов, 153 фрагмента столовой посуды, в подавляющем большинстве – красноглиняной, 42 фрагмента кухонной керамики и 20 – лепной. Обломки транспортных амфор занимают 70% от общего числа, среди них можно упомянуть профильные части сосудов Хиоса конического типа (рис. 12. 1), Гераклеи II конического типа, Синопы II пифоидного типа⁹ (рис. 12. 2) [Монахов 2003, 148152, табл. 101–102], Менды мелитопольского варианта II–С (рис. 12. 3) [Монахов 2003, 9294, табл. 6365]. Все эти находки датируются в пределах второй – третьей четвертей IV в. до н. э. Вероятно, одним из самых поздних в этом ряду является фрагмент горла гераклеийской амфоры с клеймом [Ε]πί Δημο | [κρά]τεος Σι (---) (рис. 12. 4). Отгиск принадлежит магистрату Демократу, относимому к поздней магистратской группе V, хронологические рамки которой определяют в пределах 325–306 гг. до н. э. (группа VA) [Кац 2007, 243, Прилож. V-6], либо серединой 320-х гг. до н. э. (группа VB) [Федосеев 2016, 61]. Морфологические характеристики массивного, четко профилированного венчика позволяют отнести его к биконическому типу III гераклеийской тары [Монахов 2003, 140–142, табл. 98]. Фрагменты чернолаковых сосудов не противоречат датировке основных типов амфорной тары. Венчик канфара относится к типу сосудов классической серии с формованным краем и может быть датирован широко в пределах второй – четвертой четвертей IV в. до н. э. (рис. 12. 5). Сходный в деталях профиль принадлежит сосудам третьей четверти IV в. до н. э., хранящимся в ГМИИ им. А. С. Пушкина [Егорова 2017, 41, рис. 7. 67, 68]. Ножку чаши типа канфара (рис. 12. 6) также нельзя узко датировать, можно лишь отметить, что такая деталь, как оставленная в цвете глины поверхность плоского поддона, по мнению С. Ротроффа, не встречается позднее 325 г. до н. э., а ближайшие параллели нашему фрагменту находятся среди сосудов третьей четверти IV в. до н. э. [Sparks, Talcott 1970, 283, fig. 7, № 661; Rotroff 1997, 86, fig. 7, 52; Егорова 2017, 44–45, рис. 8. 73, 74].

⁹ Один из венчиков своеобразной формы в виде отогнутого наружу валика с глубокой подрезкой находит ближайшую параллель в профилировке синопского сосуда варианта II-A, обнаруженного в погребении № 33 Прикубанского могильника, датировка которого – 370-е гг. IV в. до н. э. [Монахов 2003, 149, табл. 101. 5; Монахов и др. 2021, 265, Sn.16].

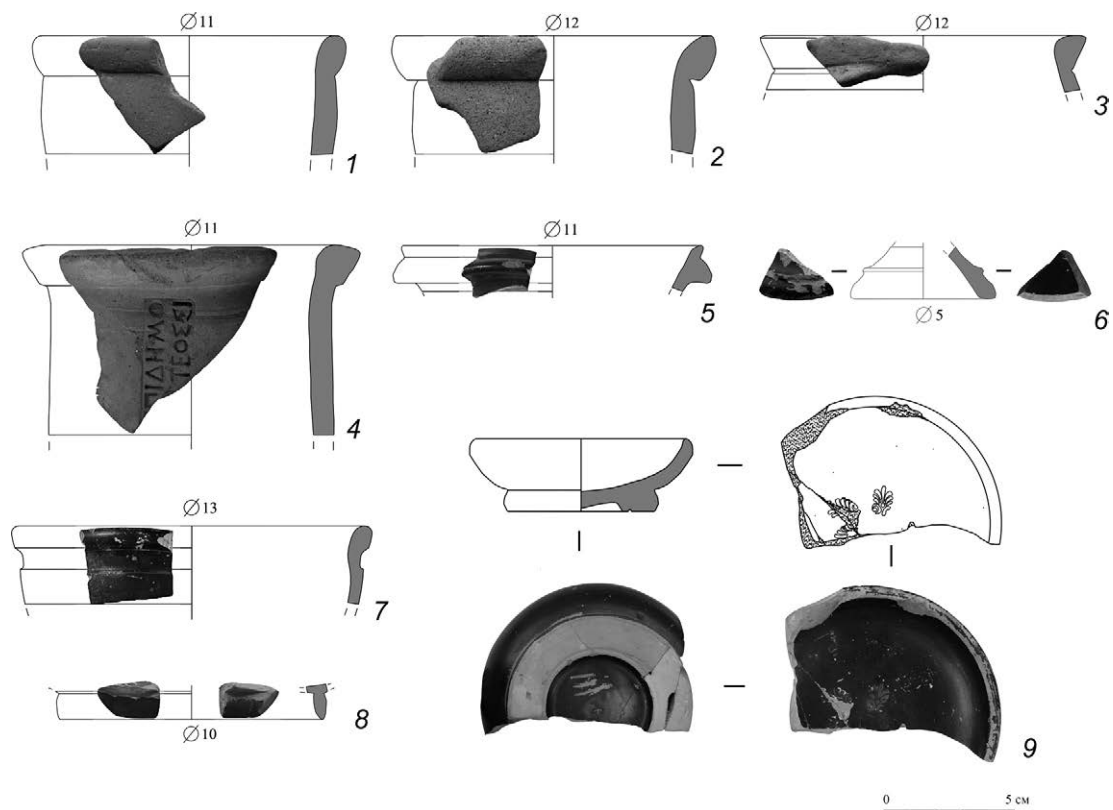

Рис. 12. Находки из слоя к востоку от кладки «В» (строительный период 2).
Фрагменты амфор: 1 – Хиос, 2 – Синопа, 3 – Менда, 4 – Гераклея;
5–9 – фрагменты чернолаковых сосудов

Хорошо сохранилась миниатюрная чернолаковая аттическая миска на широком поддоне – в слое обнаружен полный профиль сосуда (рис. 12. 9). На внутренней поверхности донца аккуратно нанесен штампованный орнамент в виде пальметок, на внешней стороне процарапано числовое граффито. Издатели материалов Афинской Агоры относят ближайшие нашему сосуду аналогии к периоду от третьей четверти IV в. до н. э. [Sparks, Talcott 1970, 299, fig. 9, № 887] до первой четверти III в. до н. э. [Rotroff 1997, 345, pl. 78, fig. 65, № 1057, 1059]. Последней четвертью IV в. до н. э. датируется и похожий сосуд, обнаруженный в 1979 году при раскопках Центрального раскопа Пантикалея [Егорова 2017, 83, рис. 15, табл. 30, № 143]. Ряд характерных признаков, таких как: основные пропорции, желобок на широком поддоне, оставленные в цвете глины поверхность поддона и полоса на месте стыка поддона и тулова, заставляют отнести феодосийский сосуд к ранней группе данного типа аттического импорта и определить его дату рубежом третьей и последней четвертей IV в. до н. э. Два фрагмента относятся к более раннему времени и иллюстрируют комплекс предшествующего строительного периода. В первую очередь, это край кубковидного скифоса¹⁰ с валикообразным отогнутым наружу

¹⁰ В издании материалов некрополя Панское-I этот тип сосудов обозначен как килик (Рогов 2011, 43–44, рис. 68).

венцом и массивными стенками (рис. 12. 7) [Егорова 2017, 33–35, рис. 6. 51–55]. Наш фрагмент аналогичен ранней серии сосудов, происходящих из некрополя Панское-I, характерной чертой которых является относительно тонкий слабо отогнутый венчик с широким желобком под ним [Рогов 2011, 43–44, 115, 116, рис. 68. 58, 60, 61]. Датировка этой серии: конец V – первая четверть IV в. до н. э. Второй фрагмент – часть высокового кольцевого поддона с заостренной подошвой, вероятнее всего, принадлежал миске с отогнутым наружу краем (рис. 12. 8). Очень близкие по профилировке сосуды первой четверти IV в. до н. э. обнаружены в тризновых комплексах 18 и 22 Госпитального кургана [Егорова 2022, 184–185, № 34, 36, илл. 357, 393, 394].

Строительный период 3

Во время третьего строительного периода в юго-восточную часть Постройки А встраивается сооружение, состоящее из кладок № 4, № 5, № 6 и № 7. Кладки № 4 и № 6 при этом, скорее всего, являются фрагментами одной стены. В ходе этой перестройки была разобрана южная часть кладки «В» и повреждено заглубленное помещение с пифосами. Общую площадь этой поздней постройки оценить сложно, поскольку камни кладки № 4 продолжают в северо-восточном направлении за пределы исследованного участка, а камни кладки № 5 – в юго-восточном, то есть, открыта лишь небольшая северо-западная часть сооружения.

Кладка № 7, образующая юго-западную границу этого позднего сооружения, вплотную пристроена к северо-восточному фасу кладки № 2, при этом ее основание уложено прямо на поверхность давилной площадки 1 (рис. 13. 1). Открыт лишь небольшой фрагмент кладки № 7 длиной 1,35 м: северная ее часть повреждена средневековой траншеей, южная продолжается в юго-восточном направлении за пределы раскопа. Ширина кладки составляет 0,5 м. Кладка № 7 иррегулярная, сложена в технике, близкой к постелистой. Размеры камней: 0,35×0,2×0,25 м, 0,3×0,3×0,15 м. Кладка № 7 однолицевая, двухслойная: один слой образуют камни северо-восточного фаса, второй – камни забутовки между последним и северо-восточным фасом кладки № 2. В целом, кладка сложена аккуратно, камни хорошо подобраны по форме и плотно подогнаны друг к другу, без больших зазоров. Максимальная высота кладки № 7 составляет 0,5 м или три условных ряда. В 4,5 м к северо-востоку от кладки № 7, параллельно ей расположен фрагмент **кладки № 5** (рис. 13. 2, 4). Зафиксировано лишь несколько камней кладки, общей длиной до 0,95 м, кладка продолжается в юго-восточном направлении за пределы раскопа. Ширина кладки составила 0,75 м. Однако, скорее всего, первоначальная ее ширина была несколько меньше. Поскольку кладка стоит на самом краю резкого падения рельефа, то ее восточный фас очевидно сместился вниз, к северо-востоку и в целом, вся конструкция «расползлась». Об этом красноречиво говорит как наклон камней восточного фаса, так и большое расстояние между двумя фасадами кладки. В связи с этим, некоторые характеристики кладки можно лишь предполагать. Очевидно кладка двухлицевая, иррегулярная, и, скорее всего, была двух-трехслойной с забутовкой центра мелкими камнями. Сложена из грубо обработанных камней размерами 0,25×0,43×0,3 м, 0,2×0,34×0,32 м. Камни кладки уложены в слой рыхлого серого заполнения фундаментной траншеи, этот же слой фиксируется вокруг кладки на расстоянии

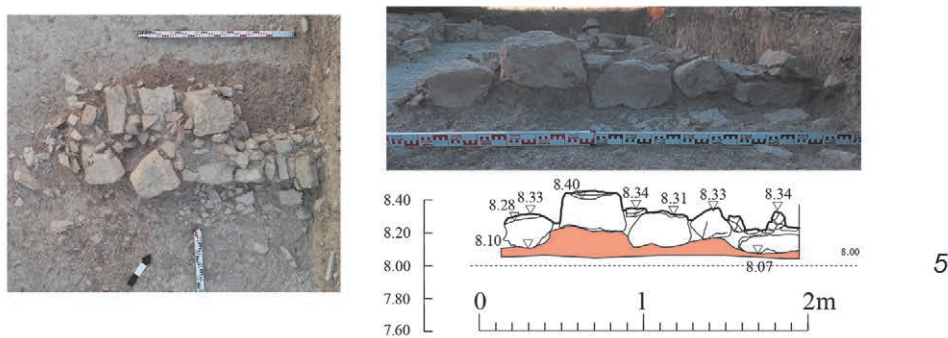
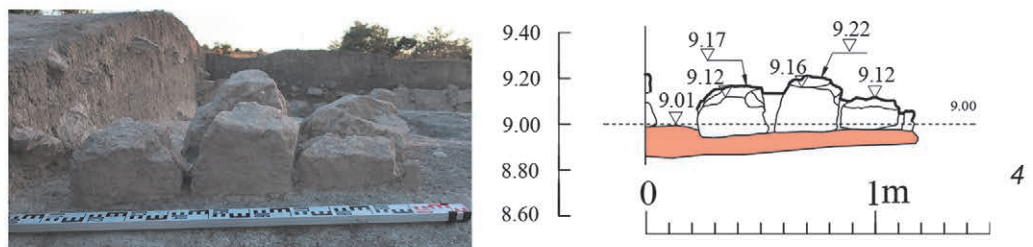
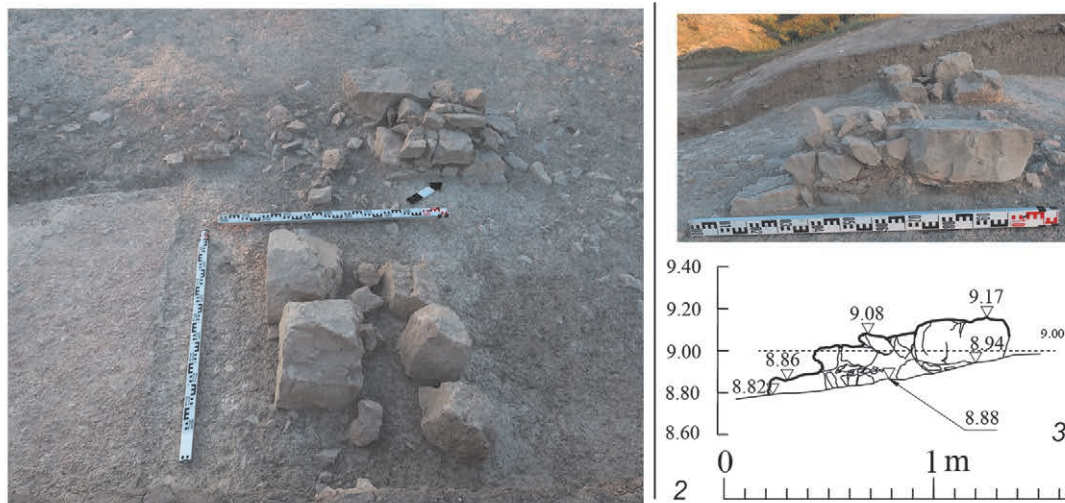

Рис. 13. Конструкции строительного периода 3: 1 – кладка 7, общий вид, северо-восточный фас, фото, чертеж; 2 – кладки 5 и 6, общий вид; 3 – кладка 6, северо-западный фас, фото, чертеж; 4 – кладка 5, северо-восточный фас, фото, чертеж; 5 – кладка 4, общий вид, юго-восточный фас, фото, чертеж

до 0,2 м к юго-западу от нее. Северо-западной границей позднего сооружения служит **кладка № 4 – № 6**. В ходе раскопок было обнаружено два фрагмента кладок, расположенных на расстоянии 8,3 м друг от друга, и, соответственно, получивших отдельную нумерацию (рис. 13. 3, 5). Однако, их взаиморасположение и ориентация по одной трассе, наличие хорошо читаемой идентичной в обоих случаях фундаментной траншеи и очень близкие основные характеристики заставляют видеть в них части одной конструкции. Длина кладки № 4 – 1,8 м, кладки № 6 – 1,1 м. Фундаментная траншея по трассе кладки № 4 – № 6 продолжается и юго-западнее, вплоть до кладки № 7, правда, здесь она повреждена поздней средневековой выборкой. В таком случае, общая реконструируемая длина кладки № 4 – № 6 составляет 16 м, при этом кладка продолжается в северо-восточном направлении за пределы исследованного участка. Ширина кладки № 4 – № 6 составляет 0,7 м. Кладка иррегулярная, двух-трехслойная с забутовкой центральной части мелкими камнями, двухлицевая. Сложена довольно небрежно из грубо обработанных и необработанных камней средними размерами 0,3×0,3×0,2 м; 0,4×0,3×0,2 м. Сохранность кладки составляет 1–2 ряда камней, общей высотой до 0,3 м. С конструкцией Постройки А третьего, самого позднего строительного периода связан слой светло-желтого рыхлого легкого суглинка, распространенный к юго-востоку от трассы кладки № 4 – № 6. Находки, происходящие из этого слоя, в хронологическом отношении неоднородны: при общем преобладании материала середины – третьей четверти IV в. до н. э., то есть более ранних этапов Постройки А, присутствуют и фрагменты, относящиеся к рубежу IV–III вв. до н. э. или же к самому началу III в. до н. э. Всего при разборке данного слоя было обнаружено 440 фрагментов керамики. Единичными находками представлена черепица и хозяйственная керамика. Между тем, здесь зафиксировано максимальное относительное количество фрагментов пифосов: здесь их найдено 24 обломка, что составило 16,3% комплекса без учета амфор. Очевидно, это связано с тем, что при сооружении позднего комплекса было повреждено заглубленное помещение с пифосами. Из 24 фрагментов пифосов 15 принадлежали синопскому, а 9 – гераклейскому сосуду. Синопскому же производству принадлежит и пятая часть комплекса столовой посуды: 17 фрагментов из 83. В числе диагностирующих профильных частей амфор следует упомянуть фрагменты сосудов второй – третьей четвертей IV в. до н. э.: ножка фасосской амфоры развитой биконической серии П-В-2 (рис. 14. 1) [Монахов 2003, табл. 43. 5,6; табл. 44], а также ножка гераклейской амфоры конического типа вариантов П-2 – П-4. Только один профильный фрагмент указывает на время образования слоя светло-желтого суглинка: ножка херсонесской амфоры П типа конца IV – первой четверти III в. до н. э. (рис. 14. 2) [Монахов и др. 2017, 163–164, *ChT.* 25, *ChT.* 27]. Вероятно, к этому же времени стоит относить и фрагмент каннелированной стенки чернолакового закрытого сосуда (пелики или же ойнохой), покрытого коричневатым тусклым лаком (рис. 14. 3). Подобные сосуды из раскопок Афинской Агоры относят к последней четверти IV в. до н. э. [Sparks, Talcott 1970, 245, pl. 7. 130, 131; Rotroff 1997, 294, fig. 35. 473, 477]. Близкие экземпляры из коллекции ГМИИ датируются концом IV – началом III вв. до н. э. [Егорова 2017, 62, 64, рис. 11. 101, рис. 12. 106]. Такая расплывчатая хронологическая картина может быть связана с тем, что более ранние конструкции Постройки А использовались при каждой новой перестройке. Так, угол

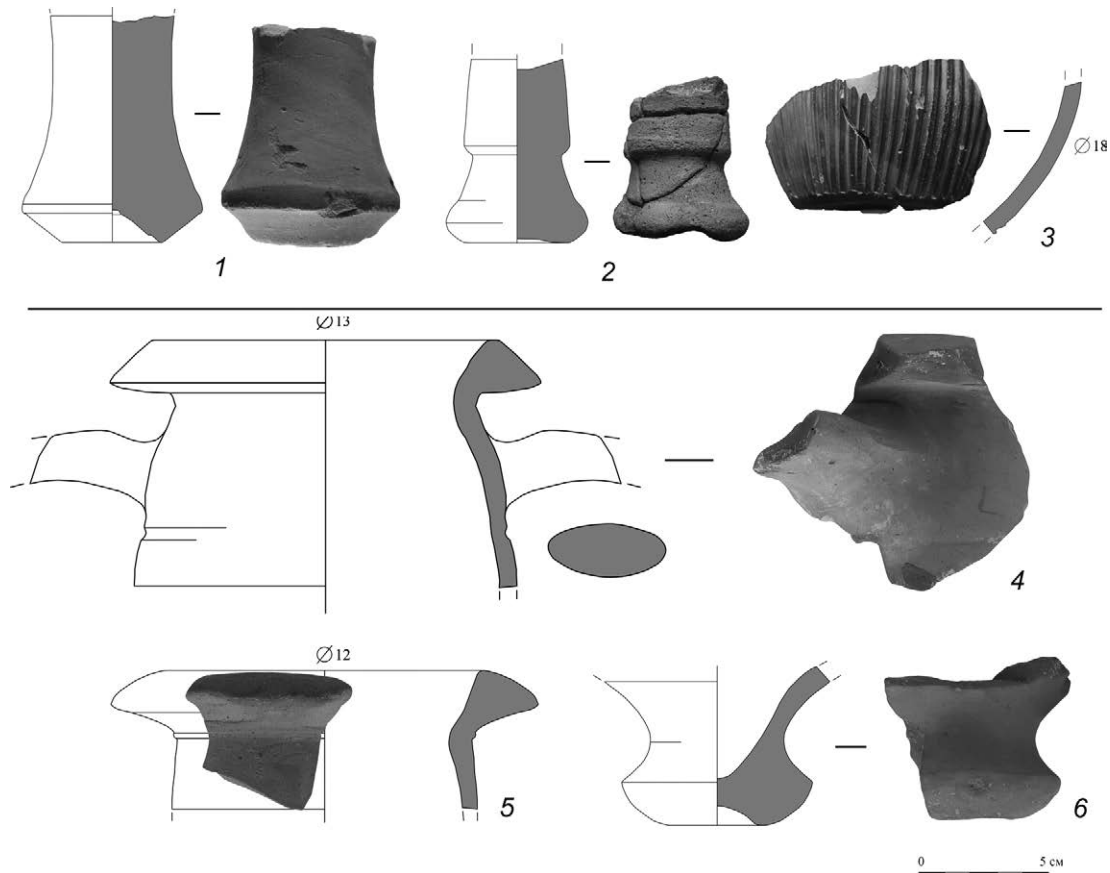

Рис. 14. 1–3 – Фрагменты амфор Фасоса, Херсонеса и стенка чернолакового закрытого сосуда из слоя светло-желтого рыхлого суглинка (строительный период 3); 4–6 – фрагменты амфор Книда из слоя пожара второй четверти – середины IV в. до н.э.

кладок № 9 и «А» второго строительного периода пристраивается к (вероятно частично разобранный) ранней кладке № 3. Кладка № 7 третьего строительного периода вплотную пристроена к кладке № 2 и поставлена прямо на поверхность давяльной площадки № 1. Да и в целом, планировочные оси этих пристроек и целых новых конструкций полностью повторяют направление осей первых кладок № 2 и № 3. В связи с этим сравнительно точно датировать начало второго и третьего строительных периодов Постройки А на данном этапе не представляется возможным. Можно лишь в целом определить время жизни всей Постройки А, ориентируясь на крайние даты обнаруженных находок: рубеж V–IV вв. до н. э. – рубеж IV–III вв. до н. э. Таким образом, исследуемая большая Постройка А функционировала, как минимум, 100 лет и за это время дважды была изменена. На время начала одной из перестроек может косвенно указывать слой пожара, очень небольшой фрагмент которого был зафиксирован на участке, с юго-востока прилегающем к кладке № 3 в 2022 г. Находки из этого слоя относятся ко времени второй четверти – середины IV в. до н. э.: в первую очередь, это фрагменты амфор Книда елизаветовского варианта I-A (рис. 14. 4–6) [Монахов 2003, 102, табл. 71]. Ближайшие

по профилировке аналогии представлены в погребениях № 159 и № 224 Прикубанского могильника, которые датируются 360–350 гг. до н. э. [Монахов и др. 2021, 194, 196, Кп. 2, Кп. 5]. Как фрагменты керамики, так и камни, происходящие от пока не ясных конструкций, носят следы довольно интенсивного горения. Каков был масштаб этой катастрофы – повредила ли она лишь часть одной постройки или же стала причиной гибели всей усадьбы – судить пока преждевременно. Тем не менее, вполне вероятно, что этот пожар послужил поводом для одной из перестроек крупной Постройки А винодельческой усадьбы в южном предместье Феодосии.

Список литературы

- Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 328.
- Ахмадеева М. М. 2017. Отчет о проведении археологических разведок на северном склоне хребта Тепе-Оба в 2017 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57462.
- Ахмадеева М. М. 2018. Отчет о проведении археологических разведок на северном склоне хребта Тепе-Оба в 2018 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 59541.
- Ахмадеева М. М. 2019а. Работы Феодосийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2018 году // История и археология Крыма. XI, 3340.
- Ахмадеева М. М. 2019б. Отчет о проведении археологических раскопок на северном склоне хребта Тепе-Оба в 2019 году. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6512465125.
- Ахмадеева М. М. 2020. Новые исследования в ближнем предместье Феодосии // Археологические вести. 29, 33–42.
- Ахмадеева М. М. 2021. Отчет о проведении археологических раскопок поселения Феодосия-1 в 2021 году. Архив ИА РАН. Б/№.
- Ахмадеева М. М. 2022. Первый винодельческий комплекс в предместье античной Феодосии: исследования Усадьбы А в 2021 году // История и археология Крыма. XVII, 28–37.
- Винокуров Н. И. 2007. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. (БИ. Suppl. 3). Симферополь–Керчь, 456.
- Гаврилов А. В. 2004. Округа античной Феодосии. Симферополь, 368.
- Зеест И. Б. 1951. Разведочные раскопки в Феодосии // КСИИМК. XXXVII, 185–190.
- Зеест И. Б. 1953. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 51, 143–148.
- Егорова Т. В. 2017. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Научный каталог. М., 203.
- Егорова Т. В. 2022. Краснофигурная и чернолаковая керамика. Каталог-приложение // Рукавишников И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. Курган Госпитальный (Материалы спасательных археологических исследований. 28). М., 163–209.

- Катюшин Е. А. 1977. Отчет о раскопках экспедиции Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1977 году. Архив ФКМ. НА-369.
- Катюшин Е. А. 1978. Отчет о раскопках экспедиции Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1978 году. Архив ФКМ. НА-426.
- Катюшин Е. А. 1979. Отчет о раскопках экспедиции Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1979 году. Архив ФКМ. НА-514.
- Катюшин Е. А. 1982. Отчет о раскопках экспедиции Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1982 году. Архив ФКМ. Б/№.
- Катюшин Е. А. 1991. Отчет о раскопках экспедиции Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1991 году. Архив ФКМ. Б/№.
- Катюшин Е. А. 1994. Отчет о раскопках экспедиции Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1994 году. Архив ФКМ. НА-641.
- Катюшин Е. А. 1995. Отчет о раскопках экспедиции Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1995 году. Архив ФКМ. Инв. № 396.
- Катюшин Е. А. 2007. Феодосия. Каффа. Кефе. Исторический очерк. Феодосия, 176.
- Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. XVIII). Симферополь – Керчь, 480.
- Ломтадзе Г. А., Масленников А. А. 2003. Поселение «Пустынный Берег II» // ДБ. 6, 191–216.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология ведущих центро-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва – Саратов, 352.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. 2017. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: каталог. Саратов, 208.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицина). Саратов, 324.
- Петерс Б. Г., Голенцов А. С. 1981. Археологические раскопки Феодосии 1975–1977 гг. // КСИА. 168, 68–72.
- Петрова Э. Б. 2000. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 264.
- Рогов Е. Я. 2011. Некрополь Панское-I в Северо-западном Крыму. Симферополь, 216.
- Сенаторов С. Н. 1999. О восточно-крымской лепной керамике середины VI – первой трети III вв. до н. э. // БФ: Греческая культура на периферии античного мира. СПб, 294–307.
- Сенаторов С. Н. 2002. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб, 22.
- Тункина И. В. 2011. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев, 240.
- Федосеев Н. Ф. 2016. Керамические клейма. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Т. 2. Гераклея Понтийская. Керчь–Симферополь, 319.

- Штерн Э.Р. фон 1906. Феодосия и ее керамика. Одесса, 103.
- Rotroff S.I. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, 575.
- Sparks T.A., Talcott L. 1970. Black and Plane Pottery of 6th, 5th and 4th Cent. BC (The Athenian Agora. XII). Princeton, 472.

Summary

M. M. Akhmadeeva

Manor A in a closest suburban of Theodosia: preliminary results

The paper offers preliminary results of the archaeological investigations of Manor A located in a nearest suburban area of the ancient city of Theodosia. Survey studies involving geophysical methods revealed the traces of a quite dense building structures on a significant territory. One of these building complexes named Building A was found in 1982 and has been explored since 2019 by Theodosian Archaeological Expedition of The State Hermitage Museum. The part of a large building counting by the moment about 150 m² in square was unearthed. Finds discovered during the excavations enable us to date Building A by the period from the turn of V – IV BC up to the end of IV BC or the very beginning of III BC. The Building A was reconstructed at least twice during its lifetime. On a first building stage the structure was functioning as a vinery: parts of two pressing platforms and a space for placing pithoi indicate it clearly. Archaeological investigations of Manor A building structures are not finished.

Д. В. Бейлин*, И. В. Рукавишникова**, Н. Ф. Федосеев †
(* Институт археологии Крыма, г. Симферополь;
** Институт археологии РАН, г. Москва)

Исследования каменного склепа в районе ул. Мирошника в Керчи (Северный участок некрополя Пантикапея)

Некрополь столицы Боспорского царства – Пантикапея занимает весьма обширную территорию. Его участки и сплошные поля погребений протянулись на километры к северу, западу и северо-востоку от городища. Этот некрополь всегда привлекал особое внимание исследователей и «счастливчиков». Настоящая работа посвящена исследованному погребальному комплексу, выявленному при строительных работах в районе улицы Мирошника (так называемое «Глинище») в городе Керчь (рис. 1, 2).

Один из обширнейших по территории и, к сожалению, до сих пор слабо исследованных участков курганно-грунтового некрополя боспорской столицы – «Глинище» стал широко известным в научном мире еще в XIX в., благодаря таким уникальным погребальным комплексам, как уступчатый склеп Мелек-Чесменского кургана, склеп «Деметры» и «Погребение с золотой маской». Свое наименование он получил по одноименному предместью г. Керчи, располагавшемуся к северу от р. Мелек-Чесме. К концу XIX в. «Глинищем» в обиходе именовался обширный район за пределами города и внутри городской черты между новым городским кладбищем и берегом Керченского залива. Наряду с этим в Керчь-Еникальском градоначальстве существовала и административная единица «предмесье Глинище», южная граница которого пролегла по р. Мелек-Чесме, северная – по железной дороге на Брянский металлургический завод, а западная и восточная границы локализуются примерно по оси Кладбищенского шоссе (ныне ул. Мирошника) и р. Булганак [Санжаровец 2004, 428].

В журнале «Москвитянин» за 1851 г. район, занимаемый некрополем, описан следующим образом: «Небольшое селение Глинище... расположено среди нескольких сотен курганов, принадлежащих, по мнению г. Ашика, к Римскому периоду Пантикапеи; многие крестьянские дома примыкают к курганам, а некоторые построены в них самих» [Москвитянин 1851, 272].

По мнению Г. А. Цветаевой, этот участок Пантикапейского некрополя стал формироваться в эпоху Спартокидов. Изначально на его территории насыпались курганы,

Рис. 1. Спутниковый снимок центральной части города Керчь с указанием местоположения склепа 2018 года

включая такие крупные, как «Мелек-Чесменский», «Сопинский», «курган на участке Щербины», «Собачий» и другие безымянные. Позднее здесь стали хоронить в грунтовых могилах [Цветева 1951, 71]. К первым векам нашей эры некрополь достиг своих максимальных размеров. К этому же времени относится и большая часть раскопанных в XIX – начале XX вв. грунтовых погребений и склепов. Наиболее поздние из них (включая склепы с изделиями «готского стиля»), частью с христианскими надгробиями, датируются IV–V вв. н. э. Локализуются они в пределах района к северу от р. Мелек-Чесме, между садом Александровского училища (Глинищанской народной школы) на 3-й Продольной улице (ныне Петра Королева) и склепом «Деметры» (4-я Продольная ул., ныне ул. Братьев Перепелицы) на юге и до «Собачьего» кургана на севере (ныне ул. Елизарова, на месте этого скрытого кургана установлен заднестворный светящийся знак Широкого мола Керченского порта) [Шестаков 2004, 428–429].

К сожалению, границы этого некрополя на современную карту можно нанести лишь с большой условностью и допущениями. Многочисленные исследованные прежде на его территории погребальные комплексы, за редким исключением, не имеют надежной привязки. С начала XX в. некрополь оказался полностью под городской застройкой; интерес к нему со стороны археологов был утрачен; раскопки, тем более, широкомасштабные и планомерные, в его пределах более не проводились.

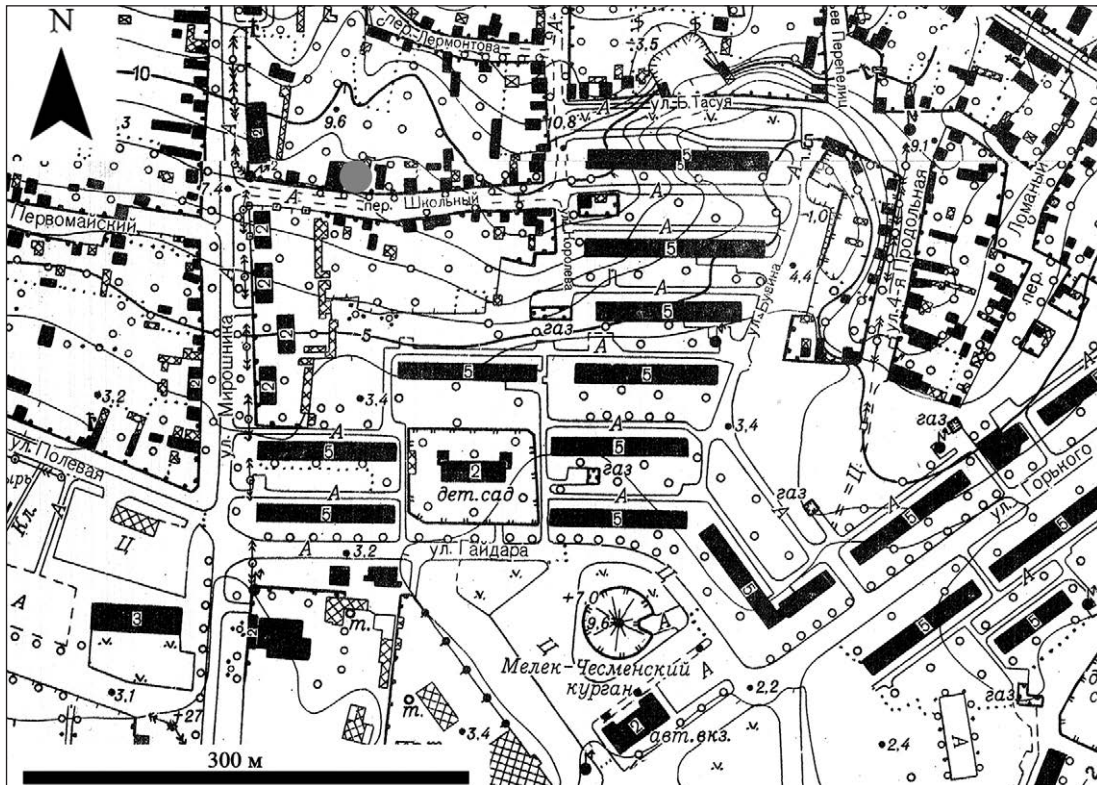

Рис. 2. Топографический план «Глиница» с указанием местоположения склепа 2018 года

Надежно фиксируется лишь южная граница некрополя, пролежавшая по р. Мелек-Чесме. Вероятно, одним из его элитных участков являлась территория между современными улицами Мирощника и района ул. Братяв Перепелицы. И, несмотря на то, что границы территории северного участка некрополя Пантикапея не определены, по данным мест обнаружения погребений можно предположить, что он располагался между правым берегом реки Восточный Булганак на востоке и заболоченной низменностью с рукавами и притоками реки Кетерлез. В топографии современной Керчи этот участок некрополя помещается, как минимум, между улицей Левина на западе и улицей Шевякова на востоке. В разное время авторами доследовались одиночные погребения II–III вв. н. э., разрушенные при строительных работах по улице Бодни и в восточной части переулка Гвардейский. Северная же граница этого участка некрополя располагается в районе современного городского кладбища.

Что касается изобразительных источников, то данный некрополь попал лишь на одну акварель К. Р. Бегичева от 15 декабря 1858 г. видом на предместье «Глиница» со стороны р. Мелек-Чесме, и, что очень важно, он подписал все наиболее значимые объекты на этом рисунке [Виноградов 2017, 38, 214–215, рис. 1]. Среди них (с запада на восток) – «Сопинский курган», курган на участке М. Щербины (в 1850 г. в нём нашли две мраморные статуи), Мелек-Чесменский курган и каменная мельница (в «голландском» стиле, бывшая мельница феодосийского негоцианта Д. И. Аморетти,

а в 1859–1862 гг. – Иосифа Петровича Срабьянова), которая находилась на возвышенности, недалеко от того места, где позднее был найден склеп «Деметры».

Библиография же некрополя гораздо более обширна и позволяет в целом реконструировать историю его изучения.

Первым на него, скорее всего, обратил внимание П. А. Дюбрюкс. Он же и предпринял здесь раскопки, в частности, одного из двух курганов на участке Михаила Щербины [*«Москвитянин»* 1851, 272].

В 1830-е годы к раскопкам отдельных курганов на некрополе приступил А. Б. Ашик. Впрочем, его исследования носили бессистемный и хаотичный характер, обусловленный не только отсутствием глубоких исторических познаний и археологического опыта, но и соперничеством с другим керченским археологом, Д. В. Карейшей, в поисках «первоклассных» находок – изделий из золота, мрамора и расписной керамики.

Тем не менее именно А. Б. Ашик сделал на некрополе первую знаковую находку, получившую впоследствии широкую известность. В 1833 г. «в первый год» его «официального археологического поприща» он начал раскопки кургана на Глинище высотой 9,6 м. На протяжении нескольких сезонов изрезал его насыпь «шахтами», но признаков гробницы, так и не нашел. Наконец, летом 1837 г. раскопки увенчались успехом – богатейшим погребением второй половины III в. н. э. в мраморном саркофаге. По мнению А. Б. Ашика, захороненная в нем женщина с золотой посмертной маской на лице, могла быть женой боспорского царя Рескупорида III или IV [*Новое...* 1837, 134–139; *Ашик* 1850, 140–147; *Шаров* 2001, 181–185; 2004, 259–267; 2009а, 42; 2009б, 31–35; 2015, 387–395; *Тункина* 2010, 565].

В феврале 1835 г. «близ селения Глинище» внимание А. Б. Ашика привлекли несколько больших и малых курганов, «в коих до сих пор никем не были делаемы разыскания». Он предпринял раскопки сразу трех насыпей, в каждом из которых был открыт сложенный из известняковых плит и оштукатуренный склеп с полуциркульным сводом. В первом склепе были найдены: золотой перстень с гранатом, золотое ожерелье с львиными головками, золотые булавка и серьги с львиными головками, а также 10 нашивных золотых бляшек. Во втором склепе оказались две краснофигурные пелики с изображением битвы амазонок с грифоном, а в третьем – две чернолаковые каннелированные вазы, алабастры, бронзовое зеркало и синопская серебряная монета [*Тункина* 2010, 584–585].

В 1837 г. в одном из курганов «за селением Глинище» А. Б. Ашик открыл «маленький черепичный склеп» в котором стояла урна со жжеными костями, в качестве которой был использован чернолаковый расписной сосуд, датированный им V или IV вв. до н. э. [*Донесение...* 1837, 339–342; *Ашик* 1848, II, 41–42].

Следующее крупное открытие на этом некрополе стоило А. Б. Ашику карьеры ученого и археолога. В 1850 г. в его отсутствие керченский мещанин Михаил Щербина нашел в кургане, который находился на его участке (к северу от Мелек-Чесменского кургана, на начало XX в. дом № 21 по 2-й Продольной ул.) мраморную статую мужчины. Об этой находке он известил зятя А. Б. Ашика – штаб-лекаря, главного медицинского чиновника Керченского карантина А. М. Арпу (тоже «археолога-любителя», замещавшего тестя на раскопках во время его отсутствия), который, предприняв раскопки кургана, нашел еще одну мраморную статую, на этот раз женскую. Спустя время, использовав документ

с проставленной «задним числом» датой, А. Б. Ашик приписал честь открытия этой находки исключительно себе, «забыв» упомянуть о находчике первой статуи – М. Щербине [*Шкорпил* 1908, 57–62; *Древние...* 1851]. В 1852 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский, узнав об этом с подачи Н. Н. Мурзакевича и К. Р. Бегичева, уволил А. Б. Ашика с должности директора Керченского музея [*Мурзакевич* 1889, 253–254].

Следующий период в изучение некрополя на Глинище связан с раскопками А. Е. Люценко, возглавившего в 1853 г. Керченский музей после увольнения А. Б. Ашика.

В 1857 г. «позади селения Глинища, в полутора верстах от Керчи, в довольно пространной ложине, усеянной множеством ложбин» на месте одной из них А. Е. Люценко раскопал вырубленный в глине склеп. В нем оказалось захоронение женщины. В её изголовье был найден разбитый стеклянный флакон, а на черепе – оттиск с монеты Рескупорида 263 г. н. э. Разобравшись с происхождением «ложбин», А. Е. Люценко нанес их на план и летом 1858 г. продолжил раскопки этого же участка некрополя – «к северу от первой ветряной мельницы, лежащей на дороге из с. Глинище в Тараканский аул» (имеется ввиду Тарханская дорога в дер. Биюк-Тархан). Первые 6 склепов были ограблены. Седьмой склеп против каменной мельницы оказался нетронутым. Две из трех его лежанок были пустыми, на третьей находились остатки погребенного в деревянном гробу. Но из находок при нём кроме «кружка» листового золота, ничего не оказалось [*Струве* 1867, 560; *Люценко* 1862а, 136–137].

Тогда же А. Е. Люценко совершил свое главное открытие на некрополе Глинище, раскопав уступчатый монументальный склеп кургана на «солончаке», который впоследствии был назван Мелек-Чесменским. Из всех «прилегающих к городу могильных насыпей» она была «самая громадная», но полы были обезображены многочисленными ямами, оставшимися после добычи глины, что хорошо видно на упомянутом выше рисунке К. Р. Бегичева 1858 г. Первую попытку отыскать вход в гробницу А. Е. Люценко предпринял в 1857 г., но работы не завершил. Открыт он был посредством, заложенной «мины» 13 декабря 1858 г. [*Люценко* 1862б, 163–165; *Императорская...* 2009, 265].

В 1862 г. А. Е. Люценко вновь вернулся к раскопкам кургана на участке М. Щербины, в насыпи которого он выявил остатки каменного склепа. Разобрав его каменный пол, он нашел ограбленную плитовую гробницу. Однако насыпь кургана и на этот раз целиком раскопана не была, ввиду «значительности сопряженных с нею издержек и гадательности их результатов» [*Шкорпил* 1908, 62–63].

В 1880-е гг. небольшие и кратковременные раскопки охранного характера на Глинище провел директор Керченского музея С. И. Веребрюсов. Так, в 1882 г. он доследовал на некрополе случайно найденную плитовую могилу. Она оказалась ограбленной [ОАК 1891, XVI]. В этом же году в западной части некрополя «позади сада Тумковского» в одном из курганов С. И. Веребрюсов раскопал ограбленный каменный склеп. В «девяти других местах этой же местности» он сделал «пробные раскопы», но все обнаруженные здесь грунтовые могилы, в основном «жженные гробницы», представляли собой «полное разорение» [ОАК 1891, XXXV–XXXVII]. В 1884 г. при устройстве шоссе к новому городскому кладбищу (ныне ул. Мирошника) случайно было найдено несколько известняковых плит с барельефами и греческими надписями. Раскопом, заложенным на месте их находки, были обнаружены 4 «земляные гробницы» с инвентарем первых вв. н. э. [ОАК

1891, XLII]. На другом, к сожалению не локализованном, участке некрополя было исследовано еще несколько «земляных гробниц» этого же периода, над одной из которых нашли надгробие с барельефным изображением и надписью [ОАК 1891, XLII–XLIII].

В 1889 г. директор Керченского музея Ф. И. Гросс раскопал в саду Чернявского на Глинище 8 «земляных гробниц» первых вв. н. э. [ОАК 1892, 9]. В 1890 г. во время своей научной командировки в Керчь к изучению некрополя подключился ординарный профессор Киевского университета Св. Владимира Ю. А. Кулаковский. «Обходя общественный выгон» на Глинище, он обнаружил свежий провал. Раскопками на его месте были вскрыты две «земляные гробницы» и сложенный из тесаных камней склеп с деревянным саркофагом, внутри которого был установлен гроб. В конструкции склепа были использованы два надгробия. Рядом со склепом, на двух участках им было раскопано еще несколько «земляных гробниц» [ОАК 1893, 23–27]. В этом же году Ф. И. Гросс расчистил на Глинище случайно найденный склеп, внутри которого оказался фрагмент надгробия [ОАК 1893, 29].

В 1891 г. Ю. А. Кулаковский вновь приехал в Керчь, и, помимо изучения склепов на г. Митридат, «заялся дальнейшей систематической раскопкой» участка некрополя на Глинище, исследованного им в 1890 г. Он заложил 22 раскопа на общей площади 90×40 сажень к востоку от северо-восточного угла нового кладбища. В итоге были открыты: каменный склеп (с остатками деревянного саркофага), склеп, вырубленный в материковой глине, 22 грунтовые могилы (21 покрыты плитами), захоронение коня, три «кострища» и урна с пережженными костями [ОАК 1893а, 57, 63–65]. В этом же году Ю. А. Кулаковский исследовал другой участок некрополя, ближе к морю – вдоль рва сада Чернявского. Здесь он раскопал четыре грунтовые перекрытые плитами могилы и 9 каменных гробниц. В отношении последних, на основании находки «златотканой полосы» материи «великолепного узора», он посчитал возможным «приурочить» их «к временам гетуэзского господства (XIII–XVI века)». В 15 сажень к северу от этого участка он раскопал еще один склеп. Во время изысканий на Глинище владельцы садов (Гумковский и Чернявский) передали ему два найденные ими известняковых надгробия [ОАК 1893а, 65–67].

В 1892 г. новый директор Керченского музея К. Е. Думберг раскопал «каменную гробницу» близ «Собачьего» кургана, «по дороге, ведущей мимо нового православного кладбища и сада Чернявского в Булганак». Среди находок в ней оказались несколько расписных краснофигурных сосудов (сюжеты – битва амазонок с грифонами). Рядом были обнаружены две грунтовые могилы, покрытые досками (датируются монетой Пантикапея с изображением головы быка и Пана). Недалеко от нового кладбища в ограбленных могилах им же были найдены три надгробия с рельефными изображениями [ОАК 1894, 29–32].

В 1895 г. во дворе керченской мещанки А. Зайцевой на 4-й Продольной улице был обнаружен получивший вскоре широкую известность склеп, который вошел в историю как «Склеп Деметры» [ОАК 1898, 66; см. лит.: Шаров 2016, 319–334].

В 1896 г. в саду К. Верле А. А. Дириным¹ был раскопан склеп с двумя захоронениями конца IV – первой половины V в. [Штерн 1897, 1–15, лист 1]. В этом же году во дворе

¹ Дворянин, помещик – усадьба у с. Мама Татарская, дилетант от археологии, коллекционер, с 1896 г. член ООИД, с 4 марта 1902 по конец 1903 гг. заведующий музеем Царского кургана.

Корнеева в пер. Школьный, рядом с садом Александровского училища (Глинищанской народной школы) был раскопан двухкамерный склеп, сложенный из «штучных камней». Богатый погребальный инвентарь позволил датировать его концом IV – первой половиной V в. [*Штерн* 1898, 271–292, табл. А1; А2; Б].

В 1899 г. К. Е. Думберг исследовал на новом кладбище ограбленный склеп с тремя лежанками, вырубленный в глине. Из датирующих находок в нём оказалась монета Савромата II. Рядом с кладбищем было раскопано более 40 грунтовых могил [*Думберг* 1901, 82–86].

В 1900 г. он же раскопал в пер. Школьный две гробницы и еще три, включая подбойную могилу и «земляную катакомбу», на новом кладбище. В одной из них (в какой не указано) был найден саркофаг из известняка, украшенный фресками (цветами и сюжетными композициями). Датирован он был I в. до н. э. [*ОАК* 1902, 26–27; *Думберг* 1902, 40–41].

В следующем году К. Е. Думбергом и, с лета того же года, В. В. Шкорпиллом, сменившим его в должности директора Керченского музея, работами на Глинище были раскопаны 9 могил в саду Александровского училища, 8 – на 5-й Продольной улице, 5 – в кургане между 2-й Катерлесской улицей и железной дорогой на Брянский завод, 4 – у «Собачьего» кургана, 2 – на 2-й Продольной улице, 1 – у нового кладбища и склеп на 3-й версте железной дороги к Брянскому заводу [*ОАК* 1903, 55–56]. На площади «Собачьего» кургана у сада Антонио де Паускале был открыт каменный склеп, стены которого были покрыты росписями в геометрическом стиле. Свод украшали изображения цветов и фруктов [*Шкорпил* 1903, 75–77, рис. 1–2; *Античная ...* 2017, 201, рис. 150–151].

Среди открытых в 1901 г. на Глинище погребальных комплексов особый интерес представляет склеп с тремя лежанками, раскопанный В. В. Шкорпиллом на «третьей версте» железной дороги Брянского металлургического завода, «в 31,95 м от сторожевой будки» [*Шкорпил* 1903, 91–93, рис. 12–13]. К сожалению, рисунки погребального инвентаря в опубликованном кратком отчете о его раскопках, отсутствуют. Поэтому, исходя из описания, датировать его в целом можно первыми веками нашей эры и IV–V вв. Единственная находка, для которой приведен рисунок – это бронзовый держатель лампы. Верхняя его часть была изготовлена в виде проволочного крючка с петлей на конце, в которую был продет крест. К кресту с помощью отверстий в его нижней части крепились три проволочные составные цепочки с крючками, служившими для подвешивания стеклянной лампы, от которой сохранились только две ручки. Эта находка указывает на то, что на последнем этапе в склепе совершались захоронения христиан [*Шкорпил* 1903, 92, рис. 14–15; *ОАК* 1903, 60–61, рис. 125, 126].

В 1902 г. В. В. Шкорпил исследовал одно погребение у ворот нового кладбища, «земляной склеп» на Братской ул. против ворот сада К. Верле, несколько могил в Школьном пер. и каменный склеп № 427 с 4 известняковыми саркофагами «за полотном железной дороги влево от Катерлесского моста». Последний, к сожалению, был ограблен, но на его стенах уцелели остатки росписи в виде геометрических фигур. На внутренней стороне плиты, закрывавшей вход, сохранилось изображение головы Медузы Горгоны, нанесенной в качестве апотропея. Склеп датирует монета Котиса II (123–131 гг. н. э.) [*ОАК* 1904, 48–50; *Шкорпил* 1904, 113, 125–127, 150–152].

В 1903 г. на Глинище между полотном железной дороги Брянского металлургического завода и садом Антонио де Паскуале (ул. Братская, дом № 19) под дорогой, ведущей к «Собачьему» кургану, В. В. Шкорпил раскопал склеп, в котором были найдены стеклянный сосуд с синими каплями и индикация монеты императора Феодосия [Шкорпил 1905, 69–70]. В западной части Глинища, у полотна железной дороги он раскопал грунтовую могилу [Шкорпил 1905, 29]. А в насыпи «Собачьего» кургана исследовал «земляной склеп», среди находок из которого оказались изделия из золота, в том числе золотая индикация с монеты Рескупорида IV [Шкорпил 1905, 68–69]. Тогда же в саду Н. Тумковского на ул. 4-й Продольной было найдено захоронение в подбойной могиле с богатым инвентарем IV – первой половины V вв. н. э. [Засецкая 1993, 40, 99, кат. № 10–15, табл. 11].

В 1904 г. В. В. Шкорпил исследовал на Глинище несколько погребений, в том числе возле «Собачьего» кургана и на 5-й Продольной ул. [ОАК 1907, 70; Шкорпил 1907, 59].

В 1905 г. им же исследовался участок, на котором в 1900 г. было найдено погребение с расписным саркофагом [ОАК 1908, 58]. В этом же году на 5-й Продольной ул. во дворе дома № 62 он нашел мраморный саркофаг [Шкорпил 1909а, 33].

В 1907 г. он исследовал на площади возле нового кладбища, южнее железной дороги три подбойные могилы, заложенные черепицей и две грунтовые могилы [Шкорпил 1910, 39–40].

В 1908 г. В. В. Шкорпил раскопал погребения на участке площади у «Собачьего» кургана, примыкающего к садам и виноградникам по 5-й Продольной улице, в том числе черепичную гробницу [ОАК 1912, 108; Шкорпил 1911, 84–85].

Несколько погребений, в том числе IV в. н. э., были исследованы им в 1909 г. на углу 4-й Продольной и 2-й Поперечной улиц [ОАК 1913, 118; Шкорпил 1913, 27–31].

В 1910 г. он же раскопал склеп на территории сада Франциско Колланджело по ул. Братской, в котором были найдены детали лиры второй половины IV – первой половины V в. (резонатор и 16 колков), изготовленные из бронзы, серебра и кости [Алексеевская 1915, 140–152, табл. IX, рис. 58; Засецкая 1993, 90, 99, кат. № 350; Вдовиченко, Баранов 2014, 57–58, рис. 1; Залеская 2006, 131–132, № 246; Византия сквозь века 2017, 122, 332, № 16].

В 1911–1914 гг. В. В. Шкорпил продолжал раскопки на различных участках некрополя, в т. ч. на углу 2-й и 4-й Продольных улиц. В 1913 г. на 2-й Продольной улице был доследован курган [ОАК 1914, 25; ОАК 1916, 36; ОАК 1918, 85]. Еще один склеп с погребальным инвентарем IV–V вв. был исследован им в 1914 г. «за Новым православным кладбищем, вправо от Тарханской дороги», т. е., где-то в районе кирпичного завода [ОАК 1918, 100–102; Засецкая 1993, 91–93, кат. № 351–377; Засецкая 2008, 112–113, кат. 40, 41]. Впрочем, незадолго до этого погребальную камеру ограбили, и большая часть найденных предметов была приобретена Императорской Археологической комиссией у керченских кладоискателей. От них же были получены сведения относительно места их находки. Учитывая хронологическую неоднородность купленных предметов, возникают вполне обоснованные сомнения относительно их происхождения. Не исключено, что комплекс имеет сборный характер [Засецкая 1993, 37; Васильев 2004, 267–271].

В 90-е годы XIX – первом десятилетии XX в. в районе ул. Братской «счастливчиками» был обнаружен и постепенно практически полностью разграблен один из наиболее поздних участков некрополя. Широкою известность он получил, прежде всего,

благодаря многочисленным христианским надгробиям IV–V вв., которые были опубликованы В. В. Шкорпиллом, Ю. Ю. Марти и В. В. Латышевым. Надгробия, а также немногие раскопанные на этом участке некрополя склепы и подбойные могилы, были открыты в районе ул. Братской (совр. ул. Фрунзе) и ул. 3-й Продольной (совр. ул. Петра Королева) на территории дач и садов Александровского училища, К. Верле, А. Бондаренко, И. Г. Чернявского, Тумковского, Полтавского, Франческо, Ф. Колланджело, Фульде, Антонио де Паскуале, располагавшихся между «Собачьим» курганом на северной окраине предместья Глинище (в настоящее время на его месте створный знак морского торгового порта в районе ул. Елизарова) и 4-й Продольной улицей (совр. ул. Братъев Перепелицы), где в 1895 г. был найден склеп Деметры [Шкорпил 1909б, 31; Шестаков 2004, 428–429; Латышев 1896, 132; 1904, 86, прим. 2; Марти 1913, 22].

В 1894 г. два христианских надгробия – Феодоры и Аникита – были приобретены для Мелек-Чесменского музея у артели «счастливищиков», раскапывавшей некрополь в саду К. Верле (№ 12 по ул. Братской) [Шкорпил 1895, 180, № VI; Шкорпил 1897, 3, № 11; Шкорпил 1898а, 190, № XI; Латышев 1896, 92, 131–132, № 91, 91а; Диатроптов, Емец 1995, 11–12, № 7, 18]. В 1896 г. в саду И. Г. Чернявского (ул. Братская, № 19) найдены ещё два христианских надгробия – Феликса, сына Аристубула и Евфрасия (Евфрасии). Отсюда же происходило надгробие в виде креста с расширяющимися концами, но имя погребенного на его уцелевшем фрагменте не сохранилось [Латышев 1904, 88–90, № 103, 105, 106; Диатроптов, Емец 1995, 12, 15, № 16, 38]. В 1897 г. в саду К. Верле и соседнем саду И. Г. Чернявского было обнаружено еще четыре христианских надгробия – Трофима, Софайнета, Стефана и Агораста, сына Луя [Латышев 1896, 132–133, № 91b; Шкорпил 1898б, 205–210, № XVI–XIX; Диатроптов, Емец 1995, 11, 14, 15, № 5, 28, 29, 35; Яйленко 2010, 628, № 6]. Три надгробия, в том числе Евтропия, Феодора и Феликса, были обнаружены в 1898 г. в саду К. Верле и недалеко от его дачи [Шкорпил 1900, 59–60, № I–III; Марти 1913, 19, рис. 8; Диатроптов, Емец 1995, 12–13, 15, № 14; 37; 20; Яйленко 2010, 625–628, 631, № 5, 12]. В 1901 г. на Глинище обнаружено надгробие Сотирия и Савватия [Латышев 1902, 48–50, № 15; Диатроптов, Емец 1995, 14, № 30]. В 1901 г. в саду Александровского училища по ул. Братской, № 6 найдено надгробие Тигинага [Шкорпил 1901, 70, № X; Диатроптов, Емец 1995, 14, № 31]. В 1903 г. «во дворе вдовы А. Бондаренко» по ул. Братской, д. № 14 найдено надгробие Арсака христианина. Здесь же найдены христианские надгробия Кириака, Архелая и Трофима [Латышев 1904, 86–89, № 100, 101, 102, 104; Диатроптов, Емец 1995, 11, 13, 15, № 8, 10, 23, 33]. В 1908 и 1911 гг. в садах Франческо (ул. Братская, № 16) и Ф. Колланджело (напротив усадьбы К. Верле, ул. Братская, № 13) найдены христианские надгробия Феодосия и Тудруга [Марти 1911, 4–5, № I; Марти 1913, 22, рис. 9; Шкорпил 1912, 20–21, № 10; Диатроптов, Емец 1995, 12, 14–15, № 17, 32]. В 1909 г. в саду Полтавского, примыкающего к даче К. Верле (ул. Братская, № 14), найдены надгробия Феодора и Филоксена, сына Агапита [Марти 1911, 6–11, № II, III; Марти 1913, 22; Диатроптов, Емец 1995, 13, 15, № 21, 39].

Обнаруженные на этом некрополе христианские надгробия составляют большую часть, найденных на Боспоре подобного рода лапидарных памятников. Их палеографические особенности были рассмотрены А. Ю. Виноградова [Виноградов 2012, 189, 190, 193].

Что касается самого некрополя, его изучение (пусть и не планомерное, и не широкомасштабное, но регулярное) прервала Первая Мировая война, а затем – Октябрьская

Рис. 3. Расчистка заполнения камеры склепа. Вид с юга

революция и последовавшая за ней Гражданская война. С 1920-х гг. к изучению некрополя уже никто не обращался, хотя многие обнаруженные при его раскопках погребальные комплексы и находки стали памятниками мирового значения. Тем интереснее новейшие находки и изыскания.

В августе 2018 г. при сооружении траншеи ленточного фундамента в процессе строительных работ на частном участке по адресу г. Керчь, пер. Малый д.10 (рис. 1, 2), строителями были обнаружены многочисленные фрагменты человеческих костей. Это место было тщательно осмотрено сотрудниками Института археологии Крыма РАН Федосеевым Н. Ф. и Бейлиным Д. В. При этом в бортах южной траншеи и отвалах грунта, помимо костей, фиксировались фрагменты светлоглиняных (гераклейских) узкогорлых амфор II–IV вв. н. э., красноглиняных амфор с поднятыми ручками типа 79 (по И. Б. Зеест) [Зеест 1960] II–III вв. н. э., стенки красноглиняных кувшинов и лепных сосудов, а также стеклянных бусин.

Учитывая крайне плотную частную застройку этой части города и, вместе с тем, её малоизученность, было принято решение о доследовании этого погребального комплекса в максимально доступных границах.

К южному борту траншеи фундамента, разрушившего северную часть погребального сооружения, была сделана прирезка 4,5×4 м (рис. 3). В юго-восточной части этого участка располагались остатки жилого дома, фундамент которого частично прорезал заполнение центральной части каменного склепа на глубину до 0,5 м. В профиле южного борта траншеи котлована фиксировалась яма выборки западной и восточной стен

Рис. 4. Зачистка склепа на уровне пола. Вид с юго-востока

склепа. Соответственно, удалось определить ширину погребального сооружения, а также максимально полно изучить стратиграфию заполнения камеры склепа.

Склеп представлял собой прямоугольную в плане конструкцию (рис. 5). Длинной осью он был ориентирован: север – юг. Ширина камеры составляла 3,25 м, а прослеженная длина – не менее 4,5 м. Для постройки в материковом суглинке предварительно был вырыт котлован размером не менее 6×4,5 м. Северная, южная и восточная стены склепа оказались полностью разобраны, вероятно, ещё во второй половине XIX столетия, когда участок некрополя подвергался активному разграблению. Сохранилась часть западной стены склепа на высоту одного ряда кладки из крупных, аккуратно подогнанных друг к другу известняковых блоков размерами от 1×0,5×0,6 м до 1,15×0,65×0,6 м (рис. 3–5). Наиболее тщательно обработанные поверхности блоков обращены внутрь склепа; к бортам котлована – грубо обколотые. Пространство между бортами котлована и кладкой стен склепа заполнено бутовым камнем и известковой крошкой.

Трассу восточной и северной стены маркирует полоса утрамбованного плотного суглинка, который служил основанием стен. В основании восточной стены сохранилась отслоившаяся нижняя часть известнякового блока размером: 1,1×0,5×0,15 м. В центральной части суглинистого основания южной стены прослежена прямоугольная в разрезе канавка глубиной 0,28 м и шириной по фасу 0,26 м. Назначение этого технологического элемента конструкции склепа не ясно.

В северной части внутреннего пространства камеры склепа находились две плоских известняковых плиты. Одна (размером 1,12×0,74×0,12 м) была расчищена в вертикаль-

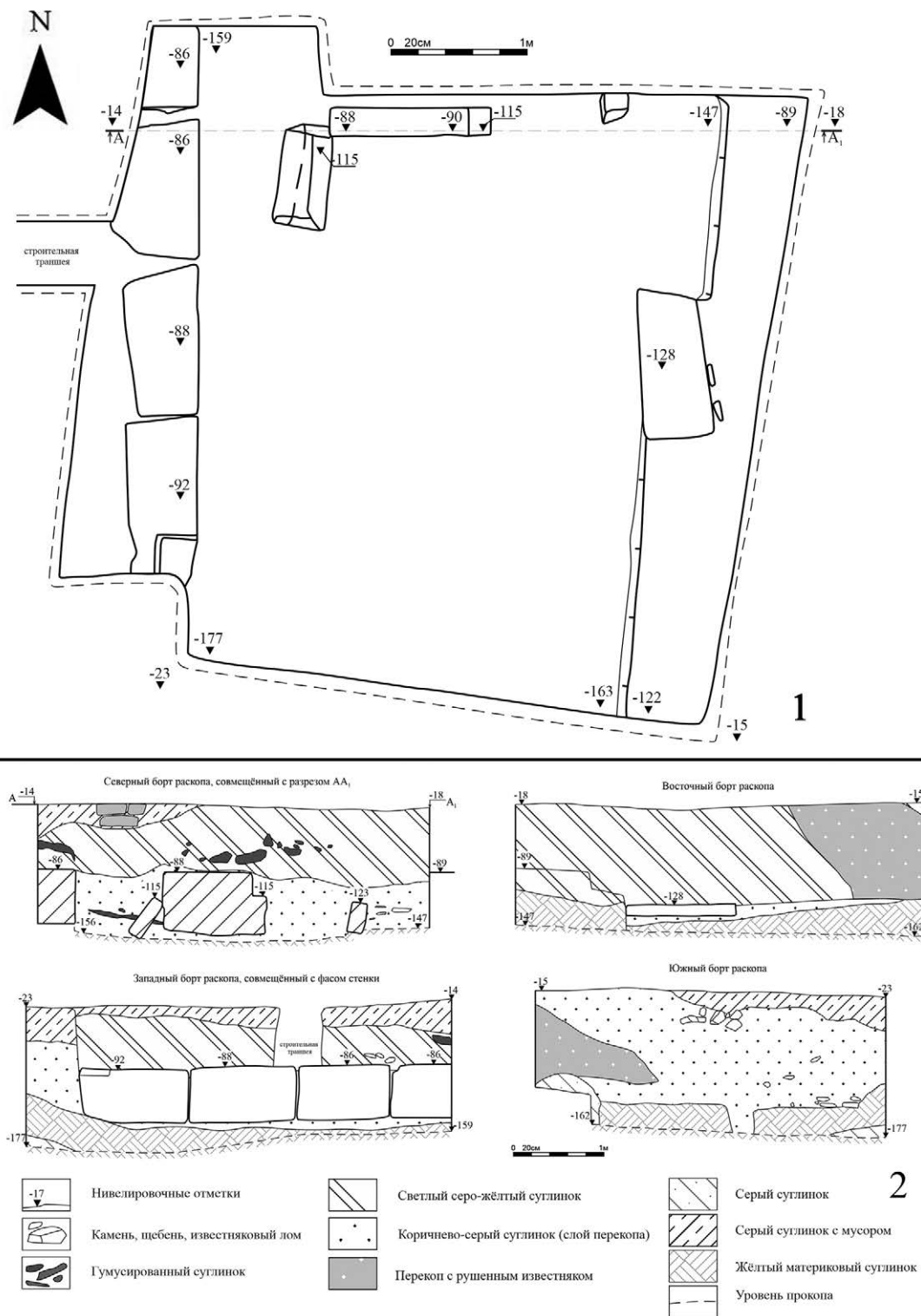

Рис. 5. 1 – План раскопа с сохранившимися остатками камеры склепа;
2 – стратиграфия заполнения камеры склепа

ном положении на ребре. Один из углов плиты имеет прямоугольный технологический вырез. Вторая плита (0,78×0,6×0,1 м) также установленная на ребро, своим северным краем опирается на первую. Вполне возможно, что эти плиты использовались в оформлении дромоса камеры склепа, но в процессе ограбления и разбора стен склепа были перемещены.

Пол камеры склепа представлял собой плотный тщательно выровненный горизонтальный слой суглинка.

Заполнение камеры склепа – также плотный суглинок, насыщенный разрозненными костями (рис. 3), принадлежавшими, как минимум, 97 индивидам. В анатомическом порядке скелетов зафиксировано не было. Среди костей было определено 97 фрагментов правых сторон и 96 фрагментов левых сторон нижних челюстей, из которых 7 полных; 26 атлантов и 93 фрагмента надбровных дуг. Сопоставление анатомических и половозрастных характеристик нижних челюстей даёт основание полагать, что тут были погребены не менее 52 мужчин (53,6%), 39 женщин (40,2%), а также 6 детей (6,1%) в возрасте не ранее 9 лет. Обращает на себя внимание нетипичная половозрастная структура захороненных и отсутствие детских скелетов ранних возрастов, что не позволяет рассматривать данное скопление как палеопопуляцию (ординарное кладбище)².

При расчистке заполнения камеры склепа на высоте 0,42 м от уровня пола камеры склепа среди скопления разрозненных костей скелетов обнаружена стопка из десяти медных монет, девять из которых принадлежали чеканки боспорского царя Рескупорида V (322–325 гг.) (рис. 7. 1–3, 5–10) и одна боспорского царя Фофорса (300–302 гг.) (рис. 7. 11). Еще одна бронзовая (?) монета со сквозным отверстием для подвешивания, была найдена в заполнении юго-западной части склепа (рис. 7. 4). Здесь же найдены отдельные стеклянные бусины: 1 – полихромная бусина с фестонобразным орнаментом II–IV вв. н. э. (рис. 6. 1); 2 – полихромные округлые и поперечно-сжатые бусины с глазчатым орнаментом I–III вв. н. э. (2 шт.) (рис. 6. 2.1, 2.2); 3 – глухая округлая, поперечно-сжатая бусина темно-красного оттенка (рис. 6. 3), 4 – глухая округлая, поперечно-сжатая бусина темно-коричневого цвета с волнистым орнаментом (рис. 6. 4); 5 – крупные округлые и поперечно-сжатые бусины синего цвета (5 шт.) (рис. 6. 5.1–5.5); 6 – мелкие округлые и поперечно-сжатые бусины синего цвета (12 шт.) (рис. 6. 6.1–6.12); 7 – разноразмерные цилиндрические округлые и продольно-сжатые бусины зеленого цвета (6 шт.) (рис. 6. 7); 8 – короткоцилиндрическая бусина с ребристой поверхностью (тип 10) [Алексеева 1978, 31, табл. 26] II–III вв. н. э. (рис. 6. 8); 9 – многогранная, квадратная в сечении бусина синего цвета (рис. 6. 9); 10 – поперечно-сжатая округлая бусина глухого красного цвета (рис. 6. 10); 11 – округлая биконическая бусина синего цвета (рис. 6. 10); 12 – округлые поперечно-сжатые бусины (3 шт.) прозрачно-голубого цвета (рис. 6. 12); 13 – бочковидные бусины темно-рубинового оттенка (4 шт.) (рис. 6. 13); 14 – цилиндрическая пронизь голубого цвета (рис. 6. 14); 15 – поперечно-сжатая округлая бусина глухого молочно-белого цвета (рис. 6. 15); 16 – удлиненные разноразмерные и фрагментированные пронизи спиралевидной формы красного и синего цвета (29 шт.) (рис. 6. 16.1–29); 17 – спиралевидная пронизь зеленого цвета (рис. 6. 17); 18 – бочковидная бусина глухого

² Антропологическое определение предоставлено Гусевой В.

Рис. 6. Находки из заполнения камеры склепа:
1-21 – бусы; 22-26 – изделия из бронзы

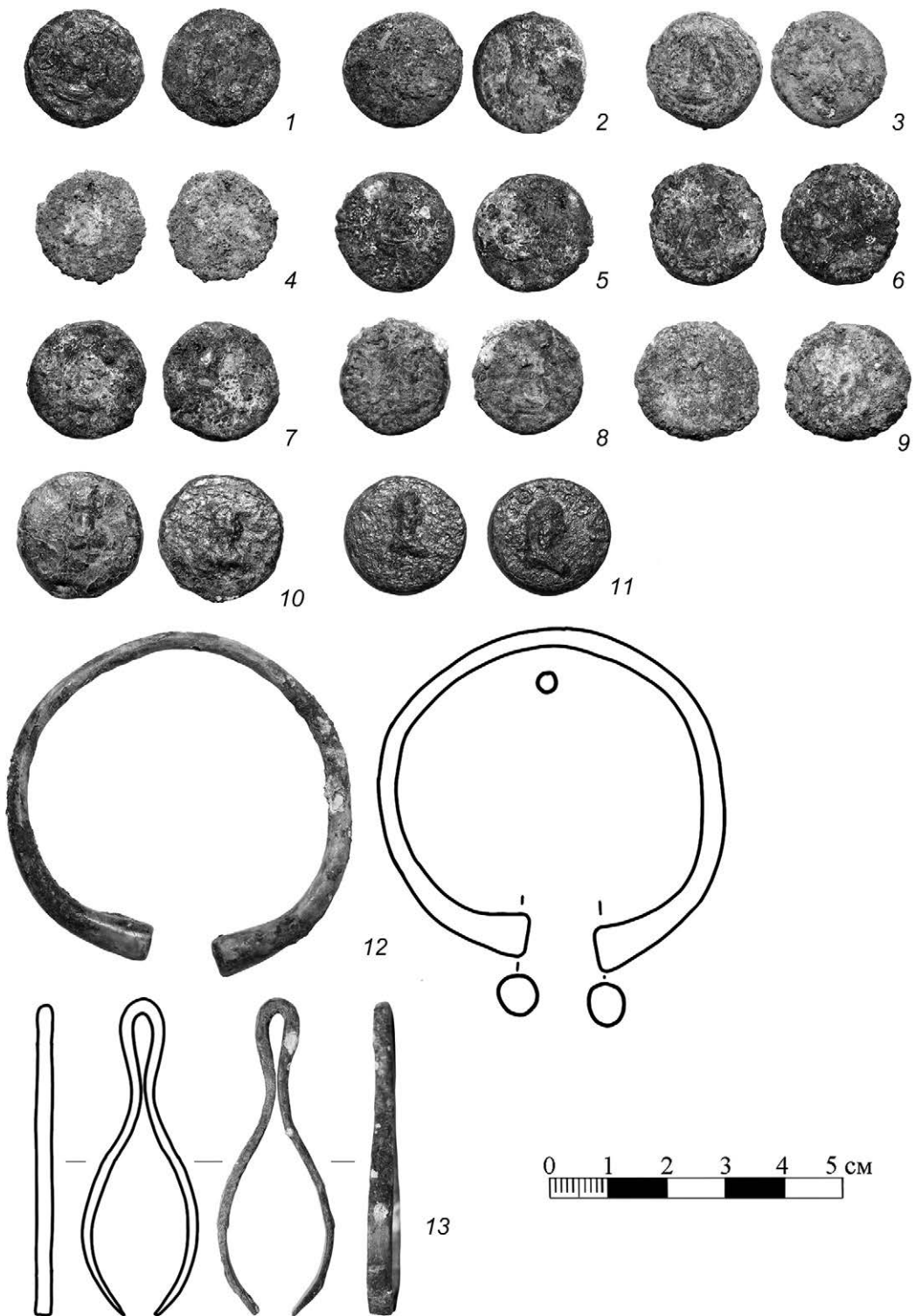

Рис. 7. Находки из заполнения камеры склепа: 1–11 – монеты;
12 – браслет (бронза); 13 – пинцет (сплав на основе меди)

зеленого цвета (рис. 6. 18); 19 – подвеска в виде двух спаянных округлых бусин (грушевидная) (тип 162) [Алексеева 1978, 72] (рис. 6. 19); 20 – янтарная дисковидная биконическая бусина (рис. 6. 20); 21 – массивная бронзовая биконическая бусина (рис. 6. 21).

В придонной части заполнения камеры склепа, практически на уровне его пола найдены: бронзовое зеркало (рис. 8. 2), бронзовый браслет с разомкнутыми расширяющимися концами (рис. 7. 12), бронзовый пинцет, бранши которого слегка выгнуты наружу (рис. 7. 13); пряжка-застежка с щитком в виде театральной маски (рис. 6. 24), обувная (?) бронзовая пряжка (рис. 6. 22), фрагмент дужки бронзовой серьги (рис. 6. 23); бронзовая серьга с витым приемником в виде петли (рис. 6. 25); бронзовое колечко (рис. 6. 26).

На полу склепа в его северной части вблизи орфостатно установленных плит зачищены бронзовые детали шкатулки II – первой половиной III вв. н. э. В многочисленных фрагментах сохранилась внешняя бронзовая накладка прямоугольной формы с отверстием для ключа г-образной формы и прямоугольным отверстием для ригеля (рис. 8. 3) (тип 2.2.1 по Труфанову [Труфанов 2020, 165]). Сохранились и железные крепления пластины, расположенные по краям пластины. Рядом с накладкой замкового механизма обнаружена бронзовая накладка в виде треугольника со сквозными отверстиями на вершинах, украшавшая, судя по всему, угол крышки шкатулки (рис. 8. 4). Здесь же найден ригель в виде гермы с обозначенными гениталиями, с выделенными плечами и выступами на месте рук и профилированной нижней частью (тип 4.1 по Труфанову [Труфанов 2020, 171] (рис. 8. 1). Вверху ригеля сохранилась железная петля.

Помимо этого, в северо-западной части камеры склепы на полу были обнаружены фрагменты украшений погребальной одежды или венка в виде треугольных листков (бляшек) из фольги желтого металла (рис. 9. 4), подвески в виде медальона, припаянного к провизи тонкой проволокой (рис. 9. 3), и сильно поврежденного листа фольги, на котором сохранился фрагмент декора, выполненного пуансоном (рис. 9. 5). Особо выделяется округлый медальон на кружке листового золота с горизонтально прорезанным в верхней части сквозным отверстием, на лицевой стороне которого отчеканено изображение в виде бюста боспорского царя (индикация с боспорской монеты III в. н. э.) (рис. 9. 2). Подобные украшения погребального костюма были обнаружены А. Е. Люценко в 1857–1858 гг. «позади селения Глиница ..., в довольно пространной ложбине, усеянной множеством ложбин» [Люценко 1862, 136–137]. Указанное им местоположение исследованных грунтовых склепов, локализуется в районе ул. Петра Королёва – ул. Бориса Тасуя – ул. Братьев Перепелицы (Перепелиц), что в 140–350 м восточнее и северо-восточнее исследованного нами разрушенного каменного склепа (рис. 2). Подобные детали погребального костюма, вероятно, были весьма популярны как минимум во второй-третьей четверти III в. н. э., что нашло отражение в комплексах этого локального участка некрополя.

Весьма интересна найденная сложносоставная брошь (?) или центральный медальон погребального венка с основой в форме «глаза с ресницами» и подвижными элементами (рис. 9. 1). Этот предмет сделан из тонкой металлической (но не золотой) фольги. Декоративная часть изготовлена в виде пластины со сквозным отверстием в центре, к которому посредством заклепки крепятся два элемента в виде глаз, с отходящими по всему периметру «ресницами», из полосок фольги с окончаниями в виде плоских кругов.

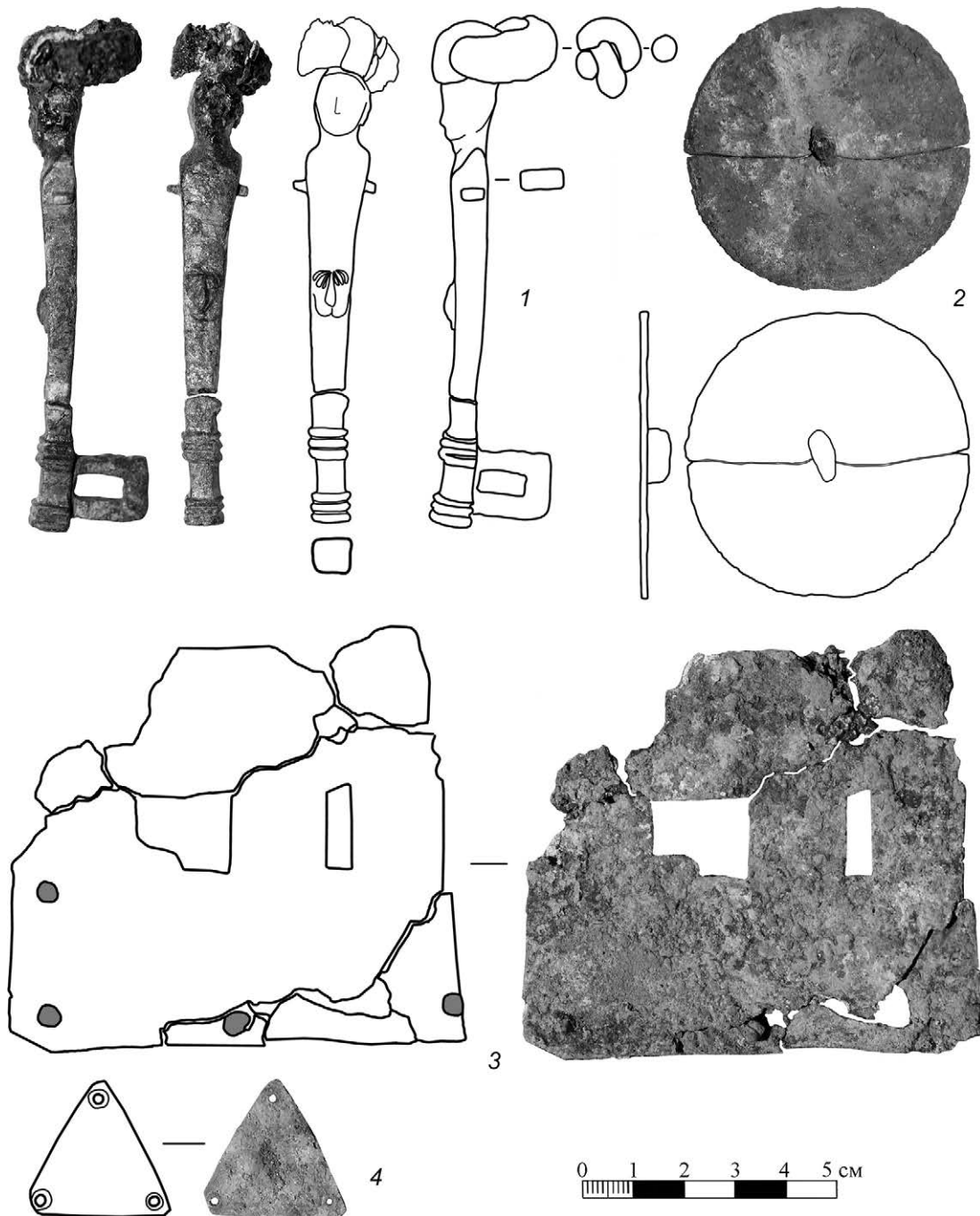

Рис. 8. Находки из заполнения камеры склепа:
1, 3, 4 – бронзовые детали шкатулки; 2 – бронзовое зеркало

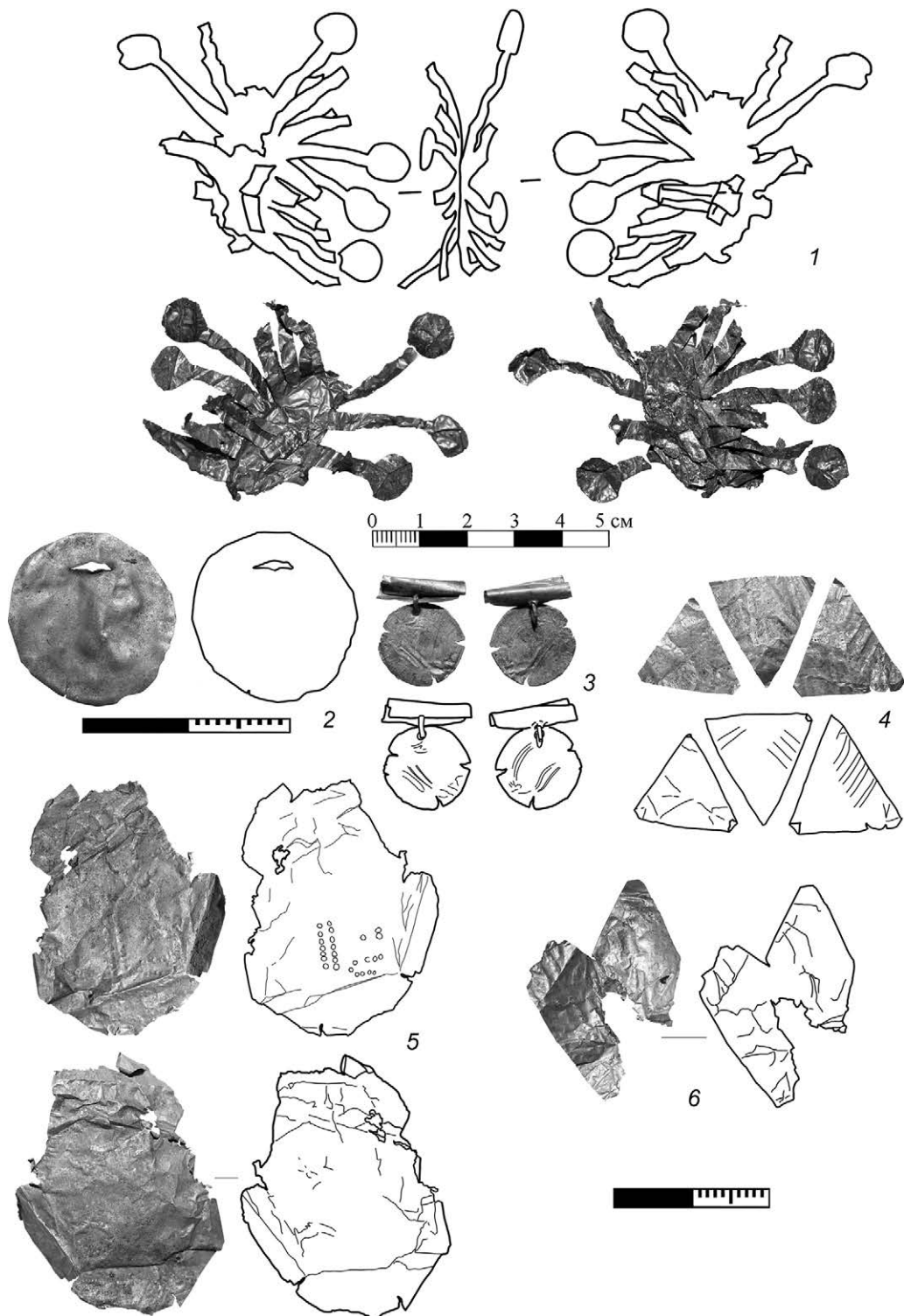

Рис. 9. Находки из заполнения камеры склепа.
Детали погребального костюма из желтого металла

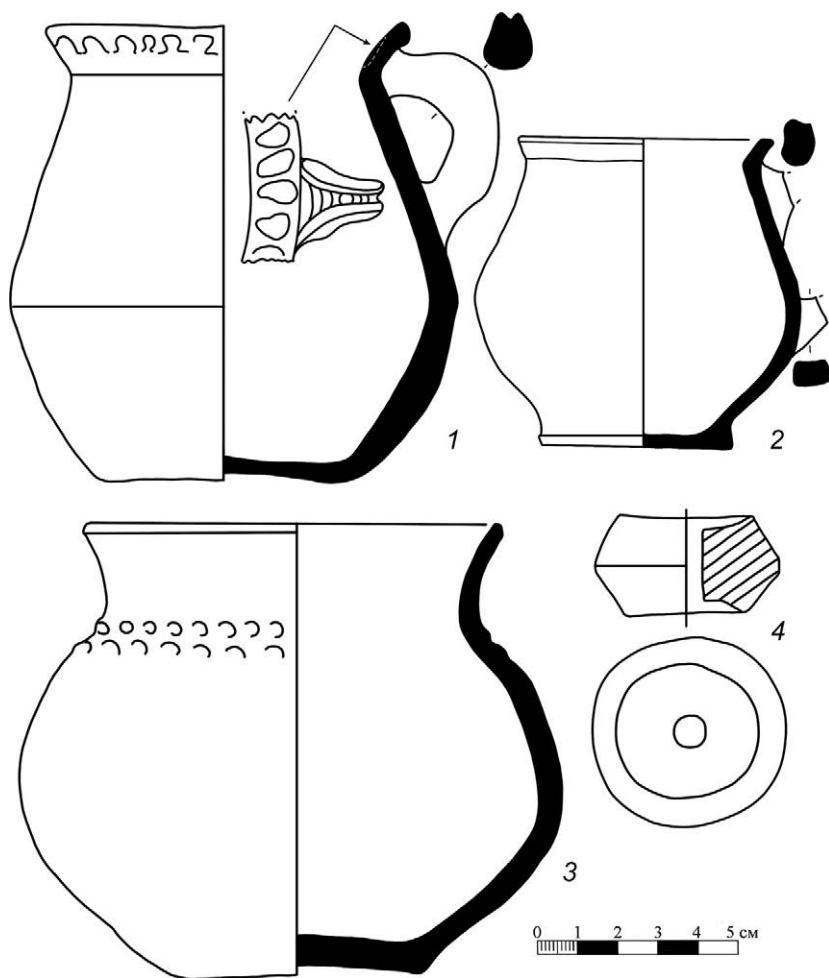

Рис. 10. Лепные кружки, кубок и пряслице из заполнения склепа

Помимо прочего в заполнении были найдены фрагменты бронзовых и железных гвоздей, биконическое лепное пряслице (рис. 10. 4), а также мелкие фрагменты стеклянных сосудов (бальзамарии, кувшины, стаканы). Особый интерес представляют две фрагментированные лепные кружки (рис. 10. 1, 2) и кубок, украшенный по плечу двумя лентами неглубоких насечек (рис. 10. 3).

Материал, обнаруженный в процессе расчистки остатков склепа, может быть датирован II в. (второй его половиной) – началом (или первой половиной) IV в. н. э. и служить ярким примером боспорской погребальной традиции римского времени. Склеп, сооруженный для погребения достаточно знатной или состоятельной особы (или особ), после, вероятно, использовался как усыпальница представителей одного из многочисленных гражданско-религиозных или религиозно-профессиональных объединений (фиасов) Пантикапея. На это указывают не только временные рамки его функционирования, но и внушительное количество совершенных в нем ингумаций. Подавляющее

большинство захороненных являются представителями мужского пола $\approx 53,6\%$ (не менее 52 инд.), женского пола $\approx 40,2\%$ (39 инд.), а также дети $\approx 6,1\%$ (6 инд.) в возрасте не моложе 9 лет. Как уже было сказано, нетипично отсутствие детских скелетов ранних возрастов, что обращает на себя особое внимание. Не свидетельствует ли это о достаточно раннем участии (вступлении) детей в качестве полноправных членов гражданско-религиозных и профессиональных союзов?

Антропологический материал, хотя и представляет собой разрозненные кости как минимум 97 индивидов, с использованием всего спектра современных методов исследований может дать важную информацию о системе питания, возможном происхождении и социально-экономическом положении погребенных индивидов.

В настоящее время основной проблемой, изучения и сохранения археологических объектов на обозначенной нами выше территории северного участка некрополя Пантикапея, является плотная городская застройка, перекрывающая практически всю территорию некрополя, за исключением его северных окраин. На данном этапе наиболее актуальными представляются несколько предваряющих полевые исследования, задач, в т. ч. поиск в архивах крупномасштабных планов Керчи XIX – начала XX вв. и списков домовладений, с помощью которых можно было бы установить примерное местоположение ряда открытых на некрополе погребальных комплексов, для которых были указаны какие-то ориентиры (городские объекты, улицы, фамилии владельцев домов, садов и т. п.).

Список литературы

- Алексеева Е. М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья (САИ. Вып. Г1-12/2). М., 104, табл. 20–34.
- Алексеевская Л. М. 1915. Лира из Керчи // ИАК. 58. 140–152.
- Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева (Труды ИИМК РАН. LI). СПб, 2017, 246.
- Ашик А. Б. 1848–1849. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Ч. I, 117; Ч. II, 88; Ч. III, 96.
- Ашик А. Б. 1850. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 181.
- Васильев А. А. 2001. Инвентарь склепа на Тарханской дороге в системе хронологии древностей юга Восточной Европы // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб. Ч. 1, 267–271.
- Вдовиченко И., Баранов В. 2014. Музыка в средневековом Крыму. Исторические источники и археологические находки // Вопросы инструментоведения. Вып. 9. Сб. статей

- и материалов Восьмого международного инструментоведческого конгресса «Благодатовские чтения» (2–5 декабря 2013 г.). СПб, 57–67.
- Византия сквозь века* 2017. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж / Отв. ред. М. Б. Пиотровский. СПб, 2017, 428.
- Виноградов А. Ю.* 2012. Наблюдения над палеографией ранневизантийских надписей Северного Причерноморья // ВДИ. 1. 182–195.
- Виноградов Ю. А.* 2017. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам научного архива ИИМК РАН) (БИ. Suppl. 17). Симферополь–Керчь. 310
- Диатроптов П. Д., Емец И. А.* 1995. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 2. М., 7–40.
- Донесение* директора Керченского музея, от 20 марта текущего года, о найденной им древней вазе, в одном из раскапываемых курганов, близ селения Глинище, недалеко от Керчи // ЖМВД. 1837. № 5. Ч. 24. 339–342.
- Древние* мраморные статуи, открытые в окрестностях Керчи в 1850 году // Русский Художественный листок / Изд. В. Тимм. СПб, 1851. № 16. 1 июня.
- Думберг К. Е.* 1901. Раскопки гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 году // ИАК. 1. 80–93.
- Думберг К. Е.* 1902. Извлечение из отчета К. Е. Думберга о раскопках гробниц в 1900 г. // ИАК. 2. 40–60.
- Залеская В. Н.* 2006. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб, 272.
- Засецкая И. П.* 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. III, 23–104.
- Засецкая И. П.* 2008. Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) (БИ. XX). Симферополь–Керчь, 224.
- Зеест И. Б.* 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 179.
- Императорская* Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред.-сост. А. Е. Мусин; под общей ред. Е. Н. Носова. СПб, 2009, 1191.
- Латышев В. В.* 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб, 143.
- Латышев В. В.* 1902. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году // ИАК. 3, 21–57.
- Латышев В. В.* 1904. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // ИАК. 10, 1–91.
- Люценко А. Е.* 1862а. Археологические разыскания 1858 года в окрестностях г. Керчи (Продолжение) // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. № 34. 26 августа, 137–137.
- Люценко А. Е.* 1862б. Археологические разыскания 1858 года в окрестностях г. Керчи. VI. Курган Мелек-Чесменский // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. № 41. 14 октября, 163–165.

- Марти Ю. Ю. 1911. Три христианских надгробия, приобретенные для Мелек-Чесменского кургана в 1908 и 1909 гг. // ЗООИД. XXIX, 4–11.
- Марти Ю. Ю. 1913. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства // ЗООИД. XXXI, 1–88.
- Москвитянин 1851. № 4. Февраль. Кн. 2, 272–273.
- Мурзакевич Н. Н. 1889. Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская старина. Т. 61. Январь. СПб, 232–260.
- Новое археологическое открытие близ Керчи // ЖМВД. 1837. Ч. 24. № 4. СПб, 134–139.
- ОАК за 1882–1888 гг. СПб, 1891, СССXXXIV.
- ОАК за 1889 год. СПб, 1892, 127.
- ОАК за 1890 г. СПб, 1893, 151.
- ОАК за 1891 г. СПб, 1893а, 187.
- ОАК за 1892 г. СПб, 1894, 173.
- ОАК за 1896 г. СПб, 1898, 251.
- ОАК за 1900 г. СПб, 1902, 172.
- ОАК за 1901 г. СПб, 1903, 197.
- ОАК за 1902 г. СПб, 1904, 199.
- ОАК за 1904 г. СПб, 1907, 185.
- ОАК за 1905 г. СПб, 1908, 144.
- ОАК за 1908 г. СПб, 1912, 226.
- ОАК за 1909–1910 г. СПб, 1913, 289.
- ОАК за 1911 г. СПб, 1914, 123.
- ОАК за 1912 г. СПб, 1916, 130.
- ОАК за 1913–1915 г. СПб, 1913, 295.
- Санжаровец В. Ф. 2004. Топонимический указатель Керчи (к леммам КБН). Приложение II // Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб, 428–431.
- Струве Ф. А. 1867. Археологические разыскания в Южной России, по Отчетам Императорской археологической комиссии // ЗООИД. VI. Отд. 3, 555–591.
- Труфанов А. А., 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I–IV вв. н. э. // История и археология Крыма. XII. Сб. статей, посвященный 70-летию со дня рождения С. Г. Колтухова. Симферополь, 163–200.
- Тункина И. В. 2010. Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб, 533–588.
- Цветаева Г. А. 1951. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху (МИА. 19). М. –Л., 63–86.
- Шаров О. В. 2001. Блюдо царя Рескупорида из погребения с Золотой маской // БФ: Колонизация региона, формирование полиса, образование государства. Ч. 1. СПб, 181–185.
- Шаров О. В. 2004. О серебряном блюде Рескупорида из погребения с Золотой маской // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб, 259–267.
- Шаров О. В. 2009а. Погребение с золотой маской // Тайна золотой маски: каталог выставки (Санкт-Петербург, 21 апреля – 3 сентября 2009 г.) СПб, 17–42.

- Шаров О. В. 2009б. Серебряное блюдо с монограммой из погребения с золотой маской в Керчи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 1. Белгород, 31–35.
- Шаров О. В. 2015. К истории одного открытия // БИ. XXXI, 387–395.
- Шаров О. В. 2016. Склеп Деметры в Керчи: Неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // *Stratum plus*. 4, 319–334.
- Шестаков С. А. 2004. Топография поздних некрополей как показатель этнического состава населения Пантикапея – Боспора // БЧ. V. Этнические процессы. Керчь, 427–430.
- Шкорпил В. В. 1895. Камни с пантикапейскими надписями, купленные для Мелек-Чесменского музея в 1894 году // ЗООИД. XVIII, 175–184.
- Шкорпил В. В. 1897. Описание 12 камней с греческими надписями, приобретенными в 1896 г. для Мелек-Чесменского музея (298 заседание) // ЗООИД. XX, 1–4.
- Шкорпил В. В. 1898а. Камни с греческими надписями, поступившие в Мелек-Чесменский музей в 1896 году // ЗООИД. XXI, 187–191.
- Шкорпил В. В. 1898б. Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1897 году // ЗООИД. XXI, 192–210.
- Шкорпил В. В. 1900. Три христианских надгробия, найденные в Керчи в 1898 году // ЗООИД. XXII. 59–60.
- Шкорпил В. В. 1901. Боспорские надписи, приобретенные Мелек-Чесменским музеем в 1900 году // ЗООИД. XXIII, 62–73.
- Шкорпил В. В. 1903. Отчет о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г. // ИАК. 7, 74–93.
- Шкорпил В. В. 1904. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году // ИАК. 9, 73–177.
- Шкорпил В. В. 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. 17, 1–76.
- Шкорпил В. В. 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 25, 1–66.
- Шкорпил В. В. 1908. Из архива Керченского музея древностей. III. О находке двух древних статуй в 1850 году // ИТУАК. 42, 56–63.
- Шкорпил В. В. 1909а. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК. 30, 1–50.
- Шкорпил В. В. 1909б. Боспорские надписи, найденные в 1908 году // ИАК. 33, 23–32.
- Шкорпил В. В. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. 35, 12–47.
- Шкорпил В. В. 1911. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. // ИАК. 40, 62–91.
- Шкорпил В. В. 1912. Боспорские надписи, найденные в 1911 году // ИАК. 45, 9–22.
- Шкорпил В. В. 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1909 г. // ИАК. 47, 1–41.
- Штерн Э. Р. фон. 1897. К происхождению «готского» стиля предметов ювелирного искусства (Археологические заметки по поводу золотых вещей, найденных в Керчи летом 1896 года) // ЗООИД. XX, 1–15.
- Штерн Э. Р. фон. 1898. Содержание гробницы, раскопанной в 1896 году в Керчи // ЗООИД. XXI, 271–292.
- Яйленко В. П. 2010. Христианские и парохристианские надписи Боспора IV–VI вв. // ДБ. 14, 610–711.

Summary

D. V. Beilin, I. V. Rukavishnikova N. F. Fedoseev†

**Research of the destroyed stone crypt in the area of st. Miroshnik in Kerch
(Northern section of the Panticapaeum necropolis)**

This work is devoted to the investigated burial complex, revealed during construction work in the area of Miroshnikova Street (the so-called "Glinischa") in the city of Kerch, which belongs to the mound-ground necropolis of Panticapaeum. The boundaries of this necropolis on the modern map can only be applied with great convention and assumptions. Numerous burial complexes previously explored on its territory, with rare exceptions, do not have a reliable reference. Since the beginning of the twentieth century, the necropolis turned out to be completely under urban development, which is currently the main problem for the study and preservation of archaeological sites in this territory of the little-studied northern section of the necropolis of the capital of the Ancient Bosphorus. During the construction of a strip foundation trench, the remains of a stone crypt were found in the process of construction work on a private plot. The material discovered during the clearing process can be dated to the 2nd (second half) - beginning (or first half) of the 4th centuries AD and serve as a vivid example of the Bosphoran burial tradition of the Roman time. The anthropological material, although it is scattered bones, belonged to at least 97 individuals. The crypt, built for the burial of a fairly noble or wealthy person (or persons), was later used, probably, as a tomb for representatives of one of the numerous civil-religious or religious-professional associations (fiasi) of Panticapaeum.

Д. Э. Василенко, О. Ф. Жупанин
(НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар)

Комплекс средневековых пифосов на территории поселения Варваровка-3

В 2015 г. отрядом НАО «Наследие Кубани» был исследован поврежденный участок культурного слоя поселения Варваровка-3 близ г. Анапы (рис. 1). На участке размерами 70×75 м было обнаружено 15 придонных частей пифосов, верх которых уничтожила плантажная распашка, и 8 круглых в плане и колоколовидных в сечении ям, вероятно, также предназначенных для установки пифосов. В донных частях трех из них зафиксированы отпечатки поддонов. Судя по прослеженной в археологическом материке глубине ям, первоначально пифосы были закопаны в грунт по плечики. Во внутренних частях пифосов, ямах, разрушенном плантажной вспашкой и переотложенном участке культурного слоя было обнаружено 1483 фрагментов этих сосудов, большая часть из которых – стенки (1088 экз.). Обломки иной тарной керамики, столовой и кухонной посуды немногочисленны – 155 единиц. Большая часть профильных фрагментов сильно измельченные. Лучше сохранились профильные фрагменты тарных сосудов, обнаруженные внутри пифосов.

Форма и размеры большинства пифосов реконструируются по пифосу № 13, сохранившемуся на 2/3-ти, до плечиков (рис. 2. 1). Внутри него была уцелела его же верхняя часть с венчиком.

Большинство придонных частей и обломки венчиков принадлежит гладкостенным пифосам с яйцевидными туловами на цилиндрических ножках-поддонах. Горла низкие. Венчики массивные, с широким плоским верхним краем. В сечении они имеют уступ во внешнюю сторону, внешние части «губ» округлены. Диаметры поддонов от 11,5 до 13 см при высоте 5–8 см. Диаметры венчиков от 35 до 49 см. Максимальные диаметры тулов пифосов №№ 3, 13, 14 от 80–82 до 94 см. Толщины стенок от 1,4 до 3,7 см. Тесто плотное, красного цвета, полного прокала с примесью песка и крупного шамота (рис. 2. 1–3; 3. 1–4; 4. 1, 2; 6. 2, 3; 7. 2–6). Внешняя поверхность одного из венчиков покрыта ангобом коричневого цвета (рис. 6. 1). Фрагмент венчика, найденный в нижней части пифоса № 5, коричневоглиняный. Тесто плотное, с примесью дресвы и крупного шамота (рис. 7. 1). Обломок ещё одного из красноглиняных венчиков, обнаруженного там же – грибовидный, с округленным внешним краем (рис. 6. 4).

Кроме описанных венчиков в нижней части пифоса № 3 был найден фрагмент красноглиняного венчика с невыделенным округлым краем, скошенным во внутрь

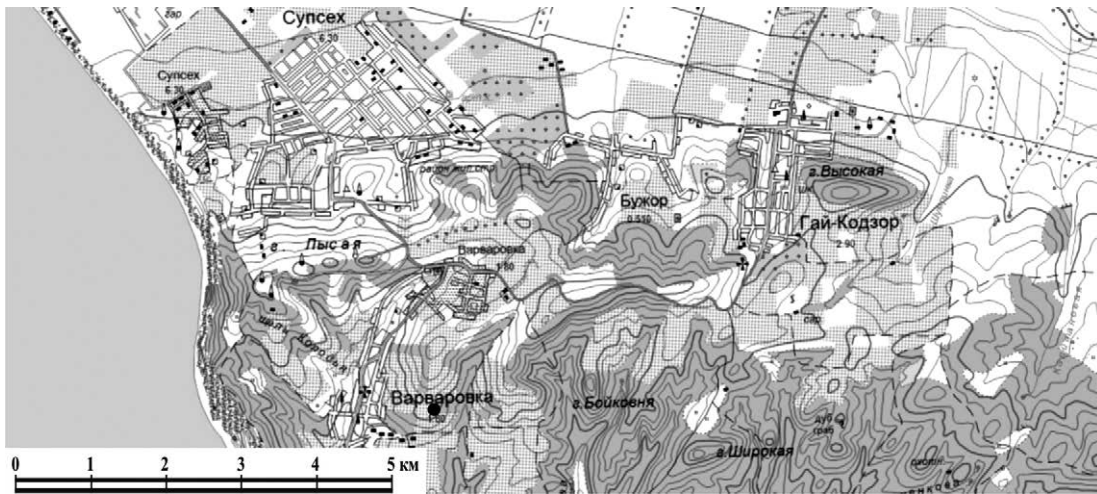

Рис. 1. Место расположения памятника

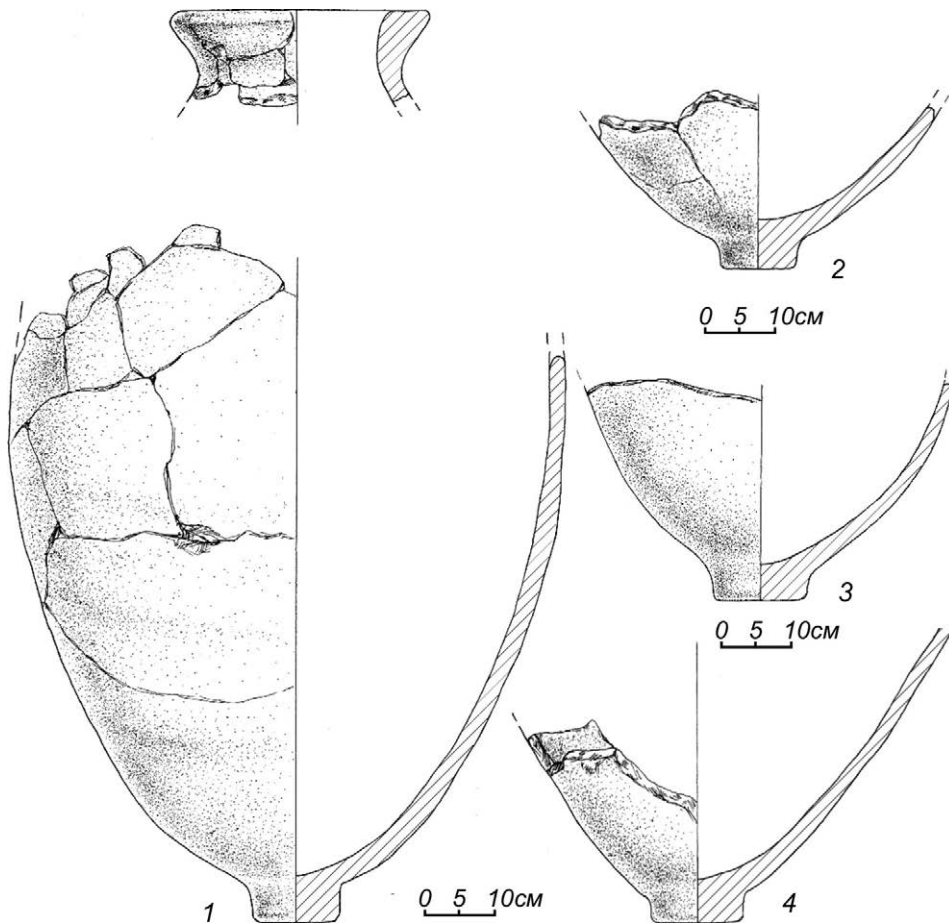

Рис. 2. 1 – Пифос № 13. 2–4 – Придонные части пифосов: 2 – пифос № 2; 3 – пифос № 15; 4 – пифос № 1

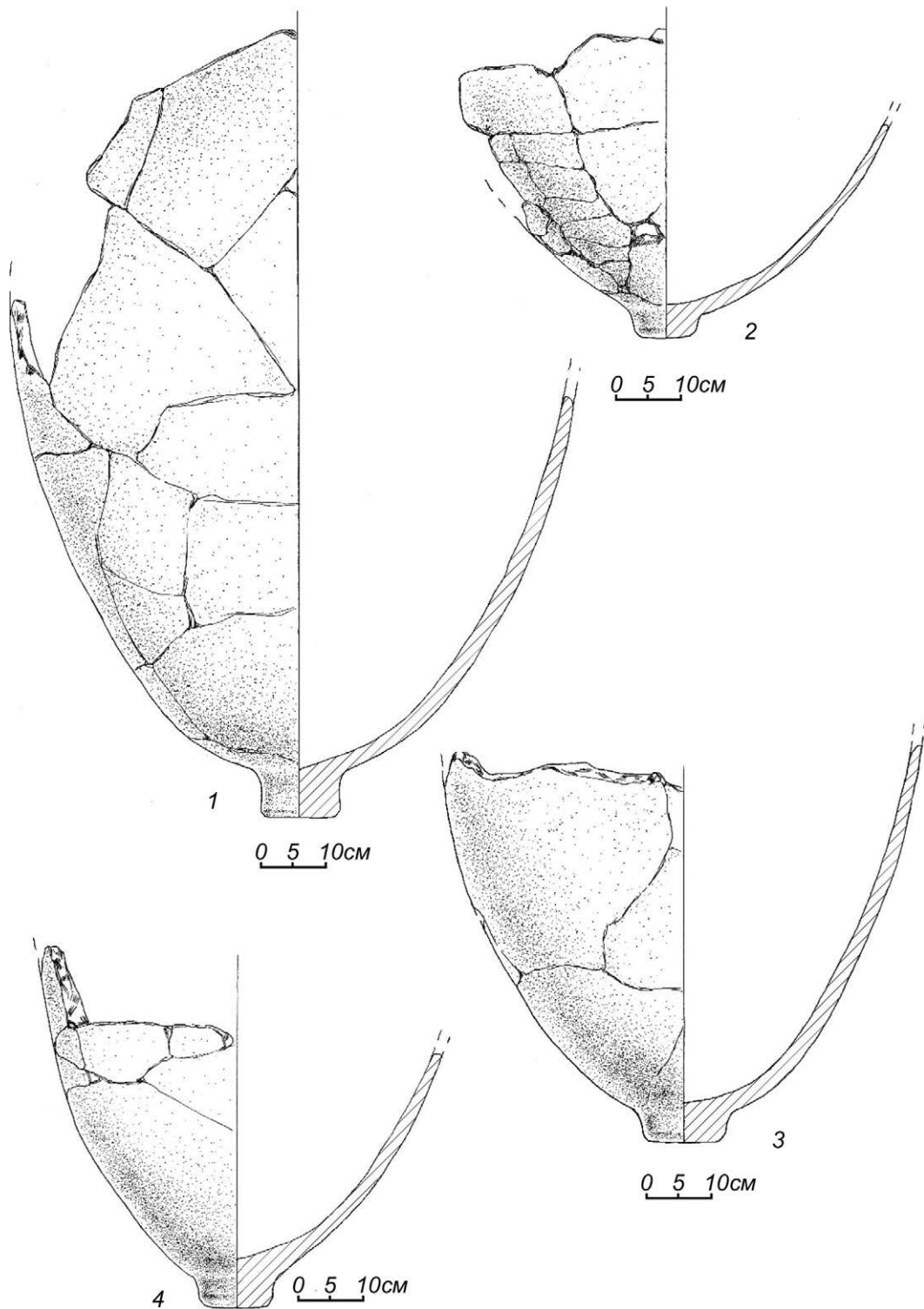

Рис. 3. Нижние части пифосов: 1 – пифос № 14; 2 – пифос № 11;
3 – пифос № 7; 4 – пифос № 9

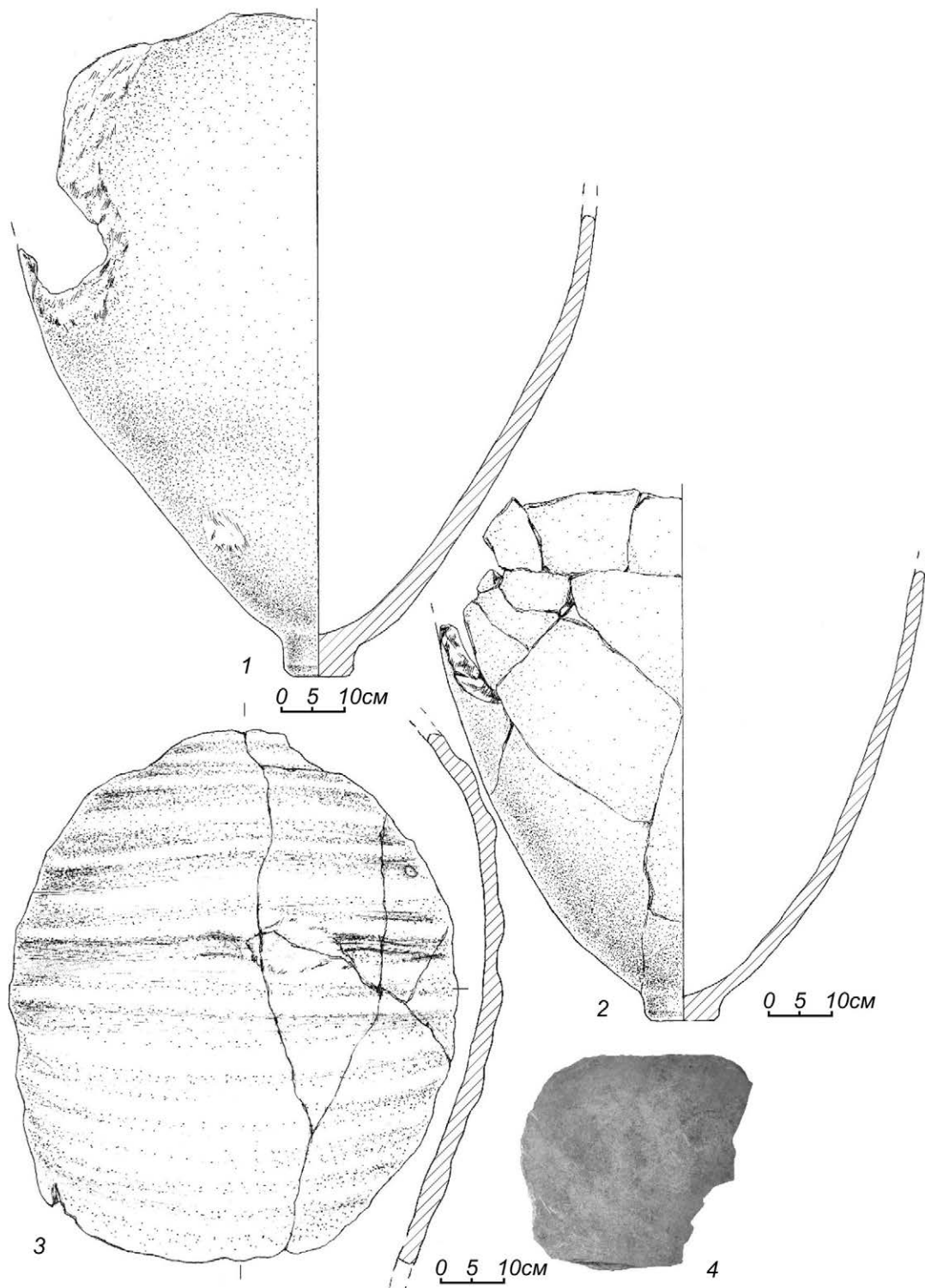

Рис. 4. 1, 2 – Нижние части пифосов: 1 – пифос № 12, 2 – пифос № 3.
3 – фрагмент стенки пифоса № 5; 4 – фрагмент каменной крышки пифоса № 5

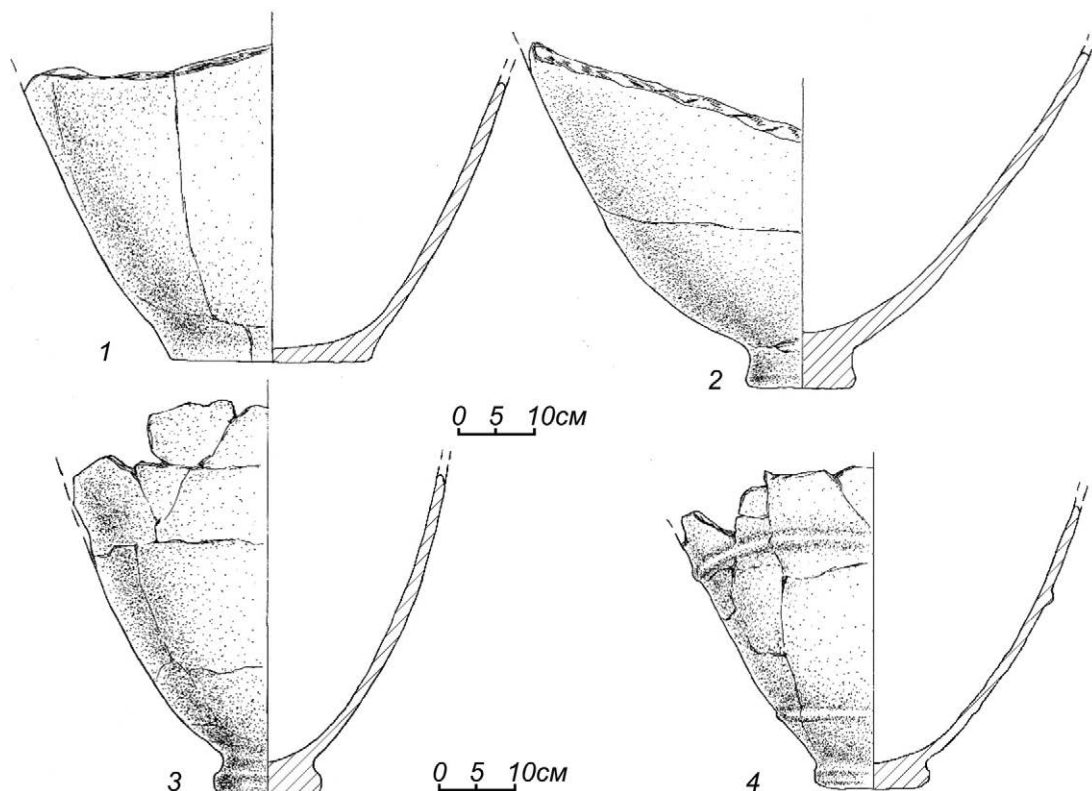

Рис. 5. Нижние части пифосов: 1 – пифос № 8; 2 – пифос № 4;
3 – пифос № 10; 4 – пифос № 6

(рис. 7. 7), а в пифосе № 14 – часть «шайбообразного», переходящего непосредственно в плечики сосуда венчика (рис. 7. 8). Глина красная, плотная, с примесью дресвы и крупного шамота

Пифос № 5, большая часть которого была уничтожена плантажной вспашкой, также изготовлен из плотного красного теста с примесью песка и крупного шамота. Сохранилась его стенка с реберчато-желобчатой поверхностью. Толщина её 2,6–3,7 см (рис. 4. 3). При разборке обломков этого пифоса был обнаружена фрагмент его каменной крышки (рис. 4. 3).

Пифос № 8 был изготовлен из такого же теста, но отличался плоским дном (рис. 5. 1). Также были обнаружены три придонных части пифосов с профилированными ножками.

Ножка же пифоса № 4 (глина красная, плотная с примесью дресвы и крупного шамота) имела форму усеченного конуса (рис. 5. 2). Глина пифосов № 10 и 6 рыхлая, светло-коричневого цвета, полного прокала, с примесью песка, крупного шамота и дресвы. Ножки их также профилированные. Нижняя их часть – круглый плоскодонный поддон, слегка выступающий за абрис перехвата, отделяющего его от тулова (рис. 5. 3, 4). На нижней трети пифоса № 6 – два концентрических налепа – рельефных «обруча» (рис. 5. 4).

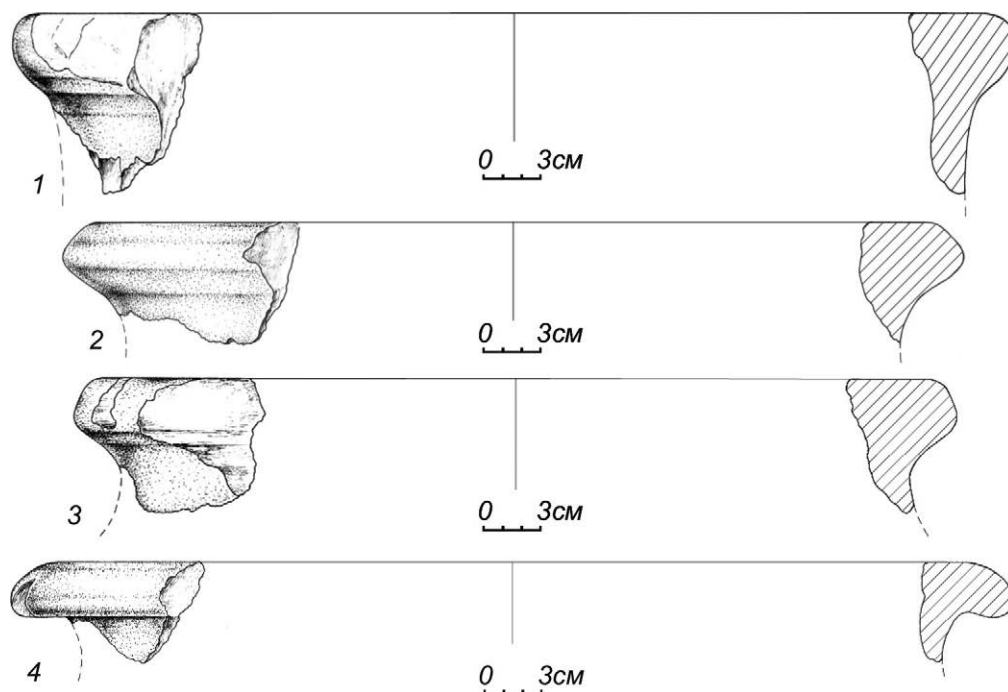

Рис. 6. Фрагменты венчиков пифосов: 1, 2 – из пифоса № 8; 3, 4 – из пифоса № 5

Морфология найденных пифосов соответствует той, что в свое время была выделена А. Л. Якобсоном в самую многочисленную хронологическую группу VIII–IX вв. (желобчатые пифосы и пифосы с рельефными «обручами») и IX–начала X вв. (гладкостенные с цилиндрическими и профилированными ножками) [Якобсон 1966, 192–194, 196, 197]. Однако учитывая цвет и состав теста описанных пифосов их, скорее, следует отнести к группе сосудов X в., известной, главным образом, по раскопкам Херсонеса. Отличающаяся темно-красным цветом черепка, она отнесена А. Л. Якобсоном преимущественно к IX–X вв. [Якобсон 1966, 198; 1979, 36]. Позже было установлено, что в Херсонесе гладкостенные пифосы третьей группы продолжали использоваться, как минимум, до конца XI в. [Науменко 2009, 34].

Достаточно близкое сходство нижней части плоскодонного пифоса № 8 (рис. 5. 1) и фрагмента венчика из пифоса № 5 (рис. 6. 4) обнаруживает с этими же частями гладкостенных пифосов из Южной Таврики, в особенности – из Ласпи. Нижняя дата этой группы была определена Е. А. Паршиной в границах IX–X вв., однако ей же было указано, что поздняя дата по условиям находок может быть отнесена к XIII–XIV вв. [Паршина 1974, 58, рис. 5. 1–9, 59; Науменко 2009, 34].

Пифосы этой хронологической группы впоследствии были прослежены И. Б. Тесленко в составе комплексов на территории замка Фуна и крепости Алустон. Комплексы включали как пифосы этой группы, так и более поздние.

Пифосы VIII–X вв. были объединены ею в группу I, включавшую два типа тары: с реберчато-желобчатой поверхностью (тип 1) и гладкостенные (тип 2). Глина пифосов

обоих типов одинаковая: достаточно грубая, со значительным количеством шамота и дресвы алевритов. Обожженный черепок желто-красный различной тональности, иногда пережжен до коричневого или серого цветов [Тесленко 2015, 132–135, 142–144].

Следует отметить указанное ей нахождение в донжоне крепости Фуна плоскодонного пифоса группы I, типа 2, наиболее близкому пифосу № 8 из поселения Варваровка-3. Пифос этого же типа с сильно профилированной ножкой, накрытый каменной крышкой, был найден в помещении № 32 этой же крепости. Пифосы типа 2 группы I были обнаружены совместно с пифосами, выделенными в группу III, узко датированными концом XIV – третьей четвертью XV вв. [Тесленко 2015, 135, рис. 7. 2, 3; 146–147, 159, 160]. Ею же было приведено ещё одно изображение пифоса группы I, тип 2 с аналогичной, сильно профилированной ножкой из раскопок крепости Алустон [Тесленко 2015, 133, рис. 5].

Нельзя не отметить сходство нижних частей двух этих пифосов с доньями пифосов № 6 и 10 из рассматриваемого комплекса по морфологии, обжигу и составу формовочных масс (рис. 5. 3, 4).

Рельефные «обручи» на нижней трети пифоса № 6 (рис. 5. 4) позволяют соотнести его с пифосами второй группы VIII–IX вв. [Якобсон 1966, 194–196].

Фрагменты яйцевидных с желобчатыми стенками пифосов, сформированных из рыхлого теста с примесью известняка, шамота, железистых частиц, песка, приобретшего после обжига красный или темно-красный цвет, снаружи покрытых ангобом более темного, чем черепок, оттенка представляют подавляющее число соответствующих находок в средневековых горизонтах Тиритаки [Науменко 2009, 33]. Вероятно, эти пифосы следует рассматривать в качестве аналогов упомянутому обломку венчика, покрытого ангобом коричневого цвета (рис. 6. 1).

В качестве аналога «шайбообразного» венчика можно привести фрагмент пифоса из Фанагории, отнесенного В. Н. Чхаидзе к типу 2. Однако следует отметить, что внешняя поверхность фанагорийских пифосов этого типа покрыта ангобом [Чхаидзе 2012, 185, 514, рис. 124. 2].

Среди прочих керамических находок отметим обломки венчиков и горл амфор причерноморского типа. Согласно последней из представленных в настоящее время типологий этих амфор (В. Е. Науменко), фрагмент амфоры из пифоса № 13 следует отнести к выделенному им типу 1. Период бытования амфор этого типа – IX–X вв. [Науменко 2009, 39–41]. Фрагменты амфор, происходящие из пифосов №№ 1, 3, 13, относятся к типу 2, датированному этим же временем [там же, 43–46].

Касательно обломков высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (ВКПР) (рис. 7. 11–13), считается, что в настоящее время не создана классификационная шкала для морфологии и периодизации такого рода сосудов. Можно только отметить, что фрагменты венчика и горла из пифоса № 9 (рис. 7. 11) соответствуют виду V, выделенному В. Н. Чхаидзе [2008, 167, 168, рис. 91]. Хронология ВКПР определяется концом IX – концом XI вв., а период их наибольшего использования в Причерноморье приходится на X–XI вв. [Науменко 2009, 57].

Таким образом, следует констатировать, что рассматриваемый комплекс пифосов с территории поселения Варваровка-3 полностью состоит из тары, импортированной, предположительно, с территории Южной Таврики.

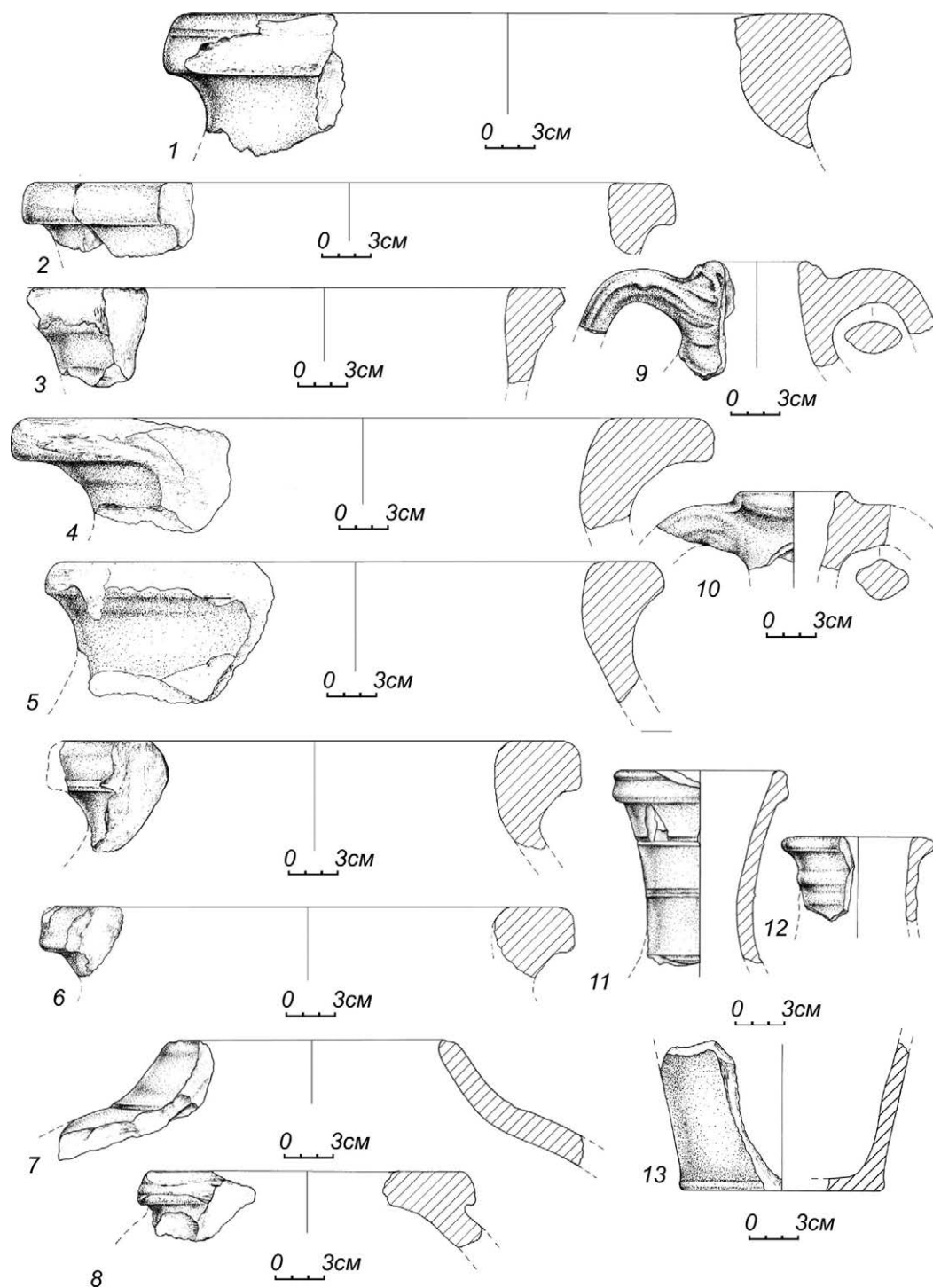

Рис. 7. 1–8 – Фрагменты венчиков пифосов: 1, 2 – из пифоса № 5; 4–6 – из пифоса № 14; 7 – из пифоса № 3; 8 – из пифоса № 14. 9, 10 – Фрагменты горл амфор: 9 – из пифоса № 5; 10 – из пифоса № 13. 11–13 – Фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (ВКПР): 11 – из пифоса № 9; 12 – из пифоса № 3; 13 – из пифоса № 14

Принимая во внимание существующие датировки упомянутых типов пифосов, амфор и ВКПР, время функционирования этого комплекса определено в хронологических границах IX–X вв. (с возможностью последующего уточнения). Наше собрание пифосов пополняет корпус известных сосудов этого типа и времени, происходящих с территории г.-кур. Анапа [Зажигина, 1996, 117–119].

Комплексы пифосов, происходящие с северной части Северо-Восточного Причерноморья, обычно относятся к более позднему времени: XII–XIII – началу XIV вв. Выказывалось предположение, что эти «склады» как-то связаны с торговой активностью Трапезундской империи [Армарчук 2017, 6–7; Дмитриев 1982/2008, 319].

Комплекс пифосов с территории поселения Варваровка-3, по всей видимости, маркирует более ранний, ещё византийский этап торговой активности в этом регионе.

Разведки, проведенные на немногочисленных памятниках этого времени на территории г.-кур. Анапы: Уташском поселении, датированном VIII–X вв. [Армарчук 2003, 213], поселении на юго-восточной окраине с. Витязево [Зажигина 1996, 117], многослойных поселениях Андреевская щель 1 и 2, соответствующие горизонты которых относятся к X–XII вв. [Армарчук 2003, 213] не демонстрировали сколь-нибудь значимых объемов крымских керамических импортов. Южнее этих мест крымские пифосы и кухонная керамика VIII–IX вв. были найдены на территории «цитадели» Годликской крепости [Иванова 1997, 54–57].

Далее к югу отмечено лишь крайне небольшое количество фрагментов крымских пифосов и амфор этого времени в культурном слое Анакопийской крепости [Бгажба 1977, 10, 12, 14].

Эти находки тарной керамики можно рассматривать как свидетельство каботажной торговли по маршруту Крым – Юго-Восточное Причерноморье.

Представляется, что предпосылкой организации этого маршрута явилось создание фемы Евксинского Понта, упомянутой в Эскуриальском тактиконе, составленном в 971–975 гг. [Oikonomidès 1972, 358]. Вероятно, кроме исполнения основной функции – прикрытия византийской столицы с севера, она также могла контролировать морские перемещения между фемой Боспор и Анакопией, где византийское присутствие отмечено уже в первой трети X в. [Виноградов 2011, 212–214; Виноградов, Гугушвили 2015, 100].

Возможность относительно безопасных перемещений в определённой степени содействовала активизации морской торговли.

Поселение же Варваровка-3 в этом плане следует рассматривать как селитебную зону портового пункта, задействованного в каботажной торговле. В окрестностях с. Гай-Кодзор, в 8 км к северо-востоку от с. Варваровка, ранее были обнаружены два монетных клада X–XI вв., что может характеризовать этот регион как в достаточной мере крупный торговый центр [Новичихин 2022, 271].

Список литературы

- Армарчук Е. А. 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. Поселения // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 213–215.
- Армарчук Е. А. 2017. Керамика Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII веков. М., 95.
- Бгажба О. Х. 1977. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 80.
- Виноградов А. Ю., 2011. Эпиграфика надписи с Анакопийской горы // Искусство Абхазского царства VIII–XI века. СПб, 209–221.
- Виноградов А. Ю. Гугушвили Ш. 2015. Очерк истории Абхазского католикосата. Ч. 1. VIII–X вв. // Богословские труды. 46. М., 79–116.
- Дмитриев А. В. 1982/2008. Средневековые пифосы из Новороссийска и его окрестностей. XII Крупновские чтения. Геленджик, 1982. Тезисы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 319.
- Зажигина Л. Ю. 1996. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). 2. Армавир, М., 117–119.
- Иванова С. Н. 1997. О раскопках на «цитадели» крепости в устье реки Годлик // Археология, архитектура и этнокультурные процессы Северо-Западного Кавказа. Материалы конф., посвященной итогам исследования Лооской археологической экспедиции УрГУ в Лазаревском р-не г. Сочи. Екатеринбург, 54–58.
- Майко В. В. 2009. Сугдея второй половины X–XI вв. Между Византией и Тмутараканью // Античная древность и средние века. 39, 272–288.
- Науменко В. Е. 2009. Керамика и находки из слоев и строительных комплексов VIII–X вв. // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. (БИ. Suppl. 5). Симферополь–Керчь, 31–74.
- Новичихин А. М. 2022. Находка монеты византийского Херсона на Северо-Западном Кавказе // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. Ставрополь, 269–273.
- Паршина Е. А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 56–94.
- Тесленко И. Б. 2015. Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV–XV вв. // Генуэзская Газария и Золотая Орда (Stratum Plus. Сер. Археологические источники Восточной Европы), Кишинев, 125–163.
- Чхаидзе В. Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 328.
- Чхаидзе В. Н. 2012. Фанагория в VI–X веках. М., 590.

- Якобсон А.Л. 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 2, 169–202.
- Якобсон А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 164.
- Oikonomidès N. 1972. Les Listes préséance byzantines des IXe–Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris, 403.

Summary

D. E. Vasilinenko, O. F. Zhupanin
Complex of medieval pithoi from Varvarovka-3 settlement
(Anapa city, Krasnodar region)

The article publishes a complex of pithoi of the 9th-10th centuries from the settlement of Varvarovka-3 (Anapa, Krasnodar Territory). All pithoi are imports from the southern part of Crimea. This complex mark the earliest stage of Byzantine coasting trade in the northeastern Black Sea region. Route connected the Bosporan Pont theme and the Anakopia fortress, where the Byzantine presence is also known. The authors suppose, that the s route was organized at the end of the 10th century. The security of coasting trade in the Black Sea region was provided by the theme of Euxine Pontus, mentioned in the Escurial Tacticon.

Н. И. Винокуров

(Московский педагогический государственный университета,
г. Москва)

Два типа гробниц северо-восточного некрополя городища Артезиан (раскоп 12, 2019 г.)

Некрополь городища Артезиан, открытый в 1999 г. ААЭ МПГУ в 2,5 км от современного поселка Чистополье, исследуется с перерывами на протяжении всего последующего времени [Винокуров 2007, 66–77; 2012; 2014]. На общей площади более 35 га были раскопаны два расположенных как бы по диагонали сектора – участка: северо-восточный и юго-западный. Лучше изучен первый из них, наиболее подверженный грабительским разрушениям (рис. 1). В 2015–2018 гг. на юго-западном некрополе городища Артезиан IV в. до н. э. – III в. н. э. был открыт и исследован неизвестный ранее грунтовой позднесредневековый могильник [Винокуров 2018, 229–230; 2019, 116–124]. А в 2017–2018 гг. в связи с карьерными разработками в урочище Артезиан были проведены разведки (Н.И. Винокуровым, А.В. Зинько) и раскопки трёх курганов (С.Г. Колтуховым) в непосредственной близости от городища, на территории его юго-западного некрополя. В результате были раскопаны гробницы эллинистического времени и рубежа нашей эры, а также средневековые грунтовые захоронения [Винокуров 2018, 229–230; 2019, 116–124; Кропотов, Колтухов 2019, 327–330]. К большому сожалению, охранные работы крымских исследователей проводились с многочисленными методическими и законодательными нарушениями, в спешке и крайне небрежно. Так грунтовой некрополь вскрывался бульдозерами¹ и часть античных могил была снесена без должной фиксации. При этом, безосновательно все здешние погребальные комплексы были отнесены к некоему «новому» некрополю, якобы не связанному с указанным городищем [Кропотов, Колтухов 2019, 327–330]. Подобные действия, несмотря на все соответствующие обращения, до сих пор не получили должной правовой оценки. Более того, вскрытый землеройной техникой участок юго-западного некрополя остаётся не рекультивированным и не исследованным.

¹ Особенностью некрополя городища Артезиан являются довольно плотное расположение погребальных комплексов, многоярусное расположение по глубине. Наиболее плотно погребения концентрировались около каменных склепов и больших плитовых гробниц, где они даже перекрывали и прорезали друг друга. Технику на некрополе применять невозможно даже для снятия балластного грунта, так как некоторые детские могилы залегают непосредственно под дёрном, а выкиды из грабительских шурфов нередко содержат важный археологический и антропологический материал, что требует их ручного разбора и просеивания.

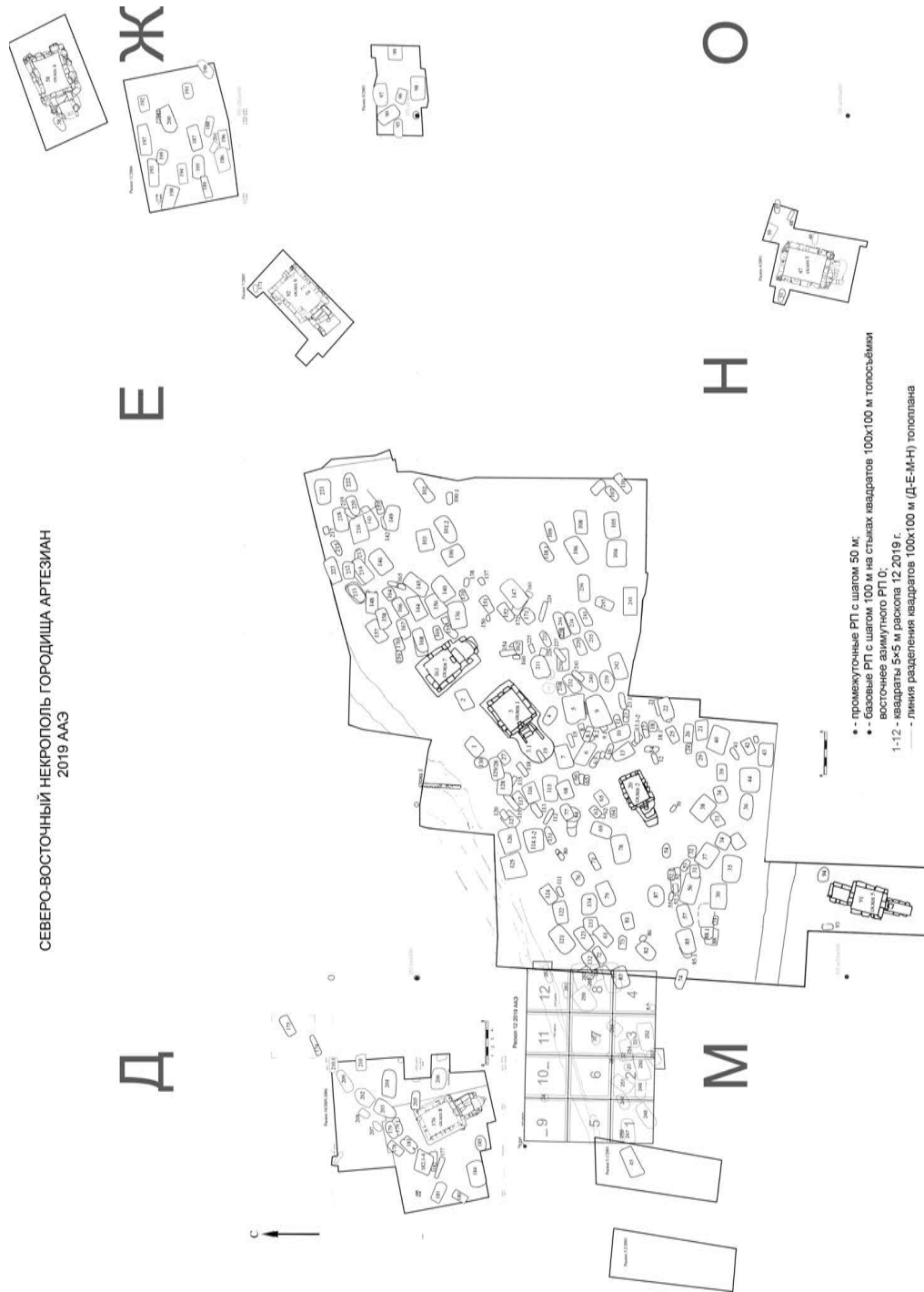

Рис. 1. План-схема раскопов некрополя городища Артезиан. Северо-восточный некрополь городища Артезиан. Ленинский район РК

Но вернёмся к раскопкам упомянутого выше северо-восточного некрополя городища, (раскоп 12 площадью 300 кв. м) (рис. 1)². В результате было открыто 5 эллинистических ям и 20 новых погребений рубежа н. э. – I–II вв. н. э. В ходе этих работ были выявлены древние дороги, проходившие через некрополь в сторону городища, а также объекты эллинистического селища IV–III вв. [Винокуров 2022, 9–28]. Вся поверхность раскопа в 2005 г. специально (против грабителей) была засыпана отработанным грунтом толщиной около 0,6 м. Однако это не помогло. В межсезонье большая часть могил всё-таки была ограблена, плиты перекрытий проломлены, костяки частично или полностью перемещены и разрушены (рис. 2–5). В итоге, из 20-ти выявленных погребальных объектов уцелели лишь три гробницы. (В материковом грунте вокруг могил на каждом квадратном метре фиксировались пять-семь и более отверстий от грабительского поискового инструмента. «Выбитым» оказался весь центральный участок некрополя: на новом раскопе 13/2020 г. из 11-ти гробниц целыми оказались лишь три [Винокуров 2021, 161–168]³. Тотальное уничтожение памятника прекратилось только в 2021 г., когда появилась физическая охрана городища и некрополя, организованная при содействии Заповедника и благотворителей из Индустриального парка «Еникале».)

Несмотря на разграбление, в раскопанных могилах сохранились остатки перекрытий, сопроводительного инвентаря, части костяков, что позволяет по аналогии с другими артезианскими могилами реконструировать особенности местной обрядовой погребальной практики и охарактеризовать основные выявленные типы погребений. Прежде чем переходить к их описанию, приведём общую характеристику всего северо-восточного некрополя городища. Его установленная на данный момент площадь превышает 15 га, а раскопанная до материка – 3790 м². Всего тут найдено около трёхсот гробниц, среди них восемь каменных склепов I–II вв. н. э. Северо-восточный некрополь появился в период наиболее интенсивной жизни поселения – в первые века нашей эры. Его формирование происходило вдоль грунтовых дорог, отходивших к северо-востоку и востоку от городища (северный водораздел урочища Артезиан). На этой же территории помимо грунтовые захоронений были и подкурганые, датируемые эпохой энеолита-бронзы и античного времени. Малая часть из них сохранялась еще в довоенное время (они отражены на топографических картах, высотой от 1 до двух метров), остальные оказались распаханными. Только на северо-восточной периферии некрополя уцелел единственный курган с отметкой «56,9», правда, довольно большой – высотой более двух метров. Его центральная часть уничтожена триангуляционным знаком, а полы – повреждены глубокими провалами грабительских лазов.

Погребальный обряд артезианского некрополя смешанный, сочетает элементы преимущественно греческого и отчасти варварского происхождения, близок с синхронными боспорскими могильниками, открытыми в Крымском Приазовье, а также в районе современных поселков Ново-Отрадное и Золотое. Полиэтническое происхождение местного населения при

² Раскопочные работы проводились на основании Открытого листа № 0410–2019 от 6 мая 2019 г. в квадрате «М» топосъемки (100×100 м), между древними дорогами, отходящими от городища Артезиан по направлению к северо-востоку и востоку. Его размеры: 20×15 м. (вытянут с запада на восток и ориентирован по сторонам света). На востоке он смыкался с раскопом 1–2/2000–2007, на западе – с раскопом 3.1/2001. Северный бортик раскопа 12 отстоял на 12,77 м южнее РП С0/В300, к югу от раскопа 10/2005–2006 гг. со склепом 8/2005.

³ Работам 2020 г. на площади около 200 м² будет посвящена отдельная статья.

сходстве материальной культуры вполне очевидно и доказывается последними находками надгробных стел с именами греческого, фракийского, иранского и адыго-абхазского происхождения [Масленников 2000, 136–200; Винокуров, Яйленко 2022а, 31–52; 2022б, 95–134].

В урочище Артезиан исследовались разновременные могильники поселений Ново-Отрадное, Золотое и Золотое-плато [Арсеньева 1961, 66–69; 1963, 192–203; 1970, 82–149; Кругликова 1975, 113–116, Кругликова, Романовская 1971, 252–253; Корпусова, Орлов 1978, 65–76; Корпусова, 1983, 3 и сл.; Масленников 1995а, 6 и сл.]. Некрополи Ново-Отраденский и у с. Золотое – в целом синхронны рассматриваемым погребальным комплексам. Это наряду с относительно близким соседством (6–8 км от к западу от городища Артезиан) предполагают возможность проведения сравнительного анализа не только отдельных категорий погребального инвентаря, но и в целом всего погребального обряда с целью выделения общего и особенного для каждого из упомянутых выше памятников.

На некрополе Артезиан в целом, были выявлены следующие основные группы погребальных сооружений:

1. *грунтовые могилы;*
2. *грунтовые могилы с заплечиками;*
3. *плитовые гробницы;*
4. *захоронения в каменных саркофагах;*
5. *подбойные могилы;*
6. *земляные склепы;*
7. *подкурганые каменные склепы.*

На раскопе 12/2019 такого разнообразия погребальных объектов не было. Здесь открыты лишь грунтовые могилы с заплечиками и подбойные гробницы (рис. 1). Могила с заплечиками раскопана 18, подбойных гробниц – две. Они располагались как бы на узком «мысу» между двумя древними грунтовыми дорогами, были хорошо заметны и легкодоступны, поэтому и уцелели хуже.

*Грунтовые гробницы с заплечиками для установки каменного перекрытия:
(246/2019–254/2019, 257–264/2019) (рис. 2–15)*

Многолетними раскопками на некрополе Артезиан установлено, что могильные ямы с заплечиками – уступами грунта, на которые устанавливались каменные или деревянные перекрытия, доминировали над всеми остальными типами гробниц. Подбойных могил и земляных склепов было заметно меньше. Хотя этот тип гробниц был достаточно широко распространён в античных некрополях Боспора и других регионах Северного Причерноморья, далеко не везде наблюдалась подобная ситуация [Корпусова 1983, 21; Масленников 2000, 140–142; Гуцина, Журавлёв 2016, 8]⁴. Возможно, это не случайно и отражало какие-то сложно – уловимые, этно-социальные, бытовые или религиозные реалии.

⁴ По подсчетам В.Н. Корпусовой [1983, 20, табл. 2], на сельских некрополях (Золотое, Ново-Отрадное, Кыз-Аул, Семеновка, Фронтное II, Заморское) таких могил было соответственно: 49, 66, 22, 20, 43, 48%. Но данная выборка в целом малопредставительна и могилы с заплечиками не выделены в специальный раздел. Возможно, на некрополях Ново-Отрадное и Золотое этот тип погребальных сооружений даже и преобладал. Правда, корректное сравнение с артезианскими материалами провести невозможно, так как в монографии не указано общее количество найденных погребений по хронологическим периодам. В сводных публикациях по некрополю Илурата могилы с заплечиками не дифференцированы от обычных грунтовых [Христановский

Могилы с заплечиками на некрополе Артезиан ориентированы в основном по осям: ЮЗ-СВ и много реже – СЗ-ЮВ (рис. 1). Крайне редко встречались и могилы с заплечиками, ориентированные продольными осями с севера на юг или с запада на восток. Вероятно, на разную ориентировку могил влияло время года, в которое совершались погребения, если принимать во внимание разницу в положение земли относительно солнца, луны или других небесных объектов [Винокуров, Мацнев, Фесенко 2007, 171–190].

Артезианские могилы с заплечиками конструктивно состояли как бы из двух частей: предъямного углубления (входной ямы) и собственно могилы – погребальной камеры, разделённых каменным закладом-перекрытием (рис. 2–5). В плане предъямные углубления имели прямоугольную форму с чётко выраженными или округленными углами (могилы 249, 251, 252, 254, 257, 260, 261, 262/2019), овальную (могилы 246, 247, 250, 256, 263, 264/2019) или близкую к трапециевидной (могилы 248, 253, 258, 259/2019). В разрезе – были подпрямоугольными или трапециевидными с прямыми, вогнутыми или скошенными стенками-бортами. Погребальные камеры располагались обычно по центру дна ямы. В плане они были овальными (могилы 246, 247, 250, 256, 258, 261, 262, 263, 264/2019) или подпрямоугольными (могилы 248, 249, 251, 253, 254, 257, 259, 260/2019). В разрезе они имели подпрямоугольную или трапециевидную формы; прямые или немного скошенные борта. По-видимому, конфигурацию и размер гробницы определяли размеры погребального ложа, гроба или саркофага.

На дне камер, по торцам нередко (246, 248, 250, 252/2019) устраивались округлые выемки, – две или четыре – под ножки саркофага или погребального ложа. Интересно, что на других участках некрополя такие углубления имелись даже в могилах грудных младенцев (71/2002). Ямки под ножки на дне гробниц обычно делали в тех случаях, когда по высоте саркофаг не помещался в погребальную камеру и мешал установке плит перекрытия.

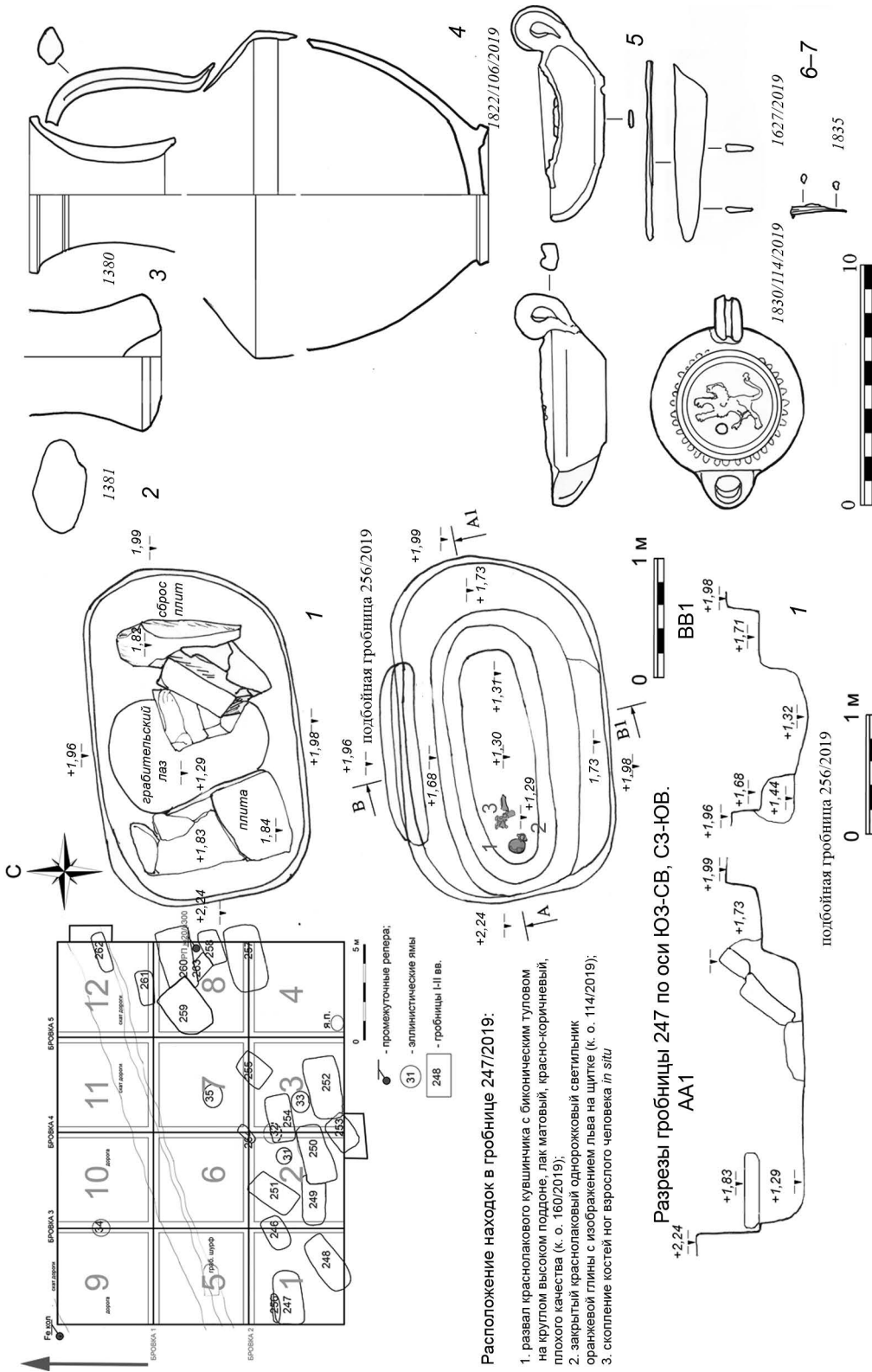
Повсеместно по совершению захоронений входные ямы засыпались, а погребальные камеры, перекрытые плитами, естественно, оставались пустыми. В тех случаях, когда хоронили без саркофага под черепом покойного специально оставлялся уступ несрезанного материкового грунта, как в гробнице 61/2002. Но в «нашем случае», подобные грунтовые уступы в могилах с заплечиками проследить не удалось. Однако в подбойной гробнице 256/2019 такой он присутствовал, а вот гроба или саркофага тут точно не было. По-видимому, во всех больших могилах с заплечиками использовались гробы или саркофаги. Это подтверждается следами древесного тлена в заполнении могил, раскопанных в 2019 г. Впрочем, таковой – отсутствовали в небольших по размеру детских погребениях (264, 263, 264/2019).

Только с течением времени погребальные камеры (ямы) полностью или частично всё же заполнялись рыхлым грунтом, проникавшим через щели между плитами перекрытия или при обвале бортов. Как правило, все гробницы были вырыты в материке и заполнение могильных ям выделялось на фоне однородного жёлтого плотного грунта наличием известковой крошки и щебня, меньшей плотностью, тёмным или, наоборот, более светлым окрасом. В том случае, если могилы были ограблены, внутрь попадали затёки чёрного или тёмно-коричневого гумусного грунта слоистой структуры. Нередко

2005, 124]. Зато, недавно раскопанный некрополь «Александровские скалы» очень напоминает артезианский [Бейлин, Рукавишников 2018 20–31]. Могилы с заплечиками в некрополе Танаиса, Нимфея и Ольвии сравнительно редки [Толочко 2004, 127–128; Соловьёв 2002, 99 и сл.; Папанова 2001, 36].

План и разрезы гробницы 247/2019 по оси ЮЗ-СВ, СЗ-ЮВ.

Расположение находок в гробнице 247/2019:

1. развал краснолакового кувшиника с биконическим туловом на круглом высоком поддоне, лак матовый, красно-коричневый, плохого качества (к. о. 160/2019);
2. закрытый краснолаковый однорожковый светильник оранжевой глины с изображением льва на щитке (к. о. 114/2019);
3. скопление костей ног взрослого человека *in situ*

Рис. 2. 1. План и разрезы гробницы 247/2019; 2-7. Находки из заполнения погребения 247

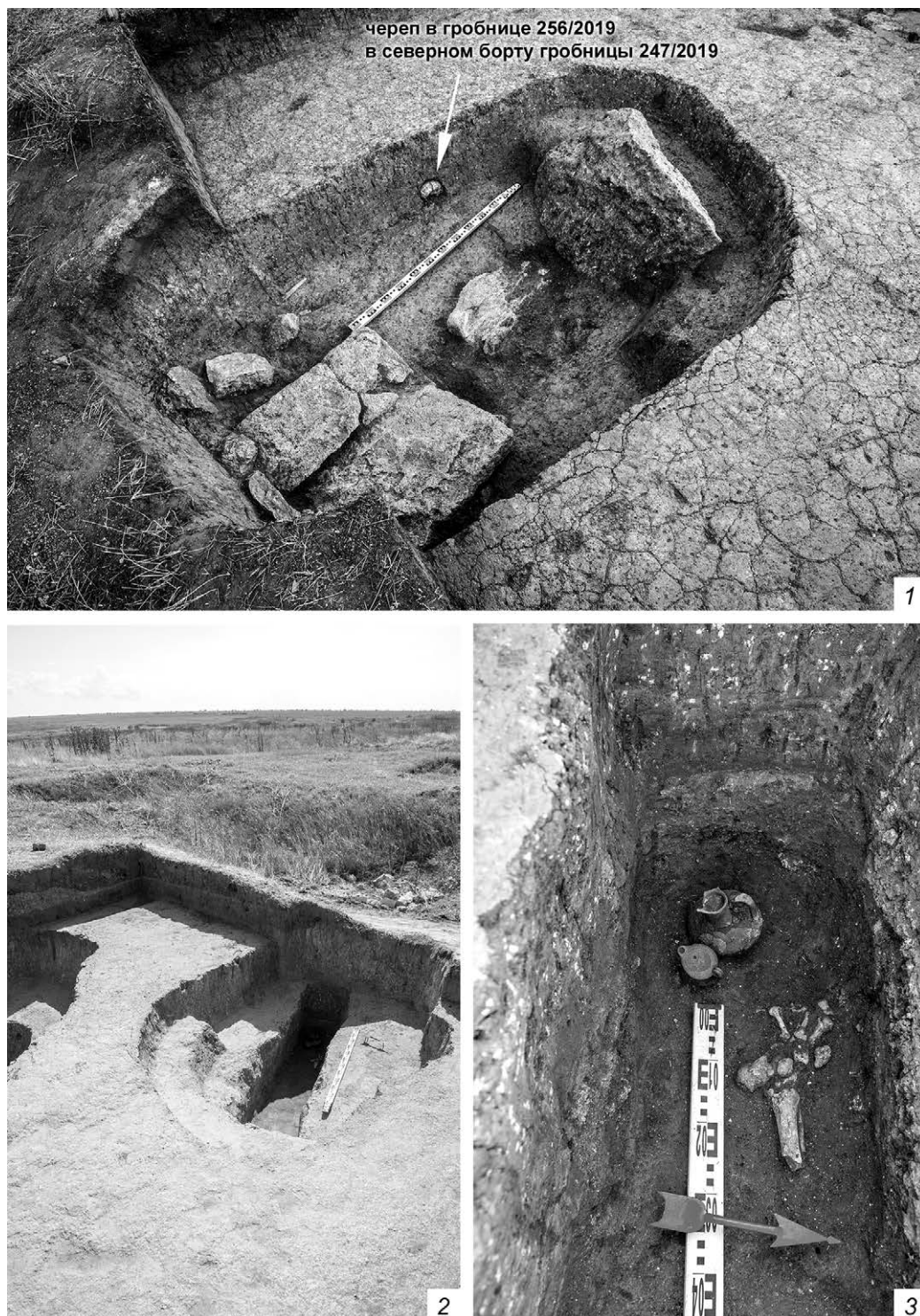

Рис. 3. 1. Гробница 247/2019 в подперновом горизонте «С». Вид с юго-запада на остатки плит перекрытия; 2. Вид с северо-востока после удаления плит и расчистки заполнения; 3. Вид с северо-востока на сопровождающий инвентарь

Металлические предметы в скоплении костных останков по центру гробницы 258/2019 после современного ограбления: 1 – бронзовая фибула(?); 2 – бронзовая или серебряная серьга

Рис. 5. 1. Находки в скоплении костей двух взрослых индивидов по центру гробницы 248/2019 после выборки заполнения. 2. Плиты перекрытия и могильная яма после расчистки. Вид с юго-запада

Рис. 6. 1. План и разрезы гробницы 246/2019;
3, 4. Находки из заполнения погребения 246

могилы изрыты норами грызунов⁵. Кости погребённых в этом случае сохранялись очень плохо, а находки смещались (рис. 6-7).

Уступы под перекрытия (шириной от 0,05-0,70 м) устраивались как по всем сторонам погребальной ямы. Плиты перекрытий, как правило, были хорошо подобраны. Они делались из светлого известняка и жёлтого ракушечника и обычно имели грубо околотую поверхность, хотя встречались и гладко отёсанные прямоугольные. Нередко использовались необработанные глыбы ожелезнённого известняка, отличавшиеся особой прочностью, массивностью и весом. Толщина некоторых плит доходила до 0,5 м и более, а вес - до 300-600 кг. Такие массивные плиты не применялись в обычном домостроительстве, кроме сооружения подпорных стен и фундаментов крепостных сооружений. Транспортировать их за несколько километров от ближайшего карьера до места совершения погребения можно было только на очень прочных телегах или специальных волокушах. Укладка же непосредственно в могилу (обычно довольно глубокую) требовала усилий нескольких человек и применения подъемных устройств или блоков. На первый взгляд, представляется неоправданным использование столь тяжёлых

⁵ Зерно на полях часто повреждалось огнём при сжигании стерни и степными пожарами. В этой связи находки карбонизированных семян зерновых культур в погребальных камерах могил моли иметь вторичный характер и не были связаны с захоронениями.

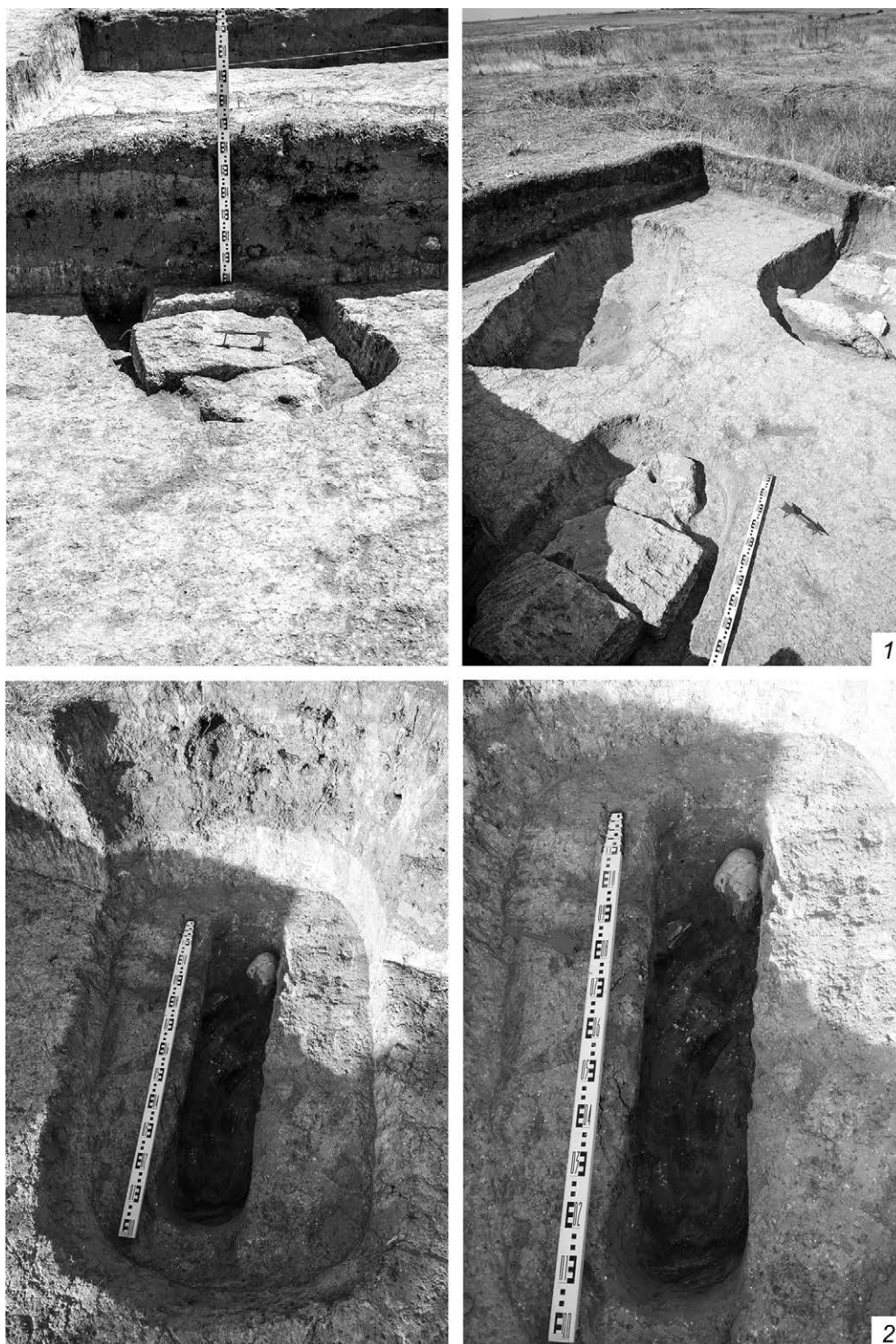

Рис. 7. 1. Каменное перекрытие гробницы 246/2019 в поддерновом горизонте «С». Вид с запада и северо-востока. 2. Вид с юго-запада после снятия плит перекрытия

камней в конструкции могил. Но, по всей видимости, для их устроителей затраты на подготовку, доставку и укладку монументальных плит имели особую мотивацию, обусловленную требованиями культа, престижа или опасностью возможного ограбления.

Для лучшего прилегания плиты перекрытий подтёсывались на месте. При подгонке к заплечикам они часто стёсывались по внутреннему краю; в результате оставались «русты», обращённые внутрь могил. Количество использованных плит варьировало от 1 до 4–5. (Чем меньше их было, тем большего они были размера и веса.) Края плит и щели между ними заполнялись мелким бутом. Уровни залегания строительного отёса около могил уверенно маркируют древний горизонт, с которого совершались захоронения.

Скорее всего, каменное перекрытие в могилах с заплечиками устанавливали окончательно, когда было ясно, что дополнительных захоронений больше не будет. Только в отдельных случаях, когда совершалось несколько последовательных захоронений в одну и ту же гробницу, борта могил дополнительно укреплялись плитами. Или же в таких случаях использовались временные дощатые перекрытия, следы которых ранее фиксировались на некрополе. Тяжесть и массивность плит перекрытия была настолько велика, что переложить их, не обвалив борта хотя бы частично, было невозможно. Если плиты снимались при совершении очередного захоронения и укладывались по-новому, борта обязательно повреждались, что требовало их дополнительного укрепления специальной кладкой или орфостатно установленными плитами. Так же поступали, когда борта могил были неустойчивы. Такое «укрепление» потребовалось для гробницы 254/2019, которая оказалась врезанной в более раннюю эллинистическую яму 32 с рыхлым заполнением, не способным удержать плиты перекрытия (рис. 15).

В могилах с заплечиками на данном участке некрополя городища Артезиан хоронились как дети (246, 253, 254, 258, 261–263), так и взрослые (247, 248–252, 257, 258, 260). Детские захоронения не образовывали компактные группы, подобно некрополю Танаиса [Толочко 2004, 48], но были как бы рассредоточены. Вообще, помимо могил с заплечиками детей хоронили в каменных саркофагах, подбойных гробницах и склепах. В «нашем» случае детские захоронения находились рядом со взрослыми, скорее всего, на одном семейно-родовом участке I–II вв. н. э.

Случаи «прорезания» одних могил другими зафиксированы на участке 2019 г. несколько раз (рис. 1). Так на западе раскопа подбойная гробница 256 была повреждена более поздней могилой с заплечиками 247. Гробница 250/2019 сама прорезает гробницу 249, а гробница 253/2019 – более раннюю могилу 252. На востоке участка выявлена более сложная картина. Здесь самой ранней гробницей являлась могила 258. Её прорезала нестандартно ориентированная гробница 263. А ту в свою очередь «пробила» могила 260, которая была частично разрушена позднейшей могилой 259⁶. При этом по находкам их хронологически разделить не представлялось возможным, так как все были ограблены.

Могилы с захоронениями взрослых были довольно глубокие: 1,38–2,33 м. Впрочем, на других участках артезианского некрополя гробницы с заплечиками нередко выкапывались до глубины 3,5 м. Их пятна фиксировались сразу, как правило, уже под дёрном

⁶ Случаи прорезания одних объектов другими принципиально важны для понимания последовательности освоения территории некрополя и установления его разновременных участков. Впрочем, они могли оказываться результатом захоронения родственников на «семейных» участках и значительно не отличаться по датировке.

и прорезали переотложенный культурный слой эллинистического селища, углубляясь в материковый грунт – плотную, жёлтую глину-«белоглазку». Детские и подростковые могилы – менее заглублены (1,09–2,04 м). Заклад могил с младенцами до двух–трёх лет нередко фиксировался на глубине 0,4–0,6 м.

Захоронения обычно содержали один, реже – два (260/2019), три (248/2019) костяка. Но на других участках данного некрополя были зафиксированы могилы с пятью–семью погребёнными. Сохранность костей в целом из-за особенностей химического состава почвы очень плохая. В ограбленных же захоронениях (259, 261, 264/2019) установить достоверно количество погребённых вообще не удалось.

Сложно сказать, какие факторы влияли на количество погребённых в могилах. Но единичные или парные захоронения в могилах с заплечиками, как уже писалось, доминировали. Таковые – обычны для юных женщин, молодых людей или подростков. Впрочем, встречались и погребения пожилых людей. Но полной статистики получить сложно, ввиду плохой сохранности костных остатков

Как правило, «многоразовые» гробницы, отличались значительными размерами, и относительно (не ясно, впрочем, как) долговременным характером использования. Когда они «заполнялись» или захоронения по тем или иным причинам прекращались, происходило символическое в буквальном смысле «закрытие» погребений: укладывалось монументальное перекрытие из плит, а в склепах – погребальная камера отделялась от дромоса мощной закладной плитой, нередко подпёртой пяточным камнем, совершенно закрывавшая доступ к деревянной двери между дромосом и камерой. Дромос дополнительно забутовывался и засыпался грунтом, а курган над склепом приобретал законченные округлые очертания. Этим достигалась полная изоляция всего погребального комплекса от окружающего пространства некрополя, его своеобразная сакральная гармонизация, служившая, якобы, «залогом» будущего перерождения и возрождения умерших, которым предстояло пройти путь от жизни – к смерти и новому рождению.

На участке 2019 г. положение покойных в целых и разрушенных могилах удавалось определить по сохранившимся *in situ* костям скелета. В непотревоженных могилах это – труположение вытянуто на спине, руки – вдоль тела, реже – согнуты в локтях, ноги прямо. На других участках некрополя ноги покойных иногда перекрещивались в лодыжках⁷. Положение кистей рук могло варьироваться: иногда – на лобковых костях таза. Покойные ориентировались головой на северо-восток, лицом на юго-запад (гробницы 246, 247, 248 (?), 249, 251, 252, 257/2019). Только в одной случае умершего положили головой на юго-запад, лицом на северо-восток (гробница 250/2019). В других могилах с заплечиками, где скелеты были полностью разрушены, положение покойных осталось невыясненным (гробницы 253, 254, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263/2019).

В погребениях с заплечиками обнаружен в целом обычный и для других участков артезианского некрополя сопроводительный инвентарь (рис. 8–14). Умерших сопровождали

⁷ Единственное ранневизантийское погребение 39/2001 г., найденное на некрополе, резко отличалось от античных. Захоронение мужчины совершено на правом боку, с подогнутыми ногами, руки были согнуты в локтях, пальцы, сложенные «в замок», находились перед грудью. Его датировала круглодонная желобчатая амфора типа 98а, по классификации И. Б. Зеест [1960], найденная в древнем грабительском отвале, которая относилась к ранневизантийскому периоду – в пределах второй половины VI – первой половины VII вв. и второй половины/конца VI – третьей четверти VII вв. н. э. [Винокуров, Пономарёв 2022, 5. 34–35, рис. 37].

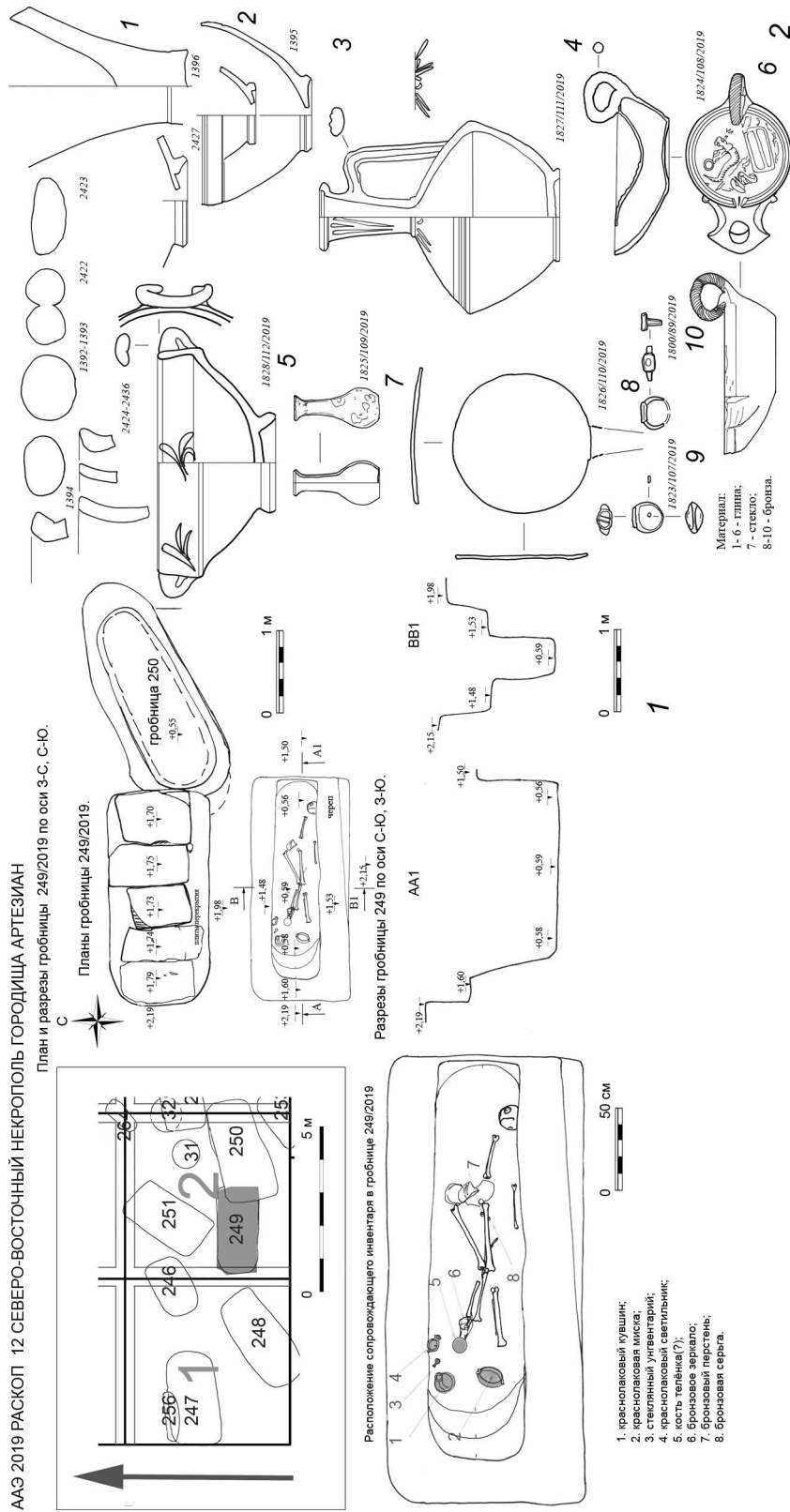

Рис. 8. 1. План и разрезы гробницы 249/2019. 2: 1–6. Находки из заполнения погребения 249

заупокойные питьё и еда, которые помещались в соответствующую тару и почти всегда устанавливались в ногах погребённых, за торец гроба или саркофага. Если не позволяло место в могиле, могли поставить их под ножки и на крышку саркофага. В качестве сосудов для питья (вино, молочные продукты, вода или мёд) использовались простые гончарные и (или) краснолаковые кувшины. Напутственная пища обычно мясная: на кости-голяшке мелкого рогатого скота (овцы или козы) и свиньи, – помещалась в краснолаковые миски. Под мясом, как правило, находился небольшой железный односторонний нож с деревянной или костяной рукоятью. Иногда рядом лежали косточки от фруктов, семена винограда и карбонизированные зёрна злаковых. Стекланные кувшины, чаши и блюда из дерева, которые встречались в могилах на соседних площадях некрополя, в данном «случае» не обнаружены, но, судя по обломкам, они до ограбления в могилах были.

Рядом с упомянутыми сосудами помещались унгентарии для благовонных масел, краснолаковые и лепные светильники. Внутри краснолаковых светильников, щитки которых украшены рельефными изображениями, сохранились обугленные фитили, сплетённые из растительных волокон.

От большинства предметов инвентаря в могилах с заплечиками после ограбления остались только мелкие обломки (рис. 4, 13). Целые металлические вещи и монеты, как правило, расхищены. Тем не менее по сохранившимся находкам известно, что покойные на артезианском некрополе хоронились с украшениями (серьги, ожерелья, перстни), в одежде и обуви, имевших металлическую фурнитуру ремней и застёжек. Для мужских воинских захоронений обязательно наличие оружия (кавалерийских мечей, кинжал, наборов стрел), для женских – зеркала, предметы ухода за телом, косметические и швейные наборы, пряслица и веретёна. В детских погребениях артезианского некрополя найдены глиняные и стекланные гуттусы и унгентарии, маленькие гончарные или краснолаковые кувшины и солонки, обереги и подвески из египетского стекла в составе ожерелий из бусин и бисера, реже в сопровождении – терракотовых статуэток и светильников⁸. Подобная картина наблюдалась, например, и в синхронном могильнике Александровские

⁸ В детские могилы также помещали блюда или миски с напутственной мясной пищей, фиалы или небольшие кувшинчики с напитками, но ни разу – светильники и/или какие-нибудь иные «атрибуты», взрослой жизни. Зато отчётлива взаимосвязь: кувшинчик для питья, тарелочка с мясной пищей, унгентарий для благовонного масла. Интересно, что все унгентарии из детских могил опрокинуты. Следует полагать, что это говорит об использовании их содержимого в процессе совершения погребальной церемонии. Таким образом, сосудики для благовоний своим попаданием в могилу демонстрировали перед потусторонними силами правильность исполнения погребальных процедур, связанных с обязательным умащением тела покойного. В любом случае дорогое масло и благовония помимо устранения возможного запаха тления должны были способствовать беспрепятственному путешествию (проскальзыванию) умершего ребёнка в inferнальный мир. «Капсула», в которую было помещено его тельце, – саркофаг или могила, – выступала своего рода моделью женского чрева, демонстрировала, если так можно выразиться, «роды наоборот». В этой связи понятны многочисленные и разнообразные подвески и украшения египетского происхождения с явным сакральным назначением: обереги, символы производящих сил природы, половой магии. Важным представляется наблюдение, что во взрослых захоронениях, подобных изделий практически нет. Это заставляет обращать внимание на символическое значение подвесок-оберегов. Конечно, это не только красивые изделия, украшения, которыми хотели любящие родители сопроводить своих безвременно почивших чад. Нередко они изображали мужские и женские гениталии: залог воспроизводства всего сущего, что вполне отчетливо ассоциирует их с идеями взаимосвязи жизни и смерти, половой магией, священным браком, энергией грядущего возрождения, рождением новой сущности через уничтожение, трансформацию старой её оболочки. Только в детских захоронениях встречаются терракотовые фигурки, что не может быть случайностью, как и собственно сюжеты этих статуэток [Масленников 1990, 135 и сл.].

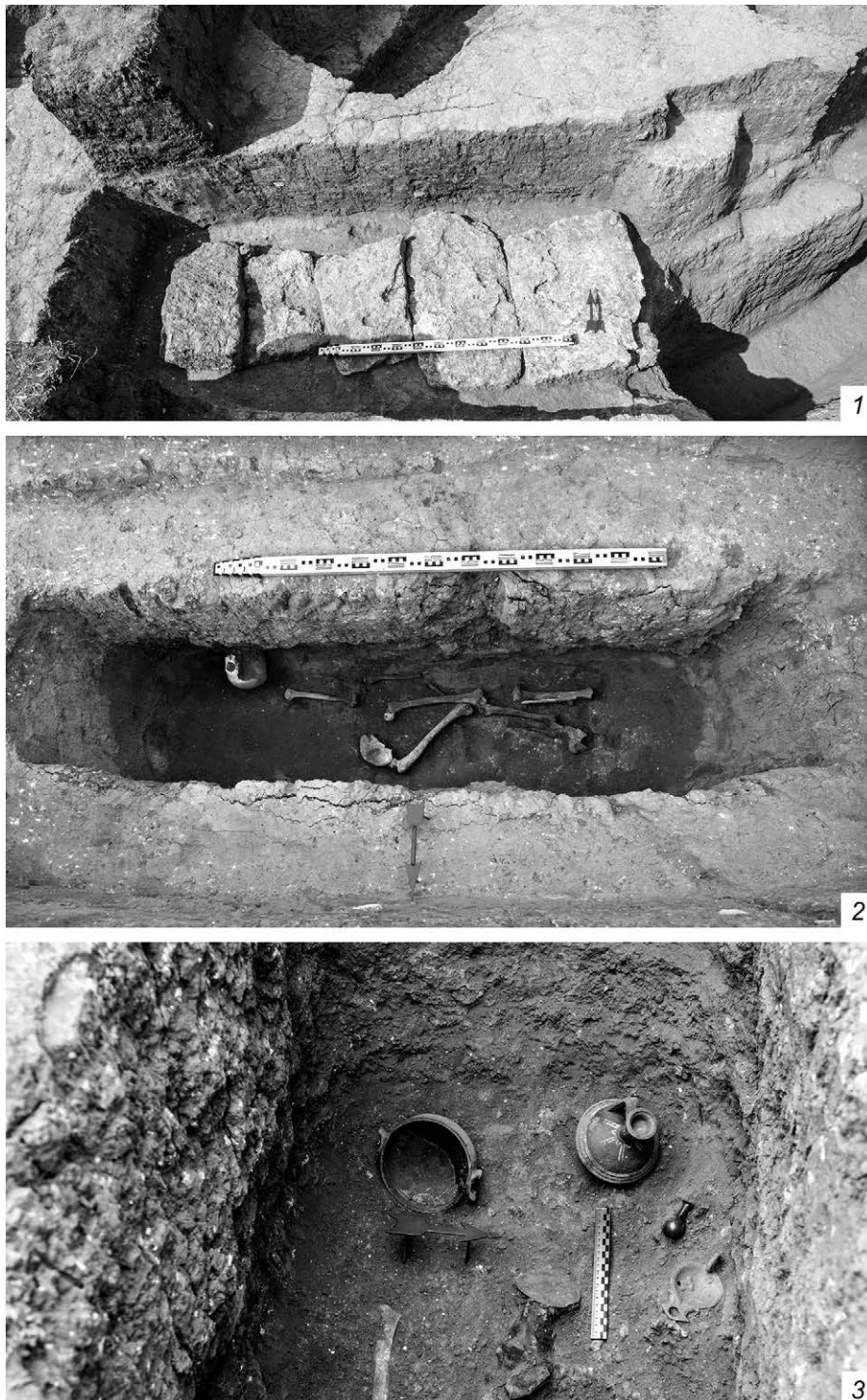

Рис. 9. 1–2. Гробница 249/2019. Вид с юга на каменное перекрытие и после его удаления в ходе расчистки заполнения гробницы; 3. Вид с северо-востока на сопровождающий инвентарь

Рис. 10. Находки из гробницы 249/2019. 1. Краснолаковая миска; 2. краснолаковый кувшин; 3. однорожковый, краснолаковый светильник; 4. бронзовое зеркало; 5. стеклянный унгентарий

скалы [Бейлин, Рукавишникова 2018б, 162]. Артезианский некрополь был, по-видимому, богаче, но его тотальное ограбление оставляет данный вопрос открытым.

Могилы с заплечиками на Боспоре появились очень рано: во всяком случае, хорошо известны с эпохи эллинизма. Так в некрополе Нимфея – с IV в. до н. э. [Соловьев 2002, 99 и сл.]. Продолжали они бытовать вплоть до первых веков нашей эры и позднеантичного периода [Блаватский 1961, 194], причём их нередко связывали с сарматами [Айбабин 2002, 197 и сл.]. Последнее – всё же мало вероятно, исходя из только что приведённой хронологии. На это обращала внимание ещё В.Н. Корпусова [1983, 21], а также А.А. Масленников, писавший, что могилы с заплечиками по генезису не связаны с однотипными сарматскими могилами прохоровской культуры [Масленников 1990, 88]. Это – вполне обычный, если не сказать: типичный для греческого или эллинизированного боспорского этнического компонента тип гробниц. Исходя из местного ономастикона, вполне допустимо предположение о наличии среди обитателей Артезианского поселения носителей фракийских имён и отчеств. Возможно, такие погребальные комплексы, к примеру, с набором вооружений, могли выступать маркером и некоего фракоязычного населения, пришлого или, что менее вероятно, автохтонного. Но этот сложный вопрос, конечно, требует специального изучения, в том числе проведения

ААЗ 2019 РАСКОП 12 СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН
 План и разрезы гробницы 251/2019 по оси ЮЗ-СВ, СЗ-ЮВ.

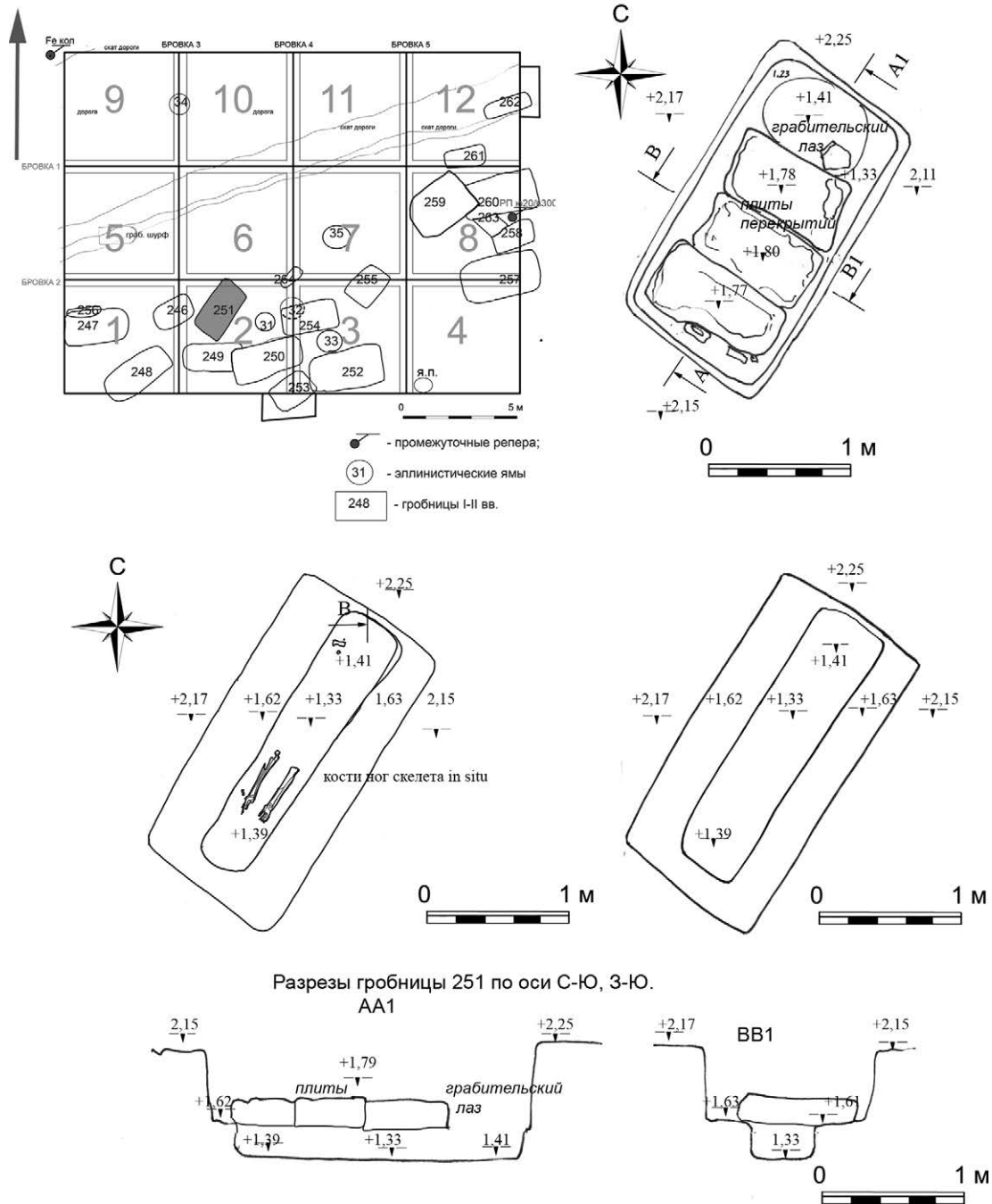

Рис. 11. План и разрезы гробницы 251/2019

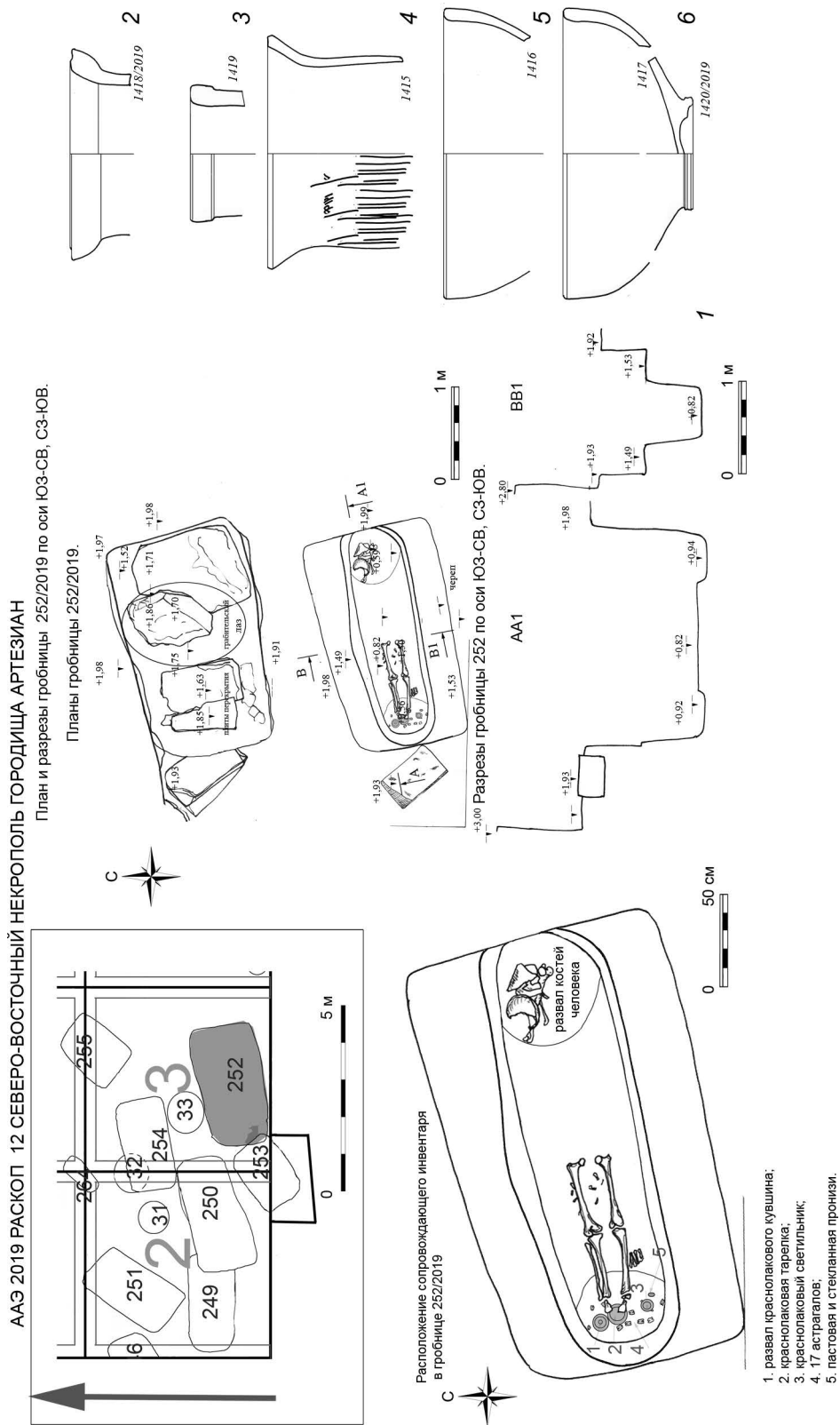

Рис. 12. 1. План и разрезы гробницы 252/2019; 2–6. Находки из заполнения погребения 252

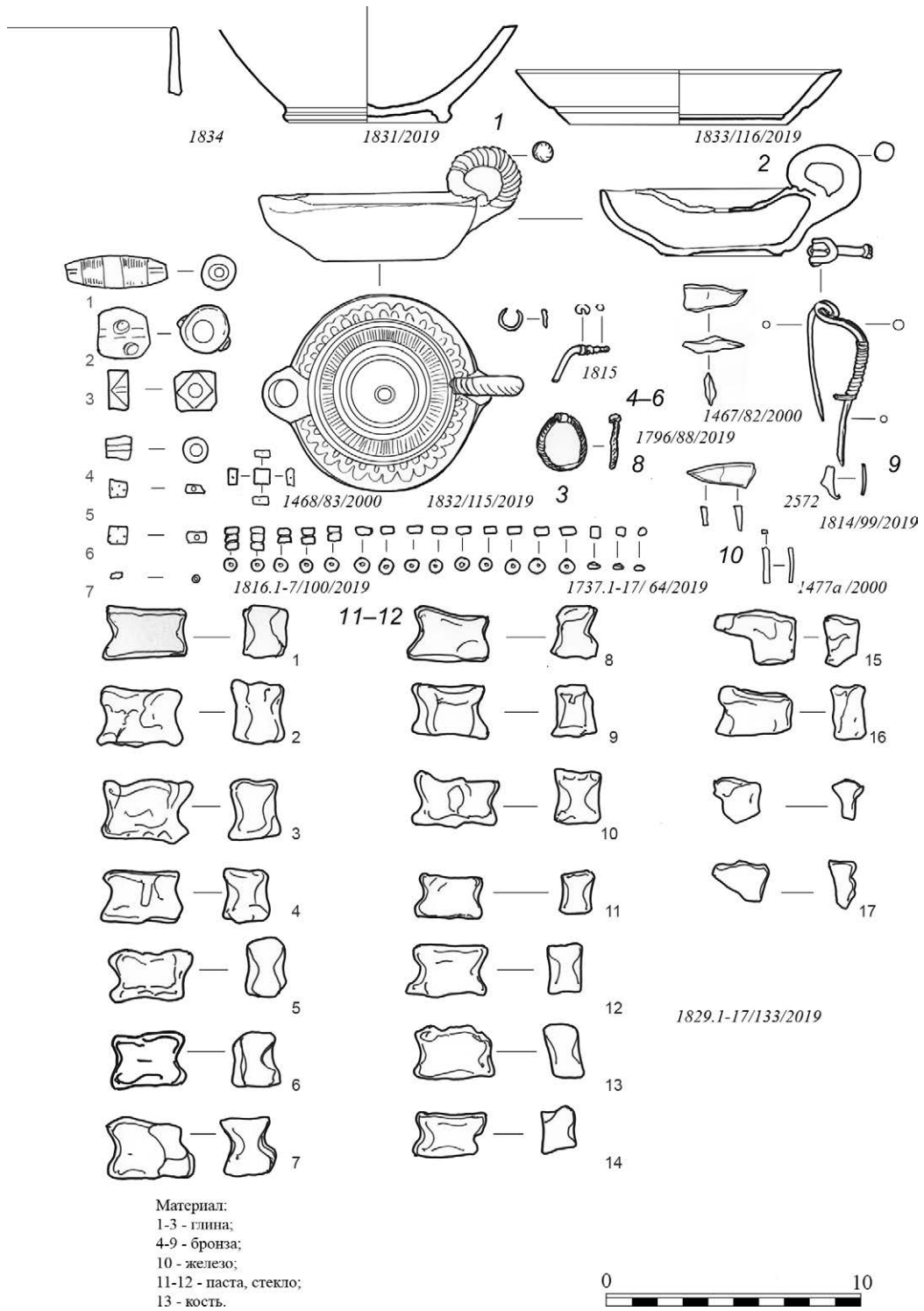

Рис. 13. Находки из погребения 252/2019

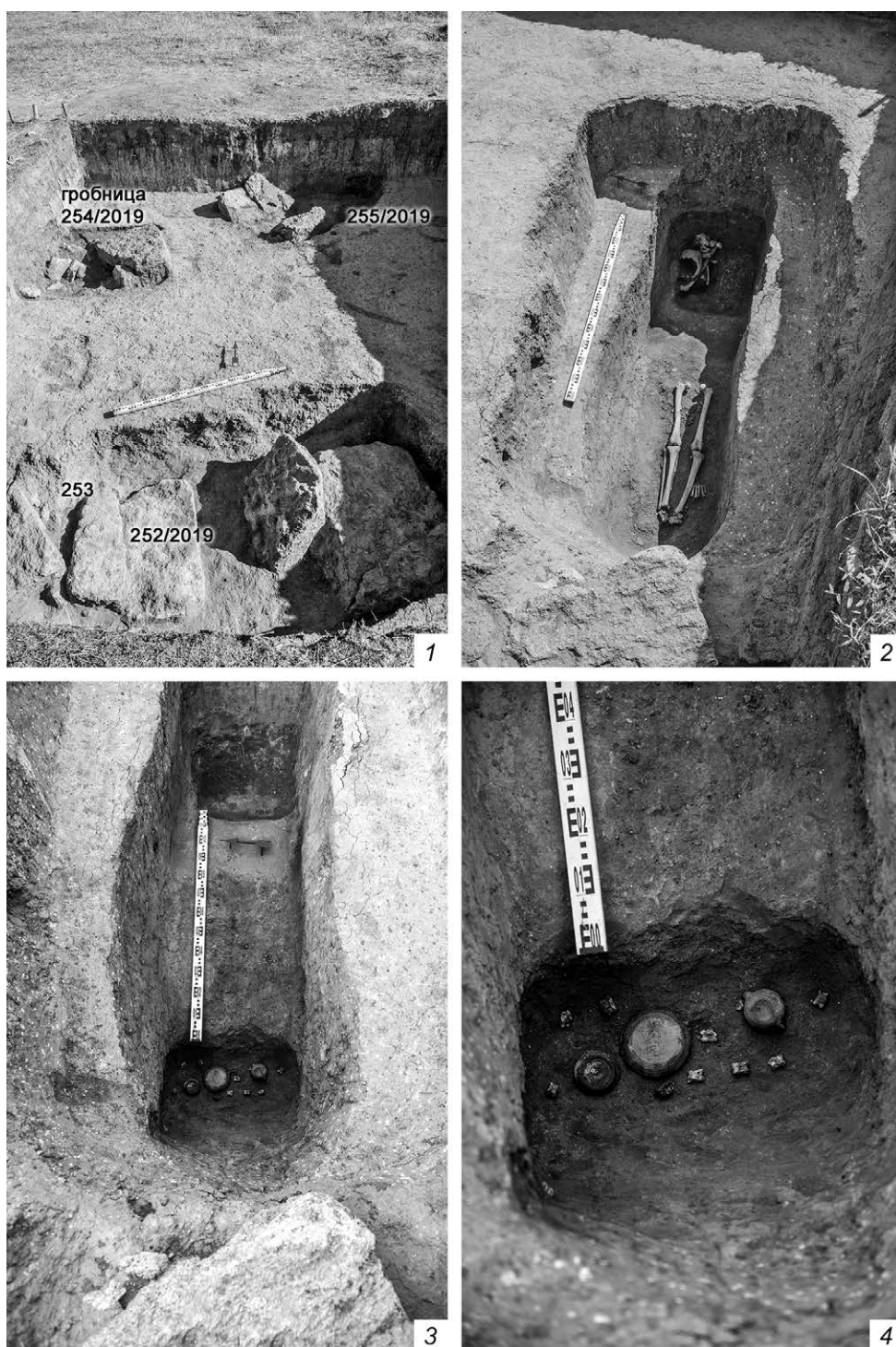

Рис. 14. 1. Плитовое перекрытие гробницы 252/2019, проломленное по центру грабительским лазом, в процессе расчистки. Вид с юга; 2. после расчистки костяка. Вид с юго-запада; 3, 4. Инвентарь в ямке под ножки саркофага. Общий и дальний планы. С юго-запада

ААЗ 2019 РАСКОП 12 СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН

План и разрезы гробницы 254/2019 по оси ЮЗ-СВ, СЗ-ЮВ.

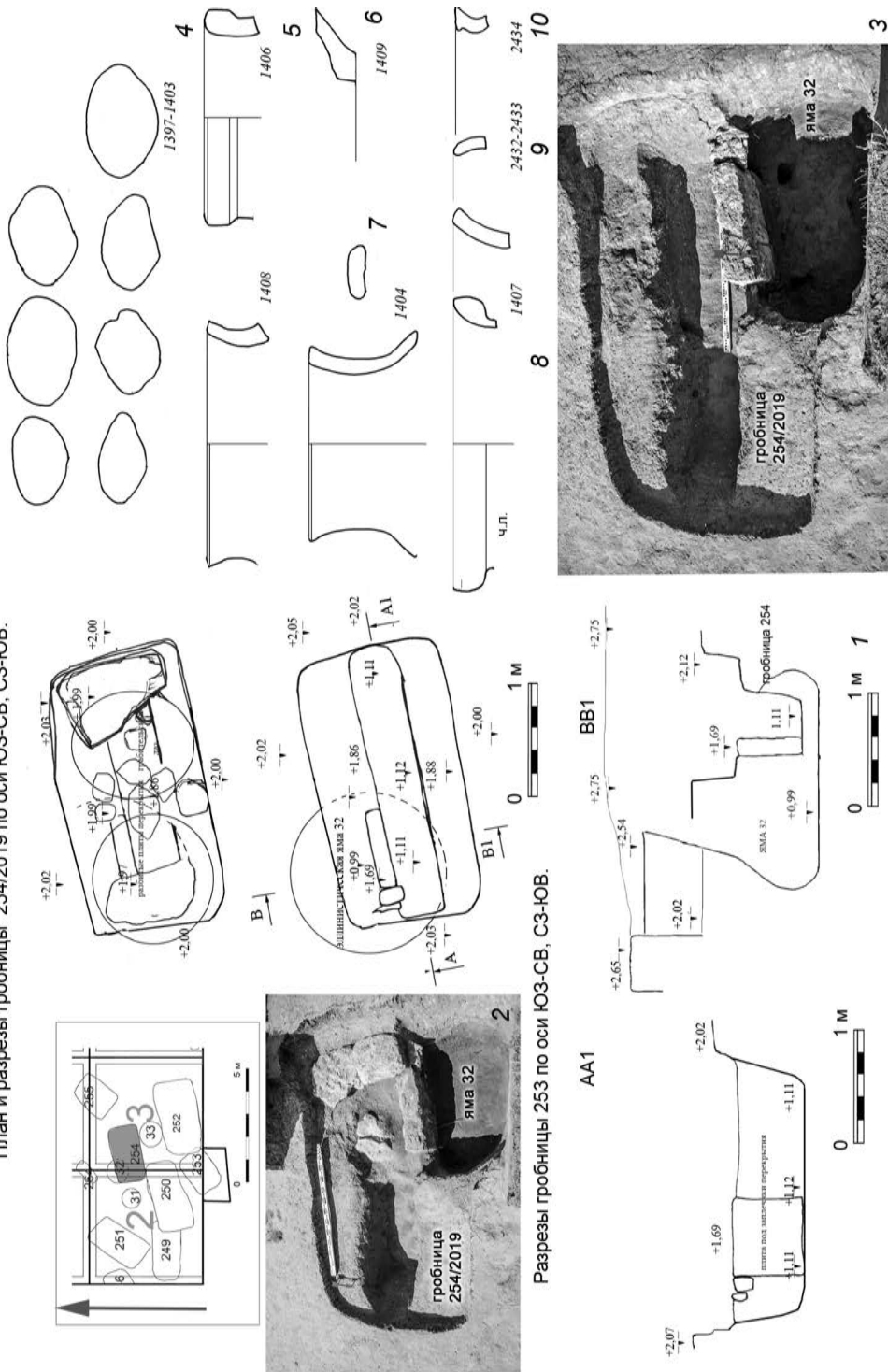

Рис. 15. Гробница 254/2019. 1. План и разрезы; 2, 3. Вид с севера в процессе и после расчистки; 4–10. Находки керамики из гробницы 254/2019

комплексных ДНК-исследований палеоостеологического материала из синхронных античных могильников Боспора и причерноморских фракийских некрополей.

Богатые могилы артезианского некрополя, а гробницы с заплечиками, скорее всего, в массе своей относились к этой категории, в древности имели внешнюю маркировку на поверхности: стелы, обкладки, холмики, какие-то иные памятные знаки. Такая «приметность», как уже писалось, привела к осквернению и первичному ограблению многих из них уже в античное время, к примеру: в ходе или после боспоро-римской войны. Показательно в этой связи, что надгробные памятники артезианского некрополя, в целом или повреждённом виде, использовались вторично в погребальном ритуале в качестве плит перекрытия⁹, или же на городище – перед строительством оборонительных сооружений поздней цитадели в качестве закладных импровизированных алтарей [Винокуров, Яйленко, 2022а, 31–52; 2022б, 95–134]. В средневековый период надмогильные «знаки» предопределили дальнейшее ограбление могильника. Они подсказывали грабителям, где им нужно копать с минимальными трудозатратами. Показательно, что зафиксированные грабительские лазы VIII–IX вв. чётко попадали на перекрытия гробниц в головах или в ногах покойного.

Напомним, что на поверхности некрополя, в подерновом грунте были обнаружены, помимо остатков тризн и погребального инвентаря, обломки хорошо обработанных плит из бело-серого плотного известняка, толщиной до 0,12–0,14 м, скорее всего, от надмогильных стел.

Подбойные гробницы

Так называемые подбойные захоронения, сооруженные в плотном материковом грунте, – своего рода миниатюрные склепы, устроенные в виде колодца (иногда уступчатого), который завершался подбоем – нишей, где и находилось погребение (рис. 16–19). Подбойные могилы ориентированы в широтном направлении с отклонениями по оси ЮЗ-СВ. На некрополе городища Артезиан могилы с подбоями редки: их обнаружено

⁹ Северо-западная плита (0,29/0,59×0,47×0,14 м) погребения 246/2019, стилизованная под антропоморф, имела трапециевидную в плане форму. В перекрытии гробницы 259/2019 имелись стеловидные плиты с хорошо обработанной поверхностью (1,17×0,51×0,22 м, 1,23×0,54×0,19 м, 1,57×0,67×0,18 м), возможно, служившие надгробными памятниками более ранних погребений. Применение стеловидных и антропоморфных плит на артезианском некрополе фиксировалось многократно, как в могилах с заплечиками, так и подбойных гробницах. Случаи вторичного использования стел обычны в других могильниках, как греческих, так и варварских. К примеру: ранняя (киммерийская?) стела-менгир с символическими изображениями, найденная в засыпи одной из могил скифского Кичкасского некрополя эллинистического времени в степном Поднепровье [Остапенко 2007, 157]. Повторное использование надгробий и стел в перекрытиях могил неоднократно зафиксировано и на некрополе Александровские скалы [Бейлин, Рукавишникова 2018а, 30; Бейлин, Волошинов, Рукавишникова 2018, 165–174].

Появление стел в закладах могил можно объяснить дефицитом хорошо обработанных плит, но это же может свидетельствовать о смене состава населения городища. Но допустимо, что это делалось намеренно: с какими-то неясными религиозными мотивами. Возможно, они осознанно извлекались из старых могил для перекрытия новых захоронений. Характерно, что на артезианском некрополе стелы в могилах обращены лицевой поверхностью вверх. Ни в одном случае не замечено, чтобы они использовались в качестве строительного материала для бортов могил или подпорок перекрытия.

Необычным элементом в конструкции отдельных могил с заплечиками являются одна или две вертикальные плиты, установленные с торца могилы под бортом входной ямы. Что касается западной части могил, то, по представлениям древних, это направление – наиболее приближенное к царству мёртвых. Например: в погребении 38/2001 верхняя торцевая поверхность такой плиты была хорошо обработана. По её центру имелась выемка с неровными краями, которая была удобна в качестве пьедестала для установки сосуда. Здесь могли совершать жертвенные возлияния или выкладывать погребальные подношения, до окончательной засыпки могилы.

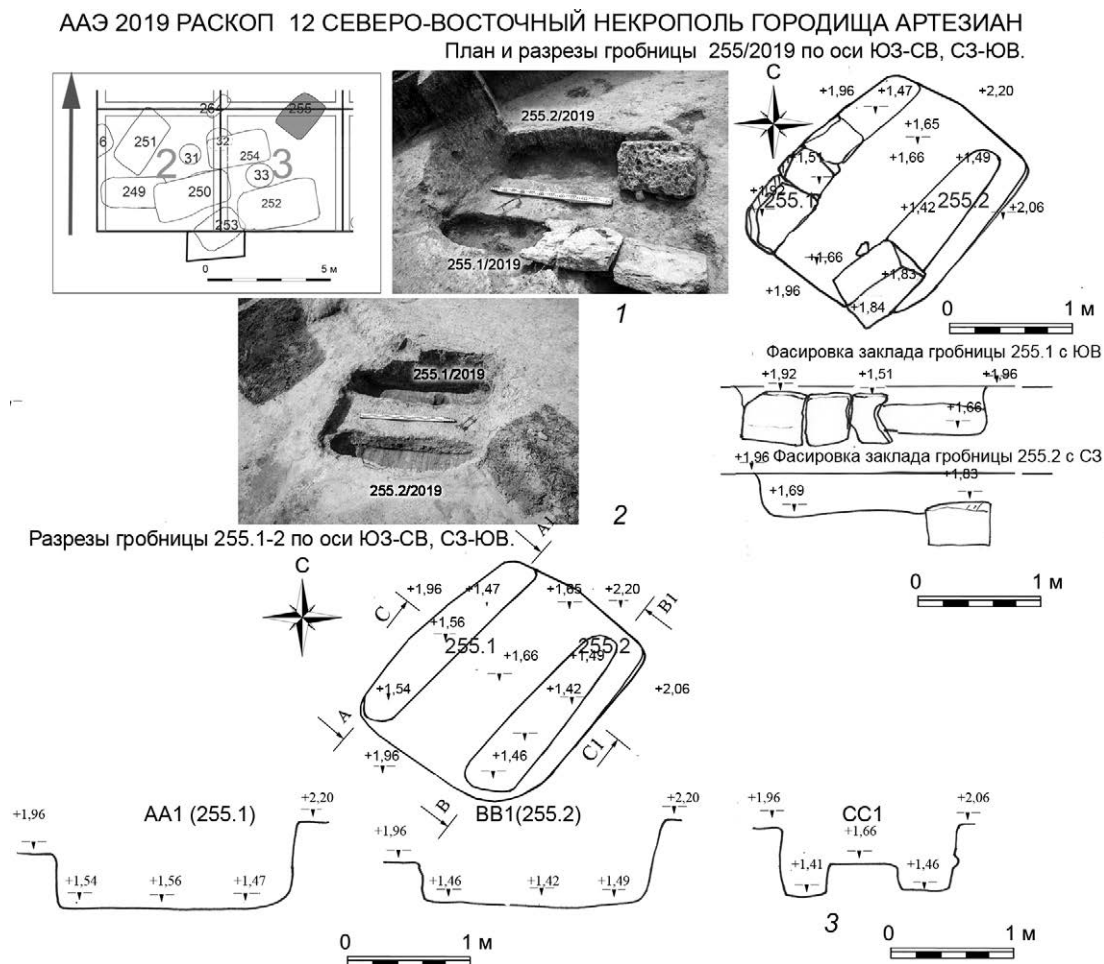

Рис. 16. 1, 2. Гробница 255.1–2/2019. Вид с северо-востока и юго-востока после расчистки. 3. План и разрезы гробницы 255.1–2/2019

всего 15¹⁰, т. е. менее 5%. На других участках в пространственном расположении подбойные могилы тяготеют к скоплениям захоронений вокруг каменных склепов. Они могли образовывать небольшие семейные (?) группы до трёх могил рядом. На раскопе 12/2019 из 20-ти гробниц подбойными оказались две – 255/2019 и 256/2019 (рис. 16–19). В первой были похоронены дети, во второй – молодая женщина с искусственной деформацией черепа. Ориентация погребённых: головой на северо-восток, лицом на юго-запад. Прижизненные деформации черепов трёх различных типов – не редкость в могильнике городища. Считается, что они являются маркером негреческого населения и прослежены в основном в мужских захоронениях [Винокуров, Дробышевский 2006, 73–87]. Впрочем, данный вопрос дискуссионный и требует серьёзных сравнительных

¹⁰ Подбойные захоронения: 1/2000, 100–101.1/2003, 141–142, 155, 171/2004, 182/2005, 182.1–2/2005–2006 гг., 182.4/2005–2006 г., 222/2006; 255–256/2019.

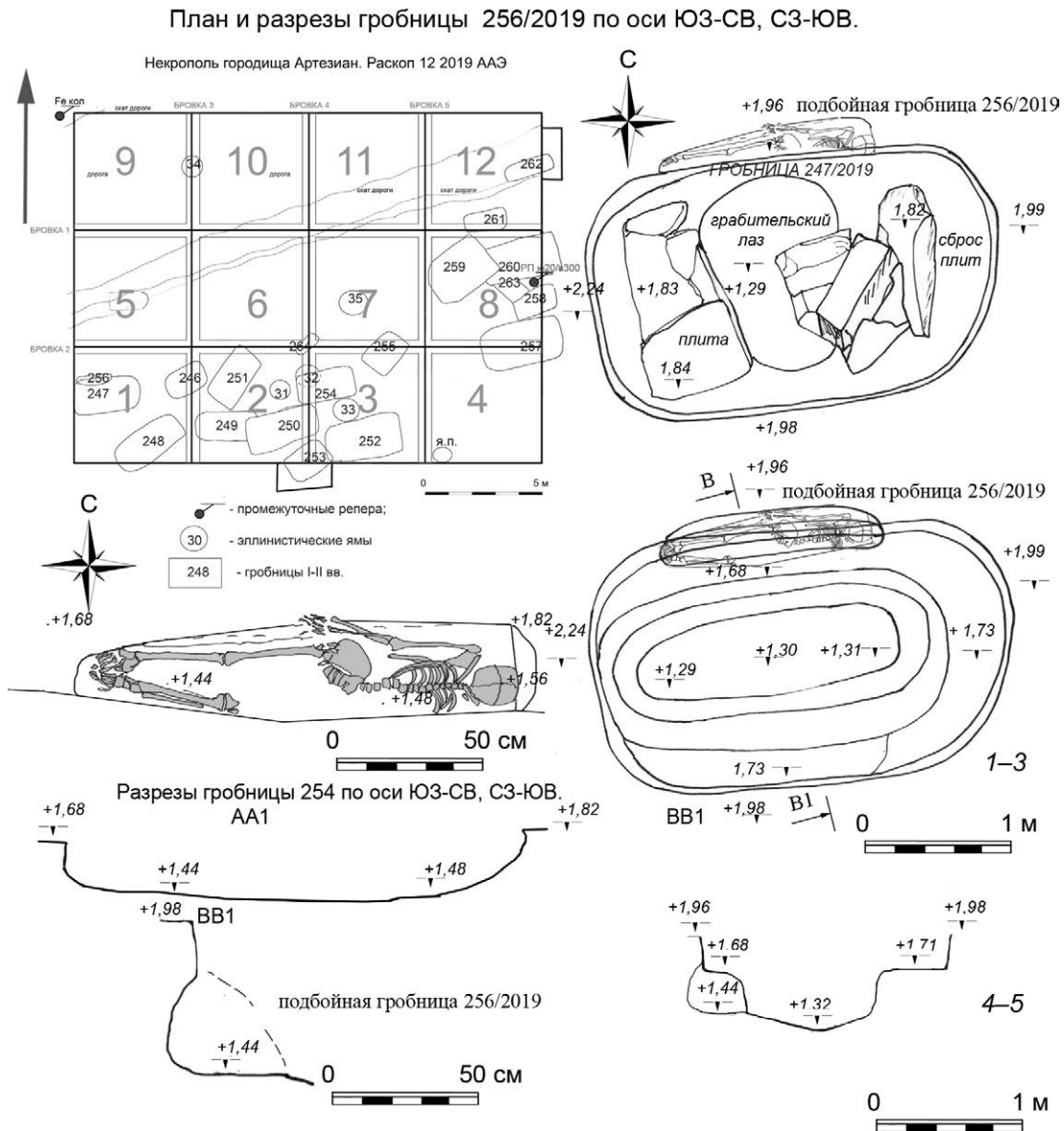

Рис. 17. 1–3. План гробницы 254/2019; 4–5. Разрезы гробницы 254/2019

антропологических исследований краниологических серий из античных могильников Восточного Крыма.

Значительная часть подбойных гробниц имела неглубокие входные ямы – «колодцы» глубиной до 0,5–0,8 м. Но встречались могилы с таковыми и более глубокого залегания: до 1,2–1,8 м. Эти ямы в плане овальные или подпрямоугольные со скругленными углами и ровным дном были, как правило, довольно широкими (до 1,6 м) и длиной до 1,9 м. Погребальные камеры помещались вдоль одной или двух длинных сторон входной ямы. Дно погребальных камер располагалось ниже дна входных ям примерно на 0,3 м. Могилы с двумя камерами, устроенными по длинным сторонам ямы-колодца,

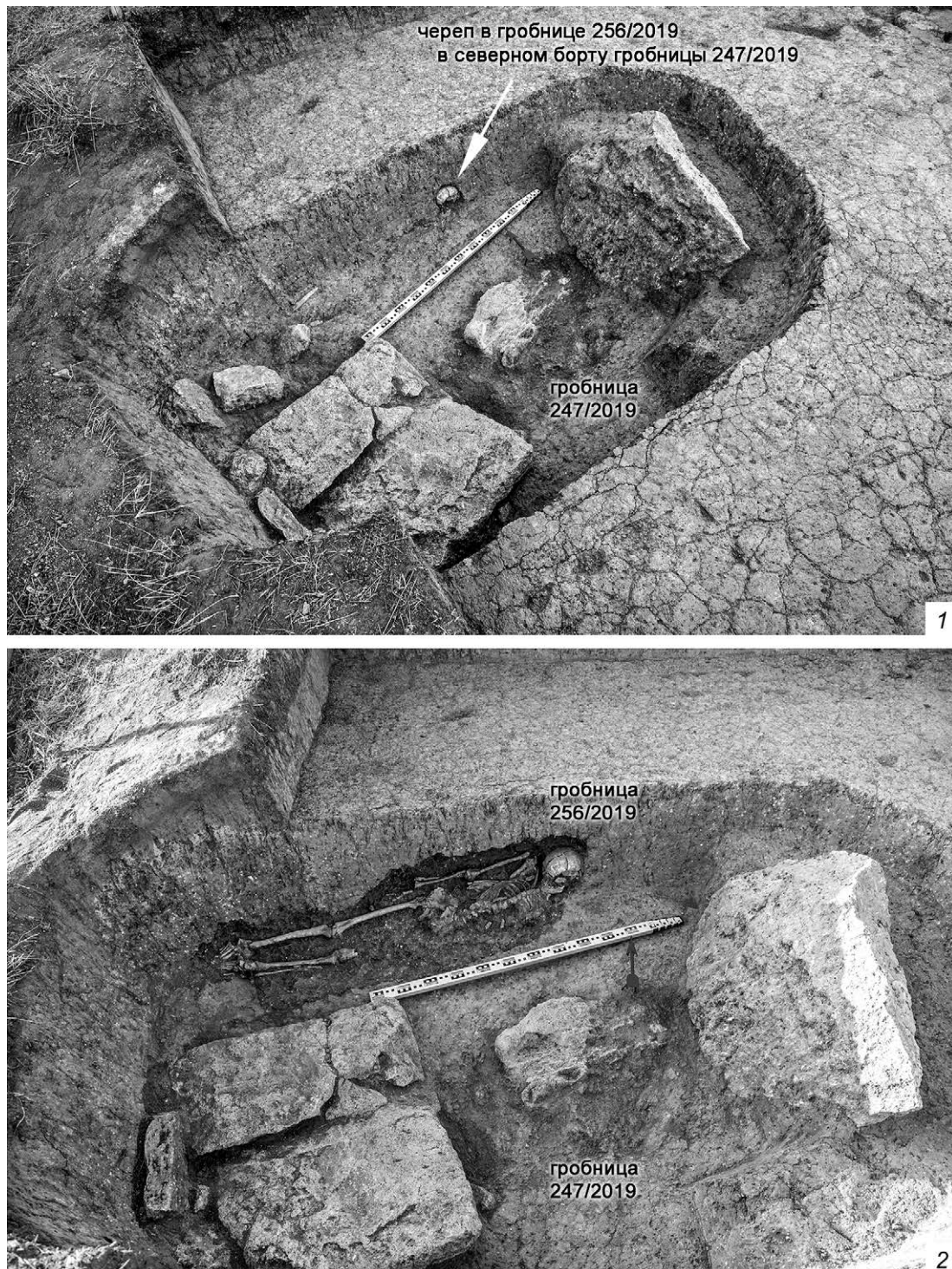

Рис. 18. 1, 2. Гробница 256/2019. Вид с юго-запада и юга до и после расчистки

иногда выделяют в отдельный тип могил с заплечиками [Гуцина, Журавлёв 2016, 9]. Они считаются редкими, но в артезианском некрополе их не меньше половины. Камеры могли выходить за пределы могильной ямы, иногда достигая в длину 1,95–2,36 м, при ширине 0,44–0,46 м и глубине/высоте 0,64–0,8 м (1/2000).

Несмотря на плотный грунт, все подбойные могилы раскопаны с осевшим сводом камеры, который сильно «придавливал» захоронения. Входная, могильная яма от подбоя отгораживалась «закладом»: тремя – шестью небольшими плитами или блоками известняка, поставленными наклонно на ребро. Щели между ними тщательно промазывались жёлтой глиной и часто заполнены мелким бутом и щебнем. Встречались в конструкции каменных закладов и надгробные стелы, явно во вторичном использовании (65/2002 м 229/2007). Заклады из досок, сырцовых кирпичей, амфор, черепицы или каких-либо иных материалов не зафиксированы. Входная могильная яма засыпалась переотложенным грунтом с включением материковой глины и известковой крошки. Количество погребённых в камерах: один, много реже: два – три индивида.

Примечательно, что в двух случаях было прослежено устройство на дне могильных ям подбойных захоронений могил с заплечиками и каменным перекрытием¹¹. Они чётко вписаны в периметр этой ямы. Заплечиками служила поверхность дна ям. Между плитами и заплечиками не выявлено следов утоптанного грунта, что может свидетельствовать о близком по времени, если не синхронном совершении захоронений в разнотипных могилах. Аналогичные сочетания подбойных могил и могил с каменным перекрытием встречено на некрополе Золотое [Кортусова 1983, 106, 147, табл. XXXV] первого века н. э.

В «нашем» случае такие «комбинированные» могилы были раскопаны в непосредственной близости от склепов на соседних участках. Очевидно, они были как-то связаны с лицами, погребёнными в склепах, родственными или социальными узами. Прослеживается также определенное «тяготение» подбойных могил к богатым плитовым гробницам. Так, подбойные безинвентарные могилы 141–142/2004, расположенные на периферийном по отношению к склепу 7/2004 участке, перекрывали более раннюю коллективную гробницу 149 – яму с заплечиками. По стратиграфии подбойные и плитовая могилы взаимосвязаны и, видимо, близки по хронологии. В могилах 141–142/2004 были погребены подросток 12–15 лет и ребенок 6–8 лет с деформированными черепами. Интересно, взаимное расположение умерших как бы веерообразно: ноги сближены, а туловища расходились разные стороны (на СВ и ЮВ). Между ними, существенно ниже по глубине залегания, располагалась по оси З-В могила 149. В ней в сопровождении разнообразного и богатого инвентаря было похоронено не менее 8 человек. Важно отметить, что прижизненно деформированный череп был только у одного индивида (женщина) 25–35 лет. Родственные связи между детьми из могил 141, 142 и женщины из гробницы 149 можно только предполагать, так как генетический анализ не проводился. Можно предположить, что дети с искусственно деформированными черепами имели более низкий социальный статус, чем прочие погребённые в гробнице «149, в ногах которых они помещались».

¹¹ В «колодце» погребения 1/2000 находились ещё погребения 1–3/2000; а в «колодце» могилы 182.4/2005–2006 – захоронения 182.1–3/2005–2006.

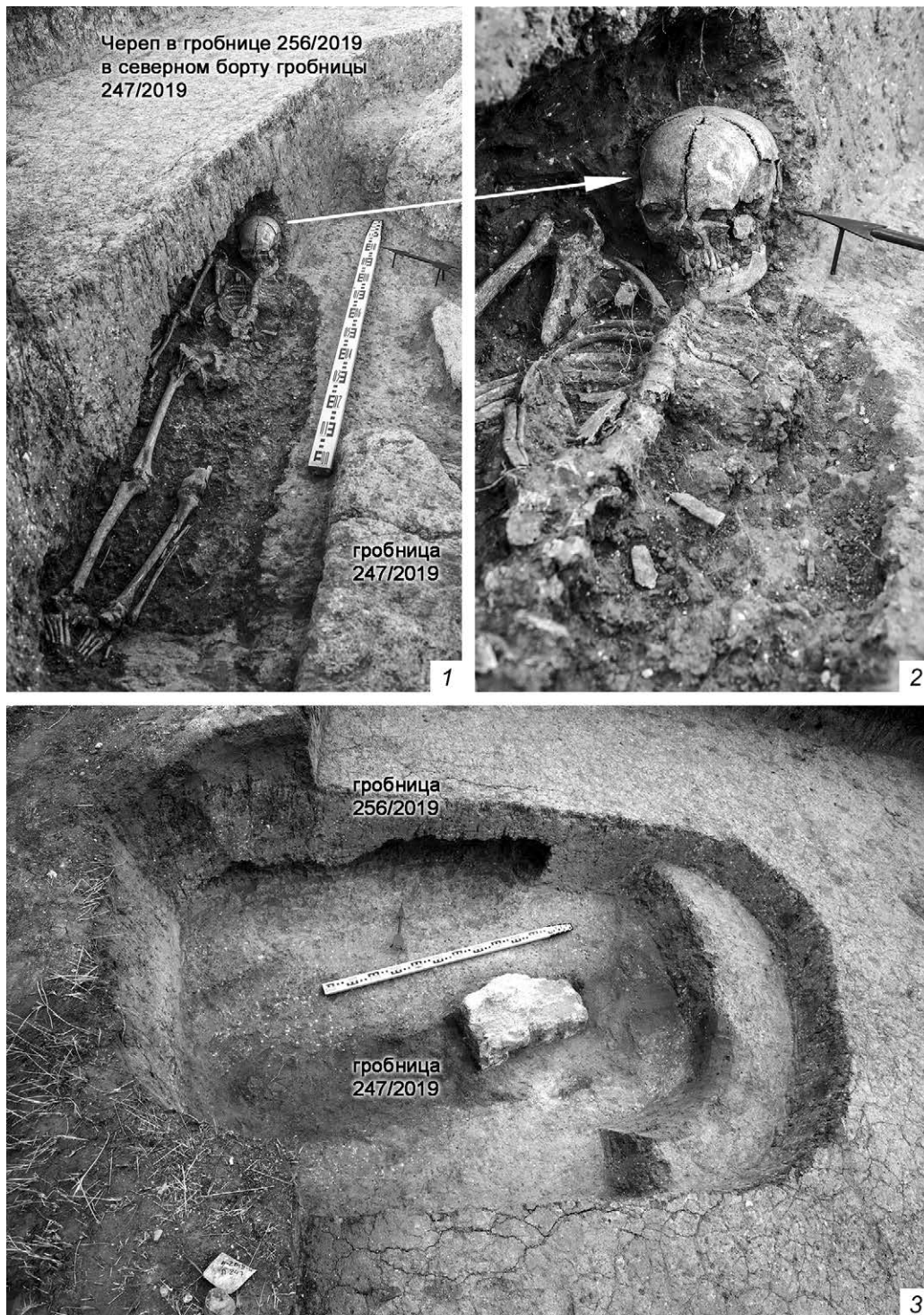

Рис. 19. 1, 2. Захоронение молодой женщины в гробнице 256/2019.
Вид с юго-юго-запада; 3. Вид с юга на погребальную камеру гробницы 256/2019
после разборки костяка

Высказаться относительно социального статуса и этнической принадлежности погребённых в подбойных могилах проблематично. На первый взгляд, отсутствие в них характерного для плитовых могил, достаточно богатого и разнообразного погребального инвентаря предполагает их низкий социальный ранг погребённых. Однако этому противоречат встреченные ранее в отдельных могилах дорогие украшения, в частности, массивные железные перстни с резными геммами из сердолика. Обращает на себя внимание обнаружение в таких могилах наконечников железных стрел (от одной до 10).

Могилы с подбоями в целом не сильно распространены на античных некрополях Европейского Боспора первого-второго веков нашей эры, хотя за его пределами они составляли до 40–50% и даже более от общего числа синхронных погребений [Гуцина, Журавлёв 2016, 9]. Их появление иногда связывают с сарматами [Масленников 1990, 88]. Представляется, что это далеко не бесспорно и требует дополнительного обоснования [Гуцина, Журавлёв 2016, 9–10].

В целом же, видимо, наличие могил с заплечиками и подбойных гробниц всё же отражало погребальные традиции нескольких этнических групп населения городища. Хотя они близки по хронологии (I–II вв. н. э.), но заметно различаются не только устройством, но особенностями погребального обряда. Если для могил с заплечиками, как только что писалось, характерен разнообразный, яркий и богатый сопровождающий инвентарь, пышно украшенные гробы и саркофаги, то для подбойных могил – полная противоположность. Там оказывались только вещи, которые являлись личными украшениями покойных, а также детали фурнитуры их одежды и обуви. Конечно, такая разница обряда не случайна и показывает до конца неясные особенности погребально-ритуальной практики, связанные с этническими, социальными или религиозными факторами. Вместе с тем, преобладание гробниц с заплечиками над подбойными, скорее всего, отражало реальное соотношение определённых групп местного населения.

Список литературы

- Абрамов А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3, 4–135.
 Айбабин А. И. 2002. Этнический состав населения Европейского Боспора в позднеримский период // БФ. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб, 197–200.
 Арсеньева Т. М. 1961. Раскопки у дер. Ново-Отрадное в 1959 г. // КСИА. 86, 66–69.
 Арсеньева Т. М. 1963. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное // СА. 1, 192–203.
 Арсеньева Т. М. 1970. Могильник у деревни Ново-Отрадное // МИА. 155. М., 82–149.

- Бейлин Д. В., Волошинов А. А., Рукавишников И. В. 2018. Надгробная скульптура некрополя «Александровские скалы» // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1 СПб, 165–174.
- Бейлин Д. В., Рукавишников И. В. 2018а. Александровские скалы 1 – курганный группа и античный некрополь (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. 25. М., 20–31.
- Бейлин Д. В., Рукавишников И. В. 2018б. Могильник римского времени «Александровские скалы» близ г. Керчь // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб., 158–164.
- Блаватский В. Д. 1961. Античная археология Северного Причерноморья. М., 230.
- Блаватский В. Д. 1964. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 232.
- Винокуров Н. И. 2012. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 632.
- Винокуров Н. И. 2014. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) (БИ. Suppl. 12). Симферополь–Керчь, 680.
- Винокуров Н. И. 2018. Исследования Артезианской археологической экспедиции в Крымском Приазовье // Археологические открытия 2016 г. М., 229–230.
- Винокуров Н. И. 2019. Средневековые погребения юго-западного некрополя городища Артезиан. Первые итоги и перспективы исследования // БК. XX. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь–Керчь, 116–124.
- Винокуров Н. И. 2021. Новые открытия Артезианской археологической экспедиции Московского педагогического государственного университета (МПГУ) в 2020 г. в Крымском Приазовье // Сб. статей Международной научно-практической конф. «Наука, образование, культура», посвящённой 30-й годовщине Комратского государственного университета. Т. II. Комрат, 161–168.
- Винокуров Н. И. 2022. Объекты эллинистического селища на некрополе городища Артезиан // ДБ. 27, 9–28.
- Винокуров Н. И., Дробышевский С. В. 2006. Погребения с деформированными черепами античного времени в Крымском Приазовье (по материалам раскопок некрополя и городища Артезиан) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 73–87.
- Винокуров Н. И., Мацнев Д. В., Фесенко А. В. 2007. Сириус, созвездие Близнецов и сюжет божественной охоты в Крымском Приазовье (на примере некрополя городища Артезиан) // БИ. XVI, 171–190.
- Винокуров Н. И., Федосеев Н. Ф. 2021. Артезианский деревянный саркофаг: украденный и (ли) спасённый? // ДБ. 25, 92–113.
- Винокуров Н. И., Яйленко В. П. 2022а. Вторая эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2, 31–52.
- Винокуров Н. И., Яйленко В. П. 2022б. Третья эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 3, 95–134.
- Винокуров Н. И., Пономарёв Л. Ю. 2022. Городище Артезиан в эпоху средневековья. М., 343.

- Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб, 320.
- Внуков С. Ю. 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 3, 198–206.
- Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17, 21–54.
- Гуцина И. И., Журавлев Д. В. 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М., 271.
- Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 180.
- Корпусова В. Н. 1983. Некрополь Золотое. Киев, 183.
- Корпусова В. Н., Орлов Р. С. 1978. Могильник VI–IV с. до н. э. на Керченському півострові // Археологія. 28, 65–76.
- Кропотов В. В., Колтухов С. Г. 2019. Новый некрополь античного времени в Крымском Приазовье // БК. XX. Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь–Керчь, 327–330.
- Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 300.
- Кругликова И. Т., Романовская М. А. 1971. Античные поселения у деревень Андреевка и Ново-Отрадное // Археологические открытия 1970 г. М., 252–254.
- Масленников А. А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 230.
- Масленников А. А. 1995. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–II вв. до н. э.) (БС. 8). М., 124.
- Масленников А. А. 2000. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ. 3. 136–200.
- Остапенко О. А. 2007. Скифские бескурганые могильники степного Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва–Киев–Запорожье, 143–179.
- Папанова В. А. 2001. Погребальные сооружения редкой конструкции некрополя // БФ. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб, 36–40.
- Соловьев Л. С. 2002. Некрополь Нимфея: аспекты погребальной практики населения ионийского полиса // БФ. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб, 98–105.
- Толочко И. В. 2004. Некрополь Танаиса (начало III в. до н. э. – V в. н. э.): опыт сравнительного изучения. Дисс... канд. ист. наук. М., 312 // Российская государственная библиотека. Шифр хранения: OD 61 04–7/373.
- Хришановский В. А. 2005. Некрополь Илурата: общее и особенное // БФ. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Ч. СПб, 124–130.

Summary

N. I. Vinokurov

**Two types of tombs in the northeastern necropolis of the Artezian settlement,
excavation 12, 2019.**

The article features the results of excavations of the ancient tombs of the northeastern necropolis of the Artezian settlement in 2019. Twenty new burials dating to the turn of the I-II centuries CE were found, but they had been maraudered prior to the discovery. Among them are two types of tombs: earthen graves with shoulders and side tombs. These two types of burials displayed a significant difference in funeral rites. This points to a variety of features of the funeral and ritual practice associated with ethnic, social or religious factors, but the correlation still remains not completely clear. The noticeable predominance of tombs with shoulders over side tombs obviously corresponds to the proportional ratio of certain socio-religious or ethnic strata of the settlement's population, that adhered to one or another burial tradition. In several such graves, some grave goods survived, most notable of which included three red-glazed single-horned lamps with relief images on the shield, red-glazed plates and a jug dating back to I-II centuries AD. Traces of funeral rites discovered at the necropolis had mixed Greek-barbarian features.

The multi-ethnic origin of the local population corroborates with the latest finds of tombstones bearing inscriptions of names of Greek, Thracian, Iranian and Adyghe-Abkhazian origin.

Despite the devastating scale of looting of the necropolis in modern times, the field works of 2019 managed to collect new data on the funeral rites of the population of the Artezian settlement and rescued a number of valuable artifacts for further research.

Д. В. Журавлев

(Государственный исторический музей;
НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва)

Коллекция «керченских древностей» из даров Великой княгини Елизаветы Федоровны в Государственном Историческом музее

Формирование коллекций из античных памятников Боспора Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III, основанного в 1872 г., шло несколькими путями. До 30-х годов XX столетия музей не проводил собственных раскопок античных памятников, но материалы в него передавались Императорской Археологической комиссией. К сожалению, комплексы часто дробились, и предметы из одной могилы могли оказаться в Императорском Эрмитаже, Историческом музее и на месте раскопок (в Керченском музее). Большую часть их сравнительно легко идентифицировать – информация содержится в документации: Отношениях Археологической комиссии, коллекционных описях и, что особо ценно, бумажных бирках, закрепленных на сосудах и других объектах. Часть вещей была опубликована в изданиях Археологической комиссии, и восстановить контекст вполне возможно. Представляется перспективным объединение усилий хранителей всех музеев, в которых оказались материалы пантикапейского некрополя, для восстановления комплексов и их публикации.

Помимо даров Императорской Археологической комиссии, Исторический музей, как и все музеи того времени, закупал древности «на торгу», куда их активно поставляли «счастливчики». Среди этих многочисленных покупок следует выделить значительные коллекции, приобретённые у известного керченского антиквара и торговца древностями Е. Р. Запорожского. В Историческом музее хранятся также коллекции С. И. Сизова, И. Е. Забелина (на самом деле, также купленная у Е. Р. Запорожского «через Бажанова») [Сорокина 1992], Д. Я. Самоквасова [Журавлев, Черненко 2022] и многих других коллекционеров, подаренные ими музею в разные годы или попавшие в музей через кабинет изящных искусств при Московском университете, или Московский Публичный и Румянцевский музей. Некоторые вещи попали в Исторический музей через другого известного коллекционера того времени – А. В. Новикова [Неверов 2006, 191, рис. 6].

Долгие годы эти коллекции не привлекали внимания специалистов-антиковедов, за исключением отдельных, наиболее ярких памятников. А между тем эти материалы

Рис. 1. Великая княгиня Елизавета Федоровна. Авторство: Hayman Seleg Mendelssohn. Iconexpro (direct link), Общественное достояние, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=7847782> (дата обращения: 28.01.2023)

многочисленны и интересны не только для историков науки, в частности, антикварной деятельности в России, но и для археологов. Пусть эти вещи не имеют контекста и датируются только по аналогиям или стилистически, их издание способно заметно увеличить источниковедческую базу исследователей античной материальной культуры.

В последние десятилетия появились обзоры некоторых частных коллекций, ставших составной частью современных фондов музеев [Боровкова 1999; Неверов 2006, 189–206; Быковская 2017, 339–357; Петракова, Букина 2019]. Исторический музей также начал планомерное издание своих коллекций, некогда принадлежавших частным собирателям и более сотни лет пролежавших в музейных фондах. Одной из них является небольшая

Рис. 2. Великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Сергей Александрович.
Авторство: Неизвестен. Alexander Palace forums (from enwiki), Общественное
достояние, <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=4971357>
(дата обращения: 28.01.2023)

коллекция древностей из Керчи – «дар великой княгини Елизаветы Федоровны», поступившая в музей 13.02.1908 г.¹

Великая княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918), урожденная принцесса Гессен-Дармштадская, сестра императрицы Александры Федоровны, была супругой великого князя Сергея Александровича (1857–1905), московского генерал-губернатора.

¹ Фотографии выполнены Д.В. Журавлевым, И.А. Седеньковым и А.А. Строковым. Я признателен моим коллегам А.В. Ковальчук, О.Ю. Самар и О.В. Тугушевой за неоценимую помощь в определении ряда памятников.

Как известно, Сергей Александрович был известным любителем древностей, владельцем хорошей коллекции, одним из покровителей Московского Археологического общества. Он изучал археологию под руководством графа А. С. Уварова и даже проводил собственные археологические раскопки. Периодически он участвовал в работе Археологических съездов, причем присутствовал на них вместе с супругой [Уварова 2005, 168, 202]. Великокняжеская семья часто бывала в Императорском Российском Историческом музее, так как Сергей Александрович был его Почетным Председателем. В Главной инвентарной книге музея зафиксировано много даров великого князя, но преимущественно они относятся к более поздним эпохам. Большое участие приняли Сергей Александрович и Елизавета Федоровна в организации Музея изящных искусств имени императора Александра III – в настоящее время ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Судя по всему, коллекционирование античных древностей не являлось приоритетом для великого князя – в публикуемой коллекции нет ни шедевров, ни даже сколько-нибудь значимых в художественном отношении памятников (целых расписных ваз, мраморных скульптур, красивых терракотовых статуэток и т.п.), которые могли бы служить украшением дома. Нет информации и о возможных визитах великого князя Сергея Александровича и его супруги в Керчь [Санжаровец 2015, 58–84].

После смерти супруга от бомбы эсера Ивана Каляева 04.02.1905 г., Елизавета Федоровна основала в Москве на Большой Ордынке Марфо-Мариинскую обитель милосердия и посвятила остаток своей жизни благотворительности. С 1905 по 1917 гг. великая княгиня была председателем Императорского Православного Палестинского общества, которое ранее возглавлял Сергей Александрович. Переданные же ею в Исторический музей в 1908 г. археологические материалы из Керчи могли быть как частью собрания ее покойного мужа, так и ее собственным приобретением. В 1908 г. великая княгиня была избрана почетным членом Исторического музея.

К сожалению, в кровавые дни революции и Гражданской войны Елизавета Федоровна разделила судьбу императорской семьи. Как известно, в ночь на 18 июля 1918 г. она, вместе с другими представителями дома Романовых была живой сброшена в шахту Новая Селимская неподалеку от Алапаевска. Шахту закидали гранатами и засыпали землей. Как писала графиня П. С. Уварова, «... скорбь эта невольно увеличивается тем обстоятельством, что вскоре по убиении Их Величеств, та же участь выпала и на долю Великой Княгини Елизаветы Федоровны, которую вся Москва считала святой, и жизнь которой протекала в молитве, добрых делах и помощи, оказываемой Ею беднейшим слоям народонаселения» [Уварова 2005, 236].

О судьбе Елизаветы Федоровны в последние годы написано много исследований, поэтому повторяться не буду. Добавлю лишь, что в 1992 г. Архиерейским собором Русской православной церкви великая княгиня Елизавета Федоровна была причислена к лику святых.

Понятно, что в советское время писать о дарах членов императорской фамилии в главный исторический музей страны было не принято. Но сделать это никогда не поздно...

Ниже представлены материалы, полученные Историческим музеем от великой княгини.

Эпиграфические памятники

1 (рис. 3. 1). ГИМ 44524. Оп. Б 77/1. Фрагмент белой мраморной плитки с остатками греческой надписи. Размеры плитки 8×7 см, толщина 1 см. Высота букв 0,8–1,2 см.

В. В. Латышев (по эстампажу А. В. Орешникова) восстанавливал надпись следующим образом:

-----ληι-----[καὶ εἰσπλοῦν
καὶ ἔκ]πλοῦν [ἐν πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ ἀσυλεῖ καὶ
ἀσπον]δε(ι) α[ὐτῶι καὶ ἐκγόνοις]-----

Издатели КБН перевели надпись «... и право въезда в гавань и выезда во время войны и во время мира, без конфискации и без необходимости договора, ему и (его) потомкам», исходя из предположения, что это часть проксении [Латышев 1908, 53–54, № 13].

Надпись датирована второй половиной IV в. до н. э. [КБН 1965, 17].

2 (рис. 3. 2). ГИМ 44524. Оп. Б 77/2-1. Фрагмент ручки фасосской амфоры с клеймом²:

Πυλα/ δη(ς) Θασ/ι(.) Φ[α]/ νοκ(--)
Черепаша

Аналогичные клейма относятся к 360–350 гг. до н. э. [Garlan 1999, 208, № 554, gr. F1] или к периоду около 350 г. до н. э. [Tzochev 2016, Gr. II].

3 (рис. 3. 3). ГИМ 44524. Оп. Б 77/2-2. Фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом:

[ἐπ]ὶ Ἀπολλο(δῶρου)
ἀστυ(νόμου)
[Α]ρχεπτο(λέμου)
орел на дельфине влево

Аналогичные клейма известны в Северном Причерноморье [IosPE III № 54–68; Кац 2014, № 1067–1068] и датируются 374 г. до н. э. [Fedoseev 1999, No. 14] или серединой IV в. до н. э. [Conovici 1998, gr. I, No. 3; Кац 2007, I МГ, № 5; Кац 2015, IB МХГ, № 1022–1030].

4 (рис. 3. 4). ГИМ 44524. Оп. Б 77/2-3. Фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом:

ἀστυνόμου
[Α]ἰσχίνου
Δραλώης
виноградная гроздь

Датировка клейма может быть определена около 350 г. до н. э. [Fedoseev 1999, № 3] или 30-е гг. IV в. до н. э. [Conovici 1998, gr. I, No. 17; Кац 2007, 434, II МГ, № 4; Кац 2015, IIA МХГ, № 1022–1030]. А. В. Ковальчук в своем определении отметила, что этот фабрикант очень редкий.

² Определение всех амфорных клейм выполнено А. В. Ковальчук, которой я выражаю глубокую признательность.

Рис. 3. Древности из Керчи (дар великой княгини Елизаветы Федоровны): эпиграфические памятники, терракотовые статуэтки, стеклянные сосуды

Расписная керамика

Расписная керамика представлена четырьмя лекифами и фрагментами краснофигурных сосудов, все – аттического производства. Не будучи специалистом в области вазоведения, ограничусь лишь краткими комментариями³.

5 (рис. 4. 1). ГИМ 44524. Оп. Б 77/3-1. Краснофигурный арибаллический лекиф с изображением зайца вправо, с приподнятой левой передней лапой. Обратная сторона лекифа грубо доделана. Дно сосуда сколото и опилено до почти ровной поверхности, ручка отсутствуют, на венчике многочисленные сколы, тонированные черной краской. Сохранившаяся высота 8,4; максимальная ширина 5,5; диаметр венчика 3,3 см.

Заяц – обычный эротический символ в античной вазоведении. Подобные лекифы хорошо известны на Боспоре [*Шталь* 2004, 83, № 68; *Кат. Москва* 2004, 72–73, № 126 (изображение зеркально)] и за его пределами; [*Robinson* 1933, pl. 117. 256: VAPD 9035129, CVA Berlin, Antikensammlung 16, Taf. 36. 9–11]. Аттика. Первая четверть IV в. до н. э.

6 (рис. 4. 2). ГИМ 44524. Оп. Б 77/3-2. Краснофигурный арибаллический лекиф с изображением веерной пальметты. Многочисленные сколы по всей поверхности. Высота 7,4; максимальная ширина тулова 4,1; диаметр дна 3,3; диаметр венчика 3,2 см. Аттика, первая половина IV в. до н. э. Многочисленные аналогии см.: [*Robinson* 1933, pl. 141. 416; 143. 434, 435; *Sparkes, Talcott* 1970, no. 1139; VAPD 3300, CVA Prague, Universite Charles 1, 55, pl. (045) 45.5; VAPD 10260, CVA Bucarest 2, Collection Dr. Georges et Maria Severeanu, 23, pl. (070) 25.11; CVA Pushkin Museum VI, pl. 50. 3,7; pl. 51. 3–4; *Петракова, Букина* 2019, 402].

7. (рис. 4. 3). ГИМ 44524. Оп. Б 77/4-1. Сетчатый лекиф; горло немного деформировано. Тулово сосуда декорировано диагональным сетчатым орнаментом, нанесенным тонкой кистью и белыми точками в местах пересечения линий. Ручка, а также верхняя часть горла с венчиком покрыты черным лаком, поверх которого по горлу спускаются белые вертикальные линии. Небольшие сколы по венчику и ручке. Высота 7,4; максимальная ширина тулова 3,9; диаметр дна 3,1; диаметр венчика 2,7 см. Аттика. Вторая четверть IV в. до н. э. Многочисленные аналогии см.: [*Robinson* 1933, pl. 147. 494; VAPD 23935, CVA Oxford, Ashmolean Museum 1, 31, pl. (132) 40.9 – из Керчи; *Петракова, Букина* 2019, 403;].

8 (рис. 4. 4). ГИМ 44524. Оп. Б 77/4-1. Сетчатый лекиф. Тулово сосуда декорировано сетчатым орнаментом, нанесенным тонкой кистью и белыми точками на линиях и между ними. На горле остатки черного лака, некогда его покрывавшего. Горло и ручка сосуда утрачены. Сколы по поверхности. Сохранившаяся высота 5,7; максимальный диаметр тулова 4,6; диаметр дна 3,7 см. Аттика. Вторая четверть IV в. до н. э. [*Robinson* 1933, pl. 147. 495].

9 (рис. 4. 5). ГИМ 44524. Оп. Б 77/7-2 [Кат. Москва 2014, 152, № 94]. Фрагмент края и стенки глубокого краснофигурного килика с изображением скачущего вправо на коне крылатого Эрота и пальметты. На внутренней поверхности по краю декорирован изображением ветви плюща с листьями в цвете глины, стебли и розетты белой краской поверх лака. Высота 6,1; ширина 8,4; реконструируемый диаметр сосуда около 13 см. Лак черный, блестящий. Мастер Q. Аттика, первая четверть IV в. до н. э.

³ Я признателен О.Ю. Самар и О.В. Тутушевой (ГМИИ им. А.С. Пушкина) за помощь в определении фрагментов краснофигурной керамики, а также А. Лещи-Хафтер (издательство AKANTHVS, Кильхберг) за консультации по фрагментам ваз круга мастера Эретрии.

Рис. 4. Древности из Керчи (дар великой княгини Елизаветы Федоровны):
расписные сосуды и их фрагменты

[BAPD 9004146, CVA Pushkin Museum V, pl. 35, 4 – из Фанагории; BAPD 231066, Musée du Louvre, inv. 3486; BAPD 231077, CVA Geneva, Musée d'art et d'histoire 1, 19, pls. (11,12) 11.1, 12.10–11 – без крыльев].

10 (рис. 4. 6). ГИМ 44524. Оп. Б 77/7–3 [Кат. Москва 2014, 152, № 95]. Фрагмент стенки сосуда открытого типа (килика?) с изображением фигуры беседующего атлета с повязкой на голове, вправо, с согнутой в локте и вытянутой вперед правой рукой. Лак черный, с коричневым отливом, покрыт с обеих сторон. Размеры: 5,9×3,9 см. Круг мастера Эретрии (по мнению А. Лецци – мастер Calliope). Аттика, 435–420 гг. до н. э. [Robinson 1933, pl. 97. 152; BAPD 210217, *Lezzi-Hafter* 1988, Taf. 3, no. 5].

11 (рис. 4. 7). ГИМ 44524. Оп. Б 77/7–7. Фрагмент стенки и края краснофигурного скифоса с изображением верхней части задрапированной фигуры юноши влево. За спиной юноши – фрагмент пальметты. Черный матовый лак с обеих сторон. Скол по краю венчика и изображению. Круг мастера Эретрии. Аттика, 435–420 гг. до н. э. [BAPD 30961, 217080, *Lezzi-Hafter* 1988, Taf. 13, no. 18; 68, no. 89].

12 (рис. 4. 8). ГИМ 44524. Оп. Б 77/7–8. Фрагмент крышки леканы с изображением женщины. Туловище развернуто фронтально, голова повернута назад. Лицо женщины, руки и головной убор переданы белой краской. Покрыт черным лаком с обеих сторон. Сколы с лицевой и оборотной стороны. Размеры: 6,2×4,1 см. Группа Отчета. Аттика, первая четверть IV в. до н. э. [BAPD 9003752, CVA Pushkin Museum V, pl. 19. 2].

13 (рис. 4. 9). ГИМ 44524. Оп. Б 77/7–4. Фрагмент стенки краснофигурного скифоса с изображением фигуры бегущего обнаженного юноши (сатира?) влево, правая рука поднята вверх. Справа – контур крупного женского профиля влево (?) Перед фигурой – следы прилепа ручки. Покрыт матовым коричнево-красным лаком с обеих сторон. Сколы с обеих сторон. Размеры: 8,8×4,7 см. Мастерская мастера Йены. Аттика, начало IV в. до н. э. [BAPD 231039, CVA London, British Museum: 1856,1226.93; BAPD 398, CVA Northampton, Castle Ashby, 24, pl. (695) 40.1–4; BAPD 43499, CVA Pushkin Museum V, pl. 28. 1; крупные женские головы включены в композиции т.н. Группы Халки: BAPD 230887, CVA Munich, Museum Antiker Kleinkunst 2, 29, pls. (294, 298) 98.2; 102.4; BAPD 230888, Birmingham, City Museum and Art Gallery: 1610.85].

14 (рис. 4. 10). ГИМ 44524. Оп. Б 77/7–5. Фрагмент стенки краснофигурного кратера (?) с изображением фигуры бегущего вправо обнаженного сатира, правая рука опущена вниз и несколько вытянута вперед, в ней находится какой-то предмет (ножка сосуда?). За спиной сатира – часть задрапированной женской фигуры (?). Черный блестящий лак с обеих сторон фрагмента. Сколы по краям. Размеры: 8,9×6,8 см. Круг мастера Эретрии. Аттика, 435–420 гг. до н. э. [*Lezzi-Hafter* 1988, Taf. 26–27, no. 31].

15 (рис. 4. 11). ГИМ 44524. Оп. Б 77/7–1. Фрагмент краснофигурной крышки леканы с изображением части фигуры летящего вправо Эрота. Отогнутый край орнаментирован фризом из ов. Покрыт черным лаком с двух сторон. Сколы по краю. Размеры: 10,2×7,6 см. Мастер Салоники 38.290. Аттика. Вторая четверть IV в. до н. э. [BAPD 230851, CVA Leiden, Rijksmuseum van Oudheden 4, 46–47, fig. 26, pl. (361) 103.2.4.6; BAPD 9003755 и 9003756, CVA Pushkin Museum V, pl. 21. 2–3 – из Фанагории и Пантикапея].

16 (рис. 4. 12). ГИМ 44524. Оп. Б 77/7–8. Фрагмент краснофигурной крышки леканы с изображением летящего вправо Эрота между двумя фрагментированными фигурами

девушек с алабастром и зеркалом в руках. Корень ручки окружен орнаментом из ов. На волосах девушек и между ними – остатки белой краски. Покрыт черным лаком с обеих сторон. Размеры: 12,8×9 см. Мастер Салоники 38.290. Аттика, вторая четверть IV в. до н. э. [BAPD 9003757, CVA Pushkin Museum V, pl. 21. 4 – из Фанагории].

Терракотовые статуэтки

17 (рис. 3. 5). ГИМ 44524. Оп. Б 77/9–1. Терракотовая статуэтка Эрота со щитом в руке. Стоящий Эрот, со скрещенными ногами, на скопленном постаменте. За спиной – крылья, на голове – фригийская шапочка. Эрот стоит, слегка склонившись влево, и опирается на щит. Возможно, приклеенный постамент – от другой статуэтки. На оборотной стороне статуэтки – большое круглое отверстие. Высота 8,9; размеры постаamenta 4,2×2,6 см.

Статуэтка пантикапейского производства и датируется I в. до н. э. (реставрация была выполнена в конце XIX – начале XX вв.). Различные статуэтки близкого облика, различающиеся в деталях, приводит П. С. Силантьева [Силантьева 1974, 35, табл. 47. 4], причем публикуемая – упомянута, как вариант этой иконографической схемы. В ГИМ хранится ещё одна неопубликованная фигурка Эрота со щитом иной иконографии из собрания В. И. Сизова (ГИМ 4384. Оп. Б 25/78) и статуэтки крылатого Эрота – Атгиса [Сокольский 1955, рис. 2. 2; Кобылина 1978, 42, № 23; Кат. Москва 2002, 66–67, № 236]. Две подобные статуэтки хранятся в Восточно-Крымском историко-культурном заповеднике [Артеменко 2006, 81–82, рис. 5, 6]. Дискуссия о значении этого образа до сих пор не затихает [см. например: Пругло 1966; Сапрыкин, Масленников 1998, 429–432].

18 (рис. 3. 6). ГИМ 44524. Оп. Б 77/9–2. Терракотовая статуэтка: задрапированная фигурка мальчика (?) в головном уборе. Левая рука вытянута вперед и придерживает край одежды; согнутая в локте правая рука сжимает край плаща на груди. Из под головного убора выбиваются пряди волос. Статуэтка внутри полая, изготовлена в двух формах, шов хорошо виден изнутри, снаружи заглажен. Высота статуэтки 11 см; максимальная сохранившаяся ширина в основании 4,4 см. Правая ступня и часть драпировки внизу отбита, сколы на поверхности.

Публикуемую статуэтку можно сопоставить с пантикапейской статуэткой мальчика в шапочке и плаще I в. до н. э. [Кобылина 1974, 53, табл. 63. 5]. Фрагментированные фигурки близких очертаний известны также из эллинистического слоя Горгишпии [Алексеева 1997, 274, 467, табл. 185, 61–62]. Иконографически этот тип восходит к аттическому типу статуэтки стоящего на постаменте мальчика IV в. до н. э. [Burr-Thompson 1965, 57–58]. Впоследствии эти статуэтки получили широкое распространение в Танагре [Besques 1972, D 171; Tanagras 2010, 128, no. 96], Киренаике [Tanagras 2010, 211, no. 183].

19 (рис. 3. 7). ГИМ 44524. Оп. Б 77/9–3. Терракотовая статуэтка: женская задрапированная фигурка, левая рука согнута в локте. Постамент, вероятно, от другой статуэтки, опилен в основании. На левом локте – отверстие. Полая изнутри, оттиснута в двух матрицах, на спине – треугольное отверстие. Голова утрачена, но видны следы её крепления в XIX в. Сохранившаяся высота 10,1 см; размеры постаamenta 3,1×2,2 см. Мелкие сколы на поверхности.

Один из часто встречающихся сюжетов в боспорской корошпластике, хотя обычно согнутой бывает правая рука. Очевидно, этот тип восходит к танагрской пластике IV–III вв.

до н. э. Сходная композиционно статуэтка стоящей девушки с согнутой в локте левой и опущенной вниз правой руками, происходящая из Пантикапея, хранится в Одесском археологическом музее [Cat. Cracow 2006, 297, no. VI.4].

Светильники

20 (рис. 5. 1). ГИМ 44524. Оп. Б 77/15-1. Светильник чернолаковый. Тулово имеет биконическую форму, дно вогнуто. Изнутри центральная часть дна слегка приподнята. «Плечи» узкие, отверстие для заливания масла окружено валикообразным выступом, отделенным от «плеч» широкой кольцевой бороздкой. Сбоку на «плече» – небольшой выступ. Светильник покрыт лаком, за исключением поддона. Рожок светильника обломан, часть поддона утрачена, сколы на поверхности. Размеры: сохранившаяся длина 7,4 см; ширина 6,3 см; высота 3,2 см.

Подобные светильники аттического производства относятся к типу 32 по Р. Хоуланд и датируются серединой – второй половиной III в. до н. э. [Howland 1958, 99, pl. 41. 425-432]. На Боспоре они также хорошо известны [Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, 98-101].

21 (рис. 5. 2). ГИМ 44524. Оп. Б 77/15-2. Краснолаковый светильник округлой формы, круглый сильно вогнутый щиток обрамлен низким валиком и неглубокой кольцевой бороздкой. Плечи узкие, украшены пояском из ов. Рожок короткий, имеет сердцевидное обрамление. Маленькая петельчатая ручка прикреплена под небольшим углом. Дно плоское. Глина коричнево-красная, лак красно-коричневый, матовый. Щиток светильника был пробит (в древности?), изображение не читается. Многочисленные сколы в нижней части светильника. Размеры: длина 7,4 см; диаметр щитка 3,5 см; высота 2,6 (с ручкой 3) см. Носик светильника имеет следы копоты.

Светильник относится к типу Loeschke VIII [Loeschke 1919]. Датировка: в пределах II в. н. э. Фрагменты изображений рогов и копыт (?) позволяют осторожно предполагать, что здесь была представлена фигура стоящего быка. Изображение быка на этом светильнике может быть схожим, например, с щитком лампы из Херсонеса из собрания Государственного исторического музея [Chrzanowski, Zhuravlev 1998, 106, no. 57].

22 (рис. 5. 3). ГИМ 44524. Оп. Б 77/15-3. Сероглиняный боспорский светильник низкого качества изготовления. Тулово биконическое, дно сильно затерто, но у аналогичных экземпляров оно имеет миндалевидную форму. Отверстие для заливания масла находится в центре воронковидного углубления на щитке, обрамленного рельефным валиком с кольцевой бороздкой вокруг. Рожок вытянут, носик частично утрачен. Рожок обрамлен двумя рельефными волотами, оформленными в виде пальметты, центральный лист которой расположен на верхней поверхности рожка. Ручка частично обломана. Многочисленные сколы по поверхности. Длина 11,3 см; ширина 6 см; высота 3,8 см.

Учитывая не очень полную сохранность светильника, условно относим его к типу 15 боспорской классификации, хотя степень выразительности центрального листка пальметты на рожке невелика [Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 195-203]. Такие изделия относятся к I-II вв. н. э., хотя публикуемый светильник имеет общие черты и с экземплярами типа 21 II-III вв. н. э.

Рис. 5. Древности из Керчи (дар великой княгини Елизаветы Федоровны):
керамические светильники и сосуды

Сероглиняная керамика

23 (рис. 5. 5). ГИМ 44524. Оп. Б 77/5. Сероглиняный лепной канфар с туловом бико-нической формы, на высоком коническом кольцевом поддоне. Венчик сосуда сильно отогнут наружу, край его слабо подрезан. Две вертикальные петлевидные ручки прикреплены в нижней части тулова и под венчиком. Поверхность сосуда была покрыта ангобом, в настоящее время практически полностью отслоившимся. Размеры: высота 9,7; максимальный диаметр тулова 7,1 см; диаметр дна 3,2 см; диаметр венчика 6,2 см. Сосуд был реставрирован, одна из ручек и часть венчика доделаны.

Публикуемый сосуд имеет необычную форму и прямых параллелей ему найти не удалось. Не исключено, что это вариант местной имитации чернолакового канфара III в. до н. э. [ср.: Егорова 2009, 97, № 130].

24 (рис. 5. 6). ГИМ 44524. Оп. Б 77/6-1. Сероглиняная лепная кружка с шаровидным туловом, венчик слабо отогнут. Небольшая вертикальная ручка прикреплена в средней части тулова и под венчиком. Высота 7,6 см; диаметр дна 3,5 см.

25 (рис. 5. 7). ГИМ 44524. Оп. Б 77/15-3. Сероглиняный унгентарий вытянутой формы, высокое горло завершается отогнутым венчиком. Сохранившаяся высота 14,4 см; максимальный диаметр тулова 4,7 см. Поверхность покрыта черным лаком, в местах его утраты затонирован черной краской. Нижняя часть сосуда отбита.

В связи с неполной сохранностью можно лишь предположить, что он относится к типу D по В. Андерсон-Стоянович [Anderson-Stojanović 1987, fig. 1], вариантам B12 или B21 по А. Камилли [Camilli 1999, tav. 15; 23] и датируется позднеэллинистическим временем.

26 (рис. 5. 4). ГИМ 44524. Оп. Б 77/16. Чаша краснолаковая. Тулово имеет коническую форму, бортик скошен, образуя ребро, венчик скруглен; дно на очень низком кольцевом поддоне. Изнутри по бортику – две кольцевые бороздки. На дне – клеймо *planta pedis*. Лак буро-красный, полностью покрывает весь сосуд. Высота 3,2 см; диаметр дна 3,1 см; диаметр венчика 6,8 см.

Сосуд относится к *Eastern sigillata B (ESB)*, производство которой велось, очевидно, в Траллах, в раннеримское время. Чаша относится к форме 73 по классификации Дж. Хейса [Hayes 1985, 68, tav. XV. 5]. Керамика этой группы была широко распространена в Северном Причерноморье в I в. н. э. [о находках ESB: Журавлев 2010, 29–30]. Рамка клейма, столь распространенная в итальянской или понтийской сигиллате, редка для продукции восточного производства [Журавлев 2001]. Вероятная дата сосуда: середина – третья четверть I в. н. э.

Гипсовые налеты на деревянные саркофаги

В состав коллекции входит четыре гипсовых налета на деревянные погребальные саркофаги, частично сохранившие раскраску⁴. Традиционная дата подобных изделий: вторая половина I – первая половина II в. н. э.

27 (рис. 6. 1). ГИМ 44524. Оп. Б 77/8-1 [Кат. Москва 2014, 151, № 91]. Гипсовый налет с изображением Горгоны. Лицо обрамлено пышными волосами. Была покрыта

⁴ В настоящее время сотрудниками ГИМ и НИЦ «Курчатовский институт» проводится исследование остатков пигментов на гипсовых налетах из этой коллекции, которые будут опубликованы отдельно.

Рис. 6. Древности из Керчи (дар великой княгини Елизаветы Федоровны): гипсовые налеты от деревянных саркофагов

слоем грунтовки и раскрашена. Сохранились следы розовой краски в волосах, голубой – в проборе прически; красно-розовой – на губах и между левым глазом и носом, черной – на глазах. Размеры: 8,9×9,1 см. Небольшой скол в нижней части.

28 (рис. 6. 2). ГИМ 44524. Оп. Б 77/8-2 [Кат. Москва 2014, 151, № 92]. Гипсовый налет с изображением Горгоны. Лицо обрамлено пышными волосами. Была покрыта слоем грунтовки и раскрашена. Сохранилась черная краска на бровях и глазах. Размеры: 9,8×8,8 см.

Подобные горгонейоны хорошо известны в пантикапейском некрополе [Иванова 1955, 425, рис. 23; Сокольский 1969, табл. 48. 3; Cat. Cracow 2006, 358, no. IX.1-2], некрополе городища Артезиан [Винокуров 2020, рис. 6; Винокуров, Федосеев 2020, рис. 8-9]. Целая серия изображений Горгоны были найдены в Фанагории [Ворошилова 2012, рис. 3].

29 (рис. 6. 3). ГИМ 44524. Оп. Б 77/8-3. Маска трагического актера. Лицо обрамлено волосами; нос прямой, глаза раскрыты, рот оформлен в виде сквозного отверстия. Следы раскраски отсутствуют. Размеры: 8,6×7,5 см [Кат. Москва 2014, 151, № 93].

Подобные маски известны в Нимфее [Жижина 1997, рис. 21-22; Грач 1999, 166, рис. 79], Кыз-аульском некрополе [Иванова 1955, 426, рис. 24], некрополе городища Артезиан [Ви-

нокуров 2020, рис. 7. 2; Винокуров, Федосеев 2020, рис. 8–12] и других боспорских некрополях [Сокольский 1969, табл. 48. 8–12; Иллариошкина 2001, рис. 13; *Cat. Cracow* 2006, 359, no. IX.4].

30 (рис. 6. 4). ГИМ 44524. Оп. Б 77/17. Букраний в виде вытянутой морды быка. Частично сохранилась раскраска: контуры глаз и зрачки – черная, нос и морда – розовая, лобная часть – буро-красная. Рога животного и часть носа отбиты. Размеры: сохранившаяся длина 8, 2 см; максимальная ширина 4,6 см.

Подобные изделия известны из некрополей Фанагории [Ворошилова 2012, рис. 2. 1], городища Артезиан [Винокуров 2020, рис. 8. 1].

Стекланные сосуды

31 (рис. 3. 8). ГИМ 44524. Оп. Б 77/11–1. Бальзамарий с туловом шаровидной формы, низким цилиндрическим горлом с отогнутым краем. Дно слабо вогнуто. Стекло синее. Высота 6,9; максимальный диаметр тулова 3,9 см.

Сосуд может быть сопоставлен с типом 26 по К. Айсингз [Isings 1957, 40] или формой IN 190 с датировкой II–IV вв. [Foy et al., 2018, 191]. Близкие сосуды были широко распространены на Боспоре, в Северном Причерноморье и Средиземноморье.

32 (рис. 3. 9). ГИМ 44524. Оп. Б 77/11–2. Бальзамарий с туловом конической формы, высоким цилиндрическим горлом, край отогнут. Дно сосуда плоское. Высота 10,4 см; максимальный диаметр тулова 3,5 см. Стекло прозрачное, поверхность с иризацией.

Относится к типу 28b по К. Айсингз [Isings 1957, 42–43] или I–1–Б по Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной [Кунина, Сорокина 1972, 150–154, рис. 3–4], которые были распространены во второй половине I в. н. э. и заходят во II в. н. э. [Foy et al., 2018, 192]. Один из наиболее распространенных типов бальзамариев (список аналогий см.: [Трейстер 2020, 169–170], который указал и комплексы первой половины I в. н. э.).

33 (рис. 3. 10). ГИМ 44524. Оп. Б 77/14. Фрагмент колбообразного сосуда. Сохранилось коническое, расширяющееся кверху горло и небольшая часть шаровидного тулова. Высота 9,2 см; диаметр венчика 2,7 см.

Подобные сосуды, очевидно, местного производства, были во множестве встречены в могилах некрополя Боспора (тип I, вид 5 по И. П. Засецкой) и датируются второй половиной VI – началом VII вв. н. э. [Засецкая 2008, 50–56, 134–138, табл. XXIII–XXIV].

34 (рис. 3. 11). ГИМ 44524. Оп. Б 77/10. Баночка с низким туловом, коротким горлом, венчик отогнут наружу, с маленькой, криво закрепленной, петельчатой ручкой. Дно сосуда слабо вогнуто снаружи. Высота 3,2; максимальный диаметр тулова 5,8; диаметр венчика 3,6 см.

Аналогии этому сосуду мне не известны. Типологически она близка горшочкам или баночкам для мазей I–II вв. н. э. [Isings 1957, 88–89, Form 68; Гущина, Сорокина 1984, 44, 49, рис. 1. 8; Гущина, Журавлев 2016, 72, табл. 129. 5; Трейстер 2020, 168, рис. 6. 4; 171, 173], но, в отличие от них, имеет ручку.

Изделия из бронзы

35 (рис. 7. 1). ГИМ 44524. Оп. Б 77/19. Браслет круглопроволочный с заходящими друг за друга и перевязанными концами. Максимальный диаметр 4,7 см, толщина проволоки 0,18 см. Широко распространенный тип браслетов в памятниках Северного

Рис. 7. Древности из Керчи (дар великой княгини Елизаветы Федоровны): изделия из бронзы и бусы

Причерноморья первых веков н. э. [см. например: *Гуцина, Журавлев* 2016, 87, табл. 48. 9–10; 62. 7; 79. 28; и др.].

36 (рис. 7. 2). ГИМ 44524. Оп. Б 77/20. Пряжка круглорамчатая с бронзовым нефасетированным язычком. Диаметр 2,8 см; длина язычка 3,2 см; диаметр сечения рамки 0,4 см. Пряжка близка типу П1 по В. Ю. Малашеву [Малашев 2000, 195, рис. 3], хотя язычок и выходит за границы рамки, и могут быть датированы I–II вв. н. э. [ср.: *Абрамова* 1997, 209; *Пуздровский* 2007, 140, рис. 97. 3].

37 (рис. 7. 3). ГИМ 44524. Оп. Б 77/21. Кольцо (височное?), свитое из трех бронзовых проволочек. Максимальный диаметр 3 см; диаметр проволоки 0,2 см. Датировка подобного изделия затруднена. Весьма вероятно, что кольцо относится к древностям эпохи средневековья. Известно, что сам великий князь Сергей Александрович проводил раскопки вятических курганов XII в. у д. Калчуга и у с. Чернево Московской губернии, а материалы этих раскопок также были подарены Историческому музею в 1889 г. [Кат. Москва 2014, 66–71, № 28–33].

Бусы

38 (рис. 7. 4). ГИМ 44524. Оп. Б 77/18. Бусина меловая, сильные сколы на поверхности. Диаметр 3 см; высота 2,4 см.

39 (рис. 7. 5). ГИМ 44524. Оп. Б 77/13–1. Низка бус [Кат. Москва 2014, 153, № 96]. Стекло, сердолик, гагат, египетский фаянс.

40 (рис. 7. 6). ГИМ 44524. Оп. Б 77/13–2. Низка бус [Кат. Москва 2014, 153, № 97]. Стекло, египетский фаянс, сердолик, гагат.

Очевидно, бусы нанизаны произвольно, являются разновременными, с преобладанием экземпляров I в. до н. э. – I в. н. э.

Несколько античных предметов, подаренных Елизаветой Федоровной, наряду с другими дарами императорской семьи впервые экспонировались на выставке в Историческом музее в 1993 г., а позже были изданы в каталоге [Кат. Москва 2014, 151–153, № 91–97]. Несмотря на сравнительную скромность дара, не могу не привести слова И. Е. Забелина «...ко всему, поступающему в Музей, а особенно к дарам, относились внимательно и с уважением, хотя бы сии дары и представлялись Вам не имеющими значения» [*Станкевич* 1997, 67]. Именно И. Е. Забелин и сформулировал программу комплектования фондов Исторического музея: «Исторический музей не есть музей <...>невиданных вещей. Он есть собрание памятников, т. е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовую порядок миновавшей жизни, почему для него дороги не редкости, а всякие рядовые предметы быта, лишь бы они пополняли общий круг бытовых нужд и потребностей» [*Забелин* 2001, 130].

Список литературы

- Абрамова** М. П. 1998. Хронологические особенности Северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. VI. Симферополь, 209–229.
- Алексеева** Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 560.
- Артеменко** Е. Д. 2006. Коллекция терракот «воин со щитом» из фондов КИКЗ // Научный сборник Керченского заповедника. I. Керчь, 76–88.
- Боровкова** В. Н. 1999. Коллекционеры и торговцы древностями. Древности Керчи. 4. Керчь, 160.
- Быковская** Н. В. 2017. К вопросу о частных коллекциях как источнике формирования музейных собраний (на примере коллекции А. В. Новикова) // Перипл: от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций (Тр. ГЭ. LXXXVIII). СПб, 339–357.
- Винокуров** Н. И. 2020. Гипсовая полихромная симфония: декоративные налеты деревянных саркофагов I–II вв. некрополя городища Артезиан // БИ. ХLI. Керчь – Симферополь, 147–172.
- Винокуров** Н. И., **Федосеев** Н. Ф. 2020. Артезианский деревянный саркофаг: украденный и (ли) спасенный // ДБ. 25, 34–56.
- Ворошилова** О. М. 2012. Рельефные украшения деревянных саркофагов Фанагории // РА. 2, 81–89.
- Гущина** И. И., **Журавлев** Д. В. 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Тр. ГИМ. 205). М., Ч. 1 – 272; Ч. 2 – 320.
- Гущина** И. И., **Сорокина** Н. П. 1984. Новые находки стеклянных сосудов в могильнике Бельбек IV в юго-западном Крыму // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 43–53.
- Егорова** Т. В. 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 256.
- Жижина** Н. К. 1997. Комплекс гипсовых рельефов из земляного склепа некрополя Нимфея и вопросы реконструкции декора боспорских деревянных саркофагов римского времени // Тр. ГЭ. XXVIII. СПб, 149–166.
- Журавлев** Д. В. 2001. К вопросу о клеймах *planta pedis* на римской керамике // ANAXAPΣIΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова (ХСб. XI). Севастополь, 90–99.
- Журавлев** Д. В. 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) (МАИЭТ. Suppl. 9). Симферополь, 318.
- Журавлев** Д. В., **Быковская** Н. В., **Желтикова** А. Л. 2007. Светильники VI – первой половины III вв. до н. э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. I. Киев, 208.

- Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. 2010. Светильники второй половины III в. до н. э. – IV вв. н. э. Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники эллинистического и римского времени. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. П. Киев, 336.
- Журавлев Д. В., Черненко В. Г. 2022. «Античная» коллекция Д. Я. Самоквасова в Государственном Историческом музее // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конф. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г. Севастополь, 259–266.
- Забелин И. Е. 2001. Дневники. Записные книжки. М., 384.
- Засецкая И. П. 2008. Стеклопосуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. (из собрания Государственного Эрмитажа) (БИ. XX). Симферополь–Керчь, 224.
- Иллариошкина Е. Н. 2001. Боги и герои греческих мифов в боспорской гипсопластике // БИ. I. Симферополь, 213–218.
- Кат. Москва 2002. На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М., 144.
- Кат. Москва 2004. Рождение Олимпийских игр. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М., 112.
- Кат. Москва 2014. Дары Российского Императорского дома Историческому музею. М, 256.
- Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. XVIII). Симферополь–Керчь, 478.
- Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Саратов, 180.
- Кобылина М. М. 1974. Мастерские пантикапейских коропластов // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей (САИ. Г1-11). М., 47–53.
- Кобылина М. М. 1978. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 216.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П. 1972. Стеклопосуда Боспора // ТГЭ. 13, 146–177.
- Латышев В. В. 1908. Дополнение к: [Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1907 г.] // ИАК. 27. СПб, 53–54.
- Малашев В. Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона. I). Ростов-на-Дону, 194–232.
- Неверов О. Я. 2006. Коллекция керченских древностей А. В. Новикова // БИ. XIII. Симферополь–Керчь, 189–206.
- Петракова А. Е., Букина А. Г., при участии А. И. Алексеева, О. К. Баженовой, А. Н. Гузанова, А. С. Намоёйлик, М. В. Ромашовой, Е. С. Тарарухиной, А. А. Фроловой. 2019. Малые коллекции античных ваз в музеях России. СПб–Керчь.
- Пругло В. И. 1966. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов // Культура античного мира. М., 205–213.
- Пуздоровский А. Е. 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 480.

- Санжаровец В. Ф. 2015. Романовы и Керчь // Керченская старина. I. Симферополь, 58–84.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 1998. Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 398–440.
- Силантьева П. Ф. 1974. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей (САИ. Г1-11). М., 5–37.
- Сокольский Н. И. 1955. О боспорских щитах // КСИИМК. 58. М., 14–25.
- Сокольский Н. И. 1969. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья (САИ. Г1-17). М., 192.
- Сорокина Н. П. 1992: И. Е. Забелин и античные коллекции ГИМ // И. Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Материалы научных чтений ГИМ 29–31 октября 1990 года. 2. (Тр. ГИМ. 81). М., 3–10.
- Станкевич А. И. 2007. Музей. Из воспоминаний первого библиотекаря // И за строкой воспоминаний большая жизнь. Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 50–72.
- Трейстер М. Ю. 2020. Позднеэллинистические и римские стеклянные сосуды в погребениях кочевников Подонья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). VI. Симферополь, 154–188.
- Уварова П. С. 2005. Былое. Давно прошедшие счастливые дни (Тр. ГИМ. 144). М., 336.
- Шталь И. В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Леканы, аски, лекифы, ойнохои, IV в. до н. э., керченский стиль. М., 232.
- Anderson-Stojanović V. R. 1987. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // AJA. 91, 105–122.
- Besques S. 1972. Musée national du Louvre. Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre cuite grecs, étrusques et romains. III. Epoques hellénistique et romaine. Grèce et Asie Mineure. Paris, 410+436 pl.
- Burr-Thompson D. 1965. Three Centuries of Hellenistic Terracottas // Hesperia. 34, 34–76.
- Camilli A. 1999. Ampulae. Balsamari ceramici di età ellenistica e romana. Roma, 152.
- Cat. Cracow 2006. Treasures from the Black Sea Coast. Gold, Sculpture, Pottery from the Archaeological Museum in Odessa. Catalogue of the Exhibition at the National Museum in Cracow. March–June 2006. Cracow, 392.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D. 1998. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum –Moscow (Studia archaeologica. 96). Roma, 296.
- Conovici N. 1998. Les timbres amphoriques 2. Sinope (Histria. VIII. Les résultats des fouilles. Histria). Bucharest–Paris, 206+47 pls.
- Fedoseev N. F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 27–48.
- Foy D., Labaune-Jean F., Leblond C., Pruvot C. M., Marty M.-T., Massart C., Munier C., Robin L., Roussel-Ode J. 2018. Verres incolores de L'antiquité romaine en Gaule et aux marges de la Gaule. Vol. 2. Typologie et analyses (Archaeopress Roman Archaeology. 42). Oxford.
- Garlan Y. 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. I. Paris, 337.

- Hayes J. W. 1985. Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio). Atlante delle forme ceramiche II (Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale). Roma, 1-96.
- Isings C. 1957. Roman Glass from Dated Finds. Groningen, Djakarta, 185.
- Lezzi-Hafter A. 1988. Der Eretria-Maler. Werke und Weggefährten. (Forschungen zur antiken Keramik: Reihe 2, Kerameus 6). Mainz/Rhein, xiv+383 +xxiv+196 Taf.
- Loeschcke S. 1919. Lampen aus Vindonissa. Ein Beitrag zur Geschichte von Vindonissa und des antiken Beleuchtungswesens. Zürich. 358+23 Taf.
- Massei L. 1978. Gli askoi a figure rosse nei corredi funerari delle necropoli di Spina. Milano, xxxix, 385+35 pl.
- Robinson D. M. 1933. Excavations at Olynthus. Pt. V: Mosaics, vases, and lamps of Olynthus found in 1928 and 1931. Baltimore, xix+279+209 pl.
- Sparkes B. A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B. C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, 500+100 pls+25 figs.
- Tanagras 2010. Tanagras. Figurines for Life and Eternity. The Musée du Louvre's Collection of Greek Figurines. Exhibition Catalogue. Paris, 300.
- Tzochev Ch. 2016. Amphora stamps from Thasos (The Athenian Agora. XXXVII). Princeton, 264.

Summary

Denis Zhuravlev

Collection of "Kerch Antiques" from the Gifts of Grand Duchess Elizabeth Fyodorovna at the State Historical Museum

The article presents a small collection of antiquities from Kerch, which was donated to the Historical Museum in 1908 by Grand Duchess Elizabeth Feodorovna

For many years, this collection, like many other former private collections, did not attract the attention of researchers. It included fairly ordinary monuments – fragments of red-figure vessels, amphora stamps, glass and clay vessels, beads and plaster moldings on the sarcophagus, and even a fragment of an inscription. In my opinion, these materials are interesting not only for historians of science and researchers of the formation of antiquarian activity in Russia, but also for archaeologists. Despite the fact that these objects have no context and are dated only by parallels or stylistically, the mass publication of such materials can greatly increase the source base of researchers of ancient material culture.

А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Фанагории в период поздней архаики – ранней классики (стратиграфия, хронология, периодизация. 1)

Археологические исследования в центральной части верхнего плато Фанагории, где предполагалось наличие древнейшего слоя, начались в 1975 г. под руководством В. С. Долгорукова¹. Эти работы продлились до 1980 г. (с перерывом в 1978 г.) и вполне оправдали ожидания: в нижней части культурных отложений были открыты остатки построек и находки архаического – раннего классического времени. В начале 1990-х археологические исследования на «Верхнем городе» были продолжены под руководством В. Д. Кузнецова. Вплоть до 1994 г. серьезным недостатком всех предшествующих работ была сравнительно небольшая площадь раскопа при многометровой толще культурного слоя. С учетом его особенностей и сохранности, это обстоятельство лишало возможности ставить и решать сколько-нибудь значимые вопросы по истории Фанагории. Принимая во внимание масштаб памятника, ранние раскопки на «Верхнем городе» представляли собой, по сути дела, его шурфовку.

В 1995 г. произошел коренной перелом в организации исследований. В эти годы была заложена новая площадь раскопа, составившая 900 м², которая последовательно расширялась и достигла к 2018 г. 3150 м². Именно это позволило рассматривать в пределах вскрытого района акрополя² его планировку на протяжении ряда исторических периодов и предложить варианты интерпретации процесса трансформации городской среды от начального момента ее формирования [см. Кузнецов 2018б, 122–123, рис. 4], в ряде случаев связав этот процесс с известными по другим источникам историческими событиями³. Вместе с тем, исследования на широкой площади показали, что даже

¹ Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

С самого начала в них принимал непосредственное и активное участие один из авторов (В. Д. Кузнецов).

² Акрополем, т. е. общественным центром города этот район стал не сразу. Изначально он входил в историческое ядро города, которое образуется с момента основания колонии, и здесь, наряду с общественными зданиями, существуют жилые дома, которые уже в третьей четверти VI в. до н. э. защищали оборонительные сооружения. Процесс формирования в этом районе собственно акрополя, где располагались исключительно гражданские и культовые здания, занял значительное время.

³ Например, см.: [Абрамзон, Кузнецов 2010; 2011; 2020, 8–10, 55–60; Кузнецов 2018а; Завойкин 2018, 136, 138–140; 2019а, 316–318; и др.].

в пределах одного района стратиграфическая ситуация далеко неоднородна. Прежде всего, это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с особенностями топографии местности на уровне материка⁴, с заметными перепадами высот, что имело следствием применение элементов террасной застройки района. Во-вторых, периодически производились нивелировки, предшествующие новому строительному периоду в его жизни, при которых перемещались весьма значительные объемы культурных слоев предыдущего времени⁵. В результате этого местами или на всей площади раскопа отсутствуют целые пласты культурных отложений, и в то же время происходит образование перемешанных слоев в перемещенном состоянии⁶. Приведем лишь два примера, иллюстрирующие последствия таких процессов. У южного борта Западного участка раскопа сразу под слоем пожарища 63 г. до н. э. (руины резиденции Митридата Евпатора [Абрамзон, Кузнецов 2015, 41–43]) были открыты развалины здания (464)⁷, построенного еще в третьей четверти VI в. до н. э., жизнь которого завершилась в ок. 450–440 гг. до н. э. Слои между двумя этими периодами полностью уничтожены. Другой пример: в северо-западном углу раскопа большой дом позднеархаического времени (888), прорезанный котлованом подвала IV в. до н. э. (874) [Завойкин и др. 2022], перекрывала мусорная свалка IV–V вв. н. э. К этому следует добавить, что стратиграфическая ситуация сильно осложняется еще и тем, что все культурные отложения, часто вплоть до материка, буквально пронизаны огромным количеством хозяйственных (мусорных) ям римского и средневекового времени⁸.

Все эти обстоятельства чрезвычайно затрудняют выработку детальной общей стратиграфической схемы даже для хронологически компактных слоев, архитектурных комплексов и элементов городской инфраструктуры. Она настолько сложна, что закономерным и оправданным этапом в создании такой схемы представляется анализ стратиграфии в пределах отдельных комплексов или их локальных групп⁹.

Сейчас мы сосредоточим внимание на одном из наиболее сложных и насыщенных остатками построек участке. Он располагается к северо-востоку от пересечения двух магистральных улиц этого района: одна из них пролегала с запада на восток (главная), другая – с севера на юг, примыкая к первой почти под прямым углом. В юго-западном углу этого «квартала» в слое второй половины VI – первой половины V в. до н. э. были

⁴ Наклон его поверхности к северу (в сторону склона верхнего плато к нижнему), к востоку (в сторону глубокой балки, разделяющей верхнее плато на две части, по которой проходила одна из магистральных городских улиц) и западу (где располагалась еще одна, менее значительная, балка).

⁵ Характеристике ряда особенностей стратиграфии «Верхнего города» Фанагории посвящена специальная статья [Кузнецов 2011].

⁶ Так, над архаическими оборонительными сооружениями, построенными у восточного обрыва западной части верхнего плато, и далее к востоку от этой линии, над образовавшейся в результате перепланировок насыпью в хазарский период были построены дома рядового населения [Кузнецов, Голофаст 2010].

⁷ Номера отмеченных в тексте объектов соответствуют полевой и отчетной документации.

⁸ Довольно многочисленны и хозяйственные ямы более раннего времени. В этой статье мы уделим некоторое внимание лишь некоторым из них, важным для выстраивания стратиграфической схемы. Анализ других ям архаического и раннеклассического времени будет посвящена отдельная работа.

⁹ В ряде случаев такого рода работа уже проводилась, хотя и не систематично, без учета перспективы создания в дальнейшем универсальной стратиграфической схемы, будучи ориентированной на изучение конкретных групп материала в стратиграфическом контексте [например, см.: Завойкин 2019б, 234–250; Абрамзон и др. 2019, 7–14; Завойкин, Кузнецов 2020; и др.].

открыты свидетельства весьма активной строительной деятельности – несколько этапов перестроек зданий, возведенных в основном из сырцового кирпича, но в некоторых случаях – с использованием камня в фундаментах. Хотим напомнить, что в истории исследованного района Фанагории выделяются два базовых стратиграфических репера, связанных с общими пожарами и разрушениями. Один относится примерно к рубежу первой и второй четверти V в. до н. э., другой – ко времени сразу после середины того же столетия [см. *Абрамзон и др.* 2019, 6–7]. Этот последний пожар определяет верхнюю хронологическую границу настоящего исследования.

Избранный для рассмотрения участок наиболее целесообразен в качестве исходного для дальнейшей разработки общей стратиграфической схемы в силу того, что он располагается в наиболее низкой части раскопа, где лучше сохранились древнейшие городские слои, в то время как к югу и они в большей степени подвергались уничтожению в результате последующих нивелировок¹⁰.

Участок «Верхнего города», о котором пойдет речь далее, в течение примерно столетия, считая с момента основания Фанагории [*Кузнецов* 2019, 398–402], пережил несколько строительных периодов, синхронизация которых представляется базовой задачей работы.

Поверхность материка на рассматриваемом участке понижается с юга на север, еще более заметно – с востока на запад. Первые по времени зафиксированные архитектурные объекты (*1-й строительный период*) были построены частично на поверхности предматерикового слоя¹¹, нивелирующего перепады высот на материке¹² (в западной части), частично – непосредственно на материковом песке (в восточной части). К их числу относится здание (869), состоящее не менее чем из трех помещений (рис. 1)¹³. Его строительству предшествуют две ямы (906 и 910)¹⁴. Одна из них была перекрыта полами южного помещения (пом. 3), а поверх засыпи другой прошла кладка западной стены пом. 2¹⁵. Определение точной даты строительства вызывает затруднение. Судя по стратиграфии, это событие относится ко второй половине VI в. до н. э.

На наш взгляд, имеются основания эту дату уточнить, опираясь на синхронизацию первоначальной застройки квартала, в углу которого располагалось здание 869, с началом застройки соседнего, расположенного с запада, квартала. В его ЮВ углу, точно

¹⁰ По этой причине здесь, иной раз, сохранились строительные остатки древнейших периодов, но нет возможности проследить судьбу построек в последующее время. Последние представлены только углубленными в ранний слой и материк объектами (подвалами, котлованами, ямами).

¹¹ Стратиграфический горизонт I. С него начат отсчет «горизонтов», определяющих хронологическую последовательность объектов, – включая архитектурные остатки (с собственной нумерацией строительных периодов), – прямо или косвенно связанных стратиграфически (см. табл. в конце статьи).

¹² Это неструктурируемая коричнево-серая (золистая) глина с примесью песка и органики (пыльцевого характера?), с небольшим количеством керамики и костей животных.

¹³ Подробно о нем см. [*Завойкин, Кузнецов* 2023, в печати].

¹⁴ Не исключено, им синхронны ямы 903, 909.

¹⁵ К сожалению, находки из этих объектов не очень выразительны, но в целом не выходят за рамки третьей четверти VI в. до н. э. Среди фрагментов столовой посуды преобладает продукция Ионии, аттической керамики заметно меньше, в их числе – два фрагмента расписанных кликов мастера Глессона (в яме 906). Из тарной керамики, наряду с обломками амфор Клазомен, ионийских «прото-фасосских», лесбосских красной глины, à la brosse, отметим фрагменты хиосских исключительно с воронковидным горлом.

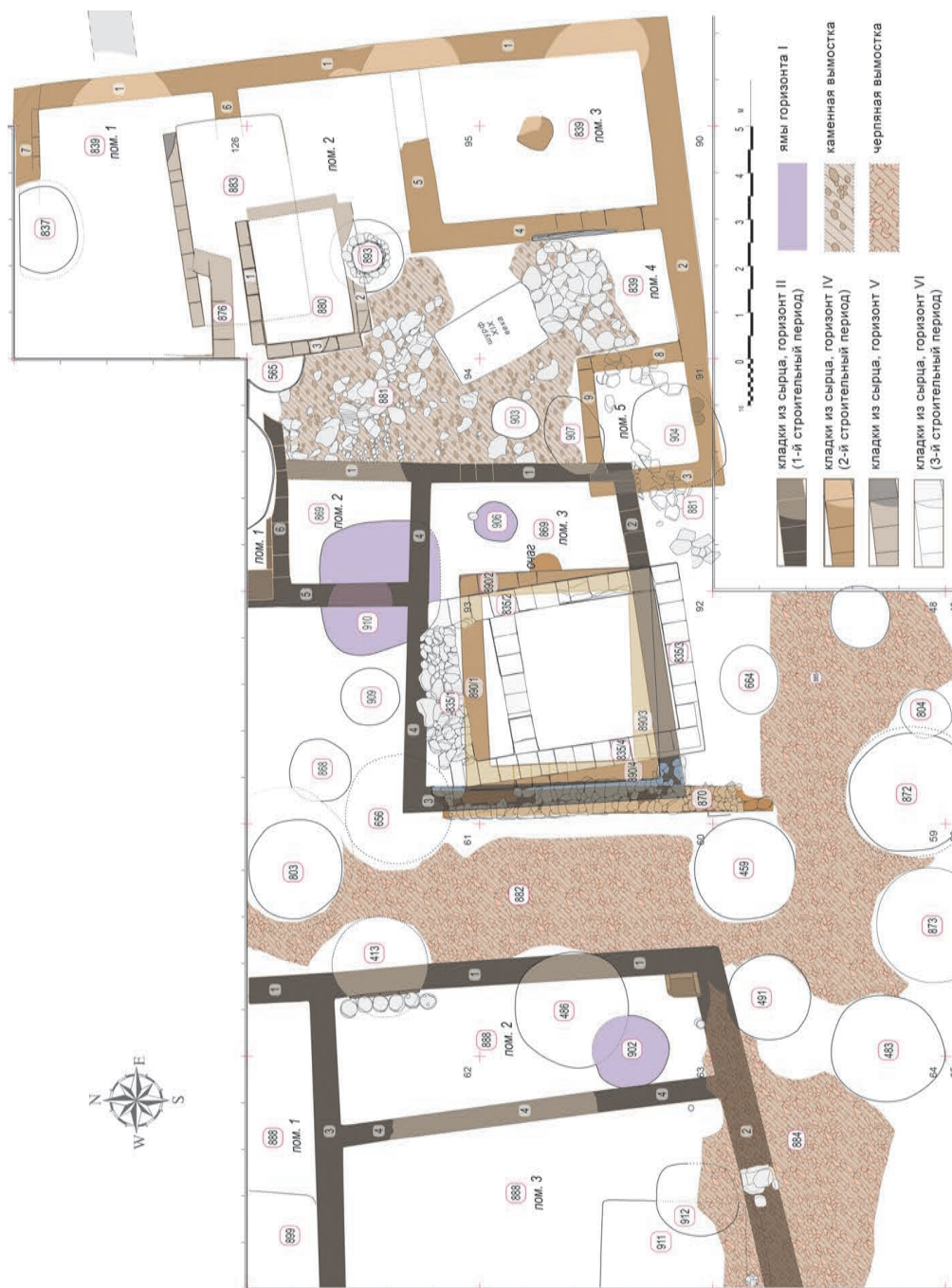

Рис. 1. Раскоп «Верхний город», СЗ угол. Схематический план построек 1-го и 2-го строительных периодов (стратиграфические горизонты I–IV)

Рис. 2. Раскоп «Верхний город», СЗ угол. Схематический план построек 2-го и 3-го строительных периодов (стратиграфические горизонты IV–VI)

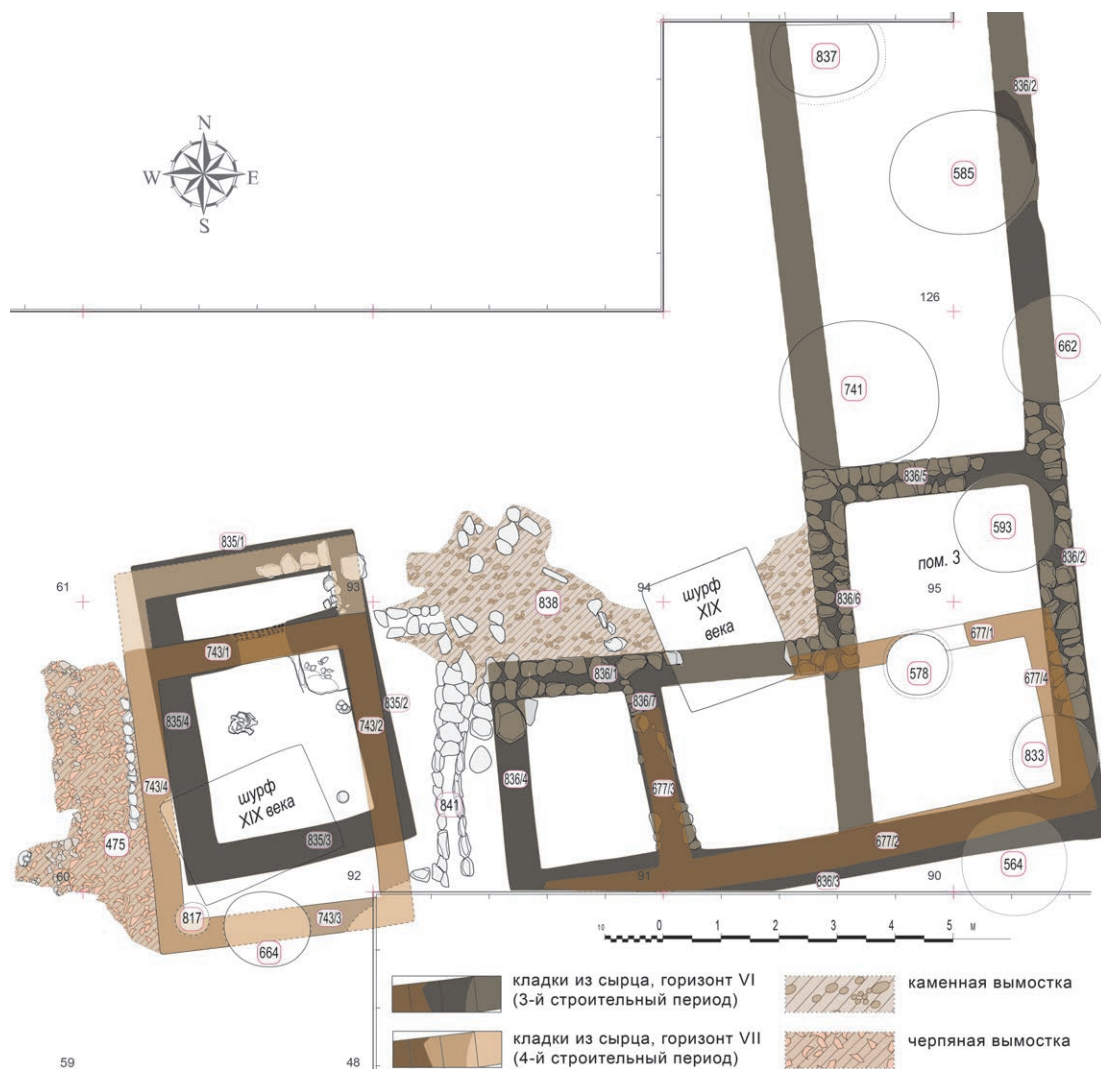

Рис. 3. Раскоп «Верхний город», СЗ угол. Схематический план построек 3-го и 4-го строительных периодов (стратиграфические горизонты VI и VII)

напротив здания 869, располагалось домовладение 888 (рис. 1). Находки из этого архитектурного комплекса (с учетом датировки керамики из ямы 902 (рис. 4), им перекрытой, и амфор, используемых в период жизни дома – рис. 6) позволяют исходный момент регулярной застройки рассматриваемого района города отнести примерно к интервалу ок. 540–535/30 гг. до н. э. [см.: *Завойкин 2023* (в печати); *Завойкин, Чашук 2023* (в печати)]. Датировка же массы керамики из помещений этого дома приходится преимущественно на третью четверть VI в. до н. э.¹⁶, но присутствуют отдельные фрагменты, датируемые

¹⁶ Наряду с единичными фрагментами хиосских амфор с воронковидным горлом, отметим несколько обломков стенок тарных сосудов «со светлой облицовкой», чрезвычайно редких в Фанагории.

последней четвертью этого столетия (например, хиосских пухлогорлых раннего варианта). Более существенно для датировки заключительного этапа жизни этого домохозяйства присутствие верхних двух третей хиосской пухлогорлой амфоры ок. 525–500 гг. до н. э., использованной в пом. 3 в качестве печи (рис. 7. 2).

После того, как домовладение 888 было разрушено, его остатки были прорезаны котлованами 899 (в пом. 1), 911 и ямой 912 (в пом. 3). Найденная в первом из них керамика датируется *не позднее* 480 г. до н. э. Самые поздние находки из котлована 911 и ямы (из амфор – это фрагменты «ранних пухлогорлых») датируют их засыпку *не раньше* 525 г. и *не позднее* 480 г. до н. э. В целом же находки из этих объектов в хронологическом отношении вполне соответствуют находкам из помещений дома (от третьей четверти VI в. до 480 г. до н. э.). Таким образом, датировка находок из этих объектов в принципе не противоречит выводу о завершении жизни домовладения в последней четверти VI в. до н. э. [см. Завойкин 2023].

Улицы, ограничивающие кварталы с юга и, соответственно, с запада и востока, возможно, первоначально не имели замощения¹⁷. А вот площадь, примыкавшая с востока и юга к зданию 869 была вымощена камнем (881)¹⁸. К северо-восточному краю этой вымостки примыкала водосборная цистерна (893), стенки которой тоже были обложены колотым плитчатым камнем, аналогичным по характеру тому, что использовался и при сооружении вымостки. Любопытно то, что восточным своим краем каменная вымостка примыкала к нижнему ряду кладки западной стены пом. 3 дома 839, который относится уже к следующему строительному периоду. Северо-западный угол пом. 5 этого дома (839) перекрыл ЮВ угол пом. 3 дома 869 (рис. 1), южная часть этого помещения перекрыла сохранившийся участок каменной вымостки (881), а трасса западной стены пом. 2 прошла над уже засыпанной цистерной.

Таким образом, принадлежность дома 839 ко *2-му строительному периоду* не вызывает сомнений. Для стратиграфической его характеристики важно отметить еще несколько моментов. После того, как дом 869 был разрушен, рядом с его ЮВ углом была вырыта яма (904)¹⁹, которая пробила примыкавшую к стенам дома каменную вымостку (881). Когда эта яма была засыпана, над ее заполнением и на ее борту были последовательно сооружены два специфических объекта – горны 897а и № 897б, обустроенные из частей амфор, которые датируются ок. 530–520 гг. до н. э. (рис. 7. 4, 5)²⁰. Эту дату следует принять в качестве *terminus post quem* для сооружения и эксплуатации горнов и, соответственно, как ориентир для определения времени строительства дома 839²¹. Верхняя хронологическая

¹⁷ По всей видимости, это объясняется дефицитом подходящего материала: отсутствием камня и, в течение первых лет жизни города, достаточного количества керамического боя.

¹⁸ Вымостка примыкает к южной стене пом. 1, восточной стене пом. 2 и 3 и южной стене пом. 3. Стоит отметить, что под камнями вымостки найдены две фрагментированные амфоры. Обе относятся к третьей четверти VI в. до н. э.

¹⁹ В ее заполнении (помимо материкового песка обрушившихся бортов) в большом количестве представлены массивы разрушенных сырцовых стен, в том числе целыми блоками. Находки из ямы по хронологии аналогичны тем, что найдены в пом. 3 дома № 869.

²⁰ Подробно см. [Завойкин, Кузнецов 2019, 86–90, рис. 21, 22].

²¹ Ранее мы считали, что горны эксплуатировались непосредственно в пом. 5 дома № 839 [Завойкин, Кузнецов 2019, 86; 2020, 130], хотя оставались определенные сомнения. Дело в том, что эти ремесленные сооружения располагались не просто вплотную к южной стене дома, но большей своей частью располагались в створе ее трассы. Исходя из этого теперь, пожалуй, следует признать, что горны были сделаны и использовались до того, как были возведены стены дома.

Рис. 4. Фрагменты амфор из ямы 902 (стратиграфический горизонт I)

граница его жизни определяется по комплексу амфор в пом. 3 – не позже рубежа первой и второй четверти V в. до н. э. (т. е. ок. 480 г. до н. э.; рис. 7. 7–9)²².

К западу от дома 839 располагалось здание, построенное на руинах южной части домовладения 869 (рис. 1, 2). Это комплекс архитектурных объектов, представляющий собой остатки храма, построенного из сырцового кирпича на каменном фундаменте (870), с полуподвальным этажом (890), вдоль бортов котлована которого, – прорезавшего помещение 3 дома 869 и углубленного в материк, – тоже были возведены кладки стен из сырцового кирпича [см. *Завойкин, Кузнецов 2023* (в печати)]. С юга и запада к этой постройке примыкали первые по времени вымостки улиц (884+885 и 882)²³. Пространство между храмом и домом 839 (над снивелированными остатками дома 869) было перекрыто плотной трамбовкой из железняка (местами – на тонкой подсыпке из белого песка). Эта трамбовка эпизодически прослеживалась и к северу от пом. 4 и 5 этого дома, где располагался его двор, перекрывая каменную вымостку (881).

После того, как жизнь храма и дома 839 завершилась, на месте северных его помещений (1 и 2) появляются заглубленные в слой и материк подвалы, стенки которых построены из сырцового кирпича. Расположенные компактной группой, они последовательно сменяют друг друга. Наиболее ранний из них (подвал 883) почти полностью уничтожил стену-перегородку между помещениями 1 и 2. Юго-западный угол этого объекта, в свою очередь, был срезан северо-восточным углом подвала 880, который также срезал северную половину (не до дна) цистерны 893 (здесь прошла южная его стена), а ЮЗ углом – прорезал вымостку 881. Северо-западный угол котлована 883 был разрушен подвалом 876.

²² Описание этого архитектурного комплекса (а также построек двух последующих периодов на этом месте) и обоснование его датировки см. [*Завойкин, Кузнецов 2020*, 130–136].

²³ Вымостка 884 (продолжение вымостки 885 к западу, после перекрестка с 882-ой) северным краем частично перекрывает южную стену дома 888 первого строительного периода, синхронного зданию 869.

Специально обратим внимание на то, что здесь, в одном месте, существуют три одновременных, сменяющих друг друга объекта, общее время бытования которых было непродолжительным. Наиболее ранний и больший из них (883), вероятно не был достроен из-за обрушения бортов котлована. Он имел в длину 4,21 м, только вдоль его северного борта было начато строительство сырцово-кирпичной кладки. Успели положить полностью один ее ряд (8 целых кирпичей и четвертинка), начали выкладывать второй (с восточного конца), и на этом строительство прекратилось. Использовался ли котлован после этого, или же был засыпан сразу – сказать невозможно. Находки из его засыпки датируются не позднее 480 г. до н. э. (среди них фрагменты хиосских «ранних пухлогорлых» амфор), хотя в принципе допустима и несколько более ранняя дата засыпки этого «подвала».

Подвал 880, ориентированный так же, как и 883-й, с запада на восток, имел стены, сложенные из сырцового кирпича, шириной ок. 0,3 м. Внутренние его габариты 2,75 × 1,85 м. Основной состав находок в засыпке подвала близок «базовому» набору керамики из объектов, относящихся к слою последней четверти 6 – первых двух десятилетий 5 в. до н. э. Из амфорной тары – это хиосские «ранние пухлогорлые», красноглиняные лесбосские, «прото-фасосские» (клазоменские отсутствуют), но в добавление к этому набору здесь имеется фрагмент горла амфоры, профилировкой напоминающий хиосские пухлогорлые «развитого» варианта и обломок горла пифоидной амфоры «круга Фасоса». И это заставляет предполагать датировку засыпки подвала несколько более позднюю, чем для 883-го.

От подвала 876, имевшего стены, сложенные из темно-зеленого железистого сырцового кирпича, сохранился лишь южный его край: тупой ЮВ угол, образованный южной стеной, покосившейся внутрь, и коротким отрезком завалившейся наружу (в котлован 883) восточной, а также внутренний ЮЗ прямой угол, образованный южной и западной²⁴ стенами. Находок, непосредственно связанных с этим объектом, нет.

Сейчас мы не будем углубляться в непростые вопросы интерпретации этих и им подобных объектов (они заслуживают отдельного рассмотрения). Ограничимся констатацией факта, что постройка следующего, *3-го, строительного периода* перекрыла эти, очевидно, недолговечные сооружения (рис. 2). Следующая фаза (б) истории данного домохозяйства связана с возведением – примерно в тех же границах и тому же плану, что и у предыдущей постройки, – с использованием в качестве основания старых стен, нового дома (836). Некоторые его стены имели каменный фундамент. Трасса западной стены пом. 1²⁵ перекрывала засыпку котлованов 880, 883 и 876. Пространство двора – внутренний угол между восточным (пом. 1, 2) и южным (пом. 2–4) блоками помещений, образующими L-образную конфигурацию дома – было замощено камнем и черепками. С этой вымостки (838) отвод воды осуществлялся через водосток (841), пролежавший между крайним западным помещением (пом. 4) дома 836 и соседним храмом 835 и выходявший к югу на «главную» улицу, мощеную черепками (301) [см. Кузнецов 2007, т. 1, 95].

Новый, второй храм (*templum in antis*, № 835), построенный на месте старого, был меньших размеров (4,1 × 5,5 м), чем предыдущая культовая постройка, и немного иначе

²⁴ В границах раскопа оказалась только ее восточный фас. Западная часть этого объекта осталась не исследована. Не исключено, что его структура сложнее, чем представляется на сегодняшний момент.

²⁵ Практически наверняка это помещение, вытянутое с севера на юг, делилось на два помещения, однако следы стены-перегородки не были зафиксированы

Рис. 5. Фрагменты амфор из котлована 826 (I–III стратиграфические горизонты)

ориентирован (с отклонением продольной оси к западу на $\sim 9^\circ$)²⁶. Так же, как и более ранний храм он имел подвал. Котлован под это подвал уничтожил значительную часть остатков всех более ранних построек (870, 890, 869). Храм 835 погиб в сильном пожаре. Комплекс найденных в подвале амфор (рис. 9. 1–5) позволяет датировать это событие примерно в интервале между 470 и 460/50 гг. до н. э. [см. *Завойкин, Кузнецов 2020, 138*]²⁷.

²⁶ Подробно см. [*Завойкин, Кузнецов 2023, в печати*].

²⁷ Принимая эту датировку в качестве ориентира, максимальный интервал между вторым и третьим строительными периодами, связанный с использованием подвалов 880, 883, 876, определяем ок. 480–470 гг. до н. э. В действительности он, конечно, был существенно короче.

Следующий, *4-й строительный период* застройки маркируют дом (677) и третий храм (743), построенные на руинах предыдущих построек (рис. 3). Этот новый дом, несомненно, является редуцированным вариантом застройки в пределах прежнего домохозяйства (фаза «б»). Эта постройка представляла собой дом из двух помещений, вытянутых в ряд с востока на запад. Они перекрыли южный блок помещений дома 836, причем южная и восточная стены нового дома опирались на остатки стен дома более раннего (с некоторым смещением). И хотя северная и западная стены западного помещения (пом. 2) не сохранилась, с полной уверенностью можно говорить о том, что между этим домом и новым храмом существовал проход (примерно в тех же границах, что и в предыдущий период), выходящий на главную улицу. Принимая в расчет тот факт, что стена-перегородка между двумя помещениями была положена точно поверх стены, разделявшей пом. 3 и 4 в предыдущем доме 836, возможно приблизительно оценить площадь небольшого западного помещения: она близка размерам пом. 4 в домепредшественнике, т. е. не превышала 10 м². Пом. 2 существенно уступало размерами восточному пом. 1 (6,55 × 2,65–2,75 м, площадь ок. 18 м²), вытянутому с запада на восток. Именно это помещение было «главным», в нем располагался очаг-гестия. В северной стене, ближе к СВ углу, сохранились остатки дверного проема, выводящего во двор, замощенный речной (?) галькой (вымостка 688). Погибает дом в сильном пожаре, следы которого отчетливо видны в слое над полами и на них самих, а также на стенах²⁸.

Непосредственно к западу от дома располагался храм (743), построенный поверх предыдущего как *templum in antis* (рис. 3)²⁹. В отличие от прежнего, он не имел заглубленной части, размеры и пропорции также были несколько иными (6,8 × 4,25 м). Северная стена нового храма пролегла точно над северной стеной предыдущего, а стена-перегородка между пронаосом и наосом – над пилонами, разделявшими пом. 1 и 2 храма 835³⁰. Эта культовая постройка залегает в том же горизонте, что и погибший в пожаре дом 677. Обмазка внутреннего фаса западной стены храма сохранила явные следы сильного воздействия огня. Однако позднейшие находки позволяют говорить о том, что это культовое здание продолжало функционировать вплоть до последней четверти V в. до н. э. включительно [Завойкин, Кузнецов 2023, рис. 36 (в печати)]. Сложно объяснить эти факты. Можно лишь предположить, что после пожара, случившегося вскоре после середины V в. до н. э., храм был отреставрирован (или восстановлен) и продолжил эксплуатироваться в то время, как другие постройки восстановлены не были. Впрочем, следует принять во внимание, что здесь остатки построек второй половины V в. до н. э. просто могли не сохраниться в результате масштабной нивелировки и перестройки на акрополе в середине IV в. до н. э. [см. Завойкин, Павличенко 2020]. Так, непосредственно над руинами дома 677 открыты остатки основания конструкции (670), которую мы интерпретируем как пропилеи, построенные в ходе этой перестройки: три из пяти опорных фундаментов под колонны оказались на месте дома 677 [там же, 144].

²⁸ Детальное описание дома см. [Кузнецов 2018а, 100–102].

²⁹ Сразу под полом открылись следы пожарища, заполнявшего подвал храма 835.

³⁰ За счет больших размеров южный край храма 743 немного смещен к югу относительно храма 835. Примечательно, что позднейший храм в антах (675), построенный на этом месте после того, как данный был разрушен, еще немного смещен к югу относительно того.

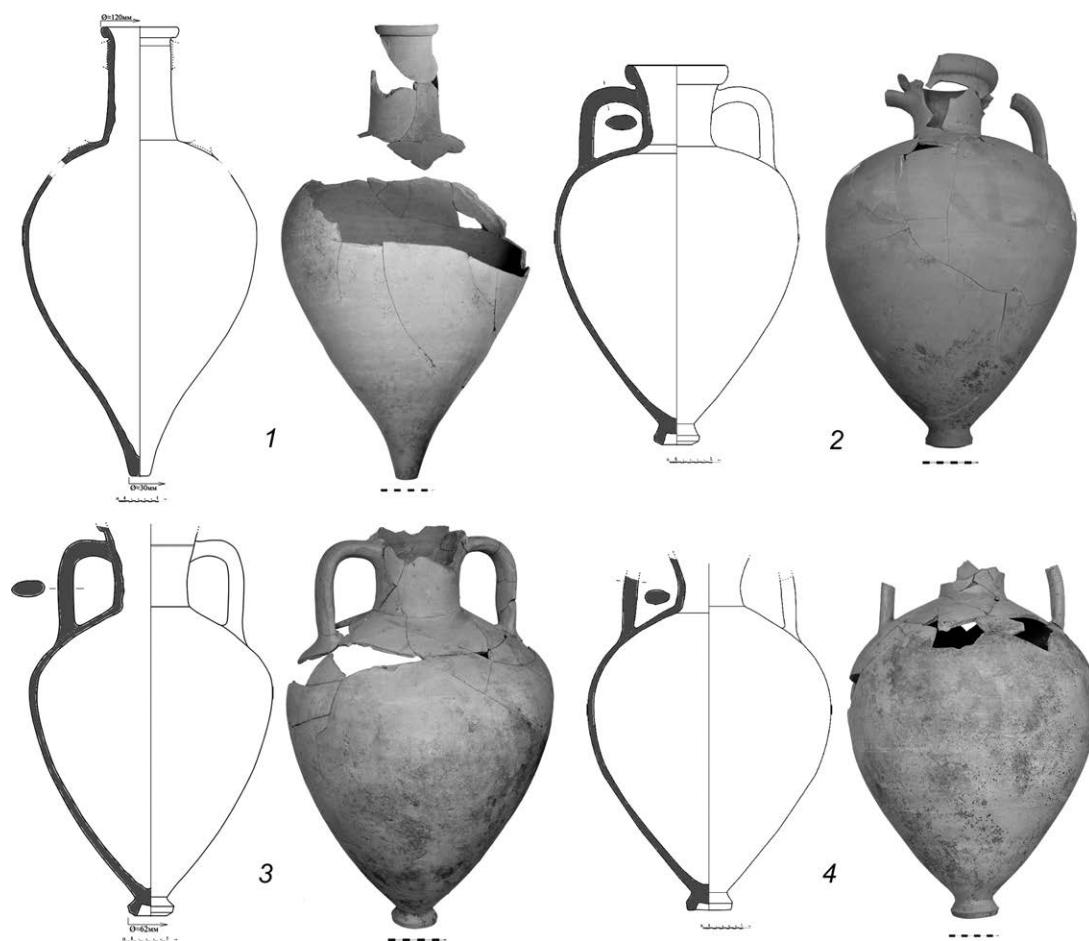

Рис. 6. Амфоры из пом. 2 дома 888 (стратиграфический горизонт II)

Таким образом, мы наблюдаем на протяжении трех строительных периодов (со *второго* по *четвертый*) функциональную и планиграфическую преемственность в застройке данного участка «Верхнего города» (три фазы в жизни одного домохозяйства). Резко отличается от них древнейший, *первый* период застройки, когда на месте, в дальнейшем занятом под храмы, располагалась большая постройка 869 (частная или общественная?). Несомненно, что ей синхронно крупное домовладение (888), располагавшееся напротив, через улицу к западу. Их строительство, видимо, относится еще к первому десятилетию истории апойкии. А вот прекращение жизни того и другого по времени, возможно, не совпадают. Если дом 888, вероятно, функционирует до конца VI в. до н. э. (не позже) [см. *Завойкин 2023*, в печати], то здание 869, судя по всему, не пережило третью четверть VI в. до н. э. Последнее утверждение подкрепляется и ретроспективным расчетом. Поскольку храм 870+890, пришедший на смену этому зданию, существует одновременно с домом 839, не пережившим разгрома города примерно на рубеже первой и второй четверти V в. до н. э., позволительно думать, что и храм был разрушен в то же время, на которое приходится общая для всего района катастрофа, связанная

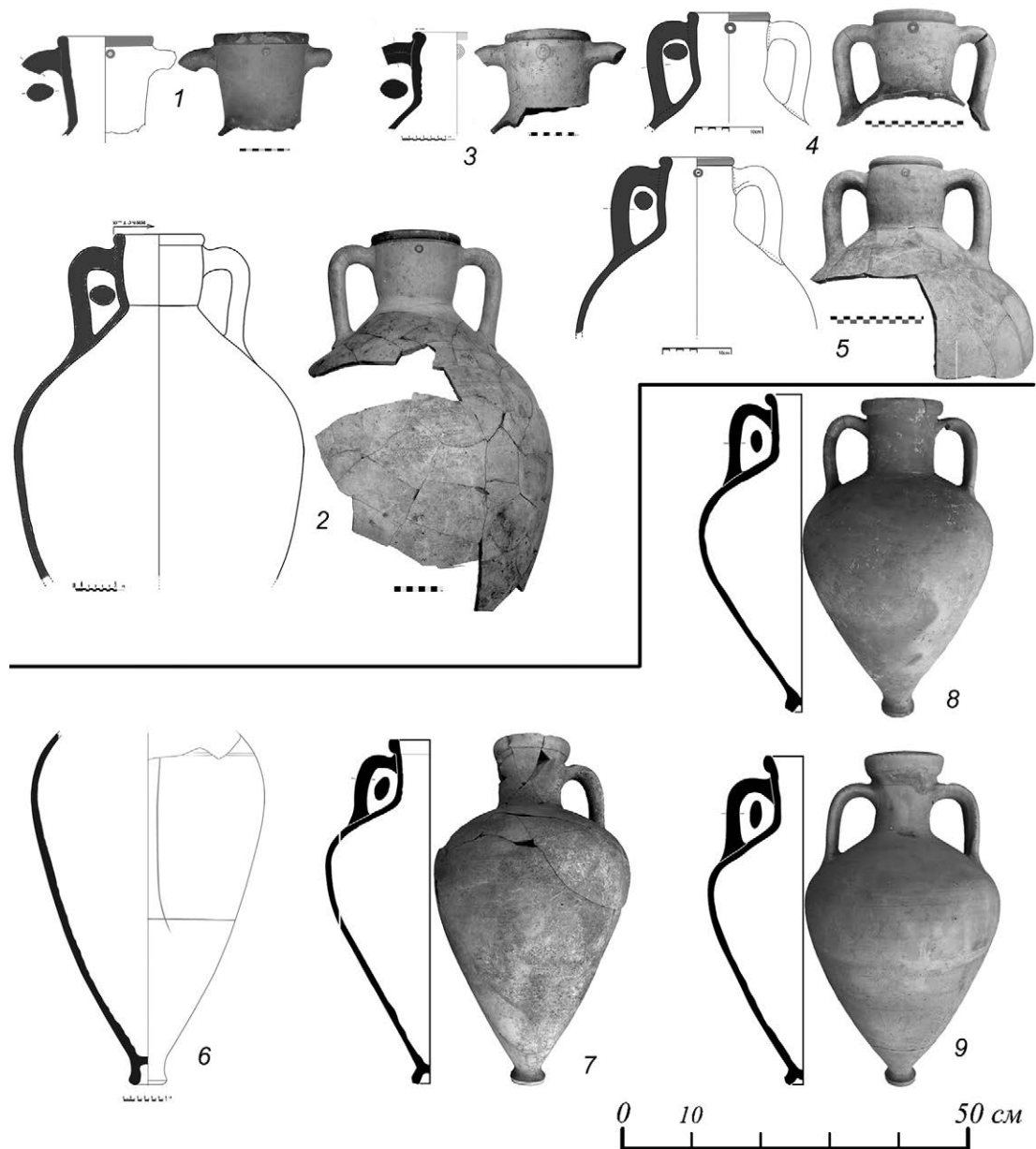

Рис. 7. Амфоры и их фрагменты: 1, 2 – из пом. 3 дома 888 («очаг» и «печь», стратиграфический горизонт II); 3 – из верхней части засыпи котлована 826 (под субструкцией дома 802, стратиграфический горизонт III); 4, 5 – детали горнов 897а, б (стратиграфический горизонт III); 7–9 – из пом. 3. дома 839 (стратиграфический горизонт IV)

с обстоятельствами военного характера. Строительство же этого домохозяйства датируется по частям амфор, из которых были сделаны горны (897а, б), не раньше 530–520 гг. до н. э. Эти даты и следует принять в качестве ориентировочных для *второго* строительного периода в целом. В таком случае время жизни здания 869 укладывается в интервале

ок. 540–525 гг. до н. э. Если все же предположить, что обе постройки (888, в котором присутствовали хиосские пухлогорлые амфоры, и 869, в котором они не представлены) прекратили жизнь синхронно, единственно возможной датой этого события будут примерно 525/20 гг. до н. э.

Исходя из полученных выводов, целесообразно соотнести с ними некоторые архитектурные объекты, расположенные к югу от рассмотренного участка³¹.

Один из таких объектов – дом 802, расположенный ближе к южному борту Западного участка раскопа (вплотную к дому 464, частично уходящему в этот борт и дожившего, с перестройками, до середины V в. до н. э.). Этот дом был поставлен на субструкцию из чистой глины, перекрывающую грунтовый котлован (826), который был засыпан еще в третьей четверти VI в. до н. э., а судя по горлу хиосской амфоры (рис. 7. 3) «переходного» варианта от воронковидных к пухлогорлым (аналогичен голам из упомянутых раньше объектов № 897а и № 897б), – не позже 530–520 гг. до н. э.³² У южной стены пом. 2 этого дома обнаружена вкопанная хиосская амфора (без горла), датируемая ок. 520/500–480 гг. до н. э. (рис. 7. 6) [Завойкин 2019б, 234 сл., 239–241, рис. 1, 3, 5, 6]. Таким образом, не вызывает сомнений, что дом 802 синхронен постройкам 839 и 870/890, т. е. относится ко второму строительному периоду.

После того, как жизнь этого дома прекратилась, на площади непосредственно к северу от него и к западу от общественного здания 294 (в жизни которого выделяются три строительных периода) [см. Абрамзон и др. 2019, 7–13] были вырыты котлованы (823, 815³³, 822), находки из которых датируют их ок. 480–470 гг. до н. э. (рис. 8. 4–8) [Завойкин 2019б, 241–245]. К тому же времени относятся котлованы 290А-В и 274, расположенные к востоку от общественного здания 294 (рис. 8. 1–3) [см. Завойкин и др. 2013]. Рядом с СЗ углом здания 294 открыт еще один котлован (877), который был засыпан *не позже* 480 г. до н. э.

Судя по всему, эти недолговечные грунтовые объекты, которые не могли существовать одновременно с регулярной застройкой, синхронны подвалам 880, 883, 876, что прорезали два северных помещения дома 839 (второго строительного периода). К той же серии объектов следует отнести и подвал 266, находившийся к востоку от упомянутого здания 294 (в одну линию с котлованами 274 и 290Б). Этот подвал прорезает ЮЗ часть одного из древнейших общественных зданий Фанагории (300) [Завойкин, Кузнецов 2011]³⁴, которое располагалось к югу от «главной» улицы, напротив дома 869 (или храма 870/890 и дома 839?) и к востоку, через «проулок», от здания 294.

Складывается устойчивое впечатление, что численно представительная группа этих небольших по площади грунтовых объектов с сырцовыми стенами по периметру

³¹ Детальный анализ и описание этих комплексов предполагается дать в другом месте.

³² Найден в верхней части засыпи котлована. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть особо, поскольку в основной части засыпи этого объекта (главным образом – в придонной) найдены крупные обломки амфор более раннего времени, не выходящего за пределы третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 5), в частности – хиосских «воронковидных» исключительно ранней серии (см. Завойкин 2019б, 234–239, рис. 4. 1). Отмеченный фрагмент горла хиосской амфоры «переходного» варианта, обнаруженный среди обломков печины, скорее всего, относится к тому моменту, когда котлован уже был засыпан и предшествует окончательной подготовке данного участка (сооружению субструкции из стерильной глины) перед строительством дома 802.

³³ См. Завойкин 2015, 111–113, рис. 1–2 (на вкладке).

³⁴ Район СЗ угла здания 300 прорезан частично сохранившимся котлованом 293.

(266) или без них (290А, Б, В; 274, 293, 815, 822, 823) функционируют на протяжении сравнительно короткого временного интервала (ок. 480–470 гг. до н. э.) между разрушением построек *2-го строительного периода* и сооружением зданий *3-го периода* (подобно тому, что мы наблюдали на примере «подвалов» 883, 880, 876, стратиграфически разделивших жизнь домов 839 и 836). Логично связать появление этих объектов с последствиями разрушительных событий, приведших к гибели всей застройки исследованного района, а также оборонительных стен города (679) [Кузнецов 2021]. Во избежание некорректных выводов должны подчеркнуть, что реальная продолжительность использования этих объектов, скорее всего, была существенно меньше десятилетия. К сожалению, археологический источник не позволяет сузить эту датировку. Здравый смысл подсказывает, что жизнь на этом участке города не прекращалась на годы. Люди, что обитали здесь раньше, не ушли куда-то и должны были в кратчайшие сроки восстановить свои дома.

В то же время имеется некоторое количество такого рода объектов, датировка которых выходит за отмеченные временные рамки. В первую очередь, это котлован 826, окончательная засыпка которого ок. 530–520 гг. до н. э. маркирует границу между постройками *1-го и 2-го строительных периодов*. Находки из котлована 877 датируют этот объект в пределах времени *2-го строительного периода* (ок. 520–480 гг. до н. э.), хотя затруднительно себе представить, чтобы он использовался одновременно с общественным зданием 294. Аналогичны по хронологии датирующие находки из котлованов 899, 911 и ямы 912, которые прорезали руины дома 888, не пережившего последнюю четверть 6 в. до н. э., из чего в принципе не следует, что эти углубленные объекты были впущены в слой разрушения дома сразу после того, как жизнь этого дома прекратилась. Возможно, это так и было (т. е. они должны быть отнесены к интервалу между постройками *1-го и 2-го строительных периодов*, т. е. к III-му стратиграфическому горизонту), но в равной степени возможно и то, что эти объекты появились сразу после всеобщего разрушения в 480 г. до н. э. построек *2-го строительного периода* (IV-го стратиграфического горизонта). Второй вариант представляется нам более вероятным в силу того, что в комплексах III-го стратиграфического горизонта фрагменты хиосских пухлогорлых амфор не представлены, а в рассматриваемых объектах они присутствуют и определяют, в основном, их датировку.

Как мы видели, не позднее чем концом первой четверти V в. до н. э. датируются и находки из подвала 883, с которым связаны в «короткой» временной последовательности аналогичные ему по своему характеру объекты 880 и 876, и все они занимают стратиграфическую позицию между постройками *2-го и 3-го периодов* (IV и VI стратиграфических горизонтов). Таким образом, логично котлованы 877, 899, 911 и яму 912 тоже отнести к V-му стратиграфическому горизонту.

Очевидно, что здесь мы столкнулись с проблемой, которая обусловлена тем, что возможности дробных датировок археологического материала не беспредельны, и они в ряде случаев вступают в противоречие с более дробной стратиграфической шкалой. Начать следует с того, что в подавляющем большинстве случаев (или даже во всех – если речь идет о засыпке заглубленных объектов) датирующий материал представляет собой, *во-первых*, случайную выборку фрагментов керамики, в том числе тех ее групп, которые имеют сравнительно широкие датировки. *Во-вторых*, в значительной массе этот материал представлен обломками предметов более ранних, чем момент,

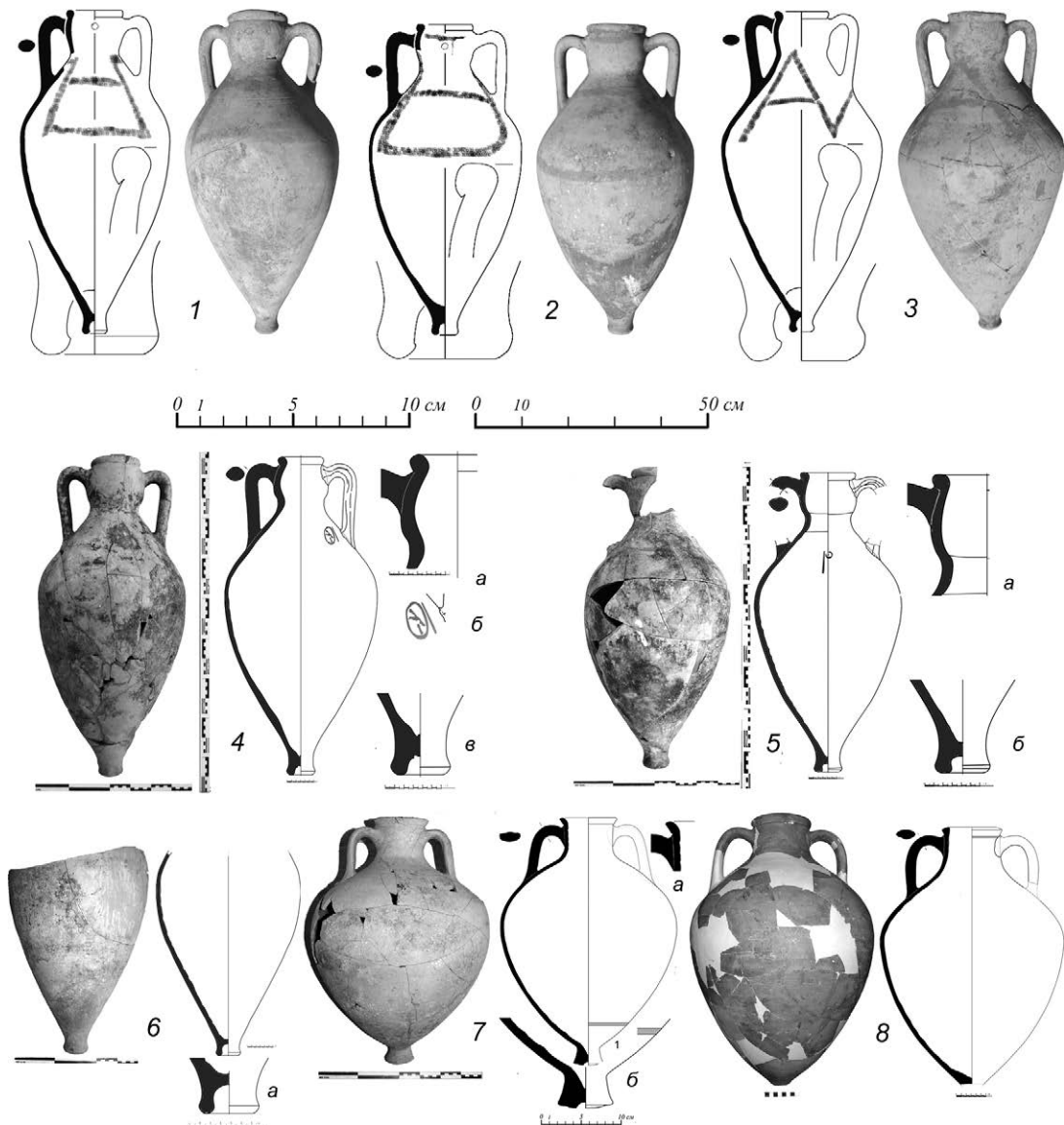

Рис. 8. Амфоры из котлованов (стратиграфический горизонт V):
1–3 – 290Б; 4 – 823; 5 – 822; 6, 7 – 815; 8, 9 – 822

когда завершилось формирование комплекса (для засыпки используется грунт слоя, сформировавшегося ранее³⁵, а не тот, что только начал формироваться)³⁶. И в-третьих, не обязательно в каждом таком комплексе представлены находки предметов, которые

³⁵ Следует также принять во внимание, что нижние части объектов, заглубленных в материковый песок, имеют тенденцию к обрушению вместе с нижними культурными отложениями. Во многом этим объясняется заметная доля предметов (их фрагментов) архаического времени в ямах существенно более поздних.

³⁶ Время первого катастрофического разрушения на «Верхнем городе» маркируется переходом хийской «пухлогорлой» тары от «раннего» варианта к «развитому»: амфоры первого еще находятся в обороте (возможно, еще и производятся), но уже появились в быту тарные сосуды второго варианта пухлогорлых. В частности, мы наблюдаем эту картину в слое разрушения оборонительных стен 679 (см. Завойкин 2019в, 112-115, рис. 4).

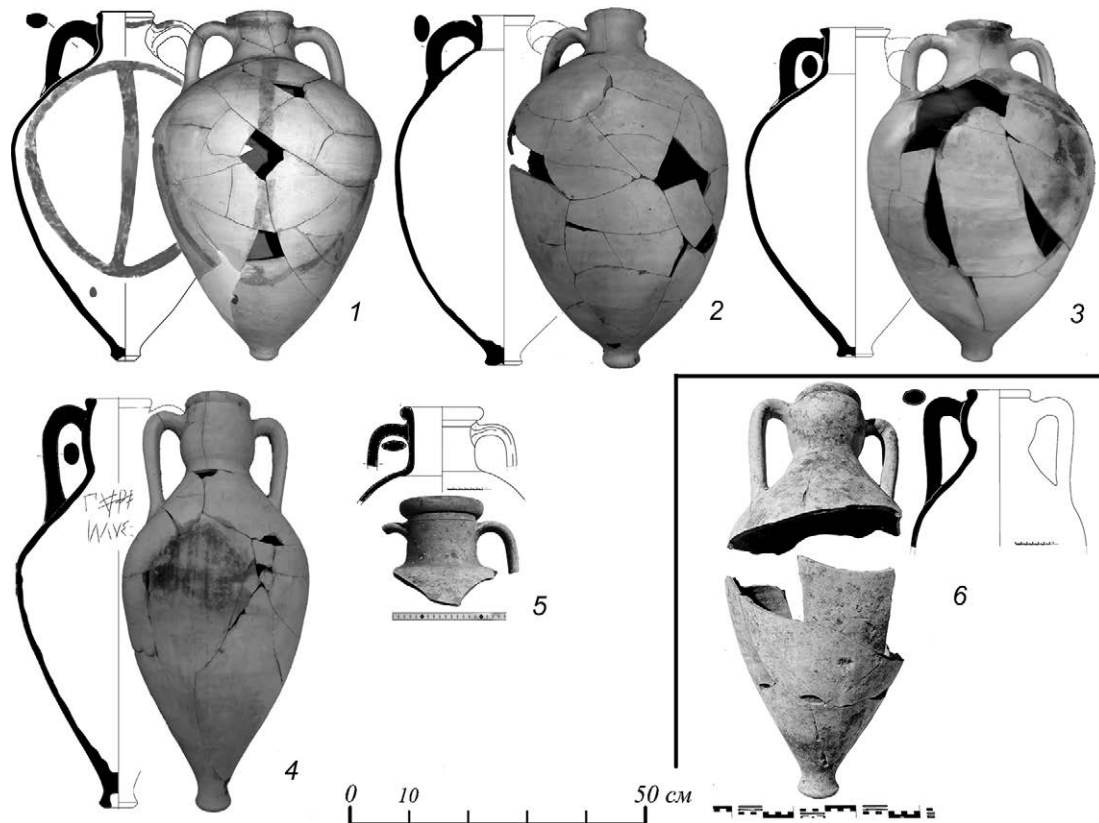

Рис. 9. Амфоры и их фрагменты: 1–5 – из подвала храма 835 (стратиграфический горизонт VI); 6 – из пом. 4 дома 294 (стратиграфический горизонт VII)

совсем недавно вошли в бытовую жизнь. Иначе говоря, если, например, хиосские пухлогорлые амфоры «развитого» варианта на момент засыпки котлована или ямы только появились, то шанс, что их обломки попадут в засыпь относительно невелик. Соответственно, как мы могли видеть это, рассматривая хронологические ориентиры объектов первых трех стратиграфических горизонтов (I–III), типологический состав их находок весьма близок, а в ряде случаев – идентичен³⁷. Из этого следует, что в тех лишь случаях, когда находки в объектах, зафиксированные *in situ*, могут быть точно соотнесены с периодом их функционирования (строительство, жизнь, гибель), появляется возможность – не всегда реализуемая – более точно определить хронологию этих объектов.

Еще одна проблема обнаружилась при соотнесении стратиграфической шкалы, предложенной для объектов СЗ угла раскопа, с архитектурными остатками на другой площади «Верхнего города», где прямые стратиграфические последовательности разновременных объектов менее представительны. При этом в ряде случаев выделяются этапы (фазы) в жизни самих этих архитектурных комплексов, которые затруднительно

³⁷ Аналогичную ситуацию мы видим на некоторых объектах IV и V стратиграфических горизонтов.

однозначно соотнести со стратиграфическими горизонтами, установленными для СЗ угла раскопа.

Так, в истории древнейших оборонительных сооружений Фанагории (679) выделяется, как было отмечено, два строительных периода, хронология которых в совокупности соответствует стратиграфическим горизонтам II–IV³⁸, разделить которые пока не представляется возможным. В жизни общественного здания 294 фиксируется три периода. Безусловно к VII-му горизонту относится финальный период (*б*), а первоначальный период (*а*) может быть соотнесен либо с горизонтом II (что представляется более вероятным), либо с горизонтом IV. Второму же по времени периоду (*б*) соответствует альтернатива: либо горизонт IV, либо VI. Таким образом, обосновано определить, «разделяет» ли котлован 877 (V стратиграфический горизонт) здание 294/*а* и 294/*б* или же 294/*б* и 294/*в* – невозможно. В жизни здания 464, по крайней мере, два периода, хронология которых укладываются в широком интервале (от I/II-го горизонта до VII-го), а определить временную грань, их разделяющую, тоже не удастся. Наконец, жизнь общественного здания 300 представляется «монолитной» (II–IV горизонты), хотя, возможно, это было не так. И сложно себе представить, чтобы место, которое это общественное здание занимало, после разрушений на рубеже первой и второй четвертей V в. до н. э. оставалось незастроенным³⁹.

Таким образом, для выстраивания общей стратиграфической схемы всего «Верхнего города» следует принять во внимание следующие соображения: 1) сохранность слоя второй половины VI – первой половины V в. до н. э. на разных его участках различна (в значительной мере это определяется топографией местности на уровне материка); 2) вследствие этого не везде представлены все горизонты этого слоя (особенно верхние), выявленные в СЗ углу раскопа; 3) перестройки жилых домов и общественных зданий не обязательно происходили синхронно, общими синхронизирующими моментами являются только разрушения ок. 480 г. до н. э. и ок. 450/40 гг. до н. э.; 4) своеобразным отражением первого события стало появление недолговечных объектов (котлованов, подвалов), используемых для хозяйственных целей, связанных, скорее всего, с реконструкцией разрушенных построек; 5) грунтовые объекты (хозяйственные ямы, котлован) и горны выделенного III-го стратиграфического горизонта маркируют кратковременный перерыв нормального развития и функционирования городской среды на данном участке (между постройками 1-го и 2-го строительных периодов). Для интерпретации последнего наблюдения, необходимо расширить площадь анализа и рассмотреть остальные объекты, выявленные раскопками.

Итоги проделанной работы удобно представить в виде таблицы (см.).

Разумеется, на этом ограниченном материале не имеет смысла предлагать варианты исторической его интерпретации. Но некоторые выводы общего характера все же сделать возможно.

³⁸ Строго говоря, нельзя исключать вероятность того, что фортификационные сооружения первого строительного периода появились раньше древнейших домов, т. е. относятся к I-му стратиграфическому горизонту.

³⁹ Ко второй четверти – второй половине V в. до н. э. относятся разрозненные обрывки каменных кладок фундамента стен (228, 270, 286) предположительно реконструируемого здания, расположенного вдоль «главной» улицы. Западная его часть перекрывает остатки здания 300. В середине IV в. до н. э. ЮЗ угол этой постройки был перекрыт большим общественным зданием с полуподвалом 144 (см. Завойкин 2019а).

Таблица. Стратиграфия и периодизация некоторых объектов «Верхнего города»

Стратиграфический горизонт	Строительный период / фаза	СЗ угол раскопа	Остальная площадь				Дата	
			Котлован 826	Здание 294/а	Форт. 679/а-б; здание 300	464	вв. до н.э.	гг. до н.э.
I		Ямы 902, 906, 910					3-я четв. VI в.	540-530
II	1	Дома 888, 869; вым. 881, цист. 893						540/30 - 530/20
III	-	Ямы 904, 907, 903, 891 ⁴⁰ ; горны 897а, б,		Здание 294/а	Форт. 679/а-б; здание 300		Руб. 3-й / 4-й четв. VI в.	530-520
IV	2/а	Храм 870/890, вым. улиц 882, 884+885, дом 939	Дом 802				4-я четв. VI в. - руб. 1-й / 2-й четв. V в.	520-480
			ПОЖАР, РАЗРУШЕНИЯ					
V	-	Подвалы 883, 880, 876; котлованы 899, 911+яма 912	ПОЖАР, РАЗРУШЕНИЯ				Руб. 1-й / 2-й четв. V в.	480-470
			Котлованы 290А-В, 274, 293, 823, 815, 822, 877; подвал 266					
VI	3/б	Храм 835, дом 836, вым. 838 с водостоком 841, (вым. улицы 301)		Здание 294/б			2-я четв. - сер. V в.	480/70-460/50
VII	4/в	Храм 743, дом 677, вымостка 688	Дом 819	Здание 294/в			Сер. V в.	460/50-440
			ПОЖАР, РАЗРУШЕНИЯ					

⁴⁰ Не исключено, что эта яма относится к I-му стратиграфическому горизонту.

Как мы могли убедиться, регулярная застройка в исторической части Фанагории, где находится раскоп «Верхний город», началась практически сразу после основания апойкии. Предшествующие ей следы жизнедеятельности колонистов не противоречат этому заключению, поскольку очевидно, что уже в первый год (еще до первой зимы⁴¹) своего пребывания на новой родине переселенцы должны были обустроить свои жилища. Так как остатки иных жилых сооружений, помимо домов (869, 888), построенных из сырцового кирпича, здесь не обнаружено, допустимо предположить, что эти постройки появились уже в течение первых месяцев жизни теосской колонии. Важно отметить, что изначальная застройка не была хаотичной. Она была регулярной (но не ортогональной), велась по единому плану, основу которого составили улицы, пролежавшие с запада на восток («главная») и с севера на юг, образующие кварталы.

Эти первые дома имели сложную внутреннюю планировку, состояли из нескольких (трех-четырёх или более) помещений, группирующихся вокруг внутреннего двора. По неустановленной причине примерно на рубеже третьей и последней четверти VI в. до н. э. эти здания были разрушены (или разобраны?). Если о дальнейшей судьбе домохозяйства 888, находившегося в ЮВ углу квартала, мы ничего сказать не можем, то последующая история застройки в ЮЗ углу соседнего квартала нами установлена. В начале последней четверти VI в. до н. э. здесь был построен храм (870), сырцовые стены которого возведены на каменном фундаменте, и подвал (890), стены которого были сложены из сырцового кирпича⁴². И в дальнейшем, после того, как на рубеже первой и второй четверти V в. до н. э. этот храм был разрушен, над его остатками последовательно возводятся храмы (835, 743). Последний из них доживает (с перестройкой) до конца V в. до н. э., а уже в начале следующего столетия над его руинами вновь строится храм (675). Иными словами, этот участок, по крайней мере с последней четверти VI в. до н. э., а не исключено – изначально, был общественным, выделенным под культовые нужды.

Одновременно с первым храмом, к востоку от него (через проулок) был построен большой многокомнатный дом (839). Периодизация истории этого *ойкоса* в точности соответствует периодам истории культовых построек. Наиболее ранний дом был разрушен в результате катастрофических событий рубежа первой и второй четвертей V в. до н. э., на его месте возводится новый (836) по тому же плану, а затем – дом в «урезанном» виде, из двух помещений (677), погибший в пожаре ок. 450–440 гг. до н. э.

Как мы видим, история первого столетия жизни Фанагории, с первых же лет формировавшейся как типичный городской центр полиса, была динамичной, полной драматических событий, о характере которых здесь рассуждать неуместно.

⁴¹ Выявленные на других участках раскопа «обрывки» неких конструкций в виде глиняных полос шириной в сырцовый кирпич, поставленный на ребро, и немногочисленные ямы, предшествующие строительству домов, едва ли могут претендовать на то, чтобы в них усматривать жилища, в которых переселенцы пережили первую зиму.

⁴² Хронологическое и планиграфическое соотношение этих двух объектов специально рассматривается в другой статье [Завойкин, Кузнецов 2023, в печати].

Список литературы

- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // *Нурапис*. 1, 5–27.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2010. Фанагорийское восстание 63 г. до н. э. (Новые нумизматические материалы) // *ВДИ*. 1, 59–85.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2011. Новые данные о Фанагорийском восстании 63 г. до н. э. // *ВДИ*. 2, 64–94.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория. 3). М., 382.
- Завойкин А. А. 2015. Фанагория. Верхний город. Объект 815 // *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова*. М., 110–114.
- Завойкин А. А. 2018. Общественное здание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. 3 (Фанагория. 6). М., 101–141.
- Завойкин А. А. 2019а. Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории // *ПИФК*. 4, 297–321.
- Завойкин А. А. 2019б. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // *ДБ*. 24, 232–252.
- Завойкин А. А. 2019в. О пифоидных амфорах «с полыми доньями» из Фанагории // *КСИА*. 254, 104–118.
- Завойкин А. А. 2023. Амфорный комплекс дома 888 на «Верхнем городе» Фанагории // *ПИФК*. 3, в печати.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории // *ПИФК*. 4, 188–198.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2019. Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории архаического времени // *Нурапис*. 1, 73–97.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2020. Хронология архаического дома Фанагории // *Нурапис*. 2, 129–140.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2023. Священный участок на «Верхнем городе» Фанагории // *Нурапис* 5, в печати.
- Завойкин А. А., Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. 2013. Склад амфор 290Б из Фанагории // *Материалы по археологии и истории Фанагории*. 1 (Фанагория. 1). М., 206–229.
- Завойкин А. А., Павличенко Н. А. 2020. Перепланировка на акрополе Фанагории в середине 4 в. до н. э. // *Нурапис*. 2, 141–168.
- Завойкин А. А., Павличенко Н. А., Чашук М. С. 2022. Еще один подвал на акрополе Фанагории (вопросы хронологии) // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сб. научных трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова. Саратов, 180–198.

- Завойкин А. А., Чашук М. С. 2023. Архаическая яма на «Верхнем городе» Фанагории (Материалы к датировке древнейшей застройки) // КСИА, в печати.
- Кузнецов В. Д. 2007. Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2007 году. (В 5 томах) // НА ИА РАН. Р-1. № 27195, 27196–27199.
- Кузнецов В. Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопа «Верхний город») // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований. 4). М., 117–130.
- Кузнецов В. Д. 2018а. Архаический дом из Фанагории // Сб. научных трудов, посвященный 70-летию проф. В. П. Копылова (Причерноморье в античное и средневековое время. 2). Ростов-на-Дону, 99–106.
- Кузнецов В. Д. 2018б. Домостроительство Северного Понта // Материалы по археологии и истории Фанагории. 4 (Фанагория. 7). М., 117–135.
- Кузнецов В. Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. 24, 398–416.
- Кузнецов В. Д. 2021. Архаические стены Фанагории // Нуранис. 3, 111–130.
- Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г. 2020. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория. 8). М., 159.
- Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. 2010. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 1, 393–443.

Summary

A. A. Zavoykin, V. D. Kuznetsov
Phanagoria During the Late Archaic and Early Classical Periods
(stratigraphy, chronology and periodization. 1)

The Acropolis is located in the central part of the upper plateau of the Phanagoria site, closer to its Northern edge. During the excavations that took place at more than 3000 m.sq., archaeological layers and structural remains of Phanagorean settlements dating to the first century of the city's existence were unearthed. This considers the site's history from ca. 540 BCE to 450/40 BCE, when the majority of the buildings were destroyed. During that period the buildings made out of mudbrick located here according to the initial plan were continuously rebuilt according to various plans, also during the events occurring on the verge of the first and the second halves of the V century BCE, when the whole studied area was destroyed during a fire caused by military actions.

The following article is dedicated to a detailed stratigraphic analysis based on the finds from the North-Western part of the dig. It is that particular part of the dig, where the rock is

lower than in other parts, where we could find a pattern of architectural buildings following each other, concised in the pattern of the same building arrangement. A chronology of erection and the building dynamic was established, leading to a discovery of a pattern that formed the core of the city's center.

We can now establish four different building periods. The first (540-525 BCE) and the second (525-480 BCE) ones can be distinguished by a range of objects (pits and construction preparations), which can be distinguished stratigraphically. The distinguishing matter considering the second and the third periods are signified by artifacts buried deep in the earth (rectangular pits, underground spaces constructed with mudbrick), appearing closer to the middle of the V century BCE. These temporary constructions were made in 480-470 BCE.

The building erected during a rather short period (between 480/70 and 450/40 BCE) are related to the two major building periods (III and IV). According to the finds from a basement that was destroyed during a fire that occurred at the time of the third period temple, there are some events that occurred in the 460/50 BCE. Even though it isn't possible to find any other traces of said fire in other parts of the site, a significant reconstruction of the site's temple (835-743 BCE), as well as the house located close by (836-677 BCE), allows for an assumption that the destruction of said buildings were not unique.

Н. В. Завойкина

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Аспург – царь Боспора (9/8 г. до н. э. – 38 г. н. э.)¹

Как это нередко бывает, публикация нового источника, – а речь идет о горгиппийском посвящении Гермесу и Гераклу Аспургом [Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 680–683], – вынуждает обратиться к некоторым устоявшимся представлениям о правлении этого боспорского монарха, чтобы понять, сохраняют ли они актуальность или же нуждаются в корректировке. В публикации надписи был кратко очерчен круг проблем, которые новый памятник позволяет заново рассмотреть. В связи с жанром статьи и ограниченностью места их подробный разбор представлялся делом будущего.

Период после смерти Полемона I в 9/8 г. до н. э. и вплоть до октября-ноября 14 г. н. э., когда начинается выпуск монет с царской монограммой Аспурга, один из самых запутанных в истории Боспора. Кроме данных нумизматики (которые весьма специфичны), другие источники по династической и политической истории этого времени отсутствуют. Историография этого периода боспорской истории весьма обширна и заслуживает отдельного исследования как своеобразный научный феномен. Очевидным является то, что выводы Л. А. Бертье-Делагарда, Э. Миннса, В. В. Латышева, М. И. Ростовцева по династической и политической истории этого «темного времени» заложили базу основных направлений в его изучении в последующее время. Богатый научный потенциал мнений предшественников был учтен в обобщающих трудах по истории Боспора, посвященных рассматриваемому времени, Н. А. Фроловой [1997.1, 24–53], С. Ю. Сапрыкина [2002а; 2002б, 131–156; 2010, 106–115], В. П. Яйленко [2010, 232–256]. В этих основных за последние 25–30 лет работах, изложены генеральные идеи и сформулированы приоритетные гипотезы по династической истории Боспора рубежа эр. В массе своей исследования 2000–2022 гг. велись в русле устоявшихся концепций и не привнесли сколько-нибудь серьезных дополнений в принятые ранее представления об истории Боспора в эпоху императора Августа.

Итак, существуют две генеральные концепции по династической истории Боспора 9/8 г. до н. э. – 14 г. н. э. Сторонники первой придерживаются мнения, что Аспург, не имея царского титула, стал правителем Боспора после смерти Полемона I в 289 г. б. э. [Латышев 1909, 103–107; Фролова 1997.1, 65–67, 69–70; Сапрыкин 2002а; 2002б, 131–135, 146–153; Кузнецов

¹ Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

2006, 156–158; Завойкина 2013, 142; Ivantchik 2014, 170–171 и др.]. Аспург появился на свет в результате династического союза Асандра и Динамии, и был законным наследником власти боспорских царей. Монограммы на золоте и меди указанного времени следует связывать отчасти с самим Аспургом и с его предками из рода Митридатидов (ΔΥΜ, ΒΑΕ, ΒΑΜ), отчасти – с официальными эпитетами Августа (ΚΝΕ, ΠΑ, ΠΑΡ) или самим Аспургом до принятия им царского титула (ΠΑ, ΠΑΡ). Только в 14 г. Тиберий, уже после смерти Августа, даровал Аспургу царский титул и заключил с ним союзный договор. До этого времени Рим Аспурга царем Боспора не признавал. Сторонники второй точки зрения полагают, что Аспург является основателем новой, сарматской династии на Боспоре [Гайдукевич 1949, 324; Голубцова 1951, 103–112; Десятчиков 1978, 18; Яйленко 1990, 168; 2010, 253–258; Виноградов 1994, 152–155, Зубарь 1998, 26; Горончаровский 2000, 234; Яценко 2001, 47; Ярцев 2022 и др.]. Он был вождем сармато-меотского племени, возможно, аспургиан. Его отцом был царь Асандрох, а матерью – дочь (или внучка) Митридата Евпатора. Родство с Митридатом по материнской линии давало Аспургу право претендовать на боспорский престол. Он захватил власть при поддержке боспорцев (т.е. местной знати) и племени аспургиан. До 14 г. он не был официально признан в Риме царем Боспора, хотя и властвовал в этом государстве с 9/10 г., на что показывают статеры с монограммой ΠΑΡ, скрывающей титул архонта и имя «Аспург». С 9/8 г. до н. э. – 9/10 г. н. э. на Боспоре правили Динамия, и/или неизвестные ближе цари, чьи имена сокрыты в монетных монограммах ΒΑΕ и ΒΑΜ.

Посвящение Аспурга из Горгиппии сообщает «Βασιλεὺς Ἀσποῦργος[ς], | φιλορώμαιοσ, ὁ ἐκ βασιλέ[ωσ] | μεγάλου Ἀσανδρόχου, | ἀνέθηκεν Ἐρμῆι καὶ Ἡρακ[λεῖ] | γυμνασιάρχουόντος | Δάσει Γρείπου ἐν τῷ ΓΤ ἔ[τε]ι – Царь Аспург, друг римлян, происходящий от великого царя Асандроха, посвятил Гермесу и Гераклу при гимнасиархе Дасии, сыне Грива, в 303 году» [Завойкина, Новицихин, Константинов 2018, 680–683]. В этой надписи Аспург владеет титулом царя и эпитетом «друг римлян»². Эти документальные данные опровергают предположение, будто в 9/10–14 г. Аспург носил титул архонта или политарха Боспора [Анохин 1986, 90–92; Виноградов 1994, 154; Чореф 2019, 102], так как не имел царского титула, поскольку не был утвержден Августом [Латышев 1909, 103–106; Fink 1985, 275; Анохин 1986, 92; Фролова 1997.1, 143; Сапрыкин 2002, 171]. Из горгиппийской надписи следует, что Аспург обладал царским титулом и заключил с Римом союзный договор, о чем свидетельствует эпитет «φιλορώμαιοσ», до 6/7 г. н. э.³ Итак, Август признал Аспурга царем Боспора ранее 6/7 г. н. э.

В посвящении из Горгиппии в третий раз встречается указание на происхождение Аспурга от царя Асандроха, но с одним важным уточнением: впервые Аспург именуется своего отца ὁ βασιλεὺς μέγας – «великий царь». Этот титул имеет в основе ирано-ахеменидские корни и представляет собой сокращенный вариант титула ὁ βασιλεὺς βασιλέων μέγας [Яйленко 1987, 183–187; 1990, 185, 220; Сапрыкин 1997, 89–94; 2002b, 30–31, 86–87]. Титул «великий царь», которым Аспург наделяет своего отца Асандроха в посвящении, являлся частью

² С. Ю. Сапрыкин оспаривает датировку надписи (несмотря на подробное описание и фотографию стк. 6 в ее публикации), хотя с самим памятником он знаком только по фотографиям [Сапрыкин 2019, 492–493]. Подобная позиция исследователя вполне понятна, поскольку дата горгиппийского посвящения дезавуирует по ряду аспектов гипотезу Сапрыкина о начальном периоде правления Аспурга.

³ Считается, что в 14 г. архонт Аспург отправился в Рим, чтобы обновить ранее существовавший у Боспора договор о дружбе с Римом, который обычно предшествовал объявлению вассального правителя «другом римлян». После подтверждения этого договора Августу оставалось только признать Аспурга царем Боспора [Сапрыкин 2002b, 161].

официальной царской титулатуры боспорских владык, начиная с Митридата Евпатора, и означает политическое господство над обширными территориями с вассальными правителями. Как показывают надписи, титулом «великий царь» обычно наделялся боспорский владыка, обладавший им при жизни⁴. Известно, что титулом ὁ βασιλεὺς μέγας владел царь Асандр (КБН 30⁵), который рассматривается рядом исследователей как отец Аспурга [Латышев 1909, 106; Гайдукевич 1949, 539; 1955, 128; Шелов 1956, 154; Блаватский 1964, 132; 1985, 243; Сокольский 1976, 107; Сапрыкин 2002b, 130–139; Кузнецов 2006, 156–158; Завойкина 2013, 142; Ivantchik 2014, 170–171 и др.]. Основания для владения этим ахеменидским титулом у Асандра имелись вполне законные: он не только занял боспорский трон после Фарнака (хотя и нелегальным путем), но и был женат на его дочери, прямой наследнице понтийской династии; под его властью оказались обширные территории с городами и населенные разными племенами. Очевидно, что некий предводитель племени аспургиан, происходящий от брака неизвестной дочери Митридата и племенного вождя⁶, не мог объединить в одном лице и происхождение от Митридата Евпатора и владение обширными землями с разными городами и народами, поскольку территория расселения аспургиан на царских землях Боспора была весьма ограничена (см. ниже). Таким образом, появился новый аргумент в пользу мнения о тождественности царя Асандра и царя Асандроха.

Справедливости ради отметим, что остается не вполне проясненным вопрос, почему же Аспург в надписях именуется своего отца Асандрохом, а не «официальным» именем Асандр. Суммировав имеющиеся мнения, С.Ю. Сапрыкин пришел к заключению, что имя Асандрох представляет варваризацию греч. Ἀσανδρός [Сапрыкин 2002b, 133]. В тоже время остается в силе гипотеза, что имя Асандр – это переданное на эллинский манер др.-иранское имя Ἀσανδρόχος [Zgusta 1955, 363–364; Тохтасьев 1994/5, 138–139; Иванчик, Тохтасьев 2009, 97]. Однако предложенные трактовки не вполне объясняют, с какой целью Аспург не называл «настоящее» имя своего отца в документах. Возникает подозрение, что Аспург был вынужден скрывать свое происхождение от Асандра, поэтому использовал созвучное и понятное населению Боспора имя Асандрох. Можно осторожно предположить, что этот запрет в конце I в. до н. э. (он действовал и позднее при Тиберии) был связан с весьма негативным восприятием царя Асандра в Риме. Такое развитие ситуации не представляется чем-то вовсе невероятным. Август запретил Аспургу не только употребление царской монограммы (монограмма Аспурга ΒΑΡ^Α появляется на боспорском золоте только

⁴ Фарнак носил титул «великий царь» (КБН 28), Динамия именуется в надписях «дочерью великого царя Фарнака» (КБН 31, 979). Традиция владения титулом «великий царь» на Боспоре была прервана в правление Котиса I. Она возобновилась при его наследнике Рескупориде I (КБН 980). Последующие правители Боспора владели этим ахеменидским титулом (КБН 44, 1048). В ряде документов они подчеркивают легитимность своей власти тем, что указывают на происхождение от «великого царя *такого-то*» (КБН 53, 55, 1230 и пр.).

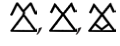
⁵ Предлагается датировать надпись временем незадолго до 21/20 г. до н. э. [Яйленко 2010, 227–229].

⁶ Имя Ἀσανδρός в надписи из усадьбы Хрисалиска [Сокольский 1976, 40] представляет собой неточную передачу малограмотным резчиком имени Ἀσανδρός. Новое имя появилось в результате растяжения корневого ударного гласного α > οα. Низкокачественное исполнение человекоподобного изображения на плите с надписью (в нем усматривают образ Тюхе) и ошибка в слове βα<σ>λεὺς, впрочем, как и небрежное исполнение букв в самой надписи, выступают существенным подспорьем для принятия чтения Ἀσ{o}ανδρός. Имя Ἀσανδρός относят то др.-иранской, то к индоарийской антропонимии Боспора [Тохтасьев 1994/5, 138–140; Иванчик, Тохтасьев 2009, 97, прим. 1; Трубачев 1999, 15 сл.; Яйленко 2010, 256]. Как правило, подобные реконструкции проводятся в русле концепций, в которых рассматривается роль варваров (синдов, сарматов) в истории Боспора и приводятся доказательства в пользу сарматского происхождения Аспурга.

после смерти Августа, при Тиберии, не ранее октября-ноября 14 г.), но даже изображение портрета боспорского царя на медных монетах. Отметим также, что и ближайшие потомки Аспурга на боспорском престоле (Митридат III, Котис I, Рескупорид I) не возводили, по крайней мере публично, свою родословную к царю Асандру. Они ограничивались упоминанием Аспурга в качестве их царственного предка (например, см.: КБН 41, 42, 958), а Митридат, старший сын Аспурга, вошел в историю как потомок великого Ахемена (Тас. Апп. XII. 18). Сказанное подводит к предположению, что Август вполне мог рекомендовать Аспургу не упоминать имя его отца в официальных документах, в том числе, в публичных надписях. Он оставил боспорскому царю право демонстрировать (да и то весьма ограниченно) свое родство с Митридатом VI, что выразилось в наличие дат по понтийской эре на золоте и монограммы ВАР на медной монете (см. ниже). Возможно, что подобным путем император «предавал забвению» имена непокорных правителей Боспора, которые позволили себе выказать явное неповиновение воле Рима (на общем их счету – устранение трех римских ставленников на боспорский престол).

К настоящему времени известно 7 надписей Аспурга, и все они укладываются в хронологический диапазон между 6/7 г. и 23/25 г. [Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 687, табл. 1]. В них боспорский царь именуется Аспургом, а не Рескупоридом или Реметалком, как предполагается некоторыми исследователями [см. Завойкина 2016, 208–212]. Эти документы ясно показывают, что Аспург правил под своим собственным именем и в 14/15 г. не принимал нового «тронного» имени. Предположение, будто «Аспург» – это своего рода «домашнее» имя, которым царь пользовался в пределах собственного царства, а «Рескупорид» (или даже «Реметалк») – имя официальное, принятое за его пределами, лишено оснований. Котис I, сын Аспурга и его наследник на боспорском престоле, называл себя «сыном Аспурга» (КБН 41, 42, 958). Среди монет Котиса I и Рескупорида I имеются монеты с легендой τοῦ Ἀσπούρου [Зограф 1951, 200 (монеты Котиса); Анохин 1986, 101 (монеты Рескупорида)]. Следовательно, расшифровка монограммы ВАР как «царь Рескупорид» или «царь Реметалк» или как-то иначе [Чореф 2019, 102] не соответствует исторической действительности, зафиксированной надписями и монетами. Таким образом, подтверждается мнение, сформулированное еще Э. Миннсом и поддержанное Н. А. Фроловой, что в монограмме ВАР сокрыто имя Аспурга и его царский титул [Minns 1913, 600; Фролова 1997.1, 29, 67].

В 9/8 г. до н. э. – 8/9 г. н. э. (289–305 г. б. э.) выпускаются статеры⁷ с монограммами ⁸. Они имеют безусловное сходство, но заметны и их небольшие отличия между собой⁹. Даты у монет с разными формами написания монограмм (по всей видимости,

⁷ См. таблицу «Конкордация данных эпиграфики и нумизматики о правлении Аспурга» [Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 687].

⁸ Три варианта написания монограммы появились, по всей видимости, в результате чеканки статеров штемпелями, изготовленными разным резчиками. Эти три монограммы являются неопровержимым аргументом против отнесения знаков на золоте Аспурга до 8/9 г. н. э. к сарматским тамгам. Вывод, что на боспорском золоте 289–305 г. б. э. изображена сарматская тамга, приписываемая царице Динамии [Яценко 2001, 46–47, с лит.], основано на невнимательном изучении изображений на боспорских монетах.

⁹ Первая монограмма – с гостой, выходящей из верхушки дельты, которая является основой, вероятно, для *ипсилон* и *мю* (рис. 1. 1); вторая монограмма изображена уже без госты вверху треугольника (рис. 1. 2); третья – без госты вверху треугольника, буквы ДМ в лигатуре, *ипсилон* в форме латинской V помещена во внутреннее поле дельты (рис. 1. 3). На некоторых экземплярах монет верхняя госта не видна из-за заплыва металла (рис. 2) или из-за затертости поверхности (рис. 3).

ΔΥМ и ΔМ¹⁰) также разные. Монеты с монограммой преобладают. Со времен Т. Момзена и М.И. Ростовцева монограмма раскрывается как ΔΥМ, и считается, что это сокращение скрывает имя царицы Динамии¹¹. Важно отметить, что последние три года чеканки золота с монограммой (рис. 1. 2) приходится на документально подтвержденное горгиппийским посвящением время правления царя Аспурга в 6/7–8/9 г. (303–305 г. б. э.). Этот факт добавляет весомый аргумент в пользу гипотезы, что выпуск золота с разными вариантами начертания монограммы Δ (Υ)М происходил в первые два десятилетия правления этого царя в 9/8 г. до н. э. – 8/9 г. н. э. [Фролова 1997.1, 25–37, 69–70; Сапрыкин 2002b, 146–148]. Итак, получает дополнительную поддержку гипотеза, что Аспург стал легитимным правителем Боспора в 9/8 г. до н. э. после устранения Полемона I. Ряд исследователей придерживаются мнения, что в монограмме ΔΥМ сокрыто имя царицы Динамии [Ростовцев 1917, 47–58; Блаватский 1964, 132; Анохин 1986, 82–90; Виноградов 1994, 152; Сапрыкин 2002, 148; и пр.]. На этом основании М.И. Ростовцев сформулировал гипотезу о втором правлении Динамии в 9/8 г. до н. э. – 8/9 г. н. э. [Ростовцев 1917, 47–58; 1918, 146–147]. Это мнение Ростовцева поддерживают многие исследователи, несмотря на то, что оно было опровергнуто достаточно давно как построенное не на данных источников, а на цепочке предположений и допущений [см.: Голубцова 1951, 110; Фролова 1978, 49–61; Болтунова 1989, 90–91]. Новые данные о правлении царя Аспурга поддерживают вывод, что никакого «второго правления» Динамии не было. Так называемое «второе правление Динамии» – это, своего рода, «экспериментальная модель» М.И. Ростовцева, созданная им на определенном этапе исторических поисков, и которая долгое время выступала в качестве базовой. По-видимому, к настоящему времени она утратила свою актуальность.

Но как же в таком случае следует трактовать монограмму на боспорском золоте? Принимать версию Момзена – Ростовцева (вычитывать имя Динамии) невозможно по ряду причин. Вполне обоснованной представляется точка зрения, что в 13–12 г. до н. э. Динамия скончалась, и Полемон I женился на Пифодориде [Орешников 1902, 4; Голубцова 1951, 110; Болтунова 1989, 89; Сапрыкин 2002b, 116; ср. Яйленко 2010, 236]. Зачем в таком случае Аспург с начала своего царствования ставит на золоте монограмму умершей царицы, да еще без указания ее титула? Ведь не имеется сведений, что Август лишил Динамию царского титула после ее брака с Полемоном в 14 г. до н. э. Предположение о том, что Динамия была матерью Аспурга строится на косвенных, но вполне надежных свидетельствах о родстве Аспурга с Ахеменидами [Калистов 1940, 42, прим. 5]. Факт передачи власти Асандром Динамии в 21/20 г. до н. э.¹², а не Аспургу, свидетельствует лишь о том, что по неизвестной нам причине Асандр не решился оставить царство своему официальному

¹⁰ На статере 310 г. б. э. (13/14 г. н. э.) имеется монограмма ΔМ. Горизонтальная черта под центральной частью *мо*, горизонталь внутри левого угла *мо* оказались при ближайшем рассмотрении оказались браком (см: <https://bosporan-kingdom.com/293-4237> (дата обращения 03.03.2023)). Изображение этой монеты использовано в: [Анохин 1986, 93, таб. 40, 44].

¹¹ Это предположение, высказанное Т. Момзеном и А. фон Заллетом, было поддержано М.И. Ростовцевым [1914, 18; 1917, 47–58]. Подробнее см. [Анохин 1986, 87–89; Фролова 1997.1, 24–25].

¹² Считается, что под нажимом Рима престарелый Асандр передал Динамии управление государством в 21/20 г. до н. э. Вторая попытка Рима посадить на боспорский престол своего ставленника закончилась провалом. Римский протезе Скрибоний вскоре после женитьбы на Динамии в 16/15 г. до н. э. был убит боспорцами, посчитавшими его самозванцем (Dio Cass. LIV 24,4–5) [см.: Сапрыкин 2002, 92–93; Парфенов 2007, 291–298; Яйленко 2010, 230–231].

Рис. 1: 1. Статер с монограммой ΔΥΜ (паспорт монеты: 259-4412-4, <https://bosporan-kingdom.com/259-4412/4.html>); 2. Статер с монограммой ΔΜ (паспорт монеты 268-4938-1, <https://bosporan-kingdom.com/268-4938/1.html>); 3. Статер с монограммой ΔΥΜ (паспорт монеты: 000-4761, <https://bosporan-kingdom.com/000-476/1.html>)

Рис. 2. Статер с монограммой ΔΥМ без верхней гасты между дельтой и ипсилон (паспорт монеты: 269-4759-1, <https://bosporan-kingdom.com/269-47592/1.html>)

наследнику¹³. Следуя логике написания монограмм на боспорских монетах (BAE, BAM, BAΣΠP, BAK, BAP и пр.) монограмма царицы Динамии должна бы содержать буквы ее титула и личного имени, что-то вроде BA-ΔYH или BA-Δ (как в случае с монограммой царицы Гипеперии [Анохин 1986, 151, табл. 40, 47]). Увлеченные версией Ростовцева исследователи оставили без должного внимания столько необычное сокращение имени царицы как ΔY(va)M(ις) или Δ(Yva)M(ις), вместо ожидаемого и обычного для греческой эпиграфики сокращения имен по начальным буквам как ΔYH(αμς) или ΔH.

Сказанное, подводит к выводу, что монограмма ΔΥ на золоте Аспурга 289 г. до н. э. – 305 г. н. э. не связана с именем Динамии. Судя по ее традиционному для Боспора конца I в. до н. э. – 80 г. н. э. местоположению на оборотной стороне статеров рядом с датой по понтийской эре, монограмму ΔΥ следовало бы соотносить с царем Аспургом [ср. Minns 1913, 595–609]. Против такой трактовки выступает то, что эта монограмма не содержит букв ни царского титула, ни имени Аспурга. В связи с этим в резерве остается, кажется, единственный вариант – монограмма ΔΥ на боспорском золоте связана, по всей вероятности, с деятельностью Октавиана Августа, который присвоил себе право выпуска золота на Боспоре со времени правления Полемона I. Мнение о привилегированном положении боспорского правителя, начавшего выпускать золото в 9/8 г. до н. э., вопреки указу Августа от 16 г. до н. э. о римской монополии на выпуск ценной монеты [Бертье-Делагард 1911, 154–155; Яйленко 2010, 241], не находит подтверждения. Напротив, данные нумизматики указывают на существенную зависимость царя Аспурга от Рима. Этот вывод поддерживают данные о Боспорской когорте, действовавшей в Малой Азии

¹³ Этот факт породил версию, что у царской четы не было наследника мужского пола ввиду преклонного возраста Асандра [Яйленко 2010, 230].

Рис. 3. Статер с монограммой ΔΥΜ, отчеканенной некачественным штемпелем (паспорт монеты: 269-4759, <https://bosporan-kingdom.com/269-4759>)

(ISL III, 9503, 8–7 гг. до н. э. [Reinhold 1933, 114]). При императоре Августе боспорский царь Аспург не имел права чеканить золото с указанием своего титула и имени, и был обязан поставлять солдат для римских подразделений, расквартированных в Азии. В данном контексте следует вспомнить гипотезу о возможной принадлежности монограмм на боспорском золоте рассматриваемого периода римским чиновникам, контролировавшим его выпуск [Фролова 1997.1, 69]. Поскольку надписью из Горгишии засвидетельствовано правление Аспурга с 6/7 г. н. э., то выпуск статеров с монограммой KNE в 305–306 г. б. э. (8/9–9/10 гг. н. э.; рис. 4) и с монограммами ПАР, ПА в 307–310 г. б. э. (10/11–12/13 г.) приходится на правление этого царя, как и предполагалось ранее [Сапрыкин 2002b, 154–155]¹⁴. В целом, подтверждается мнение о принадлежности выпусков статеров с монограммами ΔΥΜ, KNE, ПАР, ПА одному боспорскому правителю [Фролова 1997.1, 65–69]. Говорить об окончательном решении вопроса, кому же принадлежат монограммы на золоте Аспурга до 14 г. н. э., все еще рано, поскольку исходных данных явно недостаточно. Очевидным представляется один непреложный факт – они не связаны с именем царя Аспурга. Их появление на боспорском золоте следует связывать, как представляется, с деятельностью Августа, который, судя по имеющимся фактам, жестко контролировал

¹⁴ В. П. Яйленко высказал вполне резонные замечания против предложенного С. Ю. Сапрыкиным прочтения монограмм KNE и ПА, ПАР как скрывающих эпитеты Августа [2010, 247, прим.1].

Боспор в конце I в. до н. э. – 14 г. н. э. В целом, новое посвящение из Горгишпии поддерживает вывод о чеканке статеров с монограммами ΔΥΜ, ΔΜ, ΚΝΕ, ΠΑ, ΠΑΡ в правление Аспурга с той лишь существенной оговоркой, что к этому времени он уже носил официальный титул царя Боспора.

Итак, Аспурга, легитимный наследник боспорского трона, сын Асандра и Динамии, управлял Боспором под своим личным именем, владея царским титулом с 9/8 г. до н. э. по 37 г. н. э.¹⁵ Он занял боспорский престол в 9/8 г. до н. э. после устранения Полемона I¹⁶. В этом же году начинается выпуск золотых статеров по римскому стандарту с портретами Августа и Агриппы, монограммой Δ и датой по понтийско-вифинской эре. Дата по понтийской эре на монетах отсылает к правителями Боспора из рода Митридатидов. Она сигнализирует об официальном статусе правителя Боспора, Август признал Аспурга царем и заключил с ним союзный договор. Статеры 9/8 г. до н. э. – 13/14 г. н. э. с портретами Августа и Агриппы, но с разными монограммами, в которых нельзя усмотреть имя царя Аспурга, дают основание для вывода, что Август, признавая легитимность власти Аспурга, лишил его права выпуска золота от собственного лица. Медные монеты с монограммой ΒΑΜ чеканились параллельно выпускам золота с сокращениями ΔΥΜ, ΔΜ, ΚΝΕ, ΠΑΡ, ΠΑ [Фролова 1997.1, 29–31]. Выпуск меди с ΒΑΜ приходится на правление Аспурга до 14 г. н. э. Самый поздний выпуск меди с монограммой ΒΑΜ относится к 310 г. б. э. (13/14 г.). Он содержит на Л.С. изображение головы Ареса в шлеме и сарматской тамги, на О.С. – трофея из доспехов. Аналогичная победная символика известна на первом выпуске меди Аспурга с монограммой ΒΑΡ, которая датируется началом 311 г. б. э. (примерно, середина октября – декабрь 14 г.). Монограмму ΒΑΜ расшифровывают как ΒΑ (ΣΙΛΕΩΣ) Μ (ΙΟΥΙΔΑΤΟΥ) [Зограф 1951, 197; Сапрыкин 2002, 149; Яйленко 2010, 247–248]. Следует отметить, что пока других аргументированных вариантов для раскрытия этой монограммы не предложено. Принимая такое прочтение, следует думать, что оно отсылает к Митридату VI, великому царю и предку Аспурга.

Обращает на себя внимание определенное несоответствие: в монетном деле Аспурга до 14 г. прослеживается указание на его происхождение только по материнской линии к Митридатидам, но ни в одной из монограмм, если следовать сложившейся интерпретации, не отмечен его отец – царь Асандр (=Асандрох). Объяснение этой ситуации скрывается, как представляется, в том, что Динамия была царских кровей по праву рождения, и, в глазах Рима, она являлась основной носительницей царского титула на Боспоре в отличие от ее мужа, Асандра, захватившего боспорский престол незаконно и вопреки воле Рима, и имя которого по решению, видимо, Августа «было предано забвению».

¹⁵ Этим годом датируется последний статер Аспурга с его царской монограммой [Фролова 1997.1, 73]. В том же 37 г. выпускает статеры царица Гепеирия с портретом Тиберия, скончавшегося 16 марта 37 г. О возможном развитии событий этого периода боспорской истории см. [Сапрыкин 2002b, 237–243; Яйленко 2010, 263–266].

¹⁶ Надежно установлена последовательность выпусков медных монет конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. Первыми чеканились монеты с монограммой ΒΑΕ, затем ΒΑΜ, ΒΑΡ [Фролова 1997.1, 38]. М.Г. Абрамзон любезно сообщил, что обоснованным является мнение, что боспорские монеты с монограммой ΒΑΕ были выпущены Полемоном I в 14–9/8 г. до н. э. [ср. Голенко 1971, 45–47; Фролова 1989, 3]. Эта монограмма расшифровывается как Βα(σιλεύς) Ε(ὐσεβούς), как показал П.О. Карышковский [Фролова 1989, 3]. «Эвсебий» второе имя Полемона. Идентичность начертания монограммы ΒΑΕ на золотых и медных монетах Боспора конца I в. до н. э. указывает, что эти монеты принадлежат одному боспорскому царю. Это наблюдение дает основание для вывода, что золотые и медные монеты с монограммой ΒΑΕ принадлежат чеканке царя Полемона I.

Единоличное правление царицы Динамии в 21/20–17/16 г. до н. э. (до ее супружества с Полемоном I в 14 г. до н. э.) закрепило устоявшееся представление о ней как о прямой наследнице Митридатидов на Боспоре. Поэтому Август не препятствовал Аспургу использовать монограмму ВAM на меди, предназначенной для внутреннего рынка, поскольку она демонстрировала местному населению легитимную преемственность власти на Боспоре.

Царский титул и престол Аспург как законный наследник должен был получить после смерти Динамии не позднее 12/11 г. до н. э.¹⁷ Однако этого не случилось: Боспором правил Полемон I. Вплоть до 9/8 г. до н. э. Аспург находился, как представляется, в подвластной ему области аспургиан на Азиатском Боспоре и ждал удобного случая, чтобы реализовать свое законное право на царство. Поэтому обойти вниманием вопрос о взаимосвязи аспургиан и Аспурга невозможно.

Этникон аспургиане упоминают Страбон, Птолемей, фигурирует он и на Певтингеровой таблице (Strab. XI.2.11; Geogr. V, 88, segm. IX A Scheyb; Подосинов 2002, илл. 8, 9) [Яйленко 2010, 251–252]. Страбон называет аспургиан в числе меотских племен и отмечает их роль в устранении Полемона I (Strab. XI.2.11, XII.3.29). Социально-политическая группировка, которая получила название «аспургиане» после поддержки Аспурга в его борьбе за власть на Боспоре, была расселена боспорскими царями в Синдике (совр. Анапский и Новороссийский р-ны) в любом случае раньше событий, описанных Страбоном [см. Завойкин 2023, в печати]¹⁸. Эту группировку составляли преимущественно варвары (меоты, сарматы и пр.), которые привлекались боспорскими правителями в качестве защитников юго-восточных границ царства, вероятно, уже с III в. до н. э. В качестве военных поселенцев-катоиков они получали земельные наделы на территории царской хоры в Синдике. Эта территория и обитавшие на ней население в результате завоевания Левконом I оказались под властью боспорских правителей и вошли в состав «царских земель» [Завойкин 2021, 64–65]. Название «οἱ ἀσποῦργιανοί» – т. е. сторонники Аспурга – не могло появиться раньше самого Аспурга [ср. Яйленко 1989, 159–161; 2010, 252; Сапрыкин 2002b, 178–179]. Поэтому название «область (страна) аспургиан» (τὰ Ἀσποῦργιανὰ), наличие которой в административно-территориальном делении Боспора первых веков логично вытекает из названия должности «наместник аспургиан» (ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσποῦργιανῶν: КБН 1246, 1248, 36 А), является вторичным по отношению к квази-этному *ἀσποῦργιανοί*.

Следовательно, в правление на Боспоре Полемона (14–9/8 гг. до н. э.), но возможно и раньше, Аспург, будучи наследным принцем, управлял подвластной ему территорией, населенной катоиками (аспургианами) в Синдике. Самовольное расселение на царских землях в азиатской части Боспора некоего «племени аспургиан» [ср.: Голубцова 1951, 112; Яйленко 2010, 252–253] было, по очевидным причинам, невозможно. В связи со сказанным военная кампания Полемона по покорению аспургиан приобретает новый смысл: Полемон желал обманом покорить неподвластных ему аспургиан, но главной мишенью его действий был Аспург, прямой наследник царской власти на Боспоре.

¹⁷ Датировка посвящения агриппийцев царице Динамии (КБН 979) 12–11 гг. до н. э. [Яйленко 2010, 235] и отнесение к 13–12 гг. до н. э. свадьбы Полемона I и Пифодориды [Голубцова 1951, 110; Болтунова 1989, 89–91; Сапрыкин 2002, 116 и др.] указывают, что к 11 г. до н. э. Динамии не было в живых.

¹⁸ Эти вопросы подробно рассмотрены в статье А. А. Завойкина. Некоторые положения статьи приводятся с разрешения автора.

Всю остроту этой ситуации Полемоном ощутил после смерти Динамии и женитьбе на Пифодориде в 13/12 гг. до н. э. Тогда же, видимо, Аспург заявил свои права на боспорский трон. Исполняя волю Августа, Полемон был обязан удержать власть над Боспором, но ему это не удалось – он был захвачен в плен и убит аспургианами. Бескомпромиссность аспургиан в отношении Полемона, не сохранивших жизнь царственному пленнику [Braund 2005, 262], подтверждает предложенную точку зрения.

Однако Страбон, осведомленный об аспургианах, ничего не сообщает о самом Аспурге. Можно ли это объяснить? Краткость сообщений географа об аспургианах и отсутствие у него информации о боспорских правителях после Полемона ясно показывают, что источник Страбона не располагал данными о династических перипетиях на Боспоре в конце I в. до н. э. Весьма далекие Боспор и аспургиане интересовали самого Страбона лишь в связи с убийством ставленника Августа. Поэтому античная традиция сохранила для нас наименование «сторонников Аспурга», но не имя боспорского «принца крови».

Династический союз в 15–16 г. Аспург заключил с Гипеперией, фракийской «царевной» из дома Сапеев [Сапрыкин 2002b, 163–164]. Поскольку Аспург правил Боспорским царством с 289 г. б. э. (9/8 г. до н. э.), то следуя жесткой логике династической политики, которая диктует необходимость заключения выгодных брачных союзов и рождение наследника трона, боспорский царь не мог оставаться более 20 лет неженатым. Столь важный аспект в истории правления Аспурга не рассматривается исследователями по вполне очевидным причинам. Помимо отсутствия источников, играло роль «отсутствие» в историографии царя Аспурга вплоть до конца 14 г., а период с 9/8 по 9/10 г. воспринимался в ряде случаев как время 2-го правления Динамии или начало правления на Боспоре варварской (сарматской) династии. Предполагаем, что первой супругой Аспурга могла быть сарматская «принцесса» (см. ниже). Именно ее клану, как представляется, может принадлежать тамга на царской меди типа Арес – трофей, ВАР¹⁹. Этот влиятельный клан оказал существенную поддержку Аспургу наряду с частью боспорской знати, поддерживающей старую династию, и аспургианами при его вступлении на престол. Еще Митридат Евпатор искал новых союзников среди племенных вождей азиатского Боспора для продолжения войны с Римом. С этой целью он выдавал своих дочерей замуж за сарматских «царей» (App. Mithr. 105). Не исключено, что на одной из правнучек Митридата и сарматского вождя был женат Аспург в первом браке. Здесь получаем примерно ту же династическую модель, что и при воцарении его отца, Асандра, сочетавшегося браком с Динамией, с той лишь существенной оговоркой, что Аспург сам был прямым наследником царской власти на Боспоре. Подобный брак должен был принести Аспургу очевидную выгоду: посредством родства с сильным сарматским вождем он укрепил военно-политическое положение своего государства и блокировал на некоторое время имперские устремления Августа в отношении Боспора.

Предлагаемая реконструкция событий объясняет, почему Август был вынужден, вопреки своей жесткой политической линии, направленной на подчинение Боспора своей власти через правителя-марионетку, признать непокорного Аспурга царем это-

¹⁹ Эта проблема рассматривается в статье: Завойкина Н. В. Тамга на меди царя Аспурга: кому она принадлежит? // Нурапис 5 – в печати.

Рис. 4. Статер с монограммой KNE (паспорт монеты: 285-4208-1, <https://bosporan-kingdom.com/285-4208/1>)

го государства. Неприятие боспорцами римских ставленников (Митридат Пергамский, Скрибоний, Полемон) во главе царства и их последующее устранение, могли привести Августа к мысли поставить во главе Боспора кого-то из местной династии. Однако выбор императора вряд ли пал бы на Аспурга, который, по всей видимости, был причастен к устранению Полемона I, политического протезе Августа. В период захвата власти Аспургом на Боспоре Август был занят решением важных дел на Востоке. Он стремился путем замысловатых политических комбинаций развернуть в свою пользу назревавший военный конфликт с Парфией [Парфенов 2001, 78–82 с лит.]. Поэтому убийство Полемона I, царя Понта и Боспора, и возвращение власти на Боспоре к представителю местной династии пришлось на непростой для Рима период в решении восточного вопроса. Властелин Рима не мог отвлекаться на резкое изменение политической ситуации на далеком Боспоре. Нельзя исключать того, что при захвате власти Аспурга поддерживали серьезные силы, которые могли представлять реальную военную угрозу для Римской империи. Конечно, речь идет о более мощном военно-политическом союзнике, чем «армия» аспургиан. Привлечение военных сил сарматов на свою сторону и даже заключение с ними династических браков, было вполне привычным явлением для правителей Боспора. В конце I в. до н. э. такой силой мог выступать сирако-меотский племенной союз [Лимберис, Марченко 2010, 274–277]. Племена этого союза не раз привлекались боспорскими царями, в частности Фарнаком II (App. Mithr. 120; Strab. XI. 5, 8) и Митридатом III (Tac. Ann. 15–17), для решения военно-политических задач [Лимберис, Марченко 2010, 274–277]. Исследования памятников полуострова Абрау (могильник у пос. Цемдолинское и др.) показывают, что среди аспургиан имелась значительная прослойка выходцев из сирако-меотского союза. По мнению И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис, сираки представляли наиболее мобильную часть племен союза и являлись защитниками приграничных крепостей на восточных границах Боспора [Лимберис, Марченко 2010,

275]. Имеющиеся факты подводят к предположению, что первый династический союз Аспург мог заключить с сиракской «царевной», отец которой стоял во главе сирако-метоотской племенной группировки на правом берегу Кубани.

Итак, монограммы на золотых монетах Аспурга, выпущенных до октября 14 г., не могут быть связаны напрямую с этим боспорским царем. Отмеченная ситуация, как представляется, имеет вполне логичное объяснение. Несмотря на прагматичные и рациональные решения, направленные на обеспечение безопасности, прежде всего, северо-восточных рубежей империи, Август, дабы «не потерять лицо», не простил Аспургу устранение Полемона и разрушение своих имперских планов. Пойдя на определенный компромисс, Август, признав Аспурга законным правителем Боспора. Однако, в наказание за нарушение его воли, римский император лишил боспорского царя права изображать его портрет (т. е. Аспурга) и ставить царскую монограмму ВАР на оборотной стороне золотых и медных монет. Император Рима дозволил, по всей видимости, Аспургу лишь посредством даты по понтийской эре на золоте и монограммы ВАР на меди отметить принадлежность к царскому роду Митридатидов. Таким завуалированным путем Аспург демонстрировал легитимность своей власти на Боспоре. Демонстрация подобного «унижения» непокорного царственного вассала на государственном уровне показывала, с одной стороны, власть и силу римского императора, но с другой, – свидетельствовала, насколько император может быть милостив даже в отношении правителей, нарушивших его волю, но покорившихся. Подобное положение дел в монетном деле Аспурга наблюдалось вплоть до конца 311 г. б. э. (сентябрь – серед. октября 14 г.).

В 14 г., примерно, до сентября²⁰ Аспург находился в Риме, куда он отправился для аудиенции с Августом²¹. Боспорский царь выступил инициатором этой встречи, но каковы были его мотивы – не известно. Основные преференции от визита в Рим Аспург получил уже от нового цезаря, Тиберия [Блаватская 1965, 201–208; Сапрыкин 2002b, 166–169; Яйленко 2010, 261]. Тиберий подтвердил царский статус Аспурга, заключил с ним новый союзный договор и разрешил ставить царскую монограмму ВАР на боспорском золоте, а на оборотной стороне медных монет помещать портрет Аспурга и ту же монограмму. Здесь следует еще раз вспомнить о браке Аспурга с Гепепирией. Этот брак был заключен, как считается, примерно в 15/16 г. Результатом этого династического союза стало рождение двух царственных наследников, Митридата и Котиса (Тас. Ann., XII. 18; Dio. Cass. LX. 28, 7 = FHG. IV.185. Fr. 3²²). Выше я попыталась обосновать предположение, что женитьба на Гепеперии была вторым браком Аспурга, до этого женатого, видимо, на дочери сарматского «царя». Эти рассуждения подводят к мысли, что к 13–14 г. Аспург исчерпал преимущества династического альянса с сарматами. Военный союз с ними, возможно, также утратил политическую выгоду, а боспорский царь нуждался в новом сильном союзнике для упрочнения положения его

²⁰ Верхняя дата обусловлена началом чеканки золота в 311 г. б. э. и царской монограммой ВАР.

²¹ Поездка к Августу упоминается в царском указе (рескрипт А) июня 16 г. (дата указана в письме В, стк. 6 как месяц Даисий 312 г. б. э.) [Блаватская 1965, 198, 203].

²² В этом фрагменте рассказывается о мятеже царя иберов Митридате. Т. Моммзен убедительно доказал, что повествуется о боспорском царе Митридате [Mommmsen 1894. 5, 291].

Рис. 5. Ассарий с бюстом Митридата Боспорского
(паспорт монеты: 331-4779, <https://bosporan-kingdom.com/331-4779>)

семьи и царства²³. Поэтому логично предположить, что одной из возможных причин поездки Аспурга к Августу, учитывая политическую зависимость Боспора от Рима, было решение вопроса о новом династическом союзе боспорского царя с фракийским правящим домом. Подобный брак мог быть санкционирован только Римом.

В завершении кратко остановимся на вопросе о происхождении Митридата, старшего сына Аспурга. Считается, что царица Гепеирия наследовала власть после смерти Аспурга (конец 37 – начало 38 г.) и правила Боспором примерно до сентября/октября 39 г. ввиду несовершеннолетия Митридата и Котиса [Minns 1913, 601; Яйленко 1990, 178; 2010, 262–263; Сапрыкин 2002b, 242; Чореч 2020, 98]. Сыновья Аспурга Митридат и Котис были рождены в браке с Гепеирией [Ростовцев 1914, 20–21; Фролова 1977, 170; 1997.1, 75–76; Яйленко 1990, 173–174; 2010, 261–263; Сапрыкин 2002b, 235; Винокуров, Абрамзон 2016, 733; Винокуров, Крыкин 2017, 170 и пр.]. Последнее заключение следует, как предполагают, из сообщения Диона Кассия (Dio. Cass. LX. 28.7 = FHG. IV.185. Fr. 3). Из него лишь известно, что в период мятежа ок. 45–49 гг. мать Митридата была жива, но она была противницей задуманной сыном войны и собиралась бежать.

Казалось бы, вполне логически стройная гипотеза. Однако мнение о несовершеннолетии Митридата никак не вяжется с его изображениями на меди 39 г. На монетах он представлен усатым и бородатым мужчиной (рис. 5). Иконография изображения Митридата Боспорского соответствует возрастной категории «взрослый мужчина»²⁴ и по-

²³ Этим браком Аспург решал актуальную политическую задачу: наследники Пифодориды, вдовы Полемона I, могли претендовать на Боспор как на наследственный домен Полемонидов. Гепеирия, внучка Пифодориды, имела такие же наследственные права, поэтому женитьба на ней Аспурга разрешала эту конфликтную ситуацию в пользу боспорца [Сапрыкин 1984, 152].

²⁴ Ср. передачу возрастов погребенных через изобразительные формулы на боспорских надгробных рельефах I–II вв. [Завойкина 2013, 45–52 с лит.].

казывает, что на момент восшествия на боспорский престол он явно был старше 25 лет. Это подводит к предположению, что Митридат был рожден за несколько лет до брака Аспурга и Гепеирии. Поэтому рассуждения о регентстве Гепеирии в виду юности ее детей следует признать ошибочными [ср. Панов 2012, 4]. Рассматривать Гепеирию как мачеху Аспурга, как предлагал еще М. И. Ростовцев [1918, 150]²⁵, вполне допустимо. Ведь из сообщения Дина Кассия (переданного Петром Патрикием) следует лишь то, что мать Митридата на момент начала антиримского мятежа (44/45 г.) была жива. Если предположить, что матерью Митридата была первая супруга Аспурга, то ей тогда могло быть лет 65–70. Тацит и Дион Кассий называют Котиса братом Митридата (Тас. Ann. 18; Dio. Cass. LX. 28.7 = FHG. IV.185. Fr. 3). С учетом рассматриваемой исторической модели ничто не мешает думать о Котисе как сводном младшем брате Митридата. Из сказанного вытекает, что царица Гепеирия, супруга Аспурга, заняла боспорский престол (видимо, здесь не обошлось без поддержки определенной группировки боспорской знати) в обход своего пасынка. Будучи прямой наследницей власти на Боспоре по двум династическим линиям (внучка Полемона I и Пифодориды, супруга Аспурга), она, возможно, полагала, что обладает приоритетным правом на боспорский престол, и, будучи наследницей Полемонидов на Боспоре, рассчитывала на поддержку Калигулы. В результате после смерти Аспурга она стала править Боспором. Однако в Риме ее права на власть не были подтверждены. Нельзя исключать, что такому развитию событий способствовало отсутствие Митридата на Боспоре. Он как прямой наследник боспорского трона примерно в середине весны 38 г. должен был отправиться в Рим ко двору Калигулы и добиваться у цезаря заключения нового союзнического договора и своего утверждения на Боспорское царство. Осенью 39 г. Митридат вернулся на Боспор, что ознаменовалось выпуском золота 336 г. б. э. с портретом Калигулы и надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. В то же время Митридат был вынужден некоторое непродолжительное время сохранять видимость совместного правления с Гепеирией, что отражают медные монеты, содержащие на Л. С. портрет Митридата с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, а на О. С. – портрет Гепеирии с надписью ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΠΥΡΙΩΣ [Фролова 1997.1, 81]. Последнее предположение позволяет думать о мирном разрешении династического противостояния наследников Аспурга²⁶.

²⁵ Очевидно, что исследователь пересмотрел свое мнение о прямом родстве Митридата и Гепеирии, изложенное в работе 1914 г.

²⁶ На одном из выпусков меди Митридата Боспорского имеется изображение трезубца, палицы и шкуры льва, лука в горите [Фролова 1997.1, 81]. Это атрибуты Посейдона и Геракла. В виду предлагаемой реконструкции династической истории Боспора трезубец на данных монетах не может восприниматься как символ рода Сапеев [Яйленко 2010, 263], поскольку Митридат был наследником, условно говоря, «понтийской» линии боспорской династии. Отмеченные изображения известны на монетах Спартока V [Анохин 1986, кат. № 152], Пантикапея и Фанагории II в. до н. э. и времени правления Асандра [Анохин 1986, кат. № 146, 173, 191, 247, 248]. Они встречаются также на меди Полемона с монограммой ΒΑΕ [Анохин 1986, кат. № 276, 279]. Отмеченные атрибуты являются не только символами, которые показывают происхождение Митридата. Полагаем, что в демонстрации происхождения не было необходимости, поскольку боспорцы и так были хорошо осведомлены о родословной нового царя. Они, скорее, являются символами преемственности власти Митридата от прежних владык Боспора (царей из династии Спартокидов) и демонстрируют его власть над обеими частями царства и морем между ними.

Список литературы

- Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И. 2016. Золотые статыры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артазиан // ВДИ. 3, 412–743.
- Анохин В. А. 1986. Монеты Боспорского царства. Киев, 181.
- Бертье-Делагард Л. А. 1911. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 29, 117–232.
- Блаватский В. Д. 1985. Боспорские города в позднеантичное время // В. Д. Блаватский. Античная история и археология. М., 242–260.
- Блаватская Т. В. 1965. Рескрипты царя Аспурга // СА. 2, 197–209.
- Болтунова А. И. 1989. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1, 86–92.
- Виноградов Ю. Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 2, 151–170.
- Винокуров Н. И., Крыкин С. М. 2017. Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э. // ПИФК. 4, 170–194.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л., 622.
- Гайдукевич В. Ф. 1955. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. Т. 1. М.–Л., 23–147.
- Голенко К. В. 1971. Керченский клад медных боспорских монет I в. до н. э. // НЭ. 9, 38–50.
- Голубцова Е. С. 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 135.
- Горончаровский В. А. 2000. Между империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже эр // Stratum plus. 3, 229–236.
- Завойкин А. А. 2017. «Боспор Кубанский» – остров – Гермонасса (замечки по исторической географии Таманского полуострова) // ПИФК. 3, 147–163.
- Завойкин А. А. 2021. Варварские племена и их территория под властью Спартокидов // Нуранис. 3, 58–71.
- Завойкин А. А. 2023. Аспургиане: 500 стадиев между Фанагорией и Горгишпией // Древнейшие государства на территории России, в печати.
- Завойкина Н. В. 2013. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 285.
- Завойкина Н. В. 2016. Царь Аспург, он же Рескупорид I или Реметалк? Источники и гипотезы / В. Н. Зинько, Е. А. Зинько (ред.) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 160–166.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М., Константинов В. А. 2018. Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгишпии // ВДИ. 3, 680–692.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты. Материалы по истории и археологии 16, М.–Л.
- Зубарь В. М. 1998. Северный Понт и Римская империя. Киев, 200.

- Иванчик А. И., Тохтасьев С. Р. 2009. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 3, 95–107.
- Калистов Д. П. 1940. Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ 2, 65–77.
- Кузнецов В. Д. 2006. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 155–172
- Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб, 430.
- Лимбирес Н. Ю., Марченко И. И. Сарматы // Античное наследие Кубани 1. М., 260–285.
- Орешиников А. В. 1902. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // ИТУАК. 34, 1–17.
- Панов А. Р. 2012. Клавдий и начало боспоро-римской войны // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 19/24, 10–14.
- Парфенов В. Н. 2007. Загадка Скрибония // ПИФК. 17, 291–298.
- Подосинов А. В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 488.
- Ростовцев М. И. 1914. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества 25. М., 1–26.
- Ростовцев М. И. 1917. Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. 54, 47–58.
- Ростовцев М. И. 1918. Эллинство и иранство на юг России. Петроград, 190.
- Сапрыкин С. Ю. 1984. Пифодорида – царица Фракии // ВДИ. 2, 141–153.
- Сапрыкин С. Ю. 1985. Аспургиане // СА. 2, 65–78.
- Сапрыкин С. Ю. 1997. Понтийское царство. М., 347.
- Сапрыкин С. Ю. 2002а. Аспург, царь Боспора // ДБ. 5, 207–223.
- Сапрыкин С. Ю. 2002б. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 271.
- Сапрыкин С. Ю. 2010. Политическая история Азиатского Боспора. Позднеэллинистический и римские периоды (I в. до н. э. – середина III в. н. э.) // Античное наследие Кубани. 2. М., 80–133.
- Сапрыкин С. Ю. 2019. Аспург и азиатский Боспор // БЧ. XX. Основные итоги и перспективы. Симферополь–Керчь, 489–494.
- Сокольский Н. И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 128.
- Тохтасьев 1994/5. Из ономастики Северного Причерноморья: V–IX // *Hyperboreus I/2*, 138–145.
- Трубачев О. Н. 1999. *Indoarica* в Северном Причерноморье. М., 390.
- Фролова Н. А. О времени правления Гепепирии и Митридата III // ВДИ. 3, 166–174.
- Фролова Н. А. 1978. О времени правления Динамии // СА. 2, 49–61.
- Фролова Н. А. 1989. Медные монеты Боспора конца I в. до н. э. – I в. н. э. // НЭ. 15, 3–18.
- Фролова Н. А. 1997.1. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. 1. М., 210.
- Чореп М. М. 2019. К вопросу о статусе Аспурга как монарха Боспорского царства // *Stratum plus*. 6, 97–116.
- Шелов Д. Б. 1956. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 195.
- Яйленко В. П. 1987. Материалы по боспорской эпиграфике / А. И. Павловская (ред.) // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 4–199.
- Яйленко В. П. 1990. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 128–215.

- Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 740.
- Яценко С. А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и средневековья. М., 190.
- Ярцев С. В. 2022. К вопросу о выделении центрально-азиатской династической линии боспорской аристократии // МАИАСП. 1, 187–198.
- Braund D. 2005. Polemo, Pythodoris and Strabo. Friends of Rome in the Black Sea Region // Roms auswärtige Freude in der Republik und im frühen Prinzipat. Göttingen, 253–270.
- Funk B. 1985. Das Bosporianische Reich aus der Sicht Strabons // Klio. 67, 273–280.
- Ivantchik, A. I. 2014. Roman Troops in the Bosporus. Old Problem in the Light of a New Inscription Found in Tanais // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 20, 165–194.
- Minns E. H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge, 720.
- Mommsen T. 1894. Römische Geschichte. Bd. 5. Berlin, 202.
- Reinhold M. 1933. Marcus Agrippa. Geneva, 203.
- Zgusta L. 1955. Die Personennamen nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 467.

Summary

N. V. Zavoykina

Aspurgos – the king of Bosporan state (9/8 BC – AD 38)

The dedication of king Aspurgos from Gorgippia AD 6/7, which was published in 2018 (“Bulletin of Ancient History”, № 3), allows to revise some of the established ideas about the reign of the lord of the Bosporus. Aspurgos calls himself the son of “the great king of Asandrokhos” in the inscription. The title “great king” was worn by Asandros (49/48 – 21/20 BC), whom many researchers have considered as the father of Aspurgos. Only the legitimate ruler of the Bosporan kingdom could bear this Achaemenes title. Asandros legitimized his rule and gained access to the Pontic regalia, one of them was the title of “great king”, through his marriage with Dynamis, the daughter of Pharnakes and the granddaughter of Mithridates Eupatoros. Therefore, we have one more argument in favor of the identity of king Asandros and king Asandrokhos as one man. Aspurgos owns the royal title in the inscription and bears the epithet “friend of the Romans”. It is obvious that he received the title and concluded an alliance with Rome earlier than AD 6/7. It is known that in the Bosporan gold coins are minted with monograms Δ , Δ , Δ from 9/8 BC – AD 9/10 (Fig. 1). As many scholars believe, the name of Dynamia hides in the monograms. However, the last three years of issue of the coins with the monograms fall on the documented years of the reign of Aspurgos from AD 6/7 – 9/10. These data give ground for the conclusion that the coinage of gold coins marked

the monograms took place during the reign of Aspurgos. The issue of gold coins with the monograms KNE (Fig. 4), ΠΑΡ, ΠΑ in the Bosphorus from AD 10/11 – 13/14 also falls on the reign of Aspurgos. In 9/8 BC Aspurgos, using the support of the Aspurgianai and, as the author thinks, the Syrako-Meotians, eliminated the Roman protégé Polemon I (14 – 9/8 BC), who ruled the Bosphorus. Since Aspurgos occupied the Bosporan throne against the will of Augustus. The lord of Rome forbade Aspurgos not only to indicate his portrait and his monogram on Bosporan gold coins, but also, as it is assumed, to mention the name of his father Asandros in official documents. The possible course of strong position of Augustus conceals in that these two Bosporan lords were guilty of eliminating three Roman henchmen (Mithridates of Pergamon, Scribonius, Polemon) on the Bosporan throne. The name Asandros (=Asandrokhos) was forgotten in the history of the Bosphorus. The Bosporan kings Kotis I, Reskuporides I, Sauromates I traced their origin to Aspurgos. So well, the new documentary evidence confirms the hypothesis that Aspurgos ruled to the Bosporan kingdom from 9/8 BC – AD 38. He was the legitimate heir, the son of Asandros and Dynamis. Aspurgos spent most of AD 14 in Rome, as he was looking for a meeting with Augustus. He returned to the Bosphorus in the early of October of AD 14. One of the reasons for his trip was the desire to obtain the consent of Augustus to marry Gepaiyria, the Thracian princess and the granddaughter of Polemon I and Antonina Tryphena. The marriage may have been sanctioned by Augustus and confirmed by Tiberius. Tiberius allowed Aspurgos put his royal monogram **ΒΑΡ** on the Bosporan gold coins, and on the reverse side of the copper coins – a portrait of Aspurgos. It is possible before his marriage to Gepaiyria in AD 15/16 Aspurgos was married to a Syracian princess. It was probably she was an offspring of Mithridates Eupatoros or his son Pharnakes. This dynastic alliance was the result of the allied relations between Aspurgos and the Syrako-Meotians, lived on the right bank of the Kuban near the northeastern borders of the Bosphorus. They provided significant support to Aspurgos in his struggle for the Bosporan throne with Polemon. It was this military-political alliance, sealed by the marriage of Aspurgos and the Syracian princess, which forced Augustus, as it seems, to keep the royal throne for the recalcitrant Bosporan. Many scholars have believed that Mithridates III and Kotis I were born in wedlock of Aspurgos and Gepaiyria. However, after the death of Aspurgos in AD the late 37 – the early 38 year, Gepaiyria occupied the Bosporan throne. It is in all probability, Mithridates, the eldest son of Aspurgos, left the Bosphorus in that time because of his voyage to Rome. A number of researchers have believed that this happened due to the infancy of the royal heirs. The image of king Mithridates III, containing on the front side of the Bosporan copper coins of AD 39 year, refutes this opinion (Fig. 5). The king depicts as a mustachioed and bearded man, with long hair. The iconography of the king's portrait corresponds to the age category "an adult man", according to ancient canons over 25 years old. The image gives reason to believe that Mithridates was born before the marriage of Aspurgos and Gepaiyria. It is apparently that Mithridates III was born in the marriage of Aspurgos and the Syracian princess. He was the last representative of the "Pontic" line of the royal family of the Bosphorus in AD I century.

В. Г. Зубарев, К. О. Маркова
(Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого, г. Тула)

Амфоры C Snr I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» (1996–2022 гг.)

Необходимость данной публикации вызвана двумя обстоятельствами. *Во-первых*, количество найденного в ходе раскопок городища «Белинское» амфорного материала, включающего развалы, горла, фрагменты венчиков, ручек и ножек амфор C Snr I/100 по И. Б. Зеест («Делакеу»), применительно к достаточно узкому временному отрезку (первая четверть IV в. н. э.) существенно превышает долю прочих типов амфор этого времени (примерно 60% от общего числа амфорного материала). Частично он опубликован [Юрочкин, Зубарев 2001, 454–473; Зубарев 2005, 80–89; Зубарев, Шапцев 2014, 190–196; Зубарев, Шапцев 2016, 86–106; Зубарев 2021, 178–198], однако полной картины эти публикации не отражают. *Во-вторых*, в настоящее время по результатам раскопок в восточной части городища существенно пересмотрена датировка отдельных культурных слоёв и связанных с ними объектов. В первую очередь это касается третьего периода в истории городища. Между тем, предыдущие публикации материалов продолжают активно использоваться (примером может служить недавняя статья А. В. Сазанова [2022, 103–107, 114]). Отсюда возникла необходимость в определённой корректировке.

Нет надобности в рамках данной статьи подробно останавливаться на обширной литературе, посвящённой типологии и хронологии амфор типа C Snr I («Делакеу»). Эти вопросы в разное время затрагивали И. Б. Зеест [Зеест 1960, 120, табл. XXXIX. 100], Э. А. Рикман [Рикман 1967, 194, рис. 18, 1], Г. Кузманов [Кузманов 1973], Б. Бёттгер [Böttger 1982], В. В. Крапивина [Крапивина 1993], А. П. Абрамов [Абрамов 1993], А. В. Сазанов [Сазанов 1999, 224–293], А. Опайт [Opait 2004], Б. В. Магомедов [Магомедов 2006, 52–59]. Анализ этих и других работ дан в монографии О. В. Шарова [Шаров 2007, 96–106]. Современная историография опирается на работы Д. Кассаба Тезгера [Kassab Tezgör 2010; 2021] и рассматривается А. В. Смокотиной [Смокотина 2020, 515–516] и А. В. Сазановым [Сазанов 2022, 91–96].

Итак, амфорный материал сельских поселений Европейского Боспора позднеантичного времени, на наш взгляд, несколько недооценен. Это связано как с недостаточно быстрым введением его в научный оборот, так и с относительно пренебрежительным к нему отношением. Между тем, это огромный пласт «исходного» материала, который

может существенным образом повлиять на наши представления о хронологии памятников этого времени. По справедливому замечанию А. В. Сазанова, при построении типологии и особенно определении дат следует «идти по пути анализа только амфор датированных контекстов», опираясь при этом на общую типологию, основанную на музейных коллекциях [Сазанов 2022, 96]. И сельские поселения могут представить такие контексты.

Городище «Белинское», расположенное в Восточном Крыму в 4 км от побережья Азовского моря и в непосредственной близости от северного участка Узунларского вала, является одним из наиболее крупных сельских поселений, существовавших как в римский, так и в позднеантичный период [Зубарев 2021, 178–198]. Коллекция амфорного материала типа С Snp I («Делакеу») из раскопок 1996–2022 годов насчитывает 306 экземпляров. Она включает 6 развалов целых форм амфор, 10 горл и крупных фрагментов горл, 202 фрагмента венчиков, 49 фрагментов ручек и 39 ножек. Распределение соответствующих находок по исследованной территории неравномерно. Больше всего их приходится на раскоп «Северный» (166) и «Восточный» (93). С южного участка происходят 33 фрагмента, с центрального – 10, а в западной части городища не найдено ни одного фрагмента амфор этого типа.

Каталог амфор С Snp I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское»

Развалы целых форм амфор.

АР 1 (рис. 1. 2)¹. Развал амфоры. Верхняя часть имеет двухчастный венчик. Поверхность его слегка вогнутая, с желобком; контур венчика отогнут наружу. Горло цилиндрическое. Ручки расставлены широко, уплощенные в сечении, с одним валиком. Дно коническое, подтреугольное.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9; h – 14, ручка – 4,2×2,3; Н – 7².

Место находки: раскоп «Восточный» (2013), яма 117 (верхняя часть), слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс II, тип 4, вариант Б по О. В. Шарову.

АР 2 (рис. 1. 8). Развал амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком, выделена при помощи налепного валика с еле заметным гребнем в месте его соединения с венчиком. Желобок на валике. Контур венчика загнут внутрь. Цилиндрическое, вытянутое, желобчатое в нижней части горло. Вертикальные ручки овальные в сечении с одним валиком. Дно коническое, подтреугольное.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 8; h – 16,3; ручка – 3,5×2,6; Н – 5,2.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2013). Яма 117 (верхняя часть), слой жёлто-коричневого суглинка.

Аналогии: [Яшина 2015, 126, рис. 3. 1].

Морфологический класс II, тип 3, вариант Б (?) по О. В. Шарову.

¹ АР 1 – развал амфоры № 1. Рисунки к статье выполнены К. О. Марковой.

² Дв – диаметр венчика, h – высота горла, Н – высота ножки. Размеры даны в сантиметрах.

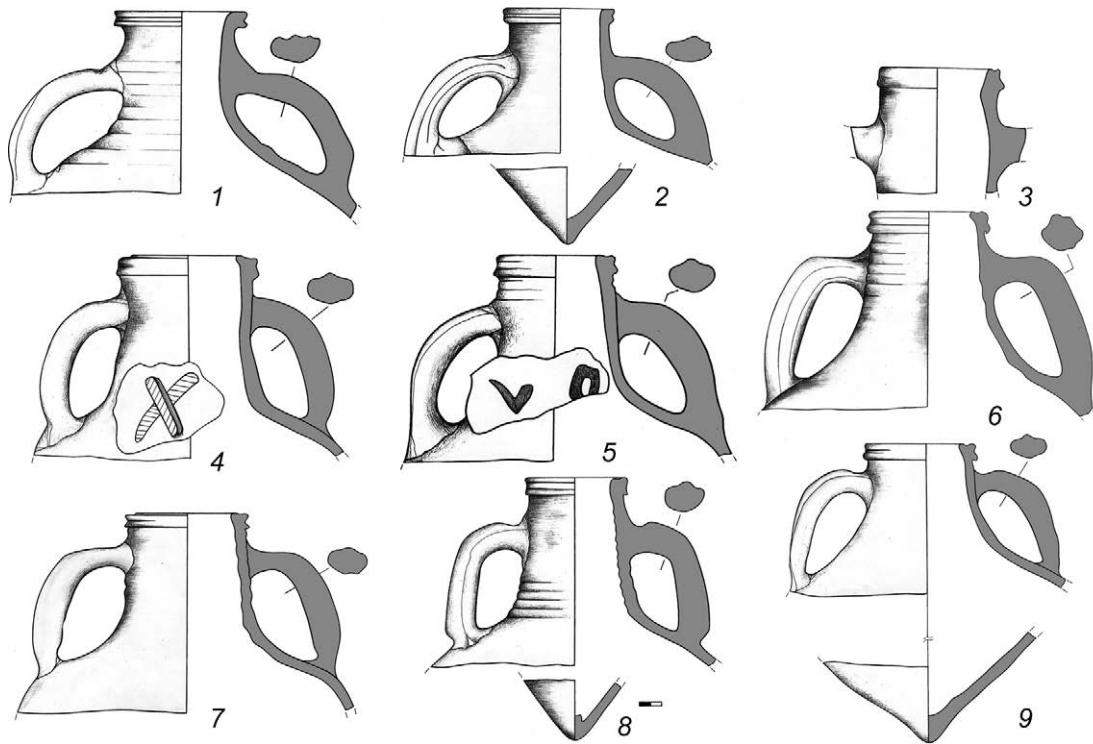

Рис. 1. Амфоры С Spn I («Делакеу»).
Развалы целых форм и горла

АР 3 (рис. 1. 9). Развал амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком выделена при помощи налепа валика с гребнем в месте его соединения с венчиком. Желобок на валике. Контур венчика загнут внутрь. Ручки в сечении овальные с одним валиком. Коническое подтреугольное дно с более пологими стенками.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9; h – 19; ручка – 3,5×2,3; Н – 6,6.

Место находки: Раскоп «Северный» (2004). Пол помещения 10.

Морфологический класс I, тип 1, вариант А по О. В. Шарову.

АР 4 (рис. 2. 1). Развал амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком, выделена при помощи налепа валика с гребнем в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Контур венчика загнут внутрь. Цилиндрическое широкое пухлое горло. Ручки уплощенные в сечении без ярко выраженного валика. Подтреугольное дно с более пологими стенками. В верхней части тулова виден стык между горлом и туловом. Граффито в виде насечек на перегибе ручек (торговая метка).

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9; h – 16,8; ручка – 4×2,2; Н – 12.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2014). Яма 117 (нижняя часть), слой жёлто-коричневого суглинка с примесью золы и раковин мидий.

Морфологический класс по О. В. Шарову точно не определяется, но ближе ко II классу. Дно – к I классу.

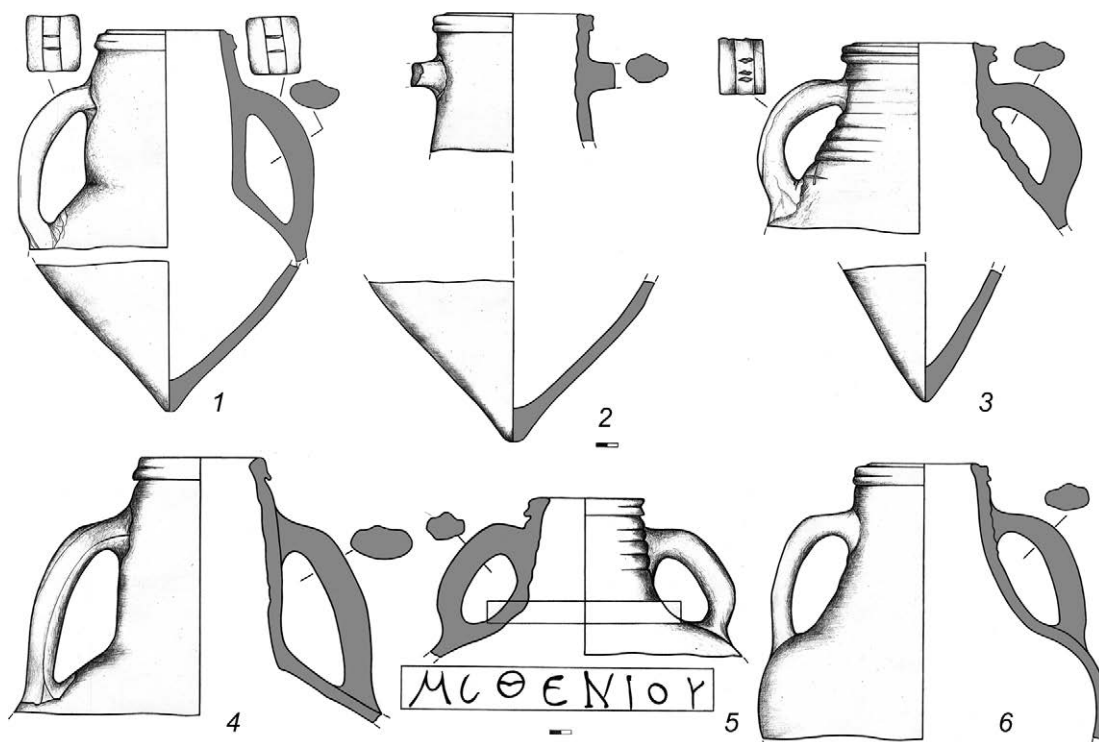

Рис. 2. Амфоры С Spn I («Делакеу»).
Развалы целых форм и горла

АР 5 (рис. 2. 2). Развал амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком, образованным при помощи налепа валика. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой. Горло широкое цилиндрическое желобчатое. Ручки в сечении с одним валиком. Широкое коническое дно.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв - 10,3; h - 11; ручка - 3,3×2,3; Н - 12,8.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2014). Яма 117 (нижняя часть), слой жёлто-коричневого суглинка с примесью золы и раковин мидий.

Морфологический класс I, тип 1, вариант Б по О. В. Шарову.

АР 6 (рис. 2. 3). Развал амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком выделена при помощи налепа толстого валика с заметным гребнем в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Контур венчика слегка загнут внутрь. Горло утолщенное и расширяется книзу. Покатые «плечи». Ручки овальные в сечении с одним чуть выделенным валиком. Имеет два граффити в виде насечек: одно на перегибе ручки, второе на горле (торговые метки).

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв - 10; h - 15,5; ручка - 4,1×2,4; Н - 11.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2013). Яма 117 (верхняя часть), слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс I, тип 1, вариант Б по О. В. Шарову.

Горла амфор или их большие фрагменты.

АГ 1 (рис. 1. 1)³. Горло амфоры. Верхняя часть имеет двухчастный венчик, верхняя поверхность которого вогнута. Наружная поверхность венчика имеет желобок. Контур венчика прямой. Цилиндрическое желобчатое горло. Широко расставленные ручки, уплощенные в сечении, с двумя валиками.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9,5, h – 14,2, ручка – 4×2,1.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2013). Яма 117 (верхняя часть), слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс I, тип 2, вариант А по О. В. Шарову.

АГ 2 (рис. 1. 4). Горло амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком выделена при помощи налёпа валика с гребнем в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Контур венчика сильно загнут внутрь. Цилиндрическое вытянутое горло. Вертикальные ручки слегка уплощенные в сечении с одним намеченным валиком. На горле дипинто красной краской в виде креста (торговая метка).

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9,3, h – 15, ручка – 3,5×2,3.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2014). Яма 133, слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс II, тип 4, вариант А по О. В. Шарову.

АГ 3 (рис. 1. 5). Горло амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком выделена при помощи налёпа валика с гребнем в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Контур венчика прямой. Цилиндрическое вытянутое желобчатое в верхней части горло. Вертикальные ручки овальные в сечении с одним валиком. На горле дипинто красной краской в виде букв v и o (торговые метки).

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9; h – 13,5, ручка – 4×3,1.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2014). Яма 117 (нижняя часть), слой жёлто-коричневого суглинка с примесью золы и раковин мидий.

Морфологический класс I, тип 2, вариант А по О. В. Шарову.

АГ 4 (рис. 1. 6). Горло амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком выделена при помощи налёпа валика с еле заметным гребнем в месте соединения валика с венчиком. Наружная поверхность венчика оформлена желобком на валике. Контур венчика загнут внутрь. Цилиндрическое вытянутое желобчатое горло. Вертикальные ручки овальные в сечении с двумя валиками.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9,3; h – 17; ручка – 3,7×3,6.

Место находки: Раскоп «Северный» (2000). Пол помещения 8.

Морфологический класс I, тип 2, вариант А по О. В. Шарову.

АГ 5 (рис. 1. 7). Горло амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком выделена при помощи налёпа валика с еле заметным гребнем в месте его соединения с венчиком.

³ АГ 1 – горло амфоры № 1

Желобок на валике. Контур венчика прямой. Цилиндрическое вытянутое желобчатое горло. Вертикальные ручки овальные в сечении без ярко выраженного валика.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9; h – 17,4; ручка – 3,5×2,4.

Место находки: Раскоп «Северный» (2002). Помещение 16, слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс I, тип 2, вариант А по О. В. Шарову.

АГ 6 (рис. 2. 4). Горло амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком. Поверхность овальная. Контур венчика загнут внутрь. Цилиндрическое высокое широкое пухлое горло. Ручки овальные в сечении без ярко выраженного валика.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9, h – 27,7 ручка – 4,7×2,6.

Место находки: Раскоп «Северный». Золистый суглинок (вне строительных остатков).

Аналогии: [Смокотина 2020, 546. рис. 7. 1].

Морфологический класс II, тип 4, вариант А по О. В. Шарову.

АГ 7 (рис. 2. 5). Горло амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком. Сверху «поверхность» овальная. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой. Горло утолщенное, короткое, желобчатое, расширяющейся книзу. Ручки в сечении с одним валиком. На горле дипинто красной краской: ΜΙΘΕΝΙΟΥ (имя торговца [Сапрыкин, Масленников 2007, 79]).

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 10; h – 15; ручка – 3,5×2,5.

Место находки: Раскоп «Северный» (2000). Пол помещения 8.

Морфологический класс I, тип 1, вариант Б по О. В. Шарову.

АГ 8 (рис. 2. 6). Горло амфоры. Верхняя часть с двухчастным венчиком, образованным при помощи налепа толстого валика. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой. Горло широкое, расширяющейся книзу. Тонкие ручки в сечении с одним валиком.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9; h – 23; ручка – 3,3×2.

Место находки: Раскоп «Северный» (2004). Пол помещения 19.

Морфологический класс I, тип 2, вариант А по О. В. Шарову.

АГ 9 (рис. 3. 10). Большой фрагмент короткого, расширяющегося книзу горла амфоры. Венчик двухчастный образован при помощи налепа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика резко загнут внутрь, на внешней стороне имеет ребро. Ручки овальные в сечения с гранями.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9; h – 15,5; ручка – 3,7×2,2.

Место находки: Раскоп «Северный» (2000). Помещение 8, слой жёлто-коричневого суглинка.

Аналогии: [Сазанов 2022, 117. рис. 12. 2].

Морфологический класс I, тип 8, вариант А по О. В. Шарову.

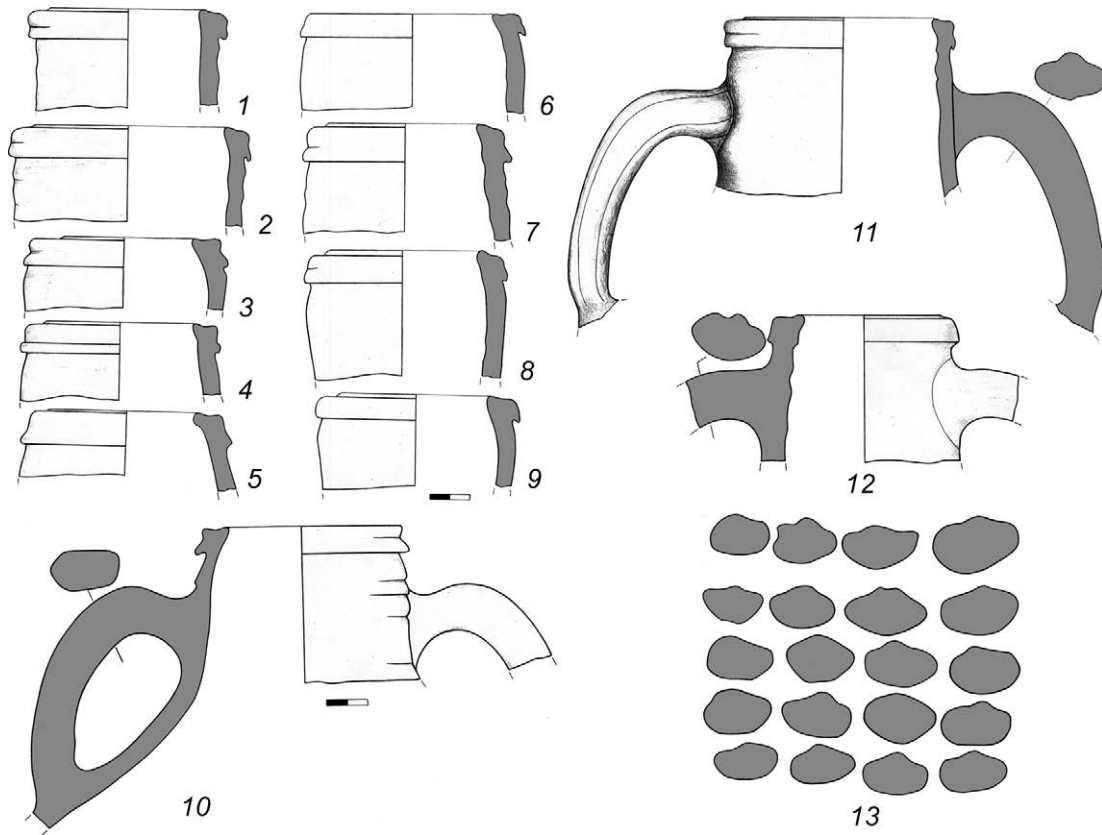

Рис. 3. Амфоры С Spn I («Делакеу»).
Горла, фрагменты венчиков и ручек

АГ 10 (рис. 3. 11). Большой фрагмент горла амфоры цилиндрической формы. Венчик двухчастный образован при помощи налепа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой желобчатый. Ручки вертикальные, в сечении овальные с одним желобком.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 10; h –?; ручка – 3,8×2,5.

Место находки: Раскоп «Северный» (2000). Помещение 8, слой жёлто-коричневого суглинка.

Аналогии: [Сазанов 2022, 108, рис. 6. 1].

Морфологический класс II, тип 11, вариант Б по О. В. Шарову.

Фрагменты венчиков амфор.

АФ 1 (рис. 1. 3)⁴. Фрагмент венчика амфоры. Двухчастный, выделенный при помощи налепа валика с гребнем на месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Контур венчика изогнут.

⁴ **АФ 1** – фрагмент амфоры № 1. При наличии нескольких идентичных фрагментов в каталоге указано количество фрагментов аналогичных фрагменту, включённому в каталог.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 11.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2014). Яма 117 (верхняя часть), слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс II по О. В. Шарову (?)

АФ 2 (рис. 3. 1). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой.

Размеры: Дв – 8.

Глина светло-красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Место находки: Раскоп «Северный» (2001). Слой жёлто-коричневого суглинка (вне строительных остатков).

Морфологический класс 1, тип 7А по О. В. Шарову.

АФ 3 (рис. 3. 2). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика слегка загнут внутрь.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 6.

Размеры: Дв – 10.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2018). Расчистка стены № 151.

Аналогии: [Смокотина 2020, 548, рис. 9. 9].

Морфологический класс 1, тип 10Б по О. В. Шарову.

АФ 4 (рис. 3. 3). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика загнут внутрь.

Размеры: Дв – 8.

Глина светло-красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Место находки: Раскоп «Северный». Помещение 8. Слой жёлто-коричневого суглинка.

Аналогии: [Смокотина 2020, 548, рис. 9. 12, 13].

Морфологический класс 1, тип 8А по О. В. Шарову.

АФ 5 (рис. 3. 4). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 8.

Место находки: Раскоп «Восточный» (2015). Слой жёлто-коричневого суглинка (вне строительных остатков).

Аналогии: [Смокотина 2020, 547, рис. 8, 8].

Морфологический класс 1, тип 8? По О. В. Шарову.

АФ 6 (рис. 3. 5). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи толстого налёпа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Венчик сильно расширяется книзу. Внутренний контур имеет закраину и резко загнут внутрь.

- Глина светло-красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.
Размеры: Дв – 8.
Место находки: Раскоп «Северный» (2002). Жёлто-коричневый суглинок (вне строительных остатков).
Морфологический класс 1, тип 8А по О. В. Шарову.
- АФ 7** (рис. 3. 6). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Желобок на валике. Внутренний контур загнут внутрь.
Количество идентичных фрагментов: 8.
Размеры: Дв – 9,8.
Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.
Место находки: Раскоп «Восточный» (2018). Помещение 55, слой жёлто-коричневого суглинка.
Морфологический класс 1, тип 9 (?) по О. В. Шарову.
- АФ 8** (рис. 3. 7). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой.
Глина светло-красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.
Количество идентичных фрагментов: 4.
Размеры: Дв – 8,2.
Место находки: Раскоп «Северный» (2000). Помещение 8. Слой жёлто-коричневого суглинка.
Аналогии: [Смокотина 2020, 548, рис. 9. 2].
Морфологический класс 1, тип 8А по О. В. Шарову.
- АФ 9** (рис. 3. 8). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи толстого налёпа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Без желобка на валике. Внутренний контур венчика прямой.
Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.
Количество идентичных фрагментов: 2.
Размеры: Дв – 8.
Место находки: Раскоп «Восточный» (2018). Помещение 55. Жёлто-коричневый суглинок.
Аналогии: [Смокотина 2020, 548, рис. 9.4].
Морфологический класс II, тип 12 по О. В. Шарову.
- АФ 10** (рис. 3. 9). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Верхняя «поверхность» слегка вогнута. Без желобка на валике. Внутренний контур венчика прямой.
Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.
Размеры: Дв – 8.
Место находки: Раскоп «Северный» (2000). Помещение 8. Слой жёлто-коричневого суглинка.
Аналогии: [Сазанов 2022, 101, рис. 4. 1].
Морфологический класс 1, тип 9Б по О. В. Шарову.

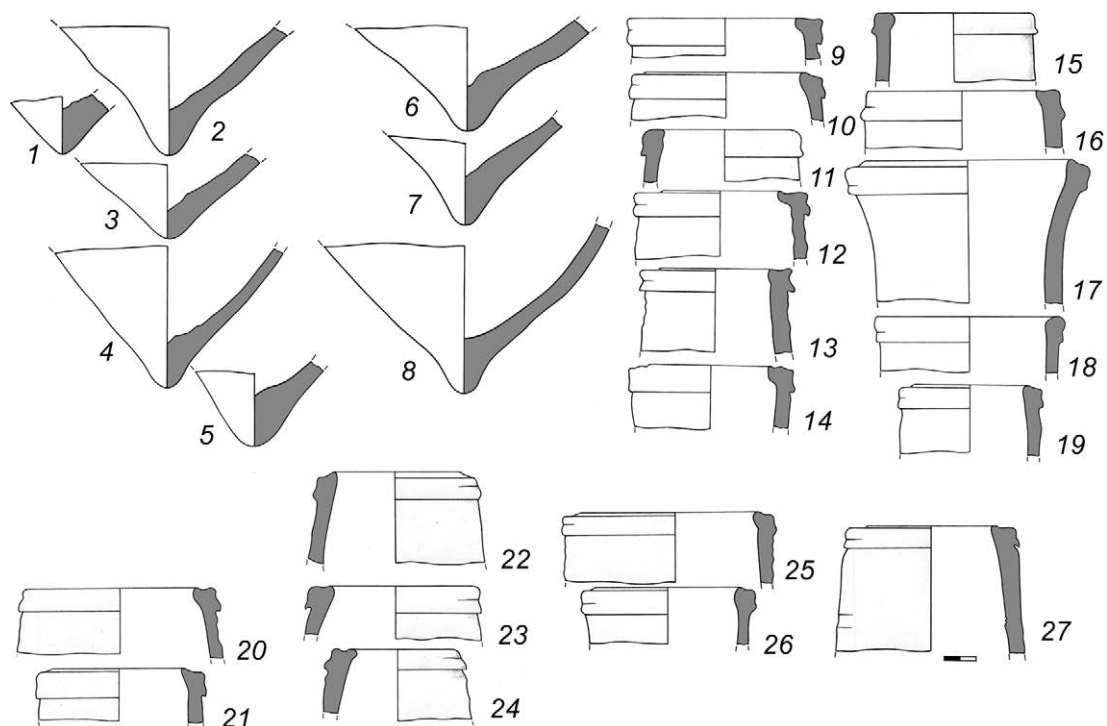

Рис. 4. Амфоры C Spn I («Делакеу»).
Фрагменты венчиков и ножки

АФ 11 (рис. 3. 12). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Внутренний контур венчика прямой. Венчик желобчатый утолщенный. Ручки в сечении овальные с двумя валиками.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 8; ручка – 4,6×3.

Место находки: Раскоп «Северный» (2000). Яма 7.

Морфологический класс 1, тип 9Б по О. В. Шарову.

АФ 12 (рис. 4. 9). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа толстого валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика имеет закраину, резко загнут внутрь.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 17.

Размеры: Дв – 11.

Место находки: Раскоп «Северный» (2000). Помещение 8. Жёлто-коричневый суглинок.

Морфологический класс 1, тип 7В по О. В. Шарову.

АФ 13 (рис. 4. 10). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа толстого валика. Верхняя «поверхность» овальная. Желобок на валике. Внутренний контур венчика загнут внутрь.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 2.

Размеры: Дв – 10,5.

Место находки: раскоп «Восточный» (2012). Слой золистого суглинка (вне строительных остатков).

Аналогии: [Смокотина 2020, 548, рис. 9. 6].

Морфологический класс II по О. В. Шарову.

АФ 14 (рис. 4. 11). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налеса толстого валика. Верхняя «поверхность» овальная. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой.

Глина светло-красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 2.

Размеры: Дв – 9.

Место находки: Раскоп «Северный» (2002). Слой золистого суглинка.

Морфологический класс II по О. В. Шарову.

АФ 15 (рис. 4. 12). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налеса валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внешний контур желобчатый. Внутренний контур имеет закраину, резко загнут внутрь.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 25.

Размеры: Дв – 8.

Место находки: Раскоп «Северный» (2001). Слой жёлто-коричневого суглинка (вне строительных остатков).

Морфологический класс 1, тип 7В по О. В. Шарову.

АФ 16 (рис. 4. 13). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налеса валика. Верхняя «поверхность» вогнутая. Желобок на валике. Венчик расширяется книзу. Внешний контур желобчатый. Внутренний контур имеет закраину, резко загнут внутрь.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 2.

Размеры: Дв – 7,5.

Место находки: раскоп «Северный» (2001). Помещение 10. Слой жёлто-коричневого суглинка.

Аналогии: [Смокотина 2020, 548, рис. 9. 10].

Морфологический класс 1, тип 7А по О. В. Шарову.

АФ 17 (рис. 4. 14). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налеса валика. Верхняя «поверхность» неровная, вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика имеет закраину, резко загнут внутрь.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 8.

Место находки: раскоп «Южный» (2007). Слой жёлто-коричневого суглинка (вне строительных остатков).

Морфологический класс 1, тип 9А по О. В. Шарову.

АФ 18 (рис. 4. 15). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа толстого валика. Верхняя «поверхность» овальная. Желобок на валике. Внутренний контур венчика загнут внутрь.

Количество идентичных фрагментов: 11.

Размеры: Дв – 9,5.

Глина светло-красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка. Место находки: раскоп «Северный» (2001). Помещение 5. Яма 7. Слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс II по О. В. Шарову.

АФ 19 (рис. 4. 16). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа толстого валика. Верхняя «поверхность» плоская. Вверху слабо выраженный гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика слегка загнут внутрь.

Количество идентичных фрагментов: 9.

Размеры: Дв – 11.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка. Место находки: раскоп «Северный» (2000). Помещение 8. Слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс 1, тип 9В по О. В. Шарову.

АФ 20 (рис. 4. 17). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике, Внутренний контур венчика изогнут, сужается книзу.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 13,5.

Место находки: раскоп «Северный» (2002). Помещение 10. Яма 19. Жёлто-коричневый суглинок.

Морфологический класс II по О. В. Шарову.

АФ 21 (рис. 4. 18). Фрагмент венчика амфоры. Выделен без помощи налепа валика и отогнут наружу. Верхняя «поверхность» овальная, без желобка на венчике. Внутренний контур венчика прямой.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 4.

Размеры: Дв – 11,6.

Место находки: раскоп «Северный» (2005). Яма 68. Золистый суглинок.

Морфологический класс II по О. В. Шарову.

АФ 22 (рис. 4. 19). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа толстого валика. Вверху еле заметный гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 2.

Размеры: Дв – 7,5.

Место находки: раскоп «Восточный» (2019). Помещение 55 (зачистка пола).

Морфологический класс 1, тип 9В по О. В. Шарову.

АФ 23 (рис. 4. 20). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика загнут внутрь, внешний желобчатый.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 19.

Размеры: Дв – 11.

Место находки: раскоп «Восточный» (2017). Слой жёлто-коричневого суглинка (вне строительных остатков).

Морфологический класс 1, тип 10 по О. В. Шарову.

АФ 24 (рис. 4. 21). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике, внутренний контур венчика загнут внутрь.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 23.

Размеры: Дв – 9.

Место находки: раскоп «Восточный» (2018). Помещение 55. Слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс 1, тип 8 по О. В. Шарову.

АФ 25 (рис. 4. 22). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур прямой. Венчик расширяется вниз.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 3.

Размеры: Дв – 8,3.

Место находки: раскоп «Северный» (1999). Помещение 6. Слой жёлто-коричневого суглинка.

Аналогии: [Смокотина 2020, 548, рис. 9. 12].

Морфологический класс 1, тип 8 по О. В. Шарову.

АФ 26 (рис. 4. 23). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа валика. Верхняя «поверхность» слегка вогнута. Желобок на валике. Внутренний контур венчика прямой.

Количество идентичных фрагментов: 2.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Размеры: Дв – 9,5.

Место находки: раскоп «Северный» (1999). Помещение 6. Слой жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс 1, тип 9В по О. В. Шарову.

АФ 27 (рис. 4. 24). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налепа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика загнут внутрь. Ребро на внешней поверхности венчика.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 3.

Размеры: Дв – 7.

Место находки: раскоп «Северный» (1999). Помещение 6. Слои жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс 1, тип 8 по О. В. Шарову.

АФ 28 (рис. 4. 25). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур венчика загнут внутрь. Внешняя поверхность желобчатая.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 2.

Размеры: Дв – 12.

Место находки: раскоп «Северный» (2000). Помещение 8. Слои жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс I по О. В. Шарову.

АФ 29 (рис. 4. 26). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Верхняя «поверхность» слегка вогнутая. Желобок на валике. Внутренний контур венчика загнут внутрь.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 12.

Размеры: Дв – 9,5.

Место находки: раскоп «Восточный» (2012). Разбор каменного завала под слоем дёрна.

Морфологический класс II по О. В. Шарову.

АФ 30 (рис. 4. 27). Фрагмент венчика амфоры. Выделен при помощи налёпа валика. Вверху гребень в месте соединения валика с венчиком. Желобок на валике. Внутренний контур прямой.

Глина красная с примесью пироксена, слюды, железистых частиц и известняка.

Количество идентичных фрагментов: 20.

Размеры: Дв – 8,7.

Место находки: раскоп «Восточный» (2018). Помещение 55. Слои жёлто-коричневого суглинка.

Морфологический класс 1, тип 7А по О. В. Шарову.

Фрагменты ручек амфор.

АФ 31 (рис. 3. 13). Общее количество фрагментов ручек амфор C Spn I («Делакеу») среди находок на городище «Белинское» составляет 49 штук. Как правило, они различаются по двум параметрам.

Во-первых, количеством валиков:

1. В сечении имеет один валик – 69,9%.
2. В сечении имеют два валика – 13,5%.
3. Без ярко выраженного валика в сечении – 18,9%.

Во-вторых, в зависимости от соотношения ширины и толщины:

1. Овальные в сечении – 83,3%;
2. Уплощённые в сечении – 16,7%.

Ножки амфор.

АФ 32 (рис. 4. 1–8). Общее количество найденных на городище «Белинское» ножек амфор типа «Делакеу» составляет 39 штук. Все они имеют в сечении подтреугольную (коническую) форму, но по уровню пологости стенок делятся на две группы.

1. Ножки с менее пологими стенками (рис. 4. 1, 3, 5) – 37,5% от общего числа найденных фрагментов.

Аналогии: [Смокотина 2020, 552, рис. 13. 9, 10, 11; Яшная 2015, 128, рис. 5. 3, 8.].

2. Ножки с более пологими стенками (рис. 4. 2, 4, 6–8) – 62,5% от общего числа найденных фрагментов.

Аналогии: [Смокотина 2020, 552, рис. 13. 2, 3, 5. Яшная 2015, 128, рис. 5. 6, 7].

Рассмотрение отдельных технологических наблюдений, в первую очередь, некоторые отличия в профилировке венчика, горла, ручки, на визуальном уровне позволило выделить шесть морфологических вариантов верхней части амфоры. Эти варианты могли отражать последовательность развития одного типа, либо производиться одновременно несколькими группами гончаров с разными культурными традициями. Определение затрудняется отсутствием строгой стандартизации сосудов в период начала их производства (а может, и всё время), что в целом характерно для позднеримской тары. Поэтому приходится ограничиваться самыми общими определениями на уровне визуальных дефиниций.

Первый вариант амфор имеет схожесть в оформлении внутреннего характера венчика вогнутого наружу большей или меньшей степени (рис. 1. 1–3).

Второй вариант амфор имеет вытянутое горло с рифлением в нижней части и вертикальные ручки (рис. 1. 4–9).

Третий вариант амфор отличается широким горлом, расширяющимся книзу, с покатыми плечами, покрытыми горизонтальными желобками (рис. 2. 3, 5).

Четвертый вариант амфор отличается высоким пухлым горлом (рис. 2. 1, 4).

Пятый вариант амфор отличается широким коротким горлом (рис. 2. 2).

Шестой вариант амфор отличается широким голым и тонкими ручками (рис. 2. 6).

Сопоставление выделенных вариантов с наиболее разработанными к настоящему времени типологиями амфор С Snr I («Делакеу») даёт следующие результаты:

– первый вариант соответствует типу С Snr I-2 по А. В. Сазанову и включает амфоры как морфологического класса I, так и морфологического класса II по О. В. Шарову;

– второй вариант в равных пропорциях соответствует амфорам типа С Snr I-1 и С Snr I-2 по А. В. Сазанову и включает амфоры I-II морфологических классов по О. В. Шарову с преобладанием первого класса;

– третий вариант в равных пропорциях соответствует амфорам типа С Snr I-1 и С Snr I-2 по А. В. Сазанову и включает амфоры I морфологического класса по О. В. Шарову;

– четвёртый вариант соответствует типу С Snr I-2 по А. В. Сазанову и включает амфоры II морфологического класса по О. В. Шарову. Примечательно то, что в одном из развалов амфор наблюдается сочетание признаков двух классов: горло ближе ко II классу, а дно к I (рис. 2. 1);

– пятый и шестой варианты соответствуют С Snr I-2 по А. В. Сазанову и включают амфоры I морфологического класса по О. В. Шарову.

Общая статистика амфорного материала, относящегося к типу C Snp I («Делакеу»), показывает, что среди развалов целых амфор, горл и крупных фрагментов горл преобладают амфоры типа C Snp I-2 по А. В. Сазанову (почти 62,5%). В то же время среди фрагментов большая часть относится к типу C Snp I-1 по А. В. Сазанову. При этом следует отметить, что подавляющее большинство первой категории находок обнаружены на полу или в заполнении ям, связанных с гибелью городища, т. е. отражают финальный момент второго периода в истории поселения (конец первой четверти IV в. н. э.). Прочие же фрагменты, в подавляющем большинстве своём, происходят из слоя вне строительных остатков и из мусорного заполнения хозяйственных ям, что свидетельствует об их более раннем поступлении в обращение. Та же картина наблюдается в соотношении I и II морфологических классов по О. В. Шарову. В случае с развалами амфор и их крупными фрагментами доля амфор второго морфологического класса достигает почти 69%, а в случае с фрагментами она падает до 15%.

А. В. Сазанов датирует амфоры C Snp I периодом от первой четверти IV века до третьей четверти IV века, с окончанием цикла в первой трети V века. При этом хронологическая разница в начале производства амфор C Snp I-1 и C Snp I-2 минимальная и условно может быть определена как начало – первое десятилетие IV века для первого варианта и начало второго десятилетия IV века для второго [Сазанов 2022, 135–136]. Это же положение может быть применено и к выделенным О. В. Шаровым морфологическим классам I и II [Шаров 2007, 171–175].

Что касается отдельных типов внутри морфологических классов, то с точки зрения датирования, их выделение теряет смысл, поскольку в рамках относительно короткого временного отрезка большинство из них соседствуют и это, скорее, свидетельствует об отсутствии жёстких стандартов, чем о последовательной эволюции данного класса амфор. Определённую последовательность можно отметить лишь в отношении венчика. На ранней стадии в сечении он приближается к четырёхугольнику и эволюционирует в сторону постепенного вытягивания по вертикали. При этом, прежде всего, исчезает вогнутый характер верхней образующей линии.

Центры производства найденных на городище «Белинское» амфор C Snp I («Делакеу»), опираясь исключительно на визуально наблюдаемый цвет и состав глиняного теста, однозначно определить невозможно. Все они являются красноглиняными с вариативностью цвета глины от светло-оранжевого до красного различных оттенков. К числу визуально наблюдаемых примесей относятся пироксен, слюда, железистые частицы и известняк. Они отличаются как по размерам, так и количественно. Если опираться на выделенные О. В. Шаровым места и центры потребления, для которых есть данные о составе глины и применяемых отощителей [Шаров 2007, 130–132], то состав теста большей части амфор C Snp I («Делакеу») городища «Белинское» близок к амфорам из Каменки-Анчекрак (Чарняховская культура). В первую очередь – по наличию среди примесей пластинок слюды и кусочков известняка. В то же время, часть амфор по составу глины похожа на глину боспорских амфор.

Из 306 амфор C Snp I («Делакеу») только 24 фрагмента происходят из более позднего, чем первая четверть IV века, слоя⁵. Все они были найдены либо в слое золистого

⁵ По уточнённым данным фрагменты с городища «Белинское», помещённые А. В. Сазановым в контекст второй половины IV в. [Сазанов 2022, 114, рис.10], связаны с контекстом первой четверти IV в.

суглинка, либо в зольнике, перекрывавшем остатки фундамента северо-западной оборонительной стены. Скорее всего, мы имеем дело с примесью «снизу». При этом обращает на себя внимание тот факт, что все найденные в этом контексте фрагменты венчиков имеют овальную внешнюю поверхность (рис. 2. 4; 4. 10-11, 18). В контексте III в. н. э. ни одного фрагмента найдено не было. Это обстоятельство позволяет отнести все, найденные на данный момент на городище «Белинское» амфоры С Snp I («Делакеу») (или, по крайней мере, подавляющее большинство из них) к первой четверти IV в. н. э. При этом доминирование типа С Snp I-1 отражает ситуацию на начало четверти, доминирование типа Snp I-2 на её конец.

И последнее, на чём мы хотели бы остановиться, это территориальная локализация находок амфор С Snp I («Делакеу») на площади городища и возможное их предназначение. Как уже отмечалось выше, основная часть находок приходится на северный и восточный участки, которые являются наиболее удалёнными от самого опасного для городища со стороны степи юго-западного направления. Можно предположить, что именно здесь находились основные запасы продовольствия и прочих необходимых вещей для размещённого на городище гарнизона (а то, что такой имелся, сомнений нет, учитывая мощность оборонительных сооружений и близость Узунларского вала). Применительно к амфорам С Snp I («Делакеу») это означает, что мы имеем дело с достаточно большой единовременно поставленной партией. Косвенным подтверждением этому может служить обилие торговых меток на амфорах, имя торговца (ΜΕΘΕΝΙΟΥ) и даже возможное указание на то, что в этих амфорах хранилось – Ο (ΙΝΟΣ) – «вино» [Сапрыкин, Масленников 2007, 79]⁶.

Особый интерес в этой связи представляют несколько развалов и крупных фрагментов амфор С Snp I («Делакеу»), найденных в заполнении ямы № 117 в восточной части городища. Все они ранее уже были опубликованы [Зубарев, Шапцев 2016, 86–106], однако без учёта стратиграфии грунта заполнения ямы, а последняя весьма показательна.

Здесь чётко выделяются три уровня. Самый нижний представлял собой сформированный на основе суглинка сброс мусора с большим содержанием золы и мелких обломков раковин мидий. В нём помимо двух развалов (рис. 2. 1–2) и горла (рис. 1. 5) амфор С Snp I («Делакеу») присутствовало большое количество фрагментов тарной посуды (среди которых отметим профилированные части амфор типа 72 и 77 по И. Б. Зест) и фрагмент лепной корчаги.

Мусорный сброс был перекрыт небольшой (0,1 м) прослойкой того же суглинка с примесью золы, мелких кусочков древесного угля и обломков раковин мидий, но без какого-либо керамического материала. По верхнему горизонту прослойка была хорошо выровнена и утрамбована, т. е., скорее всего, использовалась в качестве дна верхней части ямы. На этом дне были найдены *in situ* развалы трёх амфор С Snp I («Делакеу») (рис. 1. 2, 8; 2. 3). В грунте заполнения верхней части ямы (жёлто-коричневый суглинок) были обнаружены горло (рис. 1. 1) и фрагмент венчика (рис. 1. 3) этого же типа амфор и монета Рескупорида VI, датированная 324/325 гг.

⁶ По уточнённым данным все дипинты на амфорах «Делакеу» из раскопок городища «Белинское», опубликованные С. Ю. Сапрыкиным и А. А. Масленниковым относятся к первой четверти IV в. н. э.

Привязка, найденных в яме № 117, амфор С Snp I («Делакеу») к стратиграфическому разрезу грунта её заполнения, позволяет сделать вывод о том, что часть амфор из этой партии уже была выведена из обращения и утилизирована вместе с прочим мусором. Другая часть продолжала функционировать и храниться внутри хозяйственных построек, а также в хозяйственных ямах в восточной и северной частях городища. Остатки этой партии зафиксированы на момент гибели поселения, т. е. на конец первой четверти IV века. Резкое исчезновение амфор С Snp I («Делакеу») в более позднее время связано с длительным периодом запустения поселения (как минимум до конца IV в. н. э.).

Список литературы

- Абрамов А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3. М., 4–135.
- Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 187.
- Зубарев В. Г. 2005. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское») // БИ. X, 80–89.
- Зубарев В. Г. 2021. О датировке античных и раннесредневековых слоёв на городище «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. 26, 178–198.
- Зубарев В. Г., Шапцев М. С. 2014. Комплекс с амфорами типа С Snp I («Делакеу») из раскопок городища «Белинское» // БЧ. XV, 190–196.
- Зубарев В. Г., Шапцев М. С. 2016. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища «Белинское» // БИ. XXXII, 86–106.
- Крапивина В. В. 1993. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, 184.
- Кузманов Г. 1973. Типология и хронология на ранневизантийские амфоры (IV–VI в.) // Археология. Кн. 1, 14–21.
- Магомедов Б. В. 2006. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 52–59.
- Рикман Э. А. 1967. Черняховское селище Делакеу (Молдавия) (МИА. 139). М., 196.
- Сазанов А. В. 1999. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. VII, 224–293.
- Сазанов А. В. 2022. Амфоры С SNP I: проблемы классификации и хронологии // ПИФК. 1, 90–144.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ. Suppl. 1), 320.
- Смокотина А. В. 2020. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Т. III (БИ. Suppl.), 509–618.

- Шаров О. В. 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римским импортом. СПб, 208.
- Юрочкин В. Ю., Зубарев В. Г. 2001. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища «Белинское» // ДБ. 4, 454–473.
- Яшная О. С. 2015. Амфоры типа Делакеу из раскопок Мангупа // ПИФК. № 3, 120–139.
- Böttger B. 1982. Die Gefäßkeramik aus dem Kastel Jatrus // Jatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Bd. II. Berlin, 33–148.
- Kassab Tezgör D. 2010. Typologie des amphores simnopéennes entre le IIIe s. et le VIe s. ap. J. C.", in: D. Kassab Tezgör (éd.) // Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope (Varia Anatolica. XXII). Istanbul-Paris, 423–442.
- Kassab Tezgör D. 2010a. Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci // Varia Anatolica. XXII, 95–104.
- Opait A. 2004 Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th centuries AD). Oxford, 137.

Summary

V. G. Zubarev, K. O. Markova
C Snp I amphorae ("Delacau") from the excavations
of the ancient settlement Belinskoe (1996–2022)

The article is the first to publish in full the finds of C Snp I ("Delacau") amphorae from the excavations of the ancient settlement Belinskoe in 1996–2022. Their collection consists of 306 specimens. It comprises 6 whole amphorae, 10 necks and large fragments of necks, 202 fragments of rims, 49 fragments of handles and 39 fragments of amphorae feet. The authors publish a catalogue of the finds and analyse the circumstances of their discovery. The work distinguishes 6 variants of amphorae, which are compared with the classifications of A. V. Sazanov and O. V. Sharov. The collection contains two types of amphorae by A. V. Sazanov (C Snp I-1 and C Snp I-2), corresponding to two morphological classes (MK-I and MK-II) by O. V. Sharov. Both types of amphorae are found on the "Belinskoe" site in the first quarter of the 4th century A. D. C Snp I-1 type predominates at the beginning of the period. C Snp I-2 type dominates at the end of the period. The presence of a large amphorae consignment at the site is related to the supply of the military contingent present there. The sudden disappearance of C Snp I ("Delacau") amphorae is related to the long period of abandonment of the settlement, which occurred immediately after its demise at the end of the first quarter of the 4th century AD.

А. В. Иванов*, Н. И. Сударев**

(* ООО «Южный региональный центр
археологических исследований, г. Краснодар;

** Институт археологии РАН, г. Москва)

Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике древней Греции и на Боспоре

Сырцовый кирпич является одним из важных элементов строительной традиции, принесенной на Боспор греческими колонистами и активно применявшийся здесь в различных сооружениях на протяжении всей античной эпохи. Нам уже приходилось касаться этой темы [Иванов, Сударев 2017, 176–180], аргументируя свой взгляд на проблему многочисленными сведениями об использовании сырца в древнегреческой строительной практике. Побуждающих факторов непосредственно заняться погребальной сырцовой архитектурой несколько, но первостепенным из них, пожалуй, является то, что данная тема, не в полной мере освещена в нашей литературе, а некоторые выводы к настоящему времени серьезно устарели и требуют переоценки. В единственной специальной работе о сырцовом кирпиче В. Д. Кузнецова [2015, 282–294] приводятся сведения о его использовании в Фанагории в архаическое и раннеклассическое время, и одновременно с этим анализирует дошедшие до нас письменные источники (что избавляет нас в данной работе от детального их обзора), в которых упоминается сырец.

Но вначале следует разобраться в терминах и отметить некоторые качества сырца как строительного материала. Сырец или сырцовый кирпич в целом имеет лишь одно толкование в архитектуре – это кирпич из необожжённой глины [Плужников 1995, 116]. Идентично толкуют этот термин и в археологии – кирпич, не подвергавшийся обжигу, в областях сухого климата, где не хватает топлива для обжига, кирпич, высушенный на солнце [Брей, Трамп 1990, 237–238]. Универсальной формулы при создании массы для сырцовых кирпичей не существует. В разных регионах и странах использовались разные глины и связующие присадки от древесной стружки и простой травы до навоза, от шамота до железняка¹, но чаще использовалась солома. Неслучайно, например, в тюркских языках *саман* (одно из названий сырцового кирпича) буквально значит

¹ На некрополе поселения Виноградный 7, были встречены кирпичи, в которых в качестве наполнителя использовался железняк [Сударев, Кашиев 2018, 478].

«мелко истертая солома». В зарубежной литературе часто саман является синонимом сырца, и используется наряду с терминами mud brick, mattone crudi, kerpiç (qerpiç), chirpic, Lehmziegel, Ωμές Πλίνοι, кирпич (болг.)² и т. д. [Ginouvés, Martin 1985, 53, № 2.1.2].

Необходимо отметить, что сырцовые строения, несомненно, обладают рядом преимуществ перед другими видами строительного материала в силу большей простоты и экономичности, а также таких полезных свойств, как сохранение тепла в холодное время года и прохлада в жаркое [Кузнецов 2015, 282]. Однако им же присущи и недостатки, среди которых особо выделяются низкая влагостойкость (часто требуется оштукатуривание внешней поверхности или другая защита от сырости), а также то, что в таком материале, ввиду его пористости и наполнения органикой, могут жить грызуны, насекомые, различные формы грибов, плесени и т. д.³

Истоки сырцового домостроительства на территории Греции уходят своими корнями в неолит и зафиксированы на таких памятниках, как Сескло, Димини в Фессалии, Диспилио в Кастории, Лерна в Арголиде, Дакили Таш в Македонии и многих других с датами 6000–3000 гг. до н. э. [Adrymi-Sismani 1990, 21–30; Morachiello 2003, 27–28; Valamoti 2015, 35–38]. Первые постройки здесь сооружались из ветвей и земли, которые позже превратились в строения из сырцового кирпича. Как отмечают исследователи, этот переход означал важное культурное развитие, которое оказало большое влияние на архитектуру и формирование жилых комплексов [Mousourakis et al. 2020, 1241].

В следующую, минойскую эпоху (2600–1100 гг. до н. э.) имеются свидетельства использования сырцового кирпича в сложных дворцовых комплексах, таких как Закрос, Малия и Кносс [Mousourakis et al. 2020, 1241, fig. 4]. В хорошо исследованном минойском городе Гурния большинство открытых раскопками домов были построены из сырца, причем в несколько этажей, а их плоские крыши были сформированы из прессованной земли [Δαβάρας 1989, 16]. То же самое можно наблюдать в Лерне (Арголида) [Morachiello 2003, 27–28]. Тем не менее, исследователи, занимающиеся вопросами сырцового домостроительства, не усматривают связи между строительными традициями неолитических поселений материковой Греции и минойским зодчеством. Они полагают, что задокументированные контакты Минойской цивилизации с Египтом и Ближним Востоком, где использование сырца в архитектуре играло важную роль, позволяют предположить, что именно из этих регионов сырец попадает на Крит [Mousourakis et al. 2020, 1241]. Естественно следует упомянуть и о Трое II (2600–2300 гг. до н. э.). В этот период город был обнесен мощной оборонительной стеной, нижняя часть которой высотой около 3 м была сложена из сравнительно небольших необработанных камней, а на ее широкой (примерно 2,7 м) верхней части находилась надстройка из сырцового кирпича, без сомнения, не меньшей высоты [Блеген 2004, 32]. Сырцово-кирпичные панели были использованы и при строительстве мегарона ПА [Меллинк 1989, 177, 178]. В XI–VII вв. до н. э. здания из сырца продолжают возводиться во многих местах Греции, причём, как небольшие хижины, так и крупные постройки на каменном фундаменте [Mazarakis

² В отличие от слова «тухла», которое в болгарском языке означает «обожженный кирпич»

³ Впрочем, как с этим бороться было хорошо известно с древних времен. Одним из самых простых и известных с глубокой древности способов – покрытие поверхности известью.

Ainian 1997, 49–53, 59–65; 2001, 139; 2009, 19–23; Gates 2011, 209–210]. В этот же период начинают строиться и храмы из сырцового кирпича [Mazarakis Ainian 1997; см. так же: Mazarakis Ainian 2016, 20, 23, 25; Barletta 2001, 25–29; 2016, 33, 36–37; Gates 2011, 220; Kyrieleis 1981, 79, 108–110]. По мнению ряда исследователей, наиболее ранними храмами были постройки аналогичные обычным жилым домам, но предназначенные в качестве жилища для Бога или Героя [Mazarakis Ainian 1997, 381–386; Morachiello 2003, 44]. Связь таких строений с погребальными культурами и героонами подробно рассмотрела Александра Александриду [Alexandridou 2017, 43–72].

Расцвет сырцового строительства в Греции приходится на архаический и классический периоды. О городских постройках различного назначения, в том числе двухэтажных, возведенных из сырцового кирпича в городах древнегреческого мира, начиная с архаического периода, хорошо известно по многочисленным археологическим источникам и письменным документам [Nicholls 1958, 35–137; Orlandos 1966, 61–65; Martin 1965, 52–53; Hellmann 1992, 341–342; 2010, 309; Lang 1996, 111–113; Morachiello 2003, 119; Кузнецов 2000, 85–86; 2015, 293; Frederiksen 2011, 54–55]. В это же время сырцовые кирпичи использовались и в общественных сооружениях при возведении храмов⁴, городских стен, как например, в Афинах, Мантинее, Эретрии, Элефсине, Олимпии, Смирне, Мелосе, Коринфе, Арголиде и др., а также в городах Великой Греции и Сицилии [Berve, Gruben 1962, 124; Camp II, Dinsmoor 1984, 6–8; Gates 2011, 265; Morachiello 2003, 119, 127–128; Mousourakis et al. 2020, 1241; Fields 2011, 47–57; Tusa 2011, 195–201; Germanà 2011, 169–188]. Здания из сырцового кирпича в это время приобретают сложную планировку. Как пример здесь можно привести дом № 7 в городе Алиеисе, расположенном на востоке Пелопоннеса [Bradley 2009, 47–57]. Использование сырца в греческой архитектуре продолжалось главным образом в домостроительстве и в следующие исторические периоды вплоть до современности [Mousourakis et al. 2020, 1241–1266]⁵.

Активно использовали сырец и северные соседи греков – македонцы [Kottaridi 2020, 23, 121, 193] и фракийцы. Обзор данных о строительстве крепостей и жилой архитектуры во Фракии, проведенный Д. Стояновой и Х. Поповым, показал, что сырцовая фортификация и домостроительство известны в Пистиросе, Васил Левски, Перниксе, Севтополисе, Кабиле, Каршевице, Крастевичах. Применение сырца в целом датируется здесь второй половиной V – началом III в. до н. э., а его массовость говорит о том, что эта была обычная практика, а не исключение, как считалось ранее [Стоянова, Попов 2008, 345].

Перейдем к памятникам Боспора. Следы использования здесь сырца в качестве строительного материала зафиксированы раскопками со времени образования первых колоний. Начиная с самых ранних построек, сырец использовался в Пантикапее [Блаватский 1951, 219; 1955, 73, рис. 28; 1957, 13–14, рис. 7; 1962, 8–10, Марченко 1979, 165, 166, рис. 1; 1984, 6, 190; Толстиков 2001, с. 388, 390, 398; Завойкин 2013, 63, ссылка 3]. В Мирмекии

⁴ Следует отметить, что строительство храмов из сырцового кирпича не связано с наличием или отсутствием камня, а определяется местными традициями [Barletta 2001, p. 27, 29, 52]

⁵ Обратим внимание на один принципиально важный момент. Многие традиционные греческие дома вплоть до последнего времени состояли из двух частей. Обычно нижняя, хозяйственная часть была сделана из камня. А верхняя – жилая из сырца. Именно потому, что обитать в каменном здании по разным причинам менее экологично. По такому же принципу строились и российские жилища. Нижняя часть – подклет была каменной и использовалась для технических нужд, а верхняя, деревянная (терем) – предназначалась для жилья.

наземное домостроительство начинается на рубеже VI–V вв. до н. э. [Виноградов 1992, 105; Бутягин, 1997, 98; 2000, 143]. Примечательна в этом плане территория, перекрытая Зольником I [Бутягин, 2005, 126–131; Бутягин, Виноградов 2006, 33–36; Чистов 2004, 131–142; 2006, 99–133]. Здесь, в конце VI – самом начале V в. возводится довольно большая (не менее 200 м²) многокамерная постройка с сырцовыми стенами, которая во второй четверти V в. до н. э. гибнет в пожаре. Некоторое время на этом месте, частично повторяя очертания раннего комплекса, существовала еще одна постройка, после гибели которой во второй половине V в. до н. э. появляется зольник [Бутягин 2004, 127]. По мнению исследователей [Бутягин 2004, 130; Завойкин 2013, 105–106], наличие алтаря и размеры раннего здания, несомненно, выделяют его из разряда рядовых построек Мирмекии.

Сырцовая архитектура зафиксирована также в наиболее ранних слоях Тиритаки [Гайдукевич 1952, 74, 77–75, 85, рис. 104. 1; Шмидт 1952, 246–247; Кузнецов 1991, 34; Зинько 2014, 20] и Порфмия [Кастанаян 1972, 78–81, рис. 31. 1 и 2, прим. 8].

На Азиатской стороне Боспора сырцовая архитектура известна в Гермонассе [Корвина 1992, 22; Финогенова 2005, 428], Патрее [Абрамов 1999, 13–18; 2005, 11–29; 2006, 11–35; Завойкин 2011, 22; 2013, 207–209], Береговом 4 [Завойкин 2011, 22; Завойкин, Сударев 2005, 73–74; 2010, 185–186], Кепях [Сокольский 1973, 88; 1975, 615–619, рис. 1–5, 7, 8] и в Синдской Гавани [Алексеева 1997, 15–17, табл. 3].

Но наиболее яркий пример сырцовому домостроительству дают материалы Фанагории. Более того, здесь в архаическое и раннеклассическое время сырец являлся основным строительным материалом: практически все здания в городе были построены из сырцового кирпича [Кузнецов 2015, 282, 284; 2021, 112]. В отличие от других городов Боспора, где ранние слои либо переотложены, либо сильно повреждены, Фанагория даёт несомненный пример того, что лежащий на материке слой довольно точно соотносится по времени с моментом основания города выходцами из Теоса [Завойкин 2011, 19]. Этому слою принадлежат сырцово-кирпичные постройки различного назначения [Кузнецов 2009, 192, 193; 2010, рис. 23]. Помимо домов и подвалов в городе из сырца возводились и общественные здания [Кузнецов 2011, 121–125; 2010, 450–451; Завойкин 2011, 19; Завойкин, Кузнецов 2013, 162–164]. Одно из них, например, относится предположительно к 530–520 гг. до н. э. [Кузнецов 2015, 284–287]. Можно также отметить дом 424, стены которого были поставлены непосредственно над глиноплетневым сооружением, погибшим во второй четверти – середине V в. до н. э., «дом зерноторговца» третьей четверти V в. до н. э., разрушенный в последней четверти того же столетия, сырцовый дом 475 на каменном фундаменте, время строительства которого может быть определено в пределах последней четверти V в. до н. э. [Завойкин 2013, 152–157, 160, 165–170] и н. др. Наконец, первые оборонительные стены Фанагории, воздвигнутые, вероятно, в самом начале существования колонии и разрушенные около 480 г. до н. э., были сложены из сырцового кирпича [Кузнецов 2018, 215–219; 2021, 126–128].

Таким образом, можно заключить, что данная строительная традиция прибыла на Боспор вместе с колонистами, а особенно интенсивно сырцовый кирпич использовался в местностях, где камень был дефицитным материалом.

Перейдем к вопросу об использовании сырца в погребальной практике. В историографии сложилось представление, согласно которому применение в погребальных

сооружениях сырца, а также совершение погребений в сырцовых склепах и могилах некрополей Азиатского Боспора начинается с рубежа VI–V в. до н. э. [Сударев 2005, 104; Сударев 2010, 431–432; Кашаев 2009, 191, 214; 2013, 370–374; Сударев, Кашаев 2016, 471–480, Сударев 2016, 333–340; Иванов, Сударев 2017, 176–180]. Сырец как конструктивная часть погребений использовался в Европейской его части, например, в Нимфее и Пантикапее [Грач 1999, 62, 65, 67, 68, 75, 76, 78, 84, 90, Силантьева 1959, 13, 14, 24, 26], а также в Северо-Западном Крыму [Рогов 1985, 45–50; 2011, 10–12; Щеглов 1978, 46], в Ольвии [Козуб 1962, 42; 1974, 12].

Одно время считалось, что данный тип гробниц относится к погребальным традициям местного варварского населения – синдам, меотам, скифами т.д. [Кастанаян 1959, 287; Коровина 1962, 302–312; 1964, 56, 90; Сорокина 1957, 13–14; Паромов 2016, 164–172]. Однако на памятниках оседлых варваров Кубани и Черноморского побережья Кавказа VI–V вв. до н. э. и предшествовавшего времени сырца нет совсем. Хотя какие-то выявленные здесь строительные остатки характеризуются, как турлучные и в большинстве своем опирались на столбовые конструкции [Иванов, Сударев 2018, 181, 182; Иванов, Нарожный, Соков 2019, рис. 11]. Традиция таких построек сохраняется у кубанских варваров и в более позднее время [Шевченко 1995, 132–138]. Иными словами, технологией сырцового строительства восточные, а тем более западные соседи боспорских греков не владели. Если говорить об использовании сырца в погребальной практике, то на данный момент на Кубани известен лишь один такой случай. Это подкурганый элитный комплекс начала IV в. до н. э. у с. Кеслерово, где сырцовая стенка служила перегородкой в крупной двухкамерной гробнице и отделением для жертвенных коней [Иванов 2019, 61–70]. А. М. Новичихин, рассматривая сырцовые склепы анапского региона, отмечает, что данная традиция совсем не свойственна местному населению и неизвестна в варварских памятниках Прикубанья [Новичихин 2006, 22–23]. Заметим, что сырец также отсутствует и в памятниках, традиционно считающихся скифскими. Говоря о сырцовых гробницах, В. С. Ольховский отмечал несомненное влияние греческих строительных приемов на погребальную архитектуру варваров [Ольховский 1991, 49].

Историографическая ретроспектива показывает, что в основе идеи о варварском происхождении сырцовой погребальной архитектуры Боспора лежат сырцовые гробницы и отделения для коней в Семибратних и Малых Семибратних курганах, хронология которых на настоящее время устанавливается в рамках около середины V – первой четверти IV в. до н. э. [Алексеев 2003, 296; Горончаровский, Иванчик 2010, 229; Горончаровский 2011, 271; 2013, 161–173; 2014, 572–573]. В этой связи примечательно установление в отечественной литературе культурной и даже «этнической» интерпретации данных курганов. В. Г. Тизенгаузен, исследовавший их в 70–х гг. XIX в. (ОАК за 1875 г; ОАК за 1876 г; ОАК за 1878–1879 гг.) ограничился сведениями только о самих раскопках. Десятилетием позже И. И. Толстой и Н. П. Кондаков [1889, 121], публикуя материалы, полученные в ходе раскопок на территории России, отметили, что Семибратние курганы, судя по их устройству и содержанию, принадлежали варварам. М. И. Ростовцев [1925, 351, 358, 359] неоднократно сравнивал их с кубанскими Марьянским и Елизаветинскими курганами, исследованными Н. И. Веселовским, отмечая при этом влияние монументальных погребальных камер Тамани и Пантикапея. И хотя он не писал напрямую

об их культурной атрибуции, все же из текста следует, что он имплицитно причислял их к кругу варварских памятников, тем более что за почти десятилетие до этого Семибратнее городище исследователем уже было связано с синдами [Ростовцев 1918, 127].

Первым же, кто непосредственно увязал курганы с представителями синдской знати, была В. И. Мошинская [1946, 205]. После неё тезис о принадлежности Семибратних курганов синдской элите стал как бы общепризнанным [Гайдукевич 1949, 47–50; Коровина 1957, 177–178; Анфимов 1987, 92–98; Блаватская 1959, 156; Силантьева 1967, 47–48; Артамонов 1974, 63, 121; Ильинская, Тереножкин 1983, 80–81, 213–219; Алексеева 1997, 30–31; Власова 2001, 129–130; Виноградов 2005, 252–254; Горончаровский 2014, 553 и т. д.]. А. К. Коровина, анализируя погребальный обряд Семибратних курганов, с учётом распространения сырцовых гробниц в окрестностях Анапы и на Тамани, считала таковые одной из особенностей синдского обряда. При этом исследователь отмечала, что для решения вопроса об их происхождении нельзя забывать, что еще в период предшествующий колонизации в странах Средиземноморья «земляной кирпич» широко применялся при сооружении зданий и строительстве гробниц [Коровина 1957, 178]. Тогда же, но более подробно, мысль о варварской принадлежности сырцовых могил Таманского полуострова была высказана и Н. П. Сорокиной [1957, 12–14]. Затем долгое время аналогичные гробницы принято было считать если не синдскими, то точно «местными»⁶. При этом совокупность элементов⁷, лежавших в основе погребального обряда Семибратних курганов, как одного из эталонных элитных комплексов, исследованных в границах Боспора, были восприняты, как безусловный признак варварства и стали «культурообразующими». Более того, «культурообразующими» и даже с «этническим» окрасом стали считать и отдельные элементы обряда, будь то курган, снаряжение коня или золотые нашивные штампованные бляшки. Пример тому – работа Л. Ф. Силантьевой «Некрополь Нимфея». В ней на основе ряда определенных особенностей⁸ автор выделила группу погребений, с местными чертами обряда, отмечая при этом, что все эти особенности в некрополе Нимфея не всегда встречаются вместе [Силантьева 1959, 51]. И все же в данную группу попали все гробницы, в которых имелся хотя бы один из указанных ею признаков. Естественно, под категорию «местных» попал и курган 32, под которым находилась сырцовая разграбленная гробница 14. В данной публикации, как, наверное, ни в одном другом труде тех лет (когда речь заходила об интерпретации

⁶ Следует отметить, что уже в 1962 г. сомнения в этом вопросе высказала Юлия Ивановна Козуб [Козуб 1962, 42], которая написала, размышляя о сырцовых могилах: «Застосування різних матеріалів для оформлення могил, комбіновані поховальні споруди свідчать про те, що древні не надавали особливого значення певному матеріалу, а використовували той, що був під рукою під час спорудження могили... Здебільшого до цього підходили як до явища етнічного ха рактеру, притаманного певному народу або племені. Але це призводило лише до плутанини», однако, вплоть до 2004 года ее голос был *vox clamantis in deserto*. В 2004 г. против такой этнической принадлежности сырцовых ящиков высказалась одна из «основоположниц» этой идеи, Н. П. Сорокина, в соавторстве с одним из авторов этой статьи [Сорокина, Сударев 2004, 355–356]

⁷ Подкурганная гробница (сырцовая, а в прочем – любая) сопровождаемая взнузданными конями, оружие, статусные вещи, включая золотые украшения.

⁸ «Особенности эти заключаются: 1) в наличии конских погребений под одной курганной насыпью с человеческой могилой; 2) включении в состав погребального инвентаря украшений конской сбруи, находящихся или при конских костяках в конских могилах, или в центральной могиле с погребениями человека; 3) в наличии золотой гривны на шее умершего; 4) в украшении одежды или покрыва золотыми нашивными бляшками со звериными и другими мотивами» [Силантьева 1959, 51].

памятника), проявился ярко выраженный дуализм. С одной стороны, Л.Ф. Силантьева выделяет «местную» группу. С другой, – она приходит к следующим заключениям: подавляющее большинство подкурганых погребений с местными чертами в обряде находились на расстоянии 2–3 км от границ городища Нимфея, что обычно для курганных некрополей городов Северного Причерноморья; погребения так называемой местной группы находятся на том же участке, где расположены и остальные курганы Нимфея; погребения с местными чертами в обряде входили в состав всего некрополя Нимфея, этот некрополь, состоявший из курганов и сплошных могильных насыпей, был местом, где хоронили жителей города [Силантьева 1959, 56]. Интересное заключение, не правда ли? Вот только мы больше не увидим таких выводов ни у кого из исследователей в последующих работах. Впредь, когда речь заходит о некрополе Нимфея, тем более о ранних подкурганых погребениях, внимание ученых сосредотачивается исключительно на тезисе о местном характере этой группы. Из известных археологов данной тематикой занимается Ю. А. Виноградов [2001, 77–87]. Впрочем, интерпретируют нимфейские комплексы не только антиковеды. Например, А. Ю. Алексеев причисляет тамошние склепы к скифскому кругу [Алексеев 1991, 51].

Так кто же строил сырцовые гробницы? Приведем еще одну гипотезу. Она принадлежит В. А. Горончаровскому. Исследователь пытается проследить происхождение этой практики с правителями синдов, предполагая, что основным занятием синдов было отгонное скотоводство, а сами правители синдов вели полукочевой образ жизни, периодически посещая резиденцию в Лабрисе⁹ [Горончаровский 2014, 580, 582, 583]. В истоках традиции сырцовых склепов он видит в кочевниках южноуральских степей и Самарского Заволжья, оставивших погребальные памятники VI – первой половины V в. до н. э. [Горончаровский 2020, 148, 149]. Однако использование ими сырцового кирпича, далеко не являлось основным признаком погребального обряда указанных регионов. Так, в статье, на которую ссылается В. А. Горончаровский, среди обязательных элементов названы: подкурганные валообразные сооружения и глиняные валы, наличие специфических каменных и керамических алтарей, большая роль огня в обряде захоронения [Мышкин, Скарбовенко 2010, 93]. Всего этого в Семибратних курганах нет. Вызывает недоумение и вывод В. А. Горончаровского о том, что после середины V в. до н. э. в южноуральских степях и Самарском Заволжье традиция перекрытых деревянными крышами склепов из сырцового кирпича быстро исчезает [Горончаровский 2017, 233]. В. Н. Мышкин и В. А. Скарбовенко не только не пишут о каком-то быстром исчезновении традиции, но и на той же странице прямо указывают, что: «...ряд памятников может быть датирован временем в пределах V – начала IV вв. до н. э. либо второй половины V – начала IV в. до н. э. (с возможным сдвигом отдельных комплексов в ту или другую стороны в рамках указанного периода)» [Мышкин, Скарбовенко 2010, 93].

В. А. Горончаровский также отмечает наличие в Самаро-Уральском регионе пяти типов элитных погребальных памятников (к одному из которых относятся сырцовые гробницы), что, по его мнению, может свидетельствовать о существовании нескольких разноэтнических группировок кочевников, часть одной из которых могла сместиться

⁹ Семибратнее городище.

в западном направлении около 530 г. до н. э. или ранее под давлением новой кочевой волны с востока [Горончаровский 2017, 223]. Впрочем, сведений о передвижениях крупных группировок кочевников с востока на Кубань в конце VI – первой половине V в. до н. э., нет ни в античных письменных источниках, ни в данных археологии¹⁰. Наоборот, направление, откуда кочевники могли проникать в первой половине V в. до н. э. на территорию Синдики, исследователями оценивается как западное и связывается со скифами Днепровской Лесостепи [Вахтина, Виноградов, Рогов 1980, 155–161; Виноградов Ю. Г. 1983, 400, 402; Толстиков 1984, 46; Шелов-Коведяев 1985, 66, 67; Новичихин 2009, 13–16], что и подтверждается известным сообщением Геродота (IV. 28) об их зимних походах в земли синдов. Синды же, как известно, были знакомы грекам ещё с VI в. до н. э., но информация об их кочевом/полуковом образе жизни в источниках отсутствует. Противоречат такому и многочисленные варварские сельские поселения, расположенные в Анапском районе, считающимся основным местом обитания исторических синдов [Мальшев, Горланов 2020, 67]. Наконец, между Южноуральскими, Заволжскими и Семибратними курганами – около полутора тысяч километров, причем, следов сырца в погребальных сооружениях на этом пространстве не известно. Расстояние от Семибратних курганов до города Лабрис, который, по мнению В. А. Горончаровского, уже с конца второй четверти V в. до н. э., т. е. ко времени возведения первых Семибратних курганов, определенно существовал как греческий центр в Синдике [Горончаровский 2014, 584], равняется всего 2 км.

Приведем еще некоторые доводы неубедительности гипотезы В. А. Горончаровского. Так, традиция изготовления сырца на Кубани, о чём было указано выше, не имеет местных корней. Однако ко времени сооружения Семибратних курганов сырцовый кирпич уже широко использовался местными греками, особенно интенсивно на территориях, соседствующих этим курганам. Допуская, что наиболее поздняя оштукатуренная гробница в первом Семибратнем кургане была построена при участии греческого архитектора [Горончаровский 2020, 148], исследователь почему-то не распространяет это же на более ранние сырцовые гробницы. Если же В. А. Горончаровского смутило качество строительного материала для сооружения царских усыпальниц, то следует вспомнить приведенные В. Д. Кузнецовым известные надписи с Делоса о привозе кирпичей и глины с острова Сироса и из Панорма на Миконосе [Кузнецов 2015, 238]. Иными словами, глину для производства кирпича или сами кирпичи для склепов знатной особы вполне могли привозить специально из других мест, аналогично, например, керченскому известняку, служившему для возведения некоторых гробниц на Азиатском Боспоре.

Трудно также согласиться с В. А. Горончаровским в вопросе стандартизации кирпича и совсем невозможно – с заявлением о мифическом синдском «стандарте» сырцового кирпича [Горончаровский 2017, 231]. Начнем с того, что о принятых у синдов стандартах мы вообще ничего не знаем, ибо для стандартизации чего-либо, как минимум, должны быть институты, постановляющие и осуществляющие этот процесс. О таковых у кубанских варваров источники молчат. Витрувий, в главе посвященной сырцу, перечисляет три

¹⁰ По этому поводу уместным будет замечание о том, что раскопки курганов прикубанской степи (от Маныча до Кубани), за редчайшим исключением, фактически дают отсутствие кочевнических погребений VI–V вв. до н. э.

типа кирпича, имеющие каждый свои размеры¹¹. В.Д. Кузнецов, со ссылкой на зарубежные исследования, обращает внимание, что проблема состоит в том, что в разных частях греческого мира размер пяди, в которой собственно измерялся кирпич, колебался от 6,8 до 8,8 см, что зависело напрямую от принятой системы измерений [Кузнецов 2015, 290]¹².

В.А. Горончаровский, за «принятые у синдов стандарты» как эталон берет размеры кирпичей из уташской гробнице 1976 г. (0,5×0,48 м, 0,52×0,5 м, высота кирпичей от 0,06 до 0,11 м) [Алексеева 1991, 30], отмечая что при всей схематичности чертежей из отчетов В.Г. Тизенгаузена, толщина сырцовых стен открытых им склепов в Семибратних курганах составляет около 0,5 м, исходя из масштаба, то есть близка к стандарту уташских кирпичей [Горончаровский 2017, 231, 232]. Впрочем, из приведенного выше перечня размеров кирпичей из Греции и окружающих её регионов, а также из памятников Боспора (см. прим. 12), не о каком исключительном «синдском стандарте» говорить не приходится. По мнению этого исследователя, таковой практически совпадает с длиной персидского «царского» локтя (52,5 см) [Горончаровский 2017, 232]. Но этот же размер соответствует и первому (по Витрувию) типу – лидийскому, кирпичами которого возводилась, например, Фанагория [Кузнецов 2015, 290].

Нельзя согласиться с утверждением В.А. Горончаровского [2017, 231]¹³ и о том, что в материковой Греции отдельные грунтовые могилы, стенки которых обложены сырцовыми кирпичами, известны только для периода IX–VII вв. до н. э. (Насколько это отражает, а скорее, не отражает современные археологические реалии, будет сказано ниже.)¹⁴;

¹¹ «Кирпич бывает трех сортов: один, называемый по-гречески лидийским – это применяемый у нас, длиною в полтора фута, шириною в фут. Из остальных двух сортов строятся здания у греков. Один из них называется пентадорон, другой тетрадорон. Дорон же греки называют пядь, потому что дорон по-гречески значит даяние, а его всегда несут в пяди руки. Таким образом, кирпич пяти пядей в квадрате называется пентадорон, а четырехпядевый – тетрадорон, и общественные здания строятся из пентадорона, а частные – из тетрадорона» (Vit. De arch. II. 3, 3).

¹² Для наглядности приведем известные по раскопкам размеры кирпичей: Мегарон Ниру Хани, Крит: 0,50×0,35×0,10–0,12 м, Кносс: 0,45×0,45×0,12 м, Гурния, Крит: 0,48×0,36×0,097 м, Микены, Троя: 0,65×0,85×0,10–0,15 м, Иолкос: 0,525×0,525×0,085 м, Керамик: 0,49×0,44×0,09 м, Афины: 0,50×0,45 м, стена Димитриады: 0,50×0,33×0,10 м, стена Коринфа: 0,45×0,45×0,09 м, стена Элевсина: 0,45×0,26×0,095 м и 0,45×0,45×0,10 м, Олинф: 0,49×0,49×0,09 м, Гела: 0,4×0,4×0,8 [Achenza et al. 2008, 3–7; 32, 48; Mousourakis et al. 2020, 1244], стена Старой Смирны: 0,51×0,3×0,13 м [Nicholls 1958, 38], некрополь Аполлонии Илирийской: 0,46×0,46 [Amore 2016, 64], там же в кургане 6, могила 3: 0,38×0,38×0,08 [Bereti, Dimo 2011, 490], Фанагория, ранние дома и подвалы: 0,5–0,51×0,43–0,44×0,06–0,07 м, 0,55×0,4 м, 0,43–0,45×0,38–0,4×0,07 м, 0,5×0,42 м, здание общественного назначения, длина кирпичей чуть более 0,5 м. Кирпичи из некоторых построек дают точные размеры: 0,52×0,45×0,07 м; 0,46×0,42×0,05 м; 0,57×0,42×0,07 м. Наиболее часто встречающийся кирпич: 0,5×0,42×0,06 м [Кузнецов 2015, 284–289], стена Фанагории: 0,5×0,42 м [Кузнецов 2021, 118], некрополь Гимеры: 0,56×0,57×0,10 см [Vassallo 1993, 93], склепы Артющенко-2: 0,40×0,40×0,08–0,10 м [Кацаев 2019, 136], погребальные сооружения Панское I: 0,4×0,4×0,09 м [Рогов 1985, 49; Горончаровский 2017, 231], некрополь Кепы: 0,62×0,45×0,08 м [Сокольский 1965, 116; Горончаровский 2017, 231], Фракия, дворец Севтополя: 0,50×0,40×0,09 м [Стоянова, Попов 2008, 341]; и т.д.

¹³ Особенно с фантазией о невероятно высоком, 16 метровом кургане с сырцовой гробницей середины V в. до н. э., раскопанном К.Р. Бегичевым на некрополе Фанагории, и которому «нет равных» ни в Скифии, ни на Боспоре [Горончаровский 2022, 172]. Вот только мы не найдем размеров кургана, исследованного К.Р. Бегичевым, ни в одном источнике, на который ссылается А.В. Горончаровский: ни в работе Е.Г. Застрожновой [Застрожнова (Панкратова) 2019, 40, 41], ни в собственно в архивных материалах Бегичева (НВА ГИМ. Ф. 1. Отдел археологии. Группа Б.Д. 6. Л. 2–5).

¹⁴ В данном случае отметим, что В.А. Горончаровский не изучал специально этот вопрос, а воспользовался мнением Н.П. Сорокиной [1957, 14] и данными ей ссылками на работы [Poulsen 1905, 21 и Zehetmaier 1907, 130–132; см. Сорокина 1957, 57, № 18,19], хотя даже в литературе конца XIX века подробно описываются такие погребения из некрополя Керамика, которые датируются по чернофигурным лекифам второй половиной VI – началом V в. до н. э. [Brückner, Pernice 1893, 86–100, taf. VI–IX].

а также – с тем, что в некрополе Пантикапея VI–V вв. до н. э. сырцовые склепы отсутствуют, хотя на тех же страницах, на которые ссылается исследователь, Е. Г. Кастанаян приводит исчерпывающие (исходя из целей и задач работы) сведения о сырцовых могилах [Кастанаян 1959, 258, 276]. Нельзя согласиться и с тем, что в Нимфее известен только один подкурганый сырцовый склеп середины V в. до н. э., хотя в двух приведенных Л. Ф. Силантьевой статистических хронологических таблицах говорится о трех подкурганых сырцовых гробницах [Силантьева 1959, 13, 14, табл. 1, 2], как и с тем, что подкурганый сырцовый склеп относится к середине V в. до н. э., хотя всё тот же автор написала: «Наиболее ранней следует считать конскую могилу из кургана 32, центральная сырцовая гробница которого была полностью разграблена. Украшения конской упряжи из этой могилы датируются первой половиной V в. до н. э.» [Силантьева 1959, 87].

Отметим, что сырцовые могилы известны и в грунтовом некрополе Нимфея [Грач 1999, № А96, 119, 128, 132, 182, 214, В6; Соловьев 2003, № 5, 14], причем как минимум в трех случаях мы можем говорить о первой половине V в. до н. э. (№ А96, 132, 214). Следует так же отметить ошибочность утверждения В. А. Горончаровского, будто все сырцовые гробницы Фанагории связаны «с курганными насыпями середины – второй половины V в. до н. э.» [Горончаровский 2017, 231]. На территории Юго-Восточного некрополя Фанагории в последние годы было исследовано 61 погребение V–IV в. до н. э.¹⁵, среди них – не менее 14 таких конструкций (23%). Погребений первой половины V в. до н. э. – 23 шт., из них 4 (17%) – в сырцовых «ящиках» [Сударев, Кашаев 2020, 29].

Надо сказать, что практически все примеры, аналогии и доводы в концепции В. А. Горончаровского никоим образом нельзя признать удачными и убедительными. Исследователь подошел к вопросу об истоках традиции сырцовых гробниц в Семибратних курганах конъектурно, без критического осмысления выдвинутой им гипотезы, взяв за основу псевдо-аналогию [Мартынов, Шер 1989, 175, рис. 46] и попытавшись перенести её на материал, имеющий совсем другую основу.

Вместе с тем, можно, безусловно, согласиться с В. А. Горончаровским в том, что сырец использовался не только у греков, но и на обширной территории. И здесь как раз Южноуральские, Заволжские, а также Закавказские, Среднеазиатские, Азиатские, Африканские примеры вполне уместны. У сырца в погребальной практике давняя история, что следует из описания мастаб, гробниц, цист и сырцовых ящиков Египта, Месопотамии, Передней и Центральной Азии и т. д. Сосредоточимся лишь на Греции.

Д. С. Курц и Дж. Бордман на примере македонских гробниц справедливо отмечали, что некоторые характерные их особенности, основная планировка с вестибюлем и колонным фасадом, соответствуют оригинальному греческому жилому комплексу – *мегагону* и что идея о могиле как доме присутствует уже в самых ранних греческих эпитафиях [Kurtz, Boardman 1985, 314]. Один из авторов статьи (Н. И. Сударев), анализируя древнегреческую погребальную практику и связанные с ней идеи о взаимосвязи души и тела, указывал на то, что «домовины», которыми являются многие типы погребальных конструкций (саркофаги, склепы, могилы с перекрытиями, черепичные гробницы) как место постоянного или временного обитания души, символизируют собой

¹⁵ Благодарим В. Д. Кузнецова за любезно предоставленную информацию.

жилище¹⁶ [Сударев 2005, 37]. Непосредственно с воззрением, что погребальная конструкция отражает образ жилища, связана и практика возведения погребальных сооружений из материалов, используемых в домостроительстве. Таковыми были камень, черепица и, наконец, сырец. Появление погребальных сооружений из сырца вполне укладывается и даже естественно для мировоззрения и взглядов греков на жизнь после смерти. Действительно, в Греции сырцовые кирпичи, как и при домостроительстве, широко применялись для возведения погребальных сооружений, начиная еще с эпохи бронзы [Papakonstantinou 2012, 393, 396–397; Whitley 2003, 102]. Приведем лишь некоторые примеры как выдающихся, так и рядовых могил. Начнем со знаменитой гробницы Героя из Лефканди, расположенной между Халкидой и Эретрией на острове Эвбея. Она относится к первой половине X в. до н. э., была сложена из сырцовых кирпичей и обмазана глиной [Vlachou 2012, 369]. Гробница была разделена на три сообщающихся помещения, из которых центральная камера была самой крупной и вмещала большую могильную яму, разделенную на два отсека: южный, «очерченный» сырцовым кирпичом, предназначался для мужской кремации и женского погребения; самый северный – вмещал погребение четырех лошадей¹⁷. Вскоре после постройки гробница была строителями разобрана, а над ней возводится курган. Захоронение, строительство, разборка, возведение кургана происходили в течение короткого промежутка времени в пределах от 1000 до 950 г. до н. э. [Popham, Touloupa, Sackett 1982, 169–174; Popham et al. 1993, 33–70; Balducci 2017, 796].

Вне всякого сомнения, интересна интерпретация гробницы. По мнению Б. Балдуччи, протогеометрическое здание следует рассматривать как памятник, предназначенный для приветствия и почитания выдающегося представителя сообщества, и в этом смысле он определяется как *героон*. Гробница Героя из Лефканди является древнейшим свидетельством так называемого Гомеровского погребального ритуала ещё до написания рассказов, составивших Илиаду. Само существование её доказывает, что гомеровские тексты с описаниями похорон Ахилла и Патрокла были вдохновлены реальными фактами [Balducci 2017, 796].

На этом объекте сооружение героонов на острове Эвбея не закончилось. Как героон следует рассматривать комплекс «Героя Эретрии» в некрополе, расположенном южнее Западных ворот Эретрии [см.: Bérard 1970, 65–71; Blandin 2007. 1, 173, 2, 35–58]. В нём также был использован сырец [Blandin 2007. 1, 55–57, 64–68, 148–149, 159, 2, 43–44, 53, 57, 115, 117, 120]. Сам же город Эретрия был основан после исчезновения Лефканди, который, по мнению исследователей, вероятно, был древнейшей Эретрией [Schefold 1966, 108; Blandin 2010, 318–321]. Итак, тут пять кремационных могил были

¹⁶ Греки в этой идее, конечно же не оригинальны: она очень распространена в древних обществах.

¹⁷ Вдоль северной стены южного отсека, лежал скелет женщины 25–35 лет, богато украшенной золотыми украшениями, со скрещенными ногами и скрещенными же на животе руками; рядом с черепом – железный нож с рукоятью из слоновой кости. На меньшей площадке, к югу от того же отсека, находилась кремация, помещенная в бронзовую амфору кипрского производства, устье которой было закрыто бронзовой чашей; рядом лежал железный меч с деревянными ножнами, наконечник копья, бритва и точильный камень. Сосуд содержал обгоревшие кости мужчины 35–45 лет и был «героически» завернут в льняную ткань. В грубом глиняном ящике у соседней перегородки к юго-востоку от центрального помещения находились древесная зола, обожженные фрагменты костей людей и животных, не отобранных для погребения, по-видимому, остатки костров, собранных после кремации, проводившейся на месте. [Balducci 2017, 796]

расположены полукругом у основного, шестого захоронения. Погребения эти были устроены в правильных земляных полостях (ямах), обложенных и перекрытых каменными плитами и сырцовыми кирпичами [Burkhardt 2008. 2, 142; Balducci 2017, 797]. В каждой из них помещался бронзовый котел, внутри которого находились кремнированные кости четырех взрослых вооруженных мужчин и двух взрослых женщин. Шестая, центральная мужская кремация, была завернута в льняную ткань и закрыта вторым котлом. Вокруг этой кремации располагалось четыре сломанных железных меча, один из которых сложен вокруг котла, пять сломанных железных наконечников копий и один целый бронзовый. Затем ниша была перекрыта тремя плитами туфа и слоем сырцовых кирпичей. Комплекс датируется между 720 и 680 гг. до н. э. Как отмечала Б. Балдуччи, ни один конкретный знак не указывал на местонахождение гробниц, но чуть позже, в 680 г. до н. э., на этом месте был построен необыкновенный треугольный памятник, и он, вместе с кремационными гробницами, был окружен с юга периболом, состоящим из двух рядов небольших необработанных ортостатов. Существование кургана над памятником до сих пор обсуждается [Balducci 2017, 797]. Вообще, для времени «Тёмных веков» Греции современная археология располагает множественными примерами использования сырца в захоронениях. Наверное, один из основополагающих и широко известных трудов о погребальном обряде этого времени Греции принадлежит А. М. Снодграссу. Он писал о том, что картина греческих погребальных практик темных веков (XI–VIII вв. до н. э.) в целом сложная и фрагментарная, а одиночные¹⁸ гробницы в Афинах, Элевсине, Пирее, Марафоне, Фалероне, на Саламине почти полностью лишены монументальности или архитектурного качества. Единственная техника, которую они с пользой иллюстрируют – это строительство из сырцового кирпича. В Керамике при первой волне кремаций приношения клались на специально построенную платформу из сырцового кирпича и сжигались там, затем обломки (включая части платформы) смещались в ещё открытую могилу [Snodgrass 1971, 148, 150, 151]. При этом он отмечал, что, несмотря на то, что сырцовое домостроительство в это время было известно повсеместно¹⁹, строятся такие гробницы далеко не во всех регионах [Snodgrass 1971, 182–183, 196]. Территориально можно выделить несколько регионов Греции, где такая практика продолжается с эпохи поздней бронзы и на протяжении раннего железного века. В первую очередь это регион Центральной Греции, включающий Эвбею, Аттику, Опунтскую Локриду и Беотию [Papakonstantinou 2012, 392, fig.1; Βιζυηνοῦ 2010, 13–14, 407–421], Македонию, Эпир [Chemsseddoha 2017, 388, fig. 1] и отдельные некрополи на Крите, Кипре и Родосе [Burkhardt 2008, 1, 186–187, 193, 2, 196–197; Τσιμέττα 2017, 12].

Отдельно следует упомянуть о знаменитой гробнице третьего царского некрополя Саламиса на Кипре (около 600 г. до н. э.), возведенной из камня и сырцового кирпича. Она интересна ещё и тем, что была перекрыта насыпью и сопровождалась погребениями

¹⁸ Имеется ввиду одиночные (индивидуальные) захоронения.

¹⁹ В другой своей работе он при этом отмечает тенденцию к отходу от стандартизированных размеров кирпичей, переход к 'do-it-yourself' (самостоятельной) практике определения размеров кирпичей в каждом конкретном случае [Snodgrass 2006, 135].

лошадей²⁰ [Karageorghis 1967, 28, 31, 33, 53, pl. CXVII, fig. IX–XV]. Но если же говорить о сырце в архаике, то в первую очередь он ассоциируется с погребальными памятниками особой формы, т. н. «домами из сырцового кирпича» (Lehmziegelbau) или «погребальными зданиями» некрополя Керамик в Афинах. Это прочные четырехугольные конструкции из кирпича-сырца, часто покрытые толстым слоем штукатурки, которые либо стояли над могилой, либо окружали её, заполненные тем же материалом или грунтом. С идеей «дома», правда, не соглашается Х. Моммзен, который считал сам такой термин неудачным, поскольку эти погребальные памятники, не имеют свободного внутреннего пространства [Mommesen 1997, 8, прим. 35]. Д. С. Куртц и Дж. Бордман также отмечали, что архитектура сырцовых гробниц в Афинах очень похожа на архитектуру жилых домов того времени, но погребальный памятник не задумывался как дом для умерших, поскольку покойных хоронили под ним, а не в нём [Kurtz, Boardman 1985, 100]. Однако мы не можем согласиться с мнением уважаемых авторов. Если сырцовые гробницы в Афинах очень похожи на архитектуру жилых домов, они и отражают идею о могиле как о доме. Ибо идея захоронения не «в доме» а под ним у греков даже в архаическую эпоху не была нова и здесь сама собой напрашивается параллель с детскими захоронениями под полами домов. Эта традиция очень древняя²¹. У греков она зафиксирована еще в микенский и геометрический периоды. Детские погребения под полами домов встречаются, например, во Врокастро на Крите, в Аргосе, Перистерии, Иолкосе, Палеокастро и т. д., но больше всего таких погребений в городе, о группе памятников которого, собственно и идет речь – в Афинах [Snodgrass 1971, 36, 145, 147, 164, 172]. Впрочем, вполне вероятны и другие объяснения этого обряда. Для нас важнее констатация того факта, что на этой территории, начиная с «темных веков» и до архаического времени, отмечается наличие сырцовых конструкций в погребениях, более того – их взаимосвязь с культом героев [Mazarakis Ainian 1997, 152; Boehringer 2009, 60–61, 69]. На наш взгляд, наиболее детально эту взаимосвязь рассмотрела в своей работе А. Александриду [Alexandridou

²⁰ Погребения лошадей вместе с хозяевами уже древними авторами, рассматривались в контексте Гомеровской эпохи и героического погребального обряда, описанного в Илиаде [Garland 1985, 35; Kottaridou 1999, 113], и практиковались в Греции в XII–VII вв. до н. э. и в редких случаях – до конца VI в. до н. э. и позже [Garland 1985, 35; Morris 1987, 48–49, 130; Vlachou 2012, 369–370, 382]. Например, конные захоронения, появляющаяся на Крите после 700 г. до н. э. (Могила Прияса ВУ, гробницы 79 и 168 на Кносском Северном кладбище), однозначно трактуются исследователями, наряду с возведением курганов как еще одна «героическая» черта [Morris 1998, 74]. Этот обряд сохранялся в ряде областей Греции, и в первую очередь – в Македонии [Castor 2008, 120; Kottaridou 1999, 114], а начиная с эллинистического времени, переживает новый расцвет. Яркие примеры этого мы находим в Вергине, где обнаружены погребения 4 лошадей и собак, что является прямой «цитатой» из похорон Патрокла в Илиаде (23, 170–175) и в погребении Васюринского кургана на Тамани, в котором исследован монументальный расписной склеп-героон, сопровождавшийся, помимо прочего, четырьмя погребениями лошадей и погребением собаки [Ростовцев 1914, 31–69]. Кони были положены на платформу из сырцовых кирпичей под огромным курганом в кенотаф царя Саламинского Никокреона и его родственников около 311/10 г. до н. э. [Kurtz, Boardman 1985, fig. 112]. По поводу захоронений коней в Древней Греции [см.: Иванов, Сударев 2017, 182; Кашиев, Мимоход, Сударев 2020, 90–92].

²¹ Практика, при которой людей хоронили на территории поселений (интрамуральные погребения), известна с эпохи палеолита, а в раннеземледельческих культурах Востока данный обряд применялся уже массово [Алехин 1986; Тюрин, 2012, 222–226]. Случаи захоронений на обжитых местах фиксируются на территории Урало-Поволжья в синташтинской, алакульской, федоровской и срубной культурах [Файзуллин 2012, 226]. Также отмечается и особое отношение к детским погребениям на поселениях, где их хоронили не только у жилищ, но и в домах, между стенами, под полом и очагом. В эпоху энеолита и бронзы такие захоронения встречаются не только в Греции, но и на Балканах, в Болгарии, в Китае [Качурис 1966, 58; Мишина 2010, 136–149; Ань Джеминь 2003, 289].

2017, 43–72]. Она проанализировала комплексы «священных домов» в Аттике²² и Оропе, проследив их развитие от жилых домов, ставших семейной усыпальницей, к трапезным и банкетным залам, связанными с поминальными обрядами конкретной семьи/рода, которые возникают на некрополях, нередко над могилами, в которых на определенном этапе начинают захоранивать новых умерших (как детей, так и взрослых) и которые на последнем этапе своего существования становятся своего рода надмогильными сооружениями – *героонами* для конкретного рода. И от таких сложных сооружений – к захоронениям, которые можно связать с конкретными личностями – героями. По её мнению, подобные сооружения были центром, объединявшим семью, род или группу людей вокруг общего предка (предков) вначале через совместные поминальные трапезы, а потом – вокруг могилы. Следует отметить, что возникают такие сооружения ещё в ранний геометрический период (900–850 гг. до н. э.), а доживают до середины VII в. до н. э., а некоторые (в кургане Палайа Фокайя) – даже до V в. до н. э. Объединяет все эти постройки то, что они, как и жилые строения того времени, были сырцовыми или из сырца на каменном фундаменте и на последнем этапе своего существования становятся исключительно погребальными сооружениями. В целом же, они предшествуют т. н. «Lehmziegelbau» и являются своего рода основой для их возникновения.

Появление на некрополе Керамик «домов из сырцового кирпича» исследователи относят к последней четверти VII в. до н. э. [Garland 1985, 125; также см.: Kurtz, Boardman 1971, 81, 106; Morris 1987, 129–131; Whitley 1994, 54; Breder 2013, 12], что надежно коррелируется с прикрепленными к этим гробницам прямоугольными глиняными чернофигурными табличками (пинакам)²³ с сюжетами траура и подготовки к похоронам, самые ранние образцы которых датируются 620–600 гг. до н. э. [Boardman 1955, 51, 58 nos. 1–3; Brooklyn, 1981, fig. 1–6; Μπουρνιάς 2013, 355]. Такие погребальные конструкции продолжают возводиться на протяжении всего VI в. до н. э. [Breder 2013, 13]. Одно время считалось, что один из типов табличек, связываемых с сырцовыми гробницами, исчезает примерно около 530 г. до н. э. [Kurtz, Boardman 1985, 101]. Однако современный их анализ, проведенный Л. Бурниасом, и сравнение росписей табличек с сюжетными линиями аттической школы художников, позволил указать на то, что данные пинаки заходят и в V в. до н. э., а исчезают, вероятно, между 500 и 490 гг. до н. э. [Μπουρνιάς 2013, 362–366]. «Погребальные здания» продолжились возводиться и в классическую эпоху, а по отношению к предшествующему времени конструктивно они остались практически в неизменном виде [Kurts, Boardman 1971, 106]. Традиция погребальных сооружений «Lehmziegelbau» сохраняется непрерывно до середины V в. до н. э. [Gasperi 2008, 99], и лишь ближе к концу столетия в конструкциях происходят изменения: их начали сооружать без крыши, заполняя грунтом²⁴ [Breder 2013, 13, 14].

²² В Академии, на ул. Гераклейдон около Пирейских Ворот, «Овальное здание» Ареопага, в Турковунии, Анависосе, Палайе Фокайя, Меренде, Торики, Элевсине, Палайа Коккинья в Пирее и святилище Аполлона в Прасии.

²³ Большинство ученых сходятся во мнении, что пинаки, как серийные, так и одиночные, в Керамике украшали погребальные памятники архаического периода [Bournias 2017, 247]. Вероятнее всего, это же относится и к знаменитым пинакам Локр, где большинство сюжетов связано с богами элевсинского цикла – Деметрой, Корой и Аидом (см. ниже)

²⁴ С этим нельзя однозначно согласиться, так как в отдельных случаях фиксируются более поздние сооружения, провалившиеся в такие могилы.

В связи с этим, безусловно, следует упомянуть и «Гробницу афинян». Эта подкурганная братская могила, сооруженная после Марафонского сражения в 490 г. до н. э. При раскопках кургана с юго-восточной его стороны был вскрыт желоб – ров для приношений, аккуратно обложенный сырцовым кирпичом [Οικονόμου 2012, 107]. При этом следует отметить, что такая традиция также уходит своими корнями в VII в. до н. э. В своей статье «Особый порядок захоронения “героизированных” умерших в сельской местности Аттики. Случай элитного кладбища Вари» А. Александриду [Alexandridou 2017a, 281–292] приводит пример такого же сооружения, который представлял собой три параллельные 14-метровые траншеи, выложенные сырцовым кирпичом, в которых были оставлены в большом количестве столовая посуда, сосуды для вина, гидрии, амфоры, кратеры и многое другое. Чрезвычайно важна датировка сосудов: от последней четверти VII века до первой четверти VI века, причем в разных частях траншеи и в разных кострищах керамика разновременная, что говорит о длительности (не менее 50 лет) поминальных пиров в честь этого умершего. Подобные поминальные рвы известны также и на некрополе Керамика с геометрического периода до позднего V в. до н. э. [Kurtz, Boardman 1971, 65, 75–76, 78, 100, 145; Alexandridou 2017a, 288]. На наш взгляд, эти «погребально-поминальные рвы» («Offering ditches» или «Opferrinne») также являются продолжением традиции пиршественных залов над могилой, известной с «Темных Веков», а использование для их строительства именно сырцов как материала для строительства жилых домов символично и не случайно.

Вероятнее всего, с афинским влиянием следует связывать и единственное захоронение в сырцовой гробнице в г. Галии (Арголида), который афиняне пытались поставить под свой контроль и неоднократно захватывали [Schlehofer 2018, 1, 40–41, 2, 285–287]²⁵.

Еще одним пунктом, в котором встречены сырцовые могилы, является Ороп, находившийся на границе Беотии и Аттики, прямо напротив Эретрии, и являвшийся её колонией [Vlachou 2007, 216–218, Mazarakis Ainian 1998, 281, № 107; 2012, 119–136]. Также мы встречаем подобные сооружения в погребении Киноса – порта Опунта, одного из важнейших городов Локриды Опунтской [Σελέκων 2014, 87].

Первой половиной VI в. до н. э. датируются сооружения в Кургане 1, погребение 119 и в Кургане 9 Аполлонии в Албании. Они состояли из двух параллельных рядов сырцовых кирпичей, между которыми обнаружены обгоревшие кости животных и обломки коринфских сосудов, датирующихся средним (590–570 гг. до н. э.) и поздним (570–550 гг. до н. э.) коринфским периодом [Amore 2003, 269, 273; 2016, 66, fig. 9, 11; Mano 1971, 112]. Из десяти открытых в 1959 г. могил VI–V вв. до н. э. на самом некрополе города, две были сложены из сырцового кирпича, а из 46 захоронений IV–II вв. до н. э. 23 относятся к сырцовым могилам [Zeest, Mano 1959, 1, 2; Mano 1971, 109, 111, 121]. Погребения

²⁵ Это погребальное сооружение содержит несколько комплексов, которые датируются от второй четверти VI до второй четверти V в. до н. э. Сырцовое сооружение было воздвигнуто после совершения последнего захоронения, т. е. уже во второй четверти V в. до н. э., т. к. оно их все перекрывает. Точно сказать о его конструкции сложно из-за сильных разрушений. Вероятнее всего, это было небольшое сооружение типа афинских сырцовых гробниц на каменном фундаменте. Кроме прочего эта гробница отличается от большинства на данном некрополе наличием двух жертвенных столов из сырцового кирпича.

в сырцовых могилах были исследованы на этом некрополе и позднее²⁶ [Amore 2003, 271]. Распространены такие погребения и в некрополях эфирских и иллирийских поселений, в том числе в Фойнике, Амантии и Димале [Muka et al. 2020, 451, 455; Muka 2005, 114–120; Lepore, Muka 2018, 56–57, 98–99, 120–121; Hobdari, Buzo 2014, 311–317, tab. XIV–XVI; De Maria et al. 2011, 76].

К VI в. до н. э. также относятся погребения в сырцовых «ящиках» в Гимере²⁷, причем часть из них надежно датируется первой половиной этого столетия [Vassallo 1993, 89–97, fig. 3, 9, kat. 120–122, 147–149; De Mitri 2020, 345, fig. 4]. С этого же времени такие гробницы известны и в Милах [Tigano 2002, 32–65; Burkhardt 2008, 1, 93–94]. С VI в. до н. э. традиция захоронения в сырцовых могилах зафиксирована в Локрах Эпизефирских²⁸. Более того, Паоло Орси специально отмечает, что это одна из особенных форм погребальных сооружений Локр²⁹ [Orsi 1909, 323; 1912, 5, sep. 21–23, 156, 183, 210, 233, 250, 259; 1914, sep. 453, 743, 975; 1917, 159, sep. 1073, 1119, 1271, 1658, 1671]³⁰. Кремации в сырцовых ящиках зафиксированы и в архаическом некрополе Гелы³¹ [Orsi 1906, 75, 325].

Но особенно распространяются сырцовые могилы различных типов в V в. до н. э. В первую очередь это относится к греческим колониям Юга Италии и Сицилии [Bernabò Brea, Cavalier 1959, 112, 114, taf. 1; 1965, 369–380; 1991, 72–136; 2001, 17, 46–48; Bernabò Brea, Cavalier, Villard 2001, 84–92, 287–301; Vassallo 1993, 93–94; 2009, 241–243, De Mitri 2020, 345, fig. 4 и т. д.]. В это время такие сооружения известны в Эвбейских колониях и субколониях: Наксосе, Занкле, Регии, Катане и Гимере [Orsi 1909, 314–318; Galli 1942, 166–234; De Franciscis 1957, 381–399; Mastelloni 2019, 123–130; Pelagatti 1980–1981, 697; Tigano 2010/2011,

²⁶ 7 погребений в 2003 г. или 11% от общего количества; все относятся к классическому периоду, в большинстве случаев сырцовые стенки распылились, но там, где удалось проследить их размер 0,46×0,46 м. В таких погребениях встречен богатый инвентарь, том числе и оружие

²⁷ Гимера, как и Милы, – субколонии Занкл (Мессены), которые в свою очередь являются колонией эвбейской Халкиды.

²⁸ Основанных локрийцами опунтскими

²⁹ Паоло Орси так же приводит планы и разрезы этих гробниц [Orsi 1912, fig. 1, 3 10, 11], и отмечает, что «План кровли и разрез придают этим гробницам вид небольшой хижины», со стенками выложенными кирпичами или толстым (25–35 см) слоем глины [Orsi 1912, 13, sep. 156]. В отдельных случаях он указывает, что «в отличие от других эта яма имела не только стенки, но и пол покрытый сырцом, так что получился глиняный ящик, но не обожжённый» [Orsi 1912, 16, sep. 250]. В своих работах он называет эти кирпичи словом «mattoni» или «mattonacci», однако их датировка в пределах VI–V вв. до н. э. исключают возможность прочесть это, как обожжённый кирпич, так как последний стал распространяться в Греции и греко-римском мире только с IV в. до н. э. и в основном в районах Македонии, Фракии и Эпира после походов Александра [Vitti 2019, 27–28], а отдельные более ранние случаи единичны (Дион и на о. Лемнос). Начиная с эпохи эллинизма, в Локрах и в особенности в Регии распространяются точно такие же по форме сооружения, но выполненные из обожжённого кирпича, который по размерам и форме соответствует более ранним сырцовым. Эти случаи мы в данной работе не рассматриваем. Отметим, что именно для Локр, как и для Афин, характерны таблички – пинаки, которые вероятно использовались для украшения таких гробниц.

³⁰ Мы сознательно не приводим все такие сооружения, так как их довольно много в этом некрополе [см. также Orsi 1913, 3–56, fig. 9 и др.]. К ним, безусловно, примыкают и те погребения, в которых стенки погребального сооружения выполнены в технике заливки сырой глины в опалубку. В результате получается сплошная сырцовая стена вдоль стенок котлована гробницы, толщиной 25–40 см без различимых стыков между кирпичами. Такие сооружения нередки и на Боспоре. Кроме того, следует учитывать особенности грунта в Локрах. Он довольно влажный, в связи с чем сырцы становятся более аморфными и трудноразличимыми.

³¹ Основана колонистами с Родоса и Крита. Напомним, что сырцовые могилы известны в раннем железном веке и на Родосе, и на Крите (см. выше). Отметим, что на Крите, в Элефтерне аналогичные кремации в сырцовых сооружениях продолжают вплоть до VIII–VII в. до н. э., то есть до времени основания Гелы [Burkhardt 2008, 1, 186–187, 193; 2, 196–197].

335, 337; 2011, 127–130, *De Mitri* 2020, 345]. Так же эта традиция прослежена в Гиппонионе и Медмах – субколониях Локр [*Orsi* 1917, ser. 10, 35; *De Mitri* 2020a, 9; *Francesconi, Castronuovo* 2018, 42–47]. В некрополе Липари (колония Книда) колонистов первых двух поколений хоронили по книдскому обычаю в керамических саркофагах, но уже в первой половине V в. до н. э., наряду с саркофагами, начинают хоронить в ямах, «обложенных» исключительно необожженными кирпичами беловато-жёлтой глины [*Cavalier* 2009, 69–85]. Следует отметить, что, судя по фото таких построек, стены погребальной конструкции были не «обложены», как пишут авторы, а именно построены в полный кирпич, в перехлест, а сверху были покрыты дополнительным раствором штукатурки для лучшей сохранности [*Bernabò Brea, Cavalier* 1965, tav. 24]. В результате мы видим именно то, что описывал Паоло Орси для некрополя Локр – сооружение в виде заглубленной или построенной в котловане «хижины». Существенным отличием её является то, что большинство опубликованных «хижин» Локр имеет перекрытие из черепицы, имитирующее крышу дома, а большинство (не все) ящиков из Липари – плоское перекрытие из плит [например, см. *Bernabò Brea, Cavalier* 1965, tav. 13. 2, 3; 24. 1, 28, 30 (с каменными перекрытиями); tav. 32,2 (с черепичными перекрытиями); см. также tav. B–R (планы и разрезы)].

Ещё одна область, где были распространены гробницы со стенами, сложенными из сырцового кирпича – Македония. Причем, здесь эта очень давняя традиция, уходящая своими корнями в могильники раннего железного века X–VIII в. до н. э. [*Chemsseddoha* 2017, 388. fig. 1]. Подкурганые элитные гробницы³² с помещенными в них кремациями³³, построенные с использованием сырцового кирпича, открыты и на участках VI в. до н. э. некрополя Эги и Вергины [*Kurts, Boardman* 1971, 276; *Vlachou* 2012, 381; *Kottaridou* 1999, 116; *Rabadjiev* 1997, 570; *Рабаджиев*, 1995, 118; *Βοκοτοπούλου* 1990, 131; *Κοτταρίδη* 2016, 622]. Приведем пример. Рядом с большой гробницей из сырцового кирпича VI в. до н. э. в месте, не обнаруженном древними расхитителями гробниц, разграбившими саму гробницу, были найдены обгоревшие предметы, извлеченные из погребального костра, заботливо помещенного в курган: бронзовый иллирийский шлем, четыре наконечника копья, ксифос, боевой нож – копис, однолезвийный кавалерийский меч с рукоятью, богато украшенной серебряными заклепками и слоновой костью, нож, две двойные булавки и фрагменты железных удил [*Kottaridi* 2020, 77–88, 92, fig. 2, 22, 23]. Дата комплекса близка времени вхождения на трон Аминта I (около 540 г. до н. э.). По мнению А. Котарида, это воинское погребение принадлежало какому-то аристократическому роду Эги, возможно, находившемуся в близком родстве с Теменидами. Такой обряд, в целом, как среди элит, так и среди рядовых воинов сохраняется в последующее время, но особенно распространяется в IV в. до н. э. при Филиппе II и Александре [*Koitaridi* 2020, 85, 90, 133].

Уже не раз отмечалось, что многие черты погребального обряда, в том числе и царских могил (например, Филиппа II) уходят своими корнями в архаику. Напомним, что и погребение самого Филиппа II, до помещения останков после кремации в подкур-

³² И даже в царском «скоплении Теменидов» (560–530 гг. до н. э.).

³³ В том числе с оружием и с удилами.

ганную гробницу³⁴, происходило на погребальном костре, который представлял собой монументальное здание, построенное из дерева и сырцового кирпича [Koitaridi 2020, 91, 92]. Здание это было возведено на *εκσεδρε* – специальной площадке для погребальных костров, аналогично тем сырцовым площадкам, о которых мы говорили при обзоре некрополя в Афинах. О размерах же самого кремационного здания можно судить по двустворчатой двери, аналогичной дверям самой гробницы царя. Остатки таких кремационных сооружений обнаружены и на других участках царского некрополя, в частности, у гробницы Эвридики [Koitaridi 2020, fig. 2, 6–8]. Кроме кремаций в некрополях Македонии известны неполные кремации³⁵ и ингумации в гробницах из сырцовых кирпичей [Κακαμανούδης 2017, 110, 271, 299, Balducci 2015, 413–415]. Такие погребения известны и в некрополях Синдона [Δεσποίνη 2016, 84–85, T90, T91; Κεραμάρης και άλ. 2004, 233–240], Архонтико, Агиос Афанасиос [Χρυσοστόμου, Χρυσοστόμου 2006, 565; Panti 2012, 469], Эдессе [Χρυσοστόμου 2013, 45], Лете, Терме, Тумба Салоника [Τζαναβαρη, Φίλης 2005, 158], Фойника [Τσιπλίδου-Αυλωνίτη 2007, 678–679, 683], Алана Тумпас [Σουερεφ 2005, 250–251], Трапеза Лембет [Λιουτασ και άλ. 2005, 304–306] и др. Раскопаны такие погребения и в эвбейских колониях Халкидики [Ανδρέου 2003, 29; Vokotopoulou 1994, 89], в частности, в Аканфе [Καλτσάς 1998, 290; Τρακοσοπουλου-Σαλακιδου 1988, 298–299]. Встречены такие погребения и в греческих некрополях³⁶ на близлежащих территориях, например, в некрополе Фасоса [Παπαδοπουλος και άλ. 2017, 146, 147, 151].

То же самое происходит в V в. до н. э. и во Фракии. Из сырца строят и гробницы, и культовые ямы. Такие объекты открыты близ села Ружица и в Дуванли [Стоянова, Попов 2008, 340–347; Stoyanov, Stoyanova 2016, 313–328]. Например, могила в Ружице близ Болярово представляла собой склеп и была доступна для подзахоронений пару десятков лет. Дата постройки и использования склепа на основании амфоры Хиоса устанавливается первой половиной V в. до н. э. [Stoyanov, Stoyanova 2016, 314].

На этом, пожалуй, можно и остановиться. По крайней мере, обозреть великое множество пунктов греческого мира, где зафиксированы различные виды погребальных сырцовых конструкций, относящихся уже к IV в. до н. э., в рамках этой работы надобности нет. Начиная с походов Александра, таких сооружений в самом разном виде (могил, подкурганых склепов и т. д.) становится очень много. Ярким примером этого является сооружение сырцовой конструкции в кургане с монументальной «Могилой Эротов» в Эретрии (sic!) [Huguenot 2008, 1, 54, 57, 62–64]. Автор публикации этого замечательного памятника ищет параллели таким гробницам и находит их именно в Македонии. И приходит к выводу, что данная гробница, а также «Гробница Амаринтоса» построены под сильным македонским влиянием во время нахождения в Эретрии македонского гарнизона и для высокопоставленных сановников – членов македонского гарнизона [Huguenot 2008, 1, 272–273].

³⁴ Интересно, что этот обряд очень близок обряду на некрополе Керамик (о котором уже говорилось выше по тексту), когда приношения клали на специально построенную платформу из сырцового кирпича и сжигались там; затем обломки (включая части платформы) смещались в ещё открытую могилу [Snodgrass 1971, 148].

³⁵ Когда тело прямо в могиле подвергалось частичному сожжению и при этом оставалось на месте в анатомическом порядке

³⁶ Подобные сооружения присутствуют и в некрополе Абдеры IV в. до н. э. К сожалению, эти погребения не опубликованы и информацию о них можно получить лишь на стендах и фотографиях музея Абдеры. Благодарим Константину Каллинци за любезную информацию.

Так выглядит беглый и далеко не полный обзор сырцовых могил в греческом мире. Конечно же, он идет вразрез неоднократно транслируемому мнению, которое базируется на тезисе об отсутствии сырца в погребальной практике в греческом мире времени поздней архаики – ранней классики [Горончаровский 2017, 232; 2020, 148, 149]. Уверены, что приведенные выше сведения, показывают несостоятельность этой идеи. Традиция погребений в сырцовых могилах в Греции, уходя корнями в глубокую древность, в архаику и классику не пресеклась, и нет никаких оснований считать иначе.

Однако вновь обратимся к представленным выше данным, которые подводят нас к значительно более важным и интересным наблюдениям. Внимательный читатель уже успел обратить внимание на то что, несмотря на широкое распространение сырцового домостроительства, далеко не во всех регионах Греции могилы с использованием сырцового кирпича получили распространение. На настоящее время мы считаем, что прародиной такого обряда, видимо, выступает регион Центральной Греции и в первую очередь Эвбея и Аттика, а для Южной Италии ещё и Локрида Опунтская. Почему?

Если посмотреть на карту, то можно увидеть, что, начиная с эпохи раннего железного века, на ограниченной территории в Аттике и примыкающей к ней Эвбеи распространен обычай захоронения в погребальных сооружениях с использования сырца. Для периода 1200–700 гг. до н. э. [Snodgrass 1971, 148, 150, 151] с точки зрения погребальных обрядов всю эту территорию можно рассматривать как единую. К аналогичным выводам пришел и Ураниас Визинос в своей диссертации, защищённой в 2011 г. в университете Янины. Исследователь сравнивает эту область Греции с окружающими, в частности с Пелопонесом, и останавливается на том, что территории Аттики и Эвбеи представляют собой единое целое в противопоставлении их с другими [Βιζυνηού 2010, 13–14, 407–421]. Ещё одним пунктом, в котором встречены сырцовые могилы, является Ороп, находившийся на границе Беотии и Аттики, прямо напротив Эретрии и являвшийся её колонией. За этот город довольно долго Афины боролись с Беотией, и афиняне владели городом еще до Пелопонесской войны. За исключением этой территории мы встречаем подобные сооружения в погребении Киноса – порта Опунта, одного из важнейших городов Локриды Опунтской. Данная область примыкает к Эвбейским территориям и граничит с территориями Оропа и далее – Аттики. То есть, обозначает совсем небольшая область, на которой и был распространен этот обычай.

С 770 г. до н. э. начинается колонизационная деятельность основных эвбейских полисов – Халкиды и Эретрии. Она идет в двух основных направлениях – в сторону Халкидики и в сторону Южной Италии и Сицилии. В результате мы встречаем разнообразные сырцовые гробницы как в районе Халкидики, так и в колониях южной Италии. В Халкидике сырцовые гробницы зафиксированы в Аканфе, а использование сырцового кирпича – при кремациях в Олинфе. Видимо, через посредство Эвбейских колоний возрождается и становится «модной» традиция строительства гробниц из сырцового кирпича в Македонии, на Фасосе и в Абдере. Более того, новый «всплеск» интереса к подобным сооружениям в Македонии, вероятнее всего, был связан именно с движением эвбейцев в этом направлении³⁷. Отсюда он распространяется и во Фракию.

³⁷ При том, что вплоть до появления эвбейцев эта традиция в Македонии существовала.

Значительно больше известно гробниц из сырцового кирпича в эвбейских колониях и субколониях Южной Италии и Сицилии, начиная с VI в. до н. э. Они раскопаны в Наксосе, Занкле, Регии, Милах, Катане и Гимере. Хорошо иллюстрирует распространения таких могил условная схема, составленная Carlo De Mitrì [2020, fig. 9]. Следует так же отметить, что в Южной Италии помимо эвбейских колоний традиция захоронения в сырцовых гробницах зафиксирована в Локрах Эпизефирских (основанных локрийцами опунтскими), в Гиппонионе и Медмах – субколониях Локр. Одновременно с этим сырцовые могилы появляются и в некрополях соседних пунийских городов Панормосе и Солунте [Camerata Scovazzo, Castellana 1981, 45; Spatafora et al. 2011, 204–206, 211, 214, 217]. Это сложно связать с пунийской традицией, потому что в финикийском мире нам известен только один некрополь раннего железного века, где при строительстве гробниц использовался сырцовый кирпич [Herzog, Levy 1999, 221–222]. Этот некрополь расположен в Леванте [Wolff 2002, 131] и далеко отстоит от пунийских городов Сицилии. В то же время и Панормус (Палермо), и Солунт расположены вблизи Гимеры, где захоронения в сырцовых могилах представлены широко. Кроме указанных пунктов, сырцовые гробницы известны в Липари (см. выше). Однако, взглянув на карту, можно убедиться в том, что этот остров со всех сторон окружен колониями и субколониями Эвбеи и Локр, и влияние традиций этих колоний на полис выглядит вполне естественным.

На юге Италии подобные сооружения в V–IV вв. до н. э. появляются и в некрополях местного населения – в Алезио [De Mitrì 2020a, 1–18; Burkhardt 2008, 2, 21], Монте Сарачено ди Равануза [Parelo 2007, 20; Greco 2019, 257], Ордони [Burkhardt 2008, 2, 76–77], Тиммари [Burkhardt 2008, 2, 134–135] и некрополе Арпи [Munzi et al. 2020, 392, 398, 402; Burkhardt 2008, 2, 29–30]. Причем, с большой вероятностью мы можем предполагать, что строили эти погребения греческие мастера. В основном это типичные сооружённые из сырца камеры, многие из которых были внутри оштукатурены. Особенно это касается некрополя Арпи на территории Даунии. Если наиболее ранние погребения некрополя имеют типичную для местного населения форму «*gunnogeew*», то есть катакомб или грунтовых склепов, вырубленных в скале, то поздние гробницы имеют уже совершенно другую форму, хорошо известную по греческим некрополям: различных склепов с двускатной крышей или полуциркульным сводом. В одном из таких склепов с полуциркульным сводом часть стен и дромос были сделаны из сырцового кирпича.

Ещё одним пунктом, где появляются сырцовые гробницы, является Камарина – субколония Сиракуз. Следует при этом отметить, что ни в Коринфе, ни в Мегарах и их колониях и субколониях таких погребений нет. Единственным исключением является Камарина. За территорию, на которой расположена Камарина, с самого начала велась борьба между Сиракузами и Гелой, более того, изначально на эту территорию претендовала именно Гела. Камарина вскоре после основания перестаёт подчиняться Сиракузам и начинает с ними войну, в которую постоянно вмешивается Гела. Уже в самом начале V в. до н. э. при тиране Гишпократе Камарина отходит Геле, который «стал вторым основателем города», а во второй четверти V в. до н. э. тиран Гелы Гелон вновь заселяет Камарину жителями Гелы (Thuc. VI. 5). В связи с этим следует отметить, что в некрополе Камарины встречаются те же сооружения, что в Геле и Элевтерне на Крите, а именно – сырцовые могилы в которых производилась кремация [Distefano 2019, 13–14, fig. 10;

Pelagatti 2017, 124]. Отличительной особенностью этой компактной группы погребений является построенная там же крупная могила T 295. По мнению П. Пелагатти, она представляла собой небольшое сырцовое сооружение с дополнительными столбовыми конструкциями, вокруг которого группировались остальные могилы. Внутри сооружения находился перевёрнутый мортарий, на котором и вокруг которого располагались различные сосуды – ойнохоя, котилы, арибалл и т.д. Под мортарием было выявлено пятно пережженного грунта. По мнению Пелагатти, это сооружения являлось небольшим погребальным храмом [*Pelagatti 2017, 297, 298, fig. 44*]. Как можно увидеть, и само сооружение, и группировка вокруг него могил довольно сильно напоминает планировку пространства в комплексе Героя Эретрии, о чём писалось выше. Ещё одна группа погребений в сырцовых могилах появляется в Камарине в последней трети V в. до н. э. и существует до конца столетия. Что же было в этот период? А в этот период Камарина выступала против Сиракуз на стороне Эвбейских колоний. Причем, что интересно, в эту войну с 427 г. до н. э. вмешались афиняне, с чьей помощью Камарина даже в 424 г. отвоевала у Сиракуз Моргантину. Впрочем, сицилийская экспедиция Афин закончилась поражением, антисиракузский союз распался, а в 405 и 401 гг. Камарина была разрушена и разграблена карфагенянами. Несмотря на то, что после она была восстановлена, обряд погребения в сырцовых ящиках более не возобновлялся.

Что же касается Аполлонии Иллирийской, то в Эпире и Иллирии использование сырцовых конструкций в героических погребениях зафиксировано с раннего железного века. И, как и в регионе Аттики – Эвбеи и Македонии, этот обряд уходит корнями в более раннее время. Тем не менее, широкое распространение сырцовых могил в этом городе начинается только с VI в. до н. э., и, видимо, не связано с древними местными погребальными традициями. Следует отметить, что в это же самое время в метрополии Аполлонии, Коринфе, кремации и использования сырца неизвестны. Однако и в этом случае полезно углубиться в историю. Второй метрополией Аполлонии Иллирийской является г. Керкира. Еще до появления на острове коринфян в VIII в. до н. э. этот остров колонизовали эвбеицы [*Malkin 2017, 149*]. Ирад Малкин отмечает, что с эвбейским присутствием на Керкире связаны изображения на керкирских монетах, а также название города «Эвбея» и указывает на то, что полуостров, на котором расположен город Керкира, называется эвбейским именем Μάκρις [*Malkin 2017, 149; Šašel Kos 2015, 9*]. Судя по имеющимся данным, халкидское присутствие на острове сохранялось и во время коринфской колонизации. И в этой связи вполне вероятным выглядит предположение, что в их среде, как своего рода маркер идентичности, мог сохраняться обычай строительства сырцовых погребальных сооружений для своих героев и предков.

Наконец, заканчивая этот обзор, хочется упомянуть ещё об одном объекте. Это сооружение из сырцового кирпича, построенное на некрополе «Метрополис» на о. Наксос. На месте более раннего некрополя в конце VIII в. до н. э. сооружается героон, во многом схожий с теми, что мы знаем в Эвбее и Аттике [*Kaklamani 2017, 206, fig. 10*]. Поминальные действия, связанные с культом предков, на этом месте продолжают вплоть до VI в. до н. э. Этот памятник стоит особняком для данной территории, особенно с учетом полного отсутствия сырцовых погребальных сооружений на Кикладах. Тем не менее, если немного углубиться в историю, то мы видим, что в это время Наксос поддерживает

очень тесные связи с Халкидой. По сообщению Гелланика, в 735 году до н. э. Наксос, совместно с Халкидой основывает г. Наксос в Сицилии (Hellenic. Fr. 82 Jacoby; Шубин 2011, 33], а позже активно участвует в Лелантской войне (ок. 710 – ок. 650 гг. до н. э.), так же на стороне Халкиды. На этом фоне становится вполне объяснимой причина появления именно в этот период героона «эвбейского» типа на Наксосе.

Несложно заметить, что сырец в контексте погребальной практики, выступал и как обычный строительный материал, использовавшийся для сооружения могил рядовым гражданам полисов, и как материал для выдающихся сооружений – героонов, погребально-поминальных конструкций, элитных гробниц. Если в первом случае сырцовые кирпичи могли быть во многом упрощенной альтернативой другим строительным материалам, как например, в некрополе Липари, где сырец иногда выступал некой «заменой» традиционным керамическим саркофагам, то сооружения погребально-поминальных конструкций и богатых гробниц с воинским комплексом несли в себе несколько иную смысловую нагрузку, связанную, в первую очередь с идеей героизации. Если мы вновь обратимся к истории архитектуры, то можем отметить, что из сырца строили именно жилую зону в греческих ойкосах. И тот факт, что самые ранние храмы строятся именно из сырца, а не из камня, связан, на наш взгляд, именно с идеей комфортного обитания божества. То же самое можно сказать о *героонах*. Только в этих случаях линия развития от реальных жилых домов к месту последнего обитания героя ещё более четко прослеживается³⁸. В этом моменте сырцовые конструкции можно рассматривать как показательное отделение таких комплексов от всех прочих. Довольно любопытно, что здесь в связке с данными погребениями, помимо оружия, идут снаряжение коня и курганная насыпь³⁹. Во многих случаях эти элементы неразрывны. Не выпадает из этого контекста и Керамик. Некрополь помимо того, что является древнейшим афинским кладбищем, уже с архаического времени представлял собой место упокоения выдающихся граждан города. Причем именно здесь, как нигде в греческом мире, можно наблюдать, пожалуй, самое полное разнообразие могильных сооружений: ямы, ящички, саркофаги, склепы, кремации, надмогильные курганы и т.д. На этом фоне вполне достаточным будет лишь упоминание того факта, что могильные сооружения, при возведении которых использовался сырец, находятся в главном некрополе одного из крупнейших, а применительно к V в. до н. э. могущественнейших полисов Греции, стоявшего во главе торговой империи.

А что Боспор? Как уже было отмечено, использование в погребальных сооружениях сырца, а также совершение погребений в сырцовых склепах и гробницах в некрополях Боспора прослеживается с конца VI – начала V в. до н. э. [Сударев 2005, 104; 2010, 431–432; Кашаев 2009, 191, 214; 2013, 370–374; Сударев, Кашаев 2016, 471–480, Сударев 2016, 333–340; Иванов, Сударев 2017, 176–180; Кашаев, Сударев 2020, 26–46]. В целом, в основе такого заключения лежат аналитические работы над материалами боспорских некрополей, которые

³⁸ Но вновь отметим, что и строительство сырцовых храмов, и строительство сырцовых героонов распространено не во всем греческом мире, и выбор материала определяется не наличием/отсутствием камня, а региональными особенностями [Barletta 2001, 27, 29, 52].

³⁹ Идея связывать курганы с могилами героев, получивших право упокоиться под насыпью за заслуги перед полисом, далеко не нова. Подробней об этом можно ознакомиться в монографии В. А. Папановой посвященной некрополю Ольвии Понтийской [2006, 164, 165].

активно публиковались ещё в 50–60-х годах XX в., где для сырцовых могил предполагалась и более ранняя дата [Кастанаян 1959, 258]. В настоящее время на основании всего доступного археологического фонда Боспора мы можем говорить о том, что первые могилы, стенки которых обложены сырцовыми кирпичами, появляются здесь в пределах последней трети, вероятнее, в последней четверти VI в. до н.э.⁴⁰

Для примера разберем комплекс Г10 некрополя Артюшенко-2 [Кацаев 2019, 134, 135, рис. 4]. Погребение совершено в крупной сырцовой могиле с деревянным перекрытием и двумя желобами у торцевых стенок для ножек *клине*. Ориентировка погребенного восточная, с небольшим смещением от оси. Хронологически определяющими в комплексе выступают миниатюрная одноручная чашечка и ойнохойя. Чашечка имеет множественные аналогии: некрополь Фанагории [Завойкин, Колесников, Сударев 2016, рис. 89]; Ольвия [Буйских 2013, 388, кат. 9.316, 9.321]; Березань [Крутилов 2010, 136, рис. 5. 494]; Борисфен [Буйских 2019, 138, кат. 6.103, 6.105, 6.108]; могильник Рассвет [Крушкол, Новицихин 2010, 90, 92, рис. 95]. Такие чашечки исследователи относят к последней четверти – концу VI – началу V в. до н. э. Ойнохойя из погребения Г10 близка типу II последней четверти VI в. до н. э. по К. Узуну [Uzun 2007, 115–117, fig. 79], а также сосуду из погребения 67 могильника Рассвет второй половины VI – начала V вв. до н. э. [Крушкол, Новицихин 2010, 94, рис. 98]. На основании приведенных данных, погребение Г10 должно быть датировано в рамках последней четверти VI в. до н. э.

Вопрос о погребениях в сырцовых могилах на Боспоре уже для V в. до н. э. не требует дополнительных доказательств, причем конструктивно, без видимых изменений, они продолжают типологическую линию, наметившуюся в конце VI в. до н. э. Таких захоронений известно достаточно много по обе стороны пролива. Помимо некрополя Артюшенко-2 [Кацаев 2019, 134, 135; Кацаев, Сударев 2020, 26–46] эти могилы присутствуют на некрополе поселения Волна 1. В некрополе Пантикапея, например, гробницы 40 и 41 1902 г. довольно уверенно датируются второй четвертью V в. до н. э. по чернофигурным лекифам с пальметтами работы мастерской Белдама и чернофигурному лекифу с пасущимися лошадьми. Сырцовый «ящик» с парным захоронением № 46/1902, расположенный рядом и имеющий в наборе инвентаря также чернофигурный лекиф с пальметтами, видимо, должен датироваться тем же временем⁴¹. Также датируется и сырцовый «ящик» 40/1907, в котором наряду с другим инвентарем встречены «финикийский» амфориск из синего стекла, украшенный голубыми и желтыми полосками и зигзагами и лекиф с тремя черными пальметками». Погребение 6/1912 датируется по хиосской пухлогорлой амфоре и чернофигурным лекифам мастера Эмпория в пределах 470-х гг. до н. э. [Борисковская 1997, 35]. В Нимфее известны сырцовые гробницы, датированные по чернолаковому аттическому килику и стратиграфии V в. до н. э.⁴² [Грач 1999, № А214], по найденному в нем горлу хиосской пухлогорлой амфо-

⁴⁰ После полной обработки всех материалов некрополя Волна 1 общая датировка может быть удревнена.

⁴¹ Следует отметить, что у второго костяка в том же погребении обнаружено два лекифа с «красными пальметтами», что расширяет датировку данного комплекса, хотя и не меняет время его сооружения.

⁴² Разрушено погребением 212 конца V в. до н. э. Подобное разрушение предполагает, что на поверхности не осталось никаких следов предыдущего погребения, то на наш взгляд не могло произойти ранее, чем через 50 лет.

ры [там же, № А132], а также могила с алабастром белого стекла второй четверти V в. до н. э. [там же, № А96]. В некрополе Ольвии известны сырцовые гробницы, начиная с V в. до н. э. [Папанова 2006, 84; Козуб 1962, 42]. И т. д.

В V в. до н. э. в некрополях боспорских городов появляются комплексы, которые конструктивно устроены значительно сложнее; в частности, такие захоронения совершены в крупных гробницах, перекрытых курганными насыпями. К ним относятся сырцовая гробниц 14 кургана 32 с упряжью первой половины V в. до н. э. [Силантьева 1959, 87] и сырцовые подкурганные склепы Фанагории, видимо, середины – второй половины V в. до н. э. с захоронениями одоспешенных воинов [Герц 1876, 65; Кобылина 1956, 19]⁴³. В полной мере такие погребения на фоне рядовых могил значительно выделяются размерными характеристиками, сооружением над ними курганных насыпей, ярко выраженным воинским комплексом⁴⁴.

При изучении подкурганных сырцовых гробниц встают вопросы: кому принадлежат и с чем связаны подобные захоронения? По поводу совокупности элементов обряда, т. е. возведение над гробницами курганов, захоронение лошадей, звериный стиль конского уздечного набора, оружие при погребённых, украшения из ценных металлов и дорогая посуда, и то, что весь этот комплекс не выпадает из контекста норм погребального обряда элитарной культуры, мы уже писали [Иванов, Сударев 2017, 176–183]. Тем не менее, вопрос о курганах V в. до н. э., в том числе и с сырцовыми гробницами, более сложный, чем может показаться на первый взгляд. Он упирается в очевидно образовавшуюся проблему, связанную с возникновением элиты на Боспоре. Это самостоятельная и довольно обширная для изучения тема при всем желании не может быть рассмотрена в рамках данной статьи⁴⁵. Наиболее распространенное мнение было обобщено Ю. А. Виноградовым [2017, 326], а некоторые её выводы звучат следующим образом. Во время Археанактидов (480/79–438/37 гг. до н. э.) на Боспоре появляются погребальные памятники, которые резко выделяются среди других. Их в полной мере следует признать элитными – это курганы с варварскими чертами в обряде и инвентаре. Наиболее многочисленная и показательная группа таких курганов сосредоточена в окрестностях Нимфея, в меньшем количестве они известны в некрополях почти всех боспорских апойкии: в Пантикапее, Фанагории и Кепах. С известной долей преувеличения можно сказать, что боспорская аристократическая культура начинает формироваться под сильнейшим варварским влиянием.

В этом вопросе наше мнение остается неизменным. Не отвергая варварского влияния на культуру Боспора в целом, и на формирование элитарных погребальных комплексов

⁴³ Тем не менее, вопрос датировки этих комплексов не решен. Например, на юго-восточном некрополе Фанагории при раскопках широкими площадями, в том числе и на архаическом участке некрополя, был исследован комплекс, в состав которого, помимо прочего, входил и доспех. Данное погребение по «протофасосской» амфоре датируется второй четвертью V в. до н. э.

⁴⁴ Причем на некрополе Нимфея к сырцовой гробнице 14 кургана 32 примыкают и другие курганы со схожим обрядом, с тем отличием, что гробницы в них сложены из камня.

⁴⁵ Естественно, по этому вопросу существует большая литература, венцом же работы по изучению боспорской элиты на настоящее время является крупная коллективная монография исследователей из Санкт-Петербурга «Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени» выпущенная в 2017 г. (Боспорские исследования. Вып. XXXIV/Отв. ред. В. Н. Зинько).

в частности, мы придерживаемся мнения, согласно которому элитные комплексы курганов V в. до н. э. говорят не столько об этносе их оставившем, сколько о направлении или сети политических связей элит и том, что сам погребальный обряд курганов не выпадает из контекста норм элитарной культуры, принятой в Греции, Италии, Фракии, Македонии и т.д. Приведенные сведения о сырцовых гробницах в перечисленных регионах дают основание видеть в боспорских курганах V в. до н. э. не инородный или инокультурный элемент, как это считалось прежде, а идею, по аналогии с памятниками Средиземноморья, связанную в первую очередь с особым статусом погребенных – с их героизацией. Именно по этой причине захоронения имеют ярко выраженный воинский комплекс, дополнительно подчеркнутый могилами коней. Ю. А. Виноградов [2017, 325] пишет: «...В процессе колонизации важную роль играла греческая аристократия, из среды которой чаще всего происходили ойкисты; власть ойкиста на начальном этапе существования апойкии, как представляется, была весьма существенной; вероятнее всего, эти люди и их потомки составляли элиту во всех новых полисах». Таким образом, более вероятно, что курганы V в. до н. э., расположенные в некрополях городов, в том числе с сырцовыми гробницами, являются отражением процесса формирования и становления полисной элиты, нежели памятниками, оставленными какими-либо варварами.

Настало время подвести итоги. Повсеместно в греческом мире, начиная с глубокой древности, сырцовые кирпичи, благодаря своим качествам, использовались в наземном строительстве наряду с другими материалами. Сырец также применялся при возведении погребальных сооружений, как простых «ящичков» для одиночных захоронений, так и для крупных погребально-поминальных конструкций: различных площадок для приношений и кремаций, склепов. Очень часто такие сырцовые конструкции имитировали заглубленную в землю «хижину» или возвышающийся над землей домик с черепичной крышей и даже оштукатуренными внутри и снаружи стенами. Наиболее богатые сооружения украшались снаружи расписными пинаками. То есть, это было не просто место памяти, а место для комфортного обитания души. Прародиной традиции захоронений в сырцовых могилах у греков выступает Центральная Греция и в первую очередь – Эвбея и Аттика, территория которых, с точки зрения системы погребальных обрядов, представляет собой единое пространство. Это единство, видимо, увязано и с «этнической» общностью обитавшего здесь населения – ионийцами. Распространению же обряда способствовала колонизационная деятельность, о чем говорят, например, некрополи эвбейских апойкии. На Боспоре и даже шире – в Северном Причерноморье сырец появляется только вместе с греческими колонистами. Именно они являлись носителями этой строительной традиции; местные же племена, обитавшие здесь, подобной технологией, следуя данным археологии, не обладали. Наряду с каменной архитектурой, одними из первых зданий, построенными в апойкиях, были здания из сырцового кирпича, а Фанагория, уже в самые первые годы существования, окружается сырцовой оборонительной стеной.

Первые могилы, стенки которых построены из сырцовых кирпичей, в боспорских некрополях появляются не позднее последней четверти VI в. до н. э. На данный момент мы не можем достоверно утверждать, появилась эта традиция, также, как в эвбейских и локрских колониях вместе с колонистами или была привнесена позже. То,

что это не местная черта – вполне очевидно. Поскольку, например, на некрополе Артющенко-2 сырцовые «ящички» входят в группу наиболее ранних погребений, возможно, мы имеем дело с какой-то волной переселенцев, принесших с собой данный обряд из покинутых ими мест. Но вот откуда именно – сказать сложно. Это могут быть и переселенцы из Абдеры, и торговцы из Халкидики, Афин или Эвбеи – на данный момент все предположения представляются равновероятными. Захоронения совершены по нормам греческого погребального обряда, в основном одиночные, с ориентировкой покойного в восточном секторе, с нишами под установку *клизе*, с типичным расположением погребального инвентаря и т. д. Подобным образом хоронили во многих пунктах греческой ойкумены. Впрочем, для VI в. до н. э. сырцовые могилы концентрируются не во всех областях. Например в Ионии их, действительно, нет⁴⁶, но много в Италии, на Сицилии, в Иллирии, сырец также использовался в Афинах, Македонии и т. д.

Сырцовые могилы как тип погребального сооружения в V в. до н. э. довольно быстро распространяются по некрополям населенных пунктов Боспора и Северного Причерноморья. Возможно, в этом проявилась тенденция к героизации не только ойкистов и особо выдающихся граждан, а всех предков, в особенности родоначальников семей. По мнению Марио Торелли [Torelli 2011, 108–109], «распространение орфо-пифагорийских учений среди высших слоев и культов, связанных с Деметрой и Корой, для народных городских и сельских слоев лежит в основе тенденции к всеобщей героизации». И надо отметить, что это общая для памятников греческого мира тенденция. В её распространении нет ничего странного, необычного и нового – подобное в погребальном обряде различных городов Греции фиксировалась не раз. А. М. Снодграсс писал о том, что одна и та же община могла неоднократно и искренне менять свои предпочтения в отношении обряда, и не следует забывать о силе простой социальной моды [Snodgrass 1971, 144, 146]. Тем более, если мода сочетается с технологической простотой и эффективностью (что наглядно демонстрирует сырцовый кирпич), не меняя при этом саму концепцию погребального обряда и могильного сооружения, принятого в обществе.

Что касается сырцовых подкурганых гробниц, то их появление отражает становления полисной элиты, что вполне согласуется с историческим контекстом и с военно-политическими событиями, происходившими на Боспоре на протяжении первой половины V в. до н. э. Отличием от других подобных захоронений является лишь то, что они были совершены не в каменных гробницах, а в сырцовых. По приведенным аналогиям, мы считаем, что сырец в элитных воинских погребениях указывает не только на особый статус погребенных, но и на их героизацию, что также вполне согласующуюся с древнегреческим эпосом. Традиция превращения посмертного «дома героя», *герона*, в курган столь же обычна для греческого мира. Наиболее ранним таким примером

⁴⁶ Связано ли это с тем, что не все греческие переселенцы в Ионии принадлежали к ионийскому племени? «И было даже очень глупо утверждать, что эти азиатские ионяне чистокровнее и благороднее остальных ионян. Добрую часть их составляют абанты, которые ничего общего не имеют даже в имени с ионянами. Кроме того, ионяне смешались с орхоменскими минийцами, с кадмейцами, дриопами, фокейцами, отделившимися (от своего народа), молоссами, пеласгическими аркадцами, дорийцами из Эпидавра и многими другими племенами» (Her. I, 146). По приведенному свидетельству Геродота, поселенцы не только происходили из различных эллинских племён и городов, но и смешивались с местным населением [Кондратьев 2017, 30, 32, 33], что не могло не отразиться на особенностях их погребальной практики.

является, вне всякого сомнения, могила «героя Лефканди». Более поздние, но не менее яркие примеры – это *герооны* Посейдонии (Пестума) и Селинунта [Helas 2022, 409–428, Dubbini 2010, 119–127; Ficuciello, 2019, 203–223]. В обоих случаях для умершего героя-ойкиста было сделано сооружение в виде небольшого домика (в Посейдонии и, вероятно, в Селинунте в виде заглубленной в землю «хижины» с двускатной крышей, аналогично тому, что мы видим в Локрах Эпизефирских, но выполненные из камня). Вокруг *героона* была сооружена ограда, в которой проводились поминальные тризны и жертвоприношения. А через некоторое время оба сооружения были перекрыты курганными насыпями, рядом с которыми продолжались поминальные действия⁴⁷.

Элитарные погребения Боспора, безусловно, являются источником для реконструкции политических и экономических связей. Видимо, одним из направлений таких связей следует обозначить четыре, последовательно лежащих на одной условной оси пункта – Афины, Эвбея, Македония и Фракия. Именно в этих центрах на протяжении V в. до н. э. осуществлялось строительство крупных сырцовых гробниц, в том числе перекрытых курганными насыпями. Если для IV в. до н. э. влияние Македонии на погребальную архитектуру известно, то для более раннего времени речь может идти как об Афинах, так и о эвбейском влиянии. Однако чтобы говорить о соответствии памятников, необходимо провести отдельное исследование.

Что касается Семибратних курганов, то на уровне нашего сегодняшнего знания, в том числе и из-за давности раскопок, практически невозможно рассуждать о них вне рамок предложенного историографией дискурса. Тем более дискурса, подкрепленного письменными и эпиграфическими источниками, разработками в области хронологии курганов. Но этого сейчас и не требуется. Будем исходить из того, что памятник оставлен царской синдской династией, а значит, его выдающийся статус несомненен. И только с этой стороны и следует рассматривать выбор материала для сооружения царских усыпальниц. Помимо роскошного погребального инвентаря и грандиозного надмогильного сооружения, в качестве которого выступала курганная насыпь, сырцовая гробница, сооруженная греческими мастерами⁴⁸, представляла собой *инсигнию* – внешний знак могущества, власти, продиктованный не столько модой (хотя, видимо, и этим тоже) сколько тем обстоятельством, что на подвластной им территории ничего подобного не было.

⁴⁷ Случай с Селинунтом интересен еще и тем, что там обнаружена свинцовая пластина с записью закона, регламентирующего празднества, проводимые раз в 4 года в начале лета и посвященные, в частности, почитанию «чистых и нечистых» Тритопаэтов. Из контекста понятно, что речь идет о предшественниках, предках, в буквальном смысле прапрадедов. Особенно интересно упоминание совместных трапез состоящих из мяса, сладостей и напитков из молока и меда. Также упоминается возлияние вина через крышу. Этот момент особенно интересен тем, что для предков предполагалось оставлять возможность некоего сообщения с могилой через крышу. По аналогии с *героонами* Посейдонии и Селинунта можно предположить, что и другие «дома мертвых» имели выступающую над землей крышу.

⁴⁸ В этом вопросе наша позиция максимально близка заключениям Г.Р. Цецклядзе. На основании анализа фракийских и скифских гробниц V–IV вв. до н. э., исследователь пришел к выводу о том, что эти элитные памятники были построены ионийскими греками, которые также возводили и резиденции местных правителей и, в то же время, активно и непосредственно участвовали в создании элитарного искусства и культуры в Причерноморье. Ионийцы, вынужденные приспособляться к условиям новой родины, все же никогда не теряли своей эллинской идентичности, распространяли и адаптировали греческое искусство и ремесло под вкусы варварских правителей и местного населения [Tsetschlidze 1998, 80]. Однако соглашаясь с ним в целом, а именно в том, что строили эти сооружения греческие мастера, вопрос о том, откуда были эти мастера – из городов Боспора, Афин или эвбейских полисов – мы оставляем открытым.

В контексте дискуссии о сырцовых гробницах Семибратних курганов, мы полагаем уместным привести закономерные выводы наших болгарских коллег, базирующиеся на информации, накопленной многолетними археологическими работами во Фракии. Здесь отмечается широкое использование сырцового кирпича, большой спектр его применения в различных объектах и разных по назначению архитектурных сооружениях, и нет оснований искать происхождение этой строительной техники в местной среде. Постепенное введение в строительную традицию сырца следует связывать с контактами фракийцев и присутствием во Фракии эллинского населения. В этой связи можно предположить специализацию отдельных греческих мастеров на сырцовом строительстве. Резкий рост использования самана во Фракии предполагает «навязывание» этой специализации местной среде [Stoyanov, Stoyanova 2016, 314].

Мы считаем, что приведенные выше заключения, вполне могут лечь в основу того, каким образом необходимо воспринимать любые археологические свидетельства о применении сырца не только в Синдике, но и на других прилегающих к греческим городам территориях Северного Причерноморья.

Список литературы

- Абрамов А. П. 1999. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей. 1. М., 3–32.
 Абрамов А. П. 2005. Патрейское городище // Патрей. 2. М., 7–53.
 Абрамов А. П. 2006. Комплекс амфор последней четверти VI в. до н. э. из Патрея // ДБ. 9. 11–35
 Алексеев А. Ю. 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии // АСГЭ. 31, 43–57.
 Алексеев А. Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб, 416.
 Алексеева Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 144.
 Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгипсия. М., 560.
 Алёкин В. А. 1986. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л., 194.
 Анфимов Н. В. 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар, 232.
 Ань Джемьинь 2003. Китай (3000–1600 гг. до н. э.) // История человечества III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э. М., 623.
 Артамонов М. И. 1974. Киммерийцы и скифы. Л., 155.
 Блаватская Т. В. 1959. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 160.
 Блаватский В. Д. 1951. Материалы по истории Пантикапея. План города // МИА. 19, 9–63
 Блаватский В. Д. 1955. Раскопки Пантикапея в 1952 году // КСИИМК. 58, 73–87.
 Блаватский В. Д. 1957. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. 56, 5–95.

- Блаватский В. Д. 1962. Отчёт о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 103, 6–85.
- Блеген К. 2004. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака. М., 363.
- Борисковская С. П. 1997. Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // *Тр. ГЭ*. 28, 25–37.
- Брей У., Трамп Д. 1990. Археологический словарь. Перевод с английского Г. А. Николаев. М., 368.
- Бутягин А. М. 1997. О переходе к каменному домостроительству на городище Мирмекий // *Stratum+ ПАВ*, 94–100.
- Бутягин А. М. 2000. Мирмекий в период архаики // *Таманская старина*. 3, 142–144.
- Бутягин А. М. 2004. Дом под мирмекийскими зольниками // *БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников*. Ч. I, 126–131.
- Бутягин А. М. 2005. К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // *БФ: Проблема соотношения письменных и археологических источников*, 101–107.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. 2006. История и археология древнего Мирмекия // *Мирмекий в свете новых археологических исследований*. СПб, 4–51.
- Буйских А. В. 2013. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 456.
- Буйских А. В. 2019. Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев, 392.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. 1980. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // *ВДИ*. 4, 155–161.
- Виноградов Ю. А. 1992. Мирмекий // *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 99–119.
- Виноградов Ю. А. 2001. Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // *ВДИ*. 4, 77–87.
- Виноградов Ю. А. 2005. Боспор Киммерийский // *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. СПб, 211–296.
- Виноградов Ю. А. 2017. Шесть веков развития культуры боспорской аристократии // *БИ. XXXIV. Элита Боспора Киммерийского. Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*, 325–331.
- Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция*. М. 366–420.
- Власова Е. В. 2001. Семибратние курганы // *БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Ч. II, 127–132.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л., 622.
- Гайдукевич В. Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // *МИА*. 25, 15–134.
- Герц К. 1876. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. М., 118
- Горончаровский В. А. 2011. Синдика в период возведения Семибратних курганов // *БФ: Население, языки, контакты*, 271–278.
- Горончаровский В. А. 2013. О хронологии Семибратних курганов // *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Ростов-на-Дону, 161–173.

- Горончаровский В. А. 2014. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. XXX, 553–618.
- Горончаровский В. А. 2017. Цари и аристократия Синдики V – начала IV вв. до н. э. // БИ. XXXIV. Элита Боспора Киммерийского. Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени, 223–260.
- Горончаровский В. А. 2020. М. И. Ростовцев и изучение Семибратних курганов // БФ: Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Ч. 1, 142–151.
- Горончаровский В. А., Иванчик А. И. 2010. Синды // АНК. I, 218–235.
- Грач Н. Л. 1999. Некрополь Нимфея. Л., 328.
- Завойкин А. А. 2011. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н. э. // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований. 4). М., 18–39.
- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь. 592.
- Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И. 2016. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. 2 (Фанагория. 4), 110–207.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2013. Некоторые проблемы урбанистики Фанагории в V в. до н. э. // БЧ. XIV. Археологический объект в контексте истории, 162–169.
- Завойкин А. А., Сударев Н. И. 2005. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг. (Предварительная информация) // Патрей. 2. М., 61–75.
- Завойкин А. А., Сударев Н. И. 2010. Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 г. // АО 1999–2004 г., 174–189.
- Застрожная (Панкратова) Е. Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.). СПб, 308.
- Зеест И. Б., Маню А. 1959. Отчет о раскопках некрополя Аполлонии в 1959 г. Курган № 1. (Научный архив ИА РАН. Р-1. № 2107). М., 152–192.
- Зинько В. Н. 2014. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. (БИ. Suppl. 11). Симферополь–Керчь, 592.
- Иванов А. В. 2019. Элитный комплекс начала IV в. до н. э. на западных границах меотской культуры // SCYTHIA et SARMATIA. М., 61–70.
- Иванов А. В., Нарожный Е. И., Соков П. В. 2019. О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье // АВ. 25, 58–76.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. 2017. Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // ДБ. 21, 160–189.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. 2018. «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение) // БЧ: XIX. Традиции и инновации, 179–184.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1983. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 379.
- Кастанаян Е. Г. 1959. Грунтовые некрополи Боспорских городов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА. 69, 257–295.
- Кастанаян Е. Г. 1972. Раскопки Порфмия в 1968 г. // КСИА. 130, 77–82.

- Качурис К. А. 1966. Погребальные сооружения Элевсина среднего периода бронзового века // Археология Старого и Нового света. М., 58–72.
- Кашиев С. В. 2009. Некрополь Артющенко-2 // БИ. XXII, 188–267.
- Кашиев С. В. 2013. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // РАЕ. 3, 360–409.
- Кашиев С. В. 2019. О конструкции сырцовых склепов в некрополе Артющенко-2 // АЧ. IX, 133–143.
- Кашиев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. 2020. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // АВ. 30, 82–96.
- Кашиев С. В., Сударев Н. И. 2020. Традиция погребений в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // БИ. XL, 26–46.
- Кобылина М. М. 1956. Фанагория // МИА. 57, 5–104.
- Козуб Ю. И. 1962. Поховальні споруди ольвійського некрополя V–IV ст. до н. э. // АП. 11, 39–47.
- Козуб Ю. И. 1974. Некрополь Ольвії. Київ, 183.
- Кондратьев В. С. 2017. Взаимоотношения ионийцев и карийцев в XI–VI вв. до н. э. в свете античной нарративной традиции // ПИФК. 3, 27–38.
- Коровина А. К. 1957. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 2, 174–187.
- Коровина А. К. 1962. Некрополь около мыса Панагии // АИБ. 2, 302–312.
- Коровина А. К. 1964. Некрополи Синдики VI–II вв. до н. э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора. Дисс. ... канд. ист. наук (Научный архив ИА РАН. Р-2. № 1914). М., 329.
- Коровина А. К. 1992. История исследования Таманского городища // СГМИИ. X, 7–40.
- Крутилов В. В. 2010. Археологические исследования античного поселения на о. Березань (участок Т) в 2007 г. // СΥΜΒΟΛΑ, 125–136.
- Крушкол Ю. С., Новичихин А. М. 2010. Описание погребальных комплексов. Каталог // Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья. III). М., 20–190.
- Кузнецов В. Д. 1991. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 204, 31–37.
- Кузнецов В. Д. 2000. Организация общественного строительства в древней Греции. М., 536.
- Кузнецов В. Д. 2009. Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 192–198.
- Кузнецов В. Д. 2010. Фанагория – столица Азиатского Боспора // АНК. I, 428–469.
- Кузнецов В. Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований. 4). М., 117–130.
- Кузнецов В. Д. 2015. Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории) // ПИФК. 1, 282–294.
- Кузнецов В. Д. 2018. Оборонительные сооружения Фанагории // КСИА. 250, 215–219.
- Кузнецов В. Д. 2021. Архаические стены Фанагории // Нураніс. 3, 111–130.
- Мальшев А. А., Горланов С. С. 2020. О погребальных сооружениях населения полуострова Абрау в эпоху раннего железа // Теоретические и методические проблемы археологии. Барнаул, 67–82.

- Мартынов А. И., Шер Я. А. 1989. Методы археологического исследования. М., 223.
- Марченко И. Д. 1979. О планировке северного района Пантикапея. (К проблеме изучения агоры) // СА. 2, 164–178
- Марченко И. Д. 1984. Раскопки Пантикапея в 1965–1972 годах // СГМИИ. VII, 3–27.
- Меллинк М. Д. 1989. Троя II в контексте раннего бронзового века в Анатолии // ВДИ. 4, 175–180.
- Мишина Т. Н. 2010. Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы теля Юнаците, Балканы) // КСИА. 224, 136–149
- Мошинская В. И. 1946. О государстве синдов // ВДИ. 3, 203–208.
- Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А. 2010. Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. (Краеведческие записки. XV). Самара, 87–100.
- Новичихин А. М. 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. по материалам погребальных памятников. Анапа, 218.
- Новичихин А. М. 2009. К вопросу о походах скифов в земли синдов (Herod., IV, 28) // Былые годы. 2, 13–17.
- Ольховский В. С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 256.
- Папанова В. А. 2006. Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. Киев, 250.
- Паромов Я. М. 2016. Сырцовые гробницы V–IV вв. до н. э. в курганах Азиатского Боспора // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура, 164–172.
- Плужников В. И. 1995. Термины российского архитектурного наследия. М., 160.
- Рогов Е. Я. 1985. Сырцовые конструкции в погребальных сооружениях некрополя Панское I // КСИА. 182, 45–50.
- Рогов Е. Я. 2011. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму (МАИЭТ. Suppl. 10). Симферополь, 215.
- Ростовцев М. И. 1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 537.
- Ростовцев М. И. 1918. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 190.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л., 621.
- Силантьева Л. Ф. 1959. Некрополь Нимфея // МИА. 69, 5–107.
- Силантьева Л. Ф. 1967. Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // Тез. докл. научной сессии Гос. Эрмитажа. Л., 46–48.
- Сокольский Н. И. 1965. Раскопки в Кепях в 1962 г. // КСИА. 103, 108–118.
- Сокольский Н. И. 1973. Культ Афродиты в Кепях конца VI–V в. до н. э. // ВДИ. 4, 88–92
- Сокольский Н. И. 1975. Новые раскопки в Кепях // Eirene. XII, 615–619.
- Соловьев С. Л. 2003. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. Итоги работ Керченской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа: 1992–1996 гг. СПб, 212.
- Сорокина Н. П. 1957. Тузлинский некрополь. (Тр. ГИМ. 26), 64.
- Сорокина Н. П., Сударев Н. И. 2004. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н. э. // БЧ. V. Этнические процессы, 353–363.
- Стоянова Д., Попов Х. 2008. Нови сведения за употребата на кирпич в предримска Тракия // Phosphorion, 340–347.

- Сударев Н. И., 2005. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н. э. как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. (Научный архив ИА РАН. Р-2. № 2739). М., 384.
- Сударев Н. И. 2010. Некрополи и погребальные обряды // АНК. II, 418–473.
- Сударев Н. И. 2016. Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.) // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. СПб, 333–340.
- Сударев Н. И., Кашаев С. В. 2016. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // БЧ. XVII. Исследователи и исследования, 471–480.
- Сударев Н. И., Кашаев С. В. 2018. Погребения в сырцовых ящиках в некрополях Артющенко-2 и Виноградный-7 // БЧ. XIX. Традиции и инновации, 476–484.
- Толстиков В. П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н. э.) // ВДИ. 3, 24–48.
- Толстиков В. П. 2001. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 4, 385–426.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П. 1889. Русские древности в памятниках искусства. 2. СПб, 164.
- Тюрин М. Н. 2012. Погребения Месопотамии эпохи докерамического неолита // Вестник ТГУ. 6. Тамбов, 222–226.
- Файзуллин И. А. 2012. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 14/3. Самара, 226–230.
- Финогенова С. И. 2005. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 8, 422–442.
- Чистов Д. Е. 2004. Святилище Деметры в Мирмекии: попытка реконструкции комплекса // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I, 131–142.
- Чистов Д. Е. 2006. «Святилище Деметры» и восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н. э. // БИ. XIII, 99–133.
- Шевченко Н. Ф. 1995. Строительные традиции у меотов // Историко-археологический альманах. 1. Армавир–М., 132–139.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 1985. История Боспора в VI–V вв. до н. э. // ДГ 1984 г., 5–187.
- Шмидт Р. В. 1952. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 25, 223–248.
- Шубин В. И. 2011. Первые эвбейские колонии в Сицилии: Наксос, Катана и Леонтины // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 1, 32–39.
- Щеглов А. Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 156.
- Achenza, M., Atzeni, C., Mocci, S., Sanna, U. 2008. Il Manuale Tematico della terra cruda: Caratteri, Tecnologie, Buone Pratiche. Roma, 126
- Adrymi-Sismani, V. 1990. Prehistoric settlement of Sesklo, Prehistoric settlement of Dimini. Archaeology. 34, 21–30.
- Alexandridou A. 2017. Sacred or Profane? Interpreting Late Geometric Edifices in Proximity to Burials in Attica // Constructing Social Identities in Early Iron Age and Archaic Greece. Brussels, 43–72.

- Alexandridou A.* 2017a. Special Burial Treatment for the 'Heroized' Dead in the Attic Countryside: The Case of the Elite Cemetery of Vari // *Interpreting the Seventh Century BC Tradition and Innovation*. Oxford, 281–292.
- Amore G. M.* 2003. Necropolis of Apollonia: New Results from Tumulus 9 / *Nekropoli i Apollonisë: rezultate të reja nga tuma 9* // *Iliria*. 31, 267–291.
- Amore M. G.* 2016. The Complex of Tumuli 9, 10 and 11 in the Necropolis of Apollonia (Albania). A Time Span from the Early Bronze Age to the Early Hellenistic Period // *Tumulus as Sema*, 57–74.
- Ανδρέου Ι.* 2003. Η Ευβοϊκή παρουσία στο βόρειο Αιγαίο κατά τους πρώιμους ιστορικούς χρόνους: BS thesis. Βολος, 166.
- Balducci B.* 2015. Nuove metodologie di indagine nella ricostruzione del rituale dell'incinerazione // *Annuario SAIA*. 91, III. 13 (2013), 411–424.
- Balducci B.* 2017. Dall'Eubea alla Macedonia, dalla Macedonia alla Magna Grecia. Alcune riflessioni sui roghi funebri nel mondo greco // *Dialoghi sull'archeologia della Magna Grecia e del Mediterraneo antico*. Paestum, 795–804.
- Barletta B. A.* 2001. *The Origins of the Greek Architectural Orders*. Cambridge, 220
- Barletta B. A.* 2016. Monumentality and Foreign Influence in Early Greek Temples // *A Companion to Greek Architecture*. Oxford, 31–45.
- Bereti V., Dimo V.* 2011. Qutre tombe de tumulus VI d'Apollonia d'Illyrie // *Z' Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική*. Αθήνα, 483–496 + 207–214 πιν.
- Bérard C.* 1970. L'Hérédon à la porte de l'ouest // (Eretria. III). Bern, Lausanne., 96.
- Βιζυηνού Ο.* 2010. Ταφικά έθιμα στην Αττική και την Εύβοια, 1200–700 π.Χ.: τα κτερίσματα ως τεκμήριο διάκρισης του φύλου και της ηλικίας των νεκρών. Diss. Ph. D. Ιωάννινα, 769.
- Blandin B.* 2007. Les pratiques funéraires d'époque géométrique à Érétrie. Espace des vivants, demeures des morts // (Eretria. XVII) Bern, Lausanne, 534.
- Blandin B.* 2010. Το Ηρώον της Ερέτριας και οι τάφοι. // *Ερέτρια. Ματιές σε μια αρχαία πόλη*. Αθήνα, 318–321.
- Bradley A.* 2009. The Archaeology of Residence at Alieís // *Archaeology*. 112, 47–57.
- Bernabò Brea L., Cavalier M.* 1959. Mylai, Storia Patria per la Sicilia Orientale. Novara, 136 + 58 tav.
- Bernabò Brea L., Cavalier M.* 1965. La necropoli Greca e romana nella Contrada Diana // *Melingunis Lipara*. 2. Palermo, 380+233 tav.
- Bernabò Brea L., Cavalier M.* 1991. Scavi Nella Necropoli Greca Di Lipari // *Melingunis Lipara*. 5. Roma. 192+187 tav.
- Bernabò Brea L., Cavalier M.* 2001. Maschere e personaggi del teatro greco nelle terracotte liparesi. Roma, 316 + 380 fig.
- Bernabò Brea L., Cavalier M., Villard F.* 2001. La necropoli Greca e romanell'area del Terreno Vescovile // *Melingunis Lipara*. 11. Roma, 870 + 336 tav.
- Berve H., Gruben G.* 1962. *I templi greci*. Firenze, 333 + 212 tav.
- Boardman J.* 1955. Painted funerary plaques and some remarks on prosthesis // *BSA*. 50, 51–66.
- Boehrer D.* 2001. Heroenkulte in Griechenland von der geometrischen bis zur klassischen Zeit: Attika, Argolis, Messenien // *Klio*. 3, 398.
- Breder J.* 2013. *Attische Grabbezirke klassischer Zeit*. Wiesbaden, 402.

- Brooklyn J.P. 1981. Attic Black-figure Funerary Plaques. Iowa, 328.
- Bournias L. 2017. A newly Discovered Funerary Pinax from the Athenian Kerameikos // Τερψισ, Studies in Mediterranean Archaeology in honour of Nota Kourou. Études d' Archéologie 10. Brussels. 247–260.
- Brückner, A., Pernice, E. 1893. 'Ein attischer Friedhof // AM. 18, 73–191.
- Burkhardt N. 2008. Zwischen Tradition und Modifikation. Kulturelle Austauschprozesse in den Bestattungssitten der griechischen Kolonien in Unteritalien und Sizilien vom 8. bis zum 5. Jh. v. Chr. Diss. Ph. D. Köln, Bd. 1–2, 684.
- Camerata Scovazzo R., Castellana G. 1981. Necropoli punica di Palermo. Scavi nella zona di Corso Pisani // SA. 45, 43–54.
- Camp II J. McK., Dinsmoor W. B. 1984. Ancient Athenian Building Methods // ASCSA. Excavations of the Athenian Agora. 21, 33.
- Castor A.Q. 2008. Grave Garb: Archaic and Classical Macedonian Funerary Costume // Reading a Dynamic Canvas: Adornment in the Ancient Mediterranean World. Cambridge, 115–145.
- Cavalier M. 2009. La necropoli di Lipari e l'evoluzione degli artigianati locali, riflessi di una vita artistica nella Lipàra greca (fine VI–III sec. A. C.) // Artisanats antiques d'Italie et de Gaule. Publications du Centre Jean Bérard. Naples, 69–85.
- Chemsseddoha A.-Z. 2017. New Perspectives on the Burial Customs in Macedonia during the Early Iron Age // Regional Stories towards a New Perception of the Early Greek World. Volos, 381–394.
- Δεσποίνη Α. 2016. Σίνδος Ι. Το νεκροταφείο. Ανασκαφικές έρευνες 1980–1982. Η ανασκαφή των ταφών, ταφοί και ταφικά εθίμα, το σκελετικό υλικό. Αθήναι, 426.
- Δαβάρας Κ. 1989. Γουρνιά, (Gournia). Αθήνα, 24.
- De Franciscis A. 1957. Reggio Calabria – Tombe ellenistiche // NSc. Ser.8. 11, 381–399.
- De Maria S., Lepore G., Muka B., Taverni F. 2011. La necropoli meridionale // Phoinike V. Rapporto preliminare sulle champagne di scavi e ricerche 2007–2010. Bologna, 63–104.
- De Mitri C. 2020. Echi da altre sponde. Attestazioni funerarie non omologate nel Salento ellenistico (fine IV – inizi I sec. A. C.) // L'archeologia della morte in Illiria e in Epiro. Contesti, ritualità e immagini tra età ellenistica e romana. Roma, 341–356.
- De Mitri C. 2020a. Il settore centrale dell'arco ionio-salentino in età preromana (VIII–I sec. A. C): nuovi dati ceramici da Alezio e Nardò // The Journal of Fasti Online. www.fastionline.org/docs/FOLDER-it-2020-479.pdf.
- Distefano G. 2019. Suoli funerari e generazioni nella Sicilia Greca: il caso di Camarina // Nel mondo di Ade: Ideologie, Spazi e Rituali Funerari per l'Eterno Banchetto (secoli VIII–IV A. C.): Atti del Convegno internazionale, Ragusa–Gela, 6–7–8 giugno 2010. Gela, 11–25.
- Dubbini R. 2010. La memoria degli antenati: il santuario sotterraneo di Corinto come triopatreion? // Scienze dell'Antichità. 16. Roma, 119–136.
- Ficuciello L. 2019. Sacello–Heron di Poseidonia–Paestum: le nuove indagini dell'università degli Studi di Napoli "L'orientale" // Newsletter di Archeologia CISA. 9, 203–223.
- Fields N. 2006. Ancient Greek Fortifications 500–300 BC // Fortress. 40. Oxford, 64.
- Francesconi A., Castronuovo R.L. 2018. La necropoli di Medma: le sepolture alla base della collina di Petto di Nòlio // AMSMG. 11, 37–62.

- Frederiksen R. 2011. Greek City Walls of the Archaic Period 900–480 BC. Oxford, 478.
- Galli E. 1942. Necropoli ellenistica scoperta nell'area del Museo // NSc. Ser. 7. 3, 166–234.
- Garland R. 1985. The Greek Way of Death. New York, 192.
- Gasperì N. 2008. Un monumento funerario attico di età Arcaica: le 'built tombs' // ΑΓΩΓΗ IV–V (2007–2008), 95–118.
- Gates C. 2011. Ancient cities: the archaeology of urban life in the ancient Near East and Egypt, Greece, and Rome. London, 474.
- Germanà M.L. 2011. Earth in ancient Sicilian architecture // Earth–Lands. Earthen Architecture of Southern Italy. Firenze, 166–188.
- Ginouès R., Martin R. 1985. Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine. Tome I. Matériaux, techniques de construction, techniques et formes du décor // CEFR. 84, 402.
- Greco G. 2019. Roscigno-Monte Pruno: seppellire una principessa // Nel mondo di Ade: Ideologie, Spazi e Rituali Funerari per l'Eterno Banchetto (secoli VIII–IV A.C.). Atti del Convegno internazionale, Ragusa–Gela, 6–7–8 giugno 2010. Gela, 249–262.
- Helas S. 2022. Le sepolture e le tombe a tumulo protoarcaiche nell'agorà di Selinunte // Comparing Greek Colonies Mobility and Settlement Consolidation from Southern Italy to the Black Sea (8th – 6th Century BC). Berlin, 409–428.
- Hellmann M.Ch. 1992. Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque, d'après les inscriptions de Délos. Athènes, 471.
- Hellmann M.Ch. 2010. L'architecture grecque. Vol. 3. Habitat, urbanisme et fortifications. Paris, 400.
- Herzog Z., Levy Y. 1999. Excavations in the Persian-period Cemetery of Tel Michal // Atiqot. 38. Jerusalem, 221–222.
- Hobdari E., Buzo J. 2014. Raport i punës arkeologjike në Amantia (2013–2014) // Iliria. 38, 293–319.
- Huguenot C. 2008. La tombe aux Érotés et la tombe d'Amarnythes: architecture funéraire et présence macédonienne en Grèce centrale. Architecture funéraire et présence macédonienne en Grèce central // (Eretria. XIX). Bern, Lausanne. Vol. 1–2, 428.
- Jacoby F. 1957. Die Fragmente der Griechischen Historiker. Genealogie und Mythographie. A. Vorrede. Text. Addenda. Konkordanz.. Bd. 1, T. 1. Leiden–New York–Köln. 375.
- Κακαμανούδης Α. 2017. Οργάνωση των χώρων ταφής στην αρχαία Μακεδονία: από την πρώιμη εποχή του σιδήρου έως την ελληνιστική περίοδο. Diss. Ph.D. Θεσσαλονίκης. Τ. 1–2, 732.
- Kaklamani O. 2017. Early Iron Age Cyclades through the Funerary Evidence // Regional Stories towards a New Perception of the Early Greek World. Volos, 197–230.
- Καλτσάς Ν. Ε., 1998. Άκανθος Ι. Η άνασκαφή στο νεκροταφείο κατά τδ 1979. Άθήνα, 563.
- Karageorghis V. 1967. Excavations in the necropolis of Salamis // Salamis. Vol. 3. Pt.1–3 Nicosia, 190+151 pl.+ 45 fig.
- Κεραμάρης Α., Πρωτογάλη Σ., Τσολάκης Σ. 2004. Η άνασκαφική έρευνα στη Β.Ι.Π.Ε.Θ. Σίνδου 2002 // ΑΕΜΘ. 16, 233–240.
- Κοτταρίδη Α. 2016. Παλιες Προκαταληψεις και νεα ευρηματα: «Μακεδονες Ή Βοττιαιοι;» // Ηχάδιν. Τιμητικός τόμος για την Στέλλα Δρούγου. Άθήνα, 612–638.
- Kottaridi A. 2020. Macedonian Fragments. Imathia, 262.

- Kottaridou A. 1999. Macedonian Burial Customs and the Funeral of Alexander the Great // International Congress «Alexander the Great: From Macedonia to the Oikoumene». Veroia, 113–121.
- Kurtz D. C., Boardman J. 1971. Greek Burial Customs. London, 384.
- Kurtz D. C. Boardman J. 1985. Thanatos: Tod und Jenseits bei den Griechen. Mainz am Rhein, 481.
- Kyrieleis H. 1981. Führer durch das Heraion von Samos. Athen, 143.
- Λιουτσας Α., Μανδακη Μ., Ηαιοπουλου Ε. 2005. Τραπεζα Λεμπετ. Οι νεκροπολεις απο τον 6ο μεχρι τον 4ο αι. π. Χ. // ΑΕΜΘ. 17, 2003, 299–310.
- Lang F. 1996. Archaische Siedlungen in Griechenland. Struktur und Entwicklung. Berlin, 307.
- Lepore G., Muka B. 2018. La necropoli meridionale di Phoinike. Le tombe ellenistiche e romane, Scavi di Phonike // Phoinike. Serie monografica. 3. Bologna, 416.
- Malkin I. 2017. Eretrian, Euboean, And Greek Networks: Colonisation and Collective Identity // Regional Stories towards a New Perception of the Early Greek World. Volos, 145–154.
- Mano A. 1971. Nekropoli i Apollonisë – Tuma 1 (Gërmime të viteve 1958–1959) // Iliria. 1, 103–208.
- Martin R. 1965. Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et techniques. Paris, 522.
- Mastelloni M. A. 2019. Materiali e sepulture: variazioni nei gruppi umani e nei rituali funerari a Messina tra VI e IV sec. A. C. // Nel mondo di Ade: Ideologie, Spazi e Rituali Funerari per l'Eterno Banchetto (secoli VIII–IV A. C.). Atti del Convegno internazionale, Ragusa–Gela, 6–7–8 giugno 2010. Gela, 111–130.
- Mazarakis Ainian A. 1997. From Rulers' Dwellings to Temples: Architecture, Religion and Society in Early Iron Age Greece (c. 1100–700 BC) // (SIMA. 121). Hovås, 424.
- Mazarakis Ainian A. 1998. Oropos in the Early Iron Age // Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Caldàica e in Occidente. Naples, 239–286.
- Mazarakis Ainian A. 2001 From Huts to Houses in Early Iron Age Greece // From Huts to Houses: Transformations of Ancient Societies. Stockholm, 139–161.
- Mazarakis Ainian A. 2009 Architecture and Society in the Early Historical Times // Archaeology. 112, 19–23.
- Mazarakis Ainian A. 2012. The domestic and sacred space of Zagora in the context of the south Euboean gulf // MedA. 25, 119–136.
- Mazarakis Ainian A. 2016 Early Greek Temples // A Companion to Greek Architecture. Oxford, 15–30.
- Μπουρνιάς Λ. 2013. 'Όστρακα δύο νέων μελανόμορφων νεκρικών πινάκων από τον Κεραμεικό και την άμεση περιοχή του // Αρχαιολογικες Συμβολες. Τόμος Β: Αττική. Α' και Γ' Εφορείες Προϊστορικών & Κλασικών Αρχαιοτήτων. Αθήνα, 355–366.
- Mommsen H. 1997. Exekias, 1. Die Grabtafeln (Forschungen zur antiken Keramik: II. Reihe. Kerameus 11). Mainz, 90+44 pls.
- Morachiello P. 2003. La città greca. Roma–Bari, 167.
- Morris I. 1987. Burial and Ancient Society. Cambridge, 262.
- Morris I. 1998. Archaeology and Archaic Greek History // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence. London, 1–91.
- Mousourakis A., Arakadaki M., Kotsopoulos S., Sinamidis I., Mikrou T., Frangedaki E., Lagaros N. D. 2020. Earthen Architecture in Greece: Traditional Techniques and Revaluation // Heritage. 3, 1237–1268.

- Muka B. 2005. Sepolture di età ellenistica: i circoli funerary // Phoinike III. Rapporto preliminare sulle campagne di scavi e ricerche 2002–2003. Bologna, 114–120.
- Muka B., Heinzelmann M., Schröder A. 2020. Hellenistic necropoleis of the Illyrian settlement in Dimal: topography, chronology and funerary practies // *L'archeologia della morte in Illiria e in Epiro. Contesti, ritualità e immagini tra età ellenistica e romana*. Roma, 447–458.
- Munzi P., Pouzadoux C., Santoriello A., Muntoni It. M., Basile L., Correale G., Fornaciari L., Leone M., Patete S., Sachau–Carcel G., Soldani V. 2020. Archeologia della morte in Daunia: nuovi dati dalle necropoli di Arpi tra topografia, tipologia e pratiche funerary // *L'archeologia della morte in Illiria e in Epiro. Contesti, ritualità e immagini tra età ellenistica e romana*. Roma, 379–408
- Nicholls R. V. 1958. Old Smyrna. The Iron Age Fortifications and Associated Remains on the City Perimeter // *BSA*. 53/54, 1958/1959, 35–137.
- Οικονόμου Σ. 2012. Ταφές πεσόντων, πολυάνδρεια, κενοτάφια και ηρώα από την ύστερη εποχή του χαλκού έως και τους κλασικούς χρόνους στον ελλαδικό χώρο. Διδακτορική Διατριβή. Ρέθυμνο, 396.
- Orlandos A. 1966. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. P.I. Paris, 162.
- Orsi P. 1906. Gela. Scavi del 1900–1905 // *MonAnt*. XVII, 766.
- Orsi P. 1909. Reggio Calabria – Sepolcri ellenistici in contrada Borace // *NSc*. 6, 314–319.
- Orsi P. 1909a. Lokroi Epizephyrioi – Quarta campagna di scavi [1909] // *NSc*. 6, 319–326.
- Orsi P. 1912. Rapporto preliminare sulla quinta campagna di scavi nelle Calabrie durante l'anno 1910 // *NSc*. 8. Supplemento (1911), 3–26.
- Orsi P. 1913. Scavi di Calabria nel 1911 [relazione provvisoria] // *NSc*. 9. Supplemento (1912), 3–56.
- Orsi P. 1914. Scavi di Calabria nel 1913: (relazione preliminare) // *NSc*. 11. Supplemento (1913), 3–52.
- Orsi P. 1917. Campagna di scavi del 1914 a Rosarno // *NSc*. 14, 37–67.
- Orsi P. 1917. Campagne di scavo degli anni 1914 e 1915 nella necropoli di Locri Epizefiri // *NSc*. 14, 37–67.
- Παπαδοπουλος Σ., Παπαλαζαρου Β., Τσουτσουμπη–Λιολιου Σ. Η. 2017. Νεκρόπολη της αρχαίας Θάσου. Το έργο της Μαρίνας Σγούρου κατά τη δεκαετία 1996–2005 // *Thasos. Métropole et colonies. Actes du symposium international à la mémoire de Marina Sgourou, Thasos, 21–22 septembre 2006. Recherches franco-helléniques V*. Paris, 143–158.
- Panti A. 2012. Burial Customs in the Thermaic Gulf and Chalcidice in the Archaic Period // *Θρεπτήρια. Μελέτες για την Αρχαία Μακεδονία*, 471–493.
- Parello M. C. 2007. Le necropoli di età greca // *I Luoghi della Tutela. Ricerca archeologica e fruizione nel territorio agrigentino*. Palermo, 20–21.
- Pelagatti E. 1980–1981. Attività della Soprintendenza alle Antichitgt per la Sicilia Orientale, I // *Kókalos: Atti del V congresso internazionale di studi sulla Sicilia antica, XXVI–XXVII*. T. II (1980–1981). Roma, 694–736.
- Pelagatti P. 2017. Da Camarina a Caucana. Ricerche di archeologia siciliana. Ragusa, 588.
- Popham M. R., Touloupa E., Sackett L. H. 1982. The Hero of Lefkandi // *Antiquity*. LVI. 169–174.
- Popham M. R., Calligas P. G., Sackett L. H., Coulton J., Catling H. W. 1993. Lefkandi II. The Protoprogeometric Building at Toumba. Pt. 2. The Excavation, Architecture and Finds (*BSA*. Suppl. 23). Oxford, 101+38 pls.

- Parakonstantinou M.* 2012. Bronze Age Tumuli and Grave Circles in Central Greece: the Current State of Research // *Ancestral Landscape. Burial Mounds in the Copper and Bronze Ages (Central and Eastern Europe – Balkans – Adriatic – Aegean, 4 th–2 nd millennium B. C.)* (Travaux de la Maison de l’Orient et de la Méditerranée. 58). Lyon, 391–399.
- Σελέκου Μ.Α.* 2014. Το νεκροταφείο στη Θέση Τριανταφυλλιά Λιβανατών (6ος–2ος αι. π. Χ.). Ιωαννίνα, 834.
- Σουρεφ Κ.* 2005. Τουμπα Θεσσαλονίκης 2003: Ανασκαφές στην τραπέζα και το νεκροταφείο // *ΑΕΜΘ*. 17, 2003, 245–254.
- Šašel Kos M.* 2015. Corcyra in Strabo’s Geography // *Prospettive Corciresi*. Pisa, 1–31.
- Schefold K.* 1966. Die Grabungen in Eretria im Herbst 1964 und 1965 // *AntK*. 9, 106–124.
- Schlehofer J.H.* 2018. Nekropolen der Polis Halieis (Argolis): Bestattungs- und Beigabensitten in archaischer und klassischer Zeit. Bd. 1–2. Berlin, 768.
- Snodgrass A.M.* 1971. The Dark Age of Greece. An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries BC. Edinburgh, 456.
- Snodgrass A.M.* 2006. Archaeology and the Emergence of Greece. Cornell, 485.
- Spatafora F., Calascibetta A.M.G., Chiovaro M., Di Leonardo L., Vassallo S.* 2011. The use of earth in central-western Sicily: attestations and documentary evidence // *Earth-Lands. Earthen Architecture of Southern Italy*. Firenze, 201–225.
- Stoyanov T., Stoyanova D.* 2016. Early Tombs of Thrace. Questions of Chronology and Cultural Context // *Tumulus as Sema*, 313–328.
- Tigano G.* 2002. Le necropoli di Mylai, VIII– I secolo A. C. Milazzo, 143.
- Tigano G.* 2010/2011. L’attività della Soprintendenza di Messina nel settore dei beni archeologici nel biennio 2009–2010 // *ASM*. 91–92, 327–361.
- Tigano G.* 2011. L’Antiquarium archeologico di Milazzo. Guida all’esposizione. Messina, 256.
- Torelli M.* 2011. Dei e artigiani: archeologie delle colonie greche d’Occidente. Bari, 283.
- Τρακοσποπουλου–Σαλακιδου Ε.* 1988. Αρχαία Ακανθοσ: Πολη και Νεκροταφείο // *ΑΕΜΘ*. 1, 1987, 295–304
- Tsatskheladze G.R.* 1998. Who Built the Scythian and Thracian Royal and Elite Tombs? // *OxfJA*. 17/1, 55–92.
- Τσιμέττα Φ.* 2018. Γυναικείες ταφές στην Κρήτη και τη Ρόδο κατά την Γεωμετρική και Αρχαϊκή περίοδο. Ρόδος, 146.
- Τσιμπίδου–Αυλωνίτη Μ.* 2007 Από ένα νεκροταφείο προγενέστερο της Θεσσαλονίκης // *Ancient Macedonia*. VII. Macedonia from the Iron Age to the death of Philip II. Thessaloniki, 675–696.
- Tusa S.* 2011. Origins and Initial Developments of Sicilian Earthen Architecture in the Mediterranean Context // *Earth-Lands. Earthen Architecture in Southern Italy*. Firenze, 195–200.
- Τζαναβαρη Κ., Φιλης Κ.* 2005. Ερευνες στον οικισμό και τα νεκροταφεία της αρχαίας Λητσης. Πρωτες εκτιμήσεις // *ΑΕΜΘ*. 17, 2003, 155–172.
- Uzun K.* 2007. Klazomenai Dalgali Çizgi Bezekli Seramiği. Clazomenian Wave-line Pottery Doktora Tezi / PhD. Thesis. İzmir, 317.
- Valamoti S.M.* 2015. Harvesting the ‘Wild’ Exploring the Context of Fruit and Nut Exploitation at Neolithic Dikili Tash, with Special Reference to Wine // *Vegetation History and Archaeobotany*. 24. Berlin, 35–46.

- Vassallo S. 1993. Himera. Necropoli di Pestavecchia // Di Terra in Terra. Palermo, 89–116.
- Vassallo S. 2009. Himera. Indagini nelle necropoli // Tra Etruria, Lazio e Magna Grecia: indagini sulle necropoli. Paestum, 233–260.
- Vitti P. 2019. Fired Bricks in Greece // Alle origini del laterizio romano: Nascita e diffusione del mattone cotto nel Mediterraneo tra IV e I secolo A. C. Roma, 27–34.
- Vlachou V. 2007. Oropos: the Infant and Child Inhumations from the Settlement (late 8th – early 7th centuries BC) // Oropos and Euboea in the Early Iron Age. Acts of an International Round Table. University of Thessaly, Volos, 213–224.
- Vlachou V. 2012. Death and Burial in the Greek World // ThesCRA. VIII, 363–384.
- Vokotopoulou I. 1994. Anciennes nécropoles de la Chalcidique // Nécropoles et sociétés antiques (Grèce, Italie, Languedoc). Naples, 79–98.
- Whitley J. 1994. Protoattic Pottery: A Contextual Approach // Classical Greece. Ancient Histories and Modern Archaeologies. Cambridge, 51–70.
- Whitley J. 2003. Style and Society in Dark Age Greece: The Changing Face of a Pre-literate Society 1100–700 BC. Cambridge, 225.
- Wolff S.R. 2002. Mortuary Practices in the Persian Period of the Levant // NEA. 65/2, 131–137.
- Χρυσοστόμου Α. 2013. Νέοι Θησαυροί της Εδεσσαϊκής Γης. Έδεσσα, 362.
- Χρυσοστόμου Α., Χρυσοστόμου Π. 2006. Ανασκαφή στη δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού κατά το 2004 // ΑΕΜΘ. 18, 2004, 562–571.

Summary

A. V. Ivanov, N. I. Sudarev

Raw brick in building tradition and funerary practice in Greece and the Bosphorus

The article gives an answer to the question – who built mud graves in the Bosphorus? In Russian historiography, there was an idea according to which barbarians were buried in raw graves, who built them for their dead. Archaeological realities contradict this traditional view. To solve a debatable and extremely important issue for Bosphorus archeology, examples of mud-brick house-building and the use of mud-brick in burial practice in the Greek world of the Mediterranean are given, the place and time of the origin of the tradition of building mud-brick burial structures are determined, the ways of distribution and interpretation of this rite are traced. Based on this, analogies are drawn with the archaeological sites of the Bosphorus, which leads researchers to the only conclusion – this is a Greek tradition that arrived in the Northern Black Sea region only with colonists.

Ю. Ю. Каргин

(Независимый исследователь, г. Балаково, Саратовская область)

К вопросу о классификации и интерпретации античных граффити и дипинти (по материалам раскопок поселения «Ленина»)

В 2018 г. экспедиция ООО «Прогресс» под руководством В. В. Матаева¹ проводила охранные раскопки поселения «Ленина» на побережье Чёрного моря, между с. Су-Псех и юго-восточной окраиной г. Анапа. Изначально был заложен раскоп 1 площадью 1400 м², ориентированный длинной стороной по линии северо-запад-юго-восток, затем вплотную к его северо-западному борту, в продолжение единой линии квадратов, – раскоп 2, площадь которого с прирезками составила 2905 м². Оба имели форму прямоугольных треугольников, с общими катетом и основанием [Каргин 2020, 975, рис. 2]. Мощность культурного слоя, типичного по своим характеристикам для сельских поселений Боспора [Завойкин 2011, 29], составляла от 0,2 до 0,8 м. Материк – глина с геологическим пластом фрагментированной скальной породы в верхнем горизонте. На раскопе 1 выявлена локальная наброска камней с керамикой (объект 1) и 6 ям хозяйственного назначения, их датировка установлена в границах второй четверти VI – конца V в. до н. э. На раскопе 2, датируемом второй половиной VI – первой третью III в. до н. э., помимо 26 хозяйственных ям выявлены локальные скопления, выкладки и протяжённые наброски камней, в т. ч. с керамикой и черепицей (17 объектов).

В ходе работ на обоих раскопах обнаружено 39 ед. находок т. н. «малой эпиграфики»: 27 – с различными граффити (рис. 1–3, 4, 2, 4) и 14 – с дипинти (рис. 4, 5). Почти все они нанесены на круговую керамическую посуду – прежде всего, на импортные амфоры, и лишь некоторые – на столовые красноглиняные сосуды, также привозные. Единственное изделие с граффити, изготовленное из прочих материалов, представлено плоской квадратной свинцовой гирькой (рис. 3. 11). Все фрагменты керамики с граффити, за редким исключением, обнаружены в составе объектов, заполнении ям или в культурном слое неподалёку от них, а фрагменты сосудов с дипинти – исключительно в заполнении ям, благоприятные природные условия способствовали их сохранности. Всё это

¹ Выражаю благодарность В. В. Матаеву за возможность вдумчиво и обстоятельно обработать материалы раскопок поселения «Ленина».

позволяет установить для большинства находок достаточно узкие датировки, а возможно и отражает некоторые особенности их утилизации местным населением.

Детально рассматривать историю изучения «малой эпиграфики» Боспора Киммерийского мы не будем, поскольку относительно недавно её основные вехи были освещены В. П. Яйленко, который также затронул вопросы методики определения содержания граффити и представил подборку публикаций таких находок из отдельных боспорских центров [Яйленко 2018]. Тем не менее, важно отметить огромную работу по формированию сводов боспорских граффити и/или дипинти, которую проделали: для Боспора Киммерийского в целом – И. А. Емец [Емец 2000; 2005; 2012], для Херсонеса Таврического – Э. И. Соломоник [Соломоник 1978; 1984], для Ольвии – Л. Дюбуа [Dubois 1996], а затем А. С. Русяева [Русяева 2010], для Танаиса – Б. Бёттгер и Д. Б. Шелов [Бёттгер, Шелов 1998], а затем С. М. Ильяшенко [Ильяшенко 2013], для «царской хоры» – С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников [Сапрыкин, Масленников 2007], для Нимфея – А. С. Намойлик [Намойлик 2000; 2018а; 2018б]. Другим ценнейшим источником для изучения малой эпиграфики в Северном Причерноморье, несомненно, являются научные статьи и фундаментальные каталоги целых амфор, подготовленные С. Ю. Монаховым и группой исследователей под его руководством [Монахов 1999; 2003; Монахов и др. 2016; 2017; 2019; 2020; 2021; 2022; Завойкин и др. 2013]. Что же касается Горгишии и её хоры, то встречающиеся здесь находки граффити и дипинти опубликованы всего в нескольких работах и не подвергались системному анализу [Виноградов 1972; 1997; Емец 1991; 2000; Емец, Диатроптов 2002; Сапрыкин 2002; Цветаева 1986]. Некоторые наблюдения относительно распространения граффити на юго-восточной периферии Боспора были сделаны А. А. Малышевым. Автор отметил редкость таких находок в интересующий нас период, связав это со слабым развитием изобразительных традиций среди местного населения и эпизодичностью контактов с античным миром. Граффити, преимущественно буквенные, он трактует как знаки собственности или торговые метки [Малышев 2005, 547–550]. Таким образом, проблема анализа и публикации находок «малой эпиграфики» Синдикки и Боспора Киммерийского в целом всё больше актуализируется по мере накопления материала, особенно на фоне интенсификации охранных археологических раскопок в Северном Причерноморье.

Обзор вышеупомянутых работ показывает, что исследователей обычно интересовала публикация надписей, поэтому общая методика изучения и учёта граффити и дипинти как массового материала разработана недостаточно, а их интерпретация допускает множество трактовок. К сожалению, археологический контекст такого рода находок зачастую не зафиксирован или вызывает сложности, а прорисовки не всегда качественны [Яйленко 2018, 486]. В результате этот материал до недавнего времени рассматривался как «малая эпиграфика», а для его первичной классификации стал использоваться «филологический» подход, предполагающий дифференциацию по смысловому, целевому или содержательному признаку [Lang 1976; Яйленко 1980, 75; Емец 2005; Русяева 2010; Намойлик 2018а, 41–42]. В то же время, сторонники данного подхода осознавали объективные различия между граффити, нанесёнными на различные носители, а потому стремились обособить такие группы как граффити на амфорах и пифосах, а также граффити на грузилах, для которых создавались отдельные классификации [напр. Намойлик 2010,

404–405]. Важно отметить, что при использовании «филологического» подхода работа с находками строится на основании субъективной интерпретации заложенного в них смысла. Однако с точки зрения исследовательской методик, интерпретация, которая, несомненно, должна быть многовекторной, является лишь следующей стадией после обстоятельной фиксации технологических и формальных параметров материала, а также анализа археологического контекста, в котором он обнаружен. Поэтому, в частности С. Ю. Сапрыкиным и А. А. Масленниковым, предложено более логичное разделение граффити и дипинти по формальному признаку на буквенные, условно-знаковые, рисуночные и неясного содержания [Сапрыкин, Масленников 2007, 17–18].

С нашей точки зрения, ещё приоритетнее рассматривать граффити и дипинти в поле функционала и датировки изделий, на которых они присутствуют – т. е. в историческом контексте. Так, уже на этапе визуальной фиксации весь массив граффити чётко делится на 2 группы по технологическому критерию, связанному со временем и способом их исполнения: *по сырой глине* (в процессе производства) и *на твёрдой поверхности* (на готовом изделии). Одновременно можно установить вид граффити – *буквенно-цифровые, условно-знаковые, рисуночные или неясного содержания*. Это позволяет определить наиболее вероятное назначение и исполнителей, сузив круг возможных интерпретаций, и, таким образом, повысить объективность выводов. Кроме того, понимание различий в генезисе дипинти и обеих групп граффити предполагает разные подходы к их учёту и дальнейшей классификации.

Общая характеристика граффити по сырой глине

Граффити этой группы по технике исполнения могут быть прочерченными, оттиснутыми несколькими линиями или сочетающимися в себе обе техники. Их характерная особенность – относительная ровность контура: в первом случае по краю может оставаться рельефная кромка, во втором же её нет, по краю иногда фиксируется едва заметная припухлость, а в месте пересечения линий – хорошо выраженные углы. Исследователи и ранее отмечали присутствие таких граффити – в первую очередь, на амфорах архаического периода, но, в силу разных обстоятельств, не пытались анализировать их как отдельную группу [напр.: *Онайко* 1980, № 73, 103; *Охотников* 1990, 21; *Чистов* и др. 2012, 96; *Буйских* 2014; *Чистов* и др. 2020, 32, 93 и др.].

На поселении «Ленина» зафиксировано 15 граффити данной группы, причём 13 из них – буквенно-цифровые (рис. 1. 1–4, 7; 2. 4. 4), 1 – неясного содержания (рис. 1. 5) и 1 – рисуночное (рис. 1. 6); 14 нанесено на амфоры различных производственных центров (рис. 1; 2. 1–4), а 3 – на круговую красноглиняную посуду разных форм и назначения (рис. 2. 5–7). Преобладание буквенных обозначений демонстрирует наличие у греческих мастеров грамотности, что характерно для античной цивилизации в целом [Сапрыкин, Масленников 2007, 13]. Все эти находки датируются в границах середины VI – начала III в. до н. э. и, таким образом, предшествуют, а затем сопутствуют спорадическому (конец VI–V в. до н. э.) и началу систематического клеймения керамической тары (конец V–I в. до н. э.) [Кац 2007, 24, 163].

Известно, что в каждом производственном центре в различные хронологические периоды существовал определённый набор обозначений и правил нанесения керамичес-

ких клейм, иногда они были парными, дополняющими друг друга (напр., на Родосе, а затем – на Книде). Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, что граффити по сырой глине тоже представляют собой метки греческих гончаров, и это абсолютно логично. Таким образом, можно предположить, что набор отражённых в них дефиниций может раскрываться в принципах составления легенд для клейм периода систематического клеймения, которые в настоящее время достаточно хорошо изучены. Дополнительно это подтверждается идентичным расположением – на горле или ручках амфор и, изредка, на нижней части корпуса.

В легендах клейм разных производственных центров можно встретить:

- полное или сокращённое имя фабриканта (гончара);
- полное или сокращённое имя магистрата или астинома (чиновника, отвечавшего за производство);
- полный или сокращённый этникон (имя полиса-производителя);
- эмблемы вышеуказанных полиса-производителя, гончара и/или чиновника;
- название месяца, когда осуществлялось производство (по местному календарю);
- отдельные буквы, сокращения, монограммы или лигатуры неясного содержания;
- анэпиграфные оттиски (единичные изображения или эмблемы);
- энглифические колечки.

Керамические клейма, датируемые серединой V – 60-ми годами II в. до н. э., также встречены на поселении «Ленина». Их количество составляет 87 ед.: все они оттиснуты на амфорах производства Хиоса (колечко), Айноса, Фасоса, «круга Фасоса», Менды, Аканфа, Книда, Родоса, Гераклеи Понтийской, Синопы, Херсонеса Таврического и лишь одно – на Боспорской черепице [Каргин 2020].

Правомерность сопоставления граффити по сырой глине с клеймами косвенно подтверждается тем, что среди материалов поселения «Ленина» они зафиксированы на различных частях амфор Эолии (рис. 1. 1), Милета (рис. 1. 2), Хиоса (рис. 1. 3–6), датируемых второй четвертью VI – третьей четвертью V в. до н. э., а также Икоса второй четверти IV в. до н. э. (рис. 4. 4), для которых клеймение в целом не характерно или было редкостью. Такое предположение ранее уже высказывалось В.И. Кацем [Кац 2007, 164–165]. В то же время единичные граффити присутствуют и на регулярно клеймившихся амфорах Гераклеи Понтийской (рис. 2. 1 и, вероятно, 2), Синопы (рис. 2. 3), Херсонеса Таврического (рис. 2. 4) IV – начала III в. до н. э., а также на нескольких фрагментах синхронной круговой красноглиняной посуды неустановленных центров производства (рис. 2. 5–7).

Граффити на амфорах Эолии.

Самым ранним на поселении «Ленина» следует считать граффити в виде буквы Λ, оттиснутое двумя смыкающимися штрихами на нижней части ручки красноглиняной амфоры Эолии (Лесбос-К), которая датируется в границах середины VI – начала V в. до н. э. (рис. 1. 1). Для таких амфор в целом характерно нанесение граффити по сырой глине в виде одиночных букв или знаков, которые встречаются эпизодически и обычно расположены на верхней части горла [напр.: Буйских 2014, 89, рис. 2. 2–7; Завойкин, Кузнецов 2019, 84, рис. 13. 2; Монахов и др. 2016, 82, LR.5, LR.6; Монахов и др. 2019, 103–104, LR.8; 2020, 117, LR.4; Чистов и др. 2012, 64, 96, табл. 56. 1; табл. 94. 16–18; 2020, 32, 93, табл. 5. 2, 3;

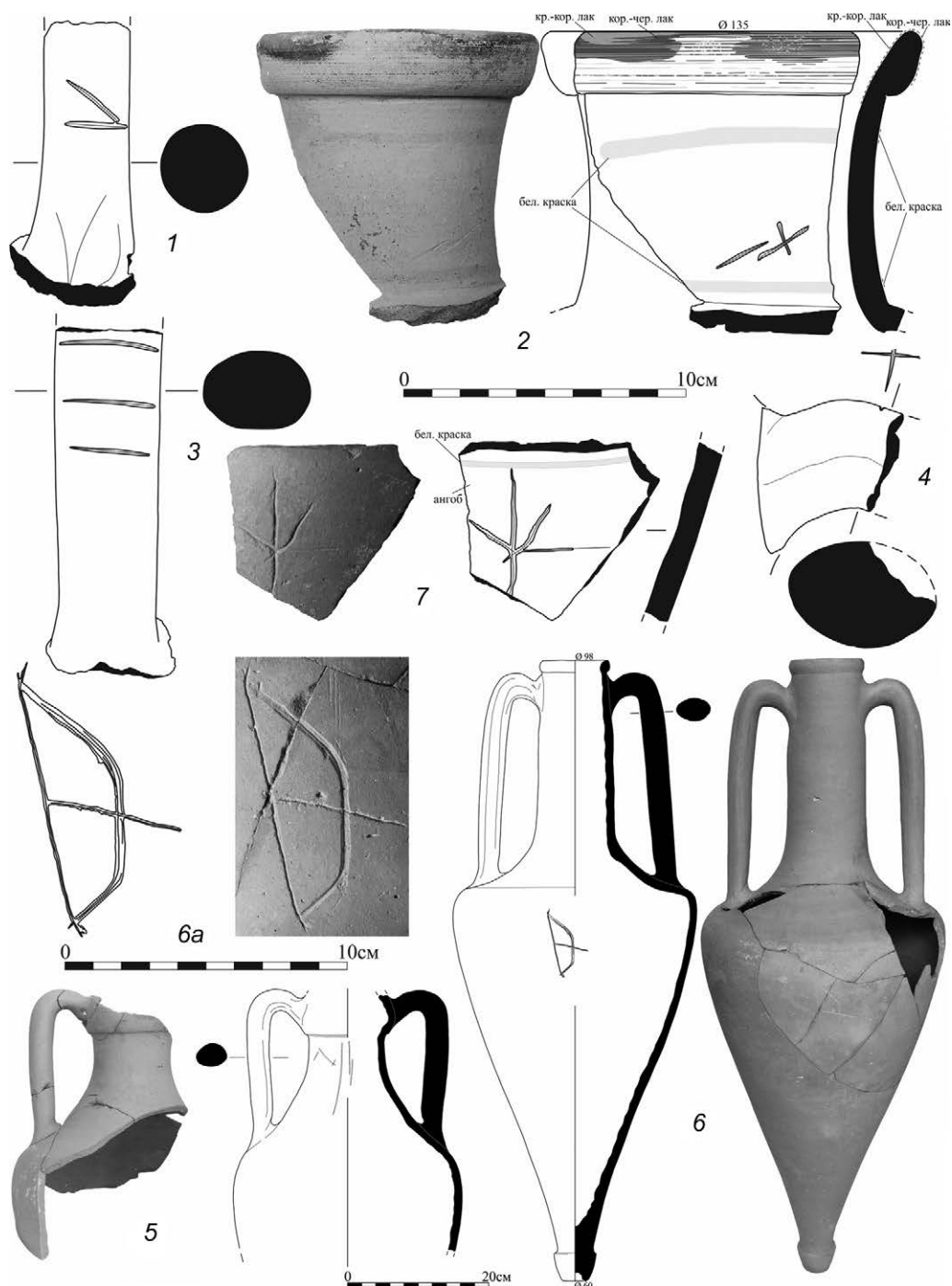

Рис. 1. Граффити по сырой глине на амфорах середины VI – V в. до н.э. из раскопок поселения «Ленина» (2018 г.): 1 – буквенное «Λ», Эолия (Лесбос-К); 2 – буквенное «IX» или «XI» (зеркально), Милет (?); 3 – буквенное «Ε» (или ретроградное «Н»), Хиос; 4 – буквенное «X», Хиос; 5 – неясного содержания, Хиос; 6 – рисуночное «лук с прямой тетивой и заряженной стрелой вправо», Хиос; 7 – буквенное «Ψ», неустановленный центр производства

табл. 41. 1–7]. Помимо **Λ**, известны граффити в виде других одиночных букв – **Α**, **Γ** (зеркально), **Δ**, **Κ**, **Μ**, **Ν** (зеркально), **Π**, **Χ**, простейшие знаки того же размера (*стреловидный и в виде ёлочки*), а также одно или несколько *энглифических колечек* (возможно, буква **Ο** или **Θ**). По мнению В.И. Каца, эти буквы и знаки были своеобразными лесбосскими клеймами и, вероятнее всего, обозначали имена гончаров [Кац 2007, 164–165]. Если же буква **Λ**, нанесённая на ручку, была дополнительным знаком, то теоретически её можно рассматривать и как указание на место производства – **Λ(έσβος)**.

Граффити на амфорах Милета.

Прочерченное граффити в виде сочетания букв **ΙΧ** на горле амфоры южноионийского производства (Милет?), предварительно датируемой второй четвертью VI – началом V в. до н. э. (рис. 1. 2), прямых аналогий не имеет. В то же время, среди фрагментов таких амфор встречаются ручки с граффити по сырой глине в виде *крестообразных знаков* (буква **Χ**?) или *групп параллельных насечек*, а на валикообразных воротничках – отгиски в виде одного или нескольких *энглифических колечек* [Буйских 2014, 96, рис. 9. 2–3, 5; рис. 10. 1–5]. Однотипность и немногочисленность граффити, нанесённых на известные амфоры Милета по сырой глине, не позволяют рассматривать их как имена гончаров. Возможно, сочетание букв **ΙΧ** имело обратное прочтение и могло быть отсылкой к расположенному неподалёку острову **Χίος**, продукция которого в это время приобрела всё нарастающую популярность.

Граффити на амфорах Хиоса.

Граффити по сырой глине на амфорах Хиоса с поселения «Ленина» более многочисленны и датируются уже V в. до н. э., т.е. временем, когда влияние этого полиса было наивысшим, а продукция массовой. На ручках пухлогорлых амфор здесь прочерчены такие буквенные граффити как **Ξ** (или ретроградное **Η**) и **Χ** (рис. 1. 3, 4), а на одном из горл – 3 линии, взаимное расположение которых отдалённо напоминает букву **Ν** или **Ζ** (рис. 1. 5). Такие же буквенные граффити известны и на других амфорах Хиоса: обычно они располагаются на ручках, на нижней части горла и, гораздо реже, на ножках [напр.: Охотников 1990, 20, рис. 9. 6, 17; Буйских 2014, 92, рис. 5; Монахов и др. 2019, 89, Ch.37]. Вплоть до начала III в. до н. э. вместо граффити на таких амфорах могут встречаться клейма в виде букв **Α**, **Λ**, сочетания букв **ΑΛ** или энглифические колечки (возможно, буква **Ο** или **Θ**). На одной из ранних пухлогорлых амфор известен отпечаток круглой четырёхчастной розетки, возможно, представляющий собой букву **Χ** в энглифическом поле [Буйских 2014, 92, рис. 4. 6], а на поздних прямогорлых – изображение сфинкса, сидящего перед амфорой в круглом энглифическом поле, совпадающее с реверсом хиосских монет и являющееся эмблемой полиса [Кац 2007, 103, 165–167]. Уникальна находка на поселении «Ленина» амфоры с «протоколшачковой» ножкой, на широкую часть тулова которой по сырой глине нанесено не имеющее аналогов прочерченное рисуночное граффити в виде *лука с ровной тетивой и заряженной стрелой вправо* (рис. 1. 6). На наш взгляд, ограниченность набора буквенных граффити по сырой глине и клейм на амфорах Хиоса конца VI – начала III в. до н. э., а также их редкая встречаемость должны отражать достаточно узкий спектр дефиниций. Для граффити на хиосских амфорах с поселения «Ленина» можно предложить следующие значения:

Χ – хиосское вино – **Χ(ίος οίνος)** [Сапрыкин, Масленников 2007, 25, № 16];

Н (ретроградное) – обозначение ёмкости жидкости в 1/2 метрета (19,44 л) – ἡ(μισος), т.е. «половинный» [Сапрыкин, Масленников 2007, 34, № 56] или ёмкости сыпучих тел в 1 гемимедимн (26,26 л) – ἡ(μικέδιμνος) [авторская трактовка].

Граффити на красноглиняной амфоре неустановленного центра производства.

Ещё одно граффити по сырой глине в виде буквы **Ψ** зафиксировано на фрагменте стенки красноглиняной амфоры неустановленного центра производства, происходящем из культурного слоя раскопа 1 поселения «Ленина» вместе с материалами второй четверти VI – конца V в. до н. э. (рис. 1. 7). Можно предположить, что оно обозначало имя гончара или ёмкость в 10 хоев (почти 33 л) – ψ(αθροῖ) [Сапрыкин, Масленников 2007, 212, № 211 (1169)].

Граффити на амфорах Икоса.

Дискуссионной представляется интерпретация крупного П-образного граффити (?), прочерченного на нижней половине тулова частично реконструированной пифоидной амфоры Икоса второй четверти IV в. до н. э. (рис. 4. 4). Принадлежность таких амфор указанному производственному центру была установлена относительно недавно, хотя ранее в качестве него рассматривался Пепарет. Сомнения развеяла находка в Керчи амфорного горла с редким клеймом ΙΚΙΟΝ на ручке [Монахов, Федосеев 2013]. Граффити по сырой глине на известных амфорах Икоса до настоящего времени в публикациях не отмечались, поэтому находка на поселении «Ленина», с учётом неоднозначности её начертания, вызывает серьёзные сомнения. В то же время, теоретически она может быть отсылкой к Пепарету.

Граффити на амфорах Гераклеи Понтийской.

Случаи нанесения граффити по сырой глине на амфоры Гераклеи Понтийской до настоящего времени известны не были. Тем не менее, на поселении «Ленина» встречен фрагмент ножки такой амфоры первой половины IV в. до н. э., на усечённо-конической подошве которой сохранилось окончание глубоко прочерченного буквенного граффити – [...]οΝΥ, представляющего собой сокращённое имя, по всей видимости, гончара (рис. 2. 1). Единственным возможным кандидатом представляется Διούβιος, имя которого в сокращённой форме ΔιοΝΥ встречается в легендах гераклевских клейм: в конце V – начале IV в. до н. э. – в ранних фабрикантских [Федосеев 2016, 230, № 2199–2200], а в 390-е – 370-е гг. – вместе с именами магистратов Πα(---), Κερκίνος и Όψι(---) [Федосеев 2016, 94, 147, 230, № 707–711, 1289–1299, 1325]. Ещё одно граффити на стенке светлоглиняной амфоры IV в. до н. э., возможно, относящейся к производству Гераклеи Понтийской, представлено прочерченной буквой **Ε** (рис. 2. 2), которая также могла обозначать имя гончара.

Граффити на амфорах Синопы.

На поселении «Ленина» обнаружен фрагмент плечика синопской амфоры с частично сохранившимся граффити по сырой глине, оттиснутым пересекающимися линиями в виде буквы **Μ** или сочетания **ΧΛ**, интерпретация которого затруднительна (рис. 2. 3).

Нам известно всего несколько случаев нанесения такого рода буквенных граффити на амфоры Синопы, однако все они прочерчены и каждое уникально. Это буквы **Π** [Монахов 1999, 190, табл. 73. 1; Монахов и др. 2016, 178, Sn.17], **Μ** и **Λ** под ним [Монахов 1999, 464, табл. 200. 4; Монахов и др. 2019, 223, Sn.6], **Ν** на двух амфорах [Монахов 1999, 480, 493, табл. 205. 1; табл. 209. 1], **Χ** [Монахов и др. 2022, 238, Sn.2], а также монограмма **ΠΑ** с буквой **Θ** (или **σ**) и двумя горизонтальными чертами [Монахов и др. 2022, 248, Sn.21]. Последнее

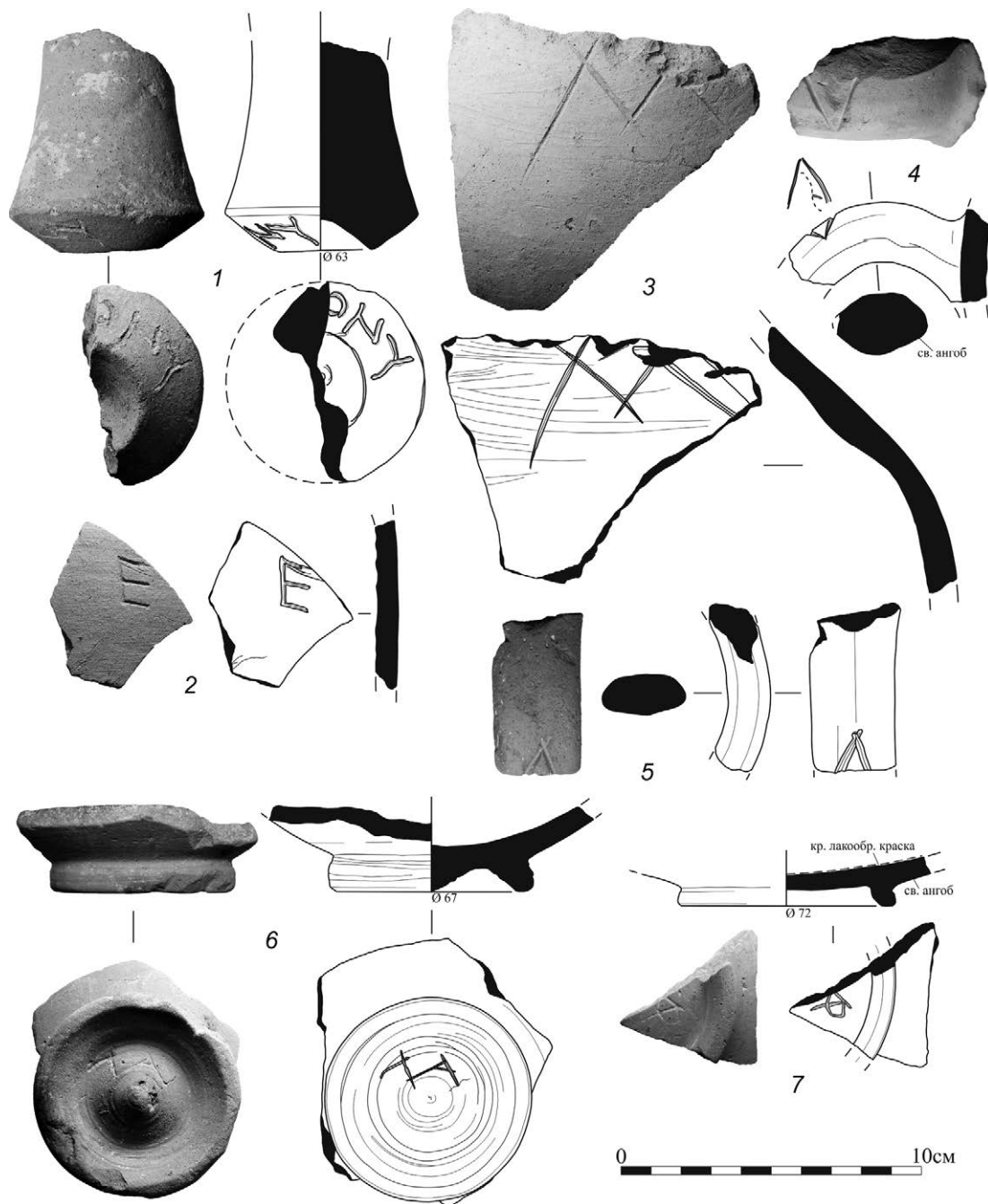

Рис. 2. Буквенные граффити по сырой глине на амфорах (1–4) и на круговой красноглиняной посуде (5–7) IV – начала III в. до н.э. из раскопок поселения «Ленина» (2018 г.): 1 – «[ΔΙ]οΝΥ», Гераклея Понтийская; 2 – «Ε», неустановленный центр производства (Гераклея?); 3 – «Μ» или «ΧΛ», Синопа; 4 – «Α», Херсонес Таврический; 5 – «Α», ручка кувшина; 6 – «ΛΑ», дно миски (или верх крышки); 7 – «ΑΡ» (в лигатуре), тарелка с краснолаковым покрытием

граффити совпадает с именем гончара в легенде клейма, оттиснутого на ручке этой же амфоры, – Πασιχά[ρους] вместе с именем и титулом астинома Ἐκαταῖος 1. Идентичная ситуация наблюдается и на двух амфорах с граффити в виде буквы Ν, сопровождаемым в обоих случаях одинаковой парой клейм на ручках: первым – с именем гончара Νικίας и вторым – с именем и титулом того же астинома. Ещё на одной амфоре граффити в виде букв Μ и Δ не дублируют клеймо, в котором присутствуют имена гончара Γέρβης и, как это ни удивительно, того же астинома Ἐκαταῖος 1. Согласно хронологии синопского клеймения, предложенной Н. Ф. Федосеевым, следующим астиномом был Διονύσιος 3 Ἀπολλοδώρου [Fedoseev 1999, 42, tab. III-2. 295]: в клеймах над его именем встречается имя гончара Μιθραδάτης [Garlan 2004, 167, № 255], что соответствует расположению букв в вышеописанном граффити – Μ над Δ. Это означает, что данное граффити следует рассматривать по отношению к клейму с иной легендой не только как уточняющее, но и как меняющее его содержание. Таким образом, сделанные наблюдения позволяют: во-первых, согласиться с предложенной Н. Ф. Федосеевым хронологической последовательностью астиномов Ἐκαταῖος 1 и Διονύσιος 3 Ἀπολλοδώρου, а во вторых, – выявить уникальную ситуацию в организации синопского амфорного производства, связанную с «болезненной» сменой этих астиномов, когда гончарам приходилось подтверждать своё авторство при помощи отдельного фабрикантского клейма или дополнительного граффити. Согласно хронологии синопских клейм Н. Коновичи и И. Гарлана, эти события имели место в 1-й половине 270-х гг. до н. э. [Conovici 1998, 38–39; Garlan 2004, 82–83], по В. И. Кацу – на рубеже 280-х – 270-х гг. до н. э. [Кац 2015, № 1141 (26)], а по Н. Ф. Федосееву – в 296–295 гг. до н. э. [Fedoseev 1999, 42, tab. III-2. 296, 295].

На других известных синопских амфорах граффити не сопровождали клеймо: Так, буквы Π и Χ были прочерчены на корпусе и ручке амфор второй четверти IV в. до н. э., когда в Синопе только начинала вырабатываться единая система клеймения, а ещё одна буква Π зафиксирована на более поздней амфоре, у которой верхние части ручек не сохранились. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что граффити по сырой глине на фрагменте синопской амфоры, происходящем с поселения «Ленина», тоже является началом имени гончара или, что менее вероятно, гончара и астинома.

Граффити на амфорах Херсонеса Таврического.

Случаи нанесения граффити по сырой глине на амфоры Херсонеса Таврического конца IV – начала III в. до н. э. до настоящего времени не фиксировались. Тем не менее, на поселении «Ленина» встречен фрагмент верхней части ручки такой амфоры с оттиснутым на ней контуром буквы Α, короткий соединительный штрих которой прочерчен (рис. 2. 4). Не располагая какими-либо аналогиями, можно предположить, что данное граффити является первой буквой имени гончара или, что более вероятно, магистрата Α(ισχίνας), которому принадлежат первые клейма на амфорах Херсонеса Таврического [Кац 1985, 108, табл. II. 1]. Это означает, что его можно рассматривать как своеобразное «протоклеймо».

Граффити на круговой красноглиняной посуде.

На поселении «Ленина» встречено 3 граффити, оттиснутых или прочерченных на разных типах круговой красноглиняной посуды. Все они буквенные и в каждом случае заслуживают отдельного внимания.

На фрагменте ручки небольшого кувшина IV в. до н. э. частично сохранилось граффити в виде буквы **A**, оттиснутое тремя штрихами (рис. 2. 5). Оно достаточно редкое, хотя в Никонии встречено аналогичное, датируемое эллинистическим периодом [*Намойлик* 2018б, 210, № 14]. Как и в ситуации с вышеописанными граффити на амфорах, его интерпретация, скорее всего, сводится к обозначению имени гончара или месту производства сосуда, хотя можно предположить и другие: например, обозначение высокого качества – $\acute{\alpha}(\rho)\iota\sigma\tau\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ [*Соломоник* 1984, 76, № 340] или виноградного напитка (вина) – $\alpha(\mu\lambda\acute{\epsilon}\lambda\iota\nu\omicron\varsigma\ \omicron\iota\nu\omicron\varsigma)$ [*Сапрыкин, Масленников* 2007, 35, № 67].

Граффити в виде **AP** (в лигатуре) широко распространено в полисах Боспора и присутствует в основном на чернолаковых сосудах IV в. до н. э.: обычно оно прочерчено на дне по лаковому покрытию [напр.: *Русяева* 2010, 88, № 208, табл. 32. 15; 151, № 230–232, табл. 53. 12–14; *Емец* 2012, 154, № 657; 78, № 261]. Считается, что подобные сокращения могут быть теофорным именем владельца сосуда или именем божества, при этом являясь посвятителем надписью или храмовой инвентарной маркировкой [*Яйленко* 2018, 493]. Фрагмент тарелки с краснолаковым покрытием, обнаруженный на поселении «Ленина», отличается от вышеописанных тем, что такое же граффити нанесено на его дно по сырой глине, т. е. самим гончаром (рис. 2. 6). Таким образом, оно может быть своеобразной маркировкой и обозначать теофорное имя этого гончара или высокое качество самого товара – $\acute{\alpha}(\rho)\iota\sigma\tau\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$ [*Соломоник* 1984, 76, № 340].

Ещё одно граффити, в виде букв **AA**, ровными линиями прочерчено на массивном коническом выступе дна небольшой миски с кольцевым поддоном, которая также могла быть крышкой, а вышеупомянутый выступ – упором для указательного пальца при захвате кольцевого держателя большим и средним пальцами (рис. 2. 7). Аналогий такому граффити обнаружить не удалось. Тем не менее, как и в предыдущем случае, оно могло обозначать имя гончара или место производства изделия и служить его маркировкой.

Общая характеристика граффити, прочерченных на твёрдой поверхности

Граффити этой группы связаны с процессом эксплуатации изделий и трансляцией какой-либо информации. Их характерной особенностью является неровность контура и наличие на нём микросколов. Именно к таким граффити относится абсолютное большинство записей, обычно обнаруживаемых на территории полисов: они имеют самое разное содержание и исполнителей. В отличие от предыдущей группы, они редко привязаны к конкретным типам или формам сосудов, что чрезвычайно усложняет поиск каких-либо закономерностей и аналогий. По формальным признакам их можно также разделить на рисуночные, условно-знаковые, неясного содержания и буквенно-цифровые, которые в этом случае, помимо отдельных букв, лигатур и монограмм, могут быть представлены целыми словами, словосочетаниями и текстами. Последние следует рассматривать уже с точки зрения содержания и смысла, т. е. по «жанрам», как это предлагает целый ряд исследователей античной эпиграфики [*Емец* 2005; 2012; *Яйленко* 2018, 494]. Массовые находки керамики с такими буквенно-цифровыми граффити, особенно в случае их концентрации на конкретных участках, несомненно указывают на высокий уровень грамотности местного населения. Логично предположить, что

распространённость тех или иных видов и вариантов этой группы граффити должна иметь региональную или даже локальную специфику.

На поселении «Ленина» зафиксировано 13 граффити вышеописанной группы, которые датируются второй четвертью VI – второй половиной IV в. до н. э.: всего 6 из них – буквенно-цифровые (рис. 3. 1, 2, 5, 6, 10, 11), 1 – рисуночное (рис. 3. 3), 2 – условно-знаковые (рис. 3. 4, 7) и 4 – неясного содержания (рис. 1. 5; 3. 8, 9; 4. 2); 11 нанесено на различные части амфор (рис. 1. 5; 3. 1, 3–10; 4. 2), 1 – на горло архаического ионийского кругового светлоглиняного кувшина с лаковыми полосами (рис. 3. 2) и ещё 1 – на плоскую свинцовую гирьку (рис. 3. 11). Преобладание граффити неясного содержания и близких к ним рисуночных указывает на неграмотность проживавшего в этом месте сельского населения, а наличие коротких буквенных меток при отсутствии образцов эпистолярного жанра – на элитарный характер письменности, образцы которой в данном случае были оставлены греческими торговцами или владельцами. Это подтверждается материалами раскопанного неподалёку синхронного объекта культурного наследия «Поселение, с. Супсех, юго-западная окраина села». На обоих раскопах общей площадью 4700 м² было найдено всего 5 фрагментов керамики с граффити, прочерченными по твёрдой поверхности. Все они оказались буквенными: 3 – метки владельцев на чернолаковых сосудах (NI, B и E), 1 – метка торговца на плечике красноглиняной амфоры неустановленного центра производства (NKK), а ещё 1 – овальный красноглиняный остракон с расположенными треугольником буквами Α Δ и Λ [Воронин 2017]. На восточной периферии Азиатского Боспора граффити на твёрдой поверхности сосудов, датируемые VI–III вв. до н. э., встречаются ещё реже: обычно они буквенные и исследователи также видят в них знаки собственности или торговые метки [Малышев 2005, 547–550]. Учитывая продолжительность появления на поселении «Ленина» малочисленных граффити, прочерченных на твёрдой поверхности, наиболее логичным представляется их анализ в соответствии с периодами греческой истории в Северном Причерноморье.

Граффити на сосудах второй четверти VI – начала V в. до н. э.

Период со второй четверти VI до начала V в. до н. э. в Северном Причерноморье связан с его колонизацией выходцами из Ионии и Эолии, оказавшимися под нарастающим давлением персов. К этому времени относятся и самые ранние на поселении «Ленина» граффити, которые могли быть прочерчены на привозных греческих сосудах как самими колонистами, так и местным населением. Всего таких граффити 4.

Буквенное граффити *v* или *v*, прочерченное на нижней части амфоры Теоса первой половины VI в. до н. э., чуть выше ножки, в данном контексте является уникальным и самым ранним (рис. 3. 1). Оно представляет собой метку, для которой можно предложить целый спектр значений. С одной стороны, можно рассматривать уже ранее предлагавшиеся варианты: обозначение имени владельца или адресата, ёмкости жидкости в 1 гидрию = 1/2 метрета (19,44 л) – *ῥ(δ)ρία* [Сапрыкин, Масленников 2007, 111, № 552], либо указание на содержимое *v(εοκράς οἶνος)* – «смешанное (с водой?) вино» [Сапрыкин, Масленников 2007, 120, № 602]. Однако, на наш взгляд, более логично предположить, что данная метка означала слово «вода» – *ῥ(δ)ωρ* [Сапрыкин, Масленников 2007, 43, № 113], которую греческие колонисты набирали из источника вблизи совр. с. Су-Псех или из водоносного пласта, выходящего в обрыв морского берега неподалёку.

Значение «вода» – ὕδωρ) могло быть отражено и в схожем буквенном граффити, прочерченном на горле ионийского кругового светлоглиняного кувшина с лаковыми полосами середины VI – начала V в. до н. э. (рис. 3. 2). Для него также допустимы и другие значения – например, начальная буква имени владельца или указание на другое содержимое – «смешанное (с водой?) вино» – ν(εοκράς οἶνος).

Интересно сложное рисуночное граффити на стенке амфоры Хиоса второй – третьей четверти VI в. до н. э., процарапанное по белому ангобу и сохранившееся лишь частично (рис. 3. 3). Оно представляет собой эллипс из 8-ми сходящихся концами линий, над ним – «пучок» из 4 параллельных горизонтальных полос, над которым, значительно выше и правее, находится удлинённая галочка, уложенная на левый бок с незначительным наклоном вниз. Единственное относительно похожее на него граффити в виде нескольких буквоподобных знаков со множеством поперечных чёрточек и отдельных групп линий было обнаружено в Ольвии на фрагментах основания ножки чернолаковой чаши V в. до н. э. Опубликовавшая его А. С. Русяева считает назначение такого рода знаков магическим [Русяева 2010, 173, № 37, табл. 61. 2]. Вероятно, они были нанесены кем-то из представителей местного населения или адресовались им.

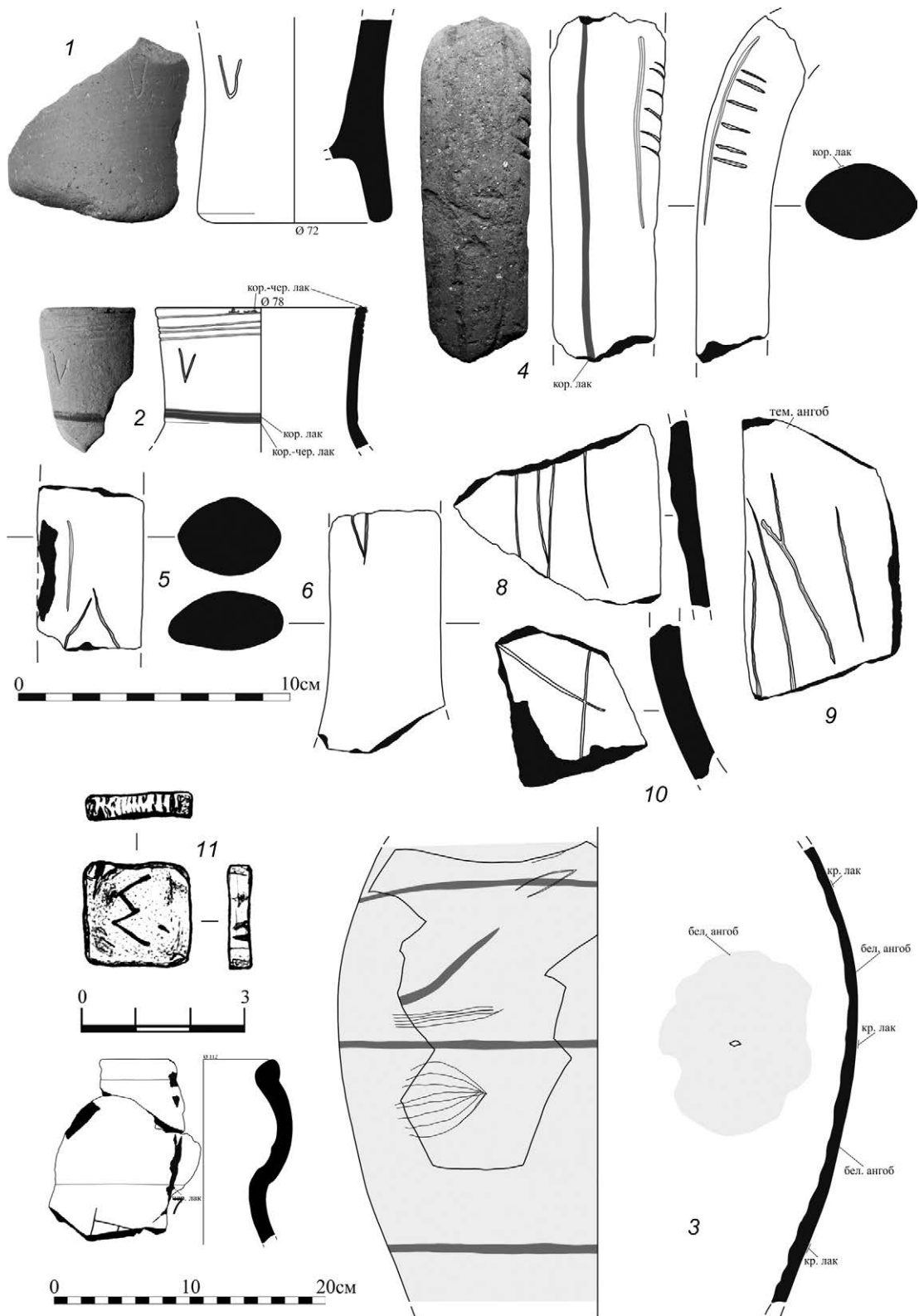
Заслуживает внимания условно-знаковое граффити из 6-ти коротких поперечных насечек, пропиленных на боковой поверхности ручки амфоры Хиоса третьей четверти VI – первой четверти V в. до н. э., ниже изгиба (рис. 3. 4). Такие пометки часто встречаются в Северном Причерноморье на разных амфорах периода архаики [напр.: Намойлик 2010, 410, № 6, табл. 1. 6]. Общепринято мнение, согласно которому они указывают на какие-то манипуляции с содержимым или ёмкость в 6 хоев – т. е. около 19,5 л [Намойлик 2010, 406–407; Буйских 2014, 99].

Таким образом, вышеописанные граффити второй четверти VI – начала V в. до н. э. отражают некоторые особенности процесса адаптации первых греческих колонистов и их коммуникации с местными племенами.

Граффити на сосудах V в. до н. э.

Новый период в истории Северного Причерноморья начинается после разгрома персами Ионийского восстания в 494 г. до н. э., когда поступление греческой продукции в Северное Причерноморье многократно уменьшилось в объёмах, а возможно и вовсе прекратилось. После освобождения от персов и создания Делосского морского союза (479–477 гг. до н. э.) в Северном Причерноморье произошло изменение структуры импортов, лидирующую позицию в которых заняла продукция Хиоса [Завойкин 1992, 262; Monakhov, Kuznetsova 2017, 67–68]. Её преобладание фиксируется и на поселении «Ленина». Хозяйственная деятельность здесь продолжалась, но не была активной из-за постоянных сложностей, которые с одной стороны приносили походы кочевников, а с другой – агрессивное расширение нового государственного образования – Боспорского царства. На расположенном неподалёку «Анапском поселении», роль которого в это время также выросла, на протяжении V в. до н. э. отмечены сильные пожары и последующие перестройки [Алексеева 2010, 481]. Связанные с ними события, разумеется, сказывались на интенсивности и объёмах натурального обмена с соседями.

Граффити, прочерченных на твёрдой поверхности сосудов в этот период, на поселении «Ленина» чуть больше – 6: как и следовало ожидать, они нанесены преимущественно

на амфоры Хиоса. Буквоподобные знаки Λ или Λ и ν на ручках (рис. 3. 5, 6) могли быть начерчены торговцами: буква Λ в этом случае могла означать виноградное вино в широком смысле – Ἄ(μπέλινος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 30, № 40] или высокое качество продукта – Ἄ(ριστεύς) [Соломоник 1984, 76, № 340], Λ – белое вино – λευκός οἶνος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 47, № 130], масло – λιπός) [Бёттгер, Шелов 1998, 118] или лесбосское вино – Λ(έσβος οἶνος) [авторская трактовка], а о значении буквы ν – см. выше. На нижней части горла ещё одной амфоры Хиоса частично сохранилось условно-знаковое граффити (рис. 3. 7): оно представляло собой квадрат, разделённый на 4 части, который, судя по известным аналогиям, обозначал цену в 1 тетробол или 1 тетрадрахму [Сапрыкин, Масленников 2007, 199–200, № 127 (1078); Намойлик 2018б, 186, G57]. В трёх остальных случаях граффити имеют неясное содержание, т. е. оставлены представителями местного населения: они отмечены на нижней части горл двух амфор Хиоса (рис. 1. 5; 3. 8) и на плечи красноглиняной амфоры неустановленного центра производства (рис. 3. 9).

Граффити на изделиях IV в. до н. э.

В конце V – начале IV в. до н. э. «Анапское поселение» (Синдская Гавань) активно расширялось и укреплялось, закладывались основы планировки большого города, позже переименованного в Горгиппию, а в его округе резко выросла численность сельских поселений. Е. М. Алексеева связывает эти события с процессом реколонизации Северного Причерноморья. Археологические данные указывают на увеличение в Горгиппии именно греческого населения – вероятнее всего, боспорского, которое получило земельные наделы и соответствующие гражданские права. Аборигены в это время оставались рядом, на обжитых землях [Алексеева 2010, 481–485].

На поселении «Ленина» большинство зафиксированных ям и объектов относится именно к концу V–IV в. до н. э. В то же время, граффити, прочерченных на твёрдой поверхности изделий, здесь мало – всего 3. Одно из них, явно сделанное кем-то из местных жителей, представлено группой из нескольких вертикальных линий и ещё одной такой же, но отдельной линией на горле амфоры Фасоса первой половины IV в. до н. э. (рис. 4. 2). Другое граффити представляет собой крест или букву X, прочерченную на нижней части горла амфоры Колхиды (Диоскуриады?) из ямы 25, которая

Рис. 3. Граффити на твёрдой поверхности изделий из раскопок поселения «Ленина» (2018 г.): 1 – буквенное «ν» или «υ», ножка амфоры Теоса (вторая четверть VI в. до н. э.); 2 – буквенное «ν» или «υ», горло кругового светлоглиняного кувшина Ионии с лаковыми полосами (середина VI – начало V в. до н. э.); 3 – рисуночное неясного содержания, тулово амфоры Хиоса (вторая–третья четверти VI в. до н. э.); 4 – условно-знаковое (6 параллельных черт), ручка амфоры Хиоса (последняя треть VI – первая четверть V в. до н. э.); 5 – буквенное «Λ» или «Α», ручка амфоры Хиоса (вторая–третья четверти IV в. до н. э.); 6 – буквенное «ν» (?), ручка амфоры Хиоса (вторая–третья четверти IV в. до н. э.); 7 – условно-знаковое (квадрат, разделённый крестом на 4 части), горло амфоры Хиоса (середина – третья четверть V в. до н. э.); 8 – неясного содержания или буквенное «M», горло амфоры Хиоса (вторая половина V в. до н. э.); 9 – неясного содержания (полосы), плечо амфоры неустановленного центра производства (V–IV вв. до н. э.); 10 – буквенное «X» или неясного содержания, горло амфоры Колхиды (Диоскуриады?) (вторая половина IV в. до н. э.); 11 – буквенно-цифровое «Σ», плоская свинцовая гирька массой 6 гемидрахм (IV–III вв. до н. э.)

по сопутствующим материалам датируется второй половиной IV в. до н. э. (рис. 3. 10). Такие знаки встречаются, например, на синхронных амфорах Фасоса [Монахов и др. 2019, 135, Th.27] и могли выполнять роль торговой метки или обозначать хиосское вино – Χ(ῖος οἶνος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 25, № 16].

Особый интерес вызывает буквенное граффити Σ, процарапанное на одной из плоскостей квадратной свинцовой гирьки IV в. до н. э. массой 14,75 г (рис. 3. 11). Очевидно, буква Σ, соответствующая цифре 6, в этом случае обозначает массу. Если учесть, что с конца VI до III в. до н. э. в Северном Причерноморье господствовала эвбейско-аттическая весовая система, согласно которой норма эвбейской драхмы составляла от 4 до 5 г, цифра Σ может означать 6 гемидрахм. Похожие гирьки с цифрами и знаками широко известны, а сопоставление встречающихся на них обозначений с реальной массой самих изделий подтверждает использование греками как целых, так и половинных норм [Чуистова 1962, 14–25].

Таким образом, общий анализ граффити, прочерченных на твёрдой поверхности различных изделий, показывает, что на всём протяжении существования поселения «Ленина» местные сельские жители не были знакомы с греческим алфавитом, а единичные амфоры или свинцовая гирька попали к ним от греческих торговцев уже с начерченными метками. Лишь несколько буквенных граффити начального этапа колонизации могут отражать некоторые особенности адаптации греков в чуждой для них среде.

Общая характеристика лаковых дипинти

Дипинти на импортных керамических изделиях (прежде всего, на амфорах) представляют собой коммерческую маркировку, конкретизирующую ассортимент поставляемых продуктов, напитков и/или указывающую имена поставщиков и покупателей [Завойкина 2022, 113]. Как правило, они наносились в местах заполнения тары продуктом или непосредственно перед продажей заказчику [Намойлик 2010, 400; Ильяшенко 2013, 130]. Предварительно дипинти можно разделить на буквенно-цифровые (в т. ч. лигатуры и монограммы) и знаковые неясного содержания. Простота и лаконичность буквенных меток интересующего нас периода позволяет утверждать, что отражённая в них информация представляла собой набор стандартных понятий или формулировок, принятых в среде торговцев и чиновников. Необходимость конкретизировать с помощью меток содержимое амфор, а также имя производителя или заказчика возникала во времена активизации морской торговли, когда форма тары динамично эволюционировала, могла использоваться в процессе транспортировки до конечного пункта многократно и, таким образом, переставала быть определяющей для того или иного сорта продукции [Цецхладзе 2015, 72; Завойкина 2022, 113–114].

С. М. Ильяшенко справедливо указывает, что дипинти массово появляются в стабильной политической обстановке и отражают специфику отлаженных торговых связей [Ильяшенко 2013, 3]. Общий анализ встречаемости различных вариантов таких меток на амфорах VI–III вв. до н. э., опубликованных коллективом исследователей под руководством С. Ю. Монахова [Монахов 1999; 2003; Монахов и др. 2016; 2017; 2019; 2020; 2021; 2022], позволяет рассматривать их в рамках трёх условных хронологических групп в соответствии с общеизвестными периодами греческой морской торговли, каждый из которых предполагает наличие определённого набора правил и механизмов:

1) 546–478/477 гг. до н. э. – период владычества Ахеменидской империи, контролировавшей восточногреческие полисы, а также проливы между Эгейским и Чёрным морями;

2) 478/477–404 гг. до н. э. – установление греками контроля над проливом между Эгейским и Чёрным морями, создание и деятельность Делосского (Первого Афинского) морского союза;

3) кон. 380-х – 338 гг. до н. э. – создание и деятельность Второго Афинского морского союза.

Дипинти первого из этих периодов на поселении «Ленина» (в окрестностях существовавшего тогда «Анапского поселения») не встречено. Тем не менее, следует отметить ряд отличающих их особенностей. Эти дипинти очень крупные, представлены единичными буквами, лигатурами, монограммами и знаками, размашисто нанесёнными на горло и верхнюю часть корпуса, а также широкими кистевыми полосами – вертикальными, горизонтальными или косыми. Встречаются они, в основном, на амфорах Хиоса, Клазомен, реже – Эолии, Милета, Самоса и Северной Эгеиды (на сложнопрофилированной ножке). На амфорах Ионии (Хиоса и Клазомен) такие дипинти часто выглядят как элемент росписи, которая на протяжении указанного периода является их неотъемлемым атрибутом. Кроме того, на амфорах Хиоса и неустановленных центров Северной Эгеиды только в период с середины VI в. по 478/477 г. до н. э. широко распространены дипинти в виде стандартизированной буквы Θ под валиком горла, которая часто дублируется ниже, известны и случаи её закрашивания кистевой полосой. На наш взгляд, этот знак мог являться маркировкой, означавшей прохождение амфоры через контролирующие органы ахеменидской администрации.

Дипинти следующего периода, с 477/478 по 404 гг. до н. э., на поселении «Ленина» представлено лишь частично сохранившейся широкой наклонной (?) полосой с ровными краями на фрагменте горла фасосской амфоры середины V в. до н. э. (рис. 4. 1). В целом же, для этого времени характерно исчезновение лаковой росписи, постепенное уменьшение размеров буквенных и знаковых дипинти, появление сочетаний букв, а также спорадическое использование кистевых полос и неровной кольцевой окраски горла под венцом. Вероятнее всего, этот период является переходным от системы обозначений, использовавшейся в период ахеменидского владычества, к новой общегреческой системе.

Основная масса дипинти на поселении «Ленина» относится к IV в. до н. э.: 10 из них – небольшие буквенные (рис. 4. 2, 3, 5; 5. 1, 2, 4–7), 1 – условно-знаковое на кувшине (рис. 5. 9), 2 представлены монограммами (рис. 4. 4; 5. 3) и 1 – кистевым мазком (рис. 5. 8). Кроме того, хотя и редко, но встречается кольцевая окраска горла, которая присутствует на отдельных фрагментах амфор Фасоса, «круга Фасоса», Менды, Гераклеи Понтийской, Синопы, а также на светлоглиняной амфоре неустановленного центра производства.

Публикации и каталоги целых амфор, подготовленные коллективом исследователей под руководством С. Ю. Монахова [Монахов 1999; 2003; Монахов и др. 2016; 2017; 2019; 2020; 2021; 2022], позволяют составить примерные списки дипинти, встречающихся на таре тех или иных производственных центров в IV в. до н. э. Наблюдения показывают,

что в это время существовала общегреческая система торговых обозначений, которая пришла в упадок в период македонских завоеваний, вслед за общим сокращением объёмов поступавшей на боспорский рынок импортной продукции. Дипинти IV в. до н. э. можно разделить на 6 основных типов: *однобуквенные, простые двух- или трёхбуквенные, двухбуквенные* (в т. ч. в лигатуре) *с размещённой отдельно одной или двумя добавочными буквами, из нескольких букв в виде лигатур и монограмм, условно-знаковые, обозначения неясного содержания*. Представленные ниже списки дипинти IV в. до н. э. не являются всеобъемлющими, а показывают лишь ту часть доступных автору опубликованных вариантов, которая не вызывает серьёзных нареканий.

Дипинти на амфорах Хиоса конца V–IV вв. до н. э. с колпачковой ножкой продолжают традицию предшествующих лет: буквенные дипинти на них достаточно крупные и простые, но с течением времени заметно уменьшаются в размере и приобретают неясные очертания. Встречаются они редко, несмотря на массовость находок таких амфор как в целом, так и во фрагментированном виде. Дипинти на них представлены отдельными и, в единичных случаях, парными буквами: **Α** [Монахов 1999, 176, табл. 63. 2]; **Δ** [Монахов и др. 2019, 98, Ch.55]; **Θ** [Сапрыкин, Масленников 2007, 141, № 705]; **Λ** [Монахов и др. 2017, 75, Ch.14]; **Μ** [Монахов 1999, 151, табл. 53. 2]; **Ξ** (?) [Монахов и др. 2020, 113, Ch.29]; **Ρ** (?) [Монахов и др. 2022, 80, Ch.13]; **Χ** [Сапрыкин, Масленников 2007, 142, № 710]; **ΕΥ** и **Χ** [там же, 141, № 704]; **ΜΕ** [Ломтадзе 2015, 18, рис. 86]. Необычна «расширенная» трёхстрочная надпись **Ε/ΕΛΑΙΑΙ/ΥΚΑΙ** [Nawotka 1998, 96, № 198]. Амфоры Хиоса с колпачковой ножкой IV в. до н. э. на поселении «Ленина» представлены множеством фрагментов: лишь на нескольких из них зафиксирована кольцевая окраска горл под венцом, но дипинти не обнаружено.

Дипинти на амфорах Фасоса IV в. до н. э. встречаются в виде небольших букв и, реже, их сочетаний: **Α** [Сапрыкин, Масленников 2007, 108, № 516]; **Δ** [Монахов и др. 2016, 101, Th.27; 2019, 128, Th.15; Сапрыкин, Масленников 2007, 41, № 109; 109, № 528; 200, № 130 (1081)]; **Ε** [там же, 110, № 533]; **Θ** [там же, 120, № 603]; **Ι** [там же, 119, № 597]; **Λ** [Монахов 1999, 285–286, табл. 117. 1; табл. 118. 7; Монахов и др. 2019, 130, Th.18; Сапрыкин, Масленников 2007, 111, № 546]; **Μ** [Монахов 1999, 291, табл. 121. 1]; **Σ** [там же, 286, 289, табл. 118. 3; табл. 120. 10]; **Σ** (зеркально) [Сапрыкин, Масленников 2007, 120, № 601]; **Φ** [Сапрыкин, Масленников 2007, 116, № 576]; **Χ** [Монахов 1999, 288–289, табл. 119. 2, 4; табл. 120. 9, 16]; **ΔΙ** (в лигатуре) [там же, 109, № 529–530]; **ΗΡ** (в лигатуре) [Монахов и др. 2020, 145. Th.10]; **ΗΤ** [Сапрыкин, Масленников 2007, 180, № 939]; **ΚΑ** (монограмма) [там же, 111, № 545]; **ΠΛ** (монограмма) [Монахов и др. 2019, 130–131, Th.19]; **Υτ** (возможно, зеркально) [Монахов 1999, 297, табл. 124. 2]. Известны и знаки неясного содержания размером с букву: **Z**, больше напоминающее «знак водоплавающей птицы» [Монахов и др. 2019, 125–126, Th.11], и крест [Монахов 1999, 286, 289. табл. 118. 6; табл. 120. 15]. Интересна «расширенная» двухстрочная надпись **ΜΕΛΑΙΝΑΙ/ΝΙΚΩΝΙ** (пер.: «чёрные маслины Никону») [Завойкина 2022, 119–120]. На поселении «Ленина» встречено 2 дипинти, нанесённые на горла фасосских пифоидных амфор варианта I-B-3 Николери порфмийской серии по С. Ю. Монахову, датируемых первой половиной IV в. до н. э.: **Ν** или **ΔΙ** (в лигатуре) (рис. 4. 3) и **ΣΜ** (рис. 4. 2). Имеются и фрагменты горл с кольцевой окраской под венцом.

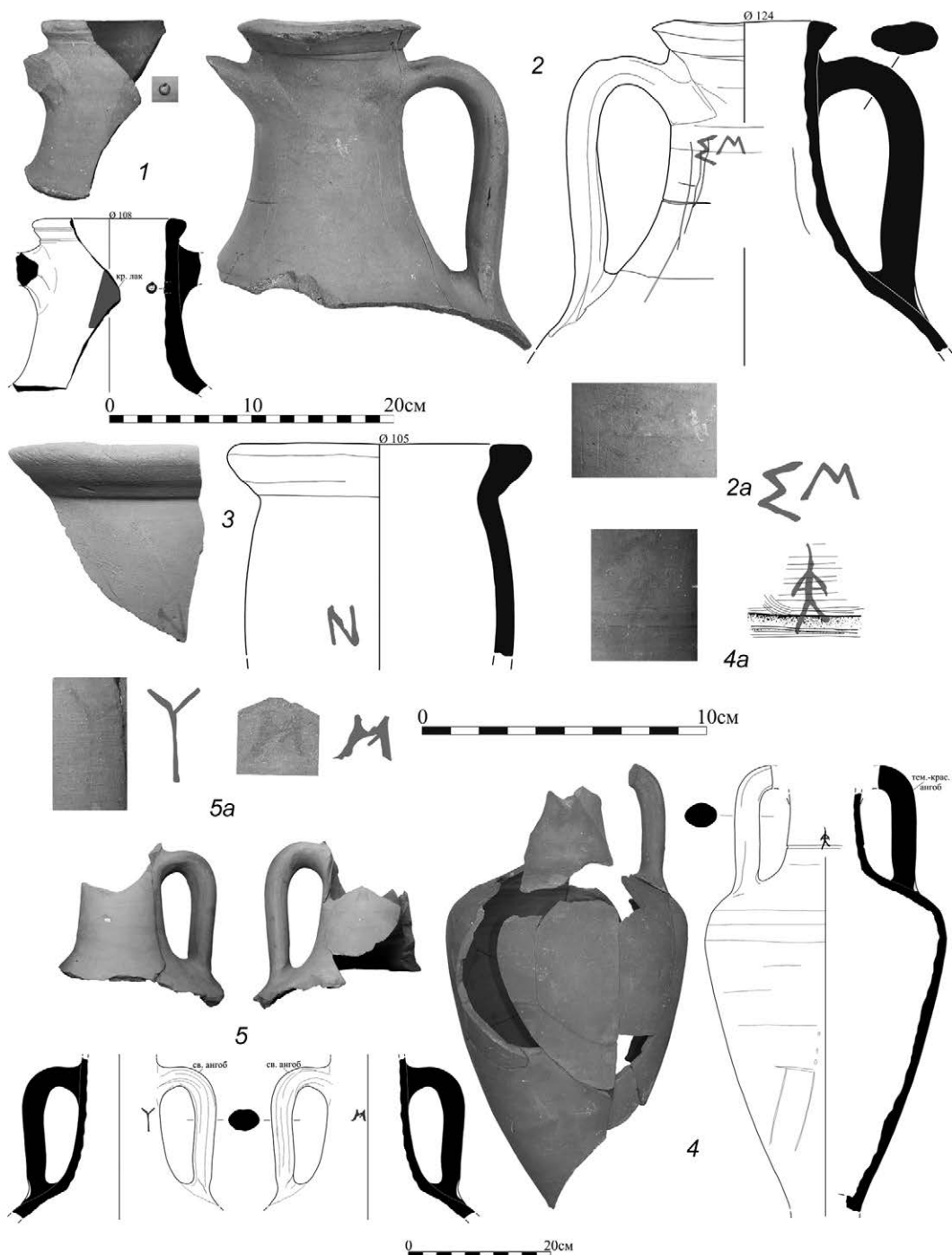

Рис. 4. Дипинты на амфорах Фасоса (1–3) и Икоса (4, 5) из раскопок поселения «Ленина» (2018 г.): 1 – метка неясного назначения, вторая четверть V в. до н. э.; 2 – буквенное «ΣΜ», первая половина IV в. до н. э.; 3 – буквенное «N» или «AI» (в лигатуре), первая половина IV в. до н. э.; 4 – монограмма неясного содержания и буквенное граффити (?) по сырой глине «Π», вторая четверть IV в. до н. э.; 5 – буквенные дипинты «Y» и «M» на разных сторонах горла, вторая–третья четверти IV в. до н. э.

Дипинти на амфорах Менды IV в. до н. э. – одно- и двухбуквенные: **А** [Монахов 1999, 230]; **Н** [Монахов 2003, 294–296, табл. 64. 2; табл. 65. 2; табл. 66. 6]; **Θ** [Монахов 1999, 230]; **Ι** с перечёркнутой серединой [Монахов и др. 2019, 145, Md.11]; **Μ** [Монахов 1999, 230]; **Ν** [там же, 404, табл. 180. 1]; **Π** [там же, 367, табл. 160. 2; Монахов и др. 2016, 110, Md.8]; **Χ** [Монахов и др. 2019, 140, Md.1]; **ΑΓ** [Монахов 1999, 230]; **ΔΙ** [Монахов и др. 2017, 92, Md.9]; **ΔΙ** (монограмма) [Монахов и др. 2016, 112, Md.12]; **ΙΑ** [Монахов 1999, 230]; **ΛΕ** (дублирует клеймо) [там же, 395–396, табл. 176. 2]; монограмма **ΝΠ** или **ΠΛ** (зеркально) [Монахов и др. 2020, 153, Md.2]. На поселении «Ленина» встречено 2 однобуквенных дипинти, нанесённых на горла мендейских амфор: **Н** (рис. 5. 1) и **λ** или перевёрнутая **Υ** (рис. 5. 2). Имеются и фрагменты горл с кольцевой окраской под венцом.

Дипинти на амфорах Пепарета IV в. до н. э. – преимущественно однобуквенные, но встречаются и сочетания из нескольких букв: **Α** [Монахов и др. 2016, 117, 119, Рр.2, Рр.5]; **Γ** [Монахов 1999, 242, табл. 98. 3]; **Δ** [Монахов и др. 2016, 117, Рр.1; 2019, 153, Рр.8]; **Н** [Монахов и др. 2019, 154, Рр.9]; **Κ** [Монахов и др. 2016, 118, Рр.3]; **Μ** [Монахов 1999, 299–300, табл. 125. 2]; **Ο** [Монахов и др. 2019, 154, Рр.11]; **Π** [Монахов и др. 2016, 119, Рр.6]; **Σ** [Монахов и др. 2019, 154, Рр.10]; **Τ** [Монахов 1999, 299–300, табл. 125. 3]; **Ξ** [Монахов и др. 2020, 156, Рр.2]; **ΘΕ** и **Γ** на разных сторонах горла [Монахов и др. 2019, 153, Рр.7]. Распространена и кольцевая окраска горл таких амфор под венцом. На поселении «Ленина» амфоры Пепарета представлены единичными маловыразительными фрагментами, дипинти на них не обнаружено.

Дипинти на амфорах Икоса IV в. до н. э. встречаются крайне редко. Единственный известный вариант – буква **Μ** на горле [Монахов и др. 2019, 156, Ικ.3]. Изредка встречаются горла с кольцевой окраской под венцом. На поселении «Ленина» обнаружено 2 дипинти, нанесённых на горла амфор Икоса: **Μ** и **Υ** с разных сторон (рис. 4. 5), а также сложная монограмма, в которой можно вычитать букву **Φ** или разделённую пополам букву **Α** (или **Δ**), а ниже – букву **Λ**, верхняя часть при этом может оказаться частично стёртой буквой **Ρ** (рис. 4. 4). Похожие монограммы встречаются в легендах клейм на синхронных амфорах производства Книда [Ефремов 2013, 414–415, M10, M11, M12]. Кольцевой окраски горл не наблюдалось.

Дипинти на амфорах Гераклеи Понтийской IV в. до н. э. являются массовыми как, собственно, и сами амфоры гераклеийского производства. На их горлах чаще, чем у других, встречается кольцевая окраска под венцом и другие, часто повторяющиеся простейшие обозначения: **кружок** [Монахов 1999, 204, табл. 80. 1–2; Монахов и др. 2016, 164, НР.65]; **круглое пятно** от малого до среднего размера [Монахов 1999, 202, табл. 79. 1; Монахов и др. 2016, 147, НР.32; 2019, 192–193, 206, НР.38, НР.39, НР.64]; **крупная округлая метка или кистевой мазок** [Монахов и др. 2019, 181–182, НР.18, НР.19]; **горизонтальная полоса** [Монахов и др. 2016, 141, НР.19]; **вертикальная полоса** [Монахов 1999, 263, табл. 106. 2; Монахов и др. 2019, 174, 178, 180, 183, НР.3, НР.4, НР.12, НР.15, НР.22]; **толстая вертикальная полоса, расширяющаяся вверху** [Монахов и др. 2019, 177, НР.9]; **толстая вертикальная полоса, перечёркнутая горизонтально** [там же, 175, НР.5]; **крест** [там же, 173, НР.2]; **дуга концами вверх** [Монахов 1999, 152, табл. 54. 2]. Прочие дипинти представлены отдельными небольшими и крупными буквами, реже – парами букв, монограммами, лигатурами, а в единичных случаях – сочетанием

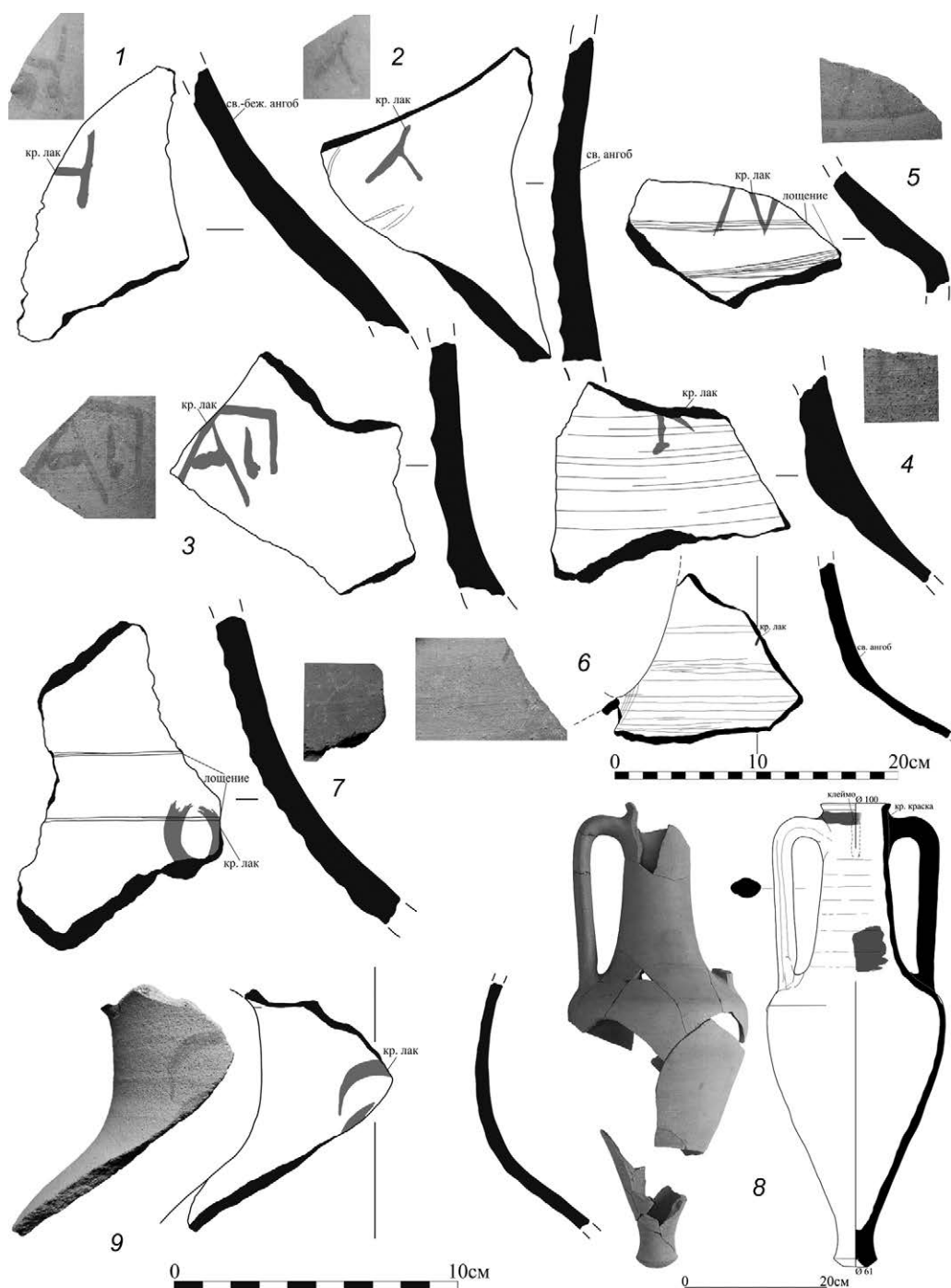

Рис. 5. Дипинты на амфорах Менды (1, 2), Гераклеи Понтийской (3–8) и светлоглиняном кувшине IV в. до н.э. из раскопок поселения «Ленина» (2018 г.): 1 – буквенное «Н»; 2 – буквенное «λ» или перевёрнутая «Υ»; 3 – буквенное «ΑΠ» (монограмма); 4 – буквенное «Κ» с точкой; 5 – буквенное «Μ»; 6 – буквенное «Μ» (?); 7 – буквенное «Ο» или «Θ»; 8 – метка неясного назначения (широкий кистевой мазок); 9 – условно-знаковое (?)

из трёх букв, а также парой букв с одной или двумя добавочными: **А** [Монахов и др. 2016, 159, НР.55; Сапрыкин, Масленников 2007, 130, № 653]; **Г** или **Λ** [Монахов и др. 2016, 137, НР.13]; **Δ** [Монахов и др. 2017, 119, НР.4; 2019, 207, 215, НР.66, НР.80; Сапрыкин, Масленников 2007, 109, № 527; 140, № 702]; **Е** [Монахов и др. 2020, 178, НР.4]; **Н** [Монахов 1999, 178, табл. 64. 2; Монахов и др. 2017, 127, НР.21; Сапрыкин, Масленников 2007, 110, № 536; 141, № 706]; **К** [там же, 73, № 291]; **Λ** [Монахов 1999, 431, табл. 187. 2; Монахов и др. 2016, 136, НР.12]; **М** [Монахов 1999, 256, табл. 102. 1; Сапрыкин, Масленников 2007, 111, № 553]; **О** или **Θ** [Монахов и др. 2016, 164, НР.65; 2022, 227, НР.26; Сапрыкин, Масленников 2007, 110, № 537]; **Р** [Монахов и др. 2019, 212, НР.74]; **Х** [Сапрыкин, Масленников 2007, 25–26, № 16]; **Х** с замкнутыми концами (возможно, **ΧΙ**) [Монахов 1999, 174–175, табл. 62. 1]; **ΑΙ** (в лигатуре) и **ΙΖ** с другой стороны горла (Монахов и др. 2020, 177, НР.3); **ΑΥ** и **Κ** внизу [Сапрыкин, Масленников 2007, 108, № 521]; **ΔΙ** [Монахов 1999, 162–163, табл. 55. 2]; **ΔΙ** (монограмма) [Сапрыкин, Масленников 2007, 109, № 531]; **ΗΡ** (в лигатуре) [Монахов и др. 2016, 154, НР.46]; **Κ** с точкой [Сапрыкин, Масленников 2007, 110, № 544]; **ΛΕ** (монограмма) [там же, 111, № 547]; **ΠΑΙ** или **ΠΑΡ** (зеркально) [Монахов и др. 2016, 144, НР.25]; **Πο** (монограмма) [Сапрыкин, Масленников 2007, 111, № 555]; **ΤΙ** [Монахов 1999, 162–163, табл. 55. 3]. На поселении «Ленина» дипинти, нанесённые на горла гераклейских амфор, представлены четырьмя однобуквенными – **Κ** с точкой (сохранилась нижняя часть) (рис. 5. 4), **Μ** (неполное, сохранилась левая нижняя часть) (рис. 5. 5), **Μ** (?) (неполное, сохранилась левая гаста) (рис. 5. 6), **Ο** или **Θ** (неполное, сохранилась большая верхняя часть) (рис. 5. 7), а также монограммой **ΑΠι** (рис. 5. 3) и широким кистевым мазком прямоугольной формы на горле пифодной амфоры варианта I-4 по С. Ю. Монахову, реконструируемая ёмкость которой составляет 9,73 л (рис. 5. 8). На верхней части горла последней сохранилась кольцевая окраска такой же краской и малоинформативный остаток клейма. Эта амфора происходит из ямы 13 раскопа 2 и по сопутствующим материалам датируется 370-ми гг. до н. э. Метки в виде широкого кистевого мазка широко известны, имеются и полные аналогии, представленные на гераклейской тарелке той же ёмкости [напр.: Монахов и др. 2016, 147, НР.32; 2019, 181–182, НР.18, НР.19]. Достаточно много встречено и фрагментов горл гераклейских амфор с кольцевой окраской под венцом. Ещё одно – частично сохранившееся дипинти неясного содержания, верхняя часть которого похожа на дугу концами вниз, зафиксировано на небольшом тонкостенном кувшине с ручкой, глина которого указывает на его гераклейское происхождение (рис. 5. 9).

Дипинти на амфорах Синоп довольно разнообразны: встречаются однобуквенные, двух- и трёхбуквенные, монограммы, двухбуквенные (в т. ч. в лигатуре) с добавочной буквой: **Β** [Сапрыкин, Масленников 2007, 108, № 525; 140, № 701]; **Δ** [Монахов и др. 2022, 239, 241, Sn.4, Sn.7]; **Η** [Сапрыкин, Масленников 2007, 110, № 535]; **Θ** [там же, 110, № 538]; **Ν** [там же, 111, № 552]; **Κ** [там же, 110, № 541–543]; **Π** [Монахов и др. 2017, 140, Sn.4]; **ΑΤ** (монограмма) [Сапрыкин, Масленников 2007, 108, № 522]; **ΑΡ** и **Χ** [там же, 108, № 523]; **ΓΛΥ** [там же, 40, № 103]; **ΜΗ** (в лигатуре) и **Α** [там же, 169, № 884]; **ΟΜ** (возможно, зеркально) [там же, 111, № 554]; **ΠΑΡ** (монограмма) [там же, 112, № 556]; **ΣΙ** и **Π** [Монахов и др. 2020, 184, Sn.1]. На поселении «Ленина» встречены фрагменты горл синопских амфор с кольцевой окраской горл под венцом, но буквенные дипинти отсутствуют.

Приведённый выше общий обзор дипинти, встречающихся на амфорах IV в. до н. э., позволяет очертить круг наиболее вероятных интерпретаций для каждого из шести вышеобозначенных типов.

Однобуквенные дипинти, повторяющиеся на амфорах различных производственных центров, слишком коротки и однотипны для того, чтобы видеть в них имена производителей, торговцев или заказчиков, а также слишком разнообразны и неоднозначны для цифровых обозначений по алфавитной системе. Сложность логистических схем, по которым осуществлялась транспортировка амфор, и подтверждённые случаи их многократного использования позволяют интерпретировать такие дипинти как сокращённые обозначения типа, сорта или качества перевозимой продукции, либо места её происхождения. Эта точка зрения уже неоднократно высказывалась специалистами [напр., см. Сапрыкин, Масленников 2007, 235], тем более, что некоторые дефиниции (например, «масло» и «чёрные маслины») были указаны в их «расширенных» вариантах [см.: Nawotka 1998, 96, № 198; Завойкина 2022, 119–120]. Основными продуктами, поставлявшимися в Северное Причерноморье, согласно свидетельствам древних авторов, были различные сорта вин и оливковое масло (Dem Adv. Lacr. XXXV.35; Polyb. IV. 38, 5; Strab. XI. 2, 3). Кроме того, известны случаи перевозки и хранения пива, рыбы, солонины из мяса дельфинов, фруктов, овощей (в т. ч. оливок и маслин), зерна пшеницы, ячменя, проса и чечевицы [Цецхладзе 2015, 71–72]. Очевидно, с таким набором содержимого и следует связывать простейшие буквенные и знаковые дипинти. На разнообразии перевозимых и хранившихся в однотипных амфорах продуктов могут также указывать группы тары с разными и иногда повторяющимися одно- и двухбуквенными лаковыми метками из узко датированных комплексов: например, 4 амфоры Менды «на рюмкообразной ножке» варианта «портичелло» из подвала № 2 Никония (1960 г.) первой трети IV в. до н. э. [Монахов 1999, 229–232] или 20 биконических амфор Фасоса из Бердянского кургана первой половины 360-х гг. до н. э. [Монахов 1999, 284–289]. Таким образом, можно предложить следующие варианты прочтения повторяющихся однобуквенных дипинти IV в. до н. э., часть которых присутствует и на поселении «Ленина»:

А – виноградное вино в широком смысле – Α(μπέλινος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 30, № 40], указание на высокое качество – Α(ριστέος) [Соломоник 1984, 76, № 340], ячмень – Α(λφίτα) [Шелов 1963, 130], солёные или маринованные продукты – Α(λμαα), Α(λμια) [Бёттгер, Шелов 1998, 113–114], вино Айноса – Α(ἴνος οἶνος) [авторская трактовка];

В – вино – Β(άκχιος) или бальзам – Β(άλσαμον) [Смец 2004, 47–48];

Г – сладкое вино – Γ(λυκὸς οἶνος) [Соломоник 1984, № 305–309], молоко – Γ(άλα) [Сапрыкин, Масленников 2007, 41, № 104];

Δ – делосское вино – Δ(ήλος οἶνος), вино Диоскуриады (Колхиды) – Δ(ιοσκουριάδα οἶνος), мясо дельфинов – Δ(ελφίνοι) [авторская трактовка];

Ε – вино малоазийских Эрифр – Ε(ρυθραία οἶνος) [авторская трактовка], масло – Ε(λαίον) или маслина – Ε(λαία) [Смец 2004, 45];

Η – гераклейское вино – Η(ρακλεωτικός) [Сапрыкин, Масленников 2007, 44–45, № 118];

Ι – вино Икоса – Ι(κίοη οἶνος), рыба – Ι(χθείς) [авторская трактовка];

Θ – фасосское вино – Θ(άσος οἶνος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 110, № 538];

К – косское вино – Κ(ῶς οἶνος) [там же, 110, № 541–543], книдское вино – Κ(νίδος οἶνος), просо – Κ(εχρί) [авторская трактовка], ячмень – Κ(ριθή), ячменное вино (пиво) – Κ(ρίθινος οἶνος), белое вино – Κ(ιρός) [Намойлик 2018б, 180];

Λ – лесбосское вино – Λ(έσβος οἶνος) [авторская трактовка], белое вино – λ(ευκός οἶνος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 47, № 130], масло – λ(ίπος) [Бёттгер, Шелов 1998, 118];

Μ – мендейское вино – Μ(ένδη οἶνος), сладкое вино с ароматическими добавками – μ(υρίνης) [Сапрыкин, Масленников 2007, 192, № 63 (1011)], чёрные маслины – Μ(έλαινα) [Завойкина 2022, 119–120], пиво – Μ(πύρα) [авторская трактовка];

Ν – смешанное (с водой?) вино – Ν(εοκράς οἶνος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 120, № 602];

Ξ – не установлено (возможно, это ретроградное Η);

Ο – вино в широком смысле – Ο(ἶνος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 83, № 342];

Π – пепаретское вино – Π(επάρηθος οἶνος) [авторская трактовка];

Ρ – родосское вино – Ρ(όδιος οἶνος) [Сапрыкин, Масленников 2007, 25, № 11];

Σ – самосское вино – Σ(άμος οἶνος) [там же, 48, № 135];

Τ – не установлено (возможно, это вариант написания Υ или монограмма Π);

Φ – красное вино – Φ(οἶνιξ οἶνος), вино низкого качества – Φ(αῦλος οἶνος), сорт оливок – Φ(αυλία), чечевица – Φ(ακός) [Сапрыкин, Масленников 2007, 38, № 89];

Χ – хиосское вино – Χ(ῖος οἶνος) [там же, 25–26, № 16];

Υ – вода – Υ(δωρ) [там же, 43, № 113].

В этом контексте одиночные буквы **Μ** и **Υ**, встреченные на разных сторонах горла амфоры Икоса с поселения «Ленина» (рис. 3. 5) могут обозначать мендейское вино или сладкое вино с ароматическими добавками, разбавленное водой.

Дипинти из нескольких букв в виде лигатур и монограмм, очевидно, обозначали имена производителей или заказчиков (собственников). Правомерность такого предположения подтверждается, например, совпадением монограммы **ΑΤ** на синопской амфоре и имени Ἄτταλος, -ου на чаше из того же комплекса [Сапрыкин, Масленников 2007, 108, № 522]. Широко известны владельческие метки такого же рода, встречающиеся в виде граффити на столовой посуде, а также похожие обозначения имён в клеймах на амфорах Гераклеи Понтийской. Кроме того, имеется случай полного написания имени заказчика в упоминавшемся выше «расширенном» варианте дипинти [Завойкина 2022, 119–120]. Среди нанесённых лаком монограмм и лигатур встречаются **ΑΠ**, **ΑΤ**, **ΔΙ**, **ΗΡ**, **ΚΑ**, **ΛΕ**, **ΝΠ** или **ΠΛ** (зеркально), **ΠΑΡ**, **ΠΛ**, **Πο**, а также неясного содержания, сопоставимая с монограммами в легендах ранних клейм на амфорах Книда. Из них повторяются лишь **ΔΙ** и **ΗΡ**, присутствующие на амфорах разных производственных центров.

Двухбуквенные дипинти (в т.ч. в лигатуре) с размещённой отдельно одной или двумя добавочными буквами немногочисленны и всегда индивидуальны. Никогда не повторяющиеся первые две буквы (**ΑΙ**, **ΑΡ**, **ΑΥ**, **ΕΥ**, **ΘΕ**, **ΜΗ**, **ΣΙ**) в нескольких случаях написаны лигатурой, что характерно для имён производителей или заказчиков (собственников), о чём уже говорилось выше. Значение добавочной буквы (**Α**, **Γ**, **Κ**, **Π**, **Χ**) в этом случае можно рассматривать как уточняющее наименование содержимого (см. выше). Однако уже в двухбуквенном сочетании **ΙΖ** на амфоре Гераклеи Понтийской можно увидеть второе имя или цифровую метку 17 – указание на порядковый номер пифоса, из которого бралась проба [Сапрыкин, Масленников 2007, 107, № 511]. Гераклей-

ские амфоры-пробники с «расширенным» указанием нескольких имён, номера исходного пифоса и объёма предлагаемой к продаже продукции широко известны по материалам раскопок Танаиса III в. н. э., когда успешная реорганизация международной морской торговли Римской империей привела к созданию новой системы обозначений в виде многострочных лаковых дипинти [Ильяшенко 2013, 130].

В крайне редко повторяющихся *простых двух- и трёхбуквенных дипинти* также, судя по всему, следует видеть сокращённые имена. Это такие сочетания как **ΑΓ**, **ΓΛΥ**, **ΔΙ**, **ΗΤ**, **ΛΕ**, **ΜΕ**, **ΟΜ** (возможно, зеркально), **ΠΑΙ**, **ΣΜ**, **ΤΙ**, **Υτ** (возможно, зеркально). Это подтверждается, в частности, буквами **ΛΕ** на амфоре Менды, дублирующими легенду клейма [Монахов 1999, 395–396, табл. 176. 2]. В то же время, для некоторых из них можно допустить и иные, хотя, в данном случае, и маловероятные значения:

ΑΓ – несладкое вино – ΑΓ(λευκός οίνος) [Ємец 2004, 44];

ΓΛΥ – сладкое вино – ΓΛΥ(κτς οίνος) [Соломоник 1984, № 305–309];

ΔΙ – справедливая мера – ΔΙ(ίκαιος) [Ємец 2004, 49], делосская рыба – Δ(ήλος) Ι(χθείς), рыба из Диоскуриады (Колхиды) – Δ(ιουσκουριάδα) Ι(χθείς) [авторская трактовка];

ΗΡ – гераклейское вино – ΗΡ(ακλεωτικός) [Сапрыкин, Масленников 2007, 44–45, № 118];

ΛΕ – лесбосское масло – Λ(έσβος) Ή(λαιον) или лесбосская маслина – Λ(έσβος) Ή(λαία) [авторская трактовка];

ΜΕ – мендейское масло – Μ(ένδη) Ή(λαιον) или мендейская маслина – Μ(ένδη) Ή(λαία) [авторская трактовка];

ΣΜ – самосские чёрные маслины – Σ(άμος) Μ(έλαιναι) [Завойкина 2022, 119–120], самосское вино с ароматическими добавками – Σ(άμος) μ(υρίνης) [Сапрыкин, Масленников 2007, 118, № 590a];

Υτ (возможно, зеркально) – предназначенный для воды – ύ(δα)τ(ηρός) [там же, 208, № 202 (1155)], творог или сыр – ΤΥ(ρός), Τύ(ριωμα) [Ємец 2004, 53].

Среди *знаковых дипинти* следует отдельно упомянуть кресты, по размеру и начертанию больше напоминающие буквы. Можно предположить, что такие дипинти аналогичны букве X, обозначавшей хиосское вино. Однако в комплексе Бердянского кургана из 20 однотипных фасосских биконических амфор первой половины 360-х гг. до н. э. хорошо видна разница между прямым крестом и буквой X, наряду с которой встречаются также Λ и Σ (или повернутая Μ), судя по всему, указывающие на центры производства вин [Монахов 1999, 284–289]. В этой связи можно предположить, что прямым крестом могла обозначаться рыба – ψάρι или ιχθείς, которая, как известно, была важна для диеты скифов [Цецхладзе 2015, 71]. Вполне вероятно, что и другие, похожие на буквы знаковые дипинти могли обозначать определённые виды продукции.

Назначение *дипинти неясного содержания*, таких как крупные полосы, пятна, мазки и, вероятно, кольцевая окраска горл под венцом, достоверно не установлено. Можно предположить, что они использовались в качестве маркера, подтверждавшего качество товара, факт его проверки, указание на вторичное использование тары или на иное содержимое, не связанное с центром её производства. Наибольшее распространение и разнообразие таких меток среди амфор Гераклеи Понтийской могло быть связано с использованием их для обозначения амфор-пробников, которые высылались заказчику перед приобретением крупной партии продукции. Похожая практика отражена

в многострочных буквенных дипинти на гераклейских амфорах более позднего времени – III в. н. э. [Ильяшенко 2013, 130].

* * *

Изучение коллекции в составе 39 находок граффити и дипинти из раскопок поселения «Ленина» второй четверти VI – первой трети II вв. до н. э. дало следующие результаты.

Весь массив граффити, уже на этапе визуальной фиксации, был разделён на 2 группы по технологическому критерию, связанному со временем и способом их нанесения: по сырой глине (в процессе производства) и на твёрдой поверхности (на готовом изделии). Граффити по сырой глине (метки гончаров) представлены 15 находками – на амфорах Эолии, Милета и Хиоса (вторая четверть VI – третья четверть V в. до н. э.), Икоса (вторая четверть IV в. до н. э.), Гераклеи Понтийской, Синопы и Херсонеса Таврического (IV – начало III в. до н. э.), а также на нескольких фрагментах круговой красноглиняной посуды неустановленных центров производства. Почти все они буквенные и фактически выполняли роль клейм, в одних случаях уточняя имя гончара и/или астинома (Эолия, Гераклея, Синопа, Херсонес, столовая посуда), а в других – вероятно, характер или объём содержимого (Хиос, Милет, Икос). Уникально граффити в виде лука с ровной тетивой и заряженной стрелой вправо, нанесённое на среднюю часть корпуса амфоры Хиоса с протоколпачковой ножкой конца V в. до н. э. Ещё 13 находок представлены граффити, прочерченными на твёрдой поверхности различных изделий второй четверти VI–IV в. до н. э.: в большинстве своём они схематичны и имеют неясное содержание. Это показывает, что наносившие их местные сельские жители не были знакомы с греческим алфавитом, а единичные амфоры и свинцовая гирька с начерченными буквами попали к ним от греческих торговцев. Лишь несколько простейших граффити начального этапа колонизации, в т. ч. буквенные (на амфоре Теоса и ионийском сосуде с лаковыми полосами), могут отражать некоторые особенности адаптации греков в чуждой для них среде.

Лаковые дипинти, представляющие собой коммерческую маркировку, обнаружены на фрагментах горл 13 амфор и 1 кувшина. Большинство меток (13) датируется IV в. до н. э.: 7 из них – однобуквенные (амфоры Гераклеи Понтийской, Менды и Фасоса), 1 – в виде двух отдельных букв на разных сторонах горла (амфора Икоса), 1 – двухбуквенное (амфора Фасоса), 2 – монограммы (амфоры Икоса и Гераклеи), 1 – условно-знаковое (кувшин Гераклеи?) и 1 – крупный кистевой мазок (амфора Гераклеи). Общий обзор опубликованных дипинти и их предположительных трактовок позволяет утверждать, что однобуквенные и знаковые метки на амфорах обозначали продукцию, её сорт, качество или место производства, а также служили уточнением для двух- и трёхбуквенных (в т. ч. лигатур и монограмм), которые указывали на имя производителя или заказчика. Дипинти неясного содержания (крупные полосы, пятна, мазки и, вероятно, кольцевая окраска горл под венцом) могли использоваться как маркер, подтверждающий качество товара, факт его проверки, указание на вторичное использование тары или на иное содержимое, не связанное с центром её производства. Наибольшее распространение и разнообразие последних среди амфор Гераклеи Понтийской могут свидетельствовать об обозначении ими амфор-пробников, высланных заказчику перед приобретением крупной партии продукции.

Практически полное исчезновение находок с граффити и дипинти к началу III в. до н. э. на поселении «Ленина» совпадает с принципиальным уменьшением количества прочих категорий археологических материалов. Сокращение импортов до минимума было связано с глобальными политическими и экономическими изменениями в регионе после македонских завоеваний [Monakhov, Kuznetsova 2017, 76]. Этот период ознаменовался кризисом системы международной торговли и потерей актуальности общегреческой системы торговых обозначений в виде лаковых дипинти. Граффити по сырой глине (метки гончаров) спорадически ещё появлялись, а распространение граффити по твёрдой поверхности зависело от характера использования тех или иных товаров и имело локальную специфику.

Таким образом, граффити и дипинти с поселения «Ленина» являются ценным источником по «малой эпиграфике» древней Греции и Азиатского Боспора. Они отражают отдельные аспекты производства круговой, прежде всего, тарной посуды, её использования для перевозки различных товаров, в международной торговле и бытовой практике. Кроме того, данный источник позволяет выявить или уточнить некоторые особенности взаимоотношений греческих колонистов и местного населения, а также Горгишпии и её хоры.

Список литературы

- Абрамов А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3, 4–135.
- Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгишпия. М., 560 + 40 табл.
- Алексеева Е. М. 2010. Горгишпия // АНК. I, 470–509.
- Бёттгер Б., Шелов Д. Б. 1998. Дипинти на амфорах из Танаиса. М., 344.
- Буйских А. В. 2014. Амфоры конца VII – первой половины V в. до н. э. из Борисфена // Археологія і давня історія України. 1. Киев, 88–100.
- Василенко Б. А. 1975. О характере надписей и меток на древнегреческих амфорах // Новейшие открытия советских археологов. 2. Киев, 3–28.
- Виноградов Ю. Г. 1972. Дипинто из раскопок поселения в Широкой балке близ Новороссийска // Новое в археологии. М., 90–93.
- Виноградов Ю. Г. 1997. Письмо с горгишпийских надделов // Алексеева Е. М. Античный город Горгишпия. М., 543–556.
- Воронин К. В. 2017. Отчёт о проведении археологических полевых работ (археологических раскопок) на территории объекта культурного наследия регионального значения «Поселение, с. Супсех, юго-западная окраина села» в Анапском районе Краснодарского края в 2013–2014 гг. М. (Архив ИА РАН. Р-1. № 53076–53084).
- Емец И. А. 1991. Древнегреческие граффити с поселения Красноармейское // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, 19–27.
- Емец И. А. 2000. Граффити и дипинти с античных поселений Азиатского Боспора // ЭВ. 6, 5–45.

- Емец І. А. 2004. Значення деяких аббревіацій на античних амфорах з території Боспору Кімерійського // Археологія. 1, 43–59.
- Емец И. А. 2005. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского (типология и методика исследования). М., 242.
- Емец И. А. 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья (подготовительные материалы к Корпусу). М., 468.
- Емец И. А., Диатроптов П. Д. 2002. Эпиграфические материалы с поселений Азиатского Боспора // ЭВ. 8. 1–62.
- Ефремов Н. В. 2013. Керамические клейма поздне-классического и эллинистического Книда // ВЭ. VII. 1, 405–451.
- Завойкин А. А. 1992. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 259–269.
- Завойкин А. А. 2011. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI–V вв. до н. э. // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (МПАИ. 4). 18–39.
- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2019. Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории в архаический период // Нураніс. 1, 73–97.
- Завойкин А. А., Кузнецова Е. В., Монахов С. Ю. 2013. Склад амфор 290Б из Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. 1 (Фанагория. 1). М., 206–229.
- Завойкина Н. В. 2022. Новые коммерческие надписи на амфорах V–IV вв. до н. э. из Фанагории // ДБ. 27, 113–124.
- Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 180.
- Ильяшенко С. М. 2013. Стандартные *dirinti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Тагнаиса и его округа III–IV вв. н. э. (БИ. 29). Симферополь–Керчь, 288.
- Каргин Ю. Ю. 2020. Керамические клейма из раскопок поселения «Ленина» в окрестностях античной Горгииппии в 2018 г. // МАИАСП. 12. Нижневартовск, 914–995.
- Кац В. И. 1985. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1, 87–113.
- Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. XVIII). Симферополь–Керчь, 480.
- Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгииппия и её хора, Семибратнее городище. Каталог. Саратов, 180, прил. (электр.)
- Ломтадзе Г. А. 2015. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н. э. «царской хоры» Европейского Боспора (ДБ. Suppl. III). М., 208.
- Мальшев А. А. 2005. Граффити на керамических сосудах как исторический источник (на материалах юго-восточной периферии Боспора VI в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 547–562.
- Монахов С. Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов, 680.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.–Саратов, 352.

- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б. 2020. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 218.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. 2016. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь–Саратов, 222.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б. 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов, 352.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. 2017. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 208.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына). Саратов, 324.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. 2022. Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов, 304.
- Монахов С. Ю., Федосеев Н. Ф. 2013. Амфоры Икоса // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб, 554–561.
- Намойлик А. С. 2010. Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // ДБ. 14, 397–450.
- Намойлик А. С. 2018а. Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1. СПб, 224.
- Намойлик А. С. 2018б. Граффити на керамических изделиях из Нимфея как источник по истории боспорского города (по материалам из собрания Государственного Эрмитажа). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 2 (приложения). СПб, 311.
- Онайко Н. А. 1980. Архаический Торик – античный город на северо-востоке Понта. М., 180.
- Охотников С. Б. 1990. Нижнее Поднепровье в VI–V вв. до н. э. Киев, 88.
- Русяева А. С. 2010. Граффити Ольвии Понтийской (МАИЭТ. Suppl. 8). Симферополь, 288.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. Несколько неизданных горгипсийских граффити // БФ. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб, 284–291.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ. Suppl. 1). Симферополь–Керчь, 324.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2012. Граффити и дипинти с памятников «царской» хоры европейского Боспора. Addenda I (ДБ. Suppl. III/2: Индивидуальные находки и массовый археологический материал). М., 200–214.
- Соломоник Э. И. 1978. Граффити античного Херсонеса. Киев, 139 + 31 табл.
- Соломоник Э. И. 1984. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 144.

- Толстикова В.П., Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А. 2003. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V веков до н. э. // ДБ. 6, 307–350.
- Толстикова В.П., Асташова Н.С., Ломтадзе Г.А., Самар О.Ю., Тугушева О.В. 2017. Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. По материалам исследований Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ имени А.С. Пушкина на горе Митридат. М., 400.
- Федосеев Н.Ф. 2016. Керамические клейма. Т. II. Гераклея Понтийская. Керчь, 320.
- Цветашова Г.А. 1986. Посвятительные граффити из Горгишпии IV в. до н. э. // Проблемы античной культуры. М., 215–217.
- Цецхладзе Г.Р. 2015. Греческая керамика и транспортные амфоры в Понтийском Хинтерланде: как и почему // БИ. XXXI, 60–87.
- Чистов Д.Е., Зуев В.Ю., Ильина Ю.И., Каспаров А.К., Новосёлова Н.Ю. 2012. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб, 298.
- Чистов Д.Е., Ильина Ю.И., Еремеева А.А., Щербакова О.Е. 2020. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 3. Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов (АЭ. 1). СПб, 436.
- Чуистова Л.И. 1962. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье (АИБ. II). Керчь, 235.
- Шелов Д.Б. 1963. Экономическая жизнь Танаиса // Античный город. М., 115–131.
- Яйленко В.П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 3, 72–94.
- Яйленко В.П. 2018. Историография и методика работы с древнегреческими граффити // МАИАССК. 10. М.–Тюмень–Нижневартовск, 479–515.
- Virzescu I. 2012. Die archaischen und frühklassischen transportamphoren (Histria. XV). Bucureşti, 335 + 120 tabl.
- Conovici N. 1998. Les timbres amphoriques 2. Sinope (tuiles timbrées comprises) (VA. 8. Corpus international des timbres amphoriques 3). Bucureşti–Paris, 206.
- Dubois L. 1996. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, XVII + 208.
- Fedosееv N.F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer noire. Actes du Colloque international d'Istanbul, 25–28 mai 1994. Aix-en-Provence, 27–48.
- Garlan Y. 2004. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles. Trouves a Sinope. Présentation et catalogue (Varia Anatolica. 16: Corpus international des timbres amphoriques 10). Paris, 310.
- Lang M. 1976. Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora. XXI). Princeton, 186.
- Monakhov S.Ju., Kuznetsova E.V. 2017. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period // The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity and Cultural Interactions. Cambridge, 59–99.
- Nawotka K. 1998. Nymphaion Project V. Graffiti and Dipinti of Nymphaion 1993–1997 // Archeologia. XLIX, 85–98.
- Sezgin Y. 2012. Arkaik Dönem Ionia Uretimi Tigari Amphoralar. Ege Yayinlari, 344.

Summary

Ju. Ju. Kargin

On the classification and interpretation of ancient graffiti and dipinti (based on the materials of the excavations of the settlement «Lenina»)

The article analyzes a collection of 39 finds with graffiti and dipinti from the excavations of the "Lenina" settlement dating from 2nd quarter of the VI to 1st third of the II centuries BC in the chora of ancient Gorgippia. 15 of the finds are graffiti on raw clay (potters' marks) on amphorae of Aeolia, Miletus and Chios (2nd quarter of the VI – 3rd quarter of the V centuries BC), Ikion (2nd quarter of the IV century BC), Heraclea of Pontus, Sinope, Tauric Chersonese (from the IV to the beginning of the III centuries BC) and also on several fragments of circular red clay dishes of unidentified origin. Almost all of the graffiti are alphabetic and de facto served as stamps, in some cases specifying the name of the potter and/or astinome (Aeolia, Heraclea, Sinope, Chersonese, tableware), and in other cases – probably the intended nature or the capacity of the contents (Chios, Miletus, Ikion). A unique graffiti in the shape of a bow with a straight bowstring and a loaded arrow to the right was applied to the middle part of the body of the Chios amphora «with protocap toe» (the end of the V century BC). Another 13 finds are represented by graffiti drawn on the hard surface of various products from the 2nd quarter of the VI to the IV centuries BC: for the most part they are schematic and have unclear content. This indicates that the local villagers who applied the graffiti were not familiar with the Greek alphabet, and that a few amphorae and a lead weight with drawn letters came to them from Greek merchants. Only a few simple graffiti from the initial phase of colonization, including letters (on the amphora of Theos and the Ionian vessel with lacquer stripes), may reflect some aspects of the adaptation of the Greeks to the alien environment. Of the 14 finds with lacquer dipinti, 13 are dated to the IV century BC: 7 of them are single-letter (amphorae of Heraclea of Pontus, Mende and Thasos), 1 – in the form of two separate letters on different sides of the neck (amphora of Ikion), 1 – two-letter (amphora of Thasos), 2 – monograms (amphorae of Ikion and Heraclea), 1 – a symbol (a jug of Heraclea?) and 1 – a large brushstroke (an amphora of Heraclea). Single-letter and symbolic dipinti, apparently, denoted the type of the product, its grade, quality or place of origin, and also served for clarification of two- and three-letter dipinti (including ligatures and monograms), which indicated the name of the manufacturer or customer. Dipinti of unclear content (large stripes, spots, smears and, probably, the ring color of the necks under the rim) could be used as a marker confirming the quality of the goods or the fact of its inspection, and also as an indication of the secondary use of the container or other contents unrelated to the center of its production. The greatest distribution and diversity of such dipinti on the amphorae of Heraclea may indicate that they served to designate sampler amphorae, sent to the customer before purchasing large quantities of the goods.

А. В. Ковальчук*, Е. В. Болонкина**

(* *Институт археологии РАН, г. Москва;*

** *Восточно-Крымский историко-культурный Заповедник, г. Керчь*)

Керамические клейма с поселения «Полянка» (2012, 2018–2022 гг.)¹

Основная коллекция клейм с поселения «Полянка» (387 экз.) была опубликована Н. Ф. Федосеевым [Федосеев 2017]. В своей статье исследователь дал краткую характеристику археологического памятника, коснулся истории его исследования и основных этапов существования [Федосеев 2017, 169–70]. Переходя к анализу клейменного материала, автор приводит диаграмму распределения находок по центрам производства, а для каждого центра – небольшой обзор с указанием наиболее ранних клейм, новых штампов и сочетаний. На основе анализа всей коллекции Н. Ф. Федосеев делает вывод о центрах импорта и периодах поступления продукции на поселение «Полянка» [Федосеев 2017, 170–175]. К IV – началу III вв. до н. э. относится несколько ранних клейм, но регулярный импорт синопских товаров на городище начинается со времени около 278 г. до н. э. [Федосеев 2017, 175], который во II в. до н. э. сменяется импортом с о. Родос, он дополняется некоторым количеством материала из Книда, с о. Коса и н. др. центров.

Сравнение коллекций амфорных клейм поселения «Полянка» и близлежащих памятников свидетельствует о том, что появление укрепленных городищ на Караларском побережье было не совсем единовременным актом, а представляло собой процесс, который приходится на период с 285 по 250 гг. до н. э. Сначала появляется поселение «Крутой берег», затем, через непродолжительное время начинается жизнь на эллинистическом поселении «Полянка». А около середины III в. до н. э. берёт начало регулярный импорт на городище «Золотое-Восточное» [Ковальчук 2019, 226].

Статья Н. Ф. Федосеева сопровождается каталогом, содержащим чтения клейм, их фотографии, указания на год находки, номер полевой описи, номер хранения в фондах Керченского Заповедника, а также датировку и аналогии [Федосеев 2017, 176–43]. Индекс имен и эмблем делает удобным поиск штампов и аналогий [Федосеев 2017, 247–49].

Исследование выполнено на высоком научном уровне, опирается на последние работы и достижения керамической эпиграфики.

¹ Статья написана в ходе работы над проектом РНФ № 23-28-01503 «Керамические клейма сельских поселений Крымского Приазовья IV–III вв. до н. э. как исторический источник».

В 2019 г., уже после этой публикации Т. Каstellи и Д. Дана [Castelli, Dana 2018], основываясь на данных письменных источников, топографии и ономастики, убедительно доказали локализацию производства клейм группы Мурсили (у Н. Ф. Федосеева они отнесены к продукции Трапезунда) в районе мыса Карамбис (совр. Керемпе) и их датировку 220–210 гг. до н. э. [Castelli 2018, 307; Dana 2018, 331].

Помимо этого, вызывает возражения отнесение отдельных клейм к штампам на лагиносах [Федосеев 2017, 242–243, № 384, 385, 387], так как форма и размеры ручек свидетельствуют о принадлежности их к амфорной таре. Под вопросом остается и книдское происхождение части клейм. Кроме того, сомнительно отнесение клейм № 375, 376 к категории мерных сосудов.

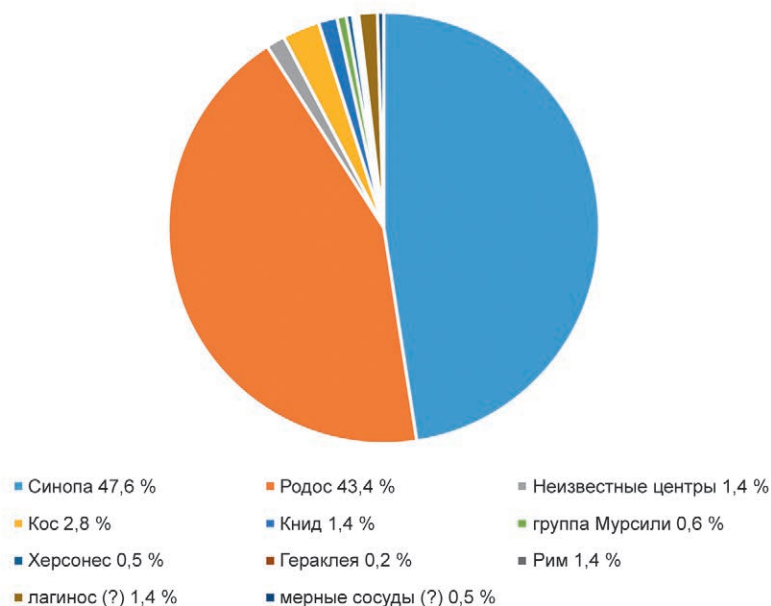
Отметим также некоторые неточности, ошибки и небольшие описки в восстановлении легенд. В некоторых случаях нам удалось восстановить имена фабрикантов и прочитать затертые строки. Клейма в нижеследующей таблице указаны в соответствии с порядковыми номерами каталога Н. Ф. Федосеева.

№	Центр	Чтение Федосеева	Новое чтение	Аналогии, примечания
2	Синопа	ἀστυνόμου Ἀθηνίππου τοῦ Μητρο[δώρου Δημ[звезда	ἀστυνόμου Ἀθηνίππου τοῦ Μητρο[δώρου Δημ[ήτριος] звезда	http://stampsofbosphorus.ru/ № 559
29	Синопа	[ἀσ]τυνο[μοῦντος] [Δεί]ου τοῦ Μήνιος [---]асиос	[ἀσ]τυνο[μοῦντος] [Δεί]ου τοῦ Μήνιος [Ἀσπ]άσιос [звезда, акростилий?]	
42	Синопа	[ἀστυνομοῦ]ντος [Διονυσίου] τοῦ [Διονυσίου] τοῦ [Κλειταγό]ρου [---]ς треножник	[ἀστυνομοῦ]ντος [Διονυσίου] τοῦ [Διονυσίου] τοῦ [Κλειταγό]ρου [Δημήτρι]ος треножник	http://stampsofbosphorus.ru/ № 93
49	Синопа	ἀστυνόμου Ἐστιαίου τοῦ Ἀρτεμίδωρου [Ἀρτεμίδωρος] кратер	ἀστυνόμου Ἐστιαίου τοῦ Ἀρτεμίδωρου [Ἀπατούρι]ος кратер	IosPE III № 3263; http://stampsofbosphorus.ru/ № 761
58	Синопа	[ἀστυνόμου] [Ζ]ήνιος τοῦ Ἀπολλοδώρου [---] трофей	[ἀ]στυн[όμου] [Ζ]ήνιος το[ῦ] [Ἀ]πολλοδώ[ρου] [Ἀπολλωνίου] [τροφεῖ]	IosPE III № 3465-3467 http://stampsofbosphorus.ru/ № 62, 182
59	Синопа	ἀσ[τυνομοῦντος] Ἡραγένου τοῦ Νεικάνορος Ἀ[πατού]ριος колос	ἀσ[τυνομοῦντος] Ἡραγένου τοῦ Νεικάνορος Ἀ[νθεστή]ριος колос	IosPE III № 3546

№	Центр	Чтение Федосеева	Новое чтение	Аναλογίες, примечания
62	Синопа	ἀσ[τνομοῦντος] Ἡραγ[ένου τοῦ] Νεικ[άνορος] ..... гроздь	ἀστ[υνομοῦντος] Ἡραγ[ένου τοῦ] Νικά[νορος] [Θ]ῦ[ς] гроздь	IosPE III № 3560
101	Синопа	[ἀστυνομοῦντος [Καλλισθένο]υ τοῦ [Ἔστιαίου] [---]ος нос корабля	[ἀστυνομοῦντος [Καλλισθένο]υ τοῦ [Ἔστιαίου] [Μενέκριτ]ος нос корабля	IosPE III № 4760
102	Синопа	[ἀστυνόμου] [Καλλισθένου] [τοῦ Ἔστιαίου] [ ]ος Ника на биге	[ἀστυνόμου] [Καλλισθένου] [τοῦ Ἔστιαίου] [Πρωτ<ο>]ος Ника на биге	IosPE № 4769
130	Синопа	[ἀστυνό]μου [Πασιχ]άρου [τοῦ Δημητρίου] [---] кадуцей	[ἀστυνό]μου [Πασι]χάρου [τοῦ Δημητρίου] [Εὐκλῆς] кадуцей	IosPE III № 6269 http://stampsobosphorus.ru/ № 186, 656
136	Синопа	ἀστυνομοῦ[ντος] Πόσιος τοῦ [Ἀστίου] [---] [Гроздь на ветке]	[ἀστυνόμου] [Φημίου τοῦ] [Θυ]σιλέω Διονύσιος [корабельный руль]	IosPE III № 7635?
145	Синопа	ἀ[στυνόμου] Π[υθοχρήστου] τοῦ Ἀπολλωνίδου] Ε[μαχος] [ακροστιχίη]	ἀ[στυνόμου] Τ[εισιμάχου] τοῦ Θεοπόμπου] Ε[ὐκλῆς]? [ροг изобилия]	
193	Родос	ἐπὶ Ἀγησί ππου [Σ]μιν[θίου]	ἐπὶ Ἀ[ριστο] πόλιος [Δ]αλίου	
194	Родос	Πανάμου ἐπ' ἐρέως Ἀγο- ράνακτος	Πανάμου ἐπ' ἐρέως Ἀρ- ιστάνακτος	http://amphoralex.org/ RE-ΑΡΙΣΤΑΝΑΞ-02-001
207	Родос	ἐπὶ Ἀρισ- το[νό]μου Πανάμου	ἐπὶ Ἀρισ- το[δά]μου Πανάμου	http://amphoralex.org/ RE-ΑΡΙΣΤΟΔΑΜΟΣ-02- ΠΑΝΑΜΟΣ-001
211	Родос	ἐπὶ Ἀρχιδά(μου) Ἰακινθίου	ἐπὶ Ἀρχιλαΐδα Ἰακινθίου	
213	Родос	[ἐ]πὶ Ἀ[ρχο-] κράτε[υς] [Ἰα]κινθ[ίου]	[ἐ]πὶ Ἀ[ῦτο-] κράτε[υς] [Ἰα]κινθ[ίου]	http://amphoralex.org/ RE-ΑΥΤΟΚΡΑΤΗΣ-01- ΥΑΚΙΝΘΙΟΣ-004
215	Родос	ἐπὶ [Ἀρχοκρά] τευς звезда	Ἐπὶ[κρά] τευς	http://amphoralex.org/ RF-ΕΠΙΚΡΑΤΗΣ-02-005
243	Родос	ἐπὶ Πρα- τοφάνευ(ς)	ἐπὶ Ἀρα- τοφάνευ(ς)	
253	Родос	[ ]ΡΑ меч в ножнах (?) или герма	[Αμύν]τα? герма	

№	Центρ	Чтение Федосеева	Новое чтение	Аναλογии, примечания
257	Ροδос	ΡΕΤ[Υ Ο...	[Α]ρετ[αί]υ	http://amphoralex.org/ RF-ΑΡΑΤΑΙΟΣ-003
267	Ροδос	Υακ[ιθίου] ΠΑ[ ]	Υακ[ιθίου] Άγα[θοκλε(ύς)]	http://amphoralex.org/ RF-ΑΓΑΘΟΚΛΗΣ-02- ΥΑΚΙΝΘΙΟΣ-004
277	Ροδос	Άγ[οράνακτο]ς	Άπ[ολλωνί]ου	http://amphoralex.org/ RF-ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ-02-010
279	Ροδос	Άινέα лист плюща	Λίνου виноградная гроздь	http://amphoralex.org/ RF-ΛΙΝΟΣ-001
283	Ροδос	Άπολλωνίδου вокруг цветка	Άπολλωνίου вокруг цветка	http://amphoralex.org/ RF-ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ-005
315	Ροδос	герма [Κάλλ]ωνος	[Ρό]δωνος герма	http://amphoralex.org/ RF-ΡΟΔΩΝ 02-025
322	Ροδос	Μαρσύα Θεσμοφορίου	Μαρσύα ου retro Θεσμοφορί	http://amphoralex.org/ RF-ΜΑΡΣΥΑΣ- ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΣ-006
323	Ροδос	Μαρσύα Θεσμοφορίου	Μαρσύα υ Θεσμοφορίο-	
343	Ροδос	Φιλαινίου vac. вокруг цветка, против часовой стрелки	Φι[λ]αινίου vacat вокруг венка	http://amphoralex.org/ RF-ΦΙΛΑΙΝΙΟΣ-004
355	Κνιδ	ἐπι [Πολίτα?] Ἀρχαγόρα [Κ]νίδιον	ἐπι Ἀμ[ύντα?] Ἀρχαγόρα [Κ]νίδιον	Jefremow, 1995, 144
356	Κнид	ἐπι Φιλ[άτου] Θευγένεус Κν[ίδιον]	ἐπι Φιλ[τάτου] Θευγένеус Κν[ίδιον]	IosPE III (Κнид) № 322 Jefremow, 1995, 212, № 807
358	Ροδос	Μνάσ[ω]ν Ἀντιοχεύς	Μνάσ[ω]ν Ἀντιοχεύς [Με( )]	у Федосеева отнесено к продукции Книда к продукции Книда http://amphoralex.org/ RF-ΜΝΑΣΩΝ ΑΝΤΙΟΧΕΥΣ-002
359	группа Μурсили	[---]ΣΙ[---] [---]ΕΤΡΑ retro?	[ ]σι[ ] [ ]ετρα	У Федосеева в качестве центра производства указан Книд, чтение и восстановление Καστελλι [Castelli, Dana, 2018, 321, № 32] Μυρσι[λειας]/ Ἀττ[---] не подтверждается, приведенное Καστελλι чтение Федосеева неверно [-]ΣΙΛ[-]Σ/ [-]ΕΠΡΑ, retro
361	группа Μурсили	[Μυρ]σιλείας [...ΑΝ]ΑΚΤΟΣ	[Μυρ]σιλείας [Τιβά]ρακτος	Castelli, Dana, 2018, 324, у Федосеева в качестве центра производства указан Трапезунд
368	Κос	Δαιόκου	Ἀντιόχου retro	Grace, Corpus Kos. Folder 0638. № 47
373	Κос	[ ]ΟΙΛΟΣ	[Ἀν]τίφιλος	Grace, Corpus Kos. Folder 0638. № 53. двустольная ручка
384	Κос	[---]ΠΥΡΙ[---]	[Σά]τυρ[ος]	у Федосеева ручка отнесена к категории лагиносов IosPE III (Κос) № 231

Распределение клейм по центрам производства

Являясь, как бы продолжением и дополнением упомянутой работы Н. Ф. Федосеева, данная статья вводит в научный оборот находки 2012, 2018–2021 гг. Что касается 2012 г., то помимо раскопок на поселении, была исследована т. н. пещера Смирнова, располагающаяся у восточного подножия хребта, отделяющего «Полянку» от соседней бухты Радости [Масленников 2020, 367–375]. Находки оттуда, включая несколько амфорных клейм, можно отнести к раннему поселению «Полянка». В 2022 г. на памятнике клейма отсутствовали.

Структура каталога в основном повторяет работу Н. В. Федосеева. Мы включили в него дополнительно лишь указание на место обнаружения клейм и разделили на две графы датировку и аналогии/примечания.

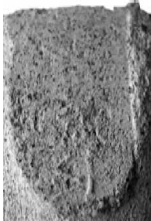

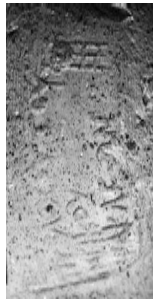

Дополненная таблица распределения клейм по центрам производства амфорной тары выглядит следующим образом (рис. 1):

Синопа 204 (180 + 24)
 Родос 186 (93 + 93)
 Неизвестные центры 6
 Кос 12
 Книд 6
 Группа Мурсили 3
 Херсонес 2
 Гераклея 1
 Рим 1
 Лагинос (?) 6
 Мерные сосуды (?) 2
 Всего 429

КАТАЛОГ

№ Фото ²	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
Синопа						
Астиномные клейма						
1	 [ἀστὴν]οῦ [Ἐστ]ῆτου τοῦ [Ἀρτε]μίδору [Μένου]ν? или [Ἀγάθου]ν кратер	2020	р-п Основной, Помещение, опл. № 1	КП-199169	235 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 53]; 20-е гг. III в. до н.э. [Caponici, 1998, Vc, № 125]; сер. 30-х гг. III в. до н.э. [Garlan, 2004, VIC1, № 111-118]; 30-е гг. III в. до н.э. [Кац, 2007, 435, VI МГ, № 19]	IosPE III № 3257 или 3285 имя известно на Полянке [Федосеев, 2017, 185, № 48-51]
2	 [ἀστὴν]οῦ [Π]λαίσταρχίδ ου τοῦ Ἀπρία ντου Πρώτος воин с копьем	2014	р-п Основной, кв. 58, пг. 2, опл. № 64	КП-186950, ККК-27270	271 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 129]; к. 30-х гг. III в. до н.э. [Garlan, 2004, VIC2, № 122-128]; пер. пол. 30-х гг. III в. до н.э. [Caponici, 1998, Vc, № 121]; вт. пол. 30-х гг. II в. до н.э. [Кац, 2015, 71, № 1319-1323; Кац, 2007, 435, VI МГ, № 29]	IosPE III № 6364; Caponici, 1997, № 524 имя известно на Полянке [Федосеев, 2017, 190, № 131]
3	 ἀστὴν]οῦ Ἡρωνίου τοῦ Ποσειδωνίου Δ[ιο]νύσιος трофей	2020	р-п Основной, Помещение, опл. № 4	КП-199172	274 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 67]; пер. пол. 30-х III в. до н.э. [Caponici, 1998, Vc, № 119]; вт. пол. 30-х III в. до н.э. [Garlan, 2004, VIC2, № 122-128]; 30-е гг. III в. до н.э. [Кац, 2015, 40, № 1195-1196; Кац, 2007, 435, VI МГ, № 27]	имя известно на Полянке [Федосеев, 2017, 190, № 74]
4	 ἀστὴν]οῦ Ἰκεστου τοῦ Βαγγίου Κτήσιον прора, цветок?	2019	р-п Основной, кв. 186 ст. 4, опл. № 50	КП-196944	266 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 78]; к. 50-х - нач. 40-х гг. III в. до н.э. [Caponici, 1998, Vb, № 104]; к. 50-х гг. III в. до н.э. [Garlan, 2004, VIB, № 106-110]; сер. 40-х гг. III в. до н.э. [Кац, 2007, 435, VI МГ, № 14]	IosPE III № 4337, 4338 имя известно на Полянке [Федосеев, 2017, 191-192, №№ 82-83]

² Фото съемка выполнена М. А. Никитиной (ИА РАН).

№	Фото	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
5		[ἀστὺνόμου] Κλε[ομένηου] τοῦ Πλάστάρχου] [дельфин]	2021	р-п Гряды, кв. 5 сл. 2, оп. № 17	КП-201414	232 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 96]; 90-е гг. II в. до н.э. [Garlan, 2004, VIE, № 147-164; Кац, 2007, 436, VII МГ, № 22]; пер. дес. II в. до н.э. [Conovici, 1998, Ve, № 153]	IosPE III № 4875 восстановление предположительное, имя известно на Полянке [Fedoseev, 2017, 195, № 104]
6		ἀ[στὺνόμ]ου] Μητροδό[ρου τοῦ] Αβηγιά[ου] [Αγῆθων [звезда?]	2019	р-п Основной, кв. 186 сл. 5, оп. № 71	КП-196953	262 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 107]; к. 20-х III в. до н.э. [Conovici, 1998, Vd, № 138]; к. III в. до н.э. [Кац, 2015, 61, № 1281; Кац, 2007, 436, VII МГ, № 13; Garlan, 2004, VID, № 145-146]	IosPE III № 5208-5209 имя известно на Полянке [Fedoseev, 2017, 196, № 108]
7		ἀ[στὺνόμου] Παυλίου τοῦ Ἐκατα[ίου] Θόριος [женщина (Ирина)]	2019	р-п Основной, подъемный материал, оп. № 49	КП-196943	231 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 124]; пер. пол. 80-х гг. II в. до н.э. [Garlan, 2004, VII, № 147-164]; 90-е гг. II в. до н.э. [Conovici, 1998, Ve, № 158]; к. 90-х гг. II в. до н.э. [Кац, 2015, 69-70, № 1315; Кац, 2007, 436, VIII МГ, № 25]	имя известно на Полянке [Fedoseev, 2017, 200, №№ 126-129]
8		ἀ[στὺνόμου] Προλόχου τοῦ Μείκου Ἰρακλέων треножник	2019	р-п Основной, подъемный материал, оп. № 73	КП-196954	227 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 145]; сер. 20-х гг. III в. до н.э. [Garlan, 2004, VID, № 133-134]; к. III-нач. II в. до н.э. [Conovici, 1998, Ve, № 160; Кац, 2015, 79, № 1353-1355; Кац, 2007, 436, VII МГ, № 14]	имя известно на Полянке [Fedoseev, 2017, 202, №№ 140-142]
9		[ἀστὺνό]μου [Προταγό]ρου] [τοῦ Κωϊτέκου] [] Ника с ветвью вправо	2021	р-п Гряды, кв. 5 сл. 2, оп. № 16		254 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 147]; нач. 30-х гг. III в. до н.э. [Garlan, 2004, VIC1, № 111-118]; к. 20-х гг. III в. до н.э. [Conovici, 1998, Vd, № 140]; сер. 10-х гг. III в. до н.э. [Кац, 2015, 80, № 1358-1359; Кац, 2007, 436, VII МГ, № 3]	

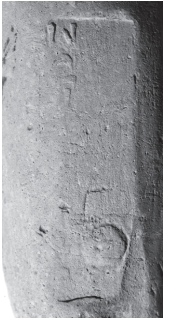

№	Фото	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
10		ἀστυνόμου Χορηγίωνος Κτήσεων □ Ника на квадриге вправо	2020	р-п Основной, кв. 189, оп. № 3	КП-199171	278 г. до н.э. [Fedoseev, 1999, № 167]; пер. пол. 50-х гг. III в. до н.э. [Sarfjan, 2004, VII, № 101-105]; нач. 40-х гг. III в. до н.э. [Caponici, 1998, Vb, № 102]; 50-е гг. III в. до н.э. [Kaц, 2007, 435, VI МГ, № 7]	IosPE III № 8029, Cоповісі, 1998, № 393 имя известно на Полянке [Федосеев, 2017, 205, № 160] сигма лунарная, омега курсивная <a href="http://stampsofbo-
phorus.ru/">http://stampsofbo- phorus.ru/ № 464
11		ἀ[στυνόμου] Π[.....] το[ῦ .....] Κα[λλισθένης]	2019	р-п Основной, кв. 186 ст. 5, оп. № 72	НВФ		
12		ἀστυνόμου] □ Ἀστέ[ας]	2020	р-п Основной, оп. № 2	КП-199170		
13	Гончарные клейма 	[Ἀλατο]ύριος	2020	р-п Основной, подземный материал, оп. № 5	КП-199173		IosPE III № 8698-8702 (нет фото)? У Федосеева другого штампа [Федосеев, 2017, 207, № 170]
14		Ἀληπ τρίου	2018	р-п Верхняя терраса, кв. 169, за западной стенной, оп. № 126	КП-193771		новый штамп

№	Фото	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
15		Ἐστιαίος	2021	р-п Грядка, кв. 4, зачистка камней после сл. 2, оп. № 13	КП-201411		новый штамп
16		[Κα]λιθένης виноградная гроздь справа	2020	р-п Основной, Кв. 189, оп. № 6	КП-199174		IsOpE III № 8809-8810 Федосеев, 2017, 208, № 176
Родос							
Эпонимные клейма							
17		Θεσιφορίου ἐπί Αἰσῶνα вокруг цветка	2021	р-п Основной, кв. 192 сл. 4, оп. № 14	КП-201412	120 - 108 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, Vc]	http://amphoralex.org/AIΣΧΙΝΑΣ-ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΥ-004
18		ἐπ' Ἀριστο γελίτων Δαλίου	2018	р-п Основной, пом. 91, оп. № 104	КП-193764	145 - 133 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, Va]	http://amphoralex.org/ΑΡΧΙΛΑΔΑΣ-003 Имя известно на Полянке [Федосеев, 2017, 214, № 212]
19		[ἐπ'] Ἀρχι λαϊδ[α]	2018	р-п Верхняя терраса, кв. 169, пом., желто-коричневый суллинок, оп. № 107	КП-193765	168/166 - 161 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, IIIe]	

№	Фото	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
20		[ἐπὶ Δάμω νοσ [Α]υρ[ισ]ίου	2018	р-п Основной, кв.176-177, зольный слой, оп. № 91	КП-193761	120 - 108 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, Vc]	http://amphoralex.org/ΔΑΜΩΝ-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ-001
21		ἐπ' ἱερῆ[ος Φερ[σά]ν δρ[ου]	2018	р-п Основной, кв. 180, слой под стеной 116, оп. № 123	КП-193770	145 - 133 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, Va]	имя известно на Полянке [Фелосеев, 2017, 216, № 226]
22		Πα[νάμου] ἐπὶ Ἱερώνω[υ]	2018	р-п Основной, кв. 173 ст. 7, оп. № 96	КП-193762	132 - 121 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, Vb]	http://amphoralex.org/ΠΕΡΩΝ02-ΠΑΝΑΜΟΣ-005
23	 Фабрикантские клейма	Υακίνθου Αυαθόκλε(ύς)	2012	Пещера Смирнова, оп. № 163	КП-183042, ККК-26592	198 - 161 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, III]	http://amphoralex.org/ΑΓΑΘΟΚΛΗΣ02-ΥΑΚΙΝΘΙΟΣ-005 некоторые буквы вырезаны в лигатуре имя известно на Полянке [Фелосеев, 2017, 224, № 275-276]
24		Υακίνθου Αυαθόκλε(ύς)	2018	р-п Основной, подъемный материал, оп. № 89	КП-193759	198 - 161 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, III]	http://amphoralex.org/ΑΓΑΘΟΚΛΗΣ02-ΥΑΚΙΝΘΙΟΣ-007 лунарная сигма, некоторые буквы написаны в лигатуре, в каталоге из Александрии восстановление Υακίνθου/ Αυαθόκλεῦς имя известно на Полянке [Фелосеев, 2017, 224, № 275-276]

№	Фото	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
25		[Αμ]ύργα венчок	2012	Пещера Смирнова оп. № 164	КП-183043, ККК-26593	198 - 161 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, III]	
26		Αντίστροφον кадуцей вправо	2018	р-п Основной, кв. 177, зольный слой, оп № 90	КП-193760	198 - 161 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, III]	http://amphoralex.org/ANPMAXOΣ-002 Федосеев, 2017, 225, № 282 отдельные буквы в лигатуре
27		Δαφνοκράτης Θ	2021	р-п Основной, прокоп между стенами 275-276, слой 3, оп. № 15	КП-201413	145 - 88 / 86 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, V-VI]	http://amphoralex.org/ΔΑΜΟΚΡΑΤΗΣ III 03-004
28		Ζηνοδοτον цветок граната	2019	р-п Основной, кв. 182 зольный слой, оп. № 70	КП-196952	198 - 146 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, III-IV]	http://amphoralex.org/ZHNOΔOTOΣ-010
29		[Γ]ερώνος [кадуцей вправо]	2018	р-п Основной, кв. 173 сл.6, оп. № 100	КП-193763	160 - 108 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, IV-V]	

№	Фото	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
30		Ἰμῶ кадуцей вправо, рог изобилия	2012	Пещера Смирнова оп. № 165	КП-183044, ККК-26594	160 - 146 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, IV]	Федосеев, 2017, 229, № 307
31		Καλλί[ο]υ[ς] звездочки вверху по углам	2012	Пещера Смирнова оп. № 162	КП-183041, ККК-26591	198 - 146 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, III-IV]	http:// amphoralex. org/ ΚΑΛΛΙΩ-004
32		Λ[voν]	2018	р-п Основной, кв. 173 сл.7, оп. № 97	НВФ	145 - 108 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, V]	имя известно на Полянке [Федосеев, 2017, 231, № 318-319]
33		Μενεσθῆ[ος] голова Гелиоса слева	2019	р-п Основной, кв. 186 сл. 4, оп. № 48	КП-196942	160 - 146 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, IV]	http:// amphoralex.org/ ΜΕΝΕΣΘΕΥΣ-003
34		Μενεσ третью в центре голова Гелиоса	2019	р-п Верхняя терраса, кв.187 расчистка вымостки, оп. № 68	КП-196951	145 - 108 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, V]	http:// amphoralex.org/ ΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΣ-003

№	Фото	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
35		Μουσαίου	2019	р-п Верхняя терраса, кв. 188, оп. № 54	КП-196946	145 - 108 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, V]	http://amphoralex.org/ΜΟΥΣΑΙΟΥΣ-018
36		Φιλτινίου	2018	р-п Основной, кв. 180, под стеной 116, серый слой, оп. № 105	НВФ	198 - 161 гг. до н. э. [Finkielstejn, 2001, III]	имя известно на Полянке [Федосеев, 2017, 236, № 343]
37		[Ερμ] καυλευίς	2018	р-п Основной, кв. 180, коричневый слой, оп. № 106	НВФ		
38		[Ερ]μ[ώ]λοο? вокруг головы Гелиоса	2020	р-п Основной, оп. № 9	КП-199176		
Кос 39		Αδάρου цветок	2010	р-п Основной, слой 3, штг. 1, оп. № 44	КП-177337, ККК-25117		IosPE III (Кос) № 18-21

№	Фото	Легенда	Год находки	Шифр	№ хранения (ВКИКЗ)	Датировка	Аналогии и примечания
40		[Δ]αδ[α]	2019	р-п Основной, кв. 182-183 сл. 4, оп. № 51	НВФ		IosPE III (Koc) № 56-57
Неизвестный центр							
41		[TR lig ПК lig retro	2019	р-п Верхняя терраса, кв. 188, зольно-мусорный слой, нижний горизонт, оп. № 55	КП-196947		буквы вырезаны попарно в лигатуре, ПК ретроградно

Список литературы

- Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. XVIII). Симферополь–Керчь, 480.
- Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище. Саратов, 180.
- Ковальчук А. В. 2019. О времени возникновения поселений «нового типа» в Крымском Приазовье (по данным керамической эпиграфики) // ДБ. 25, 220–228.
- Масленников А. А. 2020. Пещера Лейхтвейса // АВ. 29. СПб, 367–375.
- Федосеев Н. Ф. 2017. Керамические клейма поселения «Полянка» в восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сб. научных трудов. Симферополь, 169–250.
- Castelli T. 2018. Un group de timbres amphoriques méconnu: les timbres de Myrsileia: origine, chronologie et diffusion // Revue archéologique. 2. Paris, 307–329.
- Conovici N. 1998. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (Touiles timbrées comprises) (Histria: Les résultats des fouilles. VIII). Bucuresti–Paris, 206.
- Dana D. 2018. Un group de timbres amphoriques méconnu: les timbres de Myrsileia. II. Le toponyme de Myrsileia et l'onomastique de ses fabricants // Revue archéologique. 2. Paris, 331–348.
- Fedoseev N. F. 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 27–48.
- Finkielsztejn G. 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ (BAR IS 990). Oxford, 260.
- Garlan Y., Kara H. 2004. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue (Varia Anatolica XVI. Corpus international des timbres amphoriques 10). Paris, 384.
- Jefremov N., 1995. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos (Quellen und Forschungen zur Antiken Welt. 19). München, 251.

Архивные и электронные материалы

- Граков Б. Н. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini (IosPE). III. Синопа: клейма на пифосах, ручках и горлах амфор, на черепицах (Архив ИА РАН. Р-2. № 2189–2198).
- Граков Б. Н. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini (IosPE). III. Кос. (Архив ИА РАН. Р-2. № 2175).
- Граков Б. Н. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini (IosPE). III. Книд. (Архив ИА РАН. Р-2. № 2173–2174).

Ковальчук А. В. Керамические клейма Северного Причерноморья // <http://stampsofbosphorus.ru>

Cankardeş-Şenol G. Matrices des timbres des eponymes et fabricants rhodiens // <https://amphoralex.org>

Grace V. Corpus Kos // <https://www.ascsa.edu.gr/archives/virginia-grace-finding-aid/Box82-84>.

Summary

A. V. Kovalchuk, E. V. Bolonkina
Ceramic stamps from the settlement «Polyanka» (2012, 2018–2021)

The article is a brief review on the paper «Ceramic stamps of the settlement «Polyanka» in the eastern Crimea» published by N. F. Fedoseev in 2017. The review gives a concise summary and analysis of the publication content, offers some critical assessment. In certain stamps the authors were able to read the names of fabricants and erased lines of the legend. In addition are released the new stamps unearthed in 2012, 2018–2022.

А. В. Ковальчук*, **С. Л. Соловьев****, **Э. Р. Устаева*****

(* *Институт Археологии РАН, Москва;*

** *ИИМК РАН, Санкт-Петербург;*

*** *Таманский музейный комплекс, Тамань*)

Находки из катакомбы № 1 поселения Вышестеблиевская 16-а

В 2016 году в ходе археологических работ, проводившихся в связи с проектом реконструкции участков автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив, были исследованы культурные напластования и археологические объекты поселения Вышестеблиевская 16-а общей площадью 16961 м² (рис. 1, 2). Поселение находится в 4,8 км к северо-западу от станицы Вышестеблиевская Темрюкского района Краснодарского края (рис. 1).

В ходе проведенных археологических исследований были открыты следующие остатки грунтовых сооружений: 45 хозяйственных ям, три грунтовых погребения, два погребения в могильных камерах (катакомбах), одна землянка и три траншеи. Культурный слой на памятнике содержал находки IV–III вв. до н. э. и IX–XI вв. н. э. [Соловьев 2016, 2, 7].

В северо-западной части поселения на кв. Г-Д-19-20 на глубине 0,70 м от дневной поверхности (абс. отм. +53.17, +53.20) в слое коричневого суглинка было зафиксировано пятно входной ямы (№ 22) катакомбы № 1, которое имело овальную форму (размер 3,0×1,5 м) и было вытянуто по оси запад-восток. В западной части ямы были прослежены две ступеньки шириной около 0,5 м. Яма глубиной 1,6 м служила входом в погребальную камеру катакомбы (рис. 3). В ее заполнении были обнаружены 16 фрагментов античных амфор, два фрагмента донцев столового кувшина и край поливной тарелки (пол. оп. № 623–625)¹.

Округлая в плане погребальная камера (2,5×2,5 м) была вырыта в материковом суглинке (абс. отм. верха +51.33, абс. отм. низа +50.66, рис. 4–8). Пол имел небольшой наклон в сторону входа (абс. отм. запада +53.17, востока +53.23). В гробнице были обнаружены фрагментированные перемещенные скелетные останки 10–13 взрослых и одного ребенка 10 лет (±2,5 лет). Сохранность костяков плохая, половозрастные характеристики удалось определить только для небольшого числа останков: четыре костяка принад-

¹ Все находки находятся на хранении в фондах Таманского археологического музея.

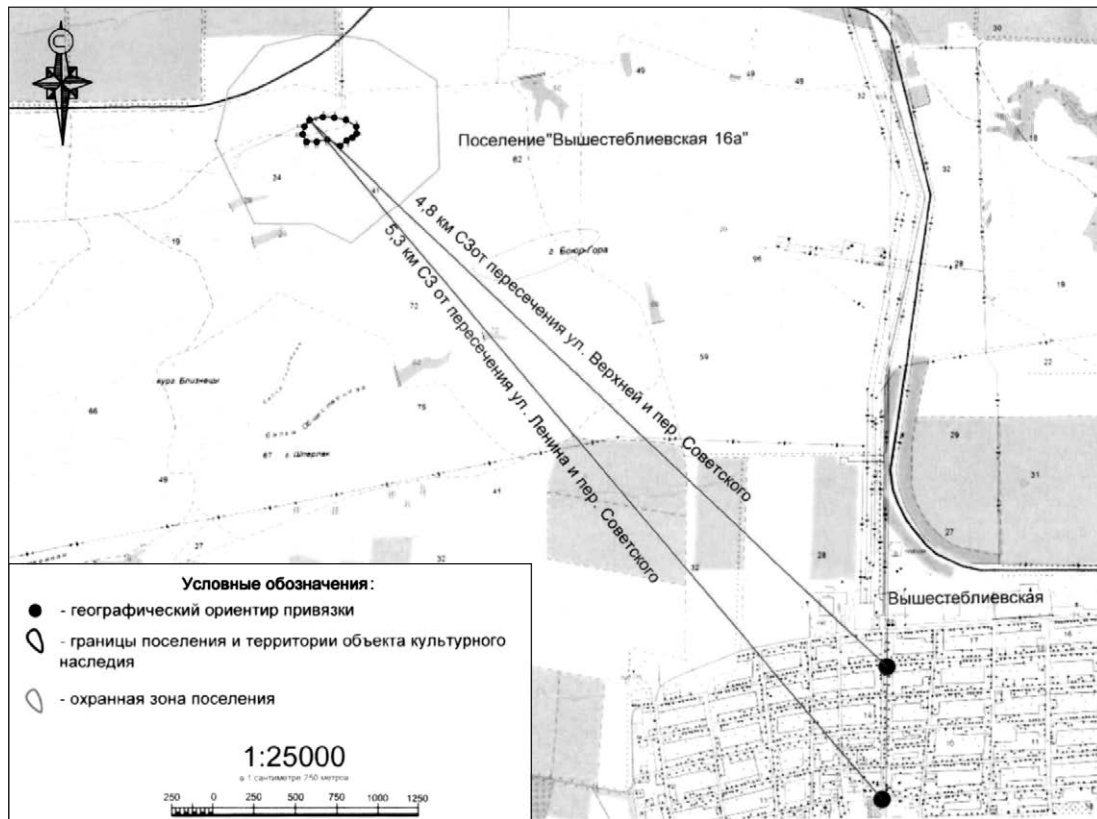

Рис. 1. Местоположение поселения Вышестеблиевская-16а на карте

лежат мужчинам, три женщинам, шесть не определены. Из них двум женщинам было 30–40 и 35–45 лет, одному мужчине 35–45 лет, один взрослый не достиг 35 лет².

Судя по расположению черепов, все погребенные лежали вытянуто на спине головой на восток, что характерно для большинства античных городских некрополей VI–II вв. до н. э. [Марченко 1956, 104].

В восточной части камеры погребальный инвентарь был обнаружен преимущественно в районе головы, в западной – в ногах умерших. Было ли такое же расположение находок на момент захоронения первых умерших, или посуда была отодвинута к краю камеры в ходе последующих захоронений, определить затруднительно.

В южном и северо-западных углах камеры были найдены фрагменты четырех керамид, две из них располагаются над костными остатками. По-видимому, они изначально закрывали вход в камеру. Две керамиды, без сомнения, относятся к пантикапейскому производству (оп. № 248, 249), еще две были изготовлены на азиатской стороне Боспорского царства (оп. № 246, 247). В средней части одной из черепиц отпечатано прямоугольное клеймо плохой сохранности (оп. № 246). Правая часть предположительно реконструируется как []ΘΕΥ.

² Определения костей выполнены мнс отдела антропологии МАЭ РАН А. А. Казарницким.

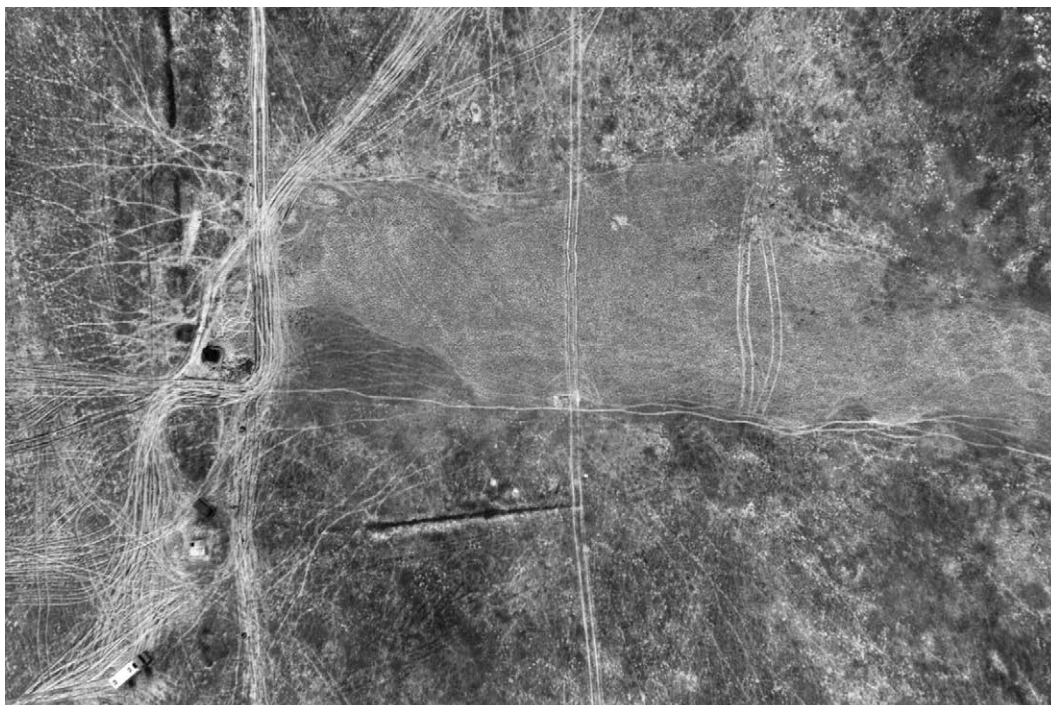

Рис. 2. Поселение Вышестеблиевская-16а до начала работ. Вид с квадрокоптера

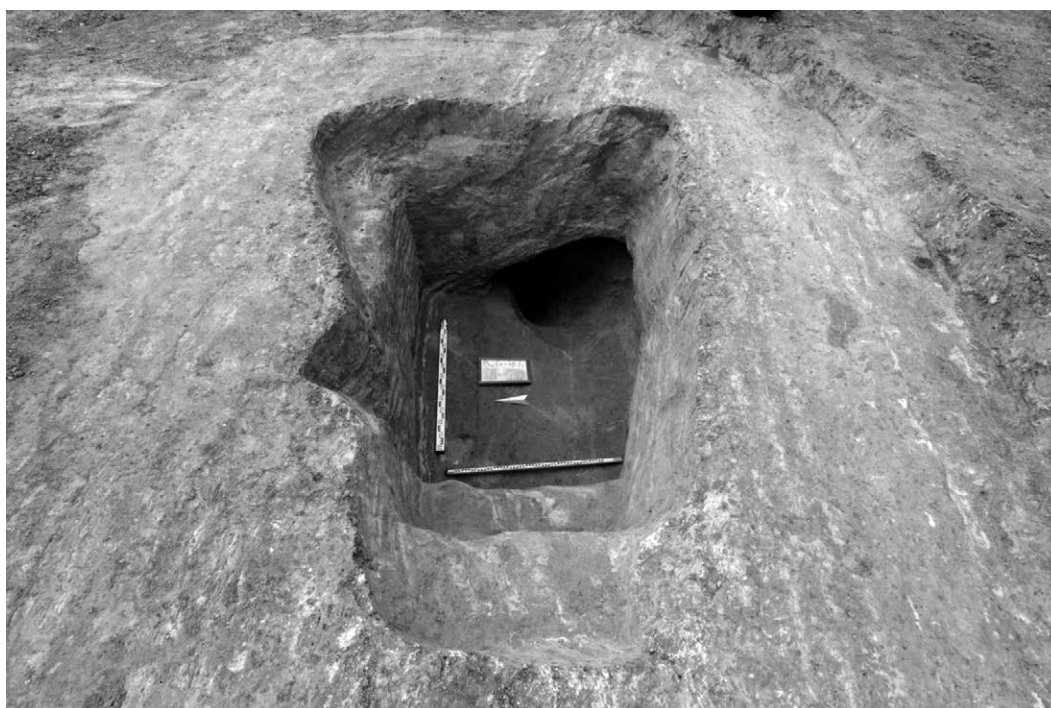

Рис. 3. Катакомба № 1. Входная яма с обозначенным входом в погребальную камеру. Вид с запада

Рис. 4. Катакомба № 1. Погребальная камера. Вид с юга

Рис. 5. Катакомба № 1. Восточная часть погребальной камеры.
Вид с запада

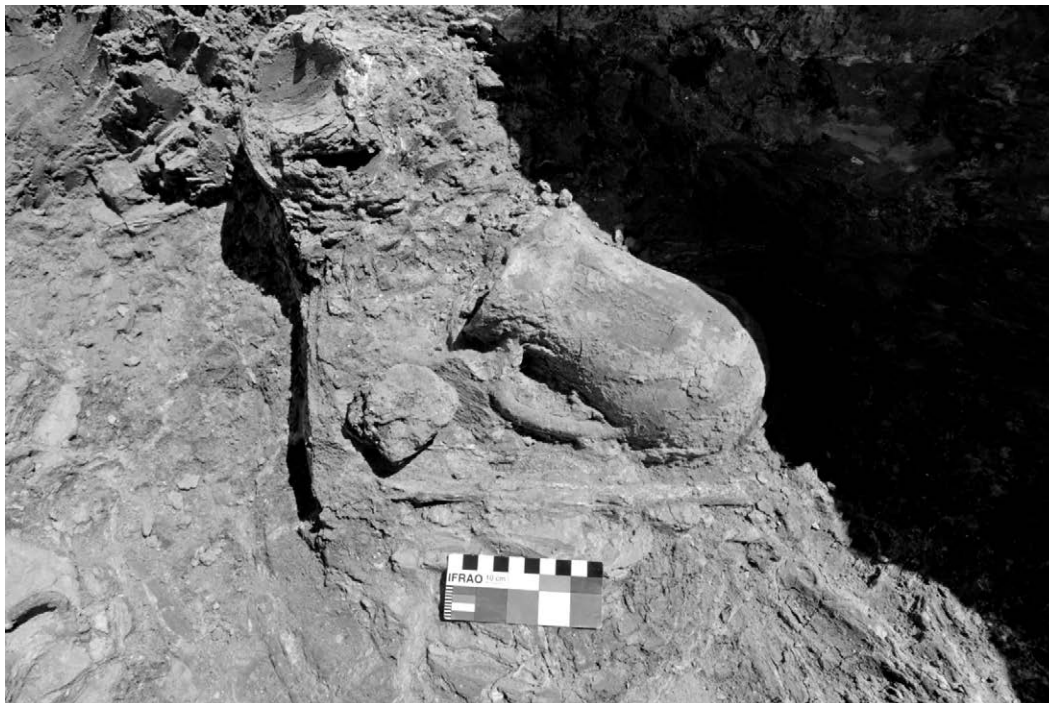

Рис. 6. Катакомба № 1. Восточная часть погребальной камеры.
Погребение с ойнохоей. Вид с запада

Столовая посуда³ представлена десятью красноглиняными тарелками (оп. № 170, 171, 174–176, 181–184), тремя красноглиняными мисками (оп. № 167, 172, 173), четырьмя миниатюрными мисочками (оп. № 186–189), двумя чернолаковыми чашами (оп. № 185, 190) и пятью леканами (оп. № 166, 169, 177–179). Из катакомбы происходят две красноглиняные ольпы (оп. № 191, 192), три кувшина с витыми ручками (оп. № 194–196), пять пелик (оп. № 193, 197, 198, 200, 201), один чернолаковый амфориск (оп. № 202) и одна ойнохоя (оп. № 201). Упомянем также пять красноглиняных бальзамариев (оп. № 203, 204), три из которых имеют следы черного лака (оп. № 205–207), и три сероглиняных веретеновидных бальзамария (оп. № 208–210).

К импортной столовой посуде относятся чернолаковые сосуды – две чаши, амфориск и бальзамарии.

Чернолаковая чаша небольшого размера⁴ (рис. 13. 7) имеет загнутый внутрь край, полусферическое тулово и невысокий кольцевой поддон на закругленном основании. Ее поверхность покрыта тусклым черным лаком, на нижней стороне вокруг кольцевого поддона видны отпечатки пальцев. По форме чаша может быть отнесена к т. н. чашам типа *echinus* (*echinus bowl*), появившимся в Аттике в V в. до н. э. и получившим в эллинистическое время широкое распространение по всему Средиземноморью. Известны как аттические сосуды,

³ Рисунки и фотографии вещей выполнены И. А. Котиной, А. В. Ковальчук (ойнохоя), фото И. А. Самоваровым и С. А. Шевченко (ойнохоя).

⁴ В. – 5,5 см, Дм. основания – 4,2 см, Дм. края – 11,0 см.

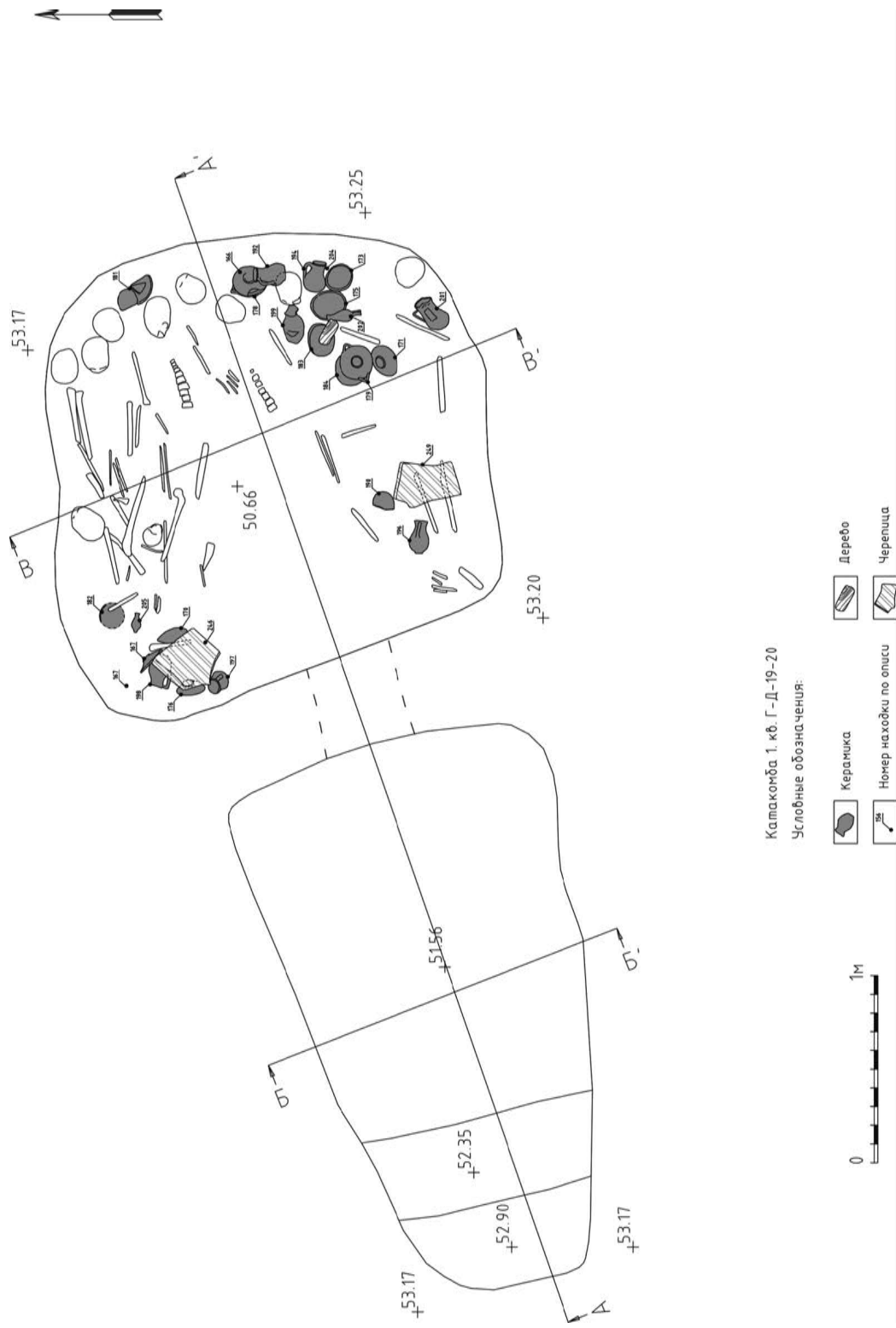

Рис. 7. Катакомба № 1. Погребальная камера. Уровень фиксации 1

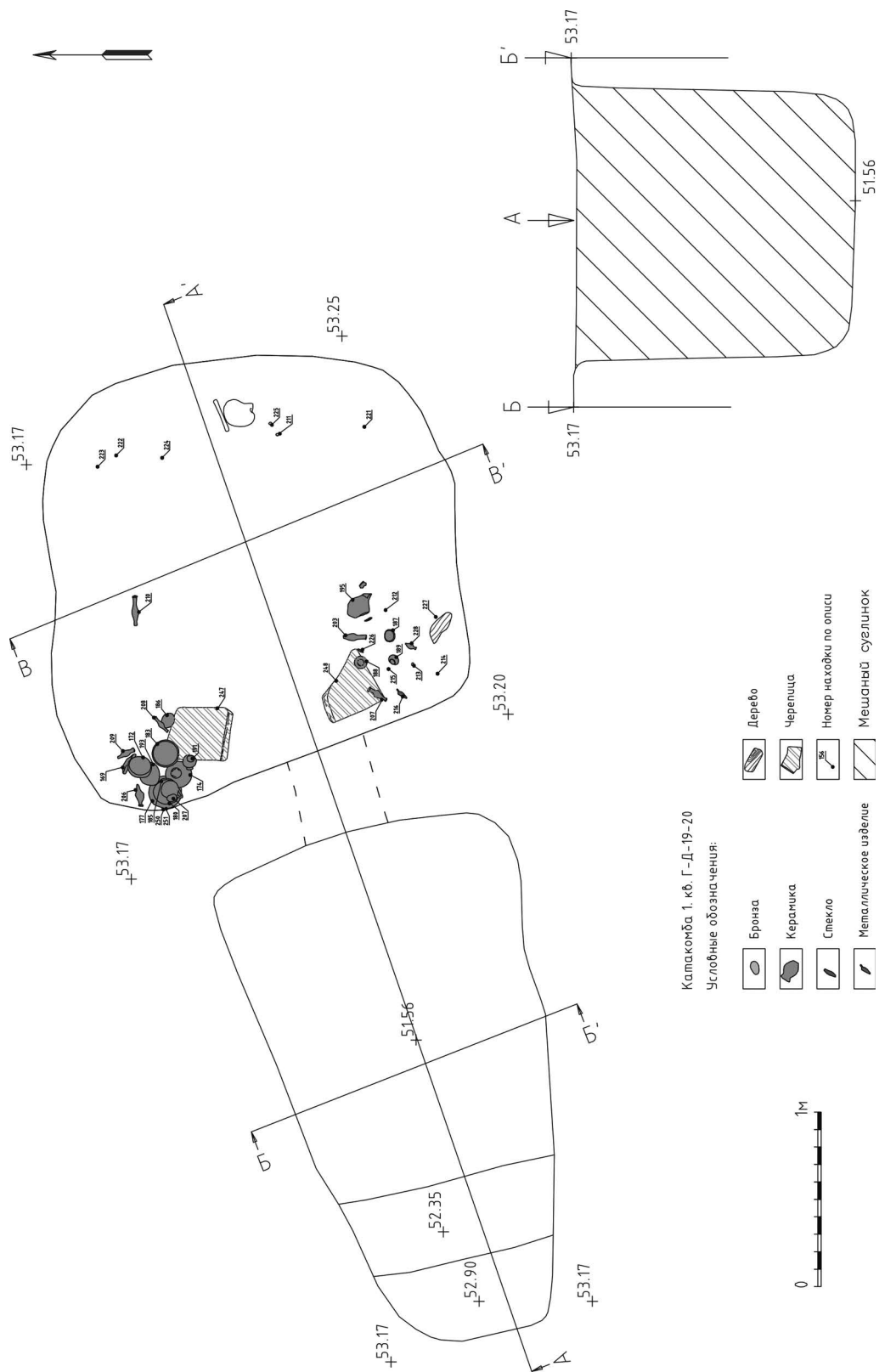

Рис. 8. Катакомба № 1. Погребальная камера. Уровень фиксации 2

так и их местные имитации (книдские, пергамские, александрийские и др.). Сравнение с аттическим материалом, а также полусферическая, глубокая форма сосуда (*deep bowl*), близкая более поздним полусферическим чашам [Rotroff 1997, 164], полукруглое основание кольцевого поддона, соотношение диаметров края и поддона (приблизительно 1: 2), отпечатки пальцев на нижней стороне, а также отсутствие декора позволяют датировать сосуд серединой – последней четвертью II в. до н. э. [Rotroff 1997, 162–163, № 1014, 1015].

Еще одна невысокая чаша⁵ (рис. 13. 1) лишь частично покрыта лаком, нижняя часть и основание остались незакрашенными, в верхней части идет полоса черного лака, а внутренняя поверхность и тулово до середины покрыто лаком красного цвета. Эта особенность в сочетании с резко загнутым внутрь краем венчика и максимальным диаметром в верхней части сосуда позволяет относить ее к последней четверти III – первой четверти II в. до н. э. [Rotroff 1997, 162–163, № 1006–1010].

Амфориск⁶ (рис. 13. 5) сохранился фрагментарно, утрачен венчик. Сосуд имеет коническое тулово с максимальным диаметром у нижнего корня ручек, кольцевой поддон и подпрямоугольную в сечении ручку. Он сформован из плотной розовато-оранжевой глины, в верхней части (на горле и ручках) сохранились следы тусклого черного лака. Ниже ручек на тулове частично просматриваются две параллельные, идущие по окружности полосы черного лака. Такие же полосы, судя по всему, были и в центральной части тулова.

Общая типология развития форм эллинистических бальзамариев (рис. 9) на материалах Афинской агоры была намечена еще Томпсоном [Thompson 1934, 472–474], впоследствии она была подробно разработана С. Ротрофф [2006]. В конце III – начале II вв. флаконы приобретают более стройный облик, нижняя полая часть тулова бальзамариев заменяется массивной ножкой-стержнем, что делает сосуды более прочными и пригодными для транспортировки [Rotroff 2006, 153]. Все флаконы из катакомбы имеют именно такую заполненную ножку-стержень. Дальнейшая классификация афинского материала основывается преимущественно на характере исполнения основания [Rotroff 2006, 153]: смоделировано ли оно (кат. 4), отделено ли от тулова бороздкой (кат. 5) или имеет простую форму, расширяющуюся книзу (кат. 6).

Бальзамарии с расширяющейся ножкой также хорошо известны из некрополей Боспорских городов, в Мирмекии они встречаются совместно с фрагментами «мегарских» чаш [Гайдукевич 1952, 156, рис. 37], в Фанагории – преимущественно в погребениях III–II вв. до н. э. [Коровина 1987, 85–86]. Веретеновидные бальзамарии происходят также из Пантикапея, главным образом из слоев II в. до н. э. [Кругликова 1957, 125–126, рис. 7. 1–5].

Флаконы, покрытые коричневым лаком (рис. 9. 2, 4), изготовлены из светло-бежевой глины, они являются привозной продукцией и происходят, вероятно, из Малой Азии [Коровина 1987, 86]. Остальные относятся к местному производству.

Наряду с флаконами для женских погребений характерны леканы [Марченко 1956, 108]. Интересно, что число лекан и пелик одинаково (5 шт.) и, возможно, позволяет косвенно судить о числе погребенных в катакомбе женщин.

⁵ В. – 4,0 см, Дм. основания – 7,0 см, Дм. макс. – 11,4 см.

⁶ В. сохр. – 16,0 см, Дм. макс. – 6,5 см, Дм. основания – 2,7 см.

Табл. 1. Характеристики и параметры бальзамариев из катакомбы № 1

№ оп. / рис.	Глина	Ножка	h/d	Кат. №	Дата (гг. до н. э.) ⁷
203 / 9. 6	красная	отделена бороздкой, следы среза струной	2,8	5	180–100
204 / 9. 1	красная	простая, расширяющаяся книзу	-	6	170/150–50 или позднее
205 / 9. 2	бежевая	смоделированная	-	4	215–150
206 / 9. 4	бежевая	смоделированная	2,92	4	215–150
207 / 9. 7	бежевая	смоделированная	2,9	4	215–150
208/ 9. 7	серая	смоделированная	4,1	4	215–150
209 / 9. 3	серая	отбита	-	-	-
210 / 9. 5	серая	простая, расширяющаяся книзу	4,4	6	170/ 150–50 или позднее

Все найденные в катакомбе № 1 леканы⁸ (рис. 11) близки по форме: это неглубокие миски на невысокой ножке с лентовидными ручками. Верхняя часть лекан имеет вид загнутой внутрь и суженной стенки, которая образует небольшой уступ под крышку. Пространство внутри ручки приближается к треугольнику, в сечении она имеет форму приплюсненного в центре прямоугольника, боковые выступы отсутствуют. Ножка имеет форму кольцевого поддона, основание закругленное и относительно широкое. По некоторым признакам (форма венчика, профиль ручек) сосуды близки чернолаковым леканам Афинской агоры IV в. до н. э. [Sparkes, Talcott 1970, 165–167, no. 1218], однако отличаются шириной кольцевого поддона и формой пространства между ручками. Для аттических сосудов IV и первой половины III в. до н. э. характерно наличие кольцевого поддона на широком основании, который впоследствии сменяется более узким [Rotroff 2006, 192; Sparkes, Talcott 1970, 166].

Леканы хорошо известны в некрополях городов Азиатского Боспора [Кобылина 1951, 242, 245, рис. 3. 2, 3; Марченко 1956, 109, 111, 112, 114, рис. 2. 11, 3, 12] и датируются по монетам и сопутствующему материалу III – II вв. до н. э. Лекана с акварельной росписью была найдена в некрополе Тирамбы [Кобылина 1951, 245, 249, рис. 3. 4]. Широкое распространение лекан сходного типа на азиатской стороне Боспорского царства, а также визуальное изучение глины (красная глина с белыми известняковыми включениями) позволяет предполагать их местное производство. Леканы из катакомбы № 1 по форме вместилища и ручек имеют наибольшее сходство с сосудом из могилы 1 западного некрополя Фанагории [Коровина 1987, 76, 92, рис. 17], который датируется II в. до н. э.

Как и в погребениях Фанагории леканы в гробнице найдены совместно с кувшинами и пеликами, которые являются наиболее часто встречающейся формой сосудов в некрополях Азиатского Боспора [Коровина 1987, 88–90].

⁷ По: Rotroff 2006.

⁸ В. – 5,8 см, Диамет. макс. – 16,5 см, Дм. основания – 6,0 см; оп. № 178 В. – 6,0, Диамет. макс. – 17,8 см, Дм. основания – 7,0 см; оп. № 179 В. – 6,0 см, Диамет. макс. – 17, 5 см, Дм. основания – 6,2 см.

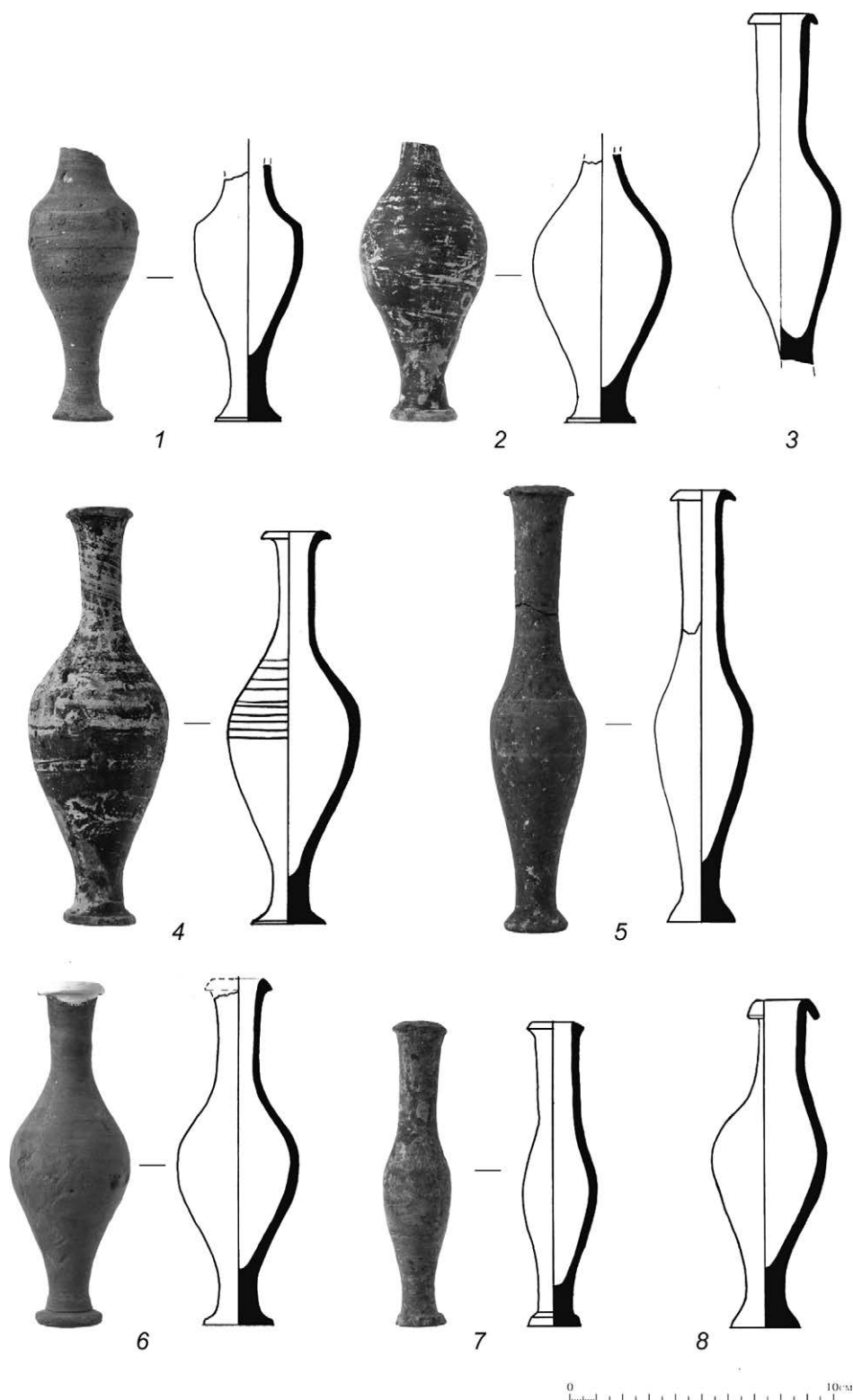

Рис. 9. Бальзамарии

Пелики⁹ изготовлены из местной красновато-бежевой глины с песком и известняковыми включениями (рис. 10). Большинство сосудов сформовано небрежно, на поверхности видны небольшие пустоты-каверны, ручки неаккуратно примазаны к тулову, поверхность плохо заглажена. Судя по вытянутой форме, наиболее ранней, относящейся еще к концу III в. до н. э., следует признать пелику оп. № 200. Остальные сосуды характеризуются более приземистым шаровидным туловом, укороченным горлом, завершающимся раструбом, почти круглой в сечении ручкой. Эти признаки позволяют их датировать концом III – первой половиной II в. до н. э. [Коровина 1987, 88, рис. 16]. Одна пелика имеет желобки в нижней части тулова (оп. № 198), на поверхности некоторых сосудов сохранились отдельные элементы росписи – пятна красной краски (оп. № 193, 198) и черные полосы (оп. № 197).

Найденные ольпы¹⁰ (рис. 10) имеют некоторое сходство с боспорскими миниатюрными кувшинчиками из слоев III-II вв. до н. э. Мирмекия [Гайдукевич 1987, 202–203, рис. 16, 4, 5].

Что касается кувшинов с витыми ручками¹¹ (рис. 11), то идентичный по форме сосуд известен из погребения 61 (263) некрополя «И» Фанагории, которое относится к III в. до н. э. [Марченко 1956, 107, рис. 2. 4], а также из Артюховского кургана [Максимова 105–106, Арт. 96, рис. 43, прил. II, табл. II, 3]. Такие кувшины в изобилии встречаются в Гермонассе в слоях II в. до н. э.

К местному производству относятся также миски и тарелки.

Две миски близки между собой по форме и размерам (оп. № 172–173, рис. 13. 8, 9), это невысокие сосуды со слегка загнутым внутрь краем и невысоким кольцевым поддоном¹². Третья (оп. № 167) отличается более глубоким вместилищем и ребром в месте наибольшего диаметра (рис. 13. 10).

Четыре миски (оп. № 186–189, рис. 13. 2–4, 6) имеют миниатюрные размеры¹³, край слегка загнут внутрь, одна – имеет кольцевой поддон (оп. № 187), три – плоское основание, у двух из них основание отделено от тулова (оп. № 186, 188). Одна изготовлена небрежно (оп. № 186), основание неаккуратно срезано струной, края основания частично загнуты внутрь; поверхность имеет следы горения.

Тарелки имеют неглубокую плоскую форму и кольцевой поддон (рис. 12). По форме венчика их можно разделить на три группы: с отогнутым вверх, почти под прямым углом венчиком (оп. № 182–184, рис. 12. 3, 4, 7) и с венчиком, который представляет собой как бы утолщение стенки сосуда, слегка загнутое вовнутрь (оп. № 171, 174–176, рис. 12. 5, 8, 9). У некоторых тарелок этой группы край слегка отогнут наружу (оп. № 171, 175, рис. 12. 9). Тарелка оп. № 181 имеет массивный треугольный в сечении венчик (рис. 12. 2).

⁹ В. – 19,5 см, Дм. края – 11,0 см, Дм. макс. – 12,3 см, Дм. дна – 8,3 см; В. – 18,0 см, Дм. края – 8,8 см, Дм. макс. – 12,0 см, Дм. дна – 7,0 см; В. – 19,0 см, Дм. края – 10,0 см, Дм. макс. – 10,0 см, Дм. дна – 7,5 см; В. – 20,5 см, Дм. края – 8,0 см, Дм. макс. – 12,0 см, Дм. дна – 7,0 см; В. сохр. – 14,0 см, Дм. края – 8,8 см, Дм. дна – 6,0 см.

¹⁰ В. – 16,0 см, Дм. венчика – 8,0 см, Дм. макс. – 11,0 см, Дм. дна – 6,5 см.

¹¹ В. – 16,5 см, Дм. венчика – 7,6 см, Дм. макс. – 11,0 см, Дм. дна – 6,7 см; В. – 17,0 см, Дм. венчика – 8,4 см, Дм. макс. – 11,1 см, Дм. дна – 6,2 см.

¹² Оп. № 172 В. – 6,0 см, Дм. края – 15,5 см, Дм. дна – 7,0 см.

¹³ В. – 3,0 см, Дм. края – 9,8 см, Дм. дна – 4,3 см; В. – 2,8 см, Дм. края – 6,9 см, Дм. дна – 3,8 см; В. – 3,8 см, Дм. края – 6,8 см, Дм. дна – 3,5 см; В. – 2,3 см, Дм. края – 6,7 см, Дм. дна – 3,7 см.

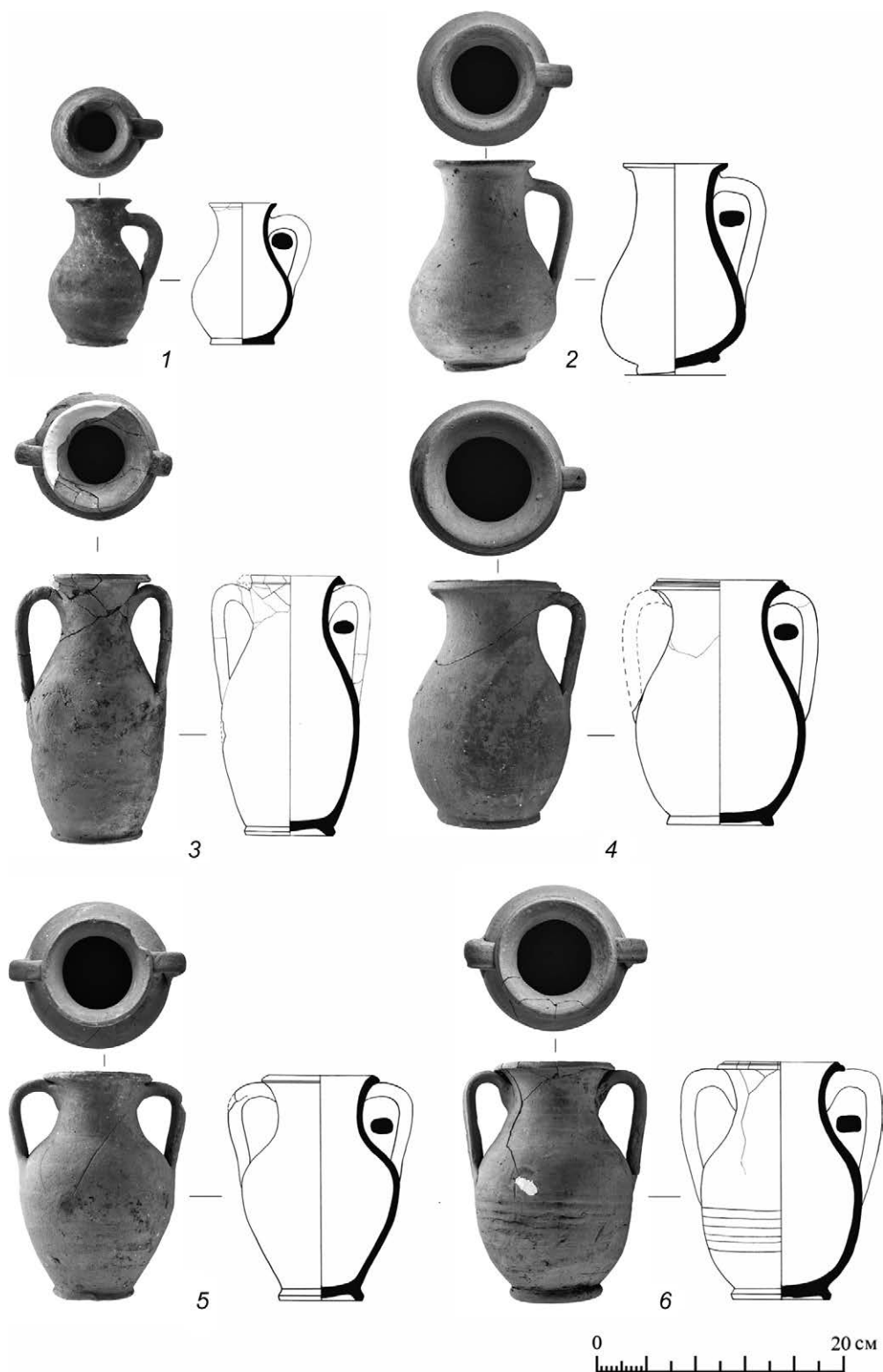

Рис. 10. Ольпы и пелики

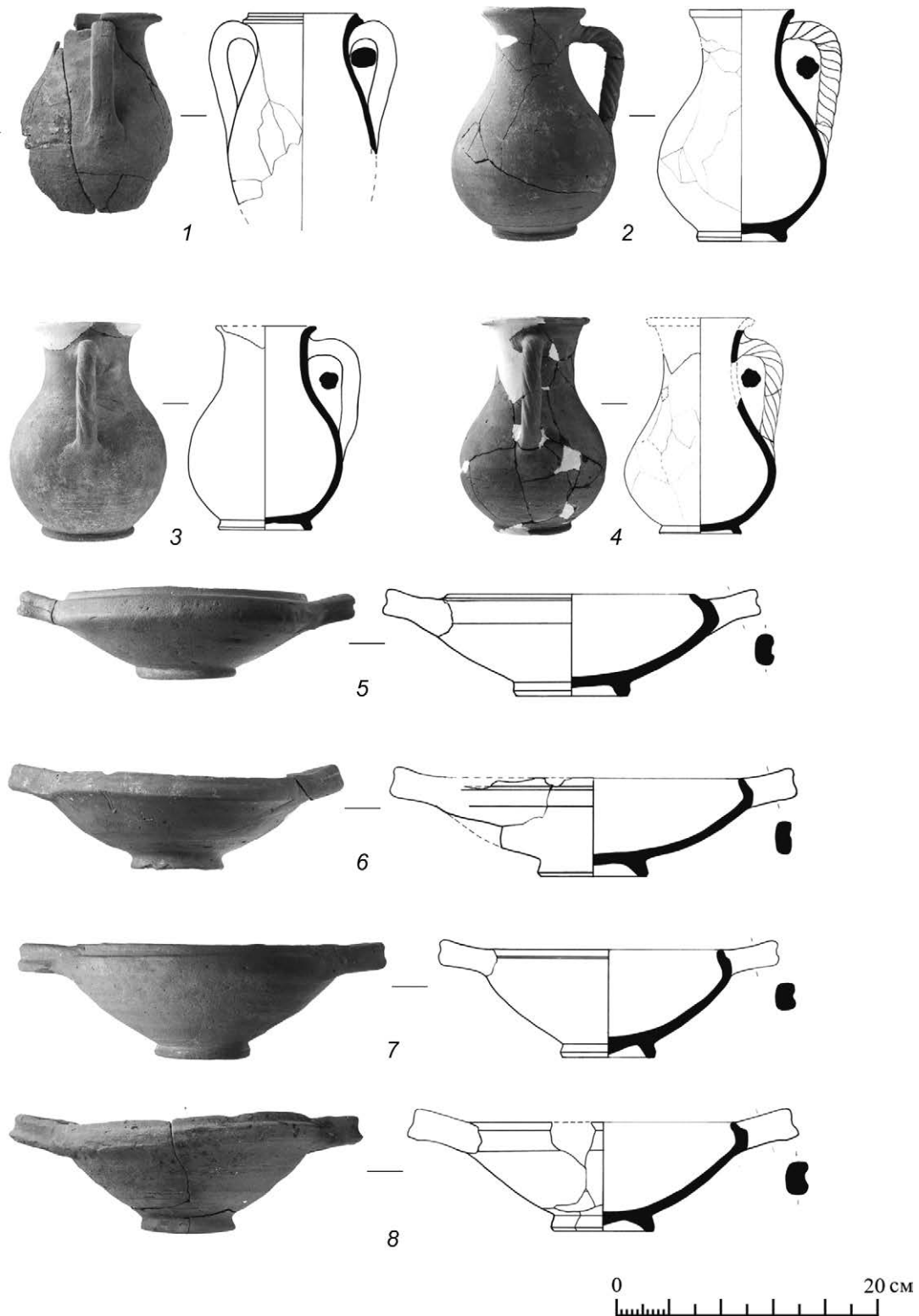

Рис. 11. Кувшины и леканы

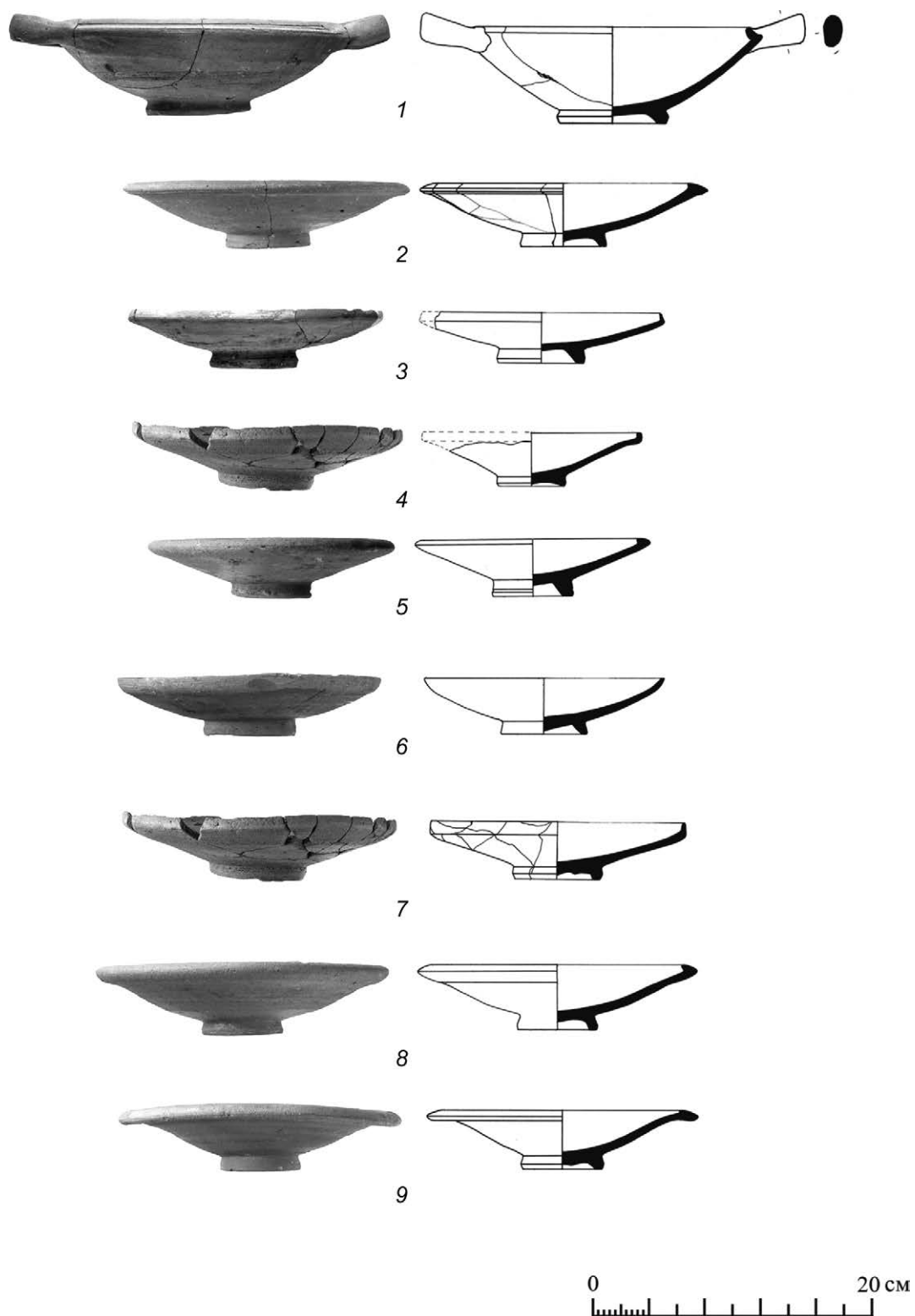

Рис. 12. Тарелки

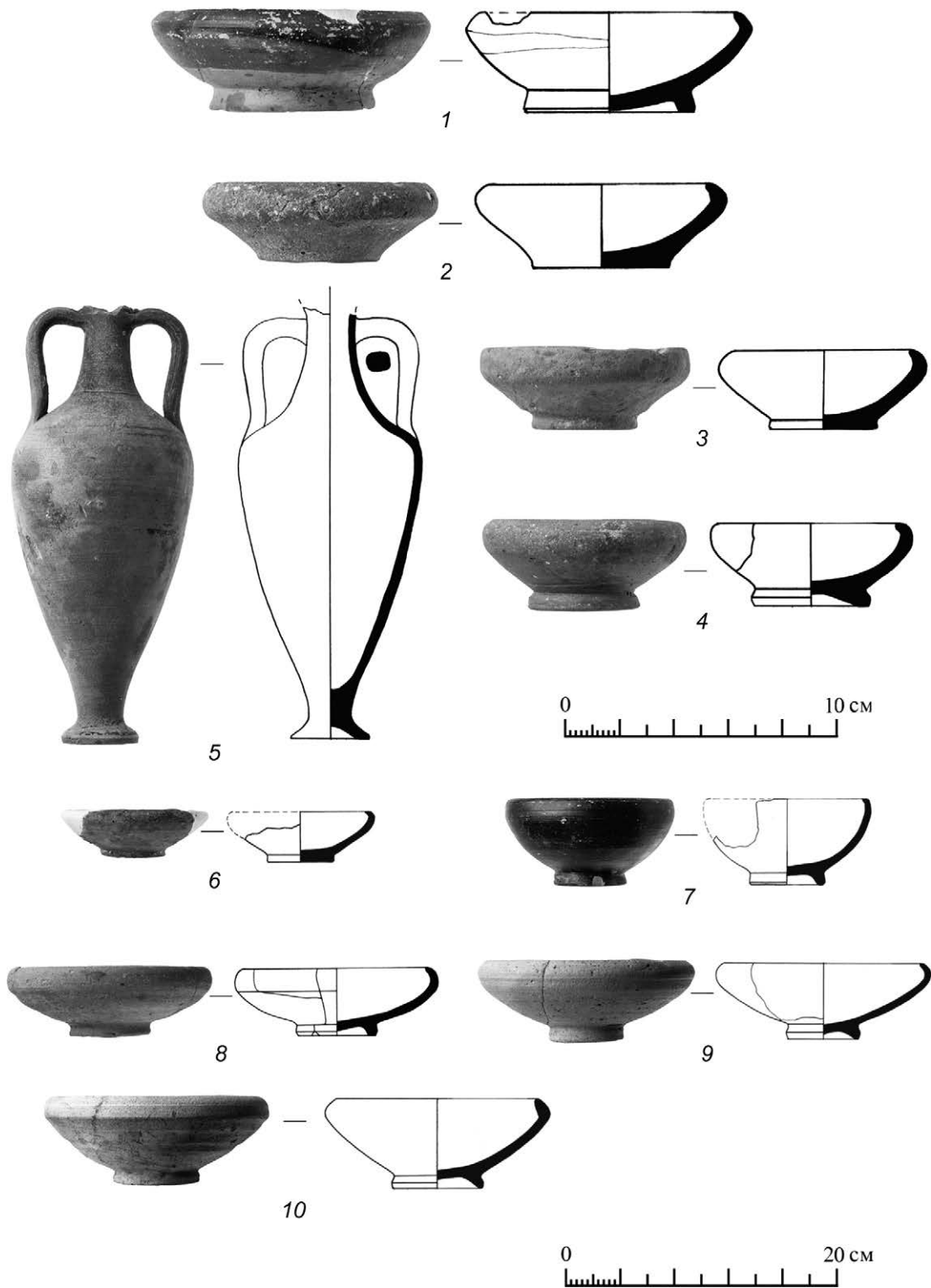

Рис. 13 Амфориск и миски

Тарелка оп. № 170 не имеет оформленного края, и, судя по ее небольшой глубине, могла служить крышкой леканы (рис. 12. 6). Возможно, крышками были также две другие тарелки (рис. 12. 4, 7).

Костяк, расположенный у южного края камеры, держит в руках ойнохой (рис. 14). Ойнохой¹⁴, как и другие вещи из катакомбы № 1, находится на хранении в Таманском археологическом музее (ВХ-ВШ-124-п, ВШ-16). Сосуд¹⁵ имеет высокий двухчастный в плане венчик, по внутренней стороне которого идет небольшой уступ, овальную в сечении ручку, крепящуюся ниже венчика, невысокий кольцевой поддон и тулово вытянутой грушевидной формы. Тулово изготовлено на гончарном круге, венчик, поддон и ручка были сформованы отдельно. Венчик отделен от тулова полосой – плохо заглаженным местом его прилепа. Ручка сверху и снизу неровно примазана к тулову. Еще одна полоса на венчике отмечает место расположения уступа на внутренней стороне горла. На венчике по бокам, там, где мастер с двух сторон надавил на горло для придания ему двухлепестковой формы, видны отпечатки пальцев. Венчик немного ассиметричен, имеет повышение в месте сдавливания. Верх горла заглажен вручную. Небольшая передняя часть устья венчика утрачена. Сбоку прикреплена ручка, она немного смещена в сторону от центральной линии. Сосуд выполнен небрежно, плохо заглажен, на тулове читаются отдельные отпечатки пальцев. Ойнохой изготовлена из темно-коричневой глины с крупными белыми включениями и мелкой слюдой. На поверхности видны следы белой обмазки (ангоба). На дне и нижней части сосуда читаются следы гари. В нижней части видны две небольшие трещины.

Объем сосуда был измерен при помощи сахарного песка (1,4 л) и математически на сайте [http://stampsofbosphorus.ru/volume/\(1,392 л\)](http://stampsofbosphorus.ru/volume/(1,392 л)).

На передней стороне ойнохой по сырой глине отпечатано прямоугольное клеймо. Оно наложено вертикально, нижняя часть смещена вправо от центральной линии, буквы обращены к ручке сосуда. Клеймо размером 7,5×3,5 см имеет четыре строки и расположенную справа эмблему:

ἀγορανομῶντων
Συμμάχου   трезубец
Στρατονίκου
Ἀπολλωνίου

Перевод: при агораномах Симмахе, Стратонике, Аполлонии.

Клеймо необычно, при сравнении с оттисками других центров оно выделяется своим большим размером. Для оттиска из Вышестеблиевской характерны также очень крупные буквы (высота 0,7–0,8 см).

Отметим следующие особенности палеографии шрифта: *альфа* имеет полукруглую горизонтальную гасту, *сигма* – параллельные горизонтальные гасты, некоторые буквы (*мю*, *ню*, *ипсилон*) имеют изогнутые гасты, часть – расширения на концах гаст (*тау*, *сигма* и др.), *омикрон* меньшего размера по сравнению с другими буквами. Буквы

¹⁴ Небольшая заметка про этот сосуд и его интерпретация впервые была опубликована в журнале «Наука и жизнь» от 20.10.2016 г.

¹⁵ В. – 21,6 см, Дм. макс. – 13,0 см, Дм. дна – 8,4 см, размеры венчика 8,8 x 11,0 см.

Рис. 14. Ойнохоя

демонстрируют некоторые элементы курсивного письма, отдельные – вырезаны в лигатуре. В целом, шрифт характерен для III – первой половины II в. до н. э. [Болтунова, Книпович 1962, 15–16, табл. II].

Упомянутые греческие имена были широко распространены как в Средиземноморском регионе, так и на Боспоре [КБН 1965, 852, 898, 899]. Причем, на Азиатской стороне Боспора все три имени встречаются в списке имен победителей соревнований первой половины III в. до н. э., происходящем из Анапы [КБН 1137].

Справа от клейма виден отпечаток овальной геммы (кольца). Изображение хорошо оттиснуто только в верхней части: можно различить верхнюю часть туловища юноши¹⁶. Голова повернута в три четверти вправо, мускулистое тело развернуто фронтально. На голове видны короткие кудрявые волосы, за спиной – копье и колчан (?). С левого края оттиска просматривается небольшой уступ, вероятно, место перехода вставки кольца к металлической оправе. Этот оттиск перстня является, по-видимому, знаком гончара. Совместные отпечатки официальных и частных клейм на керамических изделиях редки. Упомянем отпечаток геммы с изображением бородатого мужчины в петасосе рядом с клеймом Невмения и Никомеда на синопской черепице [Леви 1964, 310, № 12, 313, табл. I. 12].

Слева от клейма виден крестообразный знак (буква «хи»?), нанесенный после обжига мелом (?).

Упоминание в клейме личных имен и официальной должности, – агораномии, не оставляют сомнения в том, что данный сосуд использовался в качестве узаконенной меры объема жидкости. Отметим необычную особенность ойнохои: наличие небольшого уступа на внутренней поверхности. Возможно, он служил меткой, до которой наливали жидкость. Сосуд, по-видимому, использовался при продаже вина. Указанный объем в литрах (1, 392–1, 4 л), измеренный до уступа, соответствуют 5 аттическим котилам [Lang, Crosby 1964, 57].

Нам известна еще одна мерная ойнохоия, происходящая из погребального контекста. Речь идет о сосуде конца V – начала IV в. до н. э. фанагорийского производства с круглым клеймом, в легенде которого изображена театральная маска и буквы ФА [Ковальчук 2019, 197–198, 205–206]. Он был найден в насыпи погребения № 56 (11) некрополя Корокондамы [Шкорпил 1914, 24]. По форме, глине и датировке эти сосуды сильно различаются. Однако обе эти находки подчеркивают единичность, ценность мерных сосудов и, вероятно, особый социальный статус погребенных.

Как уже говорилось выше, по глине сосуд сильно отличается от изделий местного, боспорского производства [Зеест 1966, 52]. Типологически сходные клейма с упоминанием личных имен трех-четырех человек и должности агораномов известны на стенках тонкостенных сосудов, найденных в Нимфее [Федосеев 2013, 27, 29, рис. 1. 3], Мирмекии [Гайдукевич 1959, 99, рис. 124], Пантикапее [Блаватский 1962, 60–61; Федосеев 2013, 27, 29, рис. 1. 1] и на территории Загородной усадьбы [Гайдукевич 1981, 64, рис. 7. 3]. Близость оттисков на сосудах (по-видимому, также ойнохоях-АК) и их изготовление в одном

¹⁶ В. Г. Черненко (ГИМ) отмечает сходство геммы с некоторыми изображениями Артемиды и Аполлона с колчаном и луком за спиной. В качестве гипотезы выскажем предположение, что это кольцо могло принадлежать агораному Аполлонию, упомянутому в клейме.

Рис. 15. Бусы и железные ножи

центре, «возможно, на Книде», отмечал Н. Ф. Федосеев [2013, 27]. Некоторые из этих находок были определены концом III – II вв. до н. э. [Гайдукевич 1981, 64] или II в. до н. э. [Гайдукевич 1959, 99].

К металлическим изделиям из катакомбы № 1 относятся железная игла (?), пять железных ножей (рис. 15) и шесть сильно коррозированных бронзовых монет.

Отдельно следует упомянуть стеклянные бусы: бусину в виде шестелепесткового цветка из зеленого стекла (рис. 15. 4), бисерину белого стекла, веретеновидную бусину синего стекла (рис. 15. 6), а также несколько скоплений разноцветных бус (рис. 15. 1–3, 5).

Следует также сказать о находках фрагментов дерева (2 шт.), ткани (1 шт.) и обуви (1 шт.).

Таким образом, погребальный инвентарь из катакомбы № 1 датируется временем с конца III по середину II в. до н. э. Захоронения производились несколько раз в течение этого периода.

Список литературы

- Блаватский В. Д. 1962. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 103, 6–85.
- Болтунова А. И., Книпович Т. Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. III, 3–31.
- Гайдукевич В. Ф. 1952. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 25, 135–222.
- Гайдукевич В. Ф. 1959. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. 1934–1956. (Советско-польские раскопки Мирекия. II). Варшава, 121.
- Гайдукевич В. Ф. 1981. Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л., 136.
- Гайдукевич В. Ф. 1987. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 178.
- Зеест И. Б. 1966. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы (САИ. Г 1–20). М., 152.
- Кобылина М. М. 1951. Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 году // МИА. 19, 241–249.
- Ковальчук А. В. 2019. Фанагорийские мерные сосуды // Вестник Танаиса. Вып. 5. Т. 1, 196–210.
- Коровина А. К. 1987. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965) // СГМИИ. 8, 71–109.
- Кругликова И. Т. 1957. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI – III вв. до н. э. // МИА. 56, 96–138.
- Левы Е. И. 1964. Керамический комплекс III–II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры // Ольвия. Теменос и агора. М.–Л., 225–280.
- Максимова М. И. 1979. Артюховский курган. Л., 151.

- Марченко И. Д. 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 57, 102–127.
- Соловьев С. Л. 2016. Отчет о раскопках на поселении Вышестеблиевская 16а. СПб // Архив ИА РАН. Р-1. № 72802–72810.
- Федосеев Н. Ф. 2013. Федосеев Н. Ф. К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре // БФ. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб, 25–33.
- Шкорпил В. В. 1914. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 56, 220–247
- Lang M., Crosby M. 1964. Athenian Weights, Measures, and Tokens (The Athenian Agora. X). Princeton, 136, 36 pls.
- Rotroff S. I. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, 575, 106 figs., 148 pls.
- Rotroff S. I. 2006. Hellenistic Pottery. The Plain Wares (The Athenian Agora. XXXIII). Princeton, 440, 98 figs., 90 pls.
- Sparkes B. A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, 382, 25 figs., 100 pls.
- Thompson H. A. 1934. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. 3, 4, 311–476.

Summary

A. V. Kovalchuk, S. L. Solovyev, E. R. Ustaeva

Finds from the catacomb No. 1 of the settlement «Vishesteblievskaya 16-a»

In 2016 during the archaeological excavation at the settlement «Vishesteblievskaya 16-a» Catacomb № 1 was explored, where skeletal remains of 10–13 adults and one child of 10 years were found. Alterations to the anatomic layout of the bones indicate that the burials were not done simultaneously. The analysis of grave goods (lekanai, unguentaria, amphoriskos, bowl, jugs, olpe) allows us to date the catacomb to the end of 3rd – beginning of the 2nd century BC.

А. А. Масленников

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Раскопки «башни» на горе Михалкина или несбывшиеся надежды¹

Всякий, проезжавший из Керчи в село Курортное или обратно и глядевший в сторону моря, не мог не обратить внимания на пологую, но весьма высокую возвышенность, господствующую над окружающим пространством². Её, в свою очередь, «венчал» приметный холм, который вполне можно было посчитать курганом с абсолютной высотной отметкой 131,5 (рис. 1). К северу от его вершины были заметны следы неглубокого окопа времени Великой Отечественной войны. А в 10–12 м к востоку – довольно старая грабительская яма (приблизительно 4×4 м и глубиной около 0,5 м), в которой торчали несколько камней и были встречены обломки керамики и керамид. Северо-восточный склон всего описываемого хребта очень протяжён и крут. По самой вершине его, в том числе по южной поле «кургана», в направлении северо-запад – юго-восток проходит грунтовая дорога. На ней вблизи холма встречаются немногочисленные окатанные обломки керамики, а среди них найден и фрагмент шлифованного орудия (?) из тёмно-серой твёрдой породы. Сам «курган» представлял собой овальный в плане, достаточно сильно (особенно в западной части) задернованный холм размером приблизительно 25×23 м и высотой около 1,2–1,3 м. Восточной его склон относительно пологий; западный – более крутой (рис. 2, 3). Отсюда открывается прекрасный вид как на участок морского побережья с мысом Зюк (на северо-западе), так и на ближние и дальние (до 10–15 км) окрестности к югу, востоку и западу, включая г. Керчь и гору Митридат. Да и саму эту вершины также «отовсюду видать». Что и говорить: ...помаши с мыса Зюк рукой или, что вернее, помигай огоньком или иным способом – и почти тут же сигнал «поймают» ... посредством рассматриваемой «точки» аж на горе Митридат! Впервые мы с моим старинным другом О. Д. Чевелёвым имели удовольствие убедиться в этом ещё где-то в начале 80-х годов прошлого века. И потом посещали это место неоднократно, всякий раз поражаясь выгодности его расположения,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта: «Начало противостояния Востока и Запада. Борьба Митридата VI с Римом и судьбы народов Таврики и Синдикы в позднем эллинизме...». Грант РФФ. № 23-18-00088.

² Расположена примерно в 3,5 км к северу от 4–5 километра дороги Войково – Курортное, в некотором удалении от берега Азовского моря, между упомянутым шоссе и так наз. Белой горой – частью урочища «Большой вал».

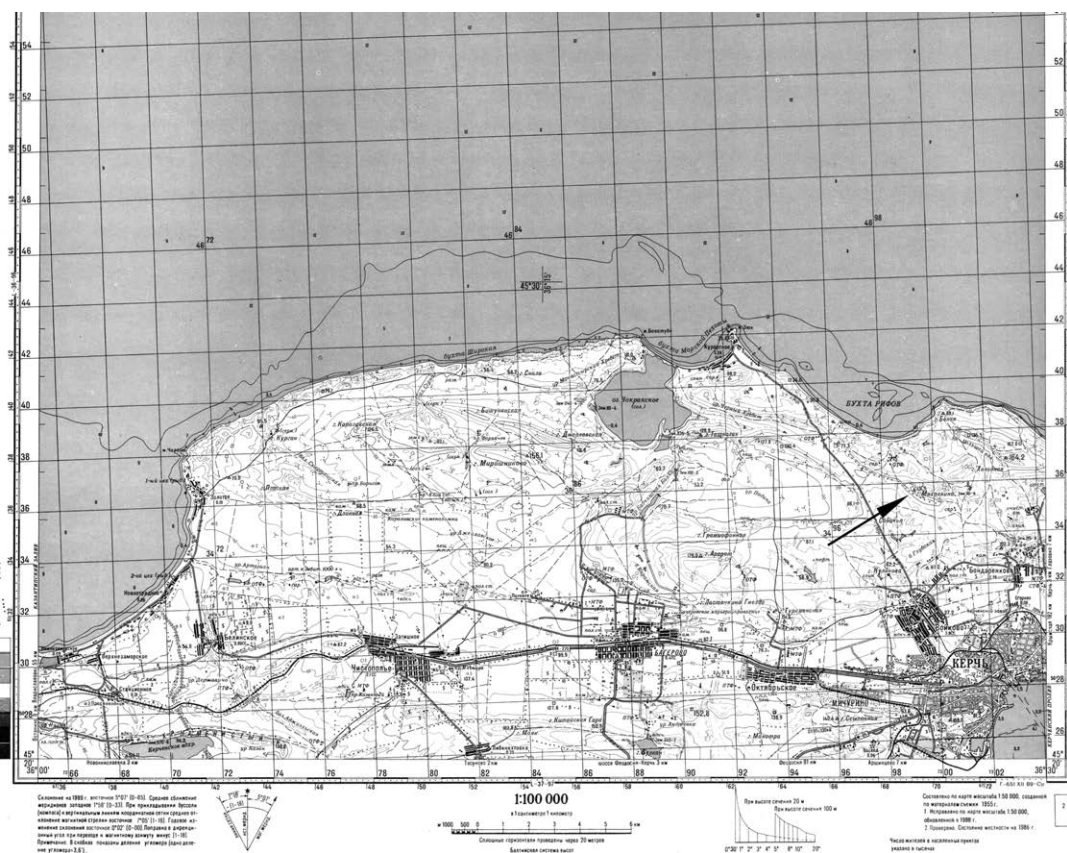

Рис. 1. Карта участка Керченского п-ова с г. Михалкина

многочисленным находкам обломков черепицы (что само по себе немалая редкость для пространств боспорской хоры) и ... строя планы будущих раскопок. Но, как известно, «человек предполагает, а Бог располагает». И увлечённый идеей защиты и реорганизации хоры Боспора в архонтство и царствование Асандра (47–17 гг. до н. э.) и полный надежд на открытие ещё одной сторожевой башни – помимо тех, что располагались близ Узунларского вала, – автор решился на соответствующие раскопки только в 2016 г.

Памятуя прежний полевой опыт, решено было отказаться от «курганной» методики работ, сразу разбив искомый холм на сетку обычных (5×5 м) квадратов. В итоге была исследована площадь пяти квадратов, расположенных как бы под прямым углом, которые перекрывали упомянутый «шурф» на востоке, не затронув, однако триангуляционного знака на вершине холма, но вплотную подойдя к дороге (рис. 2). Дневная поверхность повсеместно была относительно неровная³, в той или иной степени задернованная, с общим уклоном к востоку, юго-востоку и югу. Максимальный перепад высот от отметки на вершине холма составлял 1,22 м (на востоке), 0,75 м (на юге) и 1,08 м (на западе). Все работы на данной площади (125 м²) были доведены до материка – в основном плотно-

³ В кв. 3 и 4 есть неглубокие ложбинки совершенно заплывших окопов; про «шурф» в кв. 1 только что упоминалось.

Рис. 2. Вершина горы Михалкина. Начало раскопок. Вид с востока

го слоя коричневой глины с известняковой крошкой и крупным щебнем, залегавшего на глубине в среднем от 0,28 до 0,82 м и в целом повторявшего «рельеф» возвышения. Местами его прокопали на небольшую (до 0,1 м) глубину для «общего контроля». Культурный слой, как таковой, был слабо выражен и начинался непосредственно в подпочвенном горизонте. Именно отсюда происходит основная масса находок. Строительные остатки оказались крайне плохой сохранности (рис. 4–6). Судя по всему, они (камень) были фактически полностью разобраны ещё в древности и отчасти пострадали в годы Великой Отечественной войны. Стратиграфия культурно-содержавших напластований составляла в основном два слоя. Очень небольшое число находок происходило из дерново-гумусного горизонта (толщиной 0,06–0,09 м) и некоторое – из небольших прослоек (сплошной мелкий щебень, мелкая известняковая крошка), главным образом, в районе кв. 1–3. «Закрытых» или даже «условно закрытых» строительных комплексов и объектов (ям, помещений) не выявлено.

Итак, *слой I* (толщиной 0,1–0,2 м) практически везде на исследованной площади однороден (тёмно-серый, сухой, умеренно плотный грунт с включением мелких камней). В нём встречено довольно много керамических фрагментов и обломков керамид средней и сильной измельчённости и слабой заизвесткованности.

Слой II (однородный светло-серо-коричневый, сухой, умеренно плотный грунт с мелкими камнями и щебнем) также был прослежен повсеместно. Мощность слоя достигала 0,4 м.

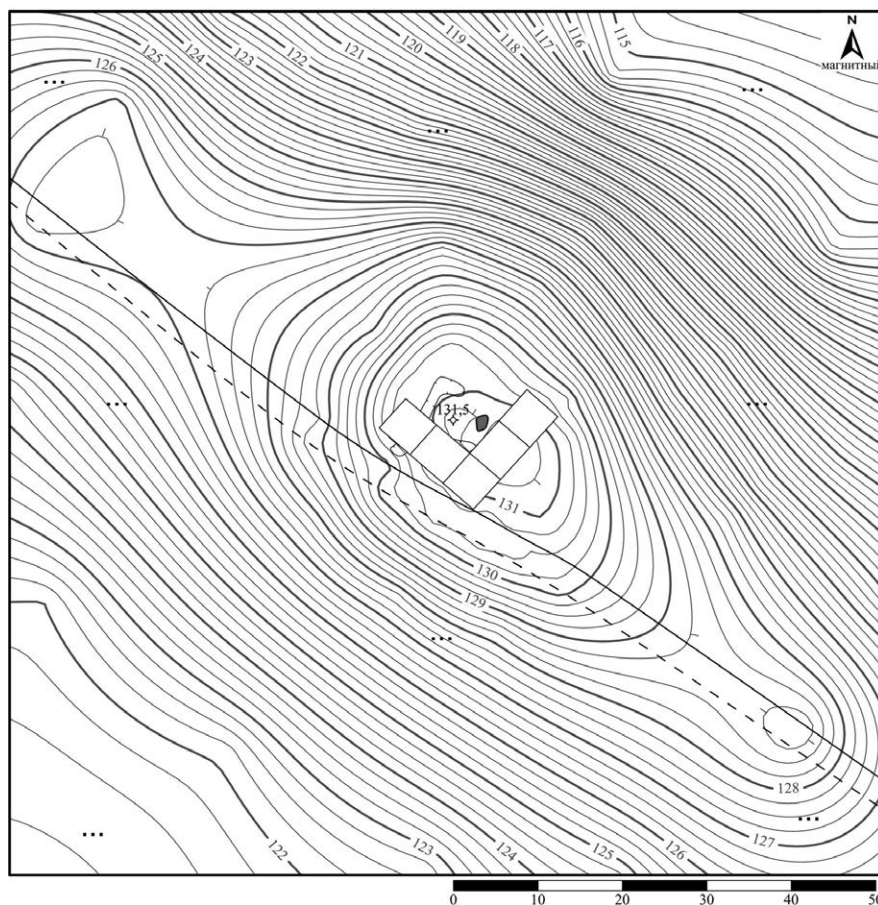

Рис. 3. Топоплан вершины горы Михалкина

Строительные остатки, как уже отмечено, крайне невыразительные и плохо-сохранившиеся. В сущности, это только участок *вымостки* в северо-восточной части кв. 2, примыкавшей (снаружи?) к некоей *стене* (№ 1), от которой тоже уцелело немного. Там же (в северо-западной части площади квадрата) были зафиксированы и участки *пола* какого-то помещения. Всё остальное, за исключением стоявшего, скорее всего *in situ*, явно обработанного подпрямоугольного известнякового *блока* (кв. 3) – развалы средних и мелких камней, возможно, – последствия разбора ещё в древности стен, некогда находившейся на холме постройки. Ни в одном из развалов не было встречено не только обработанных, но и мало-мальски крупных камней. Нет и следов пожаров в виде прослойки или хотя бы пятна соответствующего грунта.

Вымостка (рис. 4–6) занимала в общей сложности пространство 1,8×2,8 м и частью была разрушена поздней ямой-шурфом, а частью уходила в борт раскопа. Она сложена из большой (0,92×0,71×0,12–0,14 м) плиты и нескольких средних плоских камней, пространства между и рядом с которыми было до одного с ними горизонта заполнено грунтом и мелкими камнями. Поверхность *вымостки* (на глубине 0,22–0,34 м) вполне ровная,

Рис. 4. Остатки строений на раскопе. Вид с запада

близкая горизонтальной. Толщина ее – около 0,12–0,16 м. Камни лежали то очень плотно, то с заметным зазором.

Упомянутая *стена* (рис. 4–6), расположенная почти в центре кв. 2, представляла собой сохранившийся в длину (С–СЗ – Ю–ЮВ) на 1,05 м (по северо-восточному фасу) и всего 0,74–0,82 м (по противоположному), а в высоту – в один ряд (0,14–0,28 м) отрезок довольно аккуратной двухлицевой, двух-трёхслойной иррегулярной кладки из относительно плоских средних и мелких камней на растворе светло-коричневой глины. Ширина стены составляла 0,7–0,72 м. Скопления мелких камней по трассе этой стены подтверждают указанное направление. Верхние камни её лежали на глубине от 0,2 до 0,32 м. Основание – несколько ниже уровня примыкавшей вымостки. К северо-западу от стены, у соответствующего борта раскопа (кв. 2), приблизительно на уровне основания стены было расчищено два участка (1,22×1 м и 1,24×1,1 м) почти горизонтальной, очень плотной подсыпки (толщиной 0,07–0,08 м) из мелкой известняковой крошки светло-серо-розового цвета (*цемянковое покрытие, пол?*) (рис. 4, 6). Из грунта в районе стены, пола и вымостки (светло-коричневый, сухой, умеренно рыхлый с камнями и щебнем – **слой III**) также происходило некоторое количество находок.

Упомянутый *угловой камень in situ* в кв. 3 (рис. 5, 6) – это подпрямоугольный обработанный блок местного светло-серого известняка (верхняя поверхность в плане трапециевидная. Его размеры: 0,42×0,22×0,32 м) при высоте (поставлен «на попа») не менее 0,5 м (не выкапывался). У его основания – развал плотно лежавших необработанных средних и мелких камней. В принципе, ничто не мешает видеть в нём уцелевший ка-

Рис. 5. Остатки строений на раскопе. Вид с запада

мень цокольной кладки угла некоего здания. Поскольку его боковые (взаимоперпендикулярные) грани имели вполне определённое направление, можно предположить и трассы соответствующих, отходивших от него, стен. Та, что могла пойти на северо-восток, совмещается с вышеописанным участком стены в кв. 2. Продолжаясь далее, она могла образовывать угол с некоей несохранившейся (условно, северо-западной) стеной этой же постройки, от которой в кв. 1 была прослежена вероятная яма её выборки. Если это так, то, с учётом направления их обеих, длина всей «северо-восточной» стены была (снаружи) около 8 м. Трасса юго-западной стены предположительно должна была пройти от указанного углового камня через завал камней в северной части кв. 3, где отмечен и некий «маркер» в виде плотного слоя мелкого, светло-серо-розового щебня и известняковой крошки шириной также в 0,72 м. Аналогичный слой прослеживался и по соответствующим профилям бортов и бровок. Таким образом, длина предполагаемой стены здесь тоже была никак не меньше, а скорее всего больше, 8 м.

Итак, раскопки показали, что на этой, несомненно «командной» вершине в древности существовала некое строение. Судя по тому немногому, что удалось выяснить, оно было, по-видимому, довольно большим: никак не меньше 8×10-12 (?) м при ширине стен около 0,7-0,74 м. С востока, где теоретически мог располагаться вход, к нему примыкало некое вымощенное пространство. Назначение постройки как дозорно-сторожевой – очевидно, хотя ширина стен для солидного укрепления маловата. (Попутно напомним, что раскопанные не так давно четыре «стандартные» башни близ Узунларского вала имели размеры (плюс-минус) 10×12 м при толщине внешних стен всегда – несколько более метра.) Зато здание это было крыто черепицей, что для времени его существования, размеров и местоположения – необычно и примечательно.

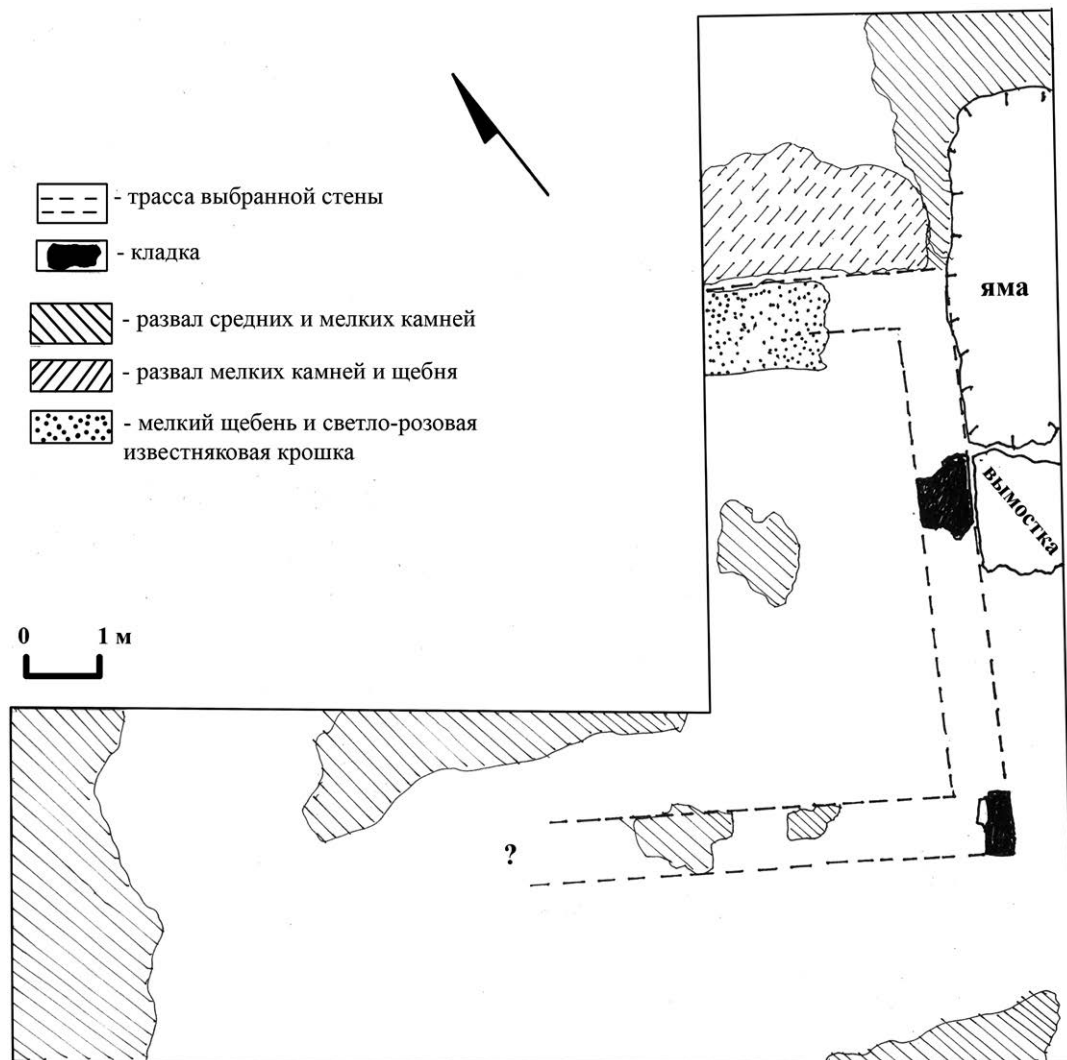

Рис. 6. План раскопа на вершине горы Михалкина

И если в отношении планировки и возможной реконструкции мы не располагаем иной информацией, то находки всё-таки оказались достаточно многочисленными и по-своему интересными. Это позволяет высказаться относительно хронологии данного объекта. Но вначале отметим определённую специфику находок. Во-первых, в нашем собрании совершенно отсутствуют монеты. И это при тщательности раскопок, да ещё с «участием» металлодетектора. На прочих башнях такие находки обязательно присутствовали. Не было на поверхности и явных следов деятельности «чернушников». Так что «... всё (было) украдено до нас» и уже давным-давно, при почти полной разборке здания. Отсюда и отсутствие не только сколь-либо ценных, но и вообще целых (и даже условно целых) вещей. Всё – керамический бой. И это вторая особенность рассматриваемого комплекса. Кости животных буквально единичны. И те – зубы мелкого рогатого скота. Четвёртая особенность – уже отмеченное обилие обломков керамид (больше

трёх сотен или 72% от всех находок, включённых в полевую опись, не считая, естественно, амфорных стенок). Ничего подобного при раскопках прочих башен Европейского Боспора даже «близко не наблюдалось». При этом представлены разноразмерные (в основном, конечно, средние и мелкие) фрагменты как соленов (238, в том числе – 26 «углов»), так и калиптеров (91, в том числе – 6 «углов»). Последние – исключительно желобчатые и почти исключительно (3 – синопской глины) светло-красной слоистой глины. Первые же – более разнообразны в этом отношении: синопская (традиционная), красная, «пёстрая», бежевая, тёмно-оранжевая глины разной степени слоистости, плотности и «примесности». Среди соленов встречались и крашенные. А вот клеймёных не найдено вовсе.

Прочие керамические находки (27% от попавших в полевую опись), распределялись между собой (т.е., как бы снова 100%) следующим образом: профильные фрагменты амфор – 48%; простая столовая и кухонная красноглиняная посуда (по большей части – кувшины) – 29%; красноглиняная, красно (буро) – лаковая (включая стенки) – 13%; лепная (миски, горшки, кастрюли, курильницы) – 8%; сероглиняная, тёмно-лощённая – 1,5% и толстостенная (пифосы, без стенок) – столько же⁴.

Простая (гончарная) посуда (рис. 9. 1, 5, 8, 9, 15, 17), пифосы (рис. 9. 11, 16) и лепная керамика (рис. 10. 4, 6–8, 10, 12) фактически ничего не дают нам в плане хронологии. Наличие только краснолаковой (рис. 9. 3–7, 10, 12–14; рис. 10. 1, 2, 5), а также сероглиняной «тёмнолощённой» (рис. 10. 3, 11) – уже лучше. Первая как бы «отмечает» всё относительно раннее. Вторая – уточняя, говорит (наряду с отсутствием т.н. мегарских чашек, причем даже их поздних, местных типов) о времени, никак не ранее третьей четверти I в. до н. э. [Масленников 2019, 143]. Среди краснолаковой (кувшины, миски, чашки, кубки) – три фрагмента глубокой красноглиняной миски с плавно загнутыми стенками и острым краем весьма широкой датировки. Край довольно крупного и относительно толстостенного светло-коричневоглиняного, тёмно-буролакового сосуда (скифос, кубок?) с частью фигурной ручки и графито в виде буквы В (или латинского R) (кубок, кружка?). Упомянем ещё край кружки. Соответствующие аналогии им (этим фрагментам) присутствуют в целом ряде комплексов, близких к рубежу эр (Полянка-святилище, усадьба Хрисалиска, Кутлакская крепость). Наиболее примечательный в этой же связи – край с частью ручки (два обломка) миски (чаши) хорошо известного типа: с высоким почти вертикальным остроконечным «бортиком», к которому горизонтально крепились (на уровне устья) две почти круглые в сечении двояко-изогнутые ручки (рис. 10. 2). Глина плотная, светло-красная, лак красный густой и блестящий. Из многочисленных публикаций сошлёмся на самые последние (из отечественных авторов), где такого рода изделия датируются I в. до – ранним I в. н. э. (Lomtadze, Zhuravlev 2020, 549; Журавлёв, Ломтадзе 2022, 70–74, рис. 6, 7), а по археологическому «контексту» – ещё уже: последняя четверть I в. до н. э. Кажется, нам приходилось уже писать, что внешним признаком относительно поздней серии таких чаш является «глухое» крепление ручек на уровне, отмеченном выше. Горизонтально расположенные, «сквозные» и ниже-посаженные

⁴ Всё это без учёта стенок амфор и почти всех иных сосудов, что, естественно, делает все вышеприведённые подсчёты не вполне корректными.

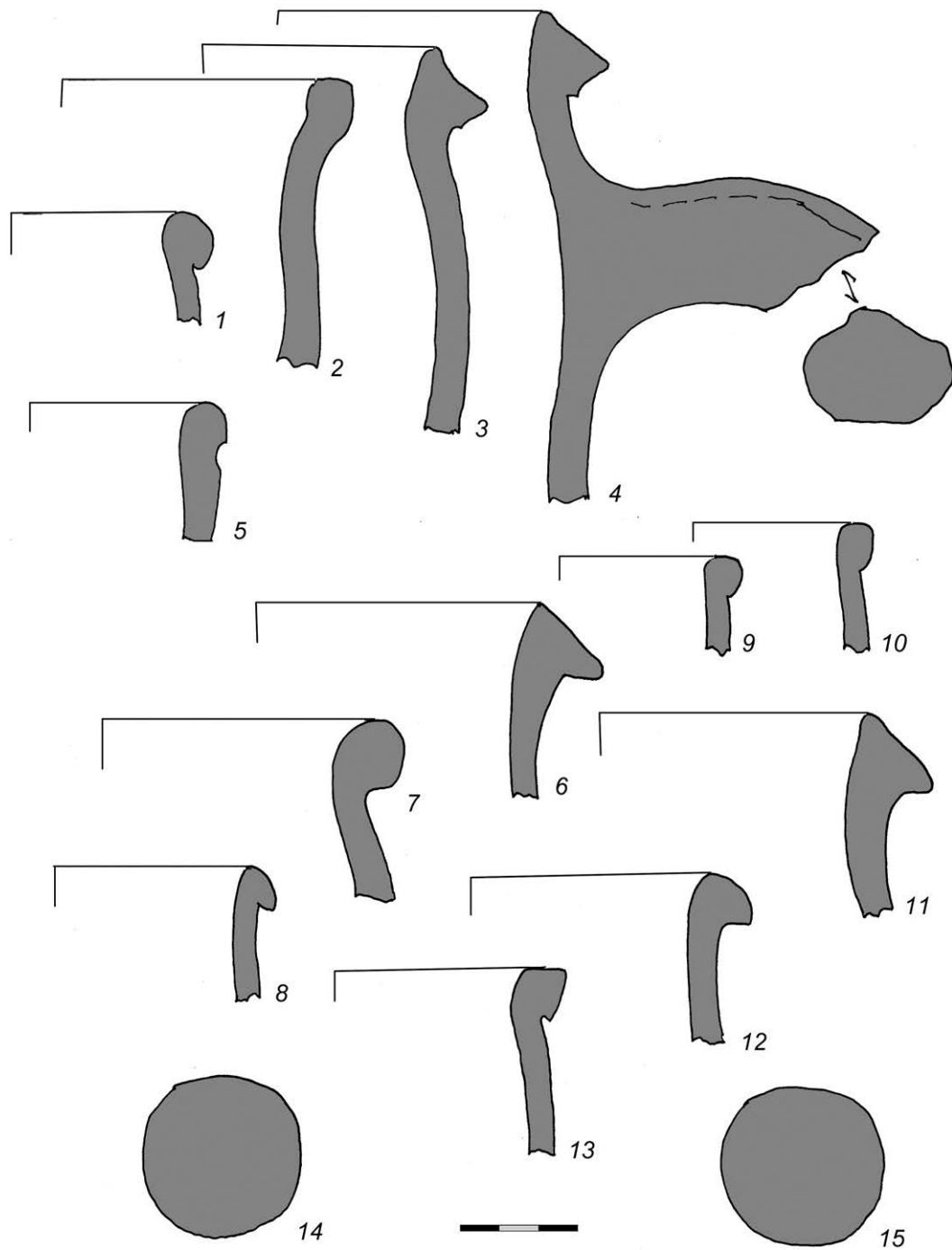

Рис. 7. Находки из раскопа

ручки – напротив, признак более ранних (вторая половина II – первая четверть I вв. до н. э.) изделий [Rotroff 1997, nos. 1577–1579].

Однако определить с датировкой памятника на основании только вышеизложенного сложно. Остаётся уповать на амфорную тару. Но и тут не всё так ясно, как хотелось бы. Прежде всего, потому, что весь соответствующий, достаточно ограниченный набор обломков в целом даже зримо отличается от того, что мы в массе своей имеем на хронологически близких памятниках того же региона («Полянка», башни у Узунларского вала). Так, в нём не представлены собственно светлоглиняные узкогорлые амфоры. Зато присутствуют характерные профилированные (в основном с одной бороздой и двумя валиками) ручки различных оттенков бежевой, красной, оранжевой и коричневой глин, а также некоторые венчики относительно широкогорлых амфор с простым округлым валиком (рис. 7, 8). Но они, скорее, относятся либо к т.н. позднегераклейским амфорам [Внуков 2016, рис. 1. 1–3], либо, по большей части (светлоглиняные) – к «раннеримским» по времени (типы С I–III по С.Ю. Внукову: середина/последняя четверть I в. до – первая четверть I в. н. э. [Внуков 2006, 168, рис. 10; 2016, 38, рис. 1. 4; 2. 1–4]) также гераклейским изделиям. Разделить последние – на подтипы IIIa и IIIb в нашем случае не представляется возможным. Вместе с тем, описанная профилировка ручек как будто более соответствует именно узкогорлым амфорам конца I – начала II вв. н. э. (?) [Внуков 2016, рис. 3]. Обломков же горловин и венчиков именно узкогорлых амфор, подчеркнём ещё раз, нет вовсе. Единственная ножка (вытянутая, на довольно узком поддоне) светлоглиняной (узкогорлой ли?) амфоры, которая вряд ли могла стоять устойчиво, – возможно, «отражение» типа C IVB только что указанного времени [Внуков 2006, рис. 10; 2016, 41, рис. 3. 7–12]⁵.

С двустольными ручками, как будто бы всё более или менее ясно. Да их и есть-то всего две (рис. 8. 15, 16). Обе светло-бежевой рыхлой глины с чёрными включениями и различаются лишь «толщиной». Изгиб их плавный. Может быть, от соответствующих амфор происходят и некоторые из упомянутых выше подовальных, аналогичных по глине венчиков. А вот «желудиевидных» ножек ... увы, в нашем собрании нет. Зато есть конусовидная, тонкая, из светло-коричневой, рыхлой глины с мелкими черными включениями (рис. 9. 9). Амфоры с такими ножками (т.н. поздне-косские – типа: С I и Син. III по С.Ю. Внукову), как известно, «визитная карточка» второй половины I в. до н. э. – первой четверти следующего веков (условно: 63 г. до н. э. – 20/25 г. н. э.) [Внуков 2003, 36–46, 53–54, 143–147; 2006, рис. 10; 2013, 21, 24, 31, 46–47]. Но их – подчеркнём – очень мало.

Есть ещё пара массивных (диаметром более 4 см), круглых в сечении ручек светло-розовой и светло-красной, умеренно рыхлой глины с включением мелкого кварцевого песка (рис. 7. 14, 15). Возможно, они от т.н. псевдо-родосских амфор (тип С II), которые с рубежа эр уже не производились [Внуков 2003, 96; 2006, 169, рис. 10; 2013, 24, рис. 3Г]. Не исключено, что «компанию» им составляла пара небольших обломков горловин амфор с выраженным, клювовидным венчиком (рис. 7. 6, 11) примерно таких же глин. Впрочем, они как будто бы внешне (иная глина) похожи на венчики амфор типа Син. IV по С.Ю. Внукову [2003. 150, рис. 61. 2]. Среди прочих фрагментов есть два-три

⁵ Читатель не мог во всем только что написанном не усмотреть некоей противоречивости. Но, что делать: источник наш такой, по большей части фрагментарный и «неочевидный»...

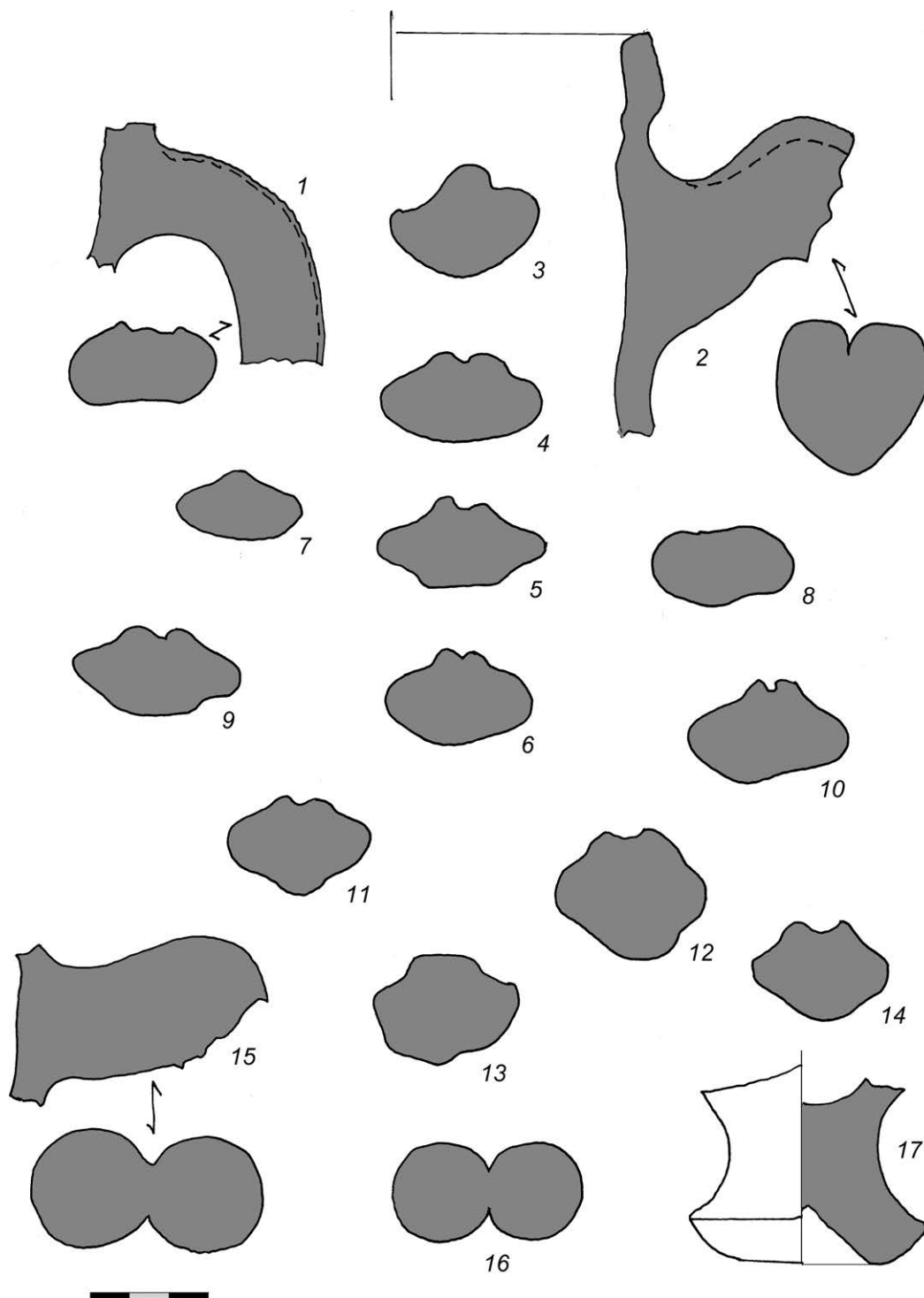

Рис. 8. Находки из раскопа

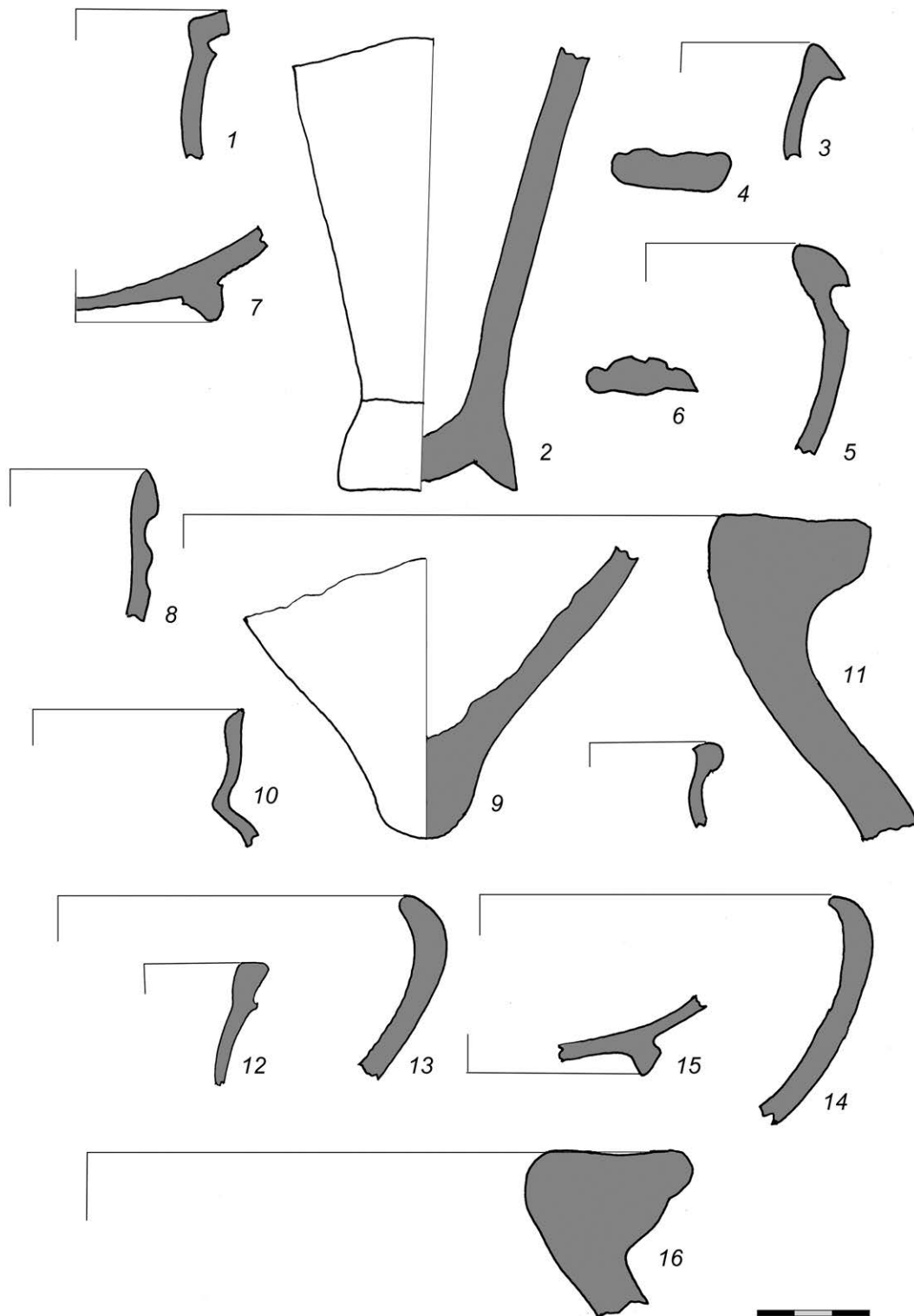

Рис. 9. Находки из раскопа

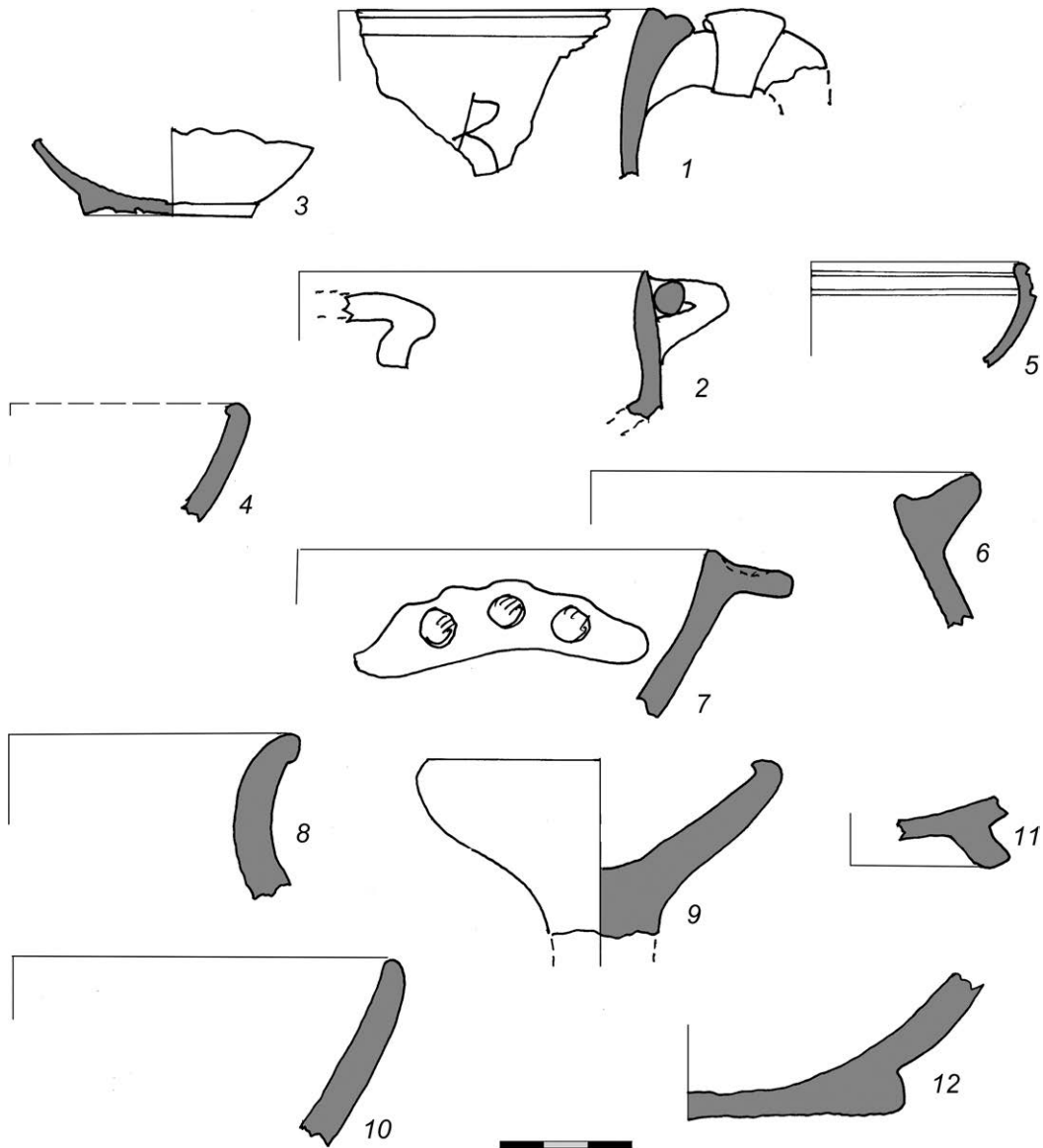

Рис. 10. Находки из раскопа

венчика, морфология которых соотносится с типами и Син. I, и Син. II, и Син. III [Внуков 2003, 131, рис. 51; 136, рис. 53; 144, рис. 58]. Но это уже очень широкая датировка (I в. до – начало II в. н. э.) [Внуков 2006, 169, рис. 10]. В этой же связи упомянем фрагмент горла с частью ручки широкогорлой амфоры ярко-красной рыхлой глины с мелкими известняковыми включениями. Венчик массивный треугольный (с острым краем) и заметной «подсечкой» внизу. Ручка также массивная, слабопрофилированная (рис. 7. 3, 4). На что похожа? Вроде бы на Син. II [Внуков 2003, 136, рис. 53, 4а и 55]. Тогда – датировка совсем поздняя [Внуков 2006, 169, рис. 10]. Но, опять-таки ж, глина...

А вот профилировка другого амфорного венчика (тёмно-красная умеренно рыхлая глина с включением коричневого шамота (?)) (рис. 7. 2) более всего походит на один из вариантов (Кх в 1 Б) коричневоглиняных (колхидских) амфор (Кх. I по С. Ю. Внукову – 2003, 176, рис. 70. 3, 4). Датировка их также весьма широкая: вплоть до конца II в. н. э. [Внуков 2003, 160–173, рис. 10]. Да и глина нашей всё-таки не собственно колхидская.

Если до сих пор всё было, что называется, ну, хоть как-то, то паре других амфорных фрагментов мы не смогли подыскать никаких аналогий. Это часть горла (венчик подпрямоугольный, слегка изогнутый) с массивной сердцевидной в сечении ручкой (рис. 8. 2); глина тёмно-красно-коричневая, плотная с мелким песком. А ещё – овальная в сечении ручка с широкой, но мелкой выемкой сверху (рис. 8. 1), также из плотной красно-коричневой глины с мелким кварцевым песком и шамотом.

Итак, что же мы имеем? Нижняя дата как будто укладывается почти в середину I в. до н. э. (эпоха Асандра). Верхняя – весьма расплывчата (I в. н. э., вероятно, даже его конец или начало II в.). Впрочем, тогда «показательно-необъяснимо» отмеченное отсутствие узкогорлой светлоглиняной амфорной тары, а равно и явное противоречие относительно ранней датировки, по сути дела, единого набора краснолаковой посуды и части амфор. (Конечно, «век» относительно качественной столовой посуды по определению длиннее нежели тары, но не на столетие же!) В любом случае, в рассматриваемом амфорном комплексе очевидно наличие центров, типов и форм, которых совершенно нет среди соответствующих находок на сельских памятниках, где жизнь точно прекращается в середине последней четверти I в. до н. э. Если, конечно, наши поиски и аналогии верны.

Так или иначе, но данный пункт был не просто оставлен, но «вскорости» разобран до основания. Много, много позже этот холм пострадал в боях 1943–1944 гг. Не исключено, что на этом месте (а оно и к тому располагало) всему вышеописанному предшествовал некий курган, совершенно разрушенный строительством «башни». (Вспомним о находках фрагмента каменного орудия и кремнёвых отщепов, а также ножки амфоры (рис. 8. 17) никак не позднее первой половины IV в. до н. э.)

Таким образом, хотя холм был раскопан не полностью, полученные результаты в плане сохранности строений почти не позволяют надеяться на большее, и последующие работы здесь вряд ли пока целесообразны. Думается, однако, что в любом случае этот объект открывает собой серию (автор знает о существовании, по крайней мере, ещё нескольких) аналогичных объектов, которые являлись сигнально-сторожевыми пунктами вне линий полевых погранично-оборонительных сооружений (валов). Скорее всего, они помимо топографии и локализации (на древних дорогах) имели и свои конструктивные особенности, и свои исторические «судьбы».

Возвращаясь же к названию данной заметки, не могу не сказать, что труд землекопов был затрачен тут немалый, и, несмотря на чувство разочарования, знакомое наверняка всякому долго-практикующему полевику, мы постарались «вытянуть» из этого памятника максимум информации. Да и Господь, который, как известно, всё видит, не мог ни заметить нашего усердия и уже через год вознаградил прекрасным во всех отношениях объектом – очередной башней на Узунларском валу [Масленников 2018, 141–169].

Список литературы

- Внуков С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Морфология. М., 236.
- Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (Петрография, хронология, проблемы торговли). СПб, 320.
- Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17, 21–54.
- Внуков С. Ю. 2016. Ещё раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2, 36–47.
- Журавлёв Д. В., Ломтадзе Г. А. 2022. Столовая посуда и светильники из Резиденции Хрисалиска // ДБ. 27, 59–100.
- Масленников А. А. 2018. Ещё одна башня у Узунларского вала // ДБ. 22, 141–169.
- Масленников. А. А. 2019. Сероглиняная керамика с тёмнолаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму // РА. 4, 134–143.
- Lomtadze G., Zhuravlev D. 2020. Fine Ware from the House of Chrysaliskos (Taman Peninsula, Black Sea Region) // EXPLORING THE NEIGHBORHOOD. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Proceedings of the 3rd Conference of IARPotHP. Kaštela, June 2017, 1st – 4th. Wien, 533–554.
- Rotroff S. I. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton: Pt. I, XXXVIII+575; Pt. 2, VIII+ 148 pls.

Summary

A. A. Maslennikov

Excavations of the “tower” on Mount Mikhalkin or unfulfilled hopes

Excavations on one of the most conspicuous hills in the northeastern part of the Kerch Peninsula confirmed the presence of a small monument of ancient times here, unfortunately, almost completely destroyed in ancient times. Apparently, it was a watchtower, a signal tower or even a fort built under the Bosphoran ruler Asandra at the beginning of the second half of the 1st century BC. Judging by the rather numerous, albeit uninformative finds (fragments of tiles, amphora containers, to a lesser extent – simple and red-lacquer dishes), this object, the layout and dimensions of which could not be identified, lasted until the end of the 1st century AD and, perhaps, a little longer.

А. В. Сазанов
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Керамические комплексы начала - третьей четверти V в. поселения «Ильич-1»

Поселение Ильич 1, ставшее широко известным благодаря комплексам ранне-византийского времени, имеет достаточно сложную стратиграфию. Исследования на участке I, проведенные экспедицией Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН в 2015–2016 гг. (А. В. Бонин)¹ позволили выстроить стратиграфическую колонку от второй половины II в. н. э. до второй половины IX в. Она включает слои и объекты второй половины II – первой половины III вв. (слой III.2), середины – второй половины III в. н. э. (слой III.3), начала – третьей четверти IV в. (слой II.1), середины/второй половины IV – начала V в. (слой II.2), начала – третьей четверти V в. (слой II.3), последней четверти V – третьей четверти VI вв. (слой II.4), середины – второй половины IX в. (слой I.2). Комплексы слоя III, а также слоев II.1 и II.2 рассмотрены в отдельной работе². Предлагаемая статья посвящена исключительно комплексам слоя II.3, датирующегося началом – третьей четвертью V в. н. э.

Основанием для выделения этого горизонта являлось стратиграфическое положение и хронология происходящих из него датирующих находок.

Слой II.3 перекрывал комплексы слоя II.2, датирующиеся второй половиной IV – началом V вв., и, в свою очередь, перекрывался комплексами слоя II.4, относящимися к последней четверти V – третьей четверти VI вв.

Датирующие находки в контекстах рассматриваемого слоя II.3 приведены на следующей таблице.

Датирующие находки представлены фрагментами амфор типов: C Snp I, C Snp II-1, Böttger III.1, Böttger II.4, LRA 1 A, C IV E, LR 4 C 2, Зеест 96/97 и краснолаковой посуды форм: PRSW 1, PRSW 3, LRC 1 D/2, LRC 3 B, LRC 3 B/C, LRC 3 C, LRC 8. С точки зрения хронологии выделяются три группы, отражающие этапы цикла каждого из этих типов

¹ Предварительную информацию об этих раскопках см. [Бонин 2017; 2018]. Представления автора раскопок о хронологии слоев с краткой характеристикой материала, включая сводную таблицу с рисунками основных типов амфор даны в работах: Бонин 2017; Бонин 2017а.

² Статья А. В. Сазанова «Поселение Ильич I: методика анализа массового материала и проблемы хронологии комплексов II–IV вв. н. э.» с изложенной выше хронологией сдана в печать в журнал «Проблемы истории, филологии, культуры».

Таблица 1. Слой II. 3. Датирующие находки комплексов

		Ильич 1-2015/16. Слой II.3.						
Комплексы	Типы	Яма	Развал	Комплекс	Яма	Слой	Слой	Слой в
		(объект 16)	амфоры (объект 75)	объектов 90 и 191	(объект 149)	в кв. 32	в кв. 43	прирезке 3
Амфоры	C Snp I							
	C Snp II-1							
	Böttger III.1							
	Böttger II.4							
	LRA 1 A							
	C IV E							
	LR 4 C 2							
	Зеест 96/97							
Краснолаковая посуда	PRSW 1							
	PRSW 3							
	LRC 1 D/2							
	LRC 3 B							
	LRC 3 B/C							
	LRC 3 C							
	LRC 8							

в начале-третьей четверти V в.: время начала производства, время бытования сосудов, время выхода из обращения. Начнем с последней, третьей группы, отражающей присутствие сосудов, завершающих свой цикл. Её образуют амфоры C Snp I, Зеест 96/97, C IV E, краснолаковые миски PRSW 1, PRSW 3. Вторая группа – сосуды, бытование которых приходится на начало-третью четверть V в. Её составляют амфоры C Snp II-1, Böttger III.1, Böttger II.4, LRA 1 A, краснолаковые миски LRC 1 D/2, LRC 3 B, LRC 3 B/C, LRC 3 C. Первая группа представлена амфорами LR 4 C 2 и краснолаковой формой LRC 8, только входящих в употребление.

Характерными комплексами рассматриваемого слоя начала-третьей четверти V в. являются: яма–объект 16, развал амфоры (объект 75), комплекс объектов 90 и 191, яма–объект 149, слой в кв. 32, слой в кв. 43, слой в прирезке 3. Рассмотрим эти комплексы подробно.

Яма–объект 16. Небольшая хозяйственная яма с округлой горловиной диаметром 0,57 м., чашевидная в разрезе была заполнена однородной, серо-коричневой супесью с включением фрагментов древесного угля (рис. 1). В заполнении были обнаружены следующие категории находок.

Таблица 2. Распределение заполнения ямы-объекта 16 по категориям находок

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Керамические изделия (включая строительные материалы)	9	7	9	29	54	84,4
2	Кости животных					10	15,6
	Всего	97	7	9	29	64	100
Ильич-I-2016		Яма–объект 16					

Фрагменты керамических изделий, распределяются по функциональным группам следующим образом.

Таблица 3. Распределение керамики заполнения ямы-объекта 16 по функциональным группам

	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)+ горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Пифосы				2	2	3,7
2	Амфоры				12	12	22,2
3	Краснолаковая посуда (рис. 2. 4–6)	1		2		3	5,6
4	Круговая лощеная посуда	1				1	1,9
5	Круговая столовая посуда (рис. 2. 1–3)	2	1	1		4	7,4
6	Кухонная посуда (рис. 2. 8–22)	4	6	6	15	31	57,4
7	Неопределенные (рис. 2. 7)	1				1	1,9
	Всего	9	7	9	29	54	100,0
Ильич-1-2016		Яма-объект 16					

Спецификой комплекса является абсолютное преобладание фрагментов кухонной посуды (57,4 %).

Таблица 4. Соотношение круговой и лепной посуды заполнения ямы-объекта 16

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Круговая посуда		5	1	3		9	77,5 %
		1.1.Краснолаковая посуда (рис. 2. 4–6)	1		2		3	
		1.2.Круговая лощеная посуда	1				1	
		1.3.Круговая столовая посуда (рис. 2. 1–3)	2	1	1		4	
		1.4.Неопределенные	1				1	
2	Лепная посуда		4	6	6	15	31	22,5 %
	Всего		9	7	9	15	40	
Ильич-1-2016		Яма-объект 16						

Соотношение лепной и круговой посуды еще показательнее: 77,5 % против 22,5 %.

Таблица 5. Распределение фрагментов амфор по типам из заполнения ямы-объекта 16

	Тип	Стенки	Всего	%
1	LRA 2	2	2	16,7
2	Неопределенных красноглиняных амфор	3	3	25
3	Неопределенных светлоглиняных амфор	7	7	58,3
	Всего	12	12	100
Ильич-I-2016		Яма-объект 16		

Датированные находки керамики – 6 фрагментов из 54 (9,3%) из них две стенки амфор LRA 2, имеющие широкую датировку, не могут расцениваться как датирующие [Pieri 2005, 85–93].

Датирующие находки составили 3 фрагмента из 54 (5,6%).

Таблица 6. Распределение краснолаковой керамики по типам из заполнения ямы-объекта 16

	Тип	Венчики (края)	Донья	Всего	%
1	PRSW 1 (рис. 2. 6)		1	1	33,3
2	LRC 3 В (рис. 2. 4, 5)	1	1	2	66,7
	Всего	1	2	3	100
Ильич-I-2016		Яма-объект 16			

К ним относятся венчик и фрагмент поддона краснолаковых мисок LRC 3 В, а также фрагмент поддона миски PRSW 1.

Венчик краснолаковой миски LRC 3 В находит аналогии в контекстах Афинской агоры середины и третьей четверти V в., слоя периода С Ятруса первой половины V в., слоя II Деметриады середины V в., контекста Beu 0063761 Бейрута третьей четверти V в., но содержащего монеты, датирующиеся AD 404–406 (рис. 2. 4) [Hayes 2008, fig. 38. 1257, 1260; Böttger 1982, taf. 36. 419, 424; taf. 37. 423; Eiwanger 1981, taf. 6. 62, 63; Reynolds 2011, fig. 2. 21]. Фрагмент поддона сосуда этой же формы аналогичен встреченным в контекстах первой половины и третьей четверти V в. (рис. 2. 5) [Hayes 2008, fig. 38. 1255, 1259; Reynolds 2011, fig. 2. 25].

Поддон краснолаковой миски относится к форме PRSW 1, датирующейся первой трети IV–началу/первым десятилетиям V в. (рис. 2. 6) [Arsen'eva, Domzalski 2002, fig. 6. 16; Сазанов 2012, 135–138; Нессель 2003, рис. 2. 6].

Эти датирующиеся материалы вместе взятые позволяют отнести время формирования заполнения ямы к первой половине – третьей четверти V в.

В центральной части кв. 32 был выявлен развал красноглиняной амфоры (**объект 75**) типа II. 4 по типологии Б. Бетгера амфор Ятруса 1991 г., датирующейся первой половиной V в. с дипинто в виде меноры (рис. 3) [Böttger 1991, taf. 47. 689, 690]. Такие дипинты имели распространение в Северном Причерноморье [Могаричев 2003, 294, 295, рис. 3; Могаричев 2009; Голофаст 2021].

Комплекс объектов 90 и 191 представляет собой канавообразное углубление, длиной 8 м., шириной от 0,68 до 1,65 м. (**объект 90**), оканчивающееся хозяйственной ямой (**объект 191**) (рис. 4). В разрезе углубление имеет подцилиндрическую форму с ровным дном, западная его стенка выше. Отмечен перепад высот по дну «канавы» с севера (+175) на юг (+110). Глубина её не превысила 0,1 м. «Канавка» была заполнена серо-коричневой супесью, в которой был найден рассматриваемый материал.

Таблица 7. Распределение заполнения объекта 90 по категориям находок

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Керамические изделия (включая строительные материалы)	4	4	3	53	64	80
2	Изделия из металла					2	2,5
3	Кости животных					14	17,5
	Всего	4	4	3	53	80	100
Ильич-1-2015		«Канавка»-объект 90					

Распределение по категориям материала обычное: абсолютно преобладают фрагменты керамических изделий, далее идут кости животных и два фрагмента свинцовых отливок

Распределение керамики по функциональным группам также обычное: на первом месте стоят фрагменты амфор, далее – кухонной посуды.

Таблица 8. Распределение керамики заполнения объекта 90 по функциональным группам

	Функциональная группа	Венчики (края, бортики) +горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Строительная керамика				1	1	1,6
2	Пифосы				1	1	1,6
3	Амфоры (рис. 5. 1, 5-7)	1	3	2	37	43	67,2
4	Краснолаковая посуда (рис. 5. 2-4)	2		1	2	5	7,8
5	Круговая столовая посуда				4	4	6,3
6	Кухонная посуда (рис. 5. 8, 9)	1	1		8	10	15,6
	Всего	4	4	3	53	64	100
Ильич-1-2015		«Канавка»-объект 90					

Лепная и круговая керамика представлены примерно в равных количествах.

Таблица 9. Соотношение лепной и круговой посуды (исключая амфоры) засыпи «канавки»-объекта 90

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Круговая посуда		2		1	6	9	47
		1.1. Краснолаковая посуда (рис. 5. 2-4)	2		1	2		
		1.2. Круговая столовая посуда				4		
2	Лепная посуда		1	1		8	10	52
	Всего		3	1	1	14	19	100
Ильич-I-2015		«Канавка»-объект 90						

Датированные находки. Датированные находки составляют 11,1% от общего количества фрагментов керамики. Они относятся к следующим хронологическим группам.

Таблица 10. Соотношение датированных находок заполнения объекта 90 по хронологическим группам

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Всего	%
II-I вв. до н. э. (рис. 5. 7)		1		1	12,5
Кон. II- первая половина IV в. н. э. (рис. 5. 5, 6)	1	1		2	25
Начало-третья четверть V в. (рис. 5. 1-4)	2	1	2	5	62,5
Всего	3	3	2	8	100
Ильич-I-2015		«Канавка»-объект 90			

«Примесь снизу». Примесь раннего материала составляет 37,5%. Он представлен ручкой косской амфоры типа V В по С.Ю. Монахову, относящейся к концу II – первой трети I в. до н. э. (рис. 5. 7) [Монахов 2014, 214, рис. 12. 56, 57]. Концом II – первой половиной IV в. датируются венчик и ручка амфор типа Зеест 72-73 (рис. 5. 5, 6) [Зеест 1960, табл. XXX. 72 а, 73 д; Алексеева 1997, табл. 120. 4, 6; Крапивина 1993, 97, рис. 30. 1, 3; Науменко 2012, 71, рис. 11. 3; Сазанов 2012а, рис. 1. 1-4, 9].

Датирующие находки. Находки, датирующие комплекс представлены фрагментами амфор и краснолаковой посуды.

Соотношение типов амфор следующее.

Таблица 11. Соотношение датирующих амфор из заполнения объекта 90 по типам

	Тип	Венчики	Ручки	Донья	Всего	%
1	LRA 1 A (рис. 5. 1)		1		1	50
2	C IV «Е»			1	1	50
	Всего	1	2	1	4	100,00%
Ильич-I-2015		«Канавка»-объект 90				

Ручка светлоглиняной амфоры LRA 1 A имеет аналогии в контекстах Бейрута 410 г., Малаки конца IV–первой половины V в., Ятруса второй половины IV – начала V и первой половины V в., Танаиса второй половины IV – первой половины V в., что позволяет датировать ее в пределах первой половины V в. (рис. 5. 1) [Reynolds 2005, fig. 31; Reynolds 2010, fig. 4e; Exposito, Bernal 2007, fig. 5. 9; Böttger 1982, taf. 22, 144, 255, 266; Арсеньева, Науменко 1995, рис. 2. 6; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 43. 2].

Ножка узкогорлой светлоглиняной амфоры C IV E относится ко второй четверти IV – началу V в. [Сазанов 2011, 325; Сазанов 2012б, 130–133].

Датирующая краснолаковая керамика по одному фрагменту представлена формами PRSW 1, LRC 1 D/2, LRC 3 C.

Таблица 12. Соотношение датирующих фрагментов краснолаковой посуды и амфор из заполнения объекта 90 по типам.

	Тип	Венчики+горла	Поддоны	Стенки	Всего	%
1	PRSW 1 (рис. 5. 4)		1		1	20
2	LRC 1 D/2 (рис. 5. 2)	1			1	20
3	LRC 3 C (рис. 5. 3)	1			1	20
	Всего	2	1	2	5	100 %
Ильич-1-2015		«Канавка»-объект 90				

Краснолаковые миски PRSW 1 относятся к первой трети IV – началу /первым десятилетиям V в.³ (рис. 5. 4) [Arsen'eva, Domzalski 2002, fig. 6. 16–18; Сазанов 2019, 236, рис. 2. 1–3; Веймарн 1963, рис. 13. 7, 11; Айбабин 1996, рис. 9. 1; Юрочкин, Зубарев 2001, рис. 1. 19]. Венчик миски LRC 1 D/2 датируется AD 380/400–460/475 (рис. 5. 2) [Arsen'eva, Domzalski 2002, 431, fig. 15; Böttger 1991, taf. 50. 712]. Венчик краснолаковой миски типа LRC 3 C, относящегося ко второй четверти V – началу VI в. имеет аналогии в контекстах Афин третьей четверти V в., Ятруса первой половины V в., Бейрута третьей четверти V в. (рис. 5. 3) [Hayes 2008, fig. 39. 1272; Böttger 1991, taf. 50. 710; Reynolds 2011, fig. 2. 24; Сазанов 2019, 235].

Как мы видим, датирующие материалы позволяют относить единовременную засыпь «канавки»-объекта 90 к первой половине – третьей четверти V в.

Яма-объект 191, которой завершалась «канавка» – объект 90, в разрезе имела чашевидную форму; её глубина составила 0,6 м. Заполнение представлено светло-серой золистой супесью с включением обломков раковин мидий, костей и фрагментов керамики при преобладании последних.

³ Отметим, что в последней работе К. Домжалский относит верхнюю границу типа к концу V – началу VI вв. (тип 1 В) и выделяет промежуточный тип 1 А/В рубежа IV/V – третьей четверти V вв., что, на наш взгляд, требует более весомой аргументации, как впрочем, и само типологическое разделение с хронологическими выкладками см. [Domzalski 2021, 58]. В принципе полезная работа К. Домжалского страдает выборочным использованием историографии (в ряде важных случаев используются старые работы, выводы которых пересмотрены авторами в последнее десятилетие), легковесными хронологическими построениями (одним предложением без ссылок автор перечеркивает хронологию Ятруса и, соответственно крепостей Днестро-Дунайского междуречья), отсутствием анализа контекстов с краснолаковыми сосудами.

Таблица 13. Распределение заполнения ямы-объекта 191 по категориям находок

	Категория	Ручки	Стенки	Всего	%
1	Керамические изделия	1	16	17	89,47
2	Кости животных			2	10,53
	Всего	1	16	19	100,00%

Распределение фрагментов керамики по функциональным группам обычное.

Таблица 14. Распределение керамики заполнения ямы-объекта 191 по функциональным группам

	Функциональная группа	Венчики (края)+горла	Ручки	Стенки	Всего	%
1	Пифосы (рис. 5. 12)	1			1	4,35
2	Амфоры (рис. 5. 13)		1	16	17	73,91
3	Столовая посуда			1	1	4,35
4	Кухонная посуда (рис. 5. 14)	1		3	4	17,39
	Всего	2	1	20	23	100,00

Единственная датированная находка – ручка синопской амфоры Син I в, относящаяся ко II в. до н. э. – I в. н. э. и являющаяся «примесью снизу» (рис. 5. 13) [Внуков 2003, рис. 51. 5]. Большая часть стенок принадлежит неопределенным красноглиняным амфорам.

Таблица 15. Распределение амфор из заполнения ямы-объекта 191 по типам /группам

	Тип	Ручки	Стенки	Всего	%
1	Син I в	1		1	5,88
2	Неопределенных красноглиняных амфор		12	12	70,59
3	Неопределенных светлоглиняных амфор		4	4	23,53
	Всего	1	16	17	100

Состав керамического комплекса ямы не дает оснований для ее датировки. Однако, она являлась частью «канавки» – объекта 90, что дает основание для отнесения времени её засыпки к первой половине – третьей четверти V в.

Яма-объект 149. Заполнение чашевидной в разрезе канавообразной ямы бурового цвета со следами пожара (большое количество фракций древесного угля, керамической крошки и местами прокала) фиксировалось на отметках +283, +280. Её выявленный размер составил 4×1 м. Максимальная мощность заполнения (и глубина ямы) отмечена в северной части объекта и составила около 0,6 м (рис. 6).

Абсолютно преобладали фрагменты керамических изделий. Кости животных составляли 9,6% комплекса.

**Таблица 16. Распределение заполнения ямы-объекта 149
по категориям находок**

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Полный профиль	Светильники	Пробка керамическая	Терракота	Всего	%
1	Керамические изделия (включая строительные материалы)	25	8	25	404	9	4	1	1	477	89,7
2	Изделия из стекла				1					1	0,2
3	Изделия из камня									2	0,4
4	Изделия из металла									1	0,2
5	Кости животных									51	9,6
	Всего	25	8	25	405	9	4	1	1	532	100
Ильич-I-2015		Яма-объект 149									

Преобладали фрагменты амфор, составлявшие 37,9 % комплекса.

**Таблица 17. Распределение керамики из заполнения ямы-объекта 149
по функциональным группам**

	Функциональная группа	Венчики (края)	Ручки	Ножки	Стенки	Полный профиль	Всего	%			
1	Строительная керамика				42		42	8,8			
2	Пифосы				7		7	1,5			
3	Амфоры (рис. 7. 1-4)	2	1	1	177		181	37,9			
4	Краснолаковая посуда (рис. 7. 5-7)	2		2	2		6	1,3			
5	Лощеная посуда (рис. 7. 10, 11)	1			1		2	0,4			
6	Круговая столовая посуда (рис. 7. 8, 9, 12)	1	1	2	107	1	112	23,5			
7	Кухонная посуда (рис. 8. 2-17, 9)	19	6	20	68	8	121	25,4			
8	Светильники лепные (рис. 10. 1-4)	2				2	4	0,8			
9	Пробка керамическая						1	0,2			
10	Терракота						1	0,2			
	Всего	27	8	25	404	11	477	100			
Ильич-I-2015		Яма-объект 149									

Круговая и лепная посуда представлены примерно одинаково.

Таблица 18. Соотношение круговой и лепной посуды заполнения ямы-объекта 149

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Полный профиль	Всего	%
1	Круговая посуда		6	2	5	113	1	127	52,7
		1.1. Краснолаковая посуда (рис. 7. 5-7)	2		2	2			
		1.2. Круговая лощеная посуда (рис. 7. 10, 11)	1			1			
		1.3. Круговая столовая посуда (рис. 7. 8. 9. 12, 8. 1)	1	1	2	107	1		
		1.4. Круговая кухонная посуда (рис. 8. 2)	2	1	1	3			
2	Лепная посуда		17	5	19	65	8	114	47,3
	Всего		23	7	24	178	9	241	100
Ильич-I-2015		Яма-объект 149							

Датированные находки. Поддаются датировке 8 фрагментов из 478, что составляет 1,7%. Они относятся к следующим хронологическим группам.

Таблица 19. Распределение датированных фрагментов из заполнения ямы-объекта 149 по хронологическим группам

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Монета	Всего	%
I в. н. э. (рис. 7. 7)			1		1	12,5
Начало-третья четверть IV в. (рис. 7. 3, 4)		1	1	1	3	37,5
Начало-третья четверть V в. (рис. 7. 1, 2, 5, 6)	4				4	50
Всего	4	1	2	1	8	100
Ильич-I-2015		Яма-объект 149				

«Примесь снизу» составили ножка и ручка амфор C IV F, донце краснолаковой миски Pontica sigillata 5 и монета Фофорса.

Узкогорлые светлоглиняные амфоры C IV F датируются началом – третьей четвертью IV в. [Внуков 2016, 43, рис. 1. 14; Сазанов 2011, 325; Сазанов 2012, 125–129]. Аналогии ручке амфоры встречены в контекстах первой четверти IV в. и второй – третьей четвертей этого столетия (рис. 7. 3) [Сазанов 2012, рис. 3. 5, 15; Зайцев 1997, рис. 64; Кропотов 1998, рис. 2. 2; Храпунов 2002, рис. 70. 12; Юрочкин, Труфанов 2003, рис. 5. 59]. Аналогии ножке также происходят из контекстов первой четверти и середины – третьей четверти IV в.

(рис. 7. 4) [Сазанов 2012, рис. 3. 24; Юрочкин, Труфанов 2003, рис. 4. 57; 5. 59; Зубарев 2000, 186, рис. 10; Магомедов 1991, рис. 18; Власов, Смокотина, Храпунов 2011, рис. 16. 4, 9; Иванова 2011, рис. 8. 3; 9. 1–3; 10, 2]. Донце краснолаковой миски можно отнести к форме 5 Pontic sigillata по Дж. Хейсу, датирующейся I в. н. э. (рис. 7. 7) [Hayes 1985, taf. XXIII. 5]. Монета Фофорса относится к чекану 302/303 гг. [Фролова 1997, табл. LXXIX. 15].

Датирующие находки. Самыми поздними датирующими время образования комплекса находками являются фрагменты амфор C Snp I, Böttger III.1 и краснолаковых мисок PRSW 1, LRC 3 B/C (рис. 7. 1, 2, 5, 6).

Аналогичные венчику амфоры Böttger III.1 встречены на сосудах из контекстов конца IV – первой половины V вв. (рис. 7. 1) [Арсеньева, Науменко 1995, рис. 2. 9; Böttger 1982, Abb. 26. 316, 321, 322]. Венчик амфоры C Snp I может быть отнесен к типу I.2 d, известному на амфорах из контекстов конца IV – первой трети V в. (рис. 7. 2) [Сазанов 2022, рис. 16. 2; 19].

Таблица 20. Распределение фрагментов датирующих амфор по типам из заполнения ямы-объекта 149

	Амфоры	Венчики	Всего	%
1	C Snp I (рис. 7. 2)	1	1	50
2	Böttger III.1 (рис. 7. 1)	1	1	50
	Всего	2	2	100
Ильич-I-2015		Яма-объект 149		

Венчик краснолаковой миски формы PRSW 1, имеющей общую датировку в пределах первой трети IV – начала/первых десятилетий V в. находит параллели на сосудах из контекстов этого периода (рис. 7. 6) [Arsen'eva, Domzalski 2002, fig. 5. 2, 10; Сазанов 2019, 236, рис. 2. 1; Сазанов 2012, 135–138, рис. 1. 6; Нессель 2003, рис. 2. 2]. Другой венчик краснолаковой миски может быть отнесен к форме LRC 3 B/C и датируется первой половиной – третьей четвертью V в. по аналогиям из датированных контекстов (рис. 7. 5) [Böttger 1982, taf. 36. 425; Böttger 1991, taf. 50. 710; Hayes 2008, pl. 38. 1257; 61. 1267; Reynolds 2011, fig. 3. 41].

Таблица 20. Распределение фрагментов датирующей краснолаковой керамики по типам из заполнения ямы-объекта 149

	Тип	Венчики (края)	Всего	%
1	PRSW 1 (рис. 7. 6)	1	1	50
2	LRC 3 B/C (рис. 7. 5)	1	1	50
	Всего	2	2	100
Ильич-I-2015		Яма-объект 149		

Данные датирующие материалы позволяют отнести время засыпи ямы к началу – третьей четверти V в.

Слой в кв. 32 содержал следующие категории находок.

Таблица 21. Распределение находок слоя II.3 в кв. 32 по категориям

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Полный профиль	Пряслице	Светильник	Всего	%
1	Керамические изделия (включая строительные материалы)	20	38	17	367	1	1	2	446	56,6
2	Кости животных								339	43
3	Изделия из металла								3	0,4
	Всего	20	38	17	367	1	1	2	788	100
Ильич-I-2015		Кв. 32. Слой II.3								

Отметим большое количество костей животных, составляющих 43% от всех находок.

Фрагменты керамических изделий, распределяются по функциональным группам следующим образом.

Таблица 22. Распределение находок керамики слоя II.3 в кв. 32 по функциональным группам

	Функциональная группа	Венчики (края, бортики) +горла	Ручки	Донья	Стенки	Полный профиль	Всего	%		
1	Строительная керамика				8		8	1,8		
2	Архитектурная керамика (рис. 12. 1-3)	3					3	0,7		
3	Пифосы (рис. 14. 1, 2)	1		1	18		20	4,5		
4	Амфоры (рис. 11. 1-3, 8-10, 12, 4-8, 13)	4	30	4	286		324	72,6		
5	Краснолаковая посуда (рис. 11. 4-7, 13. 12)	1		4	4		9	2,0		
6	Круговая лощеная посуда (рис. 14. 3)					1	1	0,2		
7	Круговая столовая посуда (рис. 14. 4-16)	5	5	1	28		39	8,7		
8	Кухонная посуда (рис. 14. 17-19, рис. 15. 1-8, 16, 1)	6	3	7	23		39	8,7		
9	Пряслице (рис. 16. 3)					1	1	0,2		
10	Светильник (рис. 15. 9, рис. 16. 2)					2	2	0,4		
	Всего	20	38	17	367	4	446	100		
Ильич-I-2015		Кв. 32. Слой II.3								

Как обычно преобладают амфоры, составляющие почти 73% керамического комплекса. Столовая и кухонная посуда представлены в равных количествах.

Круговая посуда преобладает над лепной, хотя разница в процентах не такая большая.

Таблица 23. Соотношение круговой и лепной посуды слоя II.3 в кв. 32

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики	Ручки	Донья	Стенки	Полный	Всего	%
			(края, бортики)				профиль		
1	Круговая посуда		5	3	10	32	1	51	56,7
		1.1. Краснолаковая посуда (рис. 11. 4-7, 13, 12)	1		4	4		9	
		1.2. Круговая лощеная посуда (рис. 14. 3)					1	1	
		1.3. Круговая столовая посуда (рис. 14. 4-16)	4	3	3	28		38	
		1.4. Круговая кухонная посуда (рис. 14. 17-19)			3			3	
2	Лепная посуда		5	3	5	23	3	39	43,3
	Всего		10	6	15	55	4	90	100
Ильич-1-2015			Кв. 32. Слой II.3						

Датированные находки представлены 45 единицами из 449, что составляет 9%.

Они распределяются следующим образом.

Таблица 24. Соотношение датированных находок слоя II.3 в кв. 32 по хронологическим группам

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Монета	Всего	%
V в. до н. э. (рис. 13. 14)			1		1	2,2
III-II вв. до н. э. (рис. 13. 13)		1		1	2	4,4
Конец I-первая половина II в. (рис. 13. 8-12)	2	2	3		7	15,6
Вторая половина II-III вв. н. э. (рис. 12. 2-8, 13, 1-7)	7	17	1		25	55,6
Начало-третья четверть IV в. (рис. 11. 8-10)		3			3	6,7
Конец IV- третья четверть V в. (рис. 11. 1-7)	1	3	3		7	15,6
Всего	10	26	8	1	45	100
Ильич-1-2015			Кв. 32. Слой II.3			

«Примесь снизу» составившая 84,4% представлена хронологическими группами от V в. до н. э. до третьей четверти IV в. К первой трети V в. до н. э. относится ножка лесбосской амфоры типа I-E по С. Ю. Монахову (рис. 13. 14) [Монахов 2003, рис. 28. 1]. Группа III-II вв. до н. э. представлена ручкой родосской амфоры и медной фанагорийской монетой, перечеканенной из типа: Анохин 1986, 169 (рис. 13. 13) [Зеест 1960, табл. XXIII. 49 б, в; Анохин 1986, 147]. Группу конца I – первой половины II в. н. э. составляют фрагменты плоскодонных красноглиняных амфор С IV С 1, С IV С 2, С IV В 2, поддон краснолаковой миски формы 7 Pontic sigillata A (рис. 13. 8–12) [Гугуев, Науменко 2021, 539, рис. 4. 3; Науменко 2012, 67, рис. 5. 4; Арсеньева, Науменко 1992, 165, рис. 60. 6; Внуков 2016, рис. 3. 9–11; 4, 5; Журавлев 2010, табл. 21. 139]. Наиболее многочисленна группа второй половины II–III в. н. э., включающая фрагменты керамид, красноглиняных амфор Зеест 73, Зеест 75, Зеест 77, Зеест 80, Зеест 84 а, Зеест 86 б, Зеест 83–89, коричневоглиняных Кх I С 2 (рис. 12. 2–8, 13, 1–7) [Зеест 1960, табл. XXX. 73 а, б; XXXI. 75 а, б; XXXII. 77; XXXIV. 83; XXXV. 84 а, 85; XXXVI. 86 а, б; 89; Крапивина 1993, 97, 99, 100, рис. 29. 40–44; 30. 18–20, 22, 26, 30; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 15; Арсеньева, Науменко 1993, 66, рис. 8. 2; Алексеева 1997, табл. 94. 3; 106. 21; 112. 12; 119. 1, 2; 120. 3; 145. 8; 149. 2, 3; 150. 9; 162; 166. 12, 16; 223. 3; 225. 23; Алексеева 2008, рис. 5. 2; Голофаст 2010, рис. 14. 16; 15. 6, 8; 23. 21, 22; 26. 1–4, 7; 27. 1, 4, 9; Клемина 2004, рис. 3. 3; Внуков 2012, рис. 6]. Три ручки амфор С IV F датируются началом – третьей четвертью IV в. (рис. 11. 8–10) [Сазанов 2011, 325; Внуков 2016, 43; Кропотов 1998, рис. 1. 3; 2. 6; Кузищин, Иванчик 1998, рис. 4; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, рис. 9. 7; Веймарн 1963, рис. 15. 14; 20. 2; Лысенко, Юрочкин 2004, рис. 10. 4].

Датирующие находки составили 15,6% от датированных. Они представлены единичными фрагментами амфор LRA 1 А, С Snr I-1, С IV Е, краснолаковыми сосудами PRSW 1, PRSW 3 и LRC 8 (рис. 11).

Таблица 25. Распределение фрагментов датирующих амфор слоя II.3 в кв. 32 по типам

	Тип	Ручки	Всего	%
1	LRA 1 А (рис. 11. 1)	1	1	33,3
2	С Snr I-1 (рис. 11. 2)	1	1	33,3
3	С IV Е (рис. 11. 3)	1	1	33,3
	Всего	3	3	100
	Ильич-I-2015	Кв. 32. Слой II.3		

Параллели ручке амфоры LRA 1 А происходят из контекстов первой половины – третьей четверти V в. (рис. 11. 1) [Vasiliou, Tsigarida 2014, fig. 5. 2; Murcia, Vizcaíno, García Lorca, Ramallo 2005, fig. 9. 8; Carreras, Berni 2005, fig. 5; De Mitri 2005, fig. 6. 1; Reynolds 2005, fig. 31; Böttger 1982, taf. 22. 273; Raynaud 1991, fig. 2. 9; Pieri 1998, fig. 82. 9; Pieri 2005, fig. 19. 20; Remola 2000, fig. 78. 7; 79. 3; Orait 1984, pl. XIII. 4; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 41. 1].

Ручка С Snr I-1 относится к первой четверти IV – началу V в. (рис. 11. 2) [Сазанов 2022, 127, рис. 5. 1, 6. 2, 7. 2 b, 19, тип 2 а]. Ручка узкогорлой светлоглиняной амфоры С IV Е имеет параллели на сосудах из контекстов второй четверти IV – начала V в. (рис. 11. 3) [Науменко 2019, рис. 4. 6, 9; Сазанов 2011, 326; Сазанов 2012, 131–133, рис. 1. 1; Сазанов А. В. 1993, рис. 7; Внуков 2016, 43, рис. 1. 16].

Таблица 26. Распределение датированной краснолаковой керамики слоя II.3 в кв. 32 по типам

	Тип	Венчики (края)	Донья	Всего	%
1	PRSW 1 (рис. 11. 4)		1	1	25
2	PRSW 3 (рис. 11. 5, 6)		2	2	50
3	LRC 8 (рис. 11. 7)	1		1	25
	Всего	1	3	4	
Ильич-I-2015		Кв. 32. Слой II.3			

Краснолаковые миски PRSW 1 датируются первой третью IV – первыми десятилетиями V в. (рис. 11. 4) [Arsen'eva, Domzalski 2002, fig. 6. 16; Сазанов 2012, 135–138, рис. 1. 6]. Краснолаковые миски PRSW 3 с характерным орнаментом на дне относятся к последней трети IV – середине V в. (рис. 11. 5, 6) [Arsen'eva, Domzalski 2002, fig. 9. 285; 10. 294; 12. 509, 511; Сазанов 2012, 139, 140, рис. 1. 7]. Наконец, ключевой для датировки слоя находкой является венчик краснолаковой миски LRC 8, датирующийся третьей четвертью V в. (рис. 11. 7) [Hayes 2008, 244, fig. 41. 1315–1318; Смокотина 2014, 107, рис. 33. 3.141 (09.305.93)].

Таким образом, анализ датированных находок слоя II.3 в кв. 32 позволяет относить время его формирования к началу – третьей четверти V в.

Слой в кв. 43 содержал следующие категории находок.

Таблица 27. Распределение материалов слоя II.3 квадрата 43 по категориям находок

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Полный профиль	Светильники	Грузила керамические	Крышки	Всего	%
1	Керамические изделия (включая строительные материалы)	33	41	32	458	2	1	1		567	90,6
2	Изделия из стекла (рис. 17. 8)	1								1	0,2
3	Изделия из камня								1	1	0,2
4	Кости животных									57	9,1
	Всего	34	41	32	458	2	1	1	1	626	100
Ильич-I-2015		Кв. 43. Слой II.3									

Абсолютно преобладали керамические изделия, кости животных составляли всего 9%. Изделия из стекла и камня единичны.

Фрагменты керамических изделий, распределяются по функциональным группам следующим образом.

Таблица 28. Распределение керамики из слоя II.3 квадрата 43 по функциональным группам

	Функциональная группа	Венчики (края)	Ручки	Ножки (донья)	Стенки	Полный профиль	Всего	%
1	Пифосы (рис. 18. 1-4, 21. 1)	4		4	72		80	14,1
2	Амфоры (рис. 17. 1-6, 9-13, 18. 5-15, 19, 20. 11, 12, 14, 15, 17)	11	33	5	346		395	69,7
3	Краснолаковая посуда (рис. 17. 7, 20. 1-7, 13)	4		6	3		13	2,3
4	Чернолаковая посуда (рис. 20. 16)	1					1	0,2
5	Лощеная посуда (рис. 21. 3, 4)				2		2	0,4
6	Круговая столовая посуда (рис. 17. 14, 15, 20. 8-10, 21. 2, 5-14)	9	7	8	18		42	7,4
7	Хозяйственная посуда (лутерии) (рис. 20. 18)			1			1	0,2
8	Кухонная посуда (рис. 22)	4	1	8	17	1	31	5,5
9	Светильники лепные					1	1	0,2
10	Грузила керамические (рис. 23. 3, 4)						1	0,2
	Всего	33	41	32	458	2	567	100
	Ильич-I-2015	Кв. 43. Слой II.3						

Статистика показывает обычное абсолютное преобладание амфорных фрагментов (почти 70%), далее следуют пифосы (14,1%), круговая столовая посуда (7,4%), кухонная (5,5%) и краснолаковая (2,3%). Остальные функциональные группы представлены единичными находками.

Таблица 29. Соотношение круговой и лепной посуды из слоя II.3 квадрата 43

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Полный профиль	Всего	%
1	Круговая посуда		14	7	18	23		62	69,7
		1.1. Краснолаковая посуда (рис. 17. 7, 20. 1-7, 13)	4		6	3		13	
		1.2. Круговая лощеная посуда (рис. 21. 3, 4)				2		2	
		1.3. Круговая столовая посуда (рис. 21. 5-14)	9	7	8	18		42	
		1.4. Круговая кухонная посуда (рис. 22. 1-3)	1		4			5	
2	Лепная посуда (рис. 22. 4-9, 23. 1, 2)		3	1	5	17	1	27	30,3
	Всего		17	8	23	40	1	89	100
	Ильич-I-2015	Кв. 43. Слой II.3							

Фрагментов круговой посуды в два раза больше, чем лепной. Отметим среди находок фрагмент лепной миски с крестом на дне (рис. 23. 1).

Датированные находки представлены 57 единицами из 626, что составляет 9,1%.

Они распределяются следующим образом.

Таблица 30. Распределение датированных фрагментов из слоя II.3 квадрата 43 по хронологическим группам

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики, горла)	Ручки	Донья	Всего	%
III-I вв. до н. э. (рис. 20. 16, 17)	1	1		2	3,5
Последняя четверть I в. н. э. (рис. 20. 11-15)	2	3	1	9	10,5
II-III вв. н. э. (рис. 18, 19, 20. 1-10)	7	10	9	26	45,7
II-IV вв. н. э. (рис. 17. 12-14)	2	5		7	12,3
Начало-третья четверть IV в. (рис. 17. 9-11)		4		4	7
Первая четверть IV – первая половина V вв. (рис. 17. 6)	1	2		3	5,3
Начало – третья четверть V в. (рис. 17. 1-5, 7, 8)	2	7		9	15,8
Всего	15	32	10	57	100
Ильич-1-2015	Кв. 43. Слой II.3				

«Примесь снизу» составившая 82, 5% представлена хронологическими группами от III в. до н. э. до третьей четверти IV в. К III-I вв. до н. э. относятся ручка родосской амфоры типа Зеест 50/Монахов I-E-1/2 и край чернолакового рыбного блюда (рис. 20. 16, 17) [Зеест 1960, табл. XXIV. 50 б; Монахов 2003, 122, табл. 81. 5; 82. 3; 83. 1-6; Егорова 2014, 180, рис. 5. 2]. По всей видимости, последней третью/четвертью I в. н. э. датируются фрагменты амфор Сии II, С IV А 2, С 1 б и донце краснолакового кувшина Pontic sigillata формы 2.1 (рис. 20. 11-15) [Внуков 2003, 202, рис. 12. 2; 49. 10; 53. 3б, 55; Внуков 2016, рис. 3. 1; Журавлев 2010, рис. 40. 306]. Наиболее представительная группа II-III вв., составляющая почти половину датированной керамики. Она включает амфоры типов Зеест 69, 75-77, 80, 83-85, Зеест 86, 89, Алексева 152, 10, плоскодонные типа Науменко 5, 4, Крапивина 21, С IV С, С IV D, Каритан II, краснолаковые миски Pontic sigillata А форм 4.1, 4.2, 5, 30.3, краснолаковый кувшин Pontic sigillata форма 21 (рис. 18. 5-16, 19, 20. 1-7) [Зеест 1960, табл. XXXII. 76 в; 77, XXXII. 79; XXXIII. 80 б; XXXIV. 83; XXXV. 84 б; XXXVI. 89; Алексева 1997, табл. 89. 8 а; 94. 17, 18; 145. 8, 11; 149. 2; 150. 1, 9; 152. 10; 166; 157. 5, 12, 15; 171. 6; 224. 3; 225. 13, 23; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 15. 39; Крапивина 1993, 99, 100, рис. 30. 5, 18; 31. 8-11; Науменко 2012, 72, рис. 6. 7; 13. 6; Бураков 1976, рис. 4. 1, 2; Radulescu 1976, 104, pl. IV]. К этому же времени мы относим некоторые фрагменты пифосов, кувшинов и круговой столовой посуды (рис. 18. 1-4, 20. 8-10) [Алексева 1997, табл. 120. 7, 18; 125. 13; 131. 31; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 71. 3; 103; Голофаст 2010, 93, рис. 16. 3]. Суммарно II – первой третью/половиной IV в. датируются фрагменты кувшинов с «гофрированными ручками», амфор Зеест 75; концом II – первой третью IV в. – фрагменты амфор Зеест 72 (рис. 17. 12-15) [Голофаст 2010, 93, рис. 16. 3-8, 28. 18; 29. 17-19; Зеест 1960, табл. XXX. 72 б,

75; *Арсеньева, Науменко* 1992, рис. 19. 25; 47. 2; *Крапивина* 1993, 97, 99, рис. 30. 1–3, 26; *Сазанов* 2012а, рис. 1. 1, 9, 10; *Алексеева* 1997, табл. 127. 2; 223. 3; *Арсеньева, Науменко* 1993, 66, рис. 8. 2; *Зубарев* 2000, рис. 9. 30; 10; *Юрочкин, Зубарев* 2001, рис. 1. 3, 5, 14–16]. К началу – третьей четверти IV в. относятся фрагменты амфор C IV F (рис. 17. 9–11) [*Внуков* 2016, 43; *Сазанов* 2011, 325; *Сазанов* 2012, 126–129, рис. 1. 3; 3. 5; *Кропотов* 1998, рис. 1. 3, 4; 2. 2, 4, 6; *Веймарн* 1963, рис. 15. 12; *Магомедов* 1991, рис. 17. 3; 18. 10; *Юрочкин, Труфанов* 2003, рис. 5. 59].

Датирующие находки составили 17,5% от датированных (рис. 17. 1–8). Они представлены фрагментами амфор LRA 1 A, C Snr I-1, C IV E, Зеест 96/97, краснолаковыми сосудами LRC 3 B и краем стеклянного стакана с обрезанным краем и округлыми стенками.

Таблица 31. Распределение фрагментов датирующих амфор по типам из слоя II.3 квадрата 43

	Амфоры	Венчики	Ручки	Всего	%
1	LRA 1 A (рис. 17. 1, 2)		6	6	60
2	C IV E (рис. 17. 3)		1	1	10
3	C Snr I-2 (рис. 17. 6)	1		1	10
4	Зеест 96-97 (рис. 17. 4, 5)		2	2	20
	Всего	1	9	10	100
Ильич-I-2015		Кв. 43. Слой II.3			

Преобладали фрагменты амфор LRA 1 A. Аналогии ручкам этих сосудов происходят из контекстов первой половины – третьей четверти V в. (рис. 17. 1, 2) [*Арсеньева, Науменко* 2001, рис. 43. 2; *Арсеньева, Науменко* 1995, рис. 2. 6; *Науменко* 2019, рис. 5. 1, 3; *Vasilioi, Tsigarida* 2014, fig. 8. 29; *Demesticha* 2013, 172, fig. 2; *Pieri* 1998, fig. 82. 10, 11; 199. 290; *Böttger* 1982, taf. 22. 137, 145, 256; *Böttger* 1991, taf. 47. 686; *Remolà* 2000, fig. 77. 3; 78. 10; 79. 3, 13; *Expósito, Bernal* 2007, fig. 5. 9, 10; *Reynolds* 2010, fig. 4e; *Degrassi, Gaddi, Mandruzzato, Scotti* 2010, fig. 5. 16; *Whitehouse, Costantini, Guidobaldi, Passi, Pensabene, Pratt, Reece, Reese* 1985, fig. 14. 32; *Haxhimihali* 1998, fig. 136. 233].

Ручка амфоры C IV E датируется второй четвертью IV – началом/серединой V в. (рис. 17. 3) [*Сазанов* 2012, 129–133, рис. 3. 1, 14; *Сазанов* 2011, 326; *Внуков* 2016, 43; *Науменко* 2019, рис. 4. 6]. Венчик амфоры C Snr I-2 относится к концу первой четверти IV – первой трети V в. (рис. 17. 6) [*Сазанов* 2022, 134, 136, рис. 22. 1 b; 23]. Ручки амфор Зеест 96/97, имеющих общую датировку от IV до третьей четверти VI вв., также могут быть отнесены к датирующим. Параллели встречены в контекстах середины V – второй четверти VI в. (рис. 17. 4, 5) [*Зеест* 1960, табл. XXXVIII. 97; *Сазанов* 2012, 133–135; *Сазанов* 2000, 225, рис. 6. 1; *Сазанов, Иващенко* 1989, рис. 10. 6].

Дата стеклянного стакана с обрезанным краем и округлыми стенками приходится на первую половину V в. (рис. 17. 8) [*Голофаст* 2001, 123, рис. 81. 1].

Наконец, важнейшая датирующая находка – венчик краснолаковой миски LRC 3 B, датирующейся третьей четвертью V в. (рис. 17. 7) [*Hayes* 2008, 239, fig. 38. 1258–1261; *Böttger* 1982, taf. 36. 434; 37. 422; *Reynolds* 2011, fig. 2. 21, 24; 4. 47; *Eiwanger* 1981, Taf. 3. 21–23, б. 60; *Сазанов* 2019, 235].

Указанные датирующие материалы позволяют относить формирование слоя к началу – третьей четверти V в.

Слой в разрезе 3 содержал следующие категории находок.

Таблица 32. Распределение находок слоя II.3 в прирезке 3 по категориям находок

	Категория	Венчики	Ручки	Донья (ножки, поддоны)	Стенки	Полный профиль	Пробки	Всего	%
1	Керамические изделия	33	77	17	630	4	1	762	83,5
2	Изделия из металла							1	0,1
3	Изделия из камня							3	0,3
4	Кости животных							147	16,1
	Всего							913	100
	Ильич-1-2015.	Прирезка 3. Слой II.3							

Как и обычно, преобладали керамические изделия, на втором месте – кости животных, изделия из металла и камня единичны.

Распределение керамики по функциональным группам несколько отличается от обычного. На первом месте по-прежнему стоят амфоры, однако второе место занимают фрагменты пифосов, далее, с небольшим отрывом следуют фрагменты круговой столовой посуды, которая резко преобладает над кухонной. Еще меньше фрагментов краснолаковой керамики. Фрагменты остальных групп единичны.

Таблица 33. Распределение слоя II.3 в прирезке 3 по функциональным группам

	Функциональная группа	Венчики (края) + горла	Ручки	Донья (ножки, поддоны)	Стенки	Полный профиль	Всего	%	
1	Архитектурная керамика				4		4	0,5	
2	Пифосы (рис. 25. 5-11)	10			88		98	12,9	
3	Амфоры (рис. 24, 26, 27, 28. 6-12, 16)	14	63	9	458		544	71,4	
4	Краснолаковая посуда (рис. 25. 1-4, 28, 1-3. 13-15)	1	2	5	2	2	12	1,6	
5	Лощеная посуда				1		1	0,1	
6	Круговая столовая посуда (рис. 28. 4, 5, 29. 1-6)		8	1	69		78	10,2	
7	Кухонная посуда (рис. 29. 7-11, 30. 1-12)	7	4	2	8	1	22	2,9	
8	Светильники (рис. 30. 13)					1	1	0,1	
9	Подставки	1					1	0,1	
10	Пробки керамические						1	0,1	
	Всего	33	77	17	630	4	762	100	
	Ильич-1-2015	Прирезка 3. Слой II.3							

Круговая посуда (без учета амфор и пифосов) абсолютно доминирует над лепной.

Таблица 34. Соотношение круговой и лепной посуды слоя П.3
в прирезке 3

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Полный профиль	Всего	%
1	Круговая посуда		3	9	12	72	2	98	79
		1.1. Краснолаковая посуда (рис. 25. 1-4, 28. 1-3, 13-15)	1	2	5	2	2		
		1.2. Круговая лощеная посуда				1	1		
		1.3. Круговая столовая посуда (рис. 28. 4, 5, 29. 1-6)		7	1	69	77		
		1.4. Круговая кухонная посуда (рис. 29. 7-11)	2		6		8		
2	Лепная посуда		5	10	2	8	1	26	21
	Всего		8	19	14	80	3	124	100
Ильич-1-2015.		Прирезка 3. Слой П.3							

Датированные находки. Поддаются датировке 104 фрагмента из 762, что составляет 13,6%. Они относятся к следующим хронологическим группам.

Таблица 35. Распределение датированных фрагментов слоя П.3
в прирезке 3 по хронологическим группам

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Полный профиль	Монета	Всего	%
IV в. до н. э. (рис. 28. 16)		1				1	1
I-II вв. (рис. 28. 9-15)	2	6	3		1	12	11,5
Середина II в. (рис. 28. 6-8)	1	8	1			10	9,6
II-III вв. (рис. 25. 5-11, 26, 27, 28)	14	43	6	1		64	61,5
Начало-третья четверть V в. (рис. 24)	4	8	4	1		17	16,3
Всего	21	66	14	2	1	104	100
Ильич-1-2015.		Прирезка 3. Слой П.3					

Примесь снизу. Из 104 датированных находок примесь, датирующаяся от IV в. до н. э. по III в. н. э. составляет 87 фрагментов, соответственно 83,7%. К первой половине IV в. до н. э. относится ручка гераклейской амфоры типа Монахов I-4 (рис. 28. 16) [Монахов

2003, рис. 89. 3]. Следующая хронологическая группа, датирующаяся I–II вв. н. э. представлена амфорами Син IV Б последней трети I в. н. э. – первой трети II в., Син IV В последней четверти I в. н. э. – первой трети II в. н. э., С I Б конца первой четверти I в. н. э. – первой трети II в. н. э., красноглиняных широкогорлых с отогнутым венцом первой половины II в. (рис. 28. 9–12) [Внуков 2003, рис. 26. 93; 62. 2; Арсеньева, Науменко 2001, 60, рис. 16. 4–6]. Краснолаковая посуда этой хронологической группы представлена формами Eastern sigillata B 1 I в. н. э., Italian sigillata Conspectus form 34 конца I в. н. э., кувшинами Pontic sigillata 9.2 конца I в. н. э. (рис. 28. 13–15) [Hayes 2008, 150, 183, fig. 11. 293, 635; Журавлев 2010, табл. 48. 377]. К этой же хронологической группе относится медная монета Аспурга 14/15–37 гг. [Фролова 1997а, табл. XIII. 19]. Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор С IV С выделены нами в отдельную хронологическую группу, относящуюся ко второй четверти – второй половине II в. (рис. 28. 6, 7) [Внуков 2016, рис. 4. 1, 4; 6. 7, 5, 9; Гугуев, Науменко 2021, рис. 5. 1. 2; Голофаст 2010, рис. 28. 3, 4; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2009, рис. 13. 1]. К той же хронологической группе отнесена и ручка плоскодонной амфоры-кувшина первой половины – середины II в. (рис. 28. 8) [Гугуев, Науменко 2021, 539, рис. 4. 3; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 60. 6].

Наиболее многочисленна хронологическая группа суммарно датирующаяся II–III вв. (61,5% датированных находок). К ней относятся венчики пифосов, кувшины с реберчатыми ручками, амфоры типов Зеест 72, 73, 76, 83–89, 84, 86, 88, КХ I С 2, MR 3, MR 18, Крапивина 21, Алексеева рис. 94.18, С IV D. Венчики пифосов находят аналогии в комплексах Горгишии и Танаиса II–III вв. (рис. 25. 5–11) [Алексеева 1997, табл. 131. 31; 167. 14, 16; 171. 19; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 78]. Амфоры Зеест 72 датируются второй третью III – первой третью IV в. (рис. 26. 1) [Зеест 1960, табл. XXX. 72; Сазанов 2012а, рис. 1. 1, 7, 9], Зеест 73–II–III вв. (рис. 26. 2) [Зеест 1960, табл. XXX. 73 е–ж; Алексеева 1997, табл. 94. 2, 3; 169. 30; 224. 5], Зеест 76 – также II–III вв. (рис. 26. 3) [Зеест 1960, табл. XXXII. 76 в; Алексеева 1997, табл. 150. 9; 166. 16], Зеест 83/89 – II–III вв. (рис. 26. 4–6) [Зеест 1960, табл. XXXIV. 83; XXXVI. 89; Алексеева 1997, табл. 145. 8, 11; 149. 2; 225. 23; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 15. 39; Крапивина 1993, 99, 100, табл. 30. 18], Зеест 84 – II–III вв. (рис. 26. 7–10) [Зеест 1960, табл. XXXV. 84а; Алексеева 1997, табл. 133. 18, 23; 145. 2; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 14], Зеест 86 – II–III вв. (рис. 27. 1) [Зеест 1960, табл. XXXVI. 86а], Зеест 88 – III–IV вв. (рис. 27. 2) [Зеест 1960, табл. XXXVI. 88]. Ручки амфор КХ I С 2 датируется III в. (рис. 27. 3, 4) [Алексеева 2008, рис. 5. 7; Внуков 2012, рис. 3. 4], ножка амфоры MR 3=Аgora М 125 – началом III в. (рис. 27. 5) [Bezeczky 2013, 70, pl. 46. 597, 598], ручка амфоры MR 18 находит аналогии в комплексе Танаиса первой половины III в. (рис. 27. 6) [Арсеньева, Науменко 1992, рис. 41. 1], амфоры типа Крапивина 21 видимо, датируются серединой II–III в. (рис. 27. 7, 8) [Крапивина 1993, рис. 30. 4–6; Науменко 2012, 68, рис. 6. 7; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 36. 2; Алексеева 1997, табл. 124. 20, 129. 7], ручка красноглиняной амфоры имеет параллели с комплексами Горгишии II – первой половины III в. (рис. 27. 9) [Алексеева 1997, табл. 94. 18; 225. 3]. Наконец, две ручки и один венчик относятся к узкогорлым светлоглиняным амфорам С IV D конца II–III в. Отметим, что венчик имеет аналогии в контексте после второй четверти – середины III в. (рис. 27. 10–13) [Внуков 2016, рис. 1. 13; 4. 11–13, 16; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2009, рис. 24. 7, 9; 25. 2, 3; Пуздровский 2007, 194, рис. 161. 3].

Краснолаковая керамика представлена миской Pontic sigillata A form 8, кувшином понтийской формы 18.1 и еще одним археологически целым кувшином (рис. 28. 1–3). Поддон краснолаковой миски Pontic sigillata A form 8 датируется концом II – первой половине III вв. (рис. 28. 1) [Журавлев 2010, 139, табл. 21. 140], ручка понтийского кувшина формы 18.1 – второй половиной II/началом III вв. (рис. 28. 2) [Журавлев 2010, 164, табл. 51. 404], археологически целый краснолаковый кувшин близок сосуду из могилы Неаполя Скифского, датирующейся II – первой половиной III в. (рис. 28. 3) [Сымонович 1983, табл. V. 8; 19. 5].

Столовая круговая посуда представлена уже упоминавшимися кувшинами с реберчатыми («гофрированными») ручками II–III вв. (рис. 28. 4, 5) [Голофаст 2010, 104, рис. 28. 18; 29. 17–19; 31. 15].

Датирующие находки представлены фрагментами узкогорлых светлоглиняных амфор C IV E, LRA 1 A, C Snr II, LR 4 C 2, Зеест 96/97, а также краснолаковыми мисками форм PRSW 1 и LRC 3 C.

Таблица 36. Распределение фрагментов датирующих амфор слоя П.3 в прирезке 3 по типам

	Амфоры	Венчики	Ручки	Ножки	Всего	%
1	C IV E (рис. 24. 1, 2)	3	2		5	35,7
	Зеест 96-97 (рис. 24. 3, 4)		3		3	21,4
2	LRA 1 A (рис. 24. 5)		3		3	21,4
3	C Snr II-1 (рис. 24. 6)	1		1	2	14,3
4	LR 4 C 2 (рис. 24. 7)	1			1	7,1
	Всего	5	8	1	14	100
Ильич-1-2015.		Прирезка 3. Слой П.3				

Венчики и ручки узкогорлых светлоглиняных амфор C IV E, датируются второй четвертью IV – началом/серединой V вв. (рис. 24. 1, 2) [Внуков 2016, 43, рис. 1. 16; Сазанов 2011, 326; Сазанов 2012, 129–133, рис. 3. 1, 2, 4, 6; Науменко 2019, рис. 4. 10].

Амфоры боспорского производства типов Зеест 96/97 имеют суммарную широкую датировку от IV до третьей четверти VI в. [Сазанов 2012, 133–135]. Аналогичные по сечению ручки происходят из контекстов середины V – второй четверти VI в. и третьей четверти VI в. (рис. 24. 3, 4) [Сазанов 2000, рис. 6. 3; Сазанов, Иващенко 1989, рис. 10. 6, 8]. Горла и ручки амфор LRA 1 A находят аналогии в средиземноморских и причерноморских контекстах первой половины V в. (рис. 24. 5) [Pieri 2005, fig. 19. 20; Remolà 2000, fig. 78. 7; 79. 3; Böttger 1982, taf. 22. 273; Reynolds 2005, fig. 31]. Венчик амфоры C Snr II – 1 датируется первой половиной V в. (рис. 24. 6) [Kassab Tezgör 2010, 167, pl. 41. cat. 77; Сазанов 2022, 136]. Наконец, один венчик принадлежит амфоре типа LR 4 C 2 варианту а, датирующемуся серединой – второй половиной V в. (рис. 24. 7) [Sazanov 2017, 637, fig. 6a].

Таблица 37. Распределение фрагментов датирующей краснолаковой керамики по типам слоя П.3 в прирезке 3

	Тип	Донья	Полный профиль	Всего	%
1	PRSW 1 (рис. 25. 1, 2)	2	1	3	60
2	LRC 3 С (рис. 25. 3, 4)	2		2	40
	Всего	4	1	5	100
	Ильич-1-2015	Прирезка 3. Слой П.3			

Датирующая краснолаковая керамика представлена формой PRSW 1 первой третью IV – первых десятилетий V в. (рис. 25. 1, 2) [Сазанов 2012, 135–138; Сазанов 2019, 236, рис. 2. 1–3; *Arsen'eva, Domzalski* 2002, fig. 5. 8, 10] и LRC 3 С третьей четверти V в. (рис. 25. 3, 4) [Hayes 2008, fig. 39. 1266, 1270, 1272].

Таким образом, датирующие находки совмещаются в промежутке между началом и третьей четвертью V в., что позволяет относить формирование рассматриваемого слоя в этом квадрате к данному времени.

Проделанный анализ контекстов позволяет уверенно говорить об активном функционировании поселения Ильич-1 в начале – третьей четверти V в., времени, практически не представленном на ильичевской «батарежке». Этот слой частично синхронизируется с третьим этапом последнего периода существования Танаиса. Немаловажно и следующее обстоятельство. Рассмотрение «примеси снизу» более ранних хронологических групп и учет раскопок предшествующих лет дает материалы, свидетельствующие о жизни на хозяйственной периферии поселения в IV–II вв. до н. э., середине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э., последней четверти I – первой половине II в. н. э., второй половине II–III в., начале – третьей четверти IV в., середине/второй половине IV – начале V в. [Шаров, Соколова 2017; Шаров, Павличенко, Чореф 2019; Медникова, Шаров 2019].

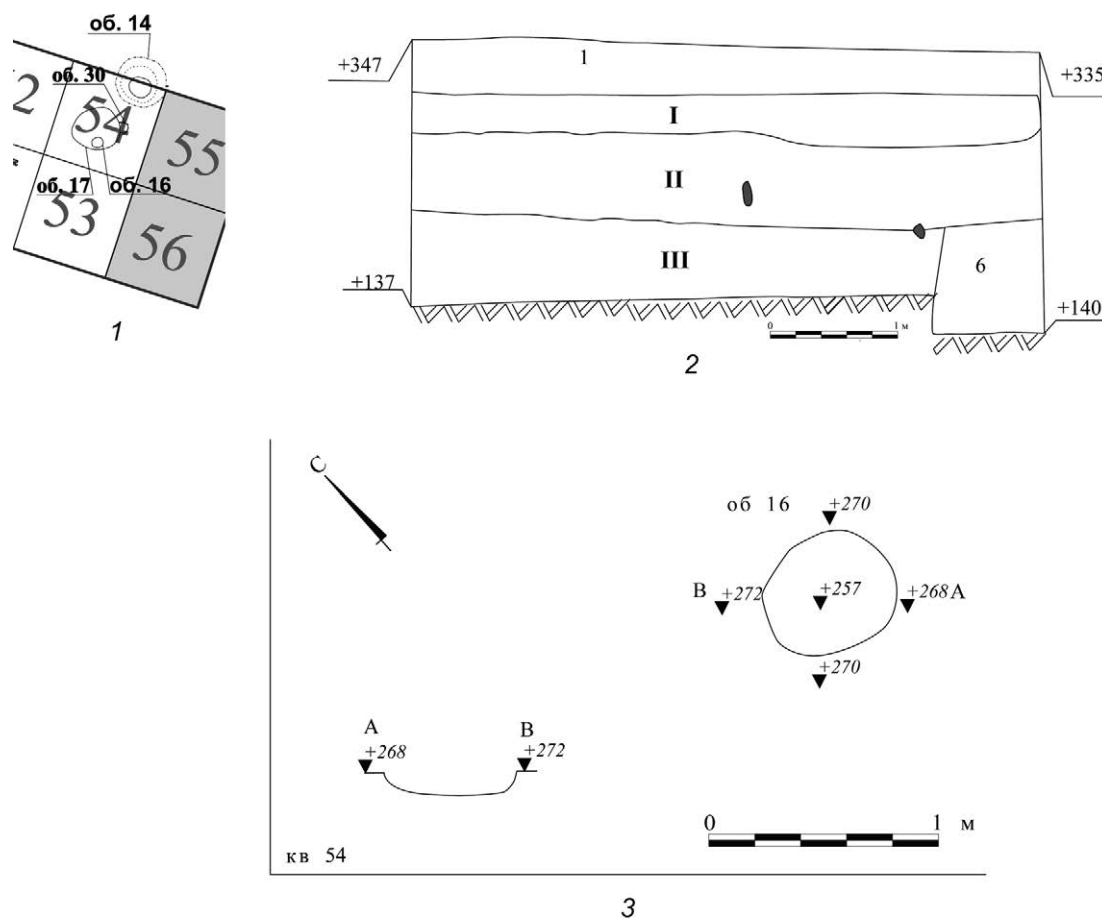

Рис. 1. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. Яма–объект 16. 1 – местоположение объекта; 2 – стратиграфия северного борта кв. 29; 3 – план и разрез ямы

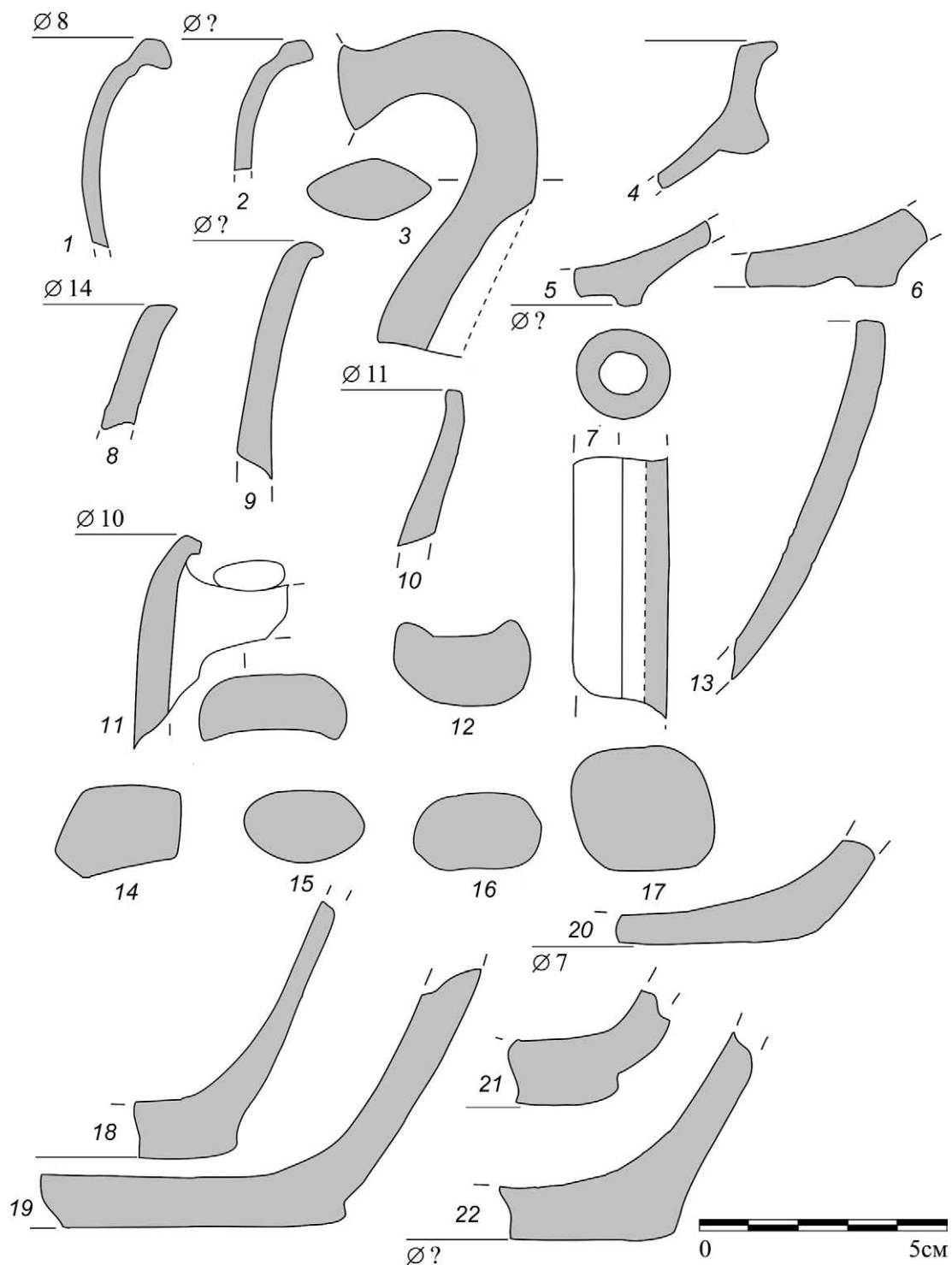

Рис. 2. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. Яма-объект 16. 1–3 – круговые столовые кувшины; 4, 5 – краснолаковая миска LRC 3 В; 6 – краснолаковая миска PRSW 1; 7 – неопределенный круговой предмет; 8–22 – лепная кухонная посуда

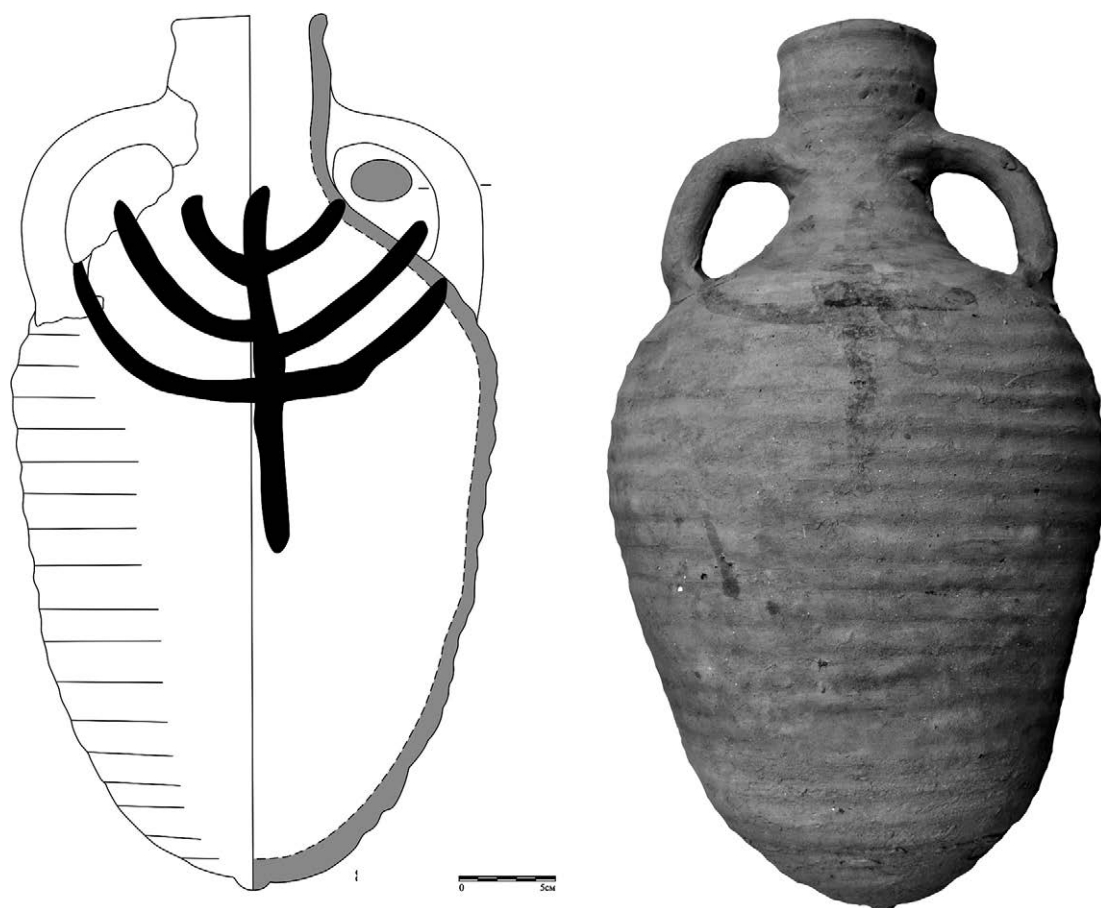

Рис. 3. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. Объект 75.
Красноглиняная амфора типа Böttger II. 4

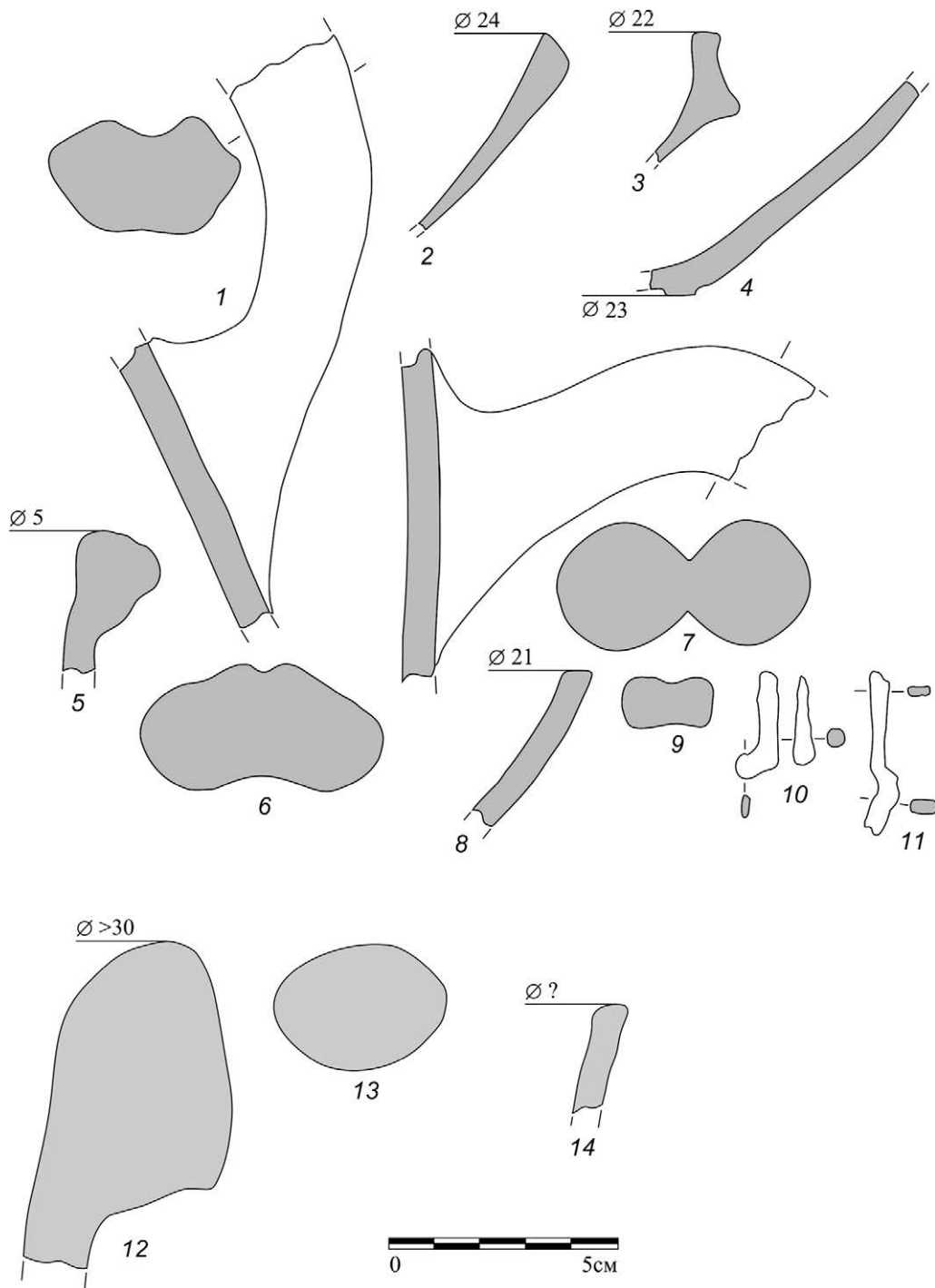

Рис. 5. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. 1–11. «Канавка» – объект 90: 1 – амфора LRA 1 A; 2 – краснолаковая миска LRC 1 D/2; 3 – краснолаковая миска LRC 3 C; 4 – краснолаковая миска PRSW 1; 5, 6 – амфоры Зеест 72/73; 7 – косская амфора типа V B; 8, 9 – лепная кухонная посуда; 10, 11 – свинцовые отливки; 12–14. Яма–объект 191: 12 – пифос, 13 – амфора Син I в, 14 – лепная кухонная посуда

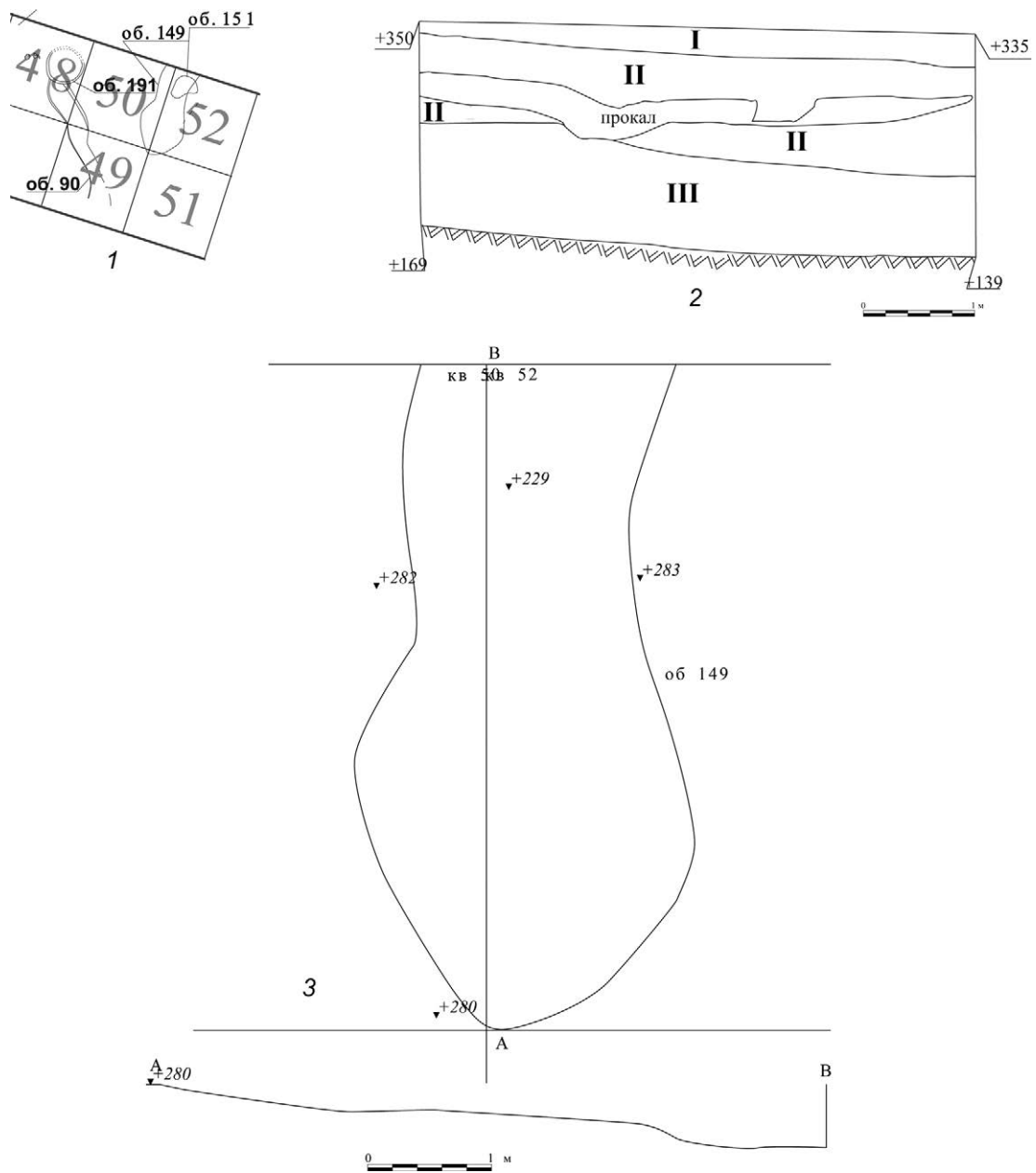

Рис. 6. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. Яма–объект 149. 1 – местоположение объекта; 2 – стратиграфия восточного борта кв. 50; 3 – план и разрез ямы

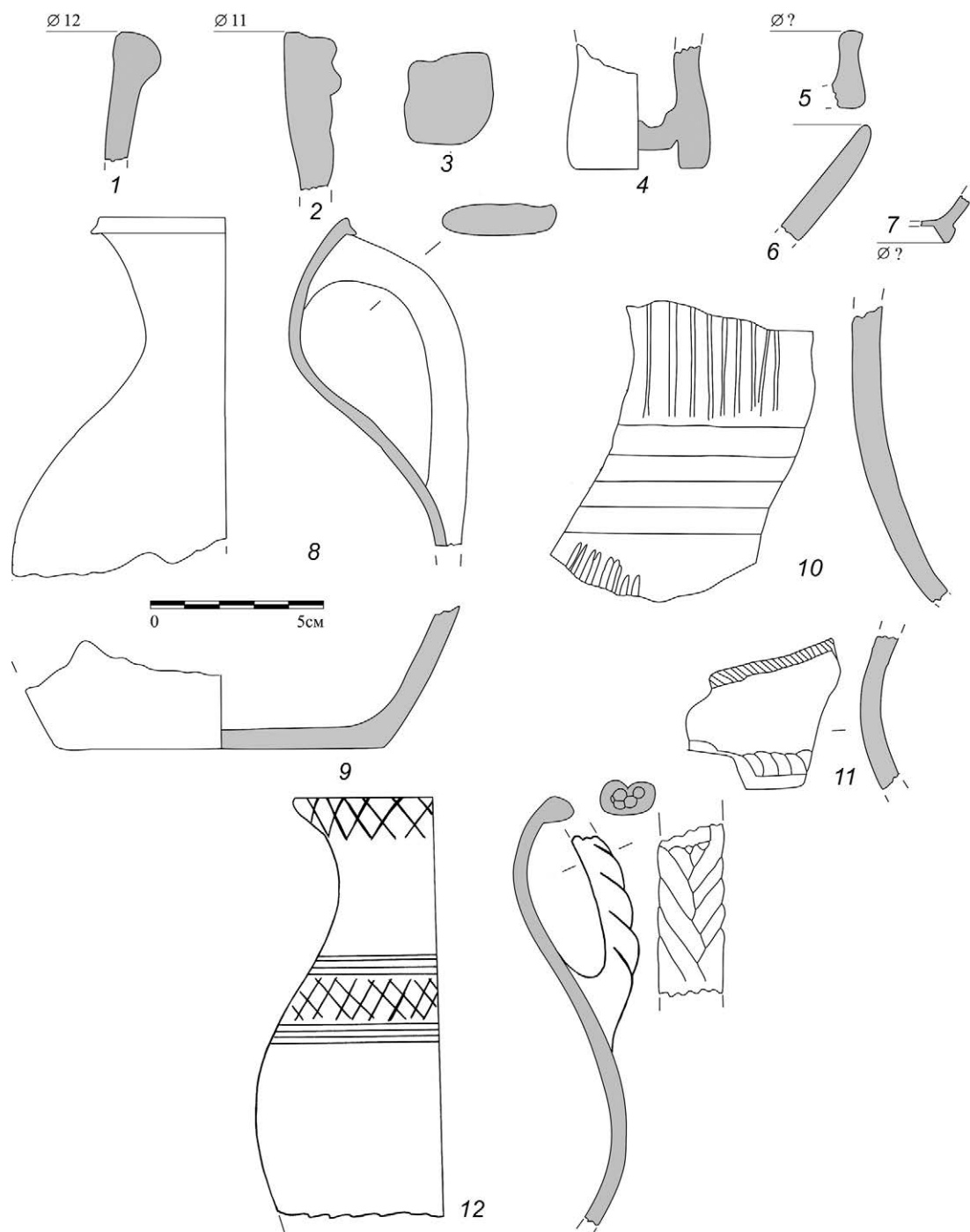

Рис. 7. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. Яма–объект 149. 1 – амфора Böttger III.1; 2 – амфора C Snp I; 3, 4 – амфоры C IV F; 5 – краснолаковая миска LRC 3 B/C; 6 – краснолаковая миска PRSW 1; 7 – Pontic sigillata 5; 8, 9 – круговые столовые кувшины; 10, 11 – круговые серолощенные сосуды; 12 – красноглиняный круговой столовый кувшин

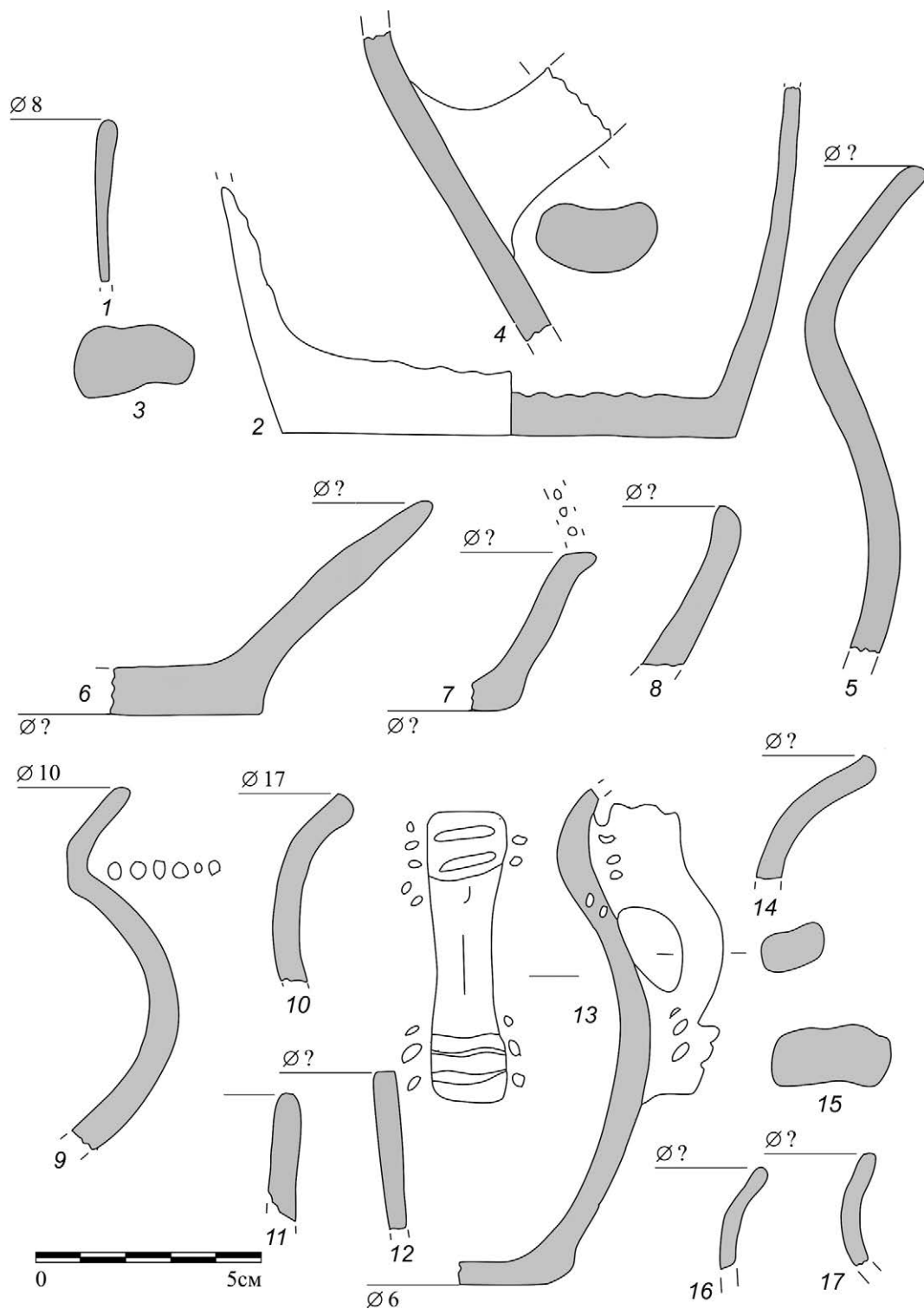

Рис. 8. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. Яма-объект 149. 1 – круговой столовый кувшин; 2 – круговой кухонный кувшин; 3–17 – лепные кухонные сосуды

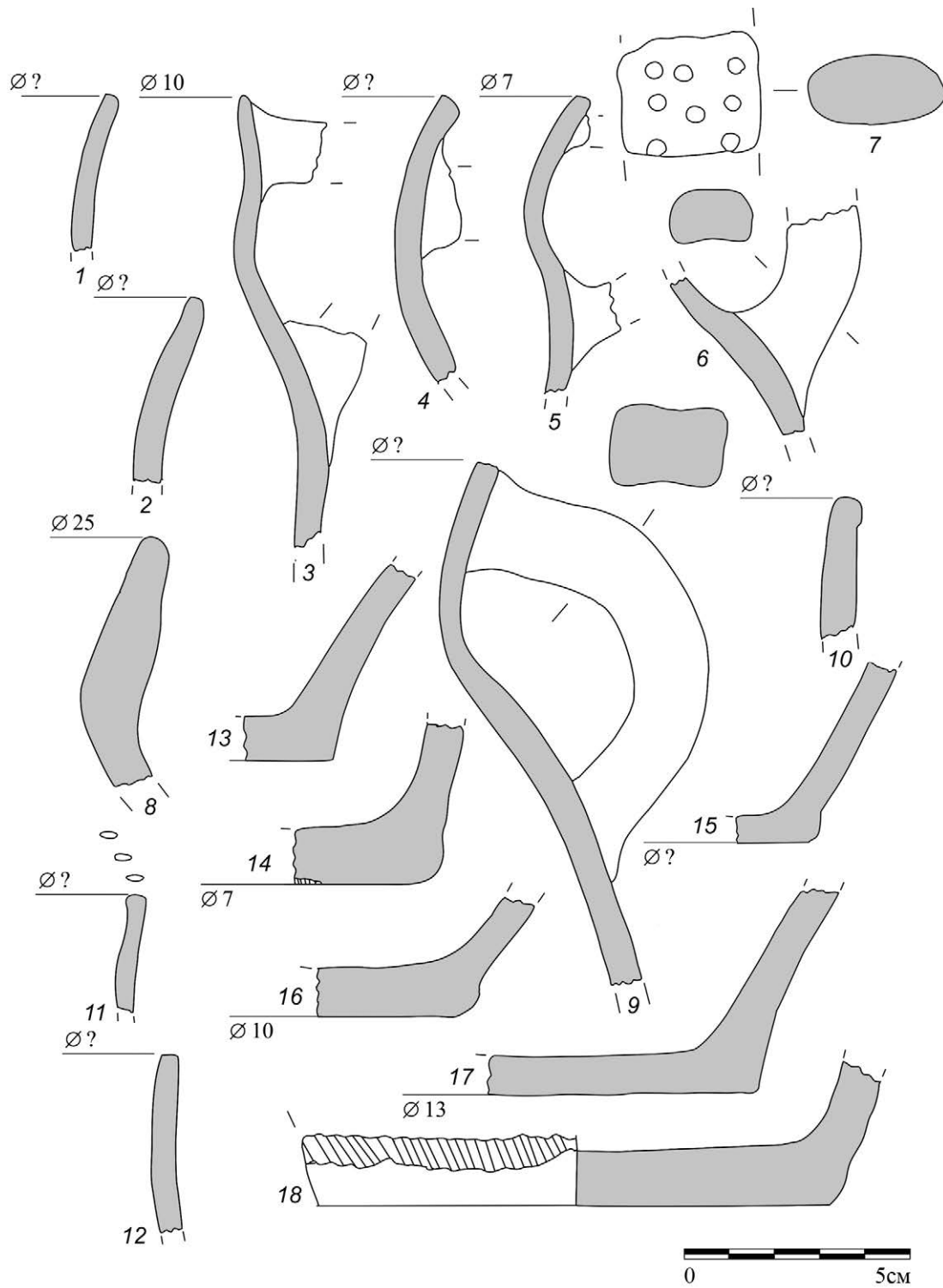

Рис. 9. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. Яма–объект 149.
Лепные кухонные сосуды

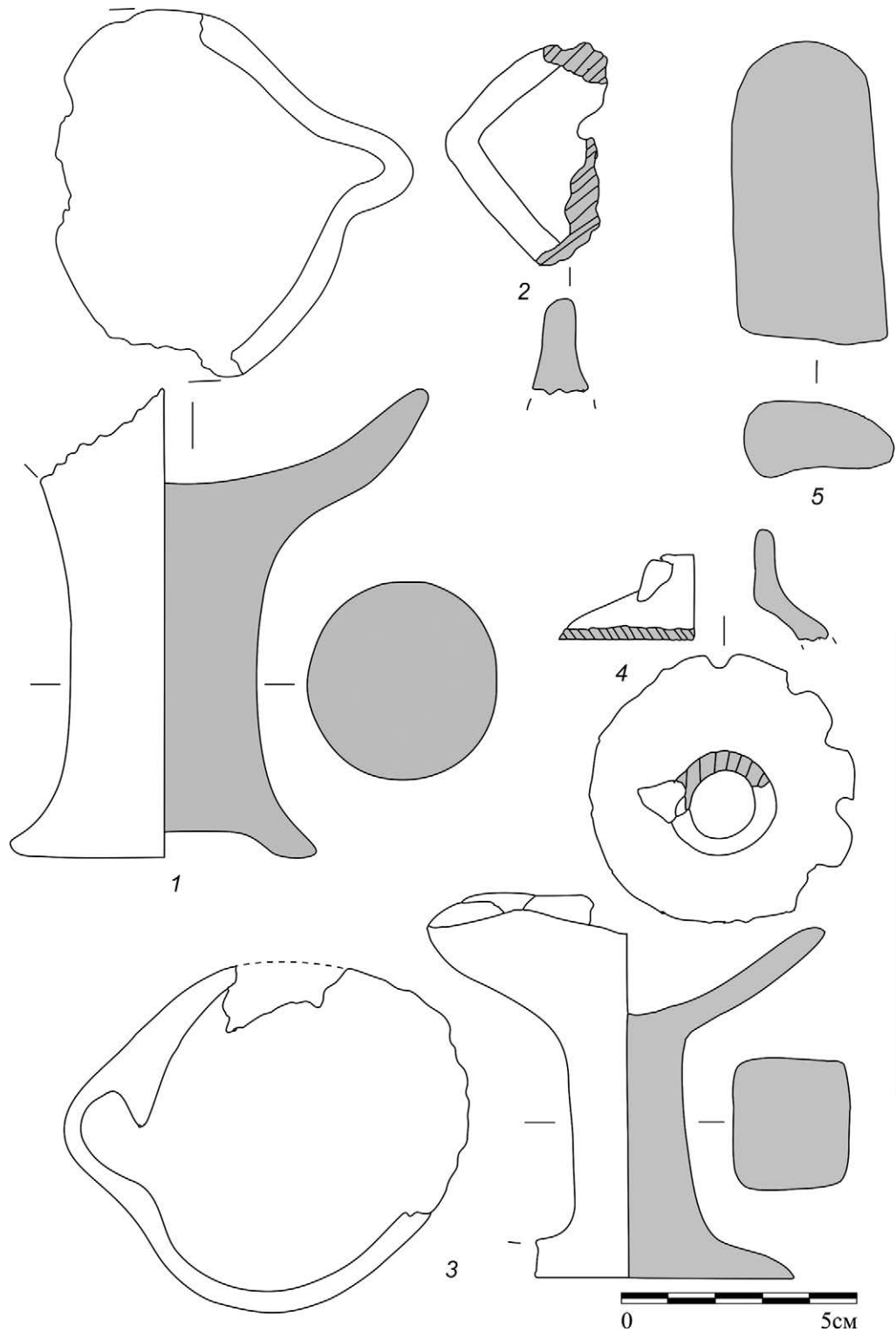

Рис. 10. Слой II.3. Начало – третья четверть V в. Яма–объект 149.
1–4 – глиняные лепные светильники; 5 – каменное ложило

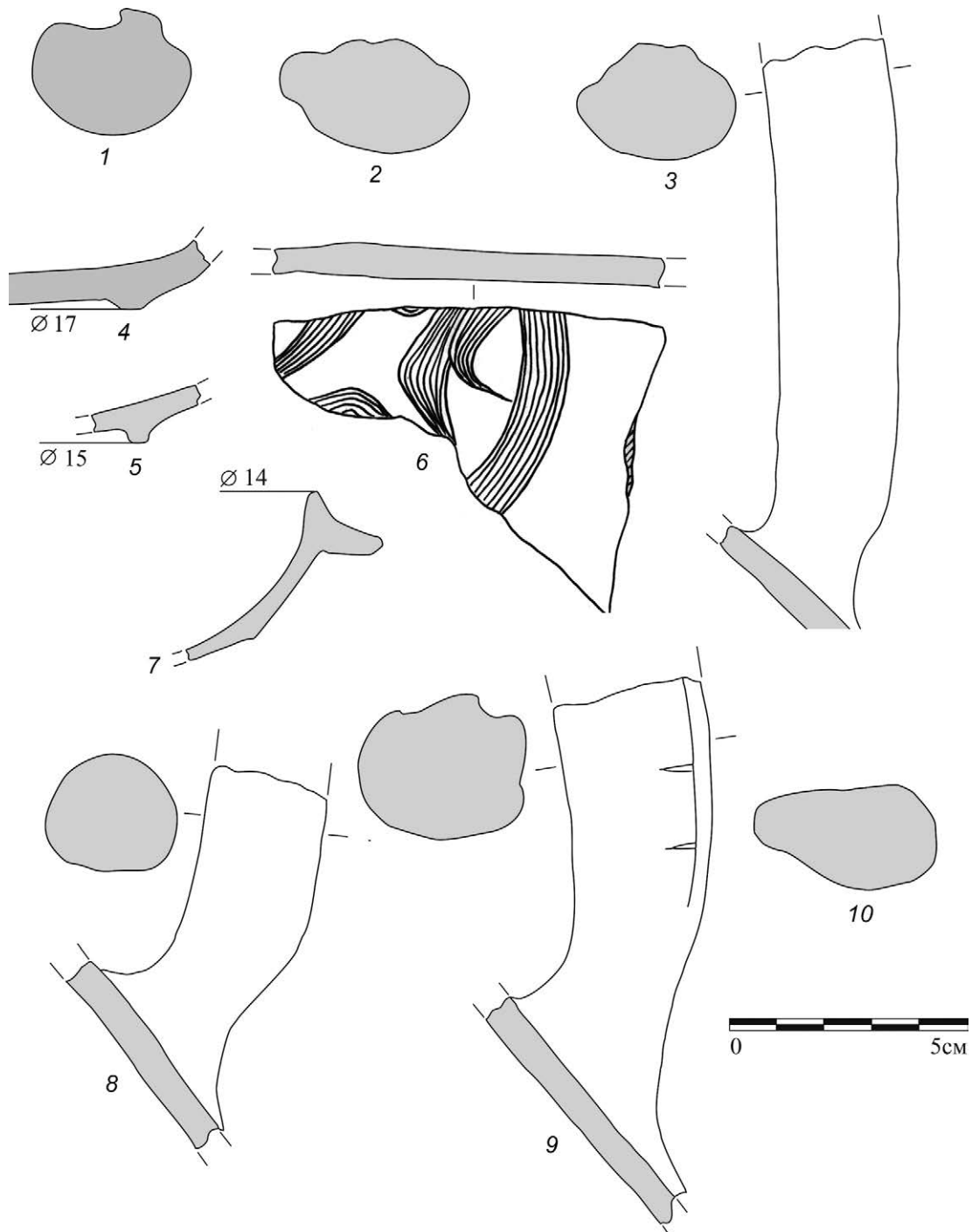

Рис. 11. Слой II.3. Кв. 32. Начало – третья четверть V в. 1 – амфора LRA 1 А; 2 – амфора С Snr I-1; 3 – узкогорлая светлоглиняная амфора С IV Е; 4 – краснолаковая миска PRSW 1; 5, 6 – краснолаковые миски PRSW 3; 7 – краснолаковая миска LRC 8; 8–10 – узкогорлые светлоглиняные амфоры С IV F

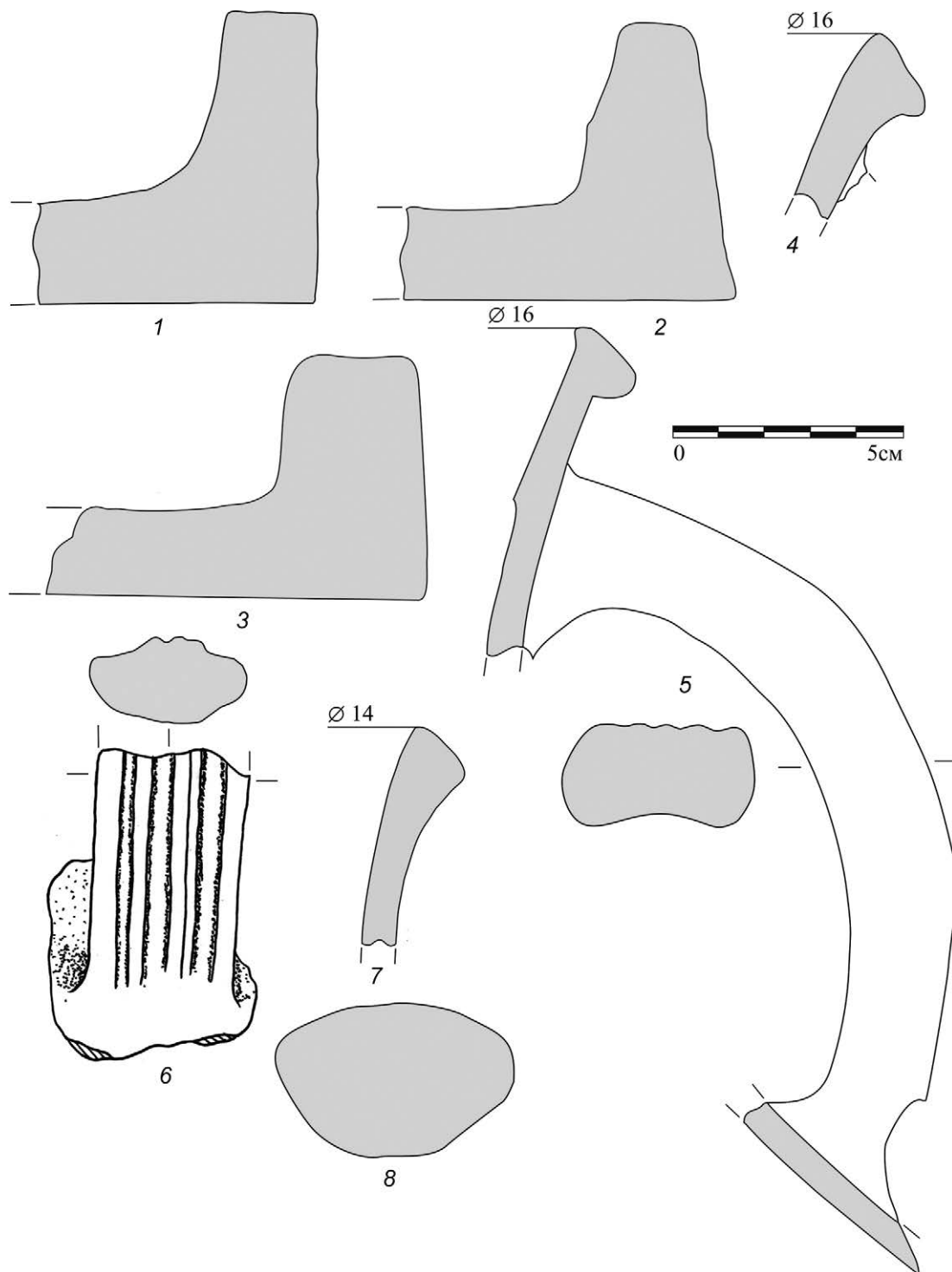

Рис. 12. Слой II.3. Кв. 32. Начало – третья четверть V в. 1 – красноглиняная боспорская керамида; 2, 3 – светлоглиняные керамида; 4, 7 – амфора Зеест 75; 5, 6 – амфоры Зеест 73; 8 – амфора Зеест 77

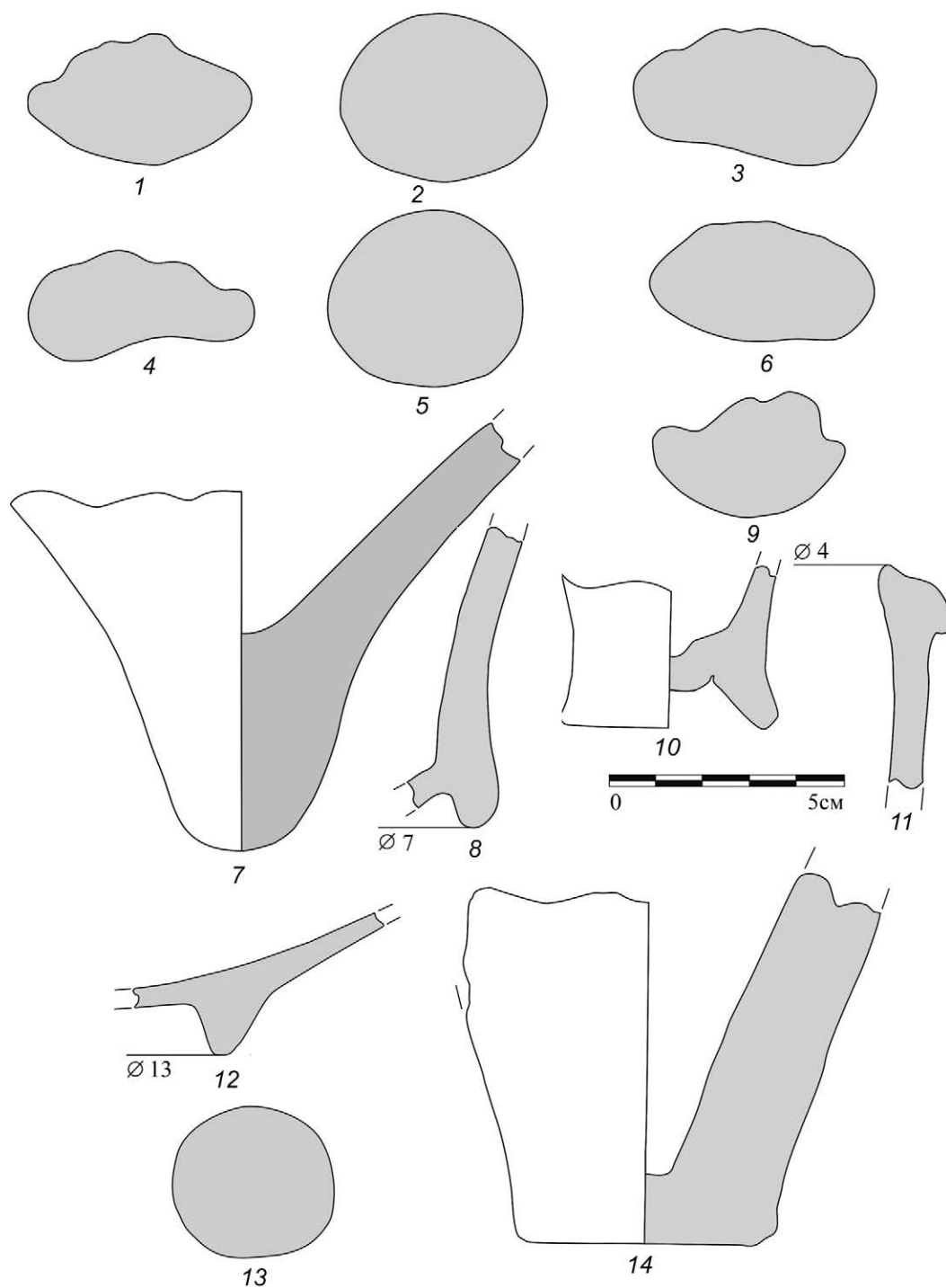

Рис 13. Слой II.3. Кв. 32. Начало – третья четверть V в. 1 – амфора Зеест 80; 2, 7 – амфоры Зеест 84 а; 3, 4 – амфоры Зеест 86; 5 – амфора Зеест 83–89; 6 – амфора Кх I С 2; 8 – амфора С IV В 2; 9, 10 – амфоры С IV С 1; 11 – амфора С IV С 2; 12 – Pontic sigillata A form 7; 13 – амфора Зеест 49 б, в; 14 – лесбосская амфора типа I-E

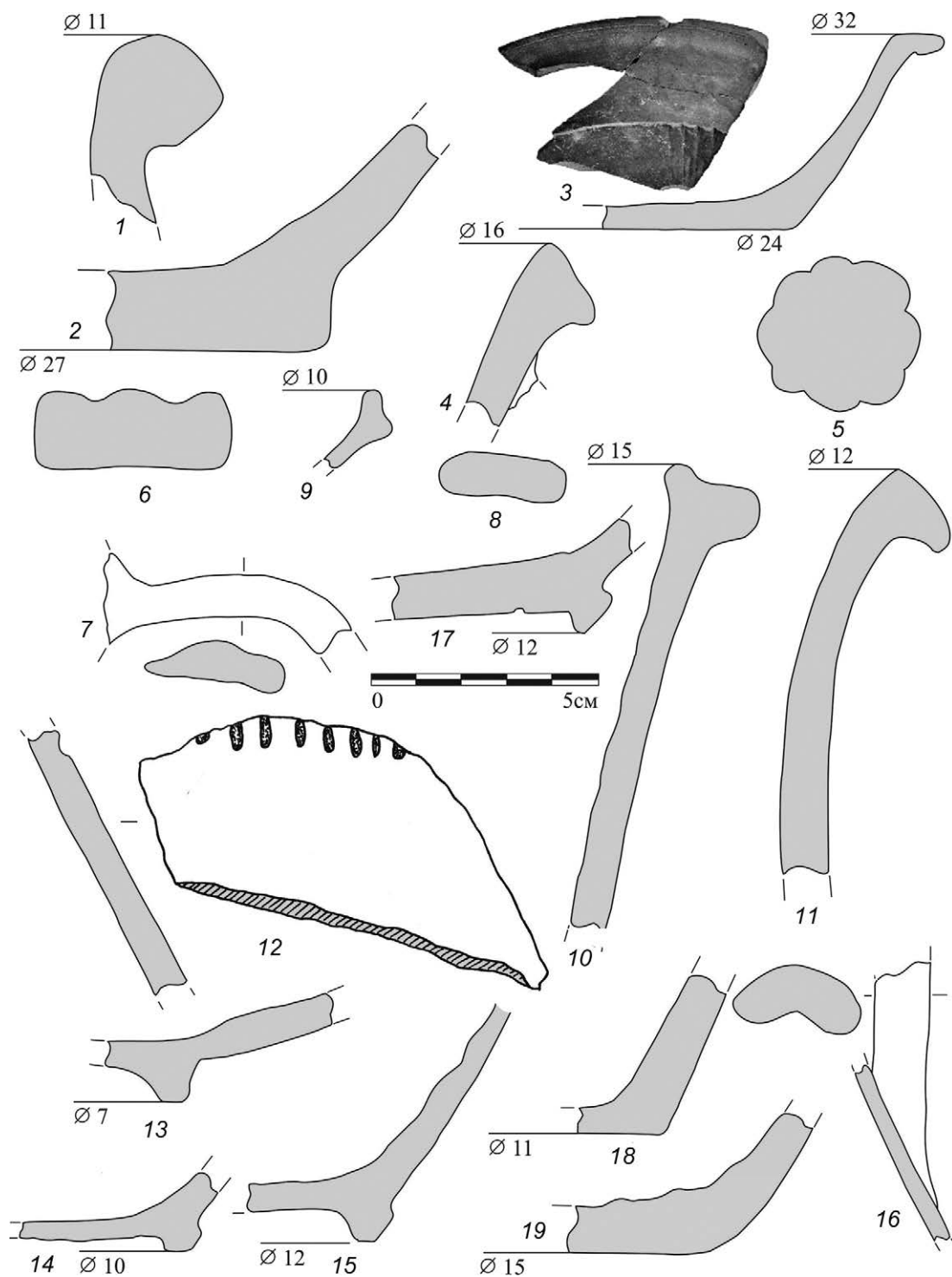

Рис. 14. Слой II. 3. Кв. 32. Начало – третья четверть V в. 1, 2 – красноглиняный пифос; 3 – серолощенная миска; 4–16 – круговая красноглиняная столовая посуда; 17–19 – круговая красноглиняная кухонная посуда

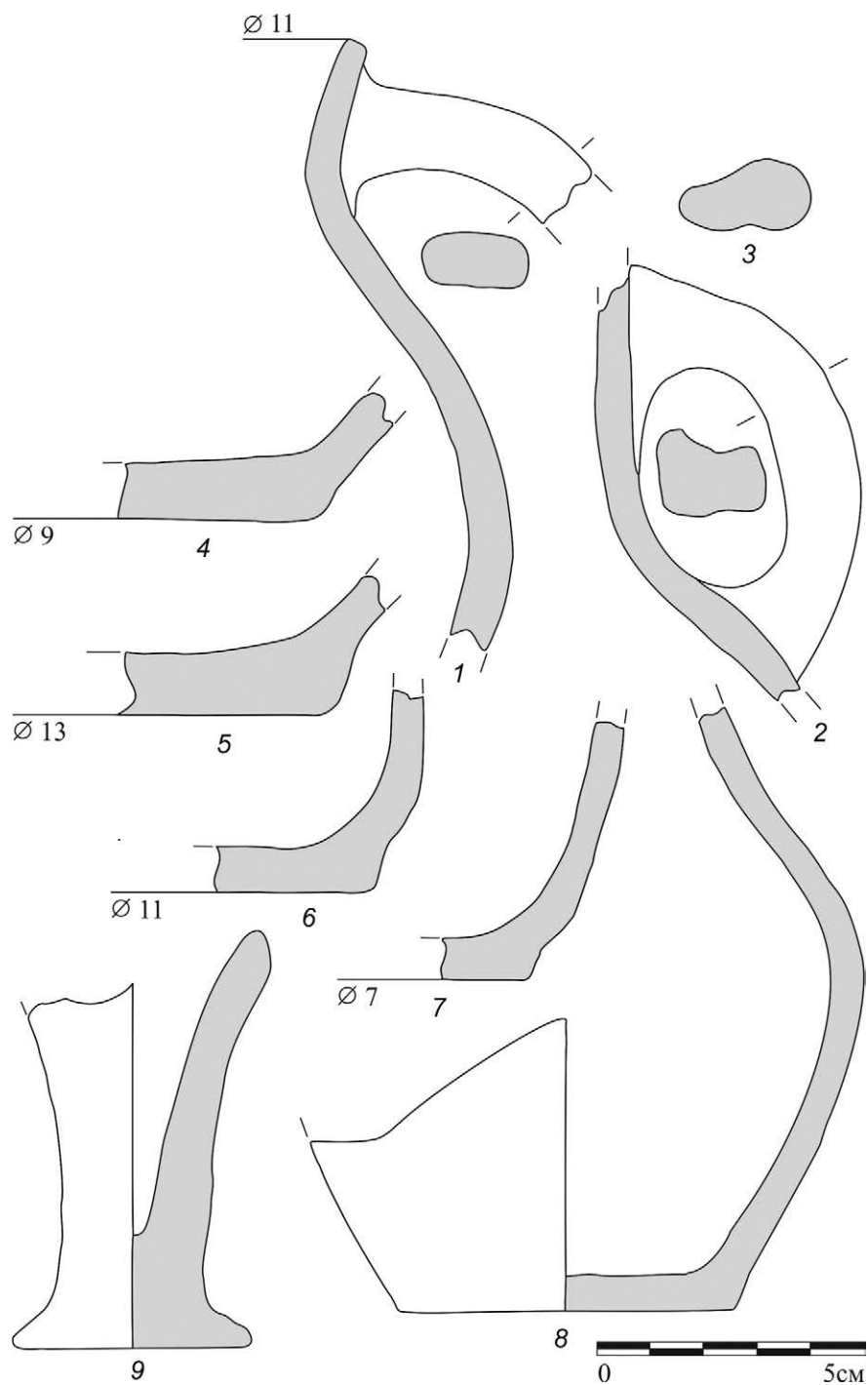

Рис. 15. Слой II.3. Кв. 32. Начало – третья четверть V в.
1–8 – лепные закрытые кухонные сосуды; 9 – лепной светильник

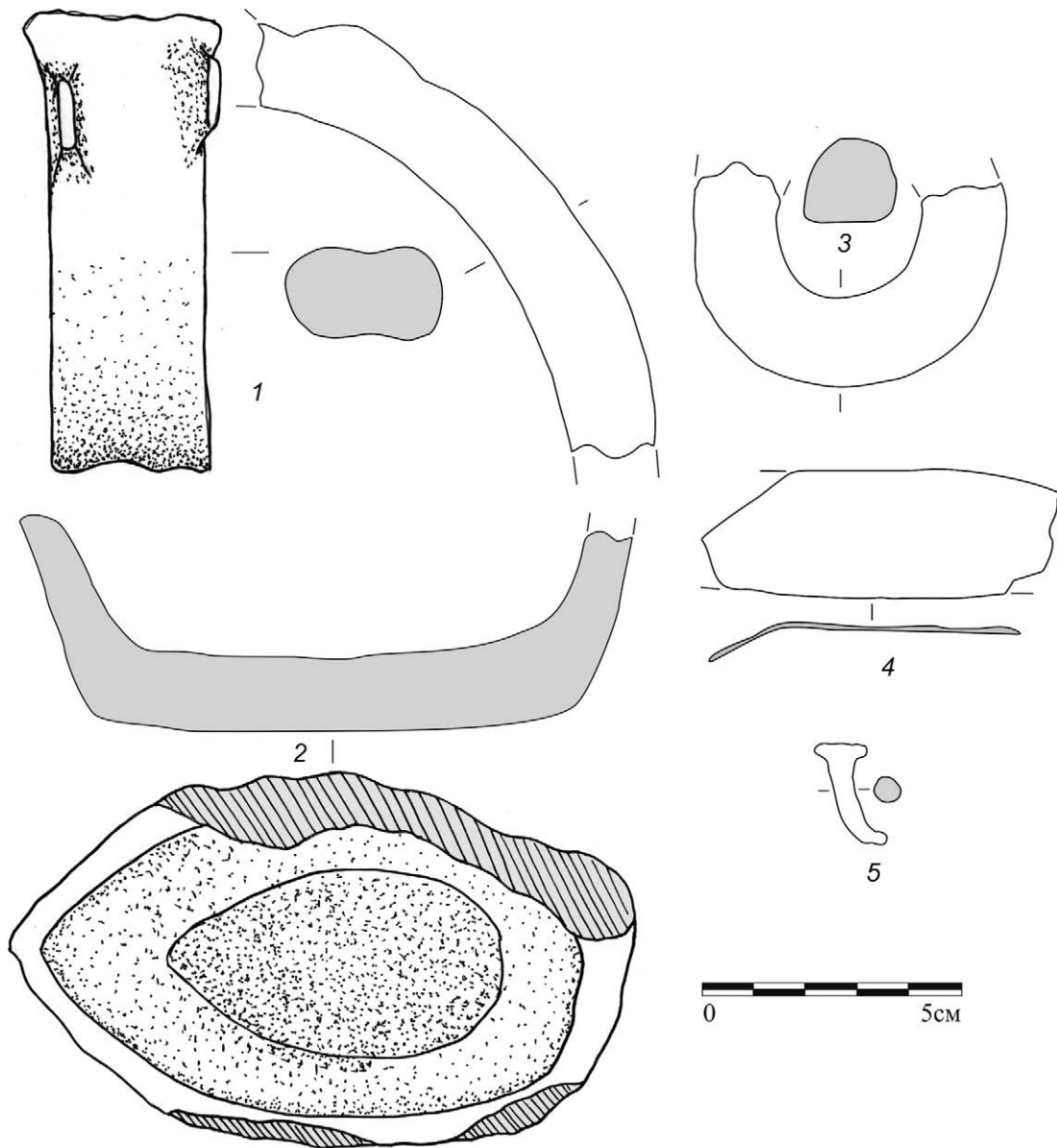

Рис. 16. Слой II. 3. Кв. 32. Начало – третья четверть V в. 1 – ручка лепного кухонного закрытого сосуда; 2 – лепной светильник; 3 – пряслице (?) из амфорной ножки; 4 – фрагмент бронзового изделия; 5 – медный гвоздь

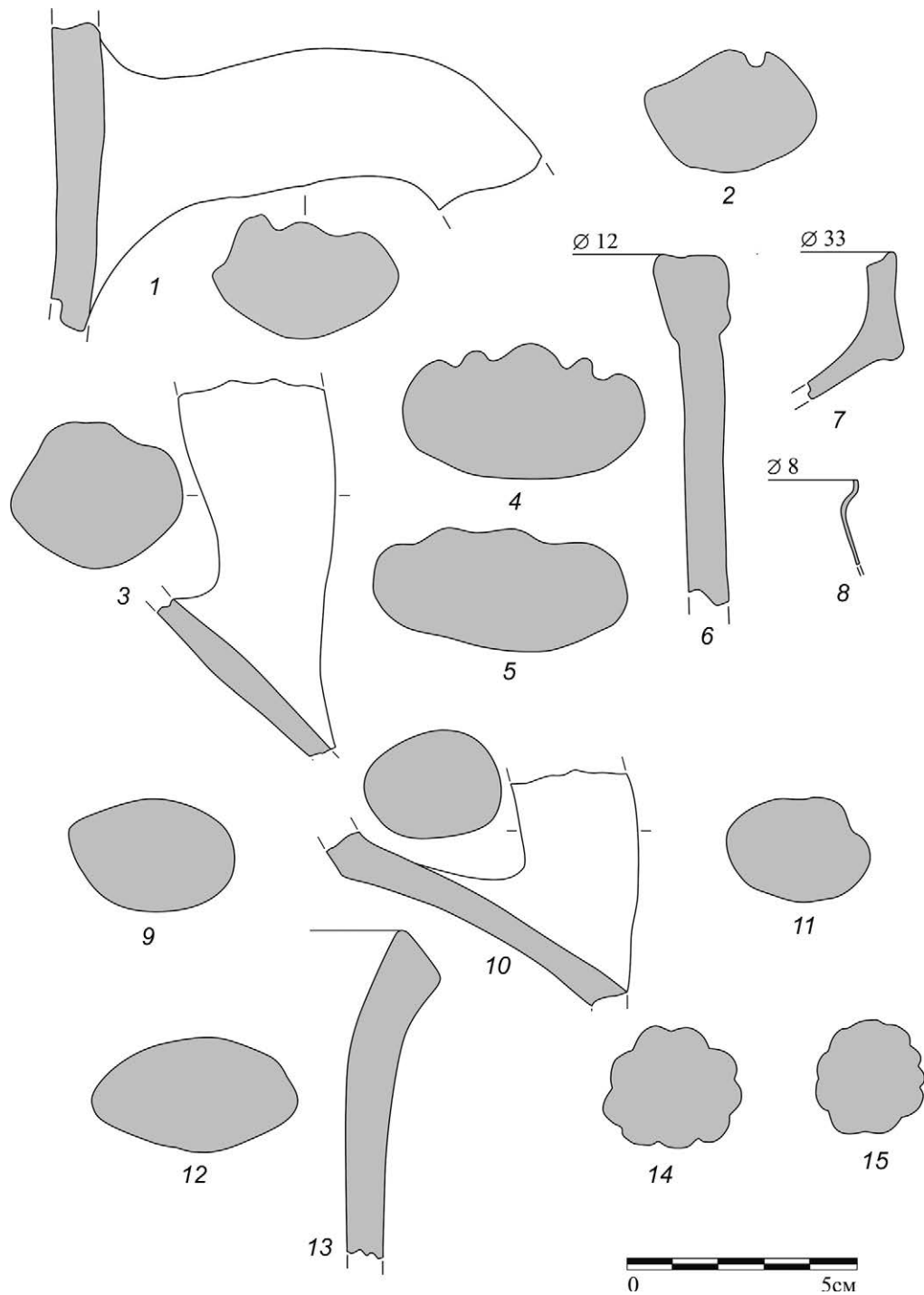

Рис. 17. Слой II.3. Кв. 43. Начало – третья четверть V в. 1, 2 – амфоры LRA 1 А; 3 – амфора С IV Е; 4, 5 – амфоры Зеест 96/97; 6 – амфора С Snr I-2; 7 – краснолаковая миска LRC 3 В; 8 – стеклянный стакан с обрезанным краем и округлыми стенками; 9–11 – узкогорлые светлоглиняные амфоры С IV F; 12 – амфора Зеест 72; 13 – амфора Зеест 75; 14, 15 – красноглиняные кувшины с «гофрированными» (реберчатыми) ручками

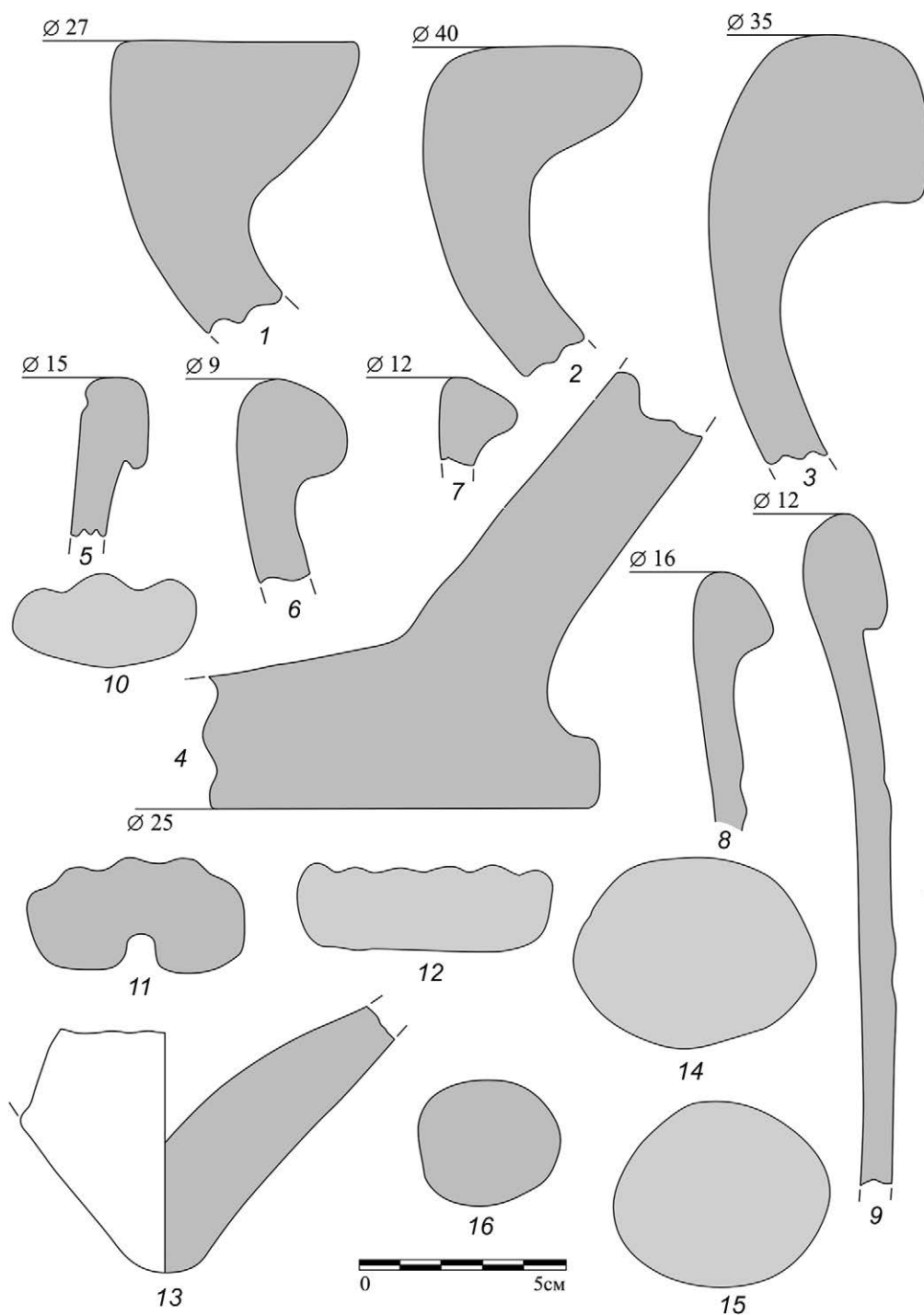

Рис. 18. Слой II.3. Кв. 43. Начало – третья четверть V в. 1–4 – красноглиняные пифосы; 5 – амфора Зеест 77; 6, 8 – амфоры Зеест 76; 7 – амфора Зеест 86; 9 – амфора Зеест 72 б; 10 – амфора Крапивина 21; 11 – амфора Зеест 72 б; 12 – плоскодонная амфора/кувшин типа Науменко 1992, рис. 5. 4; 13 – амфора Зеест 80 б; 14–16 – амфоры Зеест 83/85

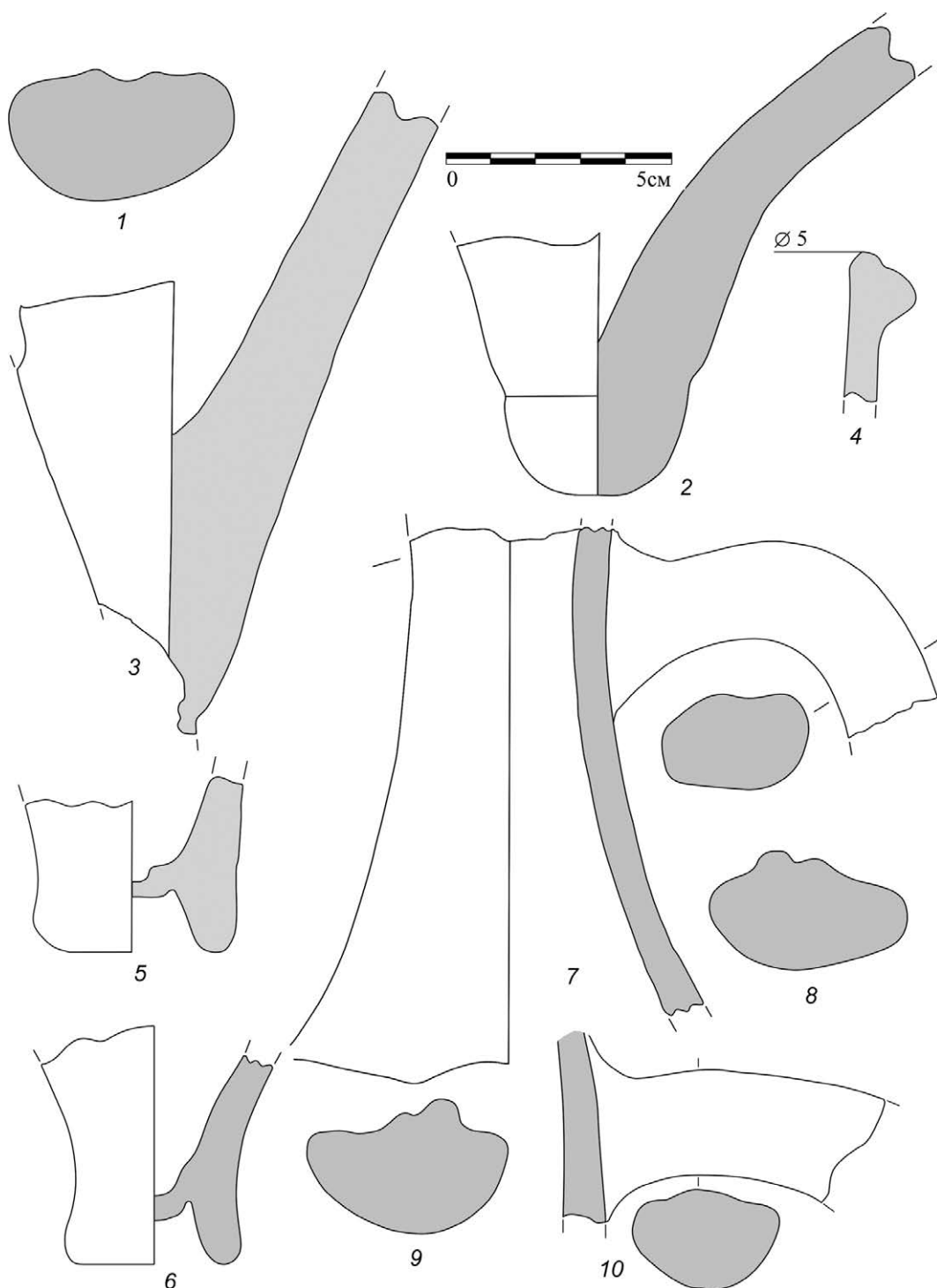

Рис. 19. Слой II.3. Кв. 43. Начало – третья четверть V в. 1 – амфора Каритан 2=Зеест 79=Benghazi Mid Roman Amphora 7; 2 – амфора типа Алексеева 1997, табл. 152. 10; 3 – амфора Зеест 69; 4, 6 – узкогорлые светлоглиняные С IV С 1; 5, 7 – узкогорлые светлоглиняные С IV С 2; 8, 9 – узкогорлая светлоглиняная С IV С; 10 – амфора С IV D

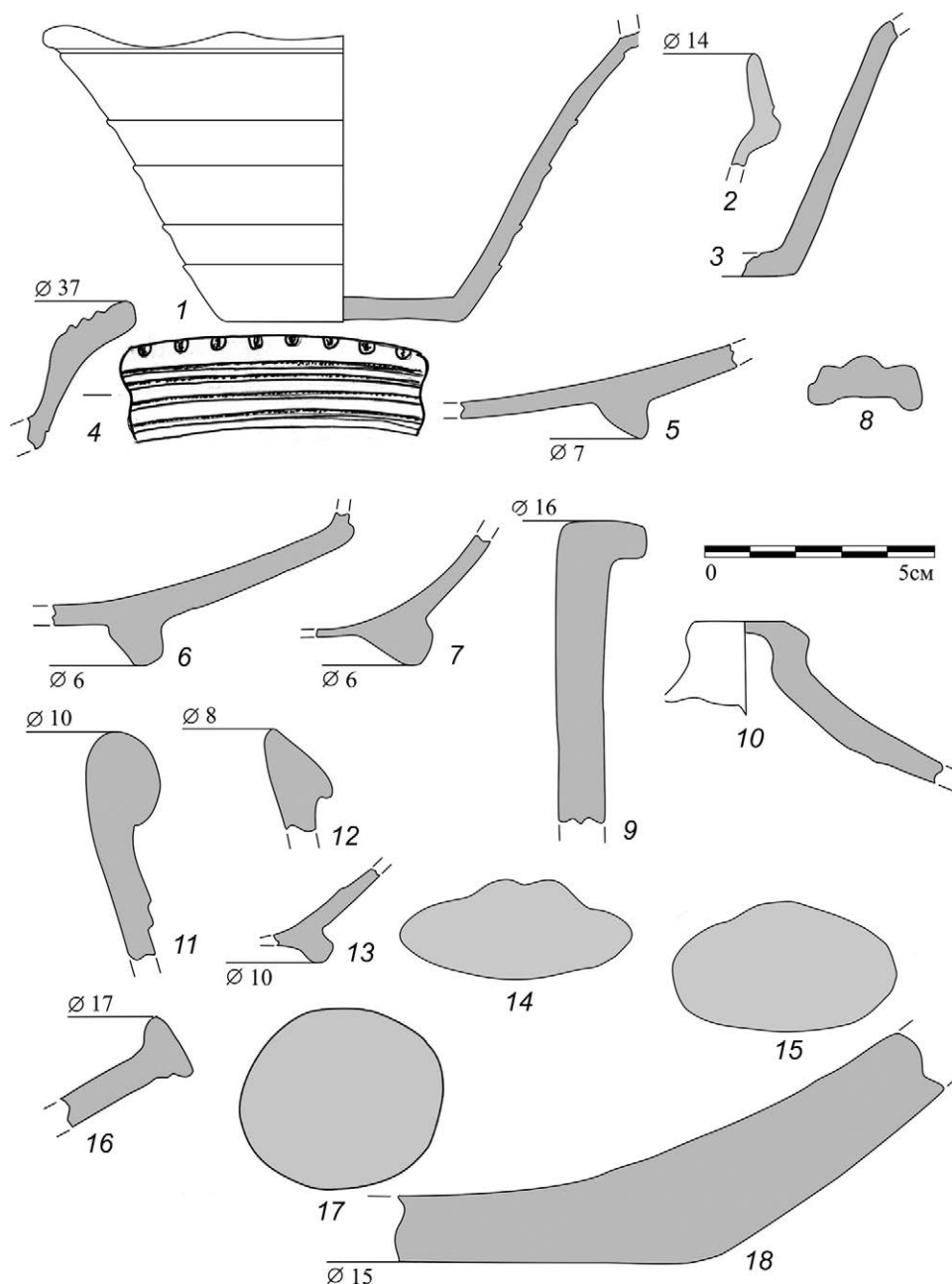

Рис. 20. Слой II.3. Кв. 43. Начало – третья четверть V в. 1–3 – краснолаковые миски Pontic sigillata A форма 30.3; 4 – краснолаковая миска Pontic sigillata A форма 5; 5 – краснолаковая миска Pontic sigillata A форма 4.2; 6 – краснолаковая миска Pontic sigillata A форма 4.1; 7 – краснолаковый кувшин Pontic sigillata форма 21; 8 – красноглиняный кувшин; 9 – красноглиняный кувшин с «гофрированными» (реберчатыми) ручками; 10 – красноглиняная крышка; 11 – амфора С 1 б; 12, 15 – амфоры Син II; 13 – краснолаковый кувшин Pontic sigillata форма 2.1; 14 – узкогорлая светлоглиняная амфора С IV A 2; 16 – чернолаковое рыбное блюдо; 17 – родосская амфора типа Зеест 50/Монахов I-E-1/2; 18 – светлоглиняный лутерий

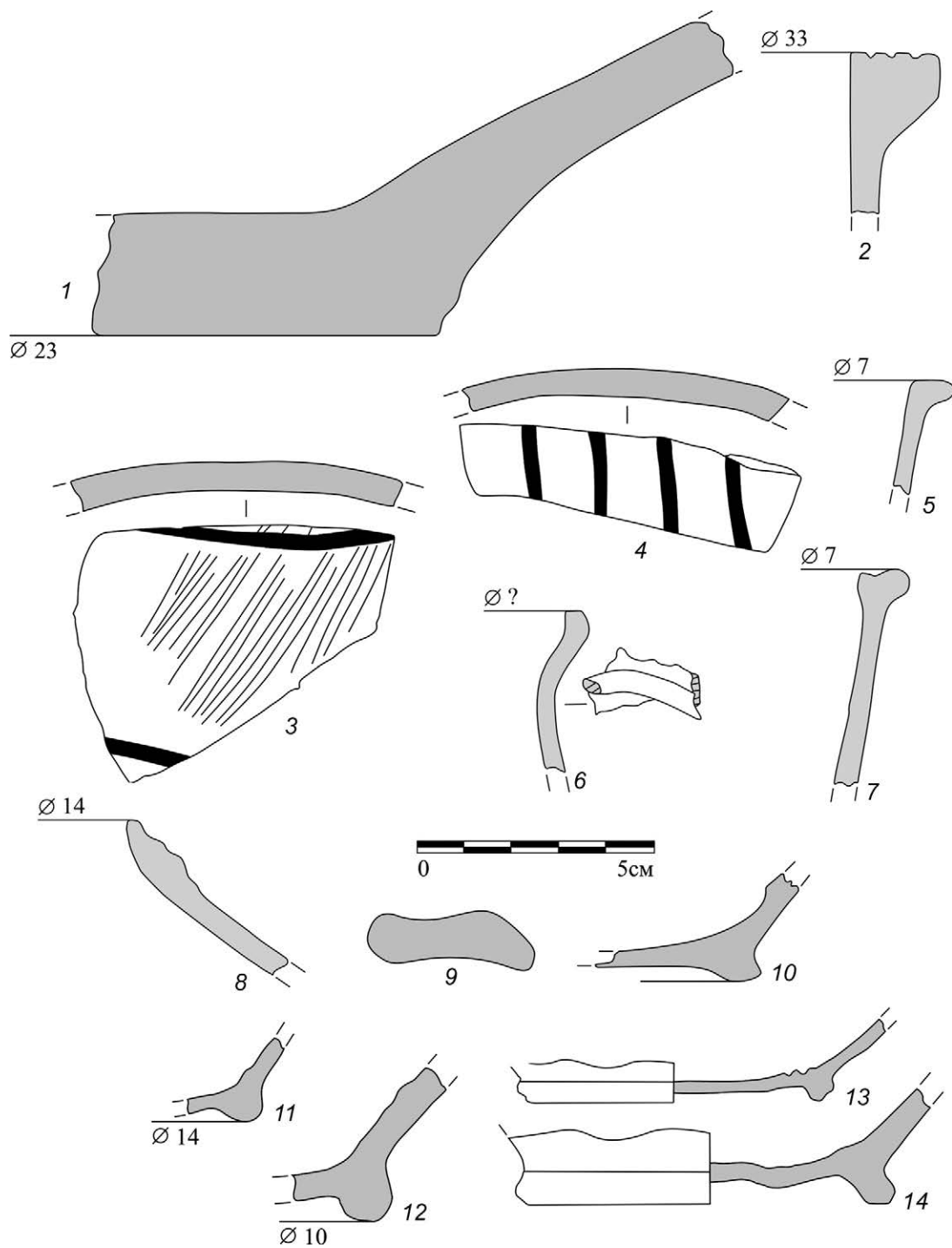

Рис. 21. Слой II.3. Кв. 43. Начало – третья четверть V в. 1 – красноглиняный пифос; 2 – красноглиняный круговой открытый сосуд; 3, 4 – серолощенные круговые сосуды; 5, 7 – круговые красноглиняные кувшины; 6 – красноглиняная круговая ойнохойя; 8 – кувшин круговой розовоглиняный; 9, 11–14 – кувшины круговые красноглиняные; 10 – кувшин круговой розовоглиняный

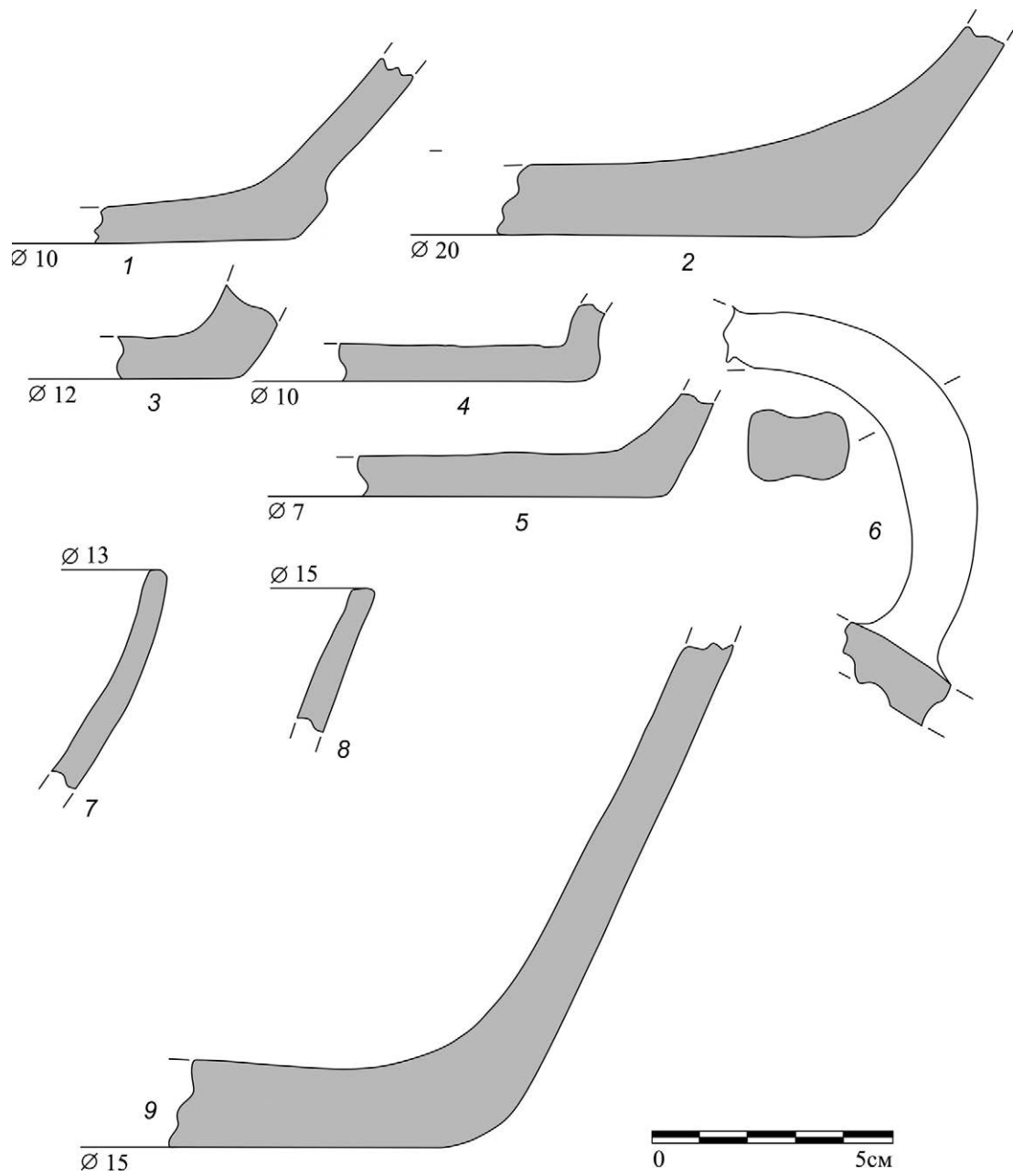

Рис. 22. Слой II.3. Кв. 43. Начало – третья четверть V в. 1–3 – круговые кухонные красноглиняные кувшины; 4–9 – лепная кухонная посуда

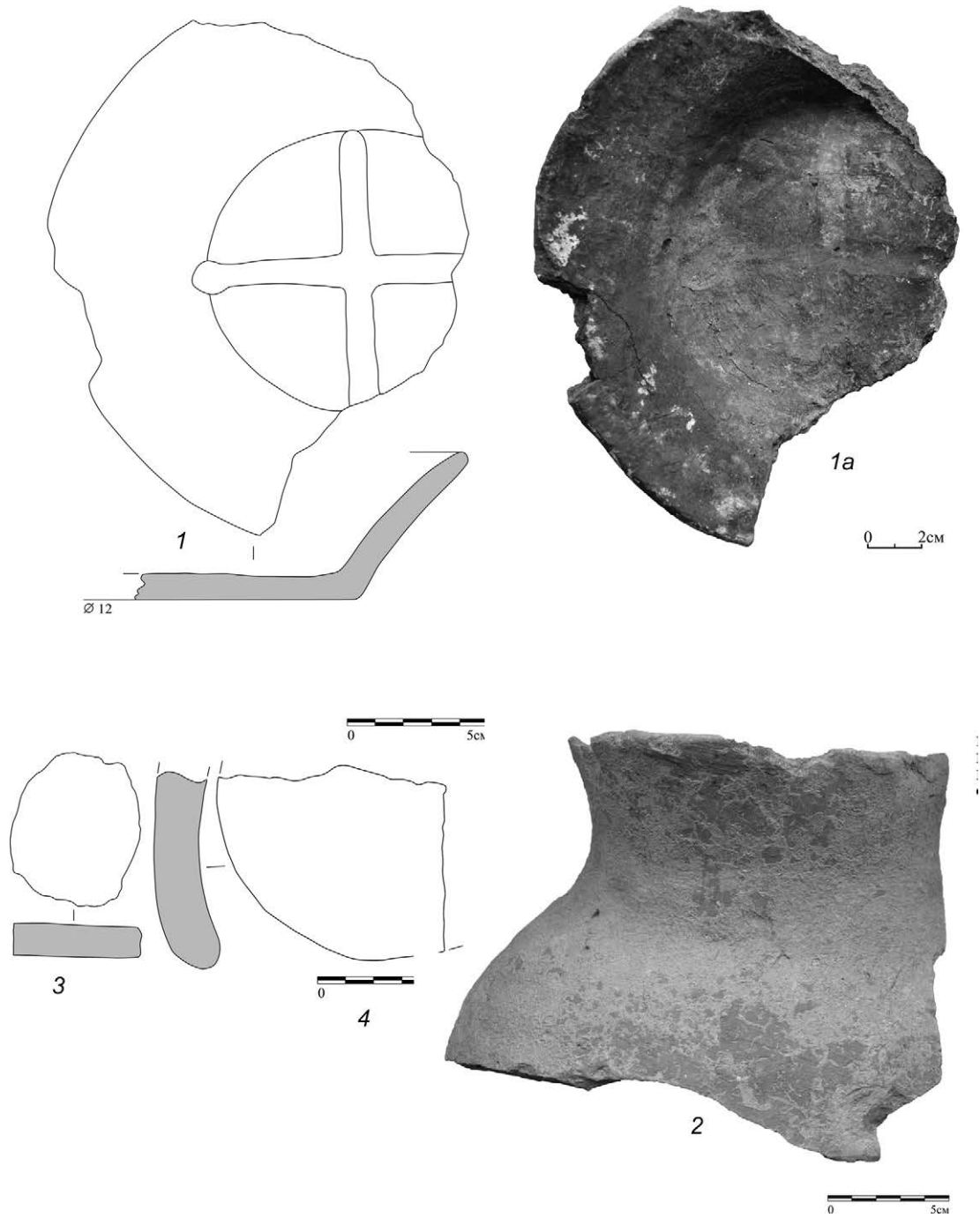

Рис. 23. Слой II.3. Кв. 43. Начало – третья четверть V в. 1, 2 – лепная кухонная посуда; 3 – крышка/пробка каменная; 4 – грузило керамическое

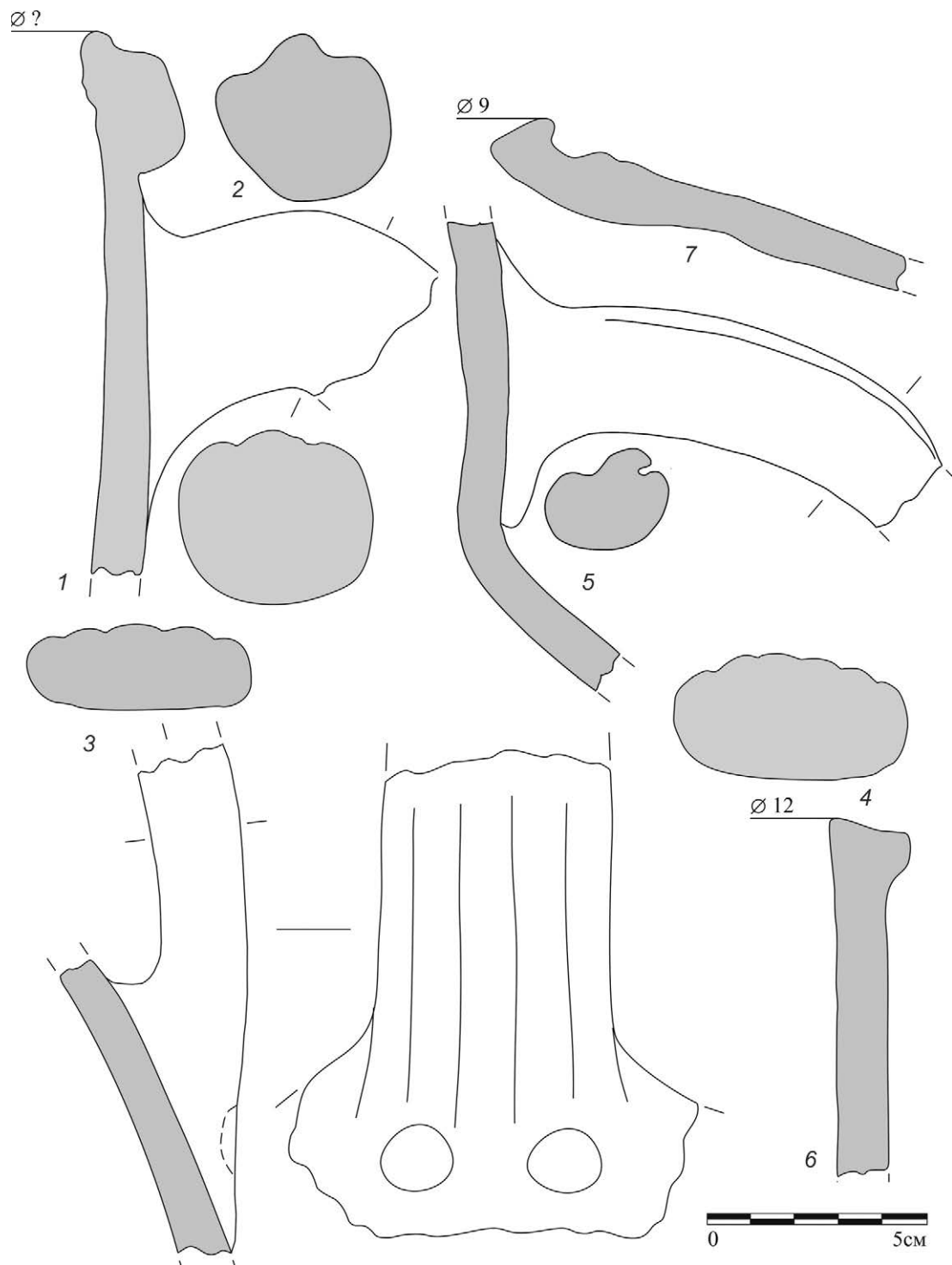

Рис. 24. Слой II.3. Прирезка 3. Начало–третья четверть V в. 1, 2 – узкогорлые светлоглиняные амфоры С IV Е; 3, 4 – красноглиняные боспорские амфоры Зеест 96/97; 5 – амфора LRA 1 А; 6 – амфора С Snp II-1; 7 – амфора LR 4 C2

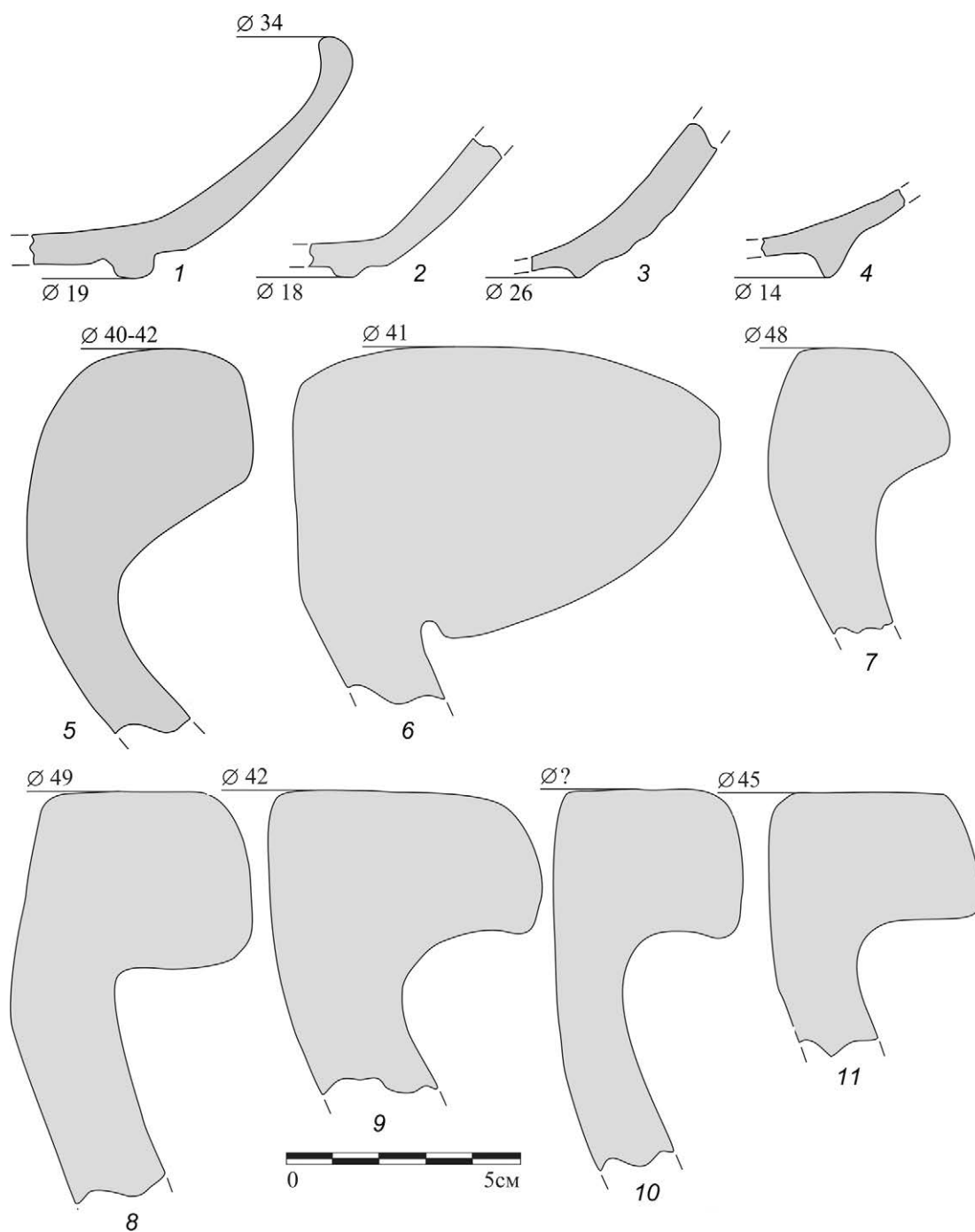

Рис. 25. Слой II.3. Прирезка 3. Начало – третья четверть V в. 1, 2 – краснолаковые миски PRSW 1; 3, 4 – краснолаковые миски LRC 3 C; 5–11 – красноглиняные пифосы

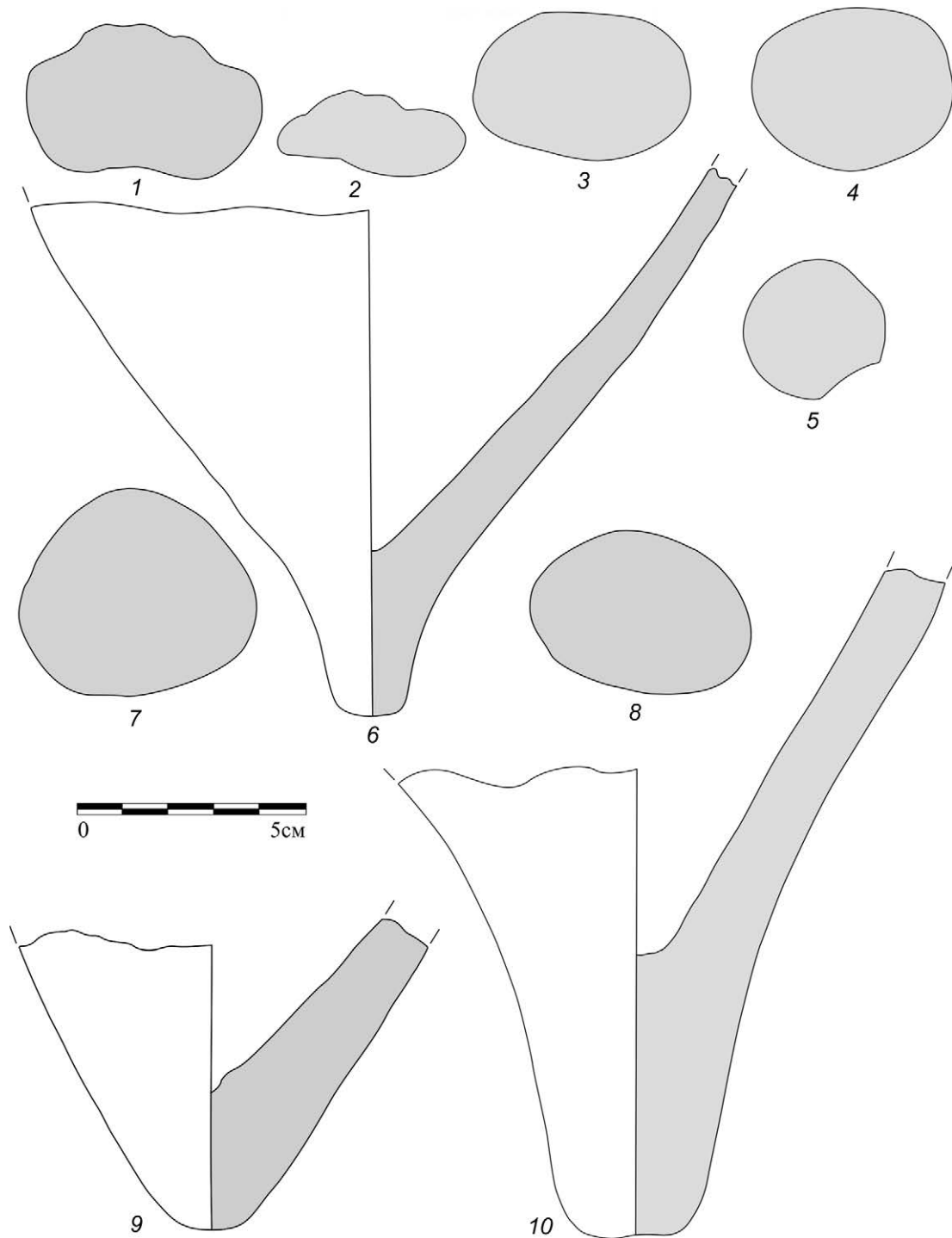

Рис. 26. Слой II.3. Прирезка 3. Начало – третья четверть V в. Амфоры. 1 – Зеест 72; 2 – Зеест 73 ж-з; 3 – Зеест 76 в; 4-6 – Зеест 83/89; 7-10 – Зеест 84

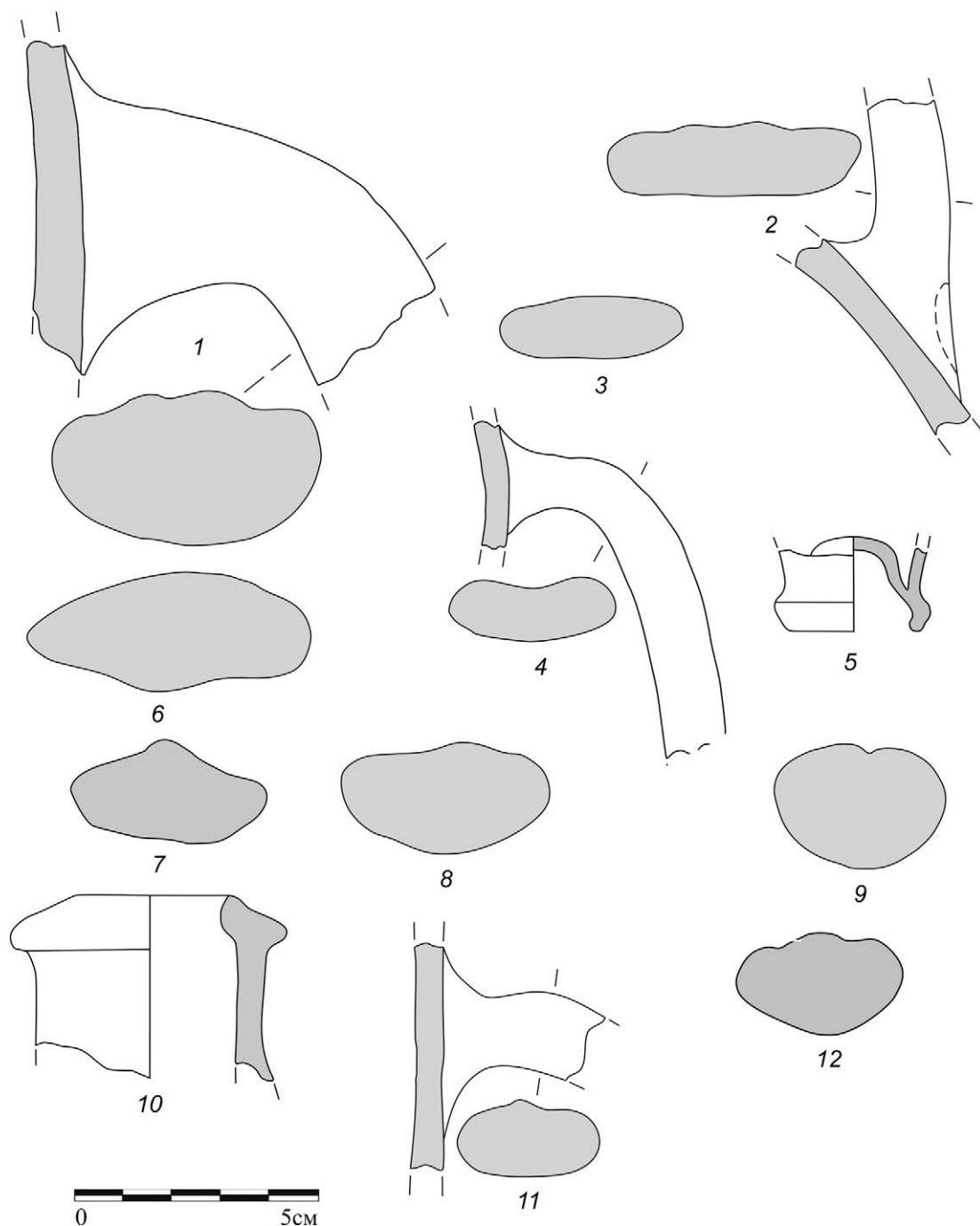

Рис. 27. Слой II.3. Прирезка 3. Начало – третья четверть V в. Амфоры.
 1 – Зеест 86; 2 – Зеест 88; 3, 4 – КХ I С 2; 5 – MR 3=Agora M 125; 6 – MR 18;
 7, 8 – Крапивина 21; 9 – Алексеева 1997, табл. 94. 18, 225. 3; 10–12 – С IVD

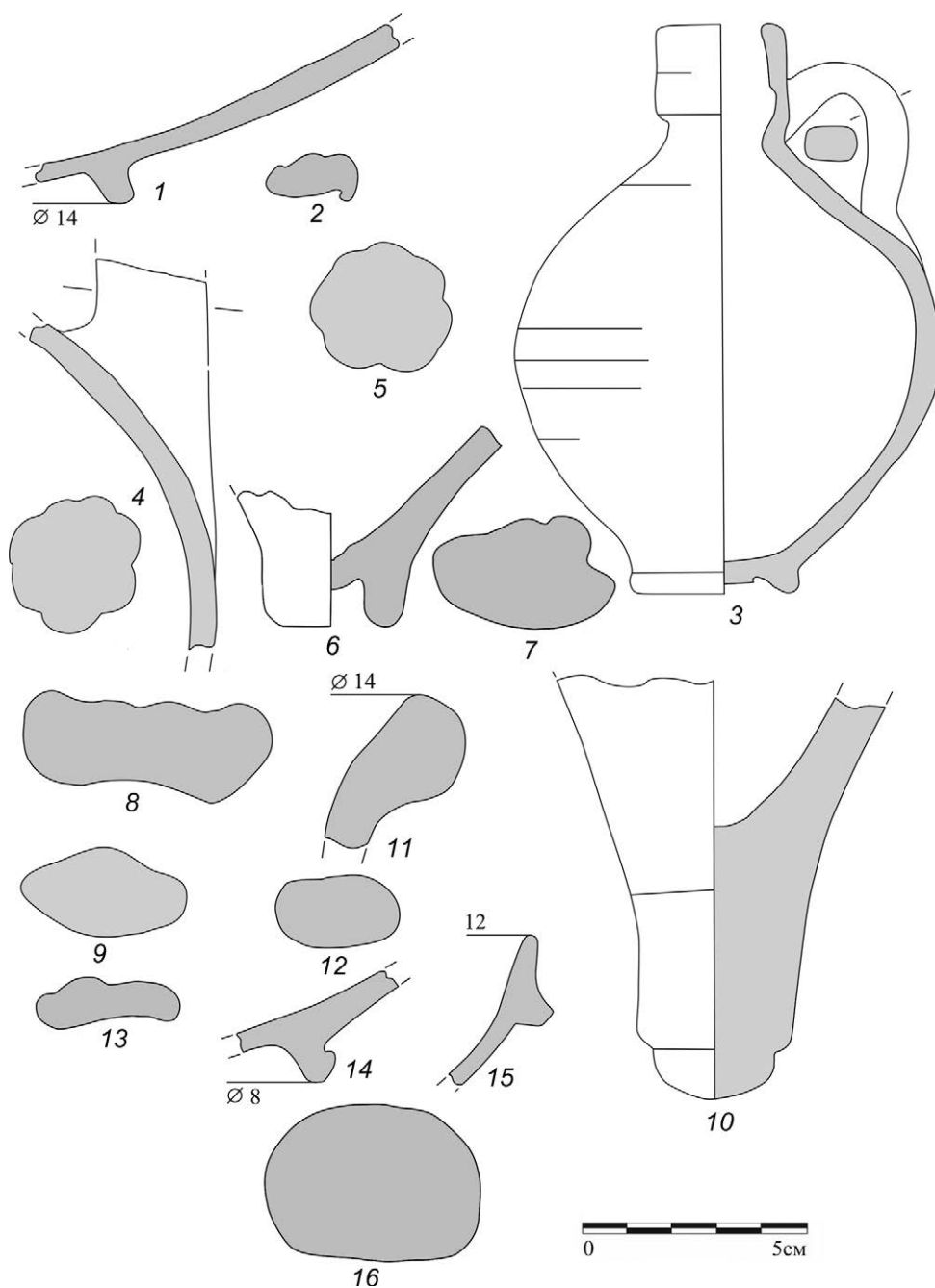

Рис. 28. Слой II.3. Прирезка 3. Начало – третья четверть V в. 1 – Pontic sigillata A form 8; 2 – понтийский кувшин формы 18.1; 3 – краснолаковой кувшин, близкий сосуду из Неаполя Скифского; 4, 5 – столовые кувшины с реберчатыми («гофрированными») ручками; 6, 7 – амфоры C IV C; 8 – плоскодонная амфора-кувшин; 9 – амфора Син IV Б; 10 – амфора C I Б; 11 – красноглиняная широкогорлая амфора с отогнутым венцом; 12 – амфора Син IV В; 13 – краснолаковый кувшин формы Pontic sigillata 9.2; 14 – краснолаковая миска формы Eastern sigillata B 1; 15 – краснолаковая миска Italian sigillata Conspectus form 34; 16 – ручка гераклейской амфоры типа Монахов I–4

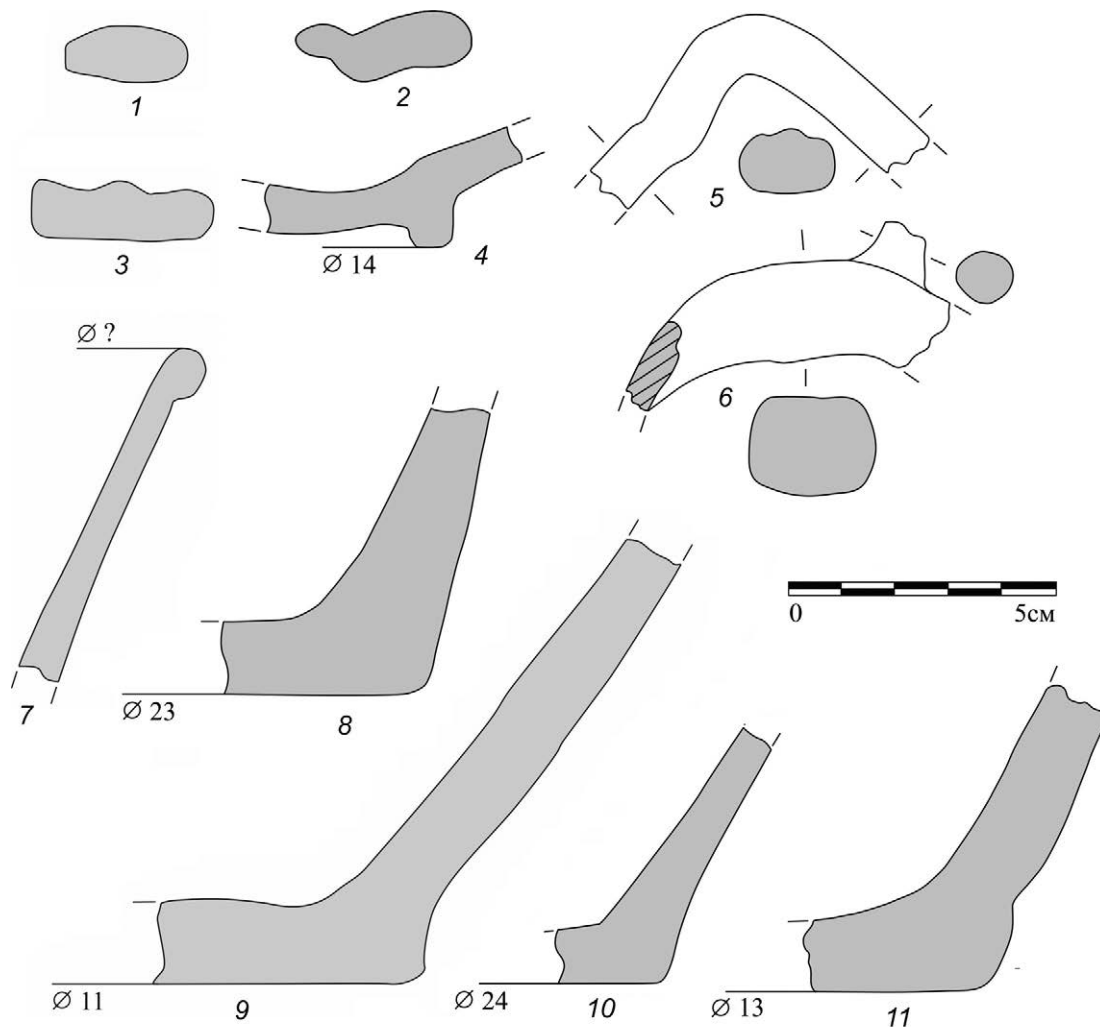

Рис. 29. Слой II.3. Прирезка 3. Начало – третья четверть V в.
1–6 – круговые столовые сосуды; 7–11 – круговые кухонные сосуды

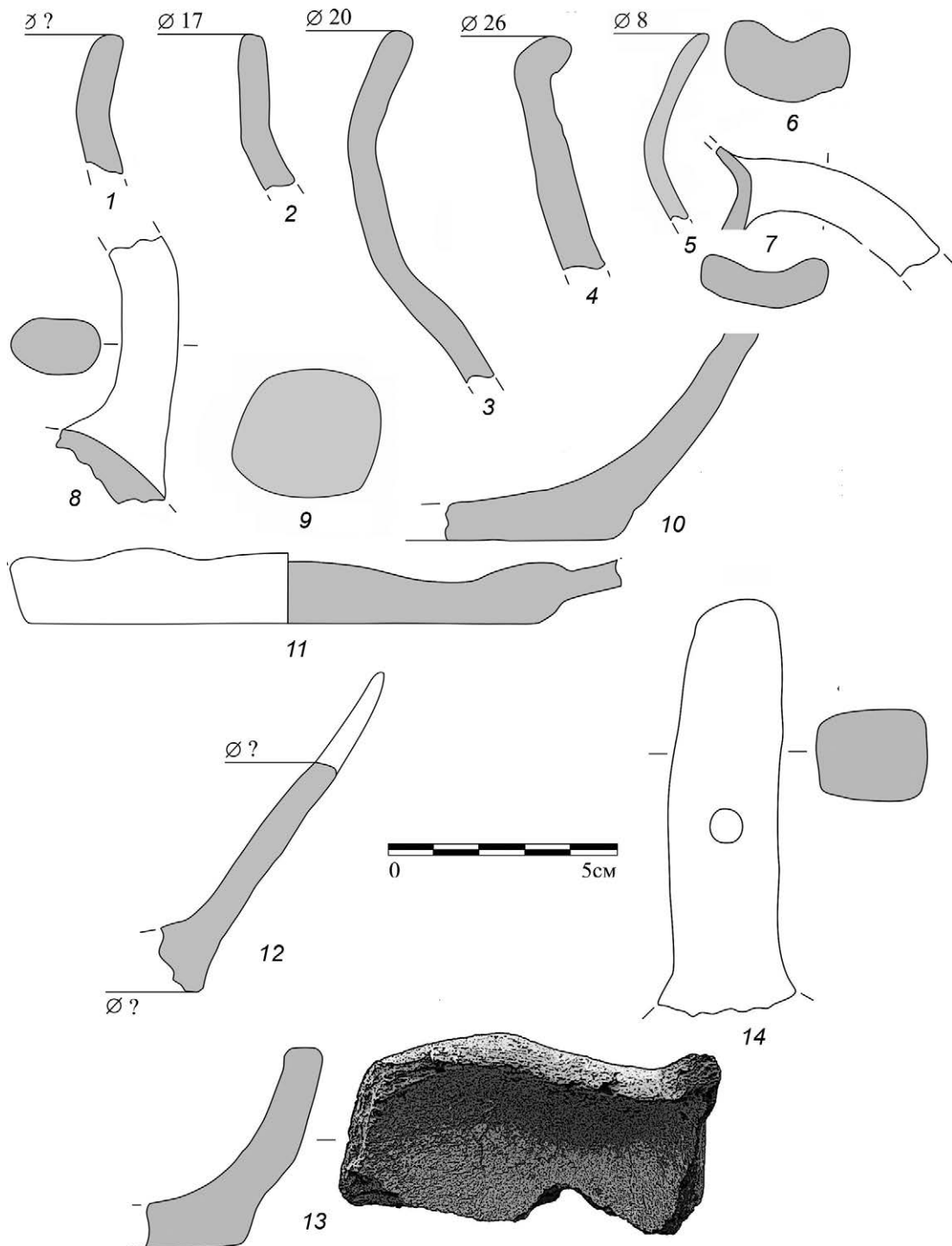

Рис. 30. Слой II.3. Прирезка 3. Начало – третья четверть V в. 1–12– лепные кухонные сосуды; 13 – лепной светильник; 14 – лепная очажная подставка

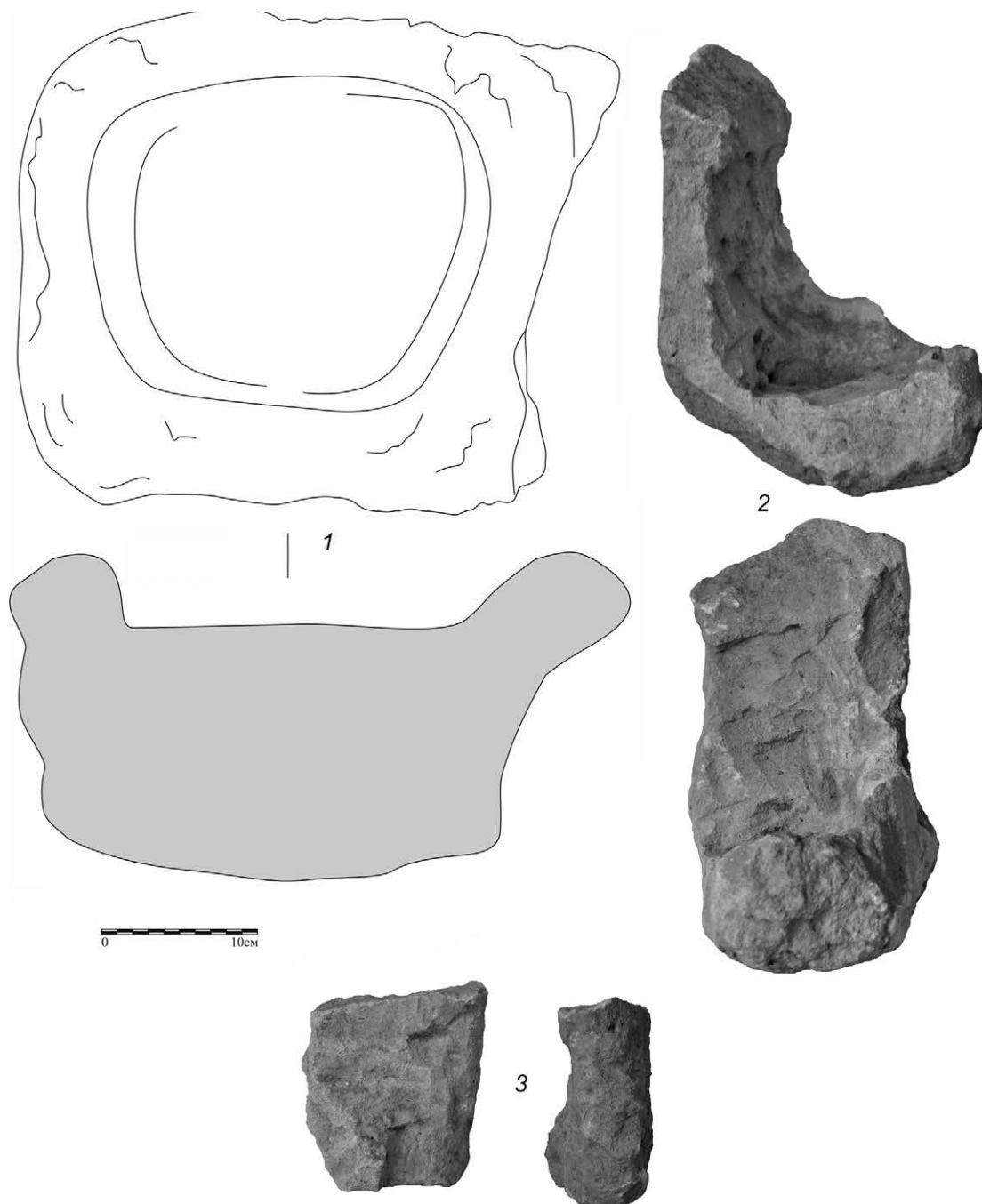

Рис. 31. Слой II.3. Прирезка 3. Начало – третья четверть V в.
Изделия из известняка. 1 – кормушка; 2, 3 – фрагменты жертвенника (??)

Список литературы

- Айбабин А. И. 1996. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. V, 290–303.
- Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. Москва, 560.
- Алексеева Е. М. 2008. Горгиппия. Коричневоглиняные амфоры из комплексов первых веков нашей эры // ДБ. 12, 14–43.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 178.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 1992. Усадьбы Танаиса. Москва, 231.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 1993. Комплекс находок из подвала МБ II–III вв. // Вестник Танаиса. 1, 61–113.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 1995. Танаис IV–V вв. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // БС. 6, 45–58.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 2001. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ. 4, 56–124.
- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А. 2009. Новые закрытые комплексы Танаиса II и III вв. н. э. // ДБ. 13, 38–78.
- Бонин А. В. 2017. Городище и поселение Ильичевка (Краснодарский край, Темрюкский район) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 г. (Материалы спасательных археологических исследований. 19). М., 26–31.
- Бонин А. В. 2017а. О времени существования неукрепленной части Ильичевского поселения // КСИА. 247, 274–284.
- Бонин А. В. 2018. Охранно-спасательные работы на городище и поселении Ильичевка в Темрюкском районе // АО. 2016, 203–204.
- Бураков А. В. 1976. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 160.
- Веймарн Э. В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. XIII, 15–89.
- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. 2011. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 179–249.
- Внуков С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М., 235.
- Внуков С. Ю. 2012. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 4, 5–15.
- Внуков С. Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2, 36–47.
- Гугуев В. К., Науменко С. А. 2021. Подвал II в. н. э. в районе городской площади Танаиса (раскоп XIX) // МАИАСП. 13, 535–577.
- Голофаст Л. А. 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. VIII, 97–260.
- Голофаст Л. А. 2010. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // МАИЭТ. XVI, 82–139.

- Голофаст Л. А. 2021. Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории // РА. 4, 53–64.
- Егорова Т. В. 2014. Предварительный анализ комплекса чёрнолаковой керамики VI–II вв. до н. э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // ДБ. 18, 174–195.
- Журавлев Д. В. 2010. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) (МАИЭТ. Suppl. 9). Симферополь, 318.
- Зайцев Ю. П. 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском, и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 г., 102–116.
- Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 179.
- Зубарев В. Г. 2000. Античное поселение у села «Белинское» (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 гг.) // ДБ. 3, 63–77.
- Иванова О. С. 2011. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. XVII, Симферополь, 266–327.
- Кленина Е. Ю. 2004. Керамические сосуды II–III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). *Roznau*, 113.
- Крапивина В. В. 1993. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, 182.
- Кропотов В. В. 1998. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «Инкерманського» типу // Археологія. 4, 128–134.
- Кузицин В. И., Иванчик А. И. 1998. «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1, 205–233.
- Лысенко А. В., Юрочкин В. Ю. 2004. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Киев, 94–166.
- Магомедов Б. В. 1991. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. Киев, 48.
- Медникова Е. Ю., Шаров О. В. 2019. Технологические особенности строительных растворов, полученных при исследовании винодельческих комплексов поселения Ильич 1 Темрюкского района Краснодарского края // *Stratum plus*. 4, 343–358.
- Могаричев Ю. М. 2003. К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // ХСБ. XII, 287–300.
- Могаричев Ю. М. 2009. Новые материалы по истории еврейской диаспоры позднеантичного-раннесредневекового Боспора // Хазарский альманах. Харьков, 265–276.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва-Саратов, 350.
- Науменко С. А. 2012. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I – середины III вв. н. э. // Вестник Танаиса. 3, 63–88.
- Науменко С. А. 2019. Позднеантичный Танаис и его амфоры // Вестник Танаиса. 5/2, 86–101.
- Нессель В. А. 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка // ХСБ. XII, 107–123.
- Пуздровский А. Е. 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 479.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. 2001. Новые памятники III–IV вв. н. э. в юго-западном Крыму // МАИЭТ. VIII, 32–50.

- Сазанов А.В. 1993. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. III, 16–21.
- Сазанов А.В. 2000. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 3, 221–259.
- Сазанов А.В. 2011. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии Боспора позднеримского времени // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб – Нижний Новгород, 325–327.
- Сазанов А.В. 2012. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM: Сб. статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира. М., 120–181.
- Сазанов А.В. 2012а. Хронология амфор мирмекийского типа (Зеест 72 – Bottger I. 5) римского времени // ДБ. 16, 326–353.
- Сазанов А.В. 2019. Джон Вильям Хейс и его «Late Roman Pottery»: 47 ans après // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические. связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы III Международной научной конф. Т. 1. Симферополь, 233–241.
- Сазанов А.В. 2022. Амфоры C Spn I: проблемы классификации и хронологии // ПИФК. 1, 90–144.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. 1989. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1, 84–102.
- Смокотина А.В. 2014. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII в. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06-археология. М., 347.
- Сымонович Э.А. 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 173.
- Фролова Н.А. 1997а. Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. – сер. IV в. н. э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н. э. – 210/211 г. н. э. М., 343.
- Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. – сер. IV в. н. э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н. э. М., 535.
- Храпунов И.Н. 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 313.
- Шаров О.В., Соколова Л.А. 2017. Предварительные итоги исследований береговой части поселения Ильич – 1 Темрюкского района Краснодарского края в 2015–2016 гг. // Таврические студии. 12, Симферополь–Керчь, 167–175.
- Шаров О.В., Павличенко Н.А., Чорев М.М. 2019. Эпиграфические и нумизматические находки из раскопок поселения Ильич 1, как отражение кризисных явлений боспорского общества в эпоху эллинизма // Stratum plus. 6, 117–144.
- Юрочкин В.Ю., Зубарев, В.Г. 2001. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 4, 454–473.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. 2003. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХСб. XII, 199–225.
- Arsen'eva T. M., Domzalski K. 2002. Late Roman Red slip Pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 8, 415–491.
- Bezeczky T. The Amphorae of Roman Ephesus., Wien, 2013, 269.
- Böttger B. 1982. Die Gefäßkeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Bd. II. Ergebnisse der Ausgrabungen 1966–1973. Berlin, 33–148.

- Böttger B. 1991. Die Gefasskeramischen funde (1975–1981) // Iatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau. Bd. IV. Berlin, 33–94.
- Carreras Monfort C., Berni Millet P. 2005. Late Roman Amphorae in the City of Barcino (Barcelona) // LRCW I. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry (BAR International Series 1340). Oxford, 165–178.
- De Mitri C. 2005. Otranto. Anfore da trasporto di eta' tardoromana (IV–VI sec. d. C.) // Late Roman amphorae in the City of Barcino (Barcelona) // LRCW I, Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry (BAR International Series 1340). Oxford, 413–424.
- Degrassi V., Gaddi D., Mandruzzato L., Scotti F. 2010. Tergeste (Trieste – Italia), Materiale ceramico dai livelli di costruzione delle mura tardo imperiali (prima meta V sec. d. C.) // LRCW3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean. V. II (BAR S2185-II). Oxford, 579–584.
- Demesticha S. 2013. Amphora Typologies, Distribution and Trade Patterns. The cCse of the Cypriot LR1 Amphorae // The Transport Amphorae and Trade of Cyprus. Aarhus, 169–178.
- Domżalski K. 2021. Pontic Red Slip Ware. Typology, Chronology and Distribution of a Major Group of Late roman Fine Pottery in the Black Sea Region. Warsaw, 221.
- Eiwanger J. 1981. Keramik und Kleinfunde aus der Damokratia-Basilika im Demetrias (Demetrias. IV). Bonn, 263.
- Expósito J. A., Bernal D. 2007. Ánforas orientales en el extremo occidente: las importaciones de LR 1 en el sur de Hispania // LRCW 2. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry (BAR International Series. 1662-I). Oxford, 119–132.
- Hayes J. W. 1985. Sigillata Pontica // Atlante delle forme ceramiche: Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Atlanti sussidarii. II. Ceramica fi ne Romana nel bacino mediterraneo, (tardo ellenismo e primo impero). Roma, 92–96.
- Hayes J. W. 2008. Roman Pottery. The Fine Wares (The Athenian Agora. XXXII). Princeton–New York, 341.
- Haxhimihali M. 1998. Les amphores du sondage 10 // Fouilles à Marseille. Les mobiliers (Ier–VIIe s.) (Etudes Massaliètes. 5). Paris, 161–164.
- Kassab Tezgör D. 2010. Étude du matériel amphorique de la zone A et de la zone B // Varia Anatolica. XXII, 141–186.
- Murcia Muñoz A. J., Vizcaíno Sánchez J., García Lorca S., Ramallo Asensio S. F. 2005. Conjuntos cerámicos tardíos de las excavaciones en el teatro romano de Cartagena // LRCW I. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry (BAR International Series 1340), 1–36.
- Opait A. 1984. Beobachtungen zur entwicklung der zwei amphorentypen // Peuce. IX. Tulcea, 311–326, 676–690.
- Pieri D. 1998. Les amphores des sondages 6–7 // Fouilles à Marseille. Les mobiliers (Ier–VIIe s.). (Etudes Massaliètes. 5). Paris, 108–127.

- Pieri D. 2005. Le commerce du vin oriental a l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule (Bibliothèque archéologique et historique. 174). Beyrouth, 327.
- Radulescu A. 1976. Amfore romane și romano-bizantine din Scythia Minor // Pontica. 9, 99–114.
- Remolà J. A. 2000. Las ánforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis) (Colección Instrumenta. 7), Barcelona, 353.
- Reynolds P. 2005. Levantine Amphorae from Cilicia to Gaza. A Typology and Analysis of Regional Production Trends from the 1st to 7th Centuries // LRCW I. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry (Conference papers, held at Barcelona, 14–16th March 2002) (BAR. International Series 1340). Oxford, 563–611.
- Reynolds P. 2010. Trade Networks of the East, 3rd to 7th Centuries. The View from Beirut (Lebanon) and Butrint (Albania) (Fine Wares, Amphorae and Kitchen Wares) // LRCW3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean. Vol. I (BAR. S2185-I). Oxford, 89–114.
- Reynolds P. 2011. Fine Wares from Beirut Contexts, c. 450 to c. 600 // LRFW I. Late Roman Fine Wares. Solving Problems of Typology and Chronology. A Review of the Evidence, Debate and New Contexts, Oxford, 207–230.
- Raynaud C. 1991. Les mobiliers // La basilique paléochrétienne du Clos de la Lombarde à Narbonne // Revue Archéologique de Narbonnaise. Supplément 23, 235–253.
- Reynolds P. 2010. Trade Networks of the East, 3rd to 7th centuries. The View from Beirut (Lebanon) and Butrint (Albania) (Fine Wares, Amphorae and Kitchen Wares) // LRCW 3. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. Comparison between Western and Eastern Mediterranean. Vol. I. (BAR. S2185-I). Oxford, 89–114.
- Reynolds P. 2011. Fine Ware from Beirut Contexts, c. 450 to the early 7th century // LRFW 1. Solving Problems of Typology and Chronology. A Review of the Evidence, Debate and New Contexts. Oxford, 207–230.
- Sazanov A. 2017. Les amphores LRA 4. Problèmes de typologie et de chronologie // LRCW 5. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry = La céramique commune, la céramique culinaire et les amphores de l'Antiquité tardive en Méditerranée: archéologie et archéométrie. Pt. 2 (Études alexandrines. 42–43). Alexandria., 629–650.
- Vasiliou S. P., Tsigarida E. B. 2014. Late Roman Pottery from Recent Excavations at Cassandra in Chalcidice // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: A Market without Frontiers. Vol. II (BAR. S2616-II). Oxford, 723–736.
- Whitehouse D., Costantini L., Guidobaldi F., Passi S., Pensabene P., Pratt S., Reece R., Reese D. 1985. The Schola Praeconum II // Papers of the British School at Rome. 53, 163–210.

Summary

Andrei V. Sazanov

**Pottery contexts dated to the early – third quarter
of the Vth century AD coming from Ilyich-1 settlement**

The article analyses ceramic contexts dated to the early-third quarter of the 5th century AD coming from level III.2 of Ilyich I settlement.

The dating finds are represented by fragments of amphoras C Snp I, C Snp II-1, Böttger III.1, Böttger II.4, LRA 1 A, C IV E, LR 4 C 2, Zeest 96/97 and red-slip wares forms PRSW 1, PRSW 3, LRC 1 D/2, LRC 3 B, LRC 3 B/C, LRC 3 C, LRC 8. Chronologically they form three groups, which reflect different cycles stages of these types, recorded in the contexts of early-third quarter of the 5th century AD. Amphoras C Snp I, Seest 96/97, C IV E and red slip wares forms PRSW 1, PRSW 3 completing their cycles come out of circulation. Amphoras C Snp II-1, Böttger III.1, Böttger II.4, LRA 1 A and red slip wares forms LRC 1 D/2, LRC 3 B, LRC 3 B/C, LRC 3 C were manufactured and actively used in early- third quarter of the 5th century AD. LR 4 C 2 amphoras and red slip ware form LRC 8 have just started to come into use. It should be noted residual pottery finds, dated from 4th BC to 4th AD. Typical contexts formed in the early third quarter of the 5th century AD are considered in detail.

The analysis of the contexts suggests active functioning of Ilyich-1 settlement in this period, which is practically not presented on Ilyich fortress. This layer III.2 may be partially synchronized with the third stage of the last period of Tanais.

С. Ю. Сапрыкин*, А. А. Масленников**

(* *Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова,
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва;*

** *Институт археологии РАН, г. Москва*)

Граффити и дипинти из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье¹

В 2007 г. вышел в свет том, посвященный публикации граффити из сельских поселений Боспора за разные годы раскопок, подготовленный авторами данной статьи. В него вошло 1266 надписей, монограмм, отдельных букв и знаков [Сапрыкин, Масленников 2007]. В 2012 г. авторы в дополнение к упомянутому изданию ввели в научный оборот еще 45 граффити и дипинти из поселений Восточного Крыма: Генеральского Западного, Бакланья скала, Генеральского (западного) юго-западный склон, Пустынный берег III, Казантип (западный) [Сапрыкин, Масленников 2012, 200–216]. С тех пор благодаря недавним весьма масштабным раскопкам на пространствах боспорской хоры количество такого рода памятников заметно увеличилось и в большинстве своём ещё ждёт опубликования.

Напомним, граффити из поселения Полянка в своде 2007 г. занимали достаточно скромное место – на момент его подготовки их там было обнаружено всего три, к тому же не отличавшихся особой выразительностью. Они происходили из раскопок 1984–1987 гг., главным образом, из слоев и строительных остатков I в. до н. э. [Сапрыкин, Масленников 2007, 163–164]. На сегодняшний день городище Полянка представляет собой наиболее раскопанный и достаточно хорошо изученный археологический объект, из общей площади которого (около 0,6–0,65 га) исследовано не менее 0,55 га. Это поселение так называемой «дальней хоры» Европейского Боспора имеет весьма узкую, но примечательную хронологию и стратиграфию. Оно возникло на месте некоего городища, которое существовало примерно со второй четверти III в. до н. э. до последней трети/четверти II в. до н. э. Причины его исчезновения не ясны, поскольку материальные остатки представлены только слоем золисто-мусорного сброса, наиболее мощным (до 4 м) в восточной части площади последующего поселения, который сохранился вблизи скалистого холма и частично на довольно крутом его склоне. Он подстилает,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта: «Причерноморская и Центрально-Азиатская периферии античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№-НИОКР 122011200269-4).

а кое-где и перекрывает строительные остатки эпохи Митридата Евпатора и постмитридатовского времени. К этому периоду жизни поселения относятся и укрепления достаточно хорошей сохранности. В настоящее время рассматриваемый памятник датируется рубежом первой-второй четвертей – серединой последней четверти I в. до н. э. (более точный *terminus ante quem* – 12–9 гг. до н. э.). Такая особенность стратиграфии всего данного археологического комплекса, о чём одному из авторов данной статьи уже приходилось высказываться [Масленников 2013, 232–253], не могла не отразиться на общей характеристике находок, отличающихся хронологической неоднородностью. Она проявляется в том, что более ранние артефакты численно и качественно преобладают над теми, которые относятся в I в. до н. э.

Большая часть наиболее информативных находок (амфоры, монеты, терракоты) из строительных комплексов и слоёв I в. до н. э. ранее уже была нами опубликована и сделанные при этом выводы будут полезными при работе над граффити. В целом же следует иметь в виду, что при весьма значительной исследованной площади этот материал в количественном и качественном отношении заметно уступает происходившему из близких по площади раскопок ряда поселений Крымского Приазовья, причем как более ранних (см. выше), так и позднейших (Семёновка, Артезиан, Белинское).

Авторы предлагаемой статьи приняли решение придерживаться принятой в Своде 2007 г. нумерации, по которой распределены и граффити с поселения Полянка до 2007 г. (№ 1–3). Нумерацию же находок 2007–2019 гг., которую авторы используют в данной статье, можно рассматривать как продолжение прежней публикации, своего рода *addenda*, так как раскопки этого городища, хотя и с перерывом, продолжались вплоть до последнего времени и в основном на тех его участках, которые до 2007 г. не изучались. К тому же они затронули упомянутые выше более ранние слои памятника. Поэтому публикация новых находок начинается с № 4. Кроме того, авторы полагают, что при всех очевидных минусах, представление фотографий граффити и дипинти всё же предпочтительней их прорисовок в виду неизбежной «субъективности» последних. Хотя...

Итак.

4. Раскопки 2007 г. Оп. 171 (рис. 1. 2). Фрагмент донца красноглиняной чашки, на котором четко прочерчена буква А, уходящая в облом. Слева внизу небольшая буквица или монограмма в виде К. Знаки нанесены по сырой глине, следовательно, скорее всего, оставлены ремесленником. *Альфа* на поддонах различных сосудов часто встречается среди граффити. Она может обозначать цифру 1 по алфавитной системе счета, т. е. номер в партии подобных изделий (или самой партии сосудов на вывоз или на продажу), начало имени владельца или божества [анalogии см. Сапрыкин, Масленников 2007, 18 сл.]. Маленькая К, очевидно, означала название сосуда типа: κ(ύαθος), κ(ούλη), κ(ανθήριον) – чашка, сосуд, кубок, характеризуя его тип либо меру ёмкости. *Каппа* часто засвидетельствована на донцах кухонной и столовой посуды. Поэтому сочетание крупной *альфы* и маленькой *каппы* могло указывать на то, что мастер-керамевс по имени с начальной буквой А изготовил сосуд или скорее партию сосудов типа канфара, котилы и т. п., или же он просто проставил номер А = 1, отметив этим первую их партию для продажи или на вывоз.

Рис. 1. 1 – № 6; 2 – № 4; 3 – № 11; 4 – № 5; 5а, б – № 7, 8

5. Раскопки 2010 г. Оп. 104 (рис. 1. 4). Профиль светло-красноглиняной, черно-буrolаковой (в основном – внутри), глубокой чашки. Происходит из раскопа на вершине близлежащего скалистого холма, где сохранились остатки небольшого, очевидно, сакрального объекта, условно названного «загородным святилищем». Сосуд явно эллинистического времени [Кузина, Масленников 2011, 228–247]. Снаружи на стенке под венчиком, что практикуется довольно-таки редко, прочерчено: АГНН. Буквы крупные, достаточно четкие, *гамма* с длинной верхней гастой, *ню* с поперечной гастой, которая упирается в правую не доходящую до низа вертикальную черту. Она составляет одновременно одну гасту с *этой*, поскольку НН начертаны в лигатуре, так что правая гаста *ню* была слегка укороченной. Это совпадает с боспорским шрифтом III–II вв. до н. э. [Болтунова, Книпович 1962, 9]. Надпись можно прочесть и как личное женское имя Ἄγνη (LGPN II. 7; III. А. 13; IV. 5), и как прилагательное ἄγνη – чистая, искупительная, очищающая (в ритуальном, сакральном смысле), т. е. данная чаша использовалась для очистительных либаций и жертвоприношений. Такое чтение соответствует культовой атрибуции комплекса, где найден черепок.

6. Раскопки 2011 г. Оп. 141 (рис. 1. 1). Донце розовоглиняной буrolаковой чашки или миски. На внешней стороне округлого поддона крестообразный знак, причем вертикальная линия процарапана дважды. Метка владельца. Такие метки часто фигурируют в граффити.

7, 8. Раскопки 2011 г. Оп. 142 (рис. I. 5 а, б). Донце светлоглиняного с розоватым оттенком рыбного блюда, покрытого плохим лаком черно-бурого цвета (на внешней поверхности блюда лак частично сошел). Датировка – эпоха эллинизма. Внутри, в центре округлого углубления для соуса процарапано XI или H <. Возможно начало имени Xι (...), например: Xι(ων) или первые буквы засвидетельствованного на Боспоре в Фанагории личного имени Xι(μρις) (LGPN IV. 356). Однако скорее всего, это граффито χ(αλκός) I, т. е. цена в один халк. Внизу значок < = 1/2; тогда за блюдо «брали» полтора халка. Не исключено и чтение H = η(μισυς) – половина, половинный, или H = 8 (обол) и значок половины снизу. И тогда это цена в полтора обولا [Сапрыкин, Масленников 2007, 191, № 81]. Впрочем, снаружи на поддоне сохранился крайне запутанный процарапанный неким остриём рисунок, смысл и значение которого не поддаются истолкованию. Как будто бы в нём просматриваются несколько раз небрежно начертанные буквы X I и знаки <, ^ . В таком случае первое из предложенных прочтений граффито более вероятно. Но не исключено, что это что-то вроде детского рисунка: «человечек» (?).

9. Раскопки 2011 г. Оп. 168 (рис. 3. 3). Фрагмент ручки амфоры колхидской глины с процарапанной в верхней части буквой Π. Начало имени или цифра по акрофонической системе Π = 5 (порядковый номер амфоры в партии товара?).

10. Раскопки 2012 г. Оп. 119 (рис. 3. 5). Граффито в виде трех вертикальных линий (средняя укорочена), перечеркнутых сверху вниз косой линией, на двустольной ручке светлоглиняной амфоры, скорее всего, второй половины I в. до н. э. Подобные знаки, похожие на трезубец, нередки в граффити. Они предположительно обозначали цену, например: НН = 2 обولا или полуобова, или же служили отметкой весовой единицы [ср.: Roller 1987, fig. 20, 2A-159; Сапрыкин, Масленников 2007, 289, № 833, 838; 290, № 863; 293, № 907; 294, № 933; 298, № 53 и др.]. Однако отличие данного знака от других подобных

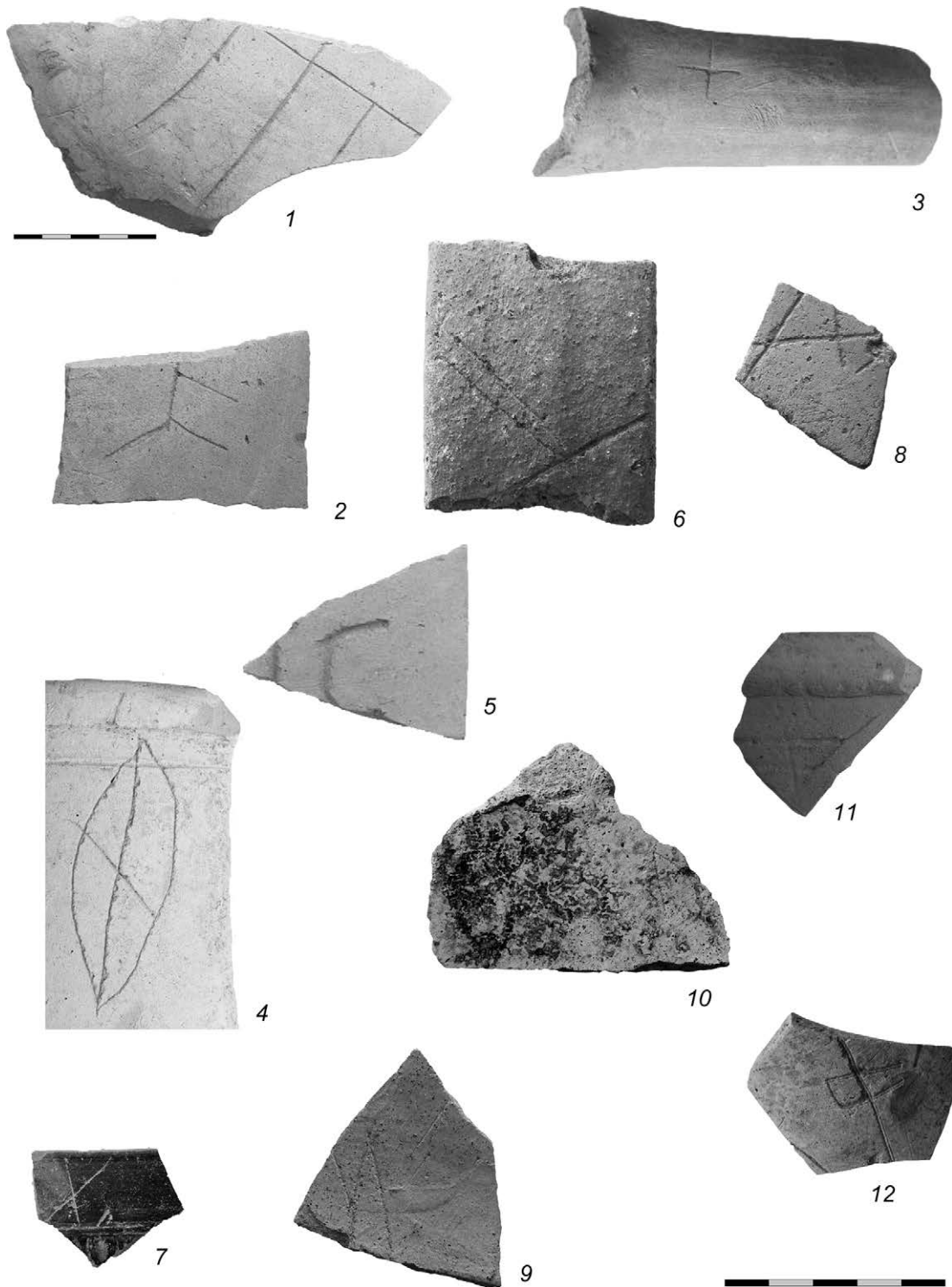

Рис. 2. 1 – № 12; 2 – № 13; 3 – № 15; 4 – № 14; 5 – № 17; 6 – № 19; 7 – № 20;
8 – № 22; 9 – № 23; 10 – № 24; 11 – № 26; 12 – № 27

в том, что три вертикальные черточки как бы перечеркнуты не горизонтальной, а косой линией. Возможно, это означало монограмму: > I I I (три или две половины). В таком случае, это может быть цена, т. е. 2 полуобола = оболу или 3 полуобола = оболу и 1/2 обола (?).

11. Раскопки 2012 г. Оп. 199 (рис. 1. 3). Слой зольника эллинистического времени. Донце сильно обгорелой красноглиняной чашки на высоком поддоне, на внешней стороне которого начертана большая буква К. О значении *каппы* на столовой и кухонной посуде см. выше № 4; в данном случае, очевидно, это название сосуда типа κ(ύαθος), κ(οτύλη), κ(αυθάριον) – чашка, сосуд, кубок, т. е. тип сосуда либо мера ёмкости. Возможно, это первая буква имени владельца.

12. Раскопки 2012 г. Оп. 181 (рис. 2. 1). Стенка родосской амфоры III–II вв. до н. э. Сохранился четкий рисунок в виде горизонтальной линии, под прямым углом, к которой примыкают три вертикальные линии (средняя слегка выступает за пределы горизонтальной черты). Линий, возможно, было больше, так как все они уходят в облом. Внизу слева нечетко прорисованы: Α< (или АК) в лигатуре, перед которыми – какие-то знаки и линии [близкая аналогия: Сапрыкин, Масленников 2007, 275, № 495]. О значении рисунков на амфорах см. выше № 10, но в данном случае это вряд ли цена, так как знаки по форме не соответствуют букве Η. Скорее всего, перед нами обозначение частей целого, т. е. содержимого амфоры, которое разливали по частям – по чашкам (кружкам) для продажи. Тогда Α< могло относиться к цене за одну часть содержимого амфоры – ἄ(μπελίνο)ς< = виноградное (вино) по половине (обола?) за каждую часть отлитого из амфоры продукта, так как < обозначает обол. Если же читать буквы как АК, то они могли принадлежать личному имени. Нельзя исключать, что рисунки на черепках вторично использовались при обучении или при настольных играх.

13. Раскопки 2013 г. Оп. 182 (рис. 2. 2). Слой эллинистического времени. Стенка фасосской (?) амфоры или какого-то сосуда фасосской глины с граффито в виде тамги или лигатуры ΕΛ. Похожая монограмма см. [Сапрыкин, Масленников 2007, 268, № 391 (406)]. На наш взгляд, для тамги по времени – рано; скорее это монограмма в виде оливкового дерева, которая скрывала слово ἔλ(αία) – маслина, дерево, плод маслины или ἔλ(αιον) – масло, елей.

14. Раскопки 2013 г. Оп. 183 (рис. 2. 4). Фрагмент горла амфоры родосского производства эллинистического времени. Под венчиком граффито: рисунок в виде листа оливкового дерева или от виноградного куста (?). Близкие рисуночные граффити см. [Сапрыкин, Масленников 2007, 255, № 122; 308, № 225; 309, № 252]. Очевидно, это метка, служившая указанием на содержимое амфоры – оливковое масло.

15. Раскопки 2013 г. Оп. 184 (рис. 2. 3). Ручка кувшина светло-красной глины с граффито в виде крестообразного знака. Подобные знаки являлись метками владельцев и часто встречаются на фрагментах различных сосудов.

16. Раскопки 2013 г. Оп. 196 (рис. 4. 2). Слой раннего зольника. Донце чернолаковой (лак почти исчез) солонки или мисочки светло-красной глины на широком поддоне, на котором нечётко просматривается слово: ΠΙΟ. По форме изделие может датироваться IV в. до н. э., но по качеству лака, скорее всего, относится к III в. до н. э. Граффито может иметь различные значения. Во-первых, личное имя Πίο(υ) – «(миска) Пия»;

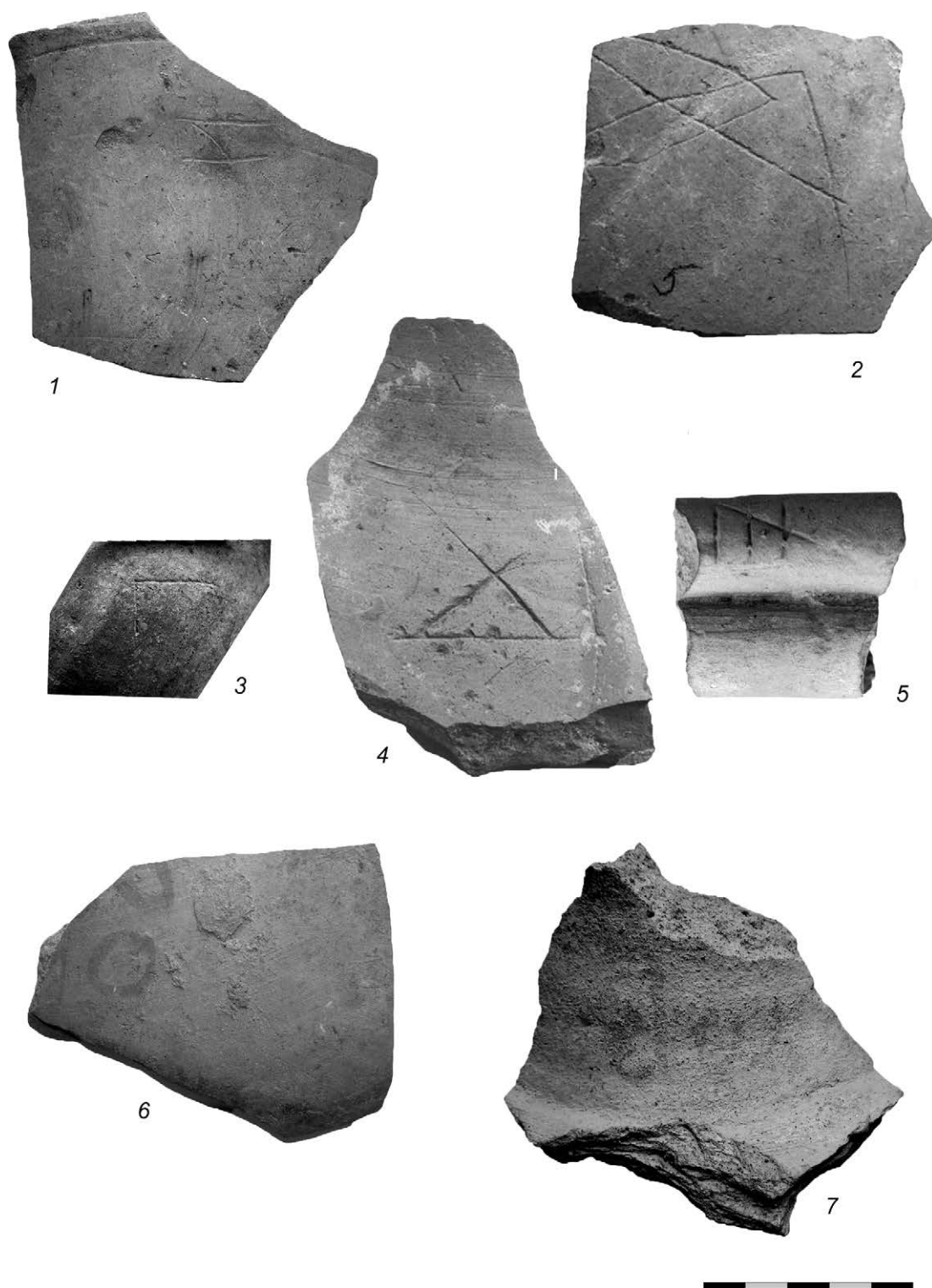

Рис. 3. 1 – № 29; 2 – № 31; 3 – № 9; 4 – № 32; 5 – № 10; 6 – № 28; 7 – № 25

в таком случае граффито владельческое. Данное имя засвидетельствовано в эллинской ономастике (см. LGPN II. 367; III. А. 362; IV. 280; V. В. 353), но исключительно в римскую эпоху. Во-вторых, это могли быть имя, ставшее кличкой или просто кличка, поскольку $\pi\acute{\iota}\omicron\varsigma = \pi\acute{\iota}\omicron\nu$ означает «толстый», «жирный». Однако $\pi\acute{\iota}\omicron\varsigma$ встречается только в поэзии, поэтому данное предположение вряд ли приемлемо. Учитывая сказанное, не исключено чтение граффито как: $\pi\acute{\iota}\omicron[v]$ (sc. $\gamma\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha$), что чаще всего применялось к жирному молоку (Nic. Al. 77; см. LSJ. s. v. $\pi\acute{\iota}\omicron\nu$). К тому же, от последней N как будто бы сохранились только слабые следы. Таким образом, надпись, возможно, обозначала содержимое – жирное молоко, которое наливали в миску/чашку для питья. Впрочем, и это не очевидно, исходя из более вероятного назначения данного сосуда-солонки.

17. Раскопки 2014 г. Оп. 89 (рис. 2. 5). Фрагмент тонкостенного сосуда светло-коричневой глины с остатком граффито [...]IC. Однако первая буква не обязательно $\dot{\iota}\omicron\tau\alpha$ – возможно, это правая гаста П, Н, Ν, Μ и т.п. Если читать [...]ic с конечной лунарной *сигмой*, то это может быть окончанием имени или какого-то слова III склонения с гласной основой на -ι (типа $\pi\acute{\omicron}\lambda\iota\varsigma$) или с основой на зубной звук (типа теонима Ἄρτεμις). Не исключаем и числительное $[\epsilon]\acute{\iota}\varsigma = 1$, но это представляется малореальным: легче было просто поставить Α или Ι. Граффито не поддается определению в силу его фрагментированности.

18. Раскопки 2014 г. Оп. 108 (рис. 4. 4). Часть профиля чернолакового канфара (лак густой и блестящий) светло-красной глины с каннелированным туловом второй половины IV – начала III в. до н. э. [Rotroff 1997, 84–85]. Обнаружен на вершине скалистого холма к востоку от городища, откуда сбрасывали золу и мусор жители поселения эллинистического времени. Черепок был как бы втоптан в предскальный грунт, поэтому вполне вероятно, что он появился там в самом начале функционирования этой свалки и мог достаточно долго использоваться до того, как был выброшен за ненадобностью. На горле сосуда частично утраченная двустрочная надпись, публикация которой осуществлена Н. В. Завойкиной [Завойкина 2015, 103–108], прочитавшей следующий текст:

ΣΟΥΔΕΥΓΕΙΑΣ
ΗΣΙΧΥΝ

Первоиздательница привела два варианта его восстановления (текст в авторской версии): 1. [Διονίσου?, Διονί]σου δὲ ὑγεῖας / [διδοί?]ης ἰσχύον – «За Диониса, гигиеной же Диониса. Ты (т. е. Дионис) дай силу!»; 2. [Διονί]σου δὲ ὑγεῖας / [διδοί?]ης ἰσχύον – «За гигиеной Диониса. Дай силу!».

К глубочайшему сожалению, реконструкция надписи сделана с ошибками (имя Диониса пишется Διόνυσος, а не Διόνισος), а главное – она не соответствует тому, что начертано на сосуде. Во-первых, что это за «гигиена Диониса» – здоровье бессмертных богов никогда не вызывало сомнений. В таком контексте следовало бы выпить и восхвалить Диониса Гигиену, но подобное чтение не согласуется с частицей $\delta\epsilon$ между именем и эпитетом бога и отсутствием у него такого эпитета, придаваемого обычно женским божествам. Во-вторых, в стк. 2 перед первой Η просматривается косая гаста ещё одной буквы, скорее всего, Λ, отчего глагол $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$ здесь невозможен. В стк. 1 первая буква – явная Π, так как верхняя гаста прямая, тогда как *сигму* автор выписывал лунарно. *Омикрон*

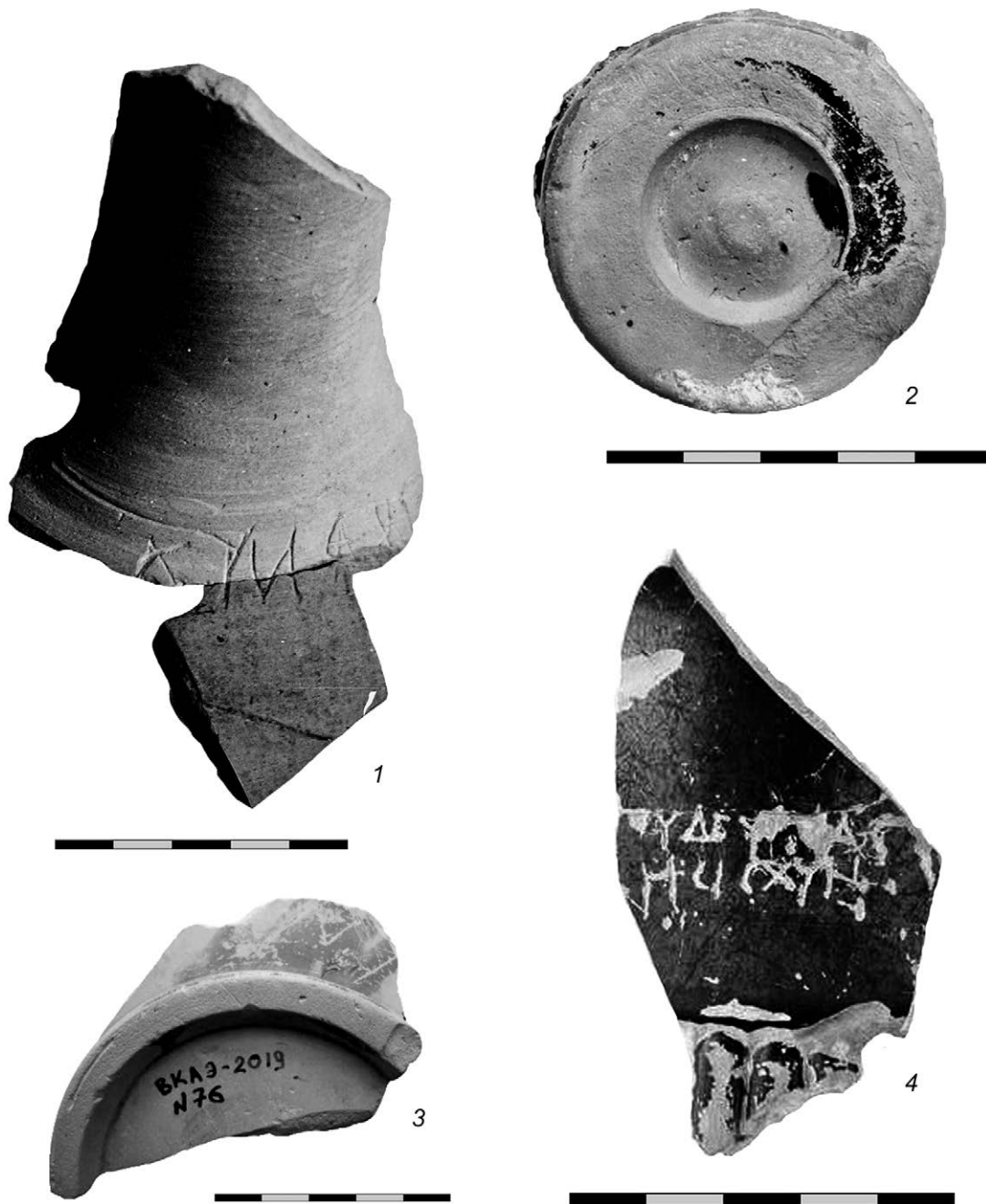

Рис. 4. 1 – № 21; 2 – № 16; 3 – № 30; 4 – № 18

там не просматривается; по сколу легко увидеть правую гасту от Π и отчетливо читаемые Υ ΔΕ, что предполагает устоявшееся наречие π(ο)ῦ δέ; далее четко, несмотря на скол, проставлена стяжённая форма ὑγίας = ὑγείας (ср. стяжение ὑγῖᾶ = ὑγείᾶ) с финальной лунарной *сигмой*, за которой сохранилась вертикальная Ι, очевидно, левая гаста Π. Поэтому восстановление и чтение надписи такое:

ΠΥΔΕΥΓΙΑΣΙ
 ΛΗΣΙΣΧΥΝ
 π(ο)ῦ δέ ὑγ(ε)ίας π[ίνης?...]
 [φιά]λης ἰσχύν.

Перевод: «Где бы ты не выпил за здравие, (*почувствуешь? ощутишь?*) силу кубка».

Надпись застольная, стихотворная, отличающаяся философией симпозиальных праздничных встреч. Не исключено, что это устоявшееся выражение – фраза из какого-то сочинения или поговорка.

19. Раскопки 2015 г. Оп. 111 (рис. 2. 6). Фрагмент ручки амфоры колхидского (?) производства III–II вв. до н. э. с частью округлого вдавленного клейма и граффито в виде перекрещивающихся линий, значение которых понять сложно.

20. Раскопки 2015 г. Оп. 117 (рис. 2. 7). Венчик сероглиняной мегарской чаши, покрытой тусклым черным лаком, второй четверти – середины I в. до н. э. [Масленников 2020, 201–202] с граффито в виде буквы (?) X. Такие знаки весьма часто встречаются на различных сосудах – столовой, кухонной посуде, амфорах. Это может быть метка владельца, начало имени или обозначение сосуда χ(οῦς) – кружка, или мера жидкости (объем) в 1 хус = 6 ксестам = 12 котилам.

21. Раскопки 2016 г. Оп. 156 (рис. 4. 1). Фрагмент горла лагиноса (глина родосская) эллинистического времени. У основания граффито ΧΥΜΕΝ. Оно нанесено на более раннее граффито, буквы которого слегка подправлены под новую надпись, поэтому Υ и Μ оказались почти в лигатуре. Верхний правый «усик» Υ превратился в левую боковую гасту Μ, так как автор исправил Ν (с косой гастой в противоположную сторону) в слегка курсивную Μ. *Йота* была исправлена в Υ, а первая буква Δ ранней надписи – в Χ с искривленной гастой. Новая надпись χύμεν(ος) – Part. aor. pass. от глагола χέω – «лить», «сыпать», что значит буквально: «разливающий», «ссыпаящий». То есть надпись поясняла, что предназначением сосуда было разливать или сыпать содержимое. Граффито можно прочесть и как χυμέν(ω) – «для розлива». Под ним можно разобрать четыре буквы ΔΙΝΑ, что, вероятно, являлось началом имени владельца (ср. LGPN V. В. 108: Δίνασις; V. A. 130: Δίναρχος, Δίναϊος).

22. Раскопки 2016 г. Оп. 175 (рис. 2. 8). Стенка родосской амфоры с ангобом, на ней сохранилась Α с выступающей за пределы буквы с обеих сторон поперечной гастой и кончик левой боковой наклонной гасты от буквы похожей на Μ. Вероятно, ἀμπέλινος – виноградное (вино). Ср. выше № 12.

23. Раскопки 2017 г. Оп. 67 (рис. 2. 9). Стенка амфоры синопской глины с остатками граффито. Первая буква вытянутая и похожа на Ν с поперечной гастой в противоположную сторону, вторая – четкая Λ. Буква Ν нередко встречается в граффити на амфорах. Мы определяли такие граффити как цифру 50 или название продукта, например: ν(εοκράς οἶνος) – смешанное с водой вино, ν(έος) – новый, свежий, ν(έκταρ) – пчелиный нектар [Сапрыкин, Масленников 2007, 132, № 602, 686–690]. Α букву Λ трактовали бы как белое вино λ(ευκός οἶνος) [см. там же, № 127]. Не исключено, что и в данном случае сохранившиеся буквы имеют одно из таких же значений.

24. Раскопки 2017 г. Оп. 68 (рис. 2. 10). Стенка светлоглиняной амфоры, возможно, синопской глины. Сохранилось граффито в виде буквы А. *Альфа* часто встречается на стенках амфор (ср. выше № 22). Определить причины её появления на тарных амфорах и точно объяснить значение – задача достаточно сложная: она могла обозначать номер партии амфор А=1, номер амфоры в партии. Однако в отличие от других букв, А помещали на амфоры наиболее часто. Поэтому, вероятнее всего, владельцы партии амфор – торговцы и их посредники помечали ею содержимое тары, так как в одной партии могли находиться амфоры, наполненные разными продуктами. В таком случае А = ἄ(μ)έλινος – виноградное вино, либо объем – 1 амфорой (метрет).

25. Раскопки 2017 г. Оп. 58 (рис. 3. 7). Стенка амфоры светлой, оранжево-красной глины, достаточно рыхлой и с мелкими черными включениями, возможно, синопского происхождения. Датировка – возможно, I в. до н. э. Сохранилось дипинто, нанесённое красной краской, скорее всего, синопидой. Надпись разобрать трудно; мы читаем её как: ΣΕΙΟΥ = Σείου, т. е. «(амфора) Сейя», так как Σεῖος – личное имя в родительном падеже с лунарными *сигмой* и *эпсилоном* и непропорционально высокой *йотой*. Данное имя засвидетельствовано исключительно в Малой Азии (LGPN V. А. 399: Вифиния, V. В. 380: Киликия Трахея, V. С. 384: Исаврия). Это согласуется с синопским происхождением амфоры, цветом краски, производимой только в Синопе и временем производства амфоры, так как означенные имена были распространены в начале н. э. Скорее всего, это имя торговца, уроженца Малой Азии, пометившего им партию амфор для продажи на Боспоре.

26. Раскопки 2018 г. Оп. 98 (рис. 2. 11). Венчик красноглиняной амфоры с граффито в виде перевернутой А. О значении этой буквы на амфорной таре см. № 22, 24.

27. Раскопки 2019. Оп. 52 (рис. 2. 12). Стенка красноглиняного открытого сосуда, изнутри покрытого красным лаком. На внешней стороне остатки граффито [...]Φ [...] (от других букв дошли лишь две линии, прочерченные справа и слева от Φ). Надпись не поддается определению.

28. Раскопки 2018 г. Оп. 112 (рис. 3. 6). Стенка амфоры светло-красной, умеренно плотной глины с мелкими блестками. Сохранилось дипинто, нанесённое красной охрой, в котором просматриваются ΟΟΟ <. Очевидно, цена ὀ(βολός) ὀ(βολός) ὀ(βολός) < – три обола с половиной. *Омикрон* как сокращение обола или более мелкой его фракции встречается в надписях [Tod 1911/1912, 105, 109].

29. Раскопки 2018 г. Оп. 111 (рис. 3. 1). Часть горла с венчиком амфоры красной плотной глины со светло-бежевым ангобом, на котором прочерчено граффито Ε –. Метка торговца или владельца ξ(έστης), т. е. *кест* (кружка = 1, 09 л) за обол. Горизонтальная черта нередко обозначала денежную единицу, в том числе обол [Tod 1911/1912, 102–105]. Надпись предназначалась посреднику, который должен был продать товар в амфоре по частям, скорее всего, в розлив, о чём свидетельствуют многие граффити на амфорных стенках. В данном случае цена была установлена за *кест* содержащегося в ней продукта.

30. Раскопки 2019 г. Оп. 76 (рис. 4. 3). Фрагмент донца красноглиняной чашки, покрытой красным лаком (сохранился местами), из слоя раннего зольника. На тулове над поддоном с внешней стороны – граффито ΚΑΛ. Очевидно, сокращение имени владель-

ца. Имён с такими начальными буквами в эллинской ономастике множество. На Боспоре наиболее популярными были имена Кал (лиген), Кал (лимах), Кал (лисфен), Кал (листрат) и др. (КБН, индекс, 876, 877).

31. Раскопки 2019 г. Оп. 61 (рис. 3. 2). Стенка амфоры с граффито в виде виноградного листа (?) и буквы А (?). О значении виноградного листа, как обозначения виноградного вина см. № 14, о букве А, как ἀ(μτέλιος) – характеристике виноградного вина в амфорной таре см. № 22, 24. В данном случае оба символа совпадают, что подтверждает вывод о том, что они обозначали содержимое амфоры, т. е. виноградное вино.

32. Раскопки 2019 г. Оп. 82 (рис. 3. 4). Стенка родосской амфоры из зольника III–II вв. до н. э. с граффито Δ I. Очевидно – метка владельца/ торговца или контрагента. Тогда это, скорее всего, цена – драхма и обол (или халк), возможно, больше, так как справа надпись уходит в облом. Не исключено, что прочерки линий над Δ неслучайны и означали лигатуру или монограмму ΔΧΙ = драхма и один халк.

Таким образом, данная коллекция граффити и дипинти небольшая, но в некоторых случаях – весьма информативная. Обращает на себя внимание полное отсутствие посвячительных надписей и преобладание коммерческих меток и записей, связанных с продажей и реализацией товаров, прежде всего, в амфорной таре. Имеется ряд «надписей», которые свидетельствуют об организации домашнего хозяйства, в частности, о предназначении некоторых сосудов из набора столовой и кухонной посуды. Отдельные граффити и дипинти расширяют боспорский ономастикон, так как представляют имена торговцев и владельцев сосудов. Поэтому публикуемые граффити являются хорошим источником по быту обитателей сельских поселений Боспора. Они позволяют также расширить знания о торгово-коммерческих связях и операциях, и о возможных ценах на продукцию в амфорах. В связи с этим встает традиционный вопрос о предполагаемом соотношении места находки и места возможного появления надписи. Разумеется, они не обязательно должны совпадать. Однако при всех возможных нюансах, некоторые граффити теоретически могут служить критерием уровня образованности населения, как минимум, там, где они были обнаружены. Ведь раз их писали, то, конечно же, и читали. В этом плане показательна застольная надпись, явно начертанная эллином не без поэтического таланта или знания соответствующих произведений. Правда, как уже отмечалось выше, сам этот остракон выглядит чужеродно даже для загадочного эллинистического «предшественника» раскапываемого городища.

Для хотя бы и косвенной характеристики грамотности местного населения Приазовья в разные периоды его истории приведем некоторые сравнения. Относительно недалеко от Полянки раскопками ВКАЭ ИА РАН исследовались поселения (городища) Крутой берег и Сююрташ (Золотое Восточное), которые, как и раннее поселение Полянка, относятся к началу III–II вв. до н. э. Они раскопаны на площади 2000 м² и более 4000 м² соответственно. На первом из них найдено 11 граффити и дипинти, на втором учтено 18 таких, как правило малоинформативных, артефактов. На городище Полянка к этому же хронологическому периоду можно отнести 22–23 такого рода находки. С учетом исследованной площади и специфики местонахождения (на поселении Полянка все-таки раскопан зольник – свалка со всем, присущим таким объектам своеобразием находимого материала) насыщенность граффити и дипинти археологических комплексов

и культурного слоя этого времени на поселенческих структурах Крымского Приазовья можно считать примерно одинаковой. При этом она существенно ниже, чем на соседних памятниках предшествовавшей эпохи, когда (в IV – начале III в. до н. э.) хора Европейского Боспора переживала расцвет. Содержательность (информативность) надписей в сравнении с такими памятниками, как Генеральское Западное, мыс Зюк, Бакланья скала и н. др., также стала заметно беднее, что убедительно показывает свод граффити 2007 г. и упомянутое «добавление» 2012 г. Ещё контрастнее эта «картина» в сравнении с соответствующими находками, сделанными на городище Полянка в слоях и комплексах I в. до н. э. (от силы 9 граффити на 5500 м² площади). Причём в последние три года (2019–2022), когда работы велись только на этих участках, таковых и вовсе не было найдено. Кстати, это вполне коррелируется с относительно скромным обликом строений и уже неоднократно отмечавшейся («ушли и пол подмели») общей скудостью всех прочих артефактов. Примечательно, что и другие, более или менее узко датированные археологические комплексы боспорской хоры условно I в. до н. э. (сторожевые башни близ Узунларского вала и не только, Таманские «батарейки», слои и объекты на ряде других поселений и даже знаменитая «усадьба» Хрисалиска с довольно убогой по исполнению надписью её владельца), также совсем не «изобилуют» находками граффити и дипинти. Правда, от Рождества Христова и примерно до середины III в. н. э. ситуация стала, – если судить по материалам из городищ на мысе Зюк, Артезиан, Илурат, Белинское, Китей и некоторые др., – «выправляться». Этот подъём, как и раньше, был вызван общей стабилизацией социально-экономического положения на Боспоре. А вот эпоха Митридата и его ближайших приемников, по крайней мере для населения сельской территории Боспора, действительно могла быть своего рода культурным провалом. Хотя культовая практика, если судить по терракотовым статуэткам [Масленников 2006; Сапрыкин 2009, 333, 353, 373], вроде бы свидетельствует об обратном... Впрочем, это уже тема отдельного специального «разбирательства».

Список литературы

- Завойкина Н. В. 2015. Симпосий в археологическом контексте // КСИА. 241, 103–108.
- Кузина Н. В., Масленников А. А. 2011. Античное святилище на вершине близ поселения «Полянка» // ДБ. 15, 228–247.
- Масленников А. А. 2006. Античное святилище на Меотиде. М., 152.
- Масленников А. А. 2013. О локальной геоморфологии, палеосейсмологии и археологии или по следам древних землетрясений // ДБ. 17, 232–253.
- Масленников А. А. 2020. «Мегарские» чашки из Крымского Приазовья (статистика и относительная хронология) // КСИА. 259, 196–205.

- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь, 320.
- Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта. 2009. М. –Тула, 426.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2012. Граффити и дипинти с памятников «царской» хоры Европейского Боспора. Addenda I // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). 2 (ДБ. Suppl. III). М., 200–216.
- Roller L. E. 1987. Noneverbal Graffiti, Dipinti, and Stamps. Philadelphia, 74.
- Rotroff S. I. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, 1575.
- Tod M. N. 1911/1912. The Greek Numerical Notation // BSA. 18, 98–132.

Summary

S. Yu. Saprykin, A. A. Maslennikov
Graffiti and Dipinti from the Polyanka Settlement

The article is a publication of several new graffiti and dipinti on pottery which were discovered during the excavations 2007–2019 in the East Crimea at Polyanka settlement. This site is situated on the chora of European Bosphorus and earlier, in 2007, the authors published three graffiti from there in “Corpus of graffiti and Dipinti from the Chora of Bosphorus”, printed in 2007. Recent publication is at some point an addenda to this Corpus and includes 32 new inscriptions. They are interesting from the point of onomastics and commercial activity, some of them belong to the so-called “domestic” signs which indicated the special use of pottery. The material is dated mostly to the 3rd–2nd c. BC, though some pieces belong to the late 2nd – first half – middle of the 1st c. BC.

И. Е. Суриков

(Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Возвращение Фанагора?

I

Когда десятилетие назад на страницах «Древностей Боспора» увидела свет статья «Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы» [Суриков 2012], содержащая идею о том, что Фанагор, – возможно, не реальный ойкист-эпоним апойкии в Таманском заливе, а эпikleза божества (Аполлона), – А. А. Завойкин *per litteras* высказался о ней ее автору во вполне одобрительном духе (помнится, были употреблены слова «это работа мастера»). В то же время следует отметить, что в самые последние годы чета Завойкиных приложила больше усилий, чем кто-либо, для доказательства историчности теосца Фанагора (см. ниже).

В нашей вышеупомянутой статье ныне – в свете новейших изысканий – действительно многое (хотя, считаем, не абсолютно всё) нуждается в корректировке. В частности, одним из главных наших тогдашних аргументов была беспрецедентность (как мы в то время считали) наименования колонии в честь основателя для периода архаики. Кроме Фанагории и соседней Гермонассы, других примеров такого рода (если говорить о примерах доказательных, достоверных) нам не попадалось: самые ранние относились к IV в. до н. э.

Правда, в свое время И. Малкин, виднейший специалист по греческой колонизации, в резонансной статье [Malkin 1985] попытался опровергнуть данное мнение, доказывая, что уже в архаическую эпоху можно указать (пусть и редкие) прецеденты подобного же рода. Впрочем, аргументация этого исследователя выглядела во многом шаткой и уязвимой. Приведенные им примеры были проанализированы нами [Суриков 2012, 449–458], и мы пришли к выводу, что они являются либо иррелевантными (когда речь идет о мифических основателях, а не о реальных лицах), либо в высшей степени сомнительными (как в случае с афинянином Солоном, в чью честь будто бы был назван кипрский город Сола).

В результате Фанагория и Гермонасса оказывались уникальными случаями, что и озадачивало (тем более если учитывать, что речь идет о двух городах, лежащих буквально по соседству друг с другом). Потому-то мы и попробовали предложить иную этимологию обоих топонимов, связывающую их не с ойкистами, а, возможно, с эпikleзами божеств.

Однако совсем недавно нам удалось обнаружить упущенное И. Малкиным нарративное свидетельство о городе, названном в честь своего ойкиста в еще более раннее

время, чем VI в. до н. э. (мы тут же сообщили об этой находке в тезисной форме [Суриков 2022]). Очень большая ценность свидетельства, о котором идет речь, заключается в том, что оно, во-первых, является совершенно прямым и недвусмысленным, во-вторых же – принадлежит не какому-нибудь позднему, второстепенному писателю, а такому авторитету, как сам Аристотель (Arist. fr. 514 Rose = Schol. Apoll. Rhod. I. 1177, единственный сохранившийся фрагмент из трактата «Киосская политика»).

Речь идет о небольшом городе Киосе в Мисии. Киос – милетская колония, основанная, по данным других источников, во второй половине VII в. до н. э. (Г. Р. Цецхладзе дает датировку 627 г. до н. э. [Tsetskhladze 2006, LXVIII]). Во фрагменте о Киосе сказано: «Это – город в Мисии, названный в честь Кия, основавшего там колонию милетян, как повествует Аристотель в “Киосской политике”. Населяли же его вначале мисийцы, затем – карийцы, третьими – милетяне (ἔστι δὲ πόλις Μυσιάς ἀπὸ Κίου τοῦ ἀφηγησαμένου τῆς Μιλήσιων ἀποικίας, ὡς ἰστορεῖ Ἀριστοτέλης ἐν Κιανῶν πολιτείᾳ. κατέκρησαν δὲ αὐτὴν πρῶτον Μυσοί, ἔπειτα Κάρεις, τρίτον Μιλήσιοι)». Таким образом, Стагирит указывает, что ойкистом Киоса был некий Кий (собственно, в оригинале имя этого человека полностью совпадает с названием города), в честь которого апойкия и была названа.

Отвергать достоверность данного сообщения нет серьезных оснований. Над циклом «Политий», как известно, работал под руководством Аристотеля весь Ликей, сотрудники которого, следуя традициям этой школы, скрупулезнейшим образом собирали данные. Из этого цикла до нас дошла «Афинская политика», и про нее ответственно можно сказать, что это один из самых ценных и надежных нарративных источников по древнегреческой истории. Следует полагать, что теми же характеристиками отличались и остальные «Политии».

Да и кому (а, главное, зачем?) потребовалось бы придумывать информацию о происхождении названия захолустного Киоса? Подчеркнем, что здесь перед нами не мифологический персонаж, как, скажем, Визант, которого традиция называла основателем Византия, но при этом помещала в далекую легендарную эпоху, до Троянской войны, в то время как Византий в действительности возник тоже в VII в. до н. э. (подробнее об основании Византия и проблеме его основателя или основателей см. теперь [Russell 2018, 205–241; Prandi 2020, 17–28]). Нет, тут перед нами вполне историческое время: архаический период, пора Великой греческой колонизации, едва ли не самым активным участником которой, как известно, являлся как раз Милет, ставший метрополией для нескольких десятков апожий. В территориальном отношении милетская колонизационной активности была направлена преимущественно в зону Черноморских проливов, а далее – на побережья Понта Евксинского.

Итак, если бы И. Малкин в своей вышеупомянутой статье привел данный пример с Киосом, он стал бы чрезвычайно весомым аргументом в пользу его гипотезы о том, что уже в период архаики город мог получить имя своего основателя. Настолько весомым, что, собственно, вопрос можно было бы считать практически решенным положительно. К сожалению, исследователь упустил из виду этот аргумент, который мог бы очень ему помочь¹.

¹ Сам И. Малкин, когда мы per litteras сообщили ему об обнаруженном нами свидетельстве Аристотеля, в ответ честно признал свое упущение: “... But I totally missed Kios! That is fascinating, thanks”.

Мы, со своей стороны, должны констатировать: поскольку теперь отыскался, как минимум, один весьма надежный пример ойкиста-эпонима в эпоху архаики, наш важный довод в статье [Суриков 2012] утратил силу. Названия Фанагории и Гермонассы, как выясняется, *не* являются беспрецедентными исключениями, уже в силу этого требующими каких-то специальных объяснений. Честно признаем, что допустили тогда излишнюю категоричность.

II

Фанагория знаменательна многим. В том числе и тем, что она – один из буквально единичных городов не только Боспора, но и всего Северного Причерноморья, о которых существуют упоминания в нарративном источнике, датируемом таким ранним временем, как VI в. до н. э. Речь идет об «Описании Земли» (Περιήγησις Γῆς), опубликованном выдающимся историком и географом Гекатеем Милетским в последней четверти вышеупомянутого столетия. Данный труд Гекатея представлял собой первое в античности произведение, написанное в жанре периегезы (о нем см.: [Суриков 2021]; впрочем, в этой статье мы рассматриваем только средиземноморский материал из «Описания Земли» и не касаемся понтийского, который будет фигурировать здесь). От него, к сожалению, дошли только фрагменты, сохраненные по большей частью Стефаном Византийским.

Помимо Фанагории, в этих фрагментах встречаются лишь несколько названий городов на северном берегу Понта. А именно: Патрей (видимо, ему соответствует Πάτρασις в: Hecat. FGrHist. 1. F214), Керкинитида (Hecat. FGrHist. 1. F184, где она названа Каркинитидой и охарактеризована почему-то как «скифский город»), а также некий «Кардесс, город в Скифии» (Hecat. FGrHist. 1. F188). О последнем не известно ровно ничего; его нет даже в таком фундаментальном и, можно сказать, исчерпывающем издании по античности, как Real-Encyclopädie Паули – Виссоны. Мы, правда, нашли упоминание о нем в известном каталоге греческих полисов [Avram, Hind, Tsetschladze 2004, 928], но оно сделано сугубо мимоходом и представляет собой ссылку на соответствующий фрагмент Гекатея без каких-либо пояснений. Иногда можно встретить мнение, что Гекатей говорит также о Гермонассе (например: [Завойкин 2013, 279]), но тут налицо недопонимание: у этого автора (Hecat. FGrHist. 1, F208) встречается не боспорская Гермонасса, а одноименный город на южном берегу Понта, близ Трапезунта.

Что же касается свидетельства Гекатея о Фанагории (Hecat. FGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s. v. Φαναγόρεια), оно чрезвычайно важно и (пусть даже оно всем хорошо известно) должно быть приведено полностью, как в оригинале, так и в переводе. Φαναγόρεια πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἐκαταῖος Ἀσία. ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια. ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια οὐδέτερον. «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как пишет Гекатей в “Азии” (второй книге «Описания Земли». – И.С.). Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории; его название склоняется по среднему роду (причем во множественном числе. – И.С.)».

К огромному сожалению, во фрагменте ничего не говорится о том, кто был Фанагор, в честь которого получила свое название Фанагория. Традиционно считается, что это ойкист колонии и, соответственно, уроженец Теоса. Но таковым Фанагор назван только у поздних писателей (Арриана, Евстафия), а у автора по-настоящему раннего – Гекатея,

по сути, современника основания города, – подобной информации мы, строго говоря, не находим².

В целом весь вопрос о Фанагории и Фанагоре получил теперь «новое измерение» в связи с недавно ставшим известным еще одним весьма ранним свидетельством, на сей раз эпиграфическим. Имеем в виду граффито из трех строк, которое его издатель Н. В. Завойкина датирует временем около 520-х гг. до н. э. и в первой строке которого надежно читается ΦΑΝΑΓΡ. Можно даже назвать символичным совпадение, в силу которого в боспорском городе, упомянутом Гекатеем, был открыт данный артефакт, созданный как раз в то время, когда этот ученый работал над своей периегезой.

Надпись была найдена в 2004 г. в ходе раскопок В. Д. Кузнецова на Верхнем городе Фанагории, но введена в научный оборот не сразу. Впервые Н. В. Завойкина сообщила о ней в 2015 г. на страницах популярного издания, приведя фотографию и прорись граффито [Завойкина 2015, 132–133]. В дальнейшем она обращалась к этому памятнику неоднократно [Завойкина 2016, 42–43; Завойкина 2017; Завойкина 2018], а в 2020 г. выпустила его полную публикацию – с фотографией, прорисью, реконструкцией текста, переводом, исследовательским комментарием [Завойкина 2020]. Следует сказать, что ее взгляды на прочтение надписи эволюционировали, и в работе, названной последней, насколько можно судить, отражен их финальный (на этот момент) вариант. О граффито писали также Ф. В. Шелов-Коведяев (наиболее подробно в: [Шелов-Коведяев 2018, 98–100]), С. Ю. Сапрыкин [Сапрыкин 2019, 473–480].

Текст надписи чудовищно труден для понимания и интерпретации (еще сильнее осложняет дело то, что он, содержит, помимо букв, также небуквенные значки, которые рассматриваются исследователями как цифры, а именно обозначения денежных сумм). Достаточно сказать, что три специалиста, занимавшихся ею, предложили достаточно сильно отличающиеся друг от друга реконструкции – да и, признаться честно, каждая из них дает весьма немного смысла.

Некоторые гипотезы, к сожалению, приходится с ходу отвергнуть. Так, довольно быстро не выдержало проверку временем прочтение граффито С. Ю. Сапрыкиным. Поскольку он увидел во второй строке ἐκ Ἰκσ(ιο), причем данное выражение перевел «от Аксия (=Эксия)», то в ответ и Ф. В. Шелов-Коведяев [Шелов-Коведяев 2020, 430], и Н. В. Завойкина [Завойкина 2020, 251] резонно указали, что в древнегреческих именах на ἀξιο- *альфа* никак не может переходить в *эту*, поскольку она в этом корне краткая. Собственно, один этот факт уже исчерпывающим образом опровергает предложенное исследователем чтение, и даже нет необходимости добавлять, что в ионийском мире не встречается написание ξ через κς (было бы χς) или что «от» по-древнегречески – это ἀπό, а ἐκ – «из», так что, получается, деньги вынимают из пресловутого Аксия. Кроме того, С. Ю. Сапрыкин, работавший с фотографией, принял несколько случайных царапин за значащие символы.

Остановимся, таким образом, на двух остальных реконструкциях. В третьей строке авторы обеих видят Ἦρης, и с этим, видимо, приходится согласиться: стоящее

² Хотя в литературе можно нередко встретить ошибочное утверждение, что уже Гекатей назвал по имени теосца Фанагора, основателя Фанагории. Впрочем, правильно в [Avram, Hind, Tssetskhadze 2004, 950]: “according to Arrian”.

на глине НРНЭ и вправду не понять практически никак иначе, кроме как родительный падеж имени верховной богини эллинов на (вполне ожидаемом) ионийском диалекте. Точнее, строго говоря, теоретически есть еще один вариант: в словаре Гесихия фигурирует лексема-гапакс ἥρης со значением ἄφρων «безумный, глупый» (Hesych. s. v. ἥρης). Если, чисто эксперимента ради, подставить ее в надпись, последняя приобретет иные обертоны – не культовые, а инвективные или юмористические. Но с гапаксами экспериментировать не рекомендуется.

Во второй строке Ф. В. Шелов-Коведяев читает датив Κηρί – «Кере», но это вряд ли допустимо. И дело тут даже не в том, что «культ богини Кэры в Северном Причерноморье до сих пор не зафиксирован» [Сапрыкин 2019, 476]; здесь-то как раз Ф. В. Шелов-Коведяев справедливо парирует указанием на то, что это не аргумент [Шелов-Коведяев 2020, 430]. Керы (в античных источниках практически всегда во множественном числе, но пусть это будет не принципиально) в мифологии эллинов предстают губительными демонами, воплощением абсолютного зла. И встретить денежное пожертвование Кере рядом с денежным же пожертвованием Гере (чтение ее имени в третьей строке, повторим, является надежным), верховной богине, воспринимавшейся, естественно, как благая сила, – это выглядит абсурдным: как если бы в наше время кто-то молился одновременно Богородице и дьяволу. Или вспоминается старинная сказка-анекдот, записанная А. Н. Афанасьевым, о бабе, которая перед домашней иконой с изображением Георгия Победоносца, попирающего змия, ставила свечки и Георгию, и змию – «на всякий случай».

Ф. В. Шелов-Коведяев пишет: «пожертвование Кэре... было связано с избавлением от смертельной опасности во время путешествия по морю» [Шелов-Коведяев 2021, 420]. Но нужно же понимать психологию религиозных людей. Никто, избавившись от зла, не будет благодарить за это саму злую силу; благодарность он обратит к благому божеству, которое и сочтет своим избавителем. В православии в случаях, описанных Ф. В. Шеловым-Коведяевым, благодарят Николу как «спасителя на водах» – не чёрта же! А Керы, в сущности, и есть именно «черти».

Из имеющихся на сегодняшний день чтений второй строки граффито наиболее интересным представляется то, которое предложено Н. В. Завойкиной (впервые – в 2018 г.). Она обнаружила здесь эпитет Аполлона (значение которого дискуссионно) – Эий (Ἔϊος). Остроумное и удачное решение! Остановимся на нем подробнее и, в частности, рассмотрим, как отреагировали на него оппоненты исследовательницы.

С. Ю. Сапрыкин: «...Большое сомнение, помимо палеографии, вызывает восстанавливаемый Завойкиной в стк. 2 эпитет Феба Аполлона Ἔϊος. Он засвидетельствован только у Гомера в “Илиаде” (неверно. – И. С.) ... и образован от приветствия, крика, при помощи которого взывали к богу (ср. ἰήϊος (ἦ ἦ ἦ)), что встречается только у поэтов) [LSJ s. v.]. Прилагательное ἰήϊος – метко разящий, пускающий стрелы – образовано от глагола ἰήϊσι и косвенно может относиться к Аполлону. Однако в качестве эпитета засвидетельствована только форма в виде крика взывания к богу, о чем говорится в эпической и лирической поэзии. Это ставит под большой вопрос чтение Завойкиной в стк. 2 эпитета Аполлона “лучник”. Скорее всего, в этом случае стоял бы эпитет “токсофор” или просто имя Аполлона, как предполагается исследовательницей в отношении Геры в стк. 3... Эпитет Ἔϊος нигде, кроме поэзии, не встречается» [Сапрыкин 2019, 476].

Ф. В. Шелов-Коведяев: «...В раннее время Феб был, действительно [Завойкина 2020, 251], просто *эпитетом* Аполлона, поэтому *обозначение эпитета* его *вторичным эпитетом* крайне проблематично. Тут *должны быть собраны* не косвенное (ἦϊος Φοῖβος), но *исчерпывающие прямые* литературные и *эпиграфические доказательства* его *одиночного* (без Феба и вне перечисления эпиклез) *применения*» [Шелов-Коведяев 2021, 420]. Очень эмоциональный пассаж, судя по обилию выделений курсивом. Однако так ли уж оправдан скептицизм?

Эпитет ἦϊος, несомненно, является эпическим по происхождению. Он встречается (в вокативе, в словосочетании ἦϊε Φοῖβε) дважды в «Илиаде» Гомера (Hom. II. XV. 365; XX. 152)³, далее в точно такой же позиции – в гомеровском гимне Аполлону (Hom. Hymn. I. 120)⁴ и затем в эпическом памятнике более позднего времени – «Орфических гимнах», во вступлении к нему (Orph. Hymn. praef. 7). Кстати, в одном из этих же гимнов, а именно в гимне к Аполлону, в длинном перечне разнообразнейших эпитетов божества-адресата фигурирует, помимо прочих, крайне близкий эпитет ἦϊος (тоже в вокативе). Пожалуй, имеет смысл привести соответствующий эпитет в оригинале:

Ἐλθέ, μάκαρ, Παῖάν, Τιτυοκτόνε, Φοῖβε, Λυκῶρεῦ,
Μεμφῖτ', ἀγλαότιμε, ἦϊε (курсив наш – И.С.), ὀλβιοδῶτα,
χρυσολύρη, σπερμεῖε, ἀρότριε, Πύθιε, Τιτάν,
Γρύνειε, Σμινθεῦ, Πυθοκτόνε, Δελφικέ, μάντι,
ἄγριε, φωσφόρε δαῖμον, ἐράσμιε, κύδιμε κοῦρε,
μουσαγέτα, χοροποιέ, ἐκηβόλε, τοξοβέλεμνε,
Βράγχιε καὶ Διδυμεῦ, ἐκάεργε, Λοζία, ἀγνέ,
Δήλι' ἄναξ, πανδερκὲς ἔχων φαεσίμβροτον ὄμμα,
χρυσοκόμα...⁵

Перед нами типичная *формула* – одна из тех, которые столь характерны для стиля эпоса. А теперь рассмотрим, что писали по поводу интересующего нас эпитета представители позднеантичной и византийской эллинистической учености.

Porphyr. Quaest. Hom. Od. XXIV. 1 sqq.: καὶ ἦϊος Ἀπόλλων. «И Эий – Аполлон». Что характерно, сказано именно «Аполлон», а не «Феб».

Hesych. s. v. ἦϊος· πορεύσιμος, παιανιστής. «Эий: удобный для прохода, исполнитель пеанов». Лексикограф выразился не очень ясно, но, как видим, здесь упоминаются пеаны, а пеанами назывались гимны именно в честь Аполлона.

Choerobosc. De spirit., p. 200, 25: ἦϊος, ἐπίθετον Ἀπόλλωνος, σημαίνει δὲ τὸν τοξότην. «Эий – эпитет Аполлона, а означает лучника». Здесь, как видим, дается вполне точное определение. Таким образом, снимается возражение Ф. В. Шелова-Коведяева, считающего, что ἦϊος – эпитет не Аполлона как такового, а только Феба, Феб же в свою очередь – эпитет Аполлона, и ἦϊος, таким образом, оказывается всего лишь «эпитетом эпитета», или «вторичным эпитетом», что, в его глазах, ослабляет аргументацию

³ Н. И. Гнедич в первом случае переводит «Аполлон дальномечущий», во втором – оставляет ἦϊε вовсе без перевода.

⁴ В переводе гомеровских гимнов В. В. Вересаева ἦϊε Φοῖβε здесь передается через «Стреловержец».

⁵ Существующий перевод О. В. Смыки в этом месте весьма приблизителен, поэтому мы его не приводим.

Н. В. Завойкиной. Однако в процитированном пассаже легко заметить прямое указание: «эпитет Аполлона».

Ps.-Zonar. Lex. s. v. Ἠϊός, ὁ τοξότης. «Эий: лучник». Связь с Аполлоном опять налицо, тем более что дальше в качестве примера употребления выражения приведена именно знакомая нам формула ἦϊε Φοῖβε.

Eustath. Comm. ad Hom. II. I, p. 248, 25: ἦϊος ὁ τοξικός. «Эий – искусный в стрельбе из лука».

Eustath. Comm. ad Hom. II. I, p. 793, 1: καὶ Ἀπόλλων ἦϊος ὁ ἰεὺς, ὡς τοξικός, ἢ ὁ ἰατικός. «И Аполлон – Эий, то есть “посылающий, мечущий” – как лучник; или “исцеляющий”». Это свидетельство, как мы считаем, важно тем, что в нем приводятся две альтернативные этимологии. «Эий» связывается не только с причастием глагола ἦϊμι (имеется в виду стрельба из лука), но также и с прилагательным, образованным от глагола ἰάομαι «лечить, исцелять». И здесь, разумеется, никак нельзя не вспомнить об одной из самых распространенных в Северном Причерноморье эпikleз Аполлона – Иатр, Врач. Если основываться на этом толковании эрудита Евстафия, «Эий» и «Иатр» как-то родственны друг другу. Информация, как минимум, заслуживающая того, чтобы над ней поразмыслить.

Рассматриваемая нами лексема ἦϊος пока не была известна как эпikleза (устойчивый культовый эпитет), но argumentum ex silentio здесь не может иметь здесь силы: простые эпитеты с легкостью перерастали в эпikleзы, и количество последних постоянно множилось (о некоторых боспорских эпikleзах Аполлона см. хотя бы [Кучеревская 2018, 334–335]. Взять хотя бы цитировавшийся чуть выше список эпитетов Аполлона из орфического гимна: можно ли однозначно и непротиворечиво «разложить по полочкам», какие из этих эпитетов являлись «просто эпитетами», а какие – эпikleзами? Нам представляется, что это практически невозможно.

Эпikleзы притом часто были локальным феноменом. Впрочем, эпikleзы в религиозной сфере – это отдельный интереснейший предмет, здесь мы коснемся его лишь мельком⁶. Каждый/ая из эллинских богов и богинь имел/а практически обязательно по нескольку эпikleз, подчас – в немалом количестве. Пожалуй, скажем даже так: количество эпikleз божеств было колоссальным, почти безграничным. Сплошь и рядом мы и поднесь узнаём о новых эпikleзах, которые ранее известны не были⁷.

Эпikleзы в культовой практике весьма часто служили полноценными заменителями имен божеств как таковых. Говоря «Паллада» или, скажем, «Алалкомена», эллин имел в виду абсолютно то же самое, как если бы он говорил просто «Афина».

Точнее всего будет сказать так: эпikleзы были чем-то бóльшим, чем простые культовые эпитеты, они порождали как бы самостоятельные сущности, отдельные, не совпадающие друг с другом «ипостаси» божества. Для массового религиозного сознания подобный ход мысли вообще очень характерен, что показывает даже и знакомая нам

⁶ С опорой, в частности, на более раннюю свою разработку [Суриков 2017].

⁷ См. хотя бы [Цымбурский 1990], с опорой на данные Ликофрона. Кстати, что касается Ликофрона: в свое время, занимаясь переводом и комментированием его «темной» поэмы [Ликофрон 2011], мы постоянно сталкивались с редчайшими эпikleзами, которые притом явно были не изобретены самим поэтом, а почерпнуты этим эрудитом в процессе изучения культовой практики многочисленных греческих полисов.

всем практика православного христианства. Так, различные чтимые иконы Богородицы воспринимаются многими рядовыми верующими (не имеем здесь в виду, конечно, ученых богословов) тоже в какой-то мере как самостоятельные сущности, Богоматерь Казанская – не вполне то же самое, что Богоматерь Владимирская, или Федоровская, или Донская... «Ты какой Богородице свечку ставишь?» – приходилось нам слышать подобного рода вопросы в православном храме.

В античном язычестве с его традиционной множественностью божеств описанное тут дальнейшее разделение а fortiori уместно встретить. Так, в Дельфах почитался Аполлон Пифийский, на Делосе – Аполлон Делосский, скажем, в Пантикапее – вышеупомянутый Аполлон Иатр, и т.д., и т.п. Аркадская Артемида весьма сильно отличалась от Артемиды Эфесской: в изображениях первой подчеркивались ее девственность, стройный, юный облик, а вторую наиболее адекватно воплощает стоявший в ее эфесском храме древний идол, представлявший богиню многогрудой – таким символом материнства⁸. Коль скоро уж зашла речь об эпиклезах Артемиды, сестры-близнеца Аполлона и во многих отношениях его «женского двойника», напомним тот упоминавшийся нами ранее факт [Суриков 2012, 464–465], что в том же Эфесе, на архаических монетах, зафиксирована ее эпиклеза Фано, причем без упоминания самого ее имени, то есть как его заменитель.

Принципиально важным моментом (хотя в большинстве случаев лишь с трудом поддающимся изучению) является связь эпиклезы с конкретным святилищем, храмом. Рискнем даже предположить, что часто – с храмовой статуей божества как первичным артефактом. Храм воспринимался как жилище бога (богини), где он (она) обитал (а) именно в облике своей храмовой статуи. Каждая такая статуя была, естественно, единичной и уникальной, из чего выросло и представление об уникальности данной «ипостаси» самого божества, получающей особое обозначение.

Вот конкретный пример. В Афинах с незапамятных времен чтился древний кумир Афины, именованный палладием. В связи с ним бытовало предание, что это тот самый палладий, который вывезли из Трои победители-греки, а потом он-де некими окольными путями попал в Афины (некоторые другие полисы, заметим, тоже претендовали на обладание «истинным» палладием). С течением времени этот палладий стал пониматься как Афина Полиада («Градохранительница»), возник соответствующий культ. В Афинах и Аттике возникли и другие культы Афины с разными эпиклезами. Так, в Парфеноне почиталась Афина Парфенос – покровительница Архэ, в аттическом местечке Паллена – Афина Палленида [Harrison 2005]... Примеры опять же можно было бы множить и множить. И все эти Афины, – если можно так выразиться, не вполне конгруэнтные фигуры.

Этот пример парадигматичен. Возникали полисы; в них создавались храмы – именно как вместилища чтимых статуй. Сама по себе постройка храма была в некоторой степени легитимацией полиса. Полис выступал в данной связи не только как коллектив граждан, но и как коллектив лиц, коллективно же почитающих конкретное божество

⁸ Ср. [Burkert 1999] – со странной теорией, согласно которой это не груди, а “Stierhoden”; [Суриков 2009] – с опровержением этой теории. В связи с этим «разнообразием» Артемиды см. также [Cole 1998; Petrovic 2010; Rogers 2012; McInerney 2015; Budin 2016; Кузьмина 2007].

в его конкретной ипостаси (воплощенной конкретным идолом), например, Афину Полиаду, Артемиду Эфесскую, Аполлона Амиклейского (его архаическая статуя огромного размера была всё время видна спартанцам и тем самым постоянно напоминала о себе) и др.⁹ Если же в городе имелось несколько святилищ одного и того же бога (такое было возможно, если вести речь о божестве очень популярном, например, являвшемся «небесным покровителем» этого города), то, разумеется, в каждом святилище он почитался со своей эпиклезой¹⁰.

Сделав этот экскурс об эпиклезах, вернемся к интересующей нас надписи. Так получилось, что мы стали рассматривать ее с конца и пока еще практически ничего не говорили о первой строке, а между тем она-то и является в памятнике ключевой. В ней все писавшие о граффито понимают ΦΑΝΑΓΡ как сокращенное и искаженное имя «Фанагор». Расхождения наблюдаются в вопросе о том, в каком падеже его нужно читать. Н. В. Завойкина вначале предлагала вариант с вокативом [Завойкина 2016, 42; Завойкина 2017, 209]. В 2018 г. для нее это генитив (в примечании не исключается также номинатив), в 2020 г. – номинатив (поставленный первым) или генитив. Ф. В. Шелов-Коведяев видит здесь генитив, С. Ю. Сапрыкин – датив (в его прочтении находим Φαναγ(ό)ρ(α), однако подчеркнем, что никакой подписной *ιότης* в памятнике VI в. до н. э. быть не могло). Предполагается, что упомянутое здесь лицо – не кто иной, как тот самый теосец Фанагор, ойкист Фанагории, на момент создания граффито умерший и героизированный; Н. В. Завойкина и Ф. В. Шелов-Коведяев считают это само собой разумеющимся, С. Ю. Сапрыкин допускает это как одну из возможностей (хотя не самую вероятную).

Существует ли возможность выйти из этого «замкнутого круга», или такое понимание ΦΑΝΑΓΡ является безальтернативным? На наш взгляд, альтернативы есть, и они даже очевидны. Во-первых, существовало ведь и женское имя Фанагора (о нем см. [Суриков 2015]), правда, пока зафиксированное, кажется, только в Аттике. Во-вторых, в первой строке граффито можно увидеть также сокращенное и искаженное название самого города Фанагории (или этника «фанагориец/фанагорийцы»). В-третьих, мы по-прежнему не считаем полностью исключенным и вариант с эпиклезой Аполлона «Фанагор», тем более что в том же граффито, как было сказано выше, Н. В. Завойкина находит еще одну эпиклезу, и тоже Аполлонову: Ἠϊός. Если там есть одна, почему бы не быть и другой? Как видно из сказанного нами выше, одно божество с двумя разными эпиклезами воспринималось как две не вполне совпадающие друг с другом «сущности» или «персоны», каждая из которых имела особое святилище.

В качестве параллели можно привести следующий случай, гипотетический, но вполне мыслимый в наши дни: старушка, не блещущая грамотностью, собирается

⁹ Коль скоро речь зашла об Аполлоне, то упомянем еще, помимо затрагивавшихся выше (да и то ни в коей мере не претендуя на сколько-нибудь репрезентативный характер перечисления) культы – и соответствующие эпиклезы – достаточно известного Аполлона Птойского в Беотии [Schachter 1994] и менее известных Аполлона Малеата в Эпидавре [Triimper 2014], Аполлона Сикийского [Krystalli-Votsi, Østby 2014], более позднего Аполлона Дафнийского [Fowler 2006], загадочного Аполлона Гиперборейского [Boutouropoulou 2009], – да имя им легион!

¹⁰ Например, богом-покровителем Керкиры был Аполлон Керкирский, и, значит, в этом полисе, несомненно, имелось его святилище – именно с данной эпиклезой. А в то же время на Керкире зафиксировано и святилище Аполлона Пифийского. См. к этому [Gehrke, Wirbelauer 2004, 363].

посетить храм и пишет для себя памятную записку о том, перед какими иконами нужно поставить свечи. Такая записка может иметь, например, следующий вид: «1 Казнск., 1 Донская, 1 Николе». В переводе на «человеческий язык» это будет означать: «одна свеча – иконе Казанской богородицы, одна свеча – иконе Донской богородицы, одна свеча – иконе Николая Чудотворца». Главное, что старушка сама понимает, что имеется в виду, а никаких других читателей подобная записка не предполагает (равно как и автор фанагорийского граффито никак не предполагал, что читателями и даже исследователями его «творчества» будут ученые XXI века).

Во всяком случае, из такой невразумительной по содержанию надписи не следовало бы делать такие ответственные, однозначные и категоричные выводы, как Н. В. Завойкина, которая, завершая свою статью, пишет: «... Одно из ранних фанагорийских граффито (sic. – И. С.) представляет собой остракон с записью расходов, видимо, на votivные приношения в святилища Фанагора, Аполлона Феба и Геры в Фанагории... Упоминание имени Фанагора в граффито наряду с божествами ясно указывает, что здесь подразумевается не живой человек, а скорее личность, поставленная в один ряд с богами. Речь, очевидно, идет о героизированном умершем... В граффито упомянут ойкист Фанагор, о котором сообщают античные авторы. В этот временной промежуток основатель Фанагории, по всей видимости, скончался и был героизирован... Упоминание Фанагора в одной надписи с Аполлоном и Герой дает основания для осторожного предположения, что погребение (героон) ойкиста могло располагаться на территории исторического ядра (Верхний город) Фанагории...» [Завойкина 2020, 253–254].

Как раз в том, что ойкиста всегда погребали в центральной части основанной им колонии (а не где-нибудь!), сомневаться не приходится, и такое утверждение не требует никакой осторожности. А вот в остальном осторожность никак не помешала бы: мы совершенно не уверены, что из текста граффито (а текст этот, повторим, невразумителен) вытекают далеко идущие заключения, позволяющие объявить сложный вопрос о Фанагоре решенным и закрытым.

III

Еще одно «доказательство бытия Фанагора» было приведено недавно в новой работе А. А. Завойкина, хотя она, строго говоря, посвящена не только и не столько этому сюжету [Завойкин 2021]. В данном случае речь идет о клейме на черепке из комплекса конца V – начала IV в. до н. э. в Патрее. Предоставим слово автору: «Там... был найден черепок тонкостенного сосуда с оттиском квадратного... клейма. На нем представлена в профиль (вправо) голова немолодого бородатого мужчины с длинными волосами, покрытыми коническим головным убором (пилосом), в нижней части тульи которого в рельефе показан венчик из побега плюща. Прямо над головным убором сохранились две буквы – *альфа* и *ню* (первая из них – строго над вершиной колпака), и это позволило обоснованно предположить, что слева от этой литеры располагалась еще одна (почему обязательно одна? – И. С.), в данном случае – *фи*, а не *пи*, так как сложно не согласиться с Е. В. Захаровым, справедливо усматривающим сходство изображения на клейме и на ранних монетах Фанагории. Поскольку хронология изображений на монетах (речь идет об автономной фанагорийской чеканке. – И. С.) близка, имеются веские, на мой

взгляд, основания считать, что и там и там представлен один и тот же персонаж» [Завойкин 2021, 262–264].

Согласно мнению исследователя (и не только его, разумеется), персонаж этот – не кто иной, как Фанагор. А. А. Завойкин также весьма категоричен в формулировках: «Представляется, что детальное изображение на клейме мерного сосуда из Патрея позволяет *поставить точку* (курсив наш. – И. С.) в затянувшейся на два столетия дискуссии. На нем (так же, как и на монетах Фанагории) показана голова мужчины в шлеме-пилосе. И с высокой степенью вероятности можно говорить, что это изображение ойкиста Фанагории, давшего основанному им полису свое имя. Героический статус Фанагора (разумеется, посмертный) теперь подтверждается не только самим необычайно редким и ранним фактом наименования апойкии по имени основателя, но и упоминанием его в найденном при раскопках в историческом ядре города посвятителем граффито, датировка которого отстоит от времени основания Фанагории едва ли больше чем на 20–30 лет. ... Сложно усомниться в том, что имя Фанагора упомянуто в ней в культовом контексте (наряду с героем-основателем в граффито отмечена Гера и, возможно, редкая эпиклеса Аполлона)» [Завойкин 2021, 268–269].

Весь опыт истории науки показывает, что когда в каком-либо вопросе намеревались «поставить точку», эта точка, как правило, оказывалась всего лишь многоточием. Аргументация, предлагаемая нам здесь, далека от безупречной. На мнение Ф. В. Шелова-Коведяева и Н. В. Завойкиной относительно интерпретации фанагорийского граффито дается ссылка как на безусловно доказанный факт существования теосца Фанагора; а между тем, как мы говорили в предыдущей части статьи, с этим не всё так уж просто и однозначно. Далее, что касается прочтения надписи на клейме как [Ф]ΑΝ¹¹ – не можем не назвать его чрезмерно смелым: ведь налицо всего лишь две (частично) сохранившиеся буквы, причем такие, комбинация которых является в древнегреческом весьма распространенной, так что, строго говоря, восстановить здесь можно едва ли не что угодно, но всё это будут лишь бездоказательные догадки (даже не гипотезы). Апелляция к сходству с типом фанагорийских монет (допускаем, что клеймо действительно ориентировано на изображения на них) представляет собой образец «круга в аргументации», когда тезис А обосновывается с помощью тезиса Б, а затем тезис Б – с помощью тезиса А. На монетах изображен Фанагор, следовательно, на клейме должно стоять [Ф]ΑΝ; на клейме стоит [Ф]ΑΝ, следовательно, на монетах должен быть изображен Фанагор.

Но даже если действительно написано было [Ф]ΑΝ (или, допустим, [Ф]ΑΝ [Α], хотя, повторим, обычно на клеймах бывает ΦΑ, что в данном случае явно невозможно), из этого еще совершенно не следует, что человек, наносивший эту надпись, имел в виду именно Фанагора, а не Фанагорию или фанагорийцев. И ссылка на монеты опять не помогает. Ведь никто же ни в коем случае не будет утверждать, что легенды ΦΑΝΑ и ΦΑ на ранней чеканке Фанагории отсылают к Фанагору. Разумеется, не к нему, а к эмитенту – гражданской общине этого полиса. Соответственно, изготовивший клеймо мастер, копируя с монеты изображение, добавил с той же монеты и надпись, придавая ей аналогичное значение.

¹¹ Вообще говоря, на фанагорийских клеймах в норме стоит ΦΑ [Avram, Hind, Tsetskhladze 2004, 950].

Между прочим, не можем не сказать и о том, что пресловутому сходству, пожалуй, не стоит придавать преувеличенной значимости. Сходство это сводится, в общем-то, к вещам элементарным, не слишком показательным. Просто в обоих случаях перед нами бородатая мужская голова (но, кстати, на монетах она часто безбородая; см. ниже) в профиль (а изображения в фас в подобных случаях почти никогда и не встретишь) в коническом головном уборе. Можно подумать, перед нами какие-то иконографические редкости. Точно такой же тип встречаем, например, на монетах Лампсака [*Строкин* 2014, 357]. Так что же, и на них тоже Фанагор?

Как представляется, большее внимание следует обратить не на сходство, которое оказывается скорее поверхностным, а, наоборот, на имеющиеся различия. Во-первых, на клейме голова повернута вправо, а на монетах – влево. А ориентация – не мелочь, что, конечно, подтвердят специалисты-нумизматы. Например, если взять архаические афинские *Warrenmünzen*, на одних из них встречаем протому коня вправо, на других – протому коня влево. Соответствующие изображения всегда рассматриваются именно как два разных типа [*Kroll* 1981, 32], а не как варианты одного.

Другой пример относится к чеканке Теоса и Абдеры – «матери» и «сестры» Фанагории (или «бабке» и «матери», если следовать выкладкам В. Д. Кузнецова [*Кузнецов* 2001]). Тип теосских монет – грифон вправо, тип ранних абдерских – грифон влево. Могут быть разные мнения относительно того, что это означает, но, не приходится сомневаться, что-то да означает, а не «просто так».

Еще более серьезное различие заключается в том, что на монетах на головном уборе интересующего нас персонажа изображен венок из побегов лавра, а на клейме имеем венок из побегов плюща. У этих двух растений в античной Греции была совершенно неодинаковая символика, даже можно сказать – противоположная: лавр однозначно связывался с Аполлоном, плющ – с Дионисом, что признаёт и сам А. А. Завойкин [*Завойкин* 2021, 269]. Один и тот же герой не мог ставиться одновременно под покровительство этих двух божеств, воплощавших, как прекрасно известно уже со времен Ф. Ницше, противостоящие друг другу начала бытия. Эллины к подобного рода символике были весьма внимательны.

Наконец, необходимо отметить: сам тот факт, что на части фанагорийских монет голова бородатая, а на части – безбородая, является сильнейшим аргументом против того, что изображается Фанагор. Ойкист Фанагории, кто бы им ни был, безусловно должен был носить бороду (юнцу такое ответственное дело не поручили бы); а кто же тогда изображен без бороды? Ясно, что перед нами не один персонаж, а два разных. Ведь невозможно же допустить наличие дополнительного типа «Основатель в юности» (подобно тому как у нас в советское время наряду с основным типом лысого Ленина с бородкой использовался дополнительный тип кудрявого Ленина-мальчика, помещавшийся на октябрятских значках). В античности такое было бы чистой воды фантастикой.

* * *

Таким образом, мы наблюдаем со стороны Н. В. Завойкиной и А. А. Завойкина в интерпретации анализируемых ими памятников слишком категоричную акцентировку на одной-единственной возможности, без достаточного учета возможностей иных.

Это не всегда бывает самым конструктивным путем. Предлагаемые исследователями аргументы, хотя их достаточно много, скорее косвенны, среди них нет по-настоящему сильного и безусловного («из миллиона муравьев не получится одного слона», гласит восточная мудрость). Эти аргументы про усиленно развиваются, а возможные аргументы *contra* подчас оставляются в стороне, не рассматриваются, как будто их и нет (некоторые из них были приведены выше).

В первой части статьи мы на собственном примере показали, что чрезмерная категоричность в выводах может оказать ученому плохую услугу. Хотелось бы предостеречь и уважаемых коллег, которым угрожает опасность попасть в подобную же ситуацию. Осторожность, осторожность и еще раз осторожность!

Список литературы

- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь, 592.
- Завойкин А. А. 2021. «Портрет» Фанагора // КСИА. 262, 261–274.
- Завойкина Н. В. 2015. Малая эпиграфика // Фанагория: Альбом. М., 132–139.
- Завойкина Н. В. 2016. Граффити на керамике позднеархаического времени из Фанагории // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время: Материалы Международного круглого стола. М., 42–46.
- Завойкина Н. В. 2017. Граффито с упоминанием Фанагора // Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского царства. М., 209.
- Завойкина Н. В. 2018. Список пожертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н. э. из Фанагории // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб, 292–299.
- Завойкина Н. В. 2020. Граффито ок. 520-х гг. до н. э. из Фанагории // КСИА. 258, 245–250.
- Кузнецов В. Д. 2001. Метрополия Фанагории // ДБ. 4, 227–236.
- Кузьмина Ю. Н. 2007. Синкретичность культа Артемиды Эфесской // *Antiquitas iuventae*: Сб. научных трудов студентов и аспирантов. Саратов, 63–68.
- Кучеревская Н. Л. 2018. Эпиклезы греческих божеств в лапидарной эпиграфике Боспора // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 334–339.
- Ликофрон 2011. Александра (перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова) // ВДИ. 1, 219–233; 2, 234–267.
- Сапрыкин С. Ю. 2019. К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // ДБ. 24, 473–487.

- Строкин В. Л. 2014. NYN – ΣΑΜΜΑ, ΑΠΟΛ – ΦΑΝΑ: P. S. // ДБ. 18, 342–375.
- Суриков И. Е. 2009. Удаляющиеся амазонки (Гендерная мифология и гендерная география в древнегреческих потестарных представлениях) // Адам и Ева. 17, 7–39.
- Суриков И. Е. 2012. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 16, 440–469.
- Суриков И. Е. 2015. Афинские Фанагоры // ДБ. 19, 340–350.
- Суриков И. Е. 2017. Прозвища у греков архаической и классической эпох. I. Предварительные соображения общетеоретического характера // ПИФК. 1, 19–34.
- Суриков И. Е. 2021. Первое прозаическое описание Средиземноморья: историко-географический труд Гекатея Милетского // *Mare nostrum*. 2, 10–50.
- Суриков И. Е. 2022. Антропонимы и топонимы: ойкисты и названия древнегреческих городов // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIV Всероссийской научной конф.* М., 248–250.
- Цымбурский В. Л. 1990. Лаомедонт – эпиклеза Посейдона? (к разночтениям в ст. 157 «Александр» Ликофрона) // *Античность в контексте современности.* М., 66–75.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2018. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 3, 98–106.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2020. *De titulis Bosporanis et viciniis* // ДБ. 25, 426–442.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2021. *De titulis Bosporanis et viciniis IV* // ДБ. 26, 411–431.
- Avram A., Hind J., Tsetskhladze G. 2004. *The Black Sea Area // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation.* Oxford, 924–973.
- Boutouropoulou I. 2009. *Le voyage d'Apollon au pays des hypervoréens ou la fascination d'un mythe culturel // Mythe et justice dans la pensée grecque.* Québec, 59–69.
- Budin S. L. 2016. *Artemis.* London–New York, XV, 183.
- Burkert W. 1999. *Die Artemis der Epheser: Wirkungsmacht und Gestalt einer grossen Göttin // 100 Jahre österreichische Forschungen in Ephesos.* Wien, 59–70.
- Cole S. G. 1998. *Domesticating Artemis // In: The Sacred and the Feminine in Ancient Greece* London–New York, 24–38.
- Fowler R. 2006. 'This Tart Fable': Daphne, and Apollo in Modern Women's Poetry // *Laughing with Medusa: Classical Myth and Feminist Thought.* Oxford, 381–398.
- Gehrke H.-J., Wirbelauer E. 2004. *Akarnania and Adjacent Areas // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation.* Oxford, 351–378.
- Harrison E. B. 2005. *Athena at Pallene and in the Agora of Athens // Periklean Athens and its Legacy: Problems and Perspectives.* Austin, 119–131.
- Kroll J. H. 1981. *From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // The American Numismatic Society Museum Notes.* 26, 1–32.
- Krystalli-Votsi K., Østby E. 2014. *The Temples of Apollo at Sikyon // Attitudes towards the Past in Antiquity. Creating Identities.* Stockholm, 191–200.
- McInerney J. 2015. "There will be Blood...": The Cult of Artemis Tauropolos at Halai Araphenides // *Cities Called Athens: Studies Honoring John McK. Camp II.* London, 289–320.
- Malkin I. 1985. *What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum.* 63, 114–130.

- Petrovic I.** 2010. Transforming Artemis: from the Goddess of the Outdoor to City Goddess // *The Gods of Ancient Greece: Identities and Transformations*. Edinburgh, 209–227.
- Prandi L.** 2020. Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. Roma– Bristol, VI, 201.
- Rogers G.M.** 2012. The Mysteries of Artemis of Ephesos: Cult, Polis, and Change in the Graeco-Roman World. New Haven–London, XIV, 500.
- Russell T.** 2018. Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, XVII, 290.
- Schachter A.** 1994. The Politics of Dedication: Two Athenian Dedications at the Sanctuary of Apollo Ptoieus in Boeotia // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis*. Oxford, 291–306.
- Trümper M.** 2014. Bathing in the Sanctuaries of Asklepios and Apollo Maleatas at Epidaurus Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H. A. Shapiro. Berlin–Boston, 211–231.
- Tsetsckhladze G.R.** 2006. Introduction: Revisiting Ancient Greek Colonisation // *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 1. Leiden–Boston, XXIII–LXXXIII.

Summary

I. E. Surikov

The return of Phanagoras?

The article deals with the name of Phanagoria. Recently, N.V. Zavoykina and A.A. Zavoykin gave some new arguments in favor of the view that the city was named after its founder Phanagoras of Teos. They cited, first, an early Phanagorian graffito with ΦΑΝΑΓΡ in the first line, which is interpreted as the name of Phanagoras; and, second, a stamp on a fragment of an *oenochoe* from Patraeus showing a bearded male head, which is considered to be a 'portrait' of Phanagoras. Here the author demonstrates that the arguments of above-mentioned scholars have serious weaknesses and cannot be recognized compulsory. On the other hand, now we have at least one reliable example (Arist. fr. 514 Rose) of an Archaic colony (Kios) named after its founder.

М. Ю. Трейстер
(Независимый исследователь, г. Бонн)

Канфары типа «Высочино»: хронология, центр изготовления и распределение характерной формы боспорских серебряных сосудов I в. н.э.*

Обозначение типа «Высочино» рассматриваемые канфары (рис. 1. 1) [Трейстер 2007, 17–18, карта 2]¹ получили по месту находки сервиза из четырех таких сосудов в тайнике 2 сарматского погребения кургана № 28 группы Высочино-VII в Нижнем Подонье (рис. 2) [Беспалый 1985, 167–168, № 4–7, рис. 5. 2, 3; *Bespaly* 1986, 78, no. 4, pl. 69. 2, 3; *Cat. Paris* 2001, 186–187, no. 204; *Kat. Москва* 2005, 22, № 22; Трейстер 2007, 17–18; Мордвинцева, Трейстер 2007, 22, № А45.1–4 (с лит.), табл. 25; *Kat. Ст. Петербурга* 2008, 124, № 39; *Kat. Leoben* 2009, 247, Nr. 100a–d].

Канфары типа «Высочино» имеют биконическое тулово на низком кольцевидном поддоне. Нижняя половина тулова канфара моделирована в виде изогнутых лепестков, верхняя – украшена накладными позолоченными пластинами с тисненым позолоченным орнаментом в виде *сута* и *сута reversa* или аналогичными чеканными фризами. Сосуды имеют литые ручки, нижняя часть ствола которых, шестигранная в сечении, завершается атташем в виде листа. В центре ручка имеет декоративное оформление в виде шарика с двумя рельефными ободками внизу и одним сверху. Верхняя часть ручки раздвоена, отдельные более тонкие стволы изогнуты и украшены на концах шариками.

Помимо находок в Нижнем Подонье, одна из которых происходит из кургана № 2 некрополя Верблюжка у Тузлуков (рис. 1. 2) [*Bespaly* 1986, 75, pl. 60. 2; *Cat. Daoulas* 1995, 92, 94, no. 119; Трейстер 2007, 17–18; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 91 no. А280.1

* Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФФИ, «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б. А. Раев.

¹ На картах распространения таких сосудов, опубликованных А. Попа (*Pora* 2004, 498, Abb. 4; 2014, 94, 107, fig. 9), отсутствуют ручки сосудов из Гурзуфского седла и, по понятным причинам, сосуды из Артезиана, Мысхако и Горгиппии. В то же время ошибочно указано как место находки погребение в Косике, в котором такая ручка никогда найдена не была (на основании ошибочного сравнения в статье В. В. Дворниченко и Г. А. Федорова-Давыдова [Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 151]; в действительно указанный предмет никакого отношения к канфарам серии Высочино не имеет). Наша публикация 2007 г., в которой рассмотрены канфары типа Высочино и кархезии близкий им (Трейстер 2007, 18–19, карта 2), также осталась неизвестной исследователю.

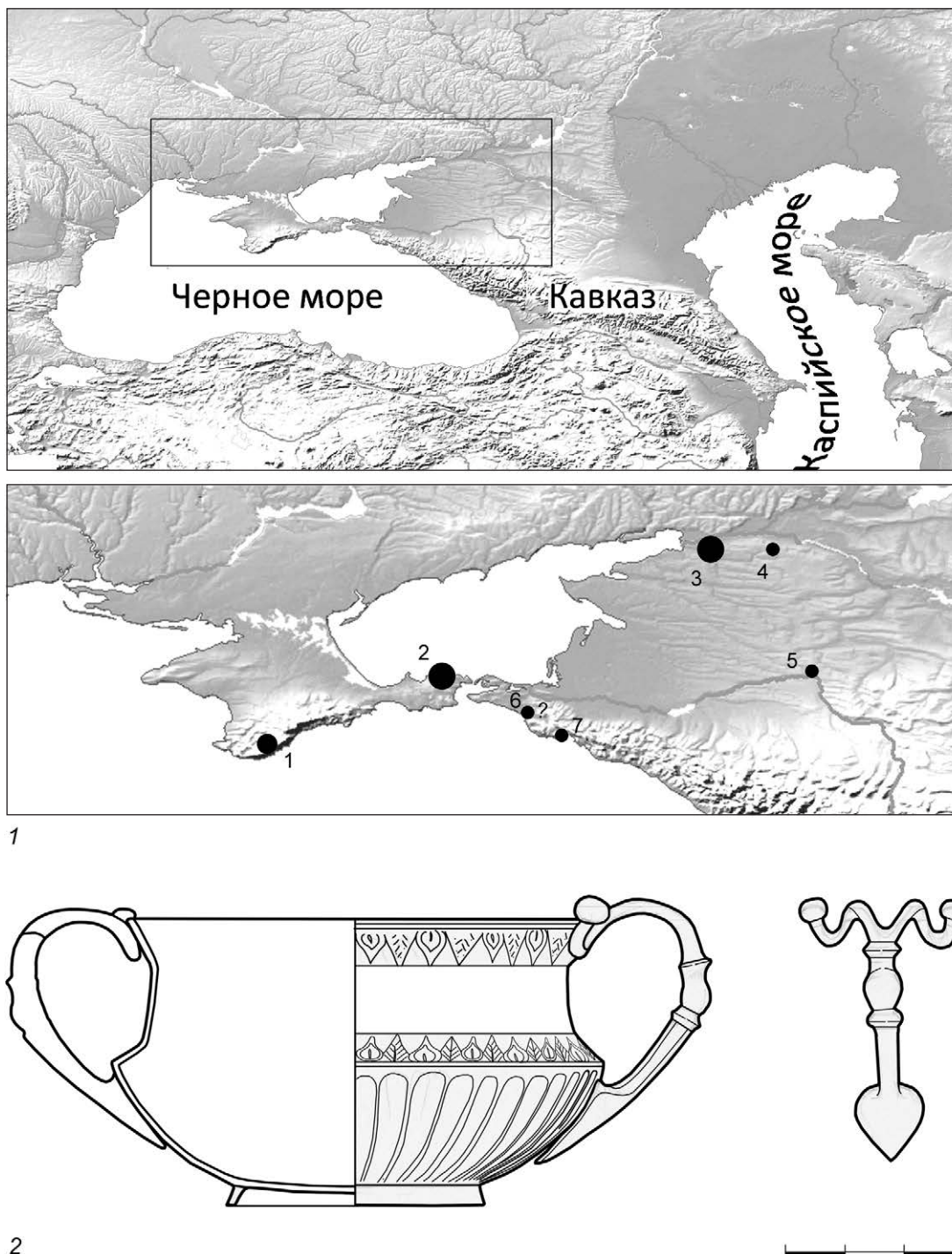

Рис. 1. 1 – карта распространения канфаров типа Высочино: 1 – Гурзуфское седло, 2 – Артезиан, 3 – Высочино-VII; 4 – Тузлуки (Верблюжка), 5 – Тифлисская, 6 – Горгиппия, 7 – Мысхако. 2 – Канфар из Тузлуков (Верблюжки). Курган № 2/1979. Погребение № 1. Ростов, Ростовский областной музей краеведения, инв. № 21048 (1 – карта М. Ю. Трейстера, 2021; 2 – рисунок Н. Е. Беспалой, 2015)

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 2. Высотино-VII. Курган № 28/1982. Тайник № 2. 1 – серебряные канфары; 2–7 – канфар инв. № 19532/174а. Общие виды и детали. Азов, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, инв. № 19532/174а–г (Фото: 1 – В. И. Терехина; 2–7 – М. Ю. Трейстера, 2015)

(с лит.)], известна одна находка такого канфара в Прикубанье (курган № 15 у ст. Тифлисской [Гуцина, Засецкая 1994, 31–32; 58, № 270; Кат. Москва 2002, 111–112, № 535; Трейстер 2007, 17–18; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 90 по. А276.1 (с лит.); Marčenko, Limberis 2008, 349, Nr. 48.1, Taf. 76. 1; Фирсов 2010, 347, 349, рис. 48]), а три серебряные ручки, типа принадлежащих канфарам данной серии, происходят из раскопок святилища на Гурзуфском седле [Cat. Rimini 1995, 131; 135, no. 51; Трейстер 2007, 17–18; Мордвинцева, Трейстер 2007, 27, № А66.1 (с лит.); Новиченкова 2015, 90, рис. 176. 1–3; 92] (рис. 1. 1).

Фрагменты по крайней мере двух таких канфаров, включая отдельные тулова и ручки [Белоусов и др. 2017, 31–32, рис. 2, 3] (рис. 3, 4), были найдены в 2013 г. в слое пожара ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье, которая была разрушена во время римско-боспорской войны 45–49 гг. н. э. Судя по нумизматическим материалам, слой пожара может быть датирован 46/47 г. н. э. [Abramzon et al. 2012, 207–278; Винокуров 2014, 98–105; Белоусов и др. 2017, 31–33, рис. 1. 1]. Обращают на себя внимание и находки из юго-восточной части Боспорского царства. Фрагментированный кубок был найден в воинском погребении № 12/1978 некрополя Мысхако [Дмитриев и др. 2020, 42, рис. 37; 44, № 12; Малышев 2020, 154] (рис. 5. 2). Вероятнее всего, к этому же типу принадлежал и не сохранившийся кубок из саркофага I склепа II/1975 некрополя Горгишпии, известный по описанию и схематическому рисунку (рис. 5. 1) [Трейстер 2007, 17–18; Мордвинцева, Трейстер 2007, 23, № А51.1 (с лит.); Алексеева 2021, 184, 223, рис. 111; 279]².

А. Попа первоначально отнес к канфарам рассматриваемой серии и ручки двух фрагментированных серебряных сосудов из Колоколина в Западной Украине (Львовская обл.) [Śmiszko 1935, 156, no. 8; 162 no. 8, pl. XLIII. 1–5; Pora 2004, 493, Abb. 2. 1–5; 496–498; cf. Pora 2014, 92–95, figs. 2, 5], хотя в более поздней публикации не исключал, что это мог быть *кархезий*, подобно находкам из ольвийского погребения, ограбленного в 1891 г. [Штерн 1907, 91, табл. 1; Minns 1913, 383–384, fig. 284; Cat. Toledo 1977, 124, nos. 78–79; Трейстер 2007, 18; Мордвинцева, Трейстер 2007, 128, № В28.1–2 (с лит.), табл. 54] и из склепа № 735/1999 некрополя Усть-Альминского могильника [Puzdrovskij, Zajcev 2004, 250–252, Nr. 23; 251, Abb. 13. 9; Трейстер 2007, 18; Мордвинцева, Трейстер 2007, 96, № А301.1 (с лит.), табл. 43; Puzdrovskij 2013, 317, Nr. VII.81], и это второе его предположение, на мое взгляд, соответствует истине, учитывая размеры, пропорции и детали оформления ручек. В кургане «Острый» в Прикубанье [Гуцина, Засецкая 1989, 93, № 7, табл. 1; Трейстер 2007, 18; Мордвинцева, Трейстер 2007, 58, № А166.1 (с лит.), табл. 34] также были найдены парные серебряные ручки, типа украшающих *кархезии*. Усть-альминский кубок – гладкий, сосуды из Ольвии, образующие пару, но отличающиеся размерами и деталями орнаментации, украшены фризами *сута reversa* и жемчужником, напоминающими орнаментацию канфаров типа «Высочино».

² «Из саркофага извлечён серебряный кубок с тонким гравированным орнаментом на плечиках, оп. № 9 (рис. 111). По тулову проходят канелюры, на дне концентрические круги, плечики покрыты тончайшим лесбийским киматием (?). Металл насквозь разъеден коррозией. Диаметр по краю – 8,4 см, высота – не менее 6 см, диаметр поддона – 3,8 см (сосуд погиб при реставрации, так как не содержал металлической основы)» [Алексеева 2021, 184].

Рис. 3. Артезиан. Ранняя цитадель. Помещение № 4. Серебряный канфар с надписью на донце. Керчь, ВКИКМЗ, инв. № КП-185606, КМ-8567. 1 – фото, Керчь, Восточно-Крымский историко-краеведческий музей-заповедник, 2014; 2 – прорисовка А. В. Белоусова, 2017; 3–6 – фото Н. И. Винокурова, 2013

Рис. 4. Артезиан. Ранняя цитадель. Помещение № 4. Ручки серебряных канфаров. Керчь, Восточно-Крымский историко-краеведческий музей-заповедник, инв. № КП-185529, КМ-8570; НВФ-13358–13360. Фото М.Ю. Трейстера, 2014

На донце одного из канфаров в процессе реставрации была расчищена выполненная пуансоном по кругу двустрочная греческая надпись (рис. 3. 1, 2) [Белоусов и др. 2017, 33–34, рис. 2]. А. В. Белоусов предложил следующее восстановление и чтение текста:

Δ[ῖ]ος Καλ[ο]καίρου τοῖς ἐνδ(ε)ία(ι)
ἐν τοῖς Ἀπολλωνίου

Диос, сын Калокайра, (находящимся в) нужде в доме Аполлония.

Что касается личных имен, встречающихся в тексте, то имя Δῖος (LGPN iv 106) встречается на Боспоре нередко, начиная с V в. до н. э. (CIRB 911, Нимфей; IV в. до н. э.: CIRB 1056, Гермонасса), несколько раз в I в. до н. э. в Пантикапее (CIRB 394, 564; SEG 27: 436), в первых веках новой эры зафиксировано также в Танаисе (CIRB 1259, 1262, 1277). Имя Καλόκαιρος в Северном Причерноморье не засвидетельствовано, но встречается, к примеру, в Македонии и Фракии (LGPN iv 185), а вот имя Ἀπολλώνιος популярно во всей греческой ойкумене, не исключая, разумеется, и Северный Понт (LGPN iv 37–39).

Текст надписи, из которого следует, что некто Диос, сын Калокайра, жертвует этот серебряный канфар людям, находящимся в нужде, из дома некоего Аполлония, очевидно, как предположил А. В. Белоусов, свидетельствует о дарственном характере надписи на канфаре. Недавно эта надпись привлекла внимание и других исследователей, которые предложили поправки, признавая в целом правильность ее прочтения [Яйленко 2020, 216–217, № 36, рис. 4], либо абсолютно другое чтение и интерпретацию [Шелов-Ковдяев 2021, 411–414, № 12, рис. 1, 2].

Точный контекст находок ручек в святилище на Гурзуфском седле опубликован лишь недавно: хотя большинство находок принадлежит к периоду расцвету святилища, с конца I в. до н. э. по середину I в. н. э., ручка канфара отнесена Н. Г. Новиченковой к вещевому комплексу второй половины I – середины II в. н. э. [Новиченкова 2015, 120–121, рис. 220. 5].

Тайник № 2 кургана № 28 группы Высочино-VII [Беспалый 1985, 163–169, рис. 3–6; Беспалый 1986, 78, pls. 68–69; Cat. Paris 2001, 185–191, nos. 203–208; Кат. Москва 2005, 22–23, № 21–26; Кат. Ст. Петербурге 2008, 123–129, № 38–43; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 21–22, № A45.1–7 (с лит.); Kat. Leoben 2009: 246–251, nos. 99–104] может быть датирован третьей четвертью I в. н. э. [Мордвинцева, Трейстер 2007, 22, № A45]. В пользу этого свидетельствуют и немногочисленные фрагменты хорошо датирующихся краснолаковых и стеклянных сосудов, найденные в самом ограбленном погребении [Трейстер 2018, 151–152; 2020б, 159, рис. 2; 174].

Как уже было отмечено, контекст находок из слоя разрушения ранней цитадели городища Артезиан свидетельствует о датировке сосудов не позднее 46/47 гг. н. э.

Важна для датировки рассматриваемых канфаров находка такого сосуда (рис. 5. 2) в воинском погребении некрополя Мысхако вместе с бронзовой монетой Гипеперии 37–38 гг. н. э. [Дмитриев и др. 2020, 44, № 11; Малышев 2020, 172] и стеклянным флаконом [Дмитриев и др. 2020, 41, рис. 36. 1; 42, № 1; Малышев 2020, 153, рис. 128] типа Isings 50a [Isings 1957, 63–66, Form 50a; Charlesworth 1966, 26–27, fig. 3a, type 2a; 33; Fünfschilling 2015, 427–428 (с лит.), Abb. 595], наиболее ранние находки которых датируются в рамках первой

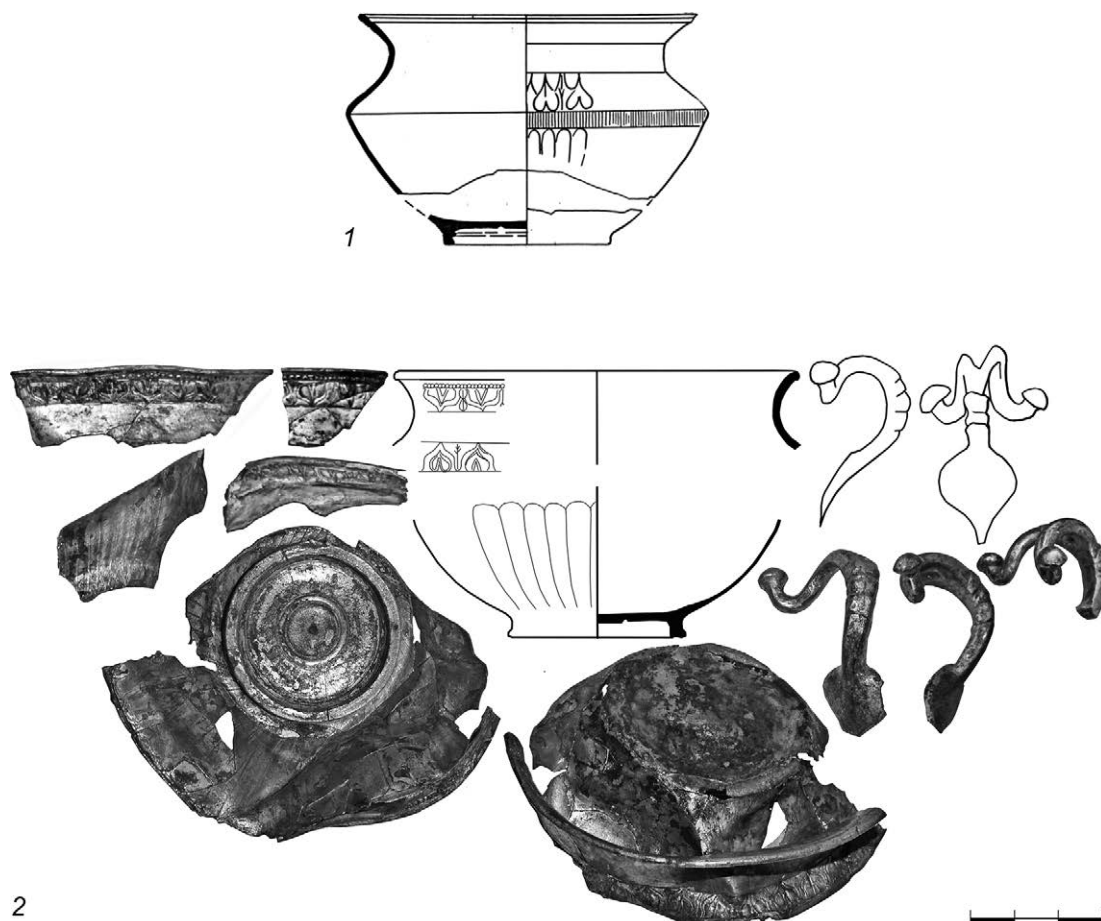

Рис. 5. 1 – Горгиппия. Склеп II/1975. Саркофаг I. Серебряный канфар, утраченный в процессе реставрации. 2 – Мысхако. Погребение № 12/1978. Фрагментированный серебряный канфар. Новороссийск, Государственный исторический музей-заповедник, инв. № 4317/108. 1 – рисунок Е. М. Алексеевой (по: Алексеева 2021, 223, рис. 111); 2 – фото и рисунок А. А. Малышева

трети I в. н. э.³ Также и серебряная пряжка прямоугольной формы⁴ из этого погребения [Дмитриев и др. 2020, 43, рис. 38. 13; 44, № 13; Малышев 2020, 167, рис. 145] находит параллель в другом воинском погребении того же некрополя (№ 41/1979) [Дмитриев и др. 2020, 80, рис. 74. 8; 82, № 8; Малышев 2020, 167, рис. 145], в котором был найден золотой статер Котиса I 49 г. н. э. [Дмитриев и др. 2020, 80, рис. 74. 11; 82, № 11; Малышев 2020, 172].

Приведенные данные и наблюдения не позволяют согласиться с С. Кюнцль, предполагавшей, что кубки типа «Высочино» были изготовлены в одной из мастерских провинций Вифиния, Каппадокия или Понт [Künzl 2000, 71]. Отсутствие находок канфаров

³ Самофракия: Dusenbery 1998, 1125–1126, nos. S199–5, S208–3, S219–21, XS-528. – Магдаленсберг: Czurda-Ruth 1979, 135–136, Nr. 1020–1022.

⁴ См. о таких серебряных пряжках также: Трейстер 2020а, 394–397.

рассматриваемого типа в других регионах дает основание рассматривать их как изделия одного из северопричерноморских центров [Трейстер 2007, 18], вероятнее всего боспорского, что косвенно и подтверждает серия находок таких сосудов на городище Артезиан [Белоусов и др. 2017, 31–38], а также в Горгишпии и некрополе поселения Мысхако.

В данном случае в нашем распоряжении имеется уникальная серия серебряных сосудов известного происхождения, в том числе из хорошо датированных комплексов, которая позволяет предполагать изготовление таких стандартных сосудов накануне или во время римско-боспорской войны 45–49 гг. н. э., которые в дальнейшем оказывались либо в крепости, разрушенной в ходе войны, либо в воинских погребениях на периферии Боспора и в сарматских элитных погребениях Нижнего Дона и Прикубанья. В большинстве своем они не бытовали позднее третьей четверти I в. н. э. Находка такого сосуда в саркофаге I склепа II/1975 некрополя Горгишпии (рис. 5. 1) является еще одним, пусть и косвенным свидетельством того, что в склепе находились предметы, датировка которых не выходит за рамки I – середины II в. н. э., о чем я уже писал [Treister 2003, 43–85], хотя по поводу датировки склепа существуют и другие точки зрения [Алексеева 2021, 273–293 (с лит.)].

Интересно, что, канфары имеют более компактную область распространения – они концентрируются, согласно имеющимся на сегодняшний день материалам, преимущественно в Восточном Крыму и на юго-восточной окраине Боспора, а также на Нижнем Дону (рис. 1. 2), тогда как кархезии и их фрагменты были найдены и на Западной Украине, и в Ольвии, и в Юго-Западном Крыму, и в Прикубанье.

Список литературы

- Алексеева Е. М. 2021. Некрополь античного города Горгишпии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н. э. М.–Вологда, 351.
- Белоусов А. В., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. 2017. Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Севастополь, 31–38.
- Беспалый Е. И. 1985. Курган I в. н. э. у г. Азова // СА. 4, 163–172.
- Винокуров Н. И. 2014. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // Таврические студии. 6, 98–105.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. – II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы (Труды ГИМ. 70). М., 71–141.

- Гуцина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб, 172.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 3, 141–179.
- Дмитриев А.В., Малышев А.А., Медникова М.Б., Онайко Н.А., Столярова Е.К. 2020. Описание археологических комплексов. Каталог // Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. М., 10–122.
- Кат. Москва 2002. На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 143.
- Кат. Москва 2005. Габуев Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков. М., 75.
- Кат. Ст. Петербург 2008. Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б.Б. Пиотровского. СПб, 176.
- Малышев А.А. 2020. Погребальный инвентарь Мысхакского некрополя // Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. М., 143–172.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. 2). Симферополь–Бонн: Т. I – 308, Т. II – 255, Т. III – 204.
- Новиченкова Н.Г. 2015. Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло. Симферополь, 216.
- Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Том 1. Симферополь–Бонн, 15–194.
- Трейстер М.Ю. 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 10, 118–210.
- Трейстер М.Ю. 2020а. Боспорские (?) пряжки из драгоценных металлов I в. н. э. на Боспоре и в Сарматии // ДБ. 25, 384–406.
- Трейстер М.Ю. 2020б. Позднеэллинистические и римские стеклянные сосуды в погребениях кочевников Подонья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. VI. Симферополь, 154–188.
- Фирсов К.Б. 2010. Государственный исторический музей. Памятники скифо-сарматского времени и раннего средневековья из Прикубанья // Античное наследие Кубани. III. М., 328–352.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 2021. De titulis Bosporanis et viciniis IV // ДБ. 26, 411–431.
- Штерн Э. фон 1907. Могильная находка в Ольвии в 1891 году // ЗООИД. 27, 88–100.
- Яйленко В.П. 2020. Критический обзор отечественной эпиграфической хроники 2018 г. // ПИФК. 2, 207–224.
- Abramzon M.G., Treister M., Vinokurov N.I. 2012. Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site // ACSS. 18/2, 207–278.

- Bespaly E. I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84 // Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin (British Archaeological Reports Intern. ser. 278). Oxford, 75–78.
- Cat. Daoulas 1995. Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995. Abbaye de Daoulas, 141.
- Cat. Paris 2001. L'or des Amazones. Paris, 300.
- Cat. Rimini 1995. Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995. Milan, 260.
- Cat. Toledo 1977. Oliver A. Jr. Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, 175.
- Charlesworth D. 1966. Roman Square Bottles // Journal of Glass Studies. 8, 26–40.
- Czurda-Ruth B. 1979. Die römischen Gläser vom Magdalensberg (Archäologische Forschungen zu den Grabungen dem Magdalensberg 6, Kärntner Museumsschriften 65). Klagenfurt, 263.
- Dusenbery E. B. 1998. The Necropoleis (Samothrace XI). Princeton, 1252.
- Fünfschilling S. 2015. Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst: Kommentierter Formenkatalog und ausgewählte Neufunde 1981–2010 aus Augusta Raurica (Forschungen in Augst. 51). Augst: Bd. 1–456, Bd. 2–227.
- Isings C. 1957. Roman Glass from Dated Finds. Groningen, Djakarta. 185.
- Kat. Leoben 2009. Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs. Wien. 318.
- Künzl S. 2000. Quellen zur Typologie des römischen Tafelsilbers // Sborník Národního muzea v Praze, řada A – Historie. 54.1–4, 71–86.
- Marčenko I. I., Limberis N. J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A. V., Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 267–400.
- Minns E. H. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge. 720.
- Popa A. 2004. Einige Bemerkungen zum frühkaiserzeitlichen Prunkgrab von Kolokolin in der heutigen Ukraine // Germania. 82/2, 491–508.
- Popa A. 2014. Despre vasele de argint din hinterlandul provinciilor romane Dacia și Moesia Inferior // Acta Musei Tutovensis. IX–X, 92–107.
- Puzdrovskij A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn, 290–323.
- Puzdrovskij A. E., Zajcev Ju. P. 2004. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999 // Eurasia Antiqua. 10, 229–267.
- Śmiszko M. 1935. Stanowisko wczesnorzymskie w Kołokolinie, pow. Rohatyński // Wiadomości Archeologiczne. 13, 155–164.
- Treister M. 2003. The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations) // ACSS. 9, 43–85.

Summary

Mikhail Treister

***Kantharoi* of Vysochino type – chronology, manufacture and distribution of a specific type of 1st century AD Bosporan Silverware**

The *kantharoi* with biconical body, with the upper part decorated with friezes of *сума* and *сума reversa* and the lower part decorated with strigil-shaped pattern, with wish-bone handles ending with balls in their upper part and with leaves as lower attachments are attributed to the type Vysochino after the find of a set of 4 such vessels in the cache of the second half of the 1st century AD Sarmatian burial in a Barrow-mound 28 of the group Vysochino-VII in the Lower Don region. These *kantharoi* have a rather compact area of distribution, with the concentration in the Eastern Crimea, in the South-Eastern part of the Bosporan Kingdom and in the Lower Don area, though their finds originate also from the Mountain Crimea and the Kuban area.

I cannot accept the viewpoint of S. Künzl that the goblets of Vysochino type were manufactured in one of the workshops in the provinces Bithynia, Cappadocia or Pontus. Recent finds of such *kantharoi* in various sites of the Bosporan Kingdom, including the destruction layer of the fortified site of Artezian in the Bosporan Kingdom with a Greek dotted donative inscription on the bottom of one of them allow to settle the *terminus ante quem* for their manufacture – 46/47 AD suggest the possibility of their production in the workshop of the Bosporan Kingdom. We have at our disposal a unique series of silver vessels of known origin, including those from well-dated assemblages, which suggests that such standard vessels were made on the eve or during the Roman-Bosporan War of 45–49 AD, which later ended up either in a fortress destroyed during the war, or in military burials on the periphery of the Bosphorus and in the Sarmatian elite burials of the Lower Don and the Kuban region. Most of them came out of use not later than in the third quarter of the 1st century AD.

It is noteworthy that the *kantharoi* discussed show more compact area of distribution than the related group of silver *karchesia* with a similar decoration of the body and execution of the handles, the finds of which originate from Western Ukraine, in Olbia, South-Western Crimea and the Kuban basin.

В. А. Хршановский

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Кромлехи на некрополе Китея (хронология и этнокультурная принадлежность)

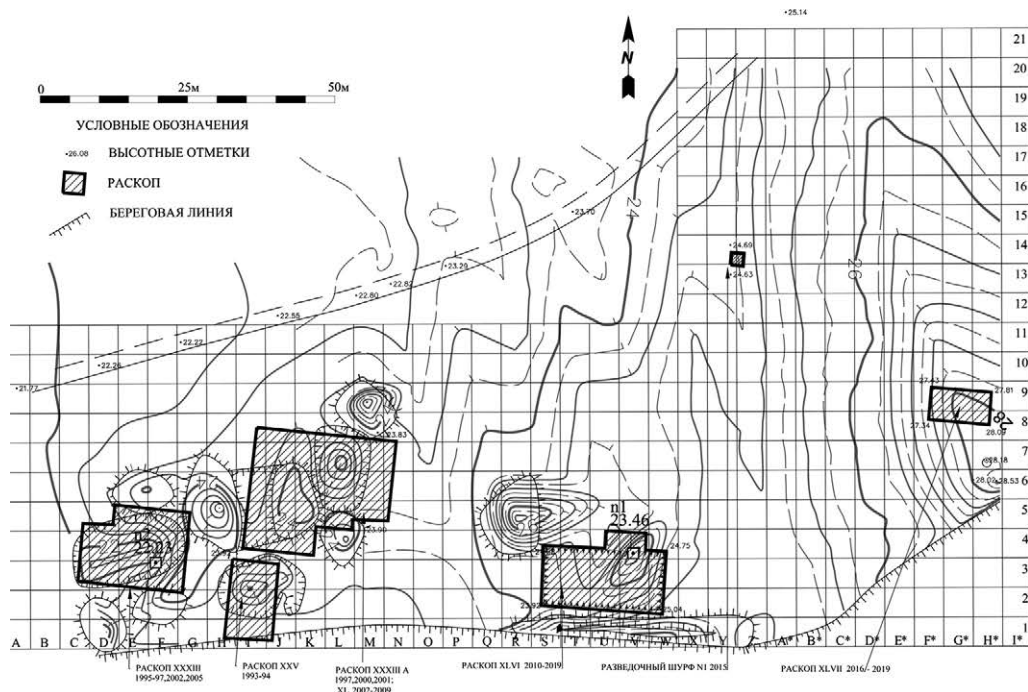
За три с лишним десятилетия (1989–2022 гг.) работы на Китейских некрополях, расположенных к северу, северо-востоку, северо-западу и юго-западу от городища, было открыто, исследовано и доследовано после грабителей более 300 погребальных и поминальных комплексов: склепов, сложенных из блоков и плит и вырубленных в скальном массиве или материковой глине, плитовых и грунтовых могил, а также ритуальных площадок со следами тризн. В целом они вписываются в хронологические рамки существования Китея: первая половина V в. до н. э. – середина VI в. н. э.

Одна из зафиксированных особенностей погребально-поминального обряда: каменные круги – кромлехи, окружавшие три склепа (№ 206, 263, 344), ритуальную площадку (№ 371 над склепом № 300) и над склепом № 365 на перекрывающей его насыпи. Время их сооружения и возможная этнокультурная принадлежность стали темой данной статьи.

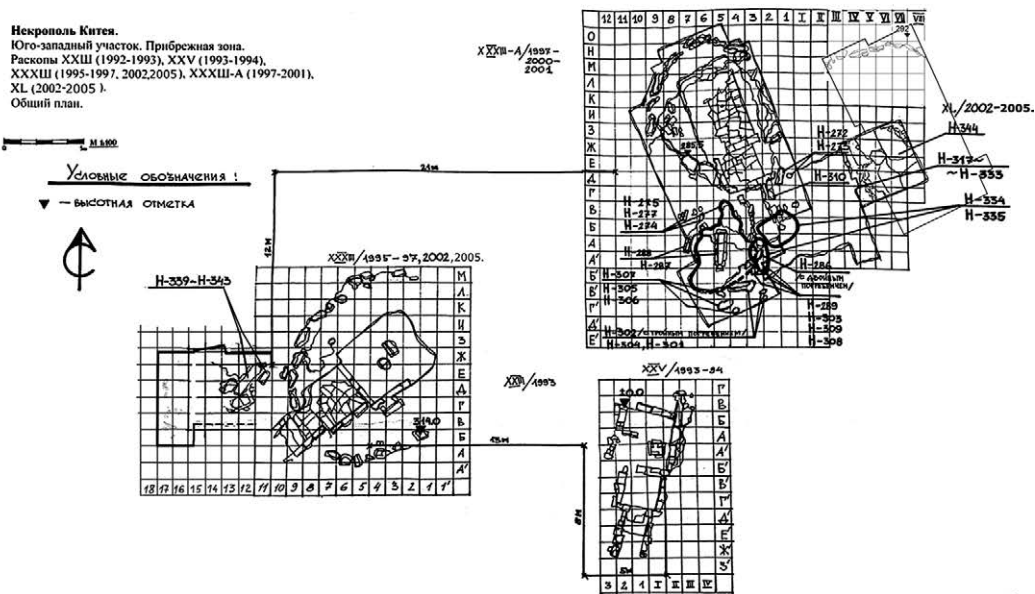
Склеп № 206

Три из пяти кромлехов были открыты на юго-западном участке некрополя (рис. 1а). Первый окружал монументальный склеп, сложенный из блоков и плит известняка (№ 206) – самый западный из трёх склепов (№№ 206, 300 и 145) (Рис. 1б), аналогичных по технике исполнения и архитектурным особенностям. Все три склепа состояли из дромоса, малой и большой камер, имели полы из известняковых плит и, как можно предположить, были перекрыты полуциркульными сводами. Судя по самым ранним, узко датированным материалам (амфорные клейма Хиоса, Фасоса, Гераклеи, фрагменты сетчатых лекифов и краснофигурных сосудов, пантикапейские медные монеты) время их сооружения и первоначального функционирования: середина – вторая половина IV – начало III в. до н. э. [Хршановский 2013, 182–200].

В ходе раскопок этого склепа за его северной стеной после снятия гумусного слоя обнажились необработанные камни, уложенные по дуге, с юго-запада на северо-восток. Такие же, но поставленные как бы на ребро и так же образующие дугу, были обнаружены и в юго-западной части раскопа. В итоге было установлено, что обе камеры склепа окружены овалом (12×9 м) из камней (кромлехом), вытянутым, как и сам склеп,

а

б

Рис. 1. а) Юго-западный участок некрополя Китя. План с обозначением раскопов; б) схема взаиморасположения склепов № 141, 206, 300, 344

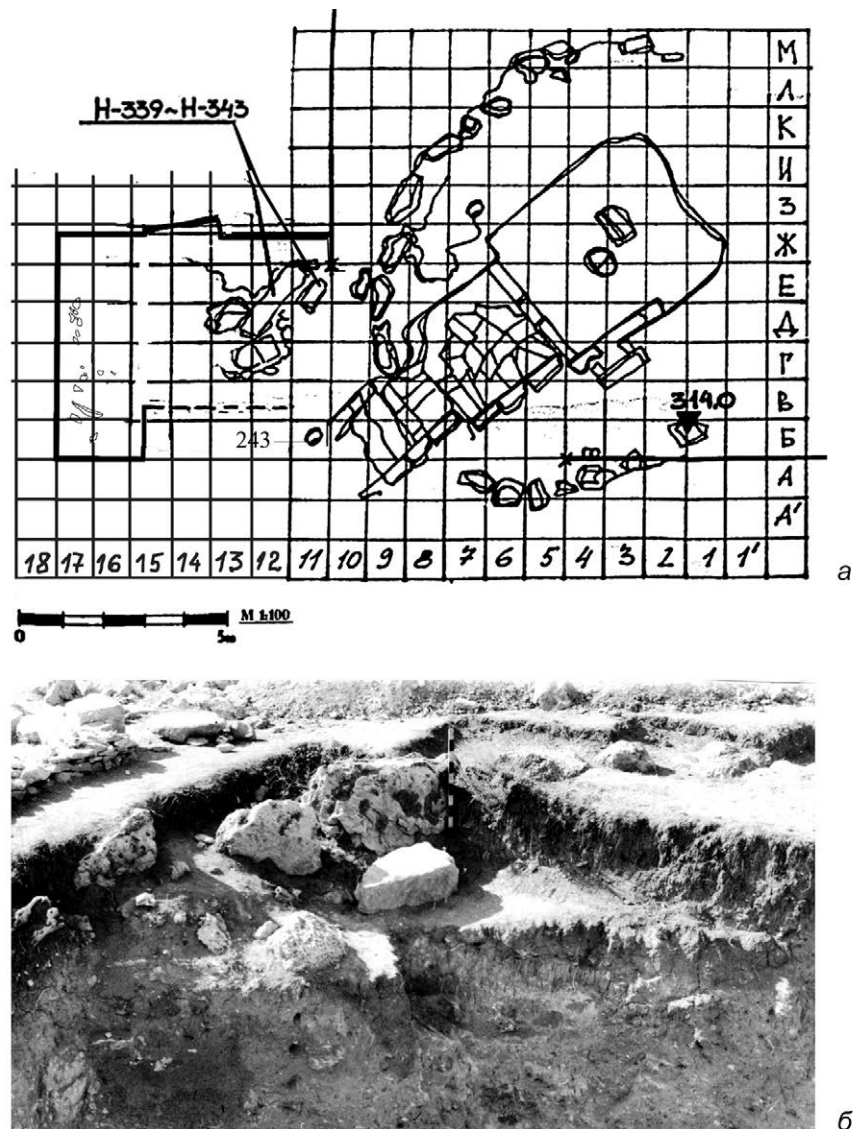

Рис. 2. Склеп № 206: а) общий план с кромlexом; б) кромlex, северо-восточная часть, вид с юго-запада

с юго-запада на северо-восток. Некоторые из этих камней были видны на поверхности, большинство же находилось на глубине 0,1–0,5 м (рис. 2а, б). На юго-западе воображаемая линия овала пересекает дромос склепа как раз перед первой (малой) камерой. Однако это само по себе не означает, что кромlex был сооружен одновременно со склепом, так как в ходе раскопок были выявлены многочисленные следы его вторичного использования в позднеантичное время.

Среди них – женское погребение № 243, открытое над северной стенкой дромоса склепа и ориентированное головой на северо-восток. На затылочной доле черепа имелись следы прижизненной деформирующей повязки. По сопутствующему инвентарю

(бронзовым браслетам), оно может широко датироваться IV–VII вв. н. э. [Хришановский 2016, 109–110]. В тризне, расположенной к северо-западу от дромоса, в зольно-сажистом слое грунта с кусками печины были найдены разрозненные кости трех новорожденных детей (!?), скопления костей животных, раковин виноградных улиток, обломки оплавленного стекла, многочисленные фрагменты амфорной и гончарной керамики как ранней эллинистической, так и поздней – римского времени.

Среди определимых костей животных выявлены: лошадь, корова, овца или коза, свинья и поросенок, собака, лиса, рыбы (в том числе осетровые), обломки клешней крабов и раковин мидий, несколько косточек птиц. Большинство костей было обожжено.

В дромосе и обеих камерах склепа № 206 было обнаружено еще множество признаков вторичного (неоднократного?) использования. Следы ритуальных действий: примитивные каменные выгородки и вымостики, зольные пятна с включением углей, раковин виноградных улиток, костей животных (преимущественно тех же, что и в тризне), рыб и птиц встречались и в грунте заполнения дромоса, и в первой малой камере на высоте 0,3–0,7 м от уровня пола. Наряду с эллинистическим материалом, по всей вероятности, синхронным времени его сооружения и первоначального использования (фрагменты эллинистических амфор с клеймами, расписных краснофигурных и чернолаковых сосудов), здесь в не меньшем количестве фиксировались находки римского и позднеантичного времени (фрагменты круглодонных красноглиняных амфор с реберчатой поверхностью (корчажек) – тип 98б по И. Б. Зеест, появившихся в IV в. н. э. и доживающих до средневековья [Зеест 1960, 120, табл. XXXIX. 98б], поздних краснолаковых, чернолощёных и лепных сосудов, бронзовые пряжки получившие распространение только с начала IV в. н. э. (группы III а, б – IV по классификации Малашева) [Малашев 2000, 209, рис. 1], грубая терракотовая статуэтка с почти не проработанным лицом (нос «защипом») и открытый лепной светильник на высокой ножке, характерный для IV в. н. э. Три медные монеты, найденные в этом же слое в дромосе и первой камере были отчеканены при Рескупориде I (68/69–91/92 гг.), Рескупориде II (211/2–228/9 гг.), Рескупориде V (318/319–336/337 гг. по Анохину) или VI (314–342 гг. по Фроловой). I–IV веками датируются и найденные в склепе № 206 бусины. Таким образом, хронологическая «вилка» комплекса римского времени также достаточно широка: последняя треть I – вторая четверть IV в. н. э. или даже позднее. Однако датировать его в этом случае (при нестратифицированном слое) целесообразно по самым поздним материалам, то есть, не ранее IV в. н. э.

Антропологический анализ выявил в первой камере останки 12 человек: 5 мужчин, 6 женщин, а также подростка 15–18 лет. Палеозоологический анализ позволил установить, что там же находились кости коровы, лошади, овцы или козы, свиньи, собаки, кошки, лисы, зайца, птиц, а также дельфина, рыб (в т. ч. осетровых) и клешни краба.

Ещё одним признаком позднейшей перепланировки и вторичного использования уже второй камеры склепа № 206 являлся «новый порог», устроенный на мешаном грунте, в одном слое с зольником, на высоте 0,35–0,4 м от порога, первоначально разделявшего обе камеры склепа. Он был и выровнен по уровню стены между камерами. Во второй камере также были выявлены следы не просто разрушения, а и какой-то новой организации и эксплуатации этого пространства (рис. 3а).

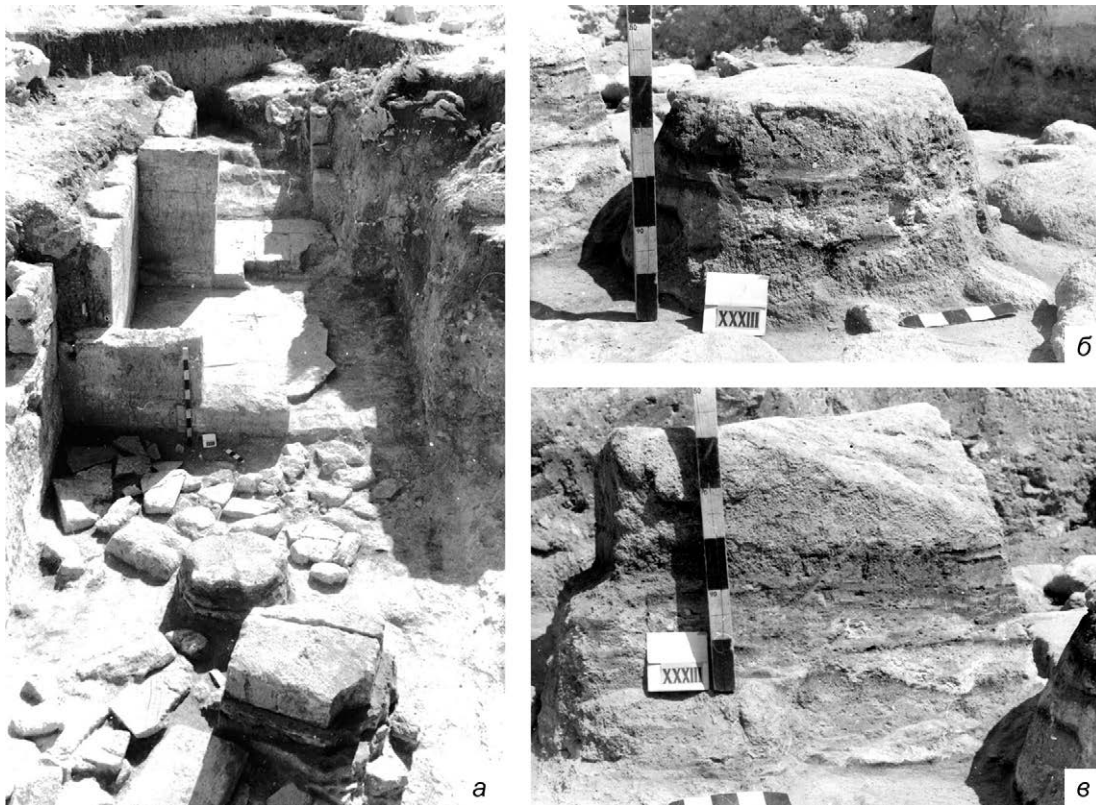

Рис. 3. Склеп № 206: а) I и II камеры, вид с северо-востока; б) II камера, дискообразный жертвенник, вид с северо-запада; в) II камера, подквадратный жертвенник, вид с запада

Под зольным пятном здесь оказалось скопление обломков известняковых плит от вымостки камеры II вперемешку с большими фрагментами стенок амфор. Ещё ниже, в предматериковом грунте было сделано углубление. Возможно, этот ритуальный комплекс был не единственным в камере. Кроме него здесь зафиксированы ещё две конструкции из обломков плит, предположительно ритуального назначения. Вероятно, не случайно и то, что все сохранившиеся стены этой камеры изнутри имели красноватый оттенок – следы огня.

В центре камеры II (рис. 2а, 3а) под большим зольным пятном, в середине которого лежал беспорядочный навал камней, находились и два плоских камня: дисковидный (диаметр 0,6–0,75 м) и подквадратный (0,8×0,65–0,8 м) с небольшим смещением ориентированный боковыми гранями по сторонам света. Не исключено: алтари-жертвенники. Под ними отчетливо «читались» чередующиеся прослойки темного и светлого грунта, толщиной 0,08–0,15 м (рис. 3б, в) Такая стратиграфия, по всей вероятности, свидетельствует о неоднократно совершавшихся в камере ритуальных действиях, связанных с возжиганием огня и перекрытием чистым (светлым) грунтом следов предыдущих обрядов. Бесспорно, что эти алтарные конструкции, находившиеся, соответственно,

на высоте 0,45 м и 0,75–0,8 м от уровня пола склепа, появились при его вторичном использовании в качестве погребально-поминального святилища.

Остеологический материал из той же камеры также был представлен костными останками людей и животных: 5 мужчин и двух женщин, лошадей (молодой, взрослой и старой), коров (взрослой и старой) овцы или козы, свиньи (детеныша и взрослой), котенка, зайцев (молодого и полувзрослого), лисы, разных птиц, дельфина (хвостовые позвонки), рыб разного размера (в том числе осетровых), крабов (обломки клешней) и обломками раковин мидий и устриц. Помимо этого, на полу камеры попадалась морская галька и трава (камка?).

Прочие находки во второй (большой) камере оказались не так разнообразны, как в первой. Но в целом, хронология их не изменилась: от фрагментов хиосских, фасосских, гераклейских амфор IV в. до н. э. до круглодонных яйцевидных с реберчатой поверхностью амфор IV–VII вв. н. э. (тип 98б по классификации И. Б. Зеест.) Поздний амфорный материал здесь преобладал. Прочие находки: отдельные чернолаковые черепки, немногочисленные фрагменты буро- и краснолаковой, чернолощеной, гончарной и лепной керамики, невыразительные обломки бронзовых предметов, железные гвозди и фрагменты меча или ножа, фрагменты изделий из белого металла (кольца?), несколько обломков стеклянных сосудов и кремневые отщепы не вносили существенных изменений в эту датировку.

Вопрос о том, к какому периоду функционирования склепа № 206, первоначальному или последнему, относится сооружение кромлеха вокруг него, на основании только что описанного материала не может быть решен однозначно. Однако его появление в позднеантичное время представляется более вероятным.

Ритуальная площадка № 371 и склеп № 300

В 20 м к северо-северо-востоку от соответствующей стенки склепа № 206 находился ещё один эллинистический склеп № 300 (рис. 1б), превосходивший предыдущий по своим размерам (рис. 4а, в). Над его камерами (с небольшим, но важным для понимания их хронологического и функционального соотношения смещением к северо-западу) была открыта и исследована ритуальная площадка № 371. Она имела форму полуовала (10×7,5 м), вытянутого с юга, юго-востока на север, северо-запад. С трёх сторон: запада, севера и востока площадка была окружена такими же, как и в предыдущем случае, необработанными глыбами известняка, поставленными как бы вертикально (рис. 4а, б). Небезынтересно (и, вероятно, не случайно), что на юге западная и восточная части кромлеха, так же как и над склепом № 206 сходятся у стены, отделявшей дромос от первой камеры.

Внутри этого ограждения по всей площади шел мощный слой засыпи из грунта с включением камней и щебня. В центре её открылось округлое пятно 2–2,4 м, темно-серого (до черного) цвета. Консистенция грунта внутри пятна менялась от плотного, комковатого до вязкого, маслянистого. В нём была найдена лобная кость женщины 25–30 лет, надетая на камень (?). Рядом лежали обломки ребра и лучевой кости взрослого человека. Помимо этого в грунте заполнения комплекса встречались разрозненные кости

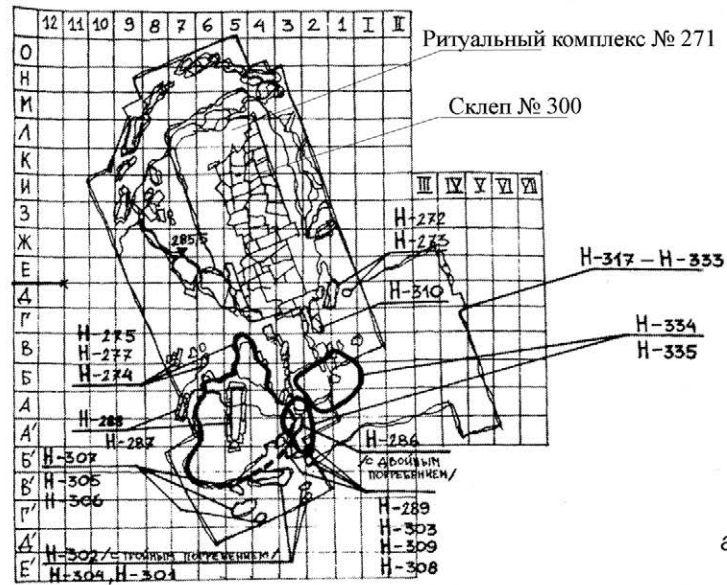

Рис. 4. Склеп № 300 и ритуальная площадка № 271: а) общий план; б) ритуальная площадка № 271, вид с востока; в) склеп № 300, вид с севера

коровы, свиньи, овцы, овцы или козы, зайца и рыб. Некоторые из них были обожжены. В южной части огражденного пространства, среди скопления камней, выделялся расщепленный камень, почти правильной кубической формы (длина грани 0,6–0,65 м), который мог выполнять функцию алтаря.

Временной разброс найденного материала – фрагментов импортной (преимущественно гераклейской, южно-понтийской, фасосской) и боспорской керамической тары, чернолаковой, краснолаковой, гончарной и лепной керамики, эллинистической терракотовой статуэтки, мелких обломков стеклянных сосудов – также как и в раскопе со склепом № 206 широк от IV в. до н. э. до IV в. н. э. Нижняя хронологическая граница тризны (или неоднократно совершавшихся тризн) надёжно маркируется медной монетой Рескупорида V, даты правления которого 242–276 гг. (по Н. А. Фроловой) или 318/319–336/337 гг. (по В. А. Анохину). В грунте заполнения этого комплекса неоднократно встречались отдельные угольки, скопления раковин виноградных улиток и яйцевидные гальки.

В непосредственной близости от южной границы этой ритуальной площадки, в том же слое, возле дромоса склепа № 300 были открыты и исследованы около десятков преимущественно детских (18 из 20), грунтовых и плитовых могил № 243, 262, 272, 274–276, 286–289, 301–310, нижняя граница хронологии которых IV или уже вторая половина IV в. н. э., а верхняя может доходить до V–VI вв. н. э. [Хришановский 2016, 110–115].

Кроме того здесь же были обнаружены следы совершенной (возможно, неоднократно) тризны, получившей № 273. Возле могилы № 272, в том же слое, под округлым камнем (диаметром 0,3 м) было обнаружено захоронение молодой (около 6 месяцев) собаки. Она была уложена как бы кольцом на левом боку, головой на запад. А среди её костей оказалась обожженная скорлупа куриных (?) яиц.

Рядом с захоронением собаки была открыта часть зольного пятна с включением обожженных костей, фрагментов керамики, раковин виноградных улиток. А вблизи локализована тризна из стенок поздних амфор, фрагментов (в том числе, обожженных) гончарной и лепной посуды, стеклянных сосудов, обожженных костей рыб.

Среди многочисленных костей животных, найденных южнее ритуальной площадки № 271, оказались отдельные кости взрослой коровы, лошади, собаки и обожженные – овцы или козы, птиц, рыб и лягушки или жабы.

В грунте заполнения, на полу дромоса и обеих камер так же, как и в соседнем склепе № 206, были выявлены следы их вторичного использования. На границе между дромосом и малой камерой лежало несколько небольших плоских камней, напоминавших примитивную кладку-порог. А на плитах вымостки пола большой камеры под зольным пятном с углями, находилось скопление жженных костей человека (3 взрослых и 1 ребенок) и животных (лошади, овцы, овцы или козы и рыб), раковины виноградных улиток и морских гребешков. Здесь же, внутри пространства, огражденного четырьмя плоскими плитами, помещался примитивный жертвенник в виде камня с округлым сквозным отверстием и двумя короткими, подводящими к нему канавками. Отверстие было закрыто небольшой (0,3×0,4 м) плиткой.

В грунте заполнения дромоса склепа № 300 находились костные остатки 13 взрослых (4 мужчин, одна женщина или подросток, один ребенок 5–10 лет. Пол осталь-

ных неустановим. В малой камере оказались костные остатка не менее 10 взрослых (из них 4 (?) мужчины, одна женщина, три с неустановленным полом) и 4 детей. Во второй большой камере – фрагментированные кости 10–12 погребенных (пол определен только для двух мужчин и двух женщин), среди которых был один ребенок и подросток. Общее количество погребенных в склепе не может быть вычислено простым суммированием (антропологическому анализу были подвергнуты не целые костяки, а перемешанные кости), но то, что это было многократное захоронение сомнений не вызывает.

Кроме того в дромосе были выявлены кости взрослой лошади, взрослой и старой коровы, молодой и взрослой овцы или козы, молодой и взрослой свиньи, полувзрослой и взрослой собаки, а также зайца, рыбы и птицы. В малой камере находились кости взрослой лошади, взрослой коровы, молодой козы, молодой овцы или козы, взрослой свиньи, взрослой собаки и зайца. В большой камере – взрослой лошади, взрослой коровы, полувзрослой и молодой овцы, взрослой и полувзрослой овцы или козы, взрослой и молодой собаки, лисицы, птицы, рыб.

Таким образом, на ритуальной площадке, в прилегающих к ней с юга квадратах и во всех частях склепа репертуар животных почти полностью совпадал, что может свидетельствовать о единстве совершенного тут погребально-поминального обряда.

В мешаном грунте заполнения дромоса и обеих камер хронологическая «вилка» датирующего материала была та же, что и на ритуальной площадке: от IV в. до н. э. до IV–V вв. н. э. Самые ранние вещи представлены фрагментами эллинистических амфор, чернолаковой посуды, терракотовой протомой Деметры и ранней пантикапейской медной монетой 379–369 гг. до н. э. [Анохин 1986, 140, кат. № 96, табл. 3] Самые поздние – амфорами типа F по классификации Шелова, обломками открытых краснолаковых сосудов III–IV вв. н. э. и монетами Фифорса рубежа тех же веков.

Близость верхней хронологической границы ритуальной площадки № 271, датировке могил, расположенных в непосредственной близости от неё, и времени вторичного использования склепа № 300 подтверждают вывод о схожести (если не тождестве) зафиксированного в этом раскопе погребально-поминального обряда.

Смещение кромлеха, окружавшего ритуальную площадку № 371, к северо-западу (так, что восточная стенка склепа оказалась прямо под ним) свидетельствует об их одновременности и даже принадлежности к разным историческим эпохам. Между верхним краем сохранившихся *in situ* блоков восточной стены склепа и основанием камней кромлеха имелся довольно мощный гумусный слой. По заключению специалиста-почвовед Ю.Г. Чендева, ограждение из известняковых глыб над склепом № 300, судя по мощности скопившегося под ними (и, соответственно, над стенами уже разрушенного склепа) гумусного слоя, появилось, примерно через 700 лет после его сооружения, т.е. при последнем его использовании в IV–V вв. н. э. Таким образом, можно считать доказанным сооружение кромлеха вокруг ритуальной площадки № 271, над склепом № 300 в позднеантичное время.

Вокруг третьего эллинистического склепа – № 141, расположенного южнее склепа № 300 (рис. 1б), кромлеха не было, но, как и в двух предыдущих, имелись явные следы его повторного использования в IV–V вв. н. э.

Склеп №344

Этот склеп был расположен к северо-востоку от дромоса склепа № 300 (рис. 1б). В отличие от эллинистических, сложенных их блоков и плит известняка, он был вырублен с уровня древнего горизонта в пласте мягкого (в настоящее время полуразложившегося и крошащегося) известняка и очень плотной материковой (зеленой с белыми «глазками») глине. Как и соседние (№ 141 и 300), он был вытянут с юга на север (рис. 1б, 5а).

Камера склепа имела подпрямоугольную форму длиной 5,5–6,3 м и шириной 4–4,3 м. Глубина от пола – выровненной материковой глины – до уровня древнего горизонта от 0,5 до 1 м, до современной дневной поверхности 2,4–2,5 м. Подводящий к камере дромос подквадратной формы, (2,6×2,5–3,5 м) был отделен от неё невысокой, вырубленной в материковой глине ступенькой-порогом (высота 0,12–0,2 м). Соответственно, и пол дромоса по отношению к полу камеры был выше на такую же величину. Следов перекрытия обнаружено не было. Создалось впечатление, что после совершения погребальных и сопутствующих поминальных ритуалов, он был засыпан слоем серо-желтого суглинкой толщиной до 1,3 м.

Пласт известняка, прорубленный при сооружении склепа, отчетливее всего читался в северной стенке камеры (борту раскопа). По всей вероятности, из обломков известняка этого же пласта было сооружено и сохранившееся частично символическое ограждение (кромлех). Оно было зафиксировано в виде полукруга над северной стеной камеры склепа (в ходе раскопок 6 из 8 камней обрушились) (рис. 5а, б). Возможно, в южной половине склепа на уровне древнего горизонта это ограждение имело продолжение из гораздо более мелких необработанных камней, доходя до дромоса (рис. 6а, б).

Внутренние границы (стенки) камеры склепа с северной, западной и восточной сторон были определены (иногда условно) по выходам предматерикового суглинки и зеленой материковой глины. С южной – камеру от дромоса отделял порог, также вырубленный в материке.

Западная и восточная стенки подводящего к камере дромоса были образованы невысокими (до 0,3 м) подрубками в пласте известняка. Обозначенные камнями и подрубкой в скальном массиве линии внешнего контура камеры на юге симметрично с запада и востока закруглялись и замыкались у входа в дромос.

Склеп был ограблен в древности. Стратиграфия слоев нарушена. Лишь в нескольких местах удалось зафиксировать выгороженные ритуальные площадки с зольными пятнами и другими следами совершенных тризн. Одним из таких объектов оказалось зольное пятно в восточной части дромоса, возле которого *in situ* был зафиксирован керамический комплекс: в краснолаковой тарелке лежала на боку лепная ойнохоя. В этом же слое, в непосредственной близости от только что упомянутого был найден и глиняный светильник с рельефными круглыми точками-горошинами на «плечах».

При всей относительной необычности формы назначение открытой конструкции сомнений не вызывало. В грунте заполнения на разных уровнях повсеместно встречались разрозненные человеческие кости. Качество антропологического материала делало невозможным выявление и идентификацию костей каждого индивида, позволяя лишь примерно установить их общее количество – около 30. Среди них было не менее 20 взрослых (4 мужчины, 5 женщин, пол остальных не установим) подросток 8–13 лет и 9–10 детей

Рис. 5. Склеп № 344: а) общий вид с юга; б) камни кромлеха, вид с юга

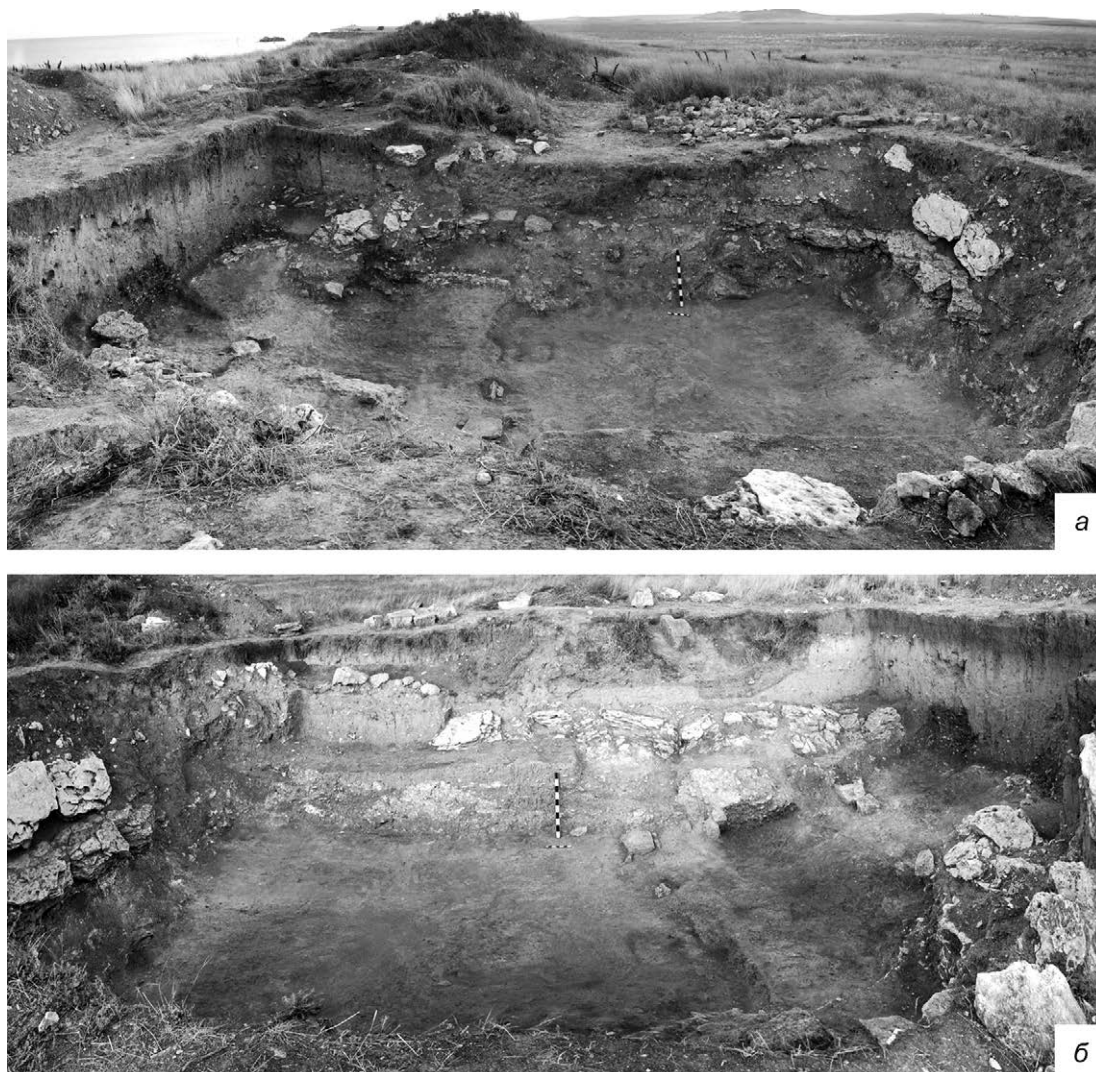

Рис. 6. Склеп № 344: а) общий вид с востока; б) общий вид с запада

(от новорожденных до 10 лет). Взрослые были преимущественно представлены мужчинами и женщинами среднего возраста, но имелось и несколько пожилых (55–60 лет) людей.

Возле ритуальных площадок с зольниками и в мешаном грунте заполнения склепа были также обнаружены многочисленные кости животных (иногда кальцинированные): лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки, зайца и птиц, дельфина и рыб (в том числе осетра). Часто встречались скопления раковин улиток-виноградниц, створки морских раковин, клешни краба, морские окатыши (в том числе окаменелости), галька, угольки.

Стратиграфия слоев над зольниками («пойманная» ненарушенной в нескольких местах) свидетельствовала о череде совершавшихся над ними ритуальных действий, в том числе, с возжиганием огня. Их связь с поминальными обрядами (тризнами), включавшими жертвоприношения животных, не вызывает сомнений.

Хронология этого погребально-поминального комплекса очень походила на предыдущие склепы: в грунте заполнения и над ним, как в мешаном переотложенном слое, повсеместно соседствовали вещи от IV в. до н. э. до конца III–IV вв. н. э., но здесь с явным преобладанием последних.

Выявленная хронологическая «вилка» прослеживалась по всем датирующимся материалам. Так амфорная керамика была представлена как (в меньшем количестве) фрагментами (в том числе с клеймами) греческого импорта, начиная с IV в. до н. э. (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа), так (в большем количестве) и поздними IV–V вв. н. э.: узкогорлыми светлоглиняными типа Е по классификации Д. Б. Шелова, толстостенными типа 104 по классификации И. Б. Зеест и красноглиняными корчажками с ребристым туловом типа 98 по её же классификации.

Расписная и гончарная керамика с лаковым покрытием наличествовала от обломков краснофигурных сосудов, сетчатого лекифа и чернолаковых сосудов до гораздо более многочисленных фрагментов поздних краснолаковых (в том числе «рыбных блюд»). Вторая – была представлена широким спектром обломков светлоглиняной, красноглиняной, сероглиняной и чернолощеной керамики, не поддающейся узкой датировке. Довольно многочисленны и лепные сосуды (в том числе орнаментированные), являющиеся скорее этнокультурным, чем хронологическим маркером.

Немногочисленные фрагменты эллинистических терракотовых статуэток и масок, как представляется, были вторично использованы, в отличие от предположительно синхронных склепу обломков глиняных светильников (маленьких закрытых, однорожковых со щитком в виде раковины и открытого лепного же на высокой ножке IV в. н. э.). Керамические пряслица и грузила не могут быть привлечены для уточнения хронологии комплекса, как и довольно многочисленные стеклянные и янтарные бусины, широко датирующиеся римским временем. В числе прочих находок необходимо отметить обломки стеклянных сосудов, трехгранный, втульчатый наконечник стрелы, фрагменты зеркал. Довольно многочисленны были и железные предметы: обломки мечей, ножей, элементы конской упряжи, кольца. Встречались костяные изделия, как целые (проколки), так и сильно фрагментированные.

Бесспорным дополнительным признаком ритуального характера совершавшихся в склепе № 344 действий, являлось наличие в грунте заполнения «странных» вещей, принадлежавших другой исторической эпохе: обломка каменного топора, кремневых орудий и отщепов или просто осколков гранита, кусков мела, астрагалов, вероятно наделаемых теми, кто их использовал при совершении погребально-поминальных обрядов, каким-то особым смыслом.

Если исходить из того, что сооружение склепа и совершенные в нем ритуальные действия были синхронны, а обнаруженный в ходе исследования материал имеет разброс как минимум в 700 лет, датировать весь погребально-поминальный комплекс нужно по самым поздним из них. В связи с этим встает важнейшая задача: на основании имеющегося материала определить верхнюю хронологическую границу сооружения и использования склепа № 344.

Наиболее надежную (и узкую) датировку (в данном случае для определения *terminus postquem* сооружения и использования склепа № 344) дают монеты. В ходе его

исследования было найдено 5 медных монет. Большинство из них было сильно корродировано, и с трудом подавалось определению. Тем не менее, с достаточной степенью вероятности можно утверждать, что нижнюю хронологическую границу найденного в склепе материала маркировала медная пантикапейская монета конца IV в. до н. э.: л. с. Голова бородатого сатира вправо; о. с. ПАН, протома орлиноголового грифона влево, внизу осетр, датируемая 314–310 гг. до н. э. [Анохин 1986, 140, кат. № 111] или 330–315 гг. до н. э. [Абрамзон, Иванина 2010, 232, табл. 82 № 138, 140, 144]. Зато пять других относились к выпускам последних боспорских царей: одна Рескупорида V (246 г. н. э.) [Фролова 1997, 237, табл. XXXIX, 28] и четыре Фофорса (между 290 и 301/2 гг. н. э.).

Зафиксированный *in situ* в дромосе склепа керамический комплекс [Хришиновский 2017, 212, 222, рис. 4. 1–4] по типу краснолаковой тарелки понтийской сигилляты традиционно мог бы датироваться от конца I до III вв. н. э., но по огрубленной форме, толщине стенок и плохому качеству лака, скорее относился к IV в. н. э., находя себе близкие аналогии среди подобных сосудов этого времени [Стржелецкий и др. 2005, 89, вар. 1в, табл. XVIII. 28, 29]. Эту датировку подтверждает и найденный здесь же формованный закрытый, грушевидный светильник с округлым рожком, наклепной петлевидной ручкой и плечиками, украшенными рельефными круглыми точками-горошинами. Такие светильники характерны для III в. н. э., но близкие по типу встречаются и в комплексах первой половины IV в. н. э. [Зубарев, Крайнева 2007, 201, рис. 7, 2].

Таким образом, можно утверждать, что склеп № 344 был сооружен и использован для погребально-поминальных действий не раньше IV в. н. э., а кромлех, остатки которого были зафиксированы с северной стороны, ему синхронен.

Разрушенные к этому времени соседние склепы, построенные в IV в. до н. э. (№ 141, 206 и 300) в это же время были использованы вторично, но уже не по своему первоначальному назначению, а скорее, как погребально-поминальные площадки, сопутствующие расположенным поблизости синхронным погребениям в грунтовых и плитовых могилах [Хришиновский 2016, 108–141].

Склеп № 263

Открытый и раскопанный на северо-западном участке склеп № 263 оказался одним из самых монументальных сооружений Китейского некрополя. Его длина от начала дромоса до задней стенки большой камеры 14 м. Площадь большой камеры около 25 м², малой – 5,8 м², дромоса – 5 м². Склеп простирался с юго-запада на северо-восток. Диаметр кромлеха из необработанных известняковых глыб, охватывавшего кольцом обе камеры склепа и, так же как у склепов № 206 и 300, сходящегося у стены, отделявшей дромос от первой малой камеры, 11–12 м. В западной части «линия» кромлеха не прослеживается, так как образующие ее камни скатились (или были сброшены) вниз, к камерам (рис. 7а, б).

Внутри кромлеха, в верхних слоях грунта заполнения и грабительских отвалах вещевой материал был крайне немногочислен. Это амфорные стенки (Гераклея, Боспор, южнопонтийские светлоглиняные), обломки простой гончарной, краснолаковой, чернолощеной, оранжево-и коричневоглиняной посуды, лепнины и боспорской черепицы (?). Osteологический материал был представлен здесь фрагментами ключицы

и локтевой кости взрослого человека, а также костями взрослой лошади, полувзрослой (около 15 месяцев) коровы, оленя (?) и птиц.

Как и склепы № 206, 300 и 141 склеп № 263 имел две камеры – малую и большую. Пол обеих камер был вымощен плитами известняка и оштукатурен. Примечательно, что в большой камере он имел отчетливый розовый оттенок.

Длина трапециевидного в плане дромоса, подводившего с юго-запада к первой камере, 5 м, ширина от 1,5 до 1,1 м (сужается к входу в камеру). В западной части пол в дромосе был вымощен. Находки в прирезке над дромосом и в самом дромосе склепа были немногочисленны. Это несколько ручек узкогорлых светлоглиняных амфор типа «F» по классификации Б.Д. Шелова, которые, по хронологии Сазанова, бытовали с первой половины IV в. н. э. [Сазанов 1993, 352, рис. 3: тип. 1, подтип 1] по первую половину V в. н. э. [Сазанов 1993, 352, рис. 3: тип. 2, подтип 1]. Небольшие фрагменты гончарной и лепной посуды из грунта заполнения дромоса малоинформативны. А такие находки, как галька и морская раковина интересны лишь тем, что не могли попасть в это удаленное от берега моря место случайно, и, следовательно, были специально принесены для использования в погребально-поминальном обряде.

Вход из дромоса в малую камеру преграждала стоявшая *in situ* закладная плита. Её подпирал контрфорс – камень-дикарь неправильной формы. Но они стояли не на пороговой плите и не на плитах вымостки пола, а на грунте (!). Под плитой мощность этого слоя составляла 0,15–0,2 м от пола, под контрфорсом – 0,3 м. Из этого следует, что склеп № 263, так же как и склепы № 206, 300 и 141, использовался неоднократно, и, когда плиту ставили в последний раз, пол дромоса уже на 0,15–0,3 м заплыл грунтом.

Малая камера в плане представляла собой правильный квадрат со стороной 2,4 м. Площадь её, соответственно, составляла 5,76 м². Сохранившиеся здесь стены достигали в высоту 1,54 м. Уровень пола тут был в среднем на 0,05 м. выше, чем в большой камере. На высоте 0,3–0,4 м от него, под слоем грунта с зольными пятнами, включением печины и щебня на всей площади было открыто скопление человеческих костей (в том числе черепов) и костей животных. Точное количество погребенных установить не удалось, но то, что захоронения были многократными (не менее 10 взрослых и несколько детей) сомнений не вызывает. Среди костей животных были определены свинья и овца или коза.

Самую надежную нижнюю хронологическую границу совершавшихся здесь обрядов дают 10 медных и одна белого металла (серебро) монет, отчеканенных при последних боспорских царях. В хронологической последовательности они располагаются следующим образом: монета белого металла (статер?) 264/265 гт. Рескупорида IV, три медные монеты Фофорса рубежа III–IV вв. н. э., две – Рескупорида V (по Анохину) или Рескупорида VI (по Фроловой) 324/325 или 325/326 гт. и малый медный номинал императора Константина (?).

Скорее всего, все эти монеты были использованы одновременно и, следовательно, нижней границей комплекса в малой камере можно считать дату выпуска самой поздней из них и даже некоторое время спустя, то есть ближе к середине – второй половине IV в. н. э. Нельзя не упомянуть и о том, что в малой камере было найдено несколько предметов из желтого металла: перстень с сердоликовой вставкой, две круглые

нашивные бляшки с рубчатым орнаментом и одна прямоугольная с рельефным, а также обрывки листьев погребального венка из фольги.

Остальные многочисленные находки: фрагменты керамических гончарных сосудов (преимущественно краснолаковых чашек и тарелок), развал лепного горшка и лепной светильник, бронзовые фибула, пряжка, серьга, костяные стержни, в том числе с зооморфным навершием в виде собаки (?) и стеклянные бусы обычно не выходят за IV в. н. э., но вторично могли использоваться и позже. Посередине стены, отделявшей малую камеру от большой, имелся проём шириной около 1 м, оформленный порогом.

Большая камера в плане представляла собой правильный прямоугольник (5,5×4,2 м) вытянутый, как и весь склеп, с юго-запада на северо-восток. В мешаном щебенчатом грунте её заполнения и в грабительских отвалах были найдены многочисленные, сильно фрагментированные костные останки не менее 15 взрослых (6 мужчин, 7 женщин, пол двоих не установим) и 12 детей (от 12–15 лет до новорожденного). Палеозоологический материал представлен костями лошади, коровы, овец или коз, козы или сайги, собаки (обломок клыка), оленя (?), лисы и птиц. Некоторые кости животных были обожжены и погрызены собакой. В том же слое было выявлено и зольное пятно.

Также как и в первой камере, *terminus postquem* совершенных ритуальных действий определяется по 4 из 10 медным монетам Фофорса (291/292 г.), Радамсада 317/318 г. и двум – Рескупорида V (или VI по Фроловой) 323 и 326/7 г. Кроме этого, в большой камере была найдена индикация на золотой фольге с боспорской монеты Рескупорида IV 264/5 г. Помимо неё в большой камере оказалось ещё несколько предметов из желтого металла: пронизь с круглой подвеской из фольги, три рубчатые одинарные пронизи и одна двойная, веретенообразная пронизь, две нашивные бляшки листовидной формы и круглая фрагментированная серьга.

Остальные датирующиеся вещи – бронзовые фибулы, пряжки, подвески, фрагментированное зеркало и перстень, железные мечи, ножи и гвозди, бусины и пронизи, обломки стеклянных сосудов со следами гравировки, костяные стержни с навершиями и гребень, археологически целые краснолаковые чашки и ножка лепного светильника – как и в малой камере, в целом традиционно не выходят за рубеж III–IV вв. н. э., но могли бытовать и позднее. Таким образом, нижняя хронологическая граница всего данного комплекса оказалась единой. Кроме того, сопоставляя материал из большой и малой камер склепа № 263, можно отметить, что он однотипен и в основном синхронен. Более ранние находки единичны. Это оставляет открытым вопрос о времени сооружения самого склепа. Кажется очевидным лишь то, что он не мог быть изначально предназначен для коллективных захоронений и тех обрядов, следы которых были в нем зафиксированы в ходе раскопок. Представляется, что и кромлех вокруг него, как элемент архаической культуры, мог появиться только при его последнем по времени использовании.

Нельзя не упомянуть и об одной редкой находке из грабительского отвала: дне краснолакового сосуда с 6-ю хризмами (рис. 7в). Хризмы такого типа датируются не ранее второй четверти V в. н. э. [Hayes 1972, 348, 363, 364, fig. 78. 61e]. Если это не случайность, что маловероятно, верхняя граница появления (или функционирования) погребально-поминальных комплексов в склепе № 263 может подняться до этого времени.

Склеп № 265

В противоположной, восточной части Китейского некрополя был раскопан большой вырубной склеп, получивший № 265. Его камера имела прямоугольную форму (4,7–4,8×3,7 м) и была ориентирован по оси юго-запад – северо-восток. Верхняя кромка стен склепа находилась на глубине от 0,25–0,3 до 1,5 м от современной дневной поверхности.

Над камерой (с небольшим смещением к востоку) из десятка необработанных глыб известняка (в среднем 0,8×0,9 м) был выложен овал (кромлех?), вытянутый с востока на запад (длина его 5,6 м., ширина 2,8–3 м). Внутри огражденного им пространства, почти над самой серединой камеры находилась «конструкция» из трех относительно крупных (0,4×0,8 м; 0,5×0,8 м; 0,6×0,7 м) и нескольких более мелких камней (алтарь?). Подтверждением этому может служить обнаруженное под ними горло гончарного сосуда, врытое в грунт заполнения склепа расширяющейся частью кверху.

С западной стороны к камере склепа подводит вырубленный в скальном массиве и надстроенный отдельными камнями дромос. Длина его 1,7–1,8 м, ширина от 1,35 до 1,15 м (сужается к входу в камеру). Найденное в ходе раскопок возле него беспорядочное скопление костей – фрагментарные останки не менее 3 взрослых и ребенка 9–10 лет, скорее всего, были выброшены грабителями из камеры.

Камеру отделяла от дромоса подрубка-порог шириной 0,3–0,35 м, высотой 0,2 м. Максимальная высота северной стены камеры 1,5 м, западной – 0,85 м, южной – 1,2 м. Не исключено, что когда-то они были надстроены, так как на грунте заполнения, вдоль северной стены (на высоте 0,8–0,9 м от уровня пола) лежали три солидных известняковых блока (в среднем: 0,85×0,75×0,45 м) и несколько других камней меньшего размера. Под этими квадратами стояли на полу, на ребре перпендикулярно северной стене (то есть поперек камеры), образуя как бы четыре отсека, четыре прямоугольные известняковые плиты. Над первым и вторым отсеком сохранились перекрывавшие их сверху другие плиты, а внутри – зафиксированы разрушенные костяки погребенных. Возможно эта конструкция (?) свидетельствует о перестройке склепа при его повторном использовании.

В грабительском отвале и в верхнем горизонте слоя заполнения, над камерой, среди беспорядочного скопления костей были выявлены останки не менее 6 взрослых мужчин, 9 взрослых женщин, 2 взрослых людей неопределимого пола, 2 подростков 14–17 и 12–15 лет, и 5 детей в возрасте от 8 лет до 1 года. Уже на этом основании можно было сделать вывод о том, что в склепе были совершены многократные захоронения.

Над всей камерой склепа присутствовал мощный (до 0,6 м) слой засыпки из щебня и мелких камней. Под ним в центральной части камеры было выявлено зольно-угольное пятно округлой формы и ещё одно беспорядочное скопление черепов и костей человека. Найденные неподалеку горла амфоры и кувшина, врытые в грунт, (как воронки, расширяющейся частью кверху) могли использоваться для ритуальных (поминальных) возлияний.

Костяки, обнаруженные в камере на уровне пола, принадлежали трём взрослым женщинам, 5 взрослым мужчинам и 4 детям от 3–4 до 8–10 лет. Под ними находились останки еще не менее двух взрослых мужчин, трёх женщин и ребенка в возрасте около 5 лет. Возможно, именно они принадлежали к первоначальным захоронениям в данном склепе. Кроме того, тут же найдены: верхний зуб лошади, таранные кости 7 взрослых овец или коз, таранные кости трёх взрослых овец и птицы.

Подавляющее большинство вещевых находок было сделано в нижнем слое заполнения камеры, непосредственно над полом (материковый суглинок). Как и во всех предыдущих случаях, важнейшим хронологическим репером стали 10 медных монет. Самая ранняя из них – Рескупорида IV – 266/7 гг. н. э., две Фофорса – 286/87 и 298/99 гг. н. э. и 7 статеров Рескупорида V (VI), выпущенных между 322/23 и 328/29 гг. н. э. Таким образом, комплекс должен датироваться не ранее первой трети IV в. н. э., но, скорее всего, второй его половиной.

Прочий датирующий материал – это многочисленные бронзовые пряжки. По классификации Малашева, они распределяются между группами IIa и IV, то есть бытовали с первой половины III до конца IV вв. н. э. [Малашев 2005, 209, рис. 1]. Две лучковые подвязные фибулы с расширяющейся к приемнику ножкой, относятся к III серии шестой хронологической группы и датируются второй половиной III в. н. э. [Кропотов 2010, 333–338, рис. 98]. Более широкую датировку (все римское время) дают бронзовые браслеты: однонитковый с завязанными концами и пластинчатый, также с завязанными концами, и с утолщениями на концах.

Фрагменты железных мечей и ножей, также как и стеклянных кувшинов, не могут внести коррективы в хронологию склепа. Среди пронизей и бусин с достаточно большим временным разбросом поздние (II–IV вв.) явно преобладают. Многочисленные археологически целые краснолаковые чашки, тарелки, кувшины, в целом, вписываются в традиционную датировку II–III вв. н. э. Но среди лепной керамики и здесь присутствовали два открытых лепных светильника на высоких ножках, характерные для IV в. н. э.

Кроме угольков, в грунте заполнения встречалась морская галька и створки морских раковин. Небезынтересно, что несколько галек находились (*in situ?*) в открытых лепных сосудах.

Таким образом, хотя многие найденные вещи относятся к III или даже II вв. н. э., в последний раз склеп № 265 использовался не ранее середины – второй половины IV в. н. э. Именно тогда над ним был сооружен кромлех.

***

Как можно заключить, кромлехи, ограждавшие ритуальную площадку № 371 над склепом № 300, северную часть склепа № 344, алтарную конструкцию над склепом № 365, бесспорно, синхронны совершенным в них поминальным (погребально-поминальным?) ритуалам. Несмотря на то, что прямых доказательств связи со следами позднеантичных действий в склепах № 206 и 263 нет, сходство конструкции кромлехов и общий археологический контекст позволяет связать и их не со временем сооружения этих склепов, а с их повторным использованием.

Внутри всех кромлехов находились поминальные (или погребально-поминальные) комплексы с многократными (или коллективными) захоронениями, многочисленными следами жертвоприношений (причем почти одних и тех же животных), зольными пятнами. Набор найденных тут вещей был близок по времени и составу: фрагменты керамической тары, краснолаковой, простой гончарной и лепной посуды, светильники, монеты (преимущественно последних боспорских царей). Сходство зафиксированных обрядов, хронологическая и типологическая близость позволяют говорить об их при-

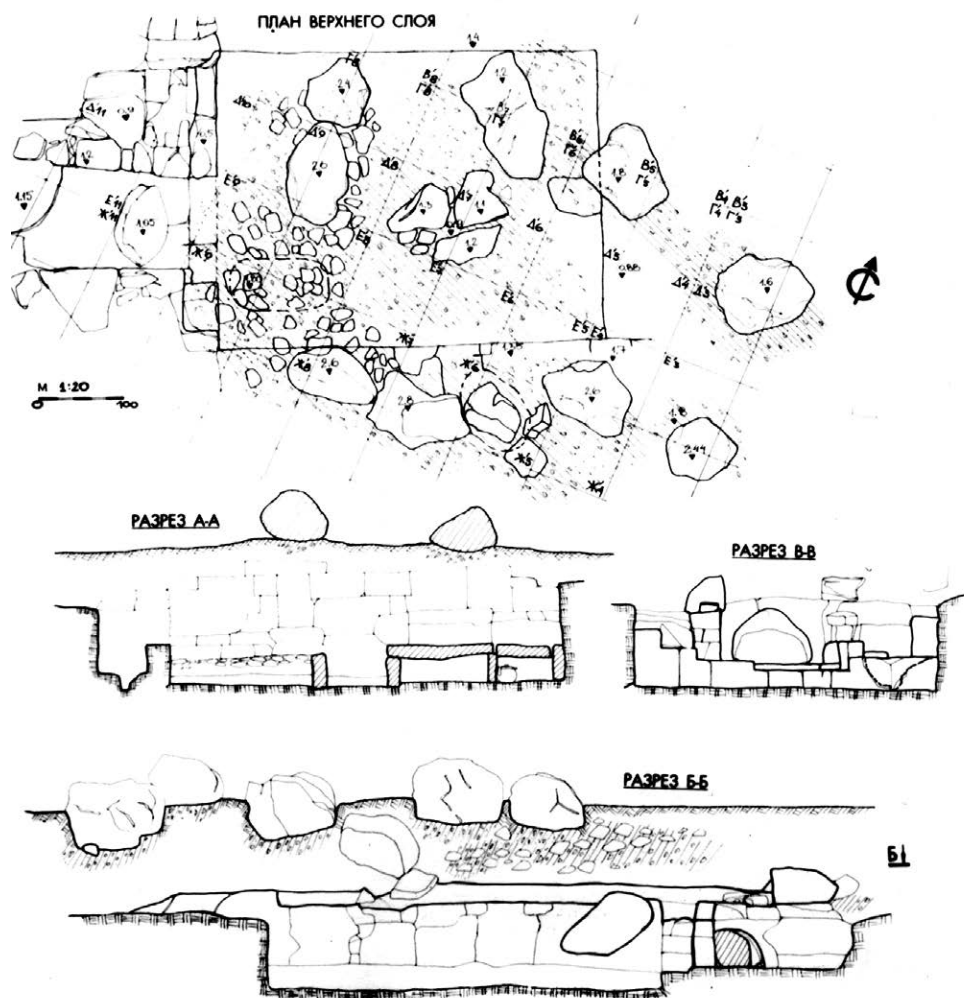

Рис. 8. Склеп № 365. Общий план верхнего уровня и разрезы

надлежности одной позднеантичной погребально-поминальной практике, в которой кромлех (круг) имеет особое символическое, но не конструктивное (!) значение.

Рассмотренные святилища могли вырубаться в материковой глине или скальном массиве и обозначались на поверхности ограждением из отдельных камней, каменной кладкой, более или менее заметным земляным валом в виде некоего круга или овала. Так на Илуратском плато были исследованы 8 круглых сооружений – святилищ, вырубленных в скале или в материковой глине и надстроенных кольцевой кладкой, так же датирующихся IV в. н. э., [Христановский 2015, 142–147].

Возможно, появление на Европейском Боспоре в позднеримскую эпоху круглых сакральных объектов было как-то связано с так называемой «сарматизацией» Боспора. У сарматов и алан, ираноязычных племен, как известно, бытовал культ «животворящего солнца и огня». [Кузнецов 2016, 289, 291]. Одним из самых распространенных символов солнца почти повсеместно с древнейших времен являлся круг. В разной

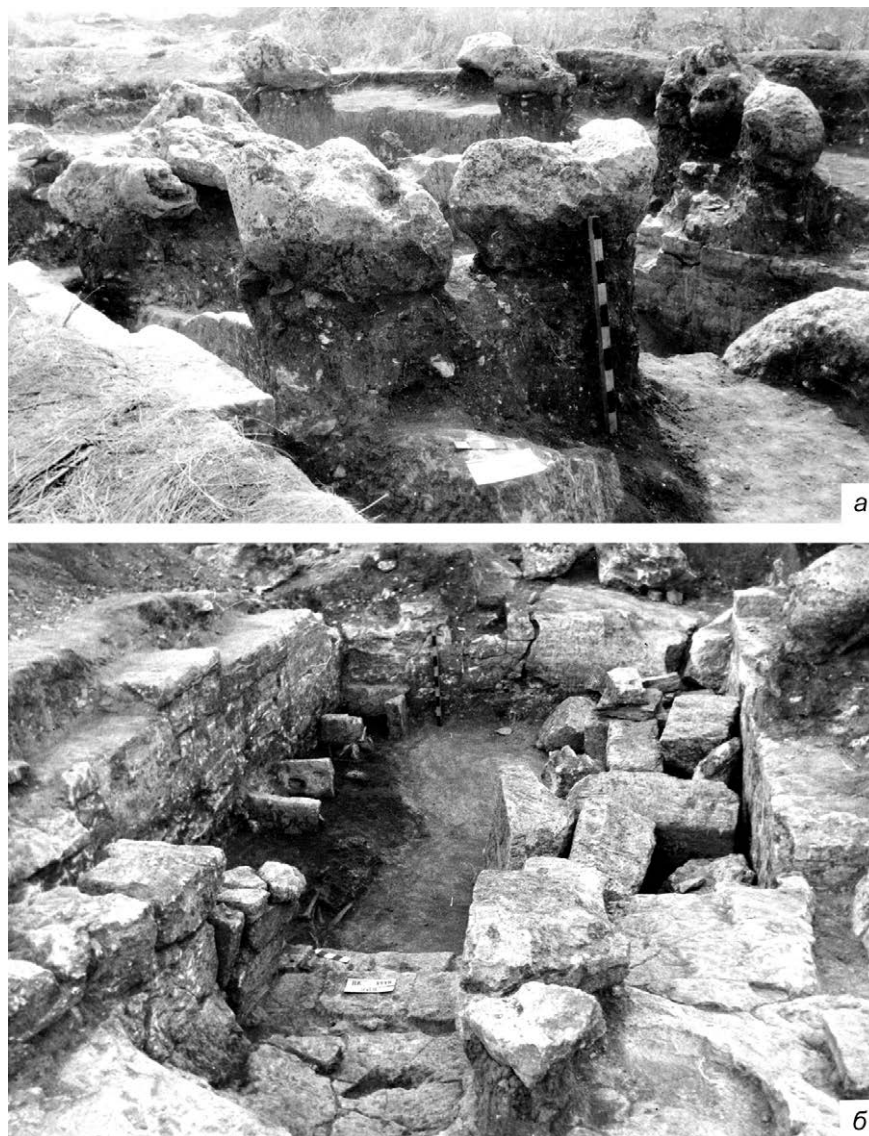

Рис. 9. Склеп № 365: а) кромлех, общий вид с востока;
б) склеп, общий вид с запада

степени выраженные следы огня внутри китейских кромлехов и/или в непосредственной близости от них в виде зольных площадок, пятен, углей, закопчённых черепков, оплавленных стеклянных обломков, обожжённых костей животных и человека, бесспорно, свидетельствуют всё о том же религиозно-мировоззренческом сюжете, игравшем важную роль в боспорских погребально-поминальных ритуалах указанного времени. Как известно, среди особо почитаемых домашних животных с древних времен у индоиранцев были лошади, бараны, козы, собаки, а из диких – волк, лиса, олень, некоторые птицы [Кузнецов 2016, 291, 301, 304, 308]. Вероятно, не случайно, что многие из них оказались и среди жертвенных животных в Китейских ритуальных комплексах

с кромлехами. Небезынтересно, что репертуар и соотношение домашних животных на объектах позднеантичного некрополя Китея и аланского Зильгинского городища почти полностью совпадают [ср.: Каспаров, Хришановский 2019, 274–275; Коробов 2019, 20].

Исходя из этого, можно предположить, что появление кромлехов на Китейском некрополе во второй половине IV в. н. э. (или несколько позже) было связано с одной из волн варварского (сармато-аланского) проникновения в Восточный Крым и должно рассматриваться в контексте многоликости культуры начинающейся эпохи Великого переселения народов.

Список литературы

- Абрамзон М.Г., Иванина О.А. 2010. Античные монеты. Т. II. Киев, 320.
- Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 103.
- Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 179.
- Зубарев В.Г., Крайнева А.А. 2007. Светильники городища «Белинское» // ДБ, 7, 199–216.
- Каспаров А.К., Хришановский В.А. 2019. Фаунистические остатки из юго-западного участка Китейского некрополя (по итогам раскопок 2010–2018 гг.) // БЧ. XX. Основные итоги и перспективы исследований, Симферополь–Керчь, 272–283.
- Коробов Д.С. 2019. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. СПб, 156.
- Кропотов В.В. 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 386.
- Кузнецов В.А. 2016. Очерки истории алан. Пятигорск, 432 с.
- Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона. 1). Ростов-на-Дону, 194–232.
- Сазанов А.В. 1993. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. III, 16–21.
- Стрелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // Stratum plus. 2003–2004. № 4. Между певкинами и феннами, 27–277.
- Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора. Ч. II. М., 536.
- Хришановский В.А. 2013. Элитные склепы IV–III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой. 2. Нижний Новгород, 182–200.
- Хришановский В.А. 2016. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // Культурный слой. 4. Нижний Новгород, 108–141.
- Хришановский В.А. 2015. Круглые святилища на Илуратском плато. Проблемы хронологии и этнокультурной принадлежности // Таврические студии 7. Симферополь, 142–147.
- Хришановский В.А. 2017. Между готами и гуннами // БИ. XXXV, 208–228.
- Hayes J.W. 1972. Late Roman Pottery. London, 551.

Summary

V.A. Khrshanovskiy
Cromlechs at the Kytaia necropolis
(chronology and ethno-cultural affiliation)

The article deals with ring stone structures – dolmens (or cromlechs) that were discovered at the Kytaia necropolis in the late 1990s – early 2000s in course of excavations of large crypts made of limestone blocks and slabs (Nos. 206, 300, and 263) and carved into continental clay (No. 344) and a rock massif (No. 265). The crypts were constructed and initially used not at the same time: Nos. 206 and 300 – in the Hellenistic period, No. 263, in terms of architecture, – no later than the early Roman, No. 265, according to the earliest material, – in the 2nd–3rd centuries AD, and the last one – No. 344 – not earlier than the 4th century AD. It was common to all the crypts that four of these were entirely or partly surrounded with cromlechs, and in one case (the rock-cut crypt No. 265) the cromlech was built on top of the mound covering the crypt. Four of the five crypts were used secondarily and, accordingly, the cromlechs could appear simultaneously with them or later. Analysis of the offerings helped to establish that all the crypts were last used for collective burials with numerous funeral feasts, including the sacrifice of wild and domestic animals, lighting pyres, and ritual libations, which happened no earlier than mid-4th century AD. Only three cases show synchrony of funeral and commemorative ceremonies and the construction of the cromlechs as proved. Nevertheless, constructive resemblance between all the discussed cromlechs, and typological similarity of ritual remnants that were fixed within the cromlechs themselves, and inside the crypts, allow us to classify them as belonging to one of the Late Antique funeral and memorial cultures, where the cromlech (circle) as a Sun-symbol had a special meaning. The cult of the “life-giving Sun and Fire” was spread among the Indo-Iranians from ancient times; it was long-preserved and kept great importance in the worldview of the Iranian-speaking nomadic tribes in the times of Classical Antiquity. The author of the article suggests that cromlechs began to appear at the Kytaia necropolis in the second half of the 4th century AD (or later), which may be associated with one of the last waves of the barbarian (Sarmatian-Alanian) invasion, and the presence of the invaders in the Eastern Crimea.

Ф. В. Шелов-Коведяев

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва)

De titulis Bosporanis et viciniis VII¹

44. Об Афине Эргане (Ἐργάνη). В завершение вечернего заседания конференции «Археология и история Боспора» в Керчи 12 августа 2022 г. А. В. Агафонов представил граффито, найденное годом ранее в раскопках Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, замечательное первым упоминанием о культе Афины Эрганы в Пантикапее (рис. 1)². Он вполне справился с главной своей задачей, дав представление о значении данной ипостаси богини и привлекая внимание к тому, что её почитанию в названном качестве было посвящено небольшое специальное святилище, располагавшееся под сенью колоннады Парфенона у его северной, как и должно было быть (см. об изначальном поклонении Афине у северных склонов гор, холмов и скал [Deacy 2008, 111]), стены. Поэтому мне остаётся только дополнить проделанную им работу некоторыми деталями, представляющими интерес, в том числе, в связи с тем, что с почитанием Афины – на сей раз в Фанагории – мы ещё раз столкнёмся ниже.

Хотя Афина Эргана («рабочая, труженица, работница», выступающая в сём образе, начиная с Илиады [Roscher 1890, 681], как прядильщица шерсти и ткачиха [Deacy 2008, 51] и изображающаяся потому с прядильными инструментами: веретеном, прялкой и т. д. [там же]), не столь часто упоминается древними авторами (а именно, лишь Павсанием, Аполлодором, Плутархом и Элианом, а также в справочниках Гесихия и Суды [см.: Roscher 1890, 681–682; Farnell 1896, 314; Gruppe 1906, I. 207; idem II. 1215 Anm. 9; Deacy 2008, 51]), да и культ её был не слишком распространён (засвидетельствован в Афинах, Спарте, Олимпии, Мегалополисе, Теспиях, Эпидавре, на Делосе и Самосе: такая география, в частности, не позволяет безоговорочно принимать вывод У. фон Виламовица-Мёллендорфа [Wilamowitz 1932, 164] о его ионийском происхождении) и не всегда в такой именно форме эпиклезы (на Делосе – Ὀργάνη, в Эпидавре – Καλλιέρως) [Roscher 1890, 681;

¹ Все предыдущие мои заметки об эпиграфике Боспора, Херсонеса и Ольвии теперь доступны в разделе «Публикации и исследования» моего личного кабинета на сайте НИУ ВШЭ по адресу: https://www.hse.ru/org/persons/132919?_r=idm139652870267600.

² Искренне благодарю руководителя экспедиции В. П. Толстикова за право использования фотографии артефакта.

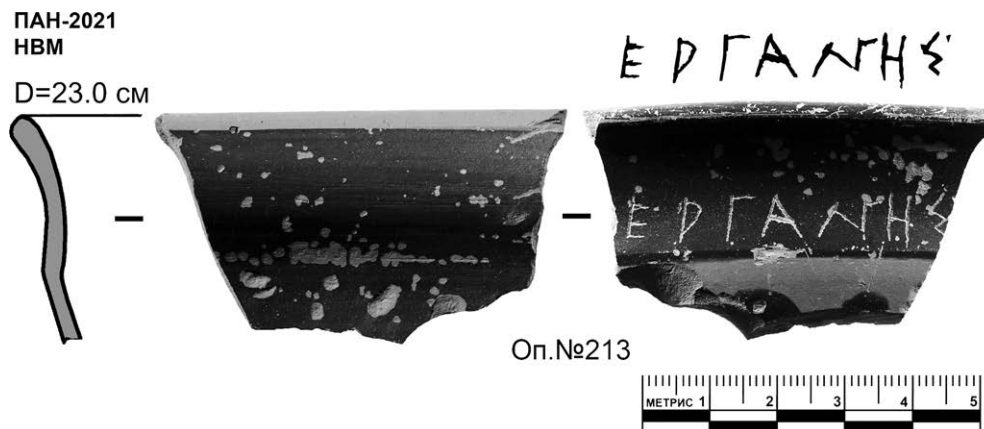

Рис. 1. Посвящение Афине Эргане из Пантикапея, 2021 г.
(фотография В. П. Толстикова)

Farnell 1986, 315; *Gruppe* 1906, II. 1092], её характеристики и функции изучены настолько хорошо, что стали общим местом в разного рода руководствах и кратких справочниках [*Graf* 1999, 164; *Larson* 2007, 45; *Deacy* 2008, 111]. По надписям, коих особенно много в Афинах, установлено, что Эргана была покровительницей женского труда (регулярное прядение шерсти, наряду с супружеской верностью и детностью, было в античности с незапамятных времён признаком добродетельной хозяйки дома) [*Wilamowitz* 1931, 236–237; *idem* 1932, 164, 423; cf. *Gruppe* 1906, II. 1215 Anm. 9], а сам эпитет занимал почётное место в ряду прочих «рабочих» прозвищ богини [*Gruppe* 1906, II. 1215 Anm. 9]. Исходя же из расположения её маленького храма при Парфеноне и в других местах, логично выглядит суждение о факультативной роли Эрганы при иных ипостасях Афины [*Deacy* 2008, 111], в частности – Гигиэи, Ники, Гишпии и Пэнитис (Πηνίτις, «ткачихи»: BDEG s. v.) [*Gruppe* 1906, II. 1902].

Среди мужских аналогов «рабочих» божеств надо выделить сочетание Эрганы с Гефестом в период праздника τὰ Χαλκεία [*Larson* 2007, 45] и «уличным» (Ἀγυῖεύς) Аполлоном: с последним они образуют прочный тандем «работающих» (Θεοὶ Ἐργάται) богов (BDEG s. v.). Особняком здесь стоит поклонение Афине Эргане в паре с Аидом в Теспиях [*Farnell* 1896, 315].

Наиболее же важно, что Ἐργάνη тесно связана с циклом Панафиней. За девять месяцев до этого кульминационного для Афин многодневного праздника она вкупе с Гефестом открывает череду подготавливающих главное событие празднований – τὰ Χαλκεία, профессионального для мастеров по бронзе [*Larson* 2007, 45]. Она же покровительствует работницам (ἐργατίνας), – чья группа формировалась из представительниц высших афинских аристократических родов, – которым было доверено изготовление ежегодно обновляемого пеплоса кумира центральной фигуры панафинейских торжеств – Афины Полиады [*Wilamowitz* 1932, 423; *Larson* 2007, 45]. Так выявляется сугубая связка (BDEG s. v.) в столице Аттики двух ипостасей Афины – Эрганы («труженицы») и Полиады («покровительницы полиса») [*Farnell* 1896, 315; *Gruppe* 1906, II. 1092; *Deacy* 2008, 111].

О чём может говорить появление культа Афины Эрганы в Пантикапее? Вполне возможно, – учитывая широко известные плотные связи Боспора и Афин, – он косвенно указывает на почитание на горе Митридат и Афины Полиады. Которое, имея в виду ежегодно подтверждаемое раскопками преодоление полисом сложного периода истории в первой четверти V в. до Р.Х. – с последовавшей затем реставрацией властями-восстановителями полисной жизни [Шелов-Коведяев, Толстиков 2014, 452–504], – было бы только естественно. Тем более, что почитание Афины Полиады *эпиграфически* засвидетельствовано и в метрополии Пантикапея Милете (правда, в довольно позднее время; впрочем, сам культ Афины известен тут, начиная с эпохи архаики [Hermann 1971, 291–298; Ehrhardt 1983, 163], распространён он и в таких знаковых милетских апоikiaх, как Кизик, Истрия и Ольвия Понтийская [Ehrhardt 1983, 163–164], а Полиада в Кизике появилась, не исключено, под влиянием Афин [Ehrhardt 1983, 164]).

45. О надписи на ручке ковша из насыпи кургана у станицы Мелиховская Ростовской области. В прошлом выпуске ДБ [Шелов-Коведяев 2022, 320] я кратко коснулся данного артефакта, пообещав вернуться к нему позднее. Как читатель помнит, всё, что осталось науке от граффито, – дилетантский список с него, помещённый в областной рабочей газете «Молот» от 20 сентября 1927 г. (рис. 2).

Разбору надписи был посвящён мой доклад на VIII конференции «Слово и артефакт» в прошлом сентябре. Поэтому выводы, к которым я пришёл, будут подробно изложены в соответствующем выпуске сборника АМА.

Здесь же отмечу только, что выполненная с многочисленными, как признано всеми (обзор см. [Белусов 2020, 954 слл.]), ошибками передача надписи позволяет считать, что, подобно тому, как четвёртая буква во второй строчке списка была превращена копиистом из *tau* в *gamma*, так и предыдущая являет собой не *omega*, но не распознанное рисовальщиком *rho* (ср. как он рядом переделывает *epsilon* и *iota* в лунарную *sigma*, *teta* – в омикрон, *nu* – то в *ipilon*, то в *alpha*, *lambda* – в *chi*, *NE* – в *mu*). Так становится возможным читать тут $NE\langle P\rangle\text{TEPO}\langle I\rangle\Sigma: \nu\epsilon\rho\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$ – dat. pl.

Рис. 2. Надпись на ручке ковша из насыпи кургана у станицы Мелиховская Ростовской области (фотография из ростовской областной газеты «Молот» от 20 сентября 1927 г.)

от прилагательного $\nu\epsilon\rho\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ «нижний, загробный (в т. ч. применительно к божествам подземного мира), умерший, покойник» (LSJ s. v.), уже встречавшегося в магических текстах (см. $\tau\acute{\omicron}\nu\ \nu\epsilon\rho\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma\ \theta\epsilon\acute{\omicron}\nu$ [DT 188. 6] – об Осирисе, боге царства мёртвых [там же, 188. 4–6]). А всю надпись понимать, как фиксирующую благодарственное приношение душам усопших за оказанную ими по результатам предшествовавших магических действий помощь членам фиаса, экономом которого был упомянутый тут же Теофил.

46. О надписи на бронзовом котле из кургана у хутора Базки Серафимовичского района Волгоградской области³. 8 августа 2022 г. мне довелось очно ознакомиться с этой выполненной пуансоном записью (рис. 3). Об её интерпретации изучавшими её исследователями я уже писал [Шелов-Коведяев 2022, 319–320], поэтому не буду на этом более останавливаться.

Аутопсия же позволила установить, что в верхней строчке ясно читаются – левый нижний угол треугольной литеры, две *дельты* и следом две же расположенные друг над другом точки (:), что даёт – $\Delta\Delta\Delta\Gamma$ ⁴: цифру 31 (рис. 3. 2). В нижней строке отчётливо виден генитив нового, как и предполагал А. С. Балахванцев, имени иранского происхождения, чья основа оканчивается на известный суффикс -ак- (рис. 3. 1): $\Delta\rho\rho\nu\nu\acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon$ (с экспрессивным удвоением звука [n]).

Между сткк. 1–2, сразу после *йоты* стк. 1 и над второй *йотой* и первым *ню* стк. 2 размещены две тамги. Первая очень хорошо различима и состоит из вертикали, опирающейся на обращённую вверх вершину угла и упирающейся сверху: слева – в скос, справа – в круг. Вторая просматривается по коррозии как направленная вверх стрела, опирающаяся на горизонталь из четырёх точек (рис. 3. 3).

Тамгообразные знаки близких конфигураций уже встречались на Юге России [Соломоник 1959, 78–79 № 34; Драчук 1975, табл. III 116; XXV 11; XXIX 61; XXX 3] (рис. 4. 1–4). Правда, часть из них датируется (ранне)средневековым временем. Однако некоторые их первоиздатели отмечали преемственность монгольских и татарских тамг с более ранними их образцами [см. Соломоник 1959, 94, 96 (с литературой)], на что указывает, в частности, присутствие разнонаправленных стреловидных знаков на знаменитых ольвийских мраморных львах [Соломоник 1959, 94 № 41e; 95 № 42e; 104 № 48a], и не только [там же, 163–164 № 153].

Тамги нередко стоят на различных ремесленных изделиях, вплоть до амфор и грузил [например: Кругликова 1962, 97–100; Болонкина 2006, 88–89; Бутягин 2022, доклад], что побудило Э. И. Соломоник давно выделить 92 подобных случая в отдельную категорию фактов [Соломоник 1959, 125–164 № 63–154] (ср. рис. 4. 5). Одни из них были владельческими, другие (например, на гирях) удостоверяли стандарт веса от имени властей, третьи (на грузилах и т. п.), подобно надписям $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\iota}\kappa\eta$, $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$ и ЛИ на черепице ука-

³ Искренне благодарю первоиздателей артефакта А. С. Балахванцева и О. А. Шинкарь, активно содействовавших налаживанию моих контактов с Волгоградским областным краеведческим музеем (ВОКМ). Особая моя благодарность – директору ВОКМ А. А. Мальченко, главному хранителю фондов Г. А. Ковалёвой и её заместителю О. Н. Емец, учёному секретарю музея С. Ю. Золотовой и сотруднику фондов С. С. Ралдугиной, прекрасно организовавших и обеспечивших мою работу.

⁴ Курсивом в греческом тексте здесь и далее помечены буквы, сохранившиеся частично.

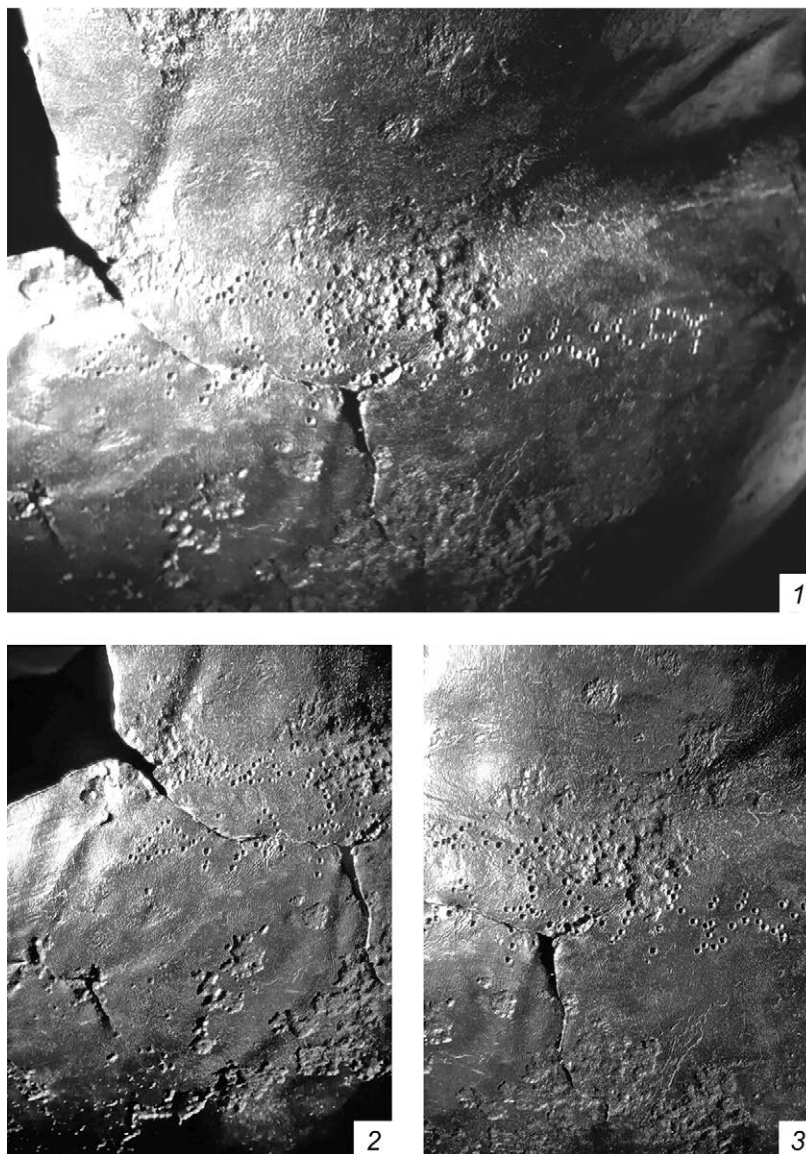

Рис. 3. 1 – Надпись на бронзовом котле из кургана у хутора Базки Серафимовичского района Волгоградской области, общий вид; 2 – то же, фрагмент: стк. 1; 3 – то же, фрагмент: тамги между сткк. 1 и 2 (фотографии С.С. Ралдугиной)

зывали на мастерскую, из которой вышло изделие. В данном случае наиболее важно, что тамгообразными знаками нередко помечались бронзовые котлы [Соломоник 1959, 154–156 № 137–142].

Поскольку настоящая надпись гласит ΔΔΔΙ + две тамги + Διριννάκου, то её, очевидно, надо понимать записью о потупившей партии: «31 от Дириннака». Тамгообразные же знаки могли (по аналогии с дипинти на амфорах) принадлежать: один – производителю/поставщику Дириннаку, второй – приобретателю, чьё имя скрыто за другой

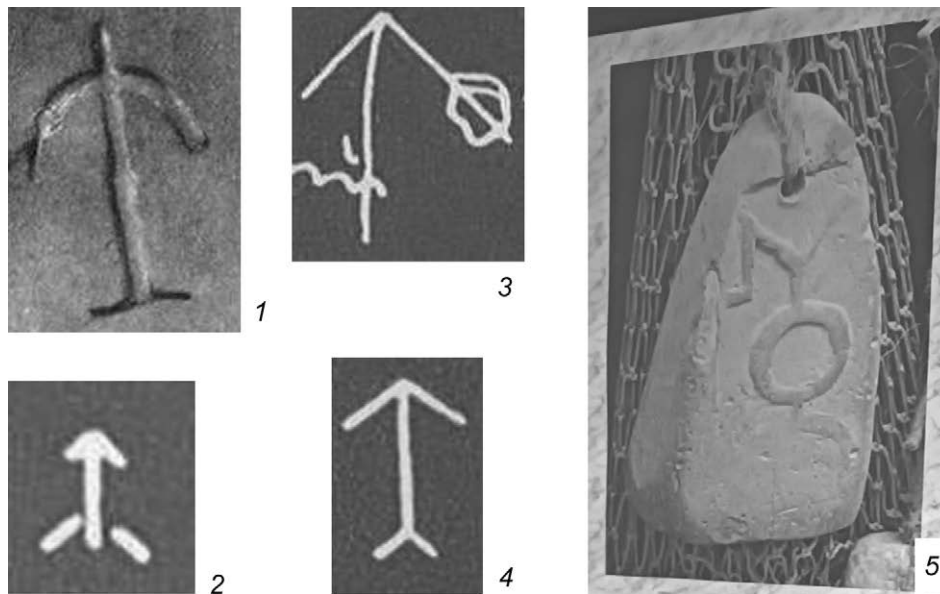

Рис. 4. 1–4. Аналогии тамгообразным знакам на бронзовом котле из кургана у хутора Базки Серафимовичского района Волгоградской области (Юг России: по [Соломоник 1959; Драчук 1975]); 5 – тамга на грузиле из раскопок Мирмекия (по: [Бутягин 2022])

тамгой. Иной – чисто владельческий – вариант «31 (котёл) Диригнака» (где одна тамга – родовая, а одна – семейная) представляется более сложным и беспрецедентным (должен был бы быть помечен каждый котёл), а потому менее вероятным.

47. Об ἄφοροι κὲ ἀνώνυμοι. Апотропией из Пантикапея, где 18 раз проставлено обращение ἀνώνυμος (nom. pro voc. [Белоусов 2020, 137–138; Шелов-Коведяев 2022, 324]), продолжает вызывать интерес исследователей. Ныне он привлёк внимание В. П. Яйленко [Яйленко 2021, 337–341]. Его разногласия со мной я рассмотрю в конце настоящего материала.

Теперь же отмечу, что он совершенно справедливо и независимо от меня указал А. В. Белоусову на то, что нет контекстов, в которых ἀνώνυμοι означали бы души преждевременно умерших [Яйленко 2021, 337]. Тот, по-видимому, понял формулировку ἄφοροι κὲ ἀνώνυμοι как ἐν διὰ δίς. На что В. П. Яйленко резонно возразил, что вся формула целиком выглядит вполне прозрачно и говорит не в пользу гипотезы А. В. Белоусова: οἱ ὧδε κάτω κίψενοι ἄφοροι κὲ ἀνώνυμοι «здесь лежащие внизу (= под землёй. – В. Я.) преждевременно умершие и безымянные» [там же].

Аргументация В. П. Яйленко может быть расширена тем, что, во-первых, нельзя произвольно членить неразрывную формулу. А во-вторых, её применение есть вообще локальная особенность одного Куриона на Кипре (DT 22. 36–37; 24. 21; 26. 25–26; 29. 24; 30. 29–30; 31. 23; 32. 24; 35. 23), и её не стоит притягивать к Пантикапею.

Ведь если ἄφορος/ἄφοροι – обычное определение в надгробиях, применяемое, как правило, к детям пары лет от роду (см. Bull. ép. 54, 286: 2 года, Лациум; 74, 676: 3 и 4 года, артефакт неизвестного происхождения из частной коллекции в Каире; ср. 65, 495: Ре-

гий; 66, 474: Сирия; 66, 482: Кипр; 70, 621+680: Сирия; 72, 458+469 и 72, 471: Фригия; 74, 682+684: Египет; 77, 531: Коммагена и т.д.) и иногда к отрокам (Bull. ép. 70, 293: 13 лет, Элида, в 3 км севернее Олимпии), то ἀνώνυμοι более нигде, кроме как в кипрском Курионе, не попадают. Вероятно, прибегая к обороту ἄφοροι κὲ ἀνώνυμοι, авторы тамошних заклятий хотели привлечь себе в помощь души не только безвременно умерших (ἄφοροι), но и специально – новорожденных, не успевших ещё быть наречёнными (ἀνώνυμοι).

Могущее возникнуть на основе части кипрской формулы предположение, что пантикапейский автор призывал души 18-ти безмянных новорожденных (захороненных, в таком случае, одновременно, унесённых в один момент неким поветрием или иной бедой?), представляется маловероятным. Всё утверждает меня в том, что артефакт из Пантикапея – не заклятье, но оберег, 18 раз кряду взывающий к еврейскому Б-гу – «о, Безмянный!».

48. О письме Орея из Мирмекия. В августе 2018 г. в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (ВКИКМЗ) я ознакомился с интереснейшим документом, тогда же опубликованным А. П. Бехтер [Бехтер, Бутягин, Дана 2018, 931–938] и открытым годом ранее в раскопках участка ТС возле скалы акрополя городища Мирмекий [там же, 931]⁵. Полная публикация моих чтения и толкования граффито на свинце отдана в одно из ведущих русских периодических изданий – Нумизматика и эпиграфика, – время выхода которого пока точно не определено.

Поскольку же со времени обнаружения и введения в научный оборот памятника, дающего уникальную историческую информацию, прошло более пяти лет, и он уже стал предметом обсуждения [Яйленко 2021, 321–334], полагаю целесообразным предварительно кратко поделиться своими соображениями по его поводу. В письме купец и судовладелец Орей обращается к четырём корреспондентам.

Сторона А пластины целиком посвящена его поручениям некоему Пифоклу. Орей рассказывает ему о беде, постигшей его на Акмонайском перешейке, просит изловить раба (очевидно, сопровождавшего его и сбежавшего во время инцидента) и поручает прислать ему гиматий для него самого и ещё два на продажу, а молодого невольника Харионта и Эвпонтину вместе с двумя или тремя пурпурными одеяниями отослать лицу, имя коего до нас не дошло.

На реверсе (сторона Б) тот же, по-видимому, Орей (имя полностью не сохранилось) просит корабельного капитана Диодора доставить ему письмо Суса. Кроме того, он сообщает Керкиону о возможностях перевозки грузов, что будут тому предоставлены на судне. Он также обращается к Саитгину в связи, вероятно, с какими-то делами на Острове (совр. Фонталовском полуострове).

49. О культе Афины в Фанагории. В 2019 г. Н. В. Завойкина [Завойкина 2019, 260–261] издала три обломка венчика аттического чернофигурного килика с граффито (рис. 5. 1). Она прочла: τὸ Ναϊκάς [лотήριον ἀνέθη]κε «Найкаς этот [кубок под]нёс».

⁵ Искренне благодарю руководителя Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа А. М. Бутягина за разрешение работать с письмом, Генерального директора ВКИКМЗ Т. В. Умрихину, Главного хранителя фондов музея Т. И. Охрименко и её сотрудников за отлично организованные условия моей работы.

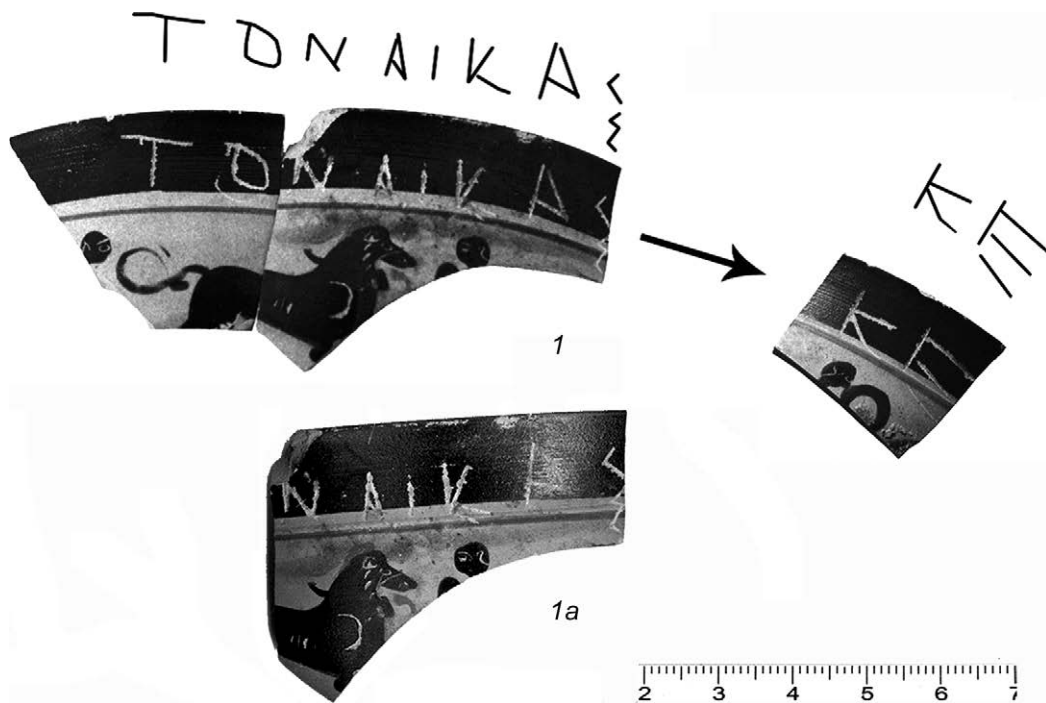

Рис. 5. 1 – Граффито на чернофигурном килике из Фанагории (по: [Завойкина 2019]); 1а – посвящение Афине из Фанагории (фотография с сайта Фанагорийского музея-заповедника; время обращения – 12.11.2019)

Подробно я эту надпись рассмотрел в докладе на XIII конференции «Международные отношения в бассейне Чёрного моря» в Ростове-на-Дону в середине мая, а его текст отдан в сборник её материалов. Здесь же конспективно дам самое основное.

Не укладывающийся в обычные рамки порядок слов, предложенный издательницей, заставляет искать иной вариант чтения. Тем более, что для того, чтобы получить ΤΟΝ, приходится сместить полосы лака и контур спины льва (если же исправить эту нестыковку, то сместится абрис львиного живота), а после *ню*, *альфы* и *йоты* процарапаны – лигатура *каппы* и *лямбды* и (перед сколом) семичастная *сигма* (рис. 5. 2). Сочетание последней с *лямбдой*, обращённой вершиной вниз, обнаруживается лишь в эпиграфике Гелы [Guarducci 1967, 250]. Гелойцы, как известно (FGrH 240. 12), почитали Афину, а в дорийском ареале, куда входит и Гела, зафиксирован мужской АН Κλάσις (LGPN IIIA s. v.).

Сказанное позволяет восстанавливать вотив, написанный на дорийском диалекте: [Ἀθά]να Κλάσις «[Афи]не Клас[ис]. Класис – не первый (см. [Шелов-Коведяев 2018, 98–100]) в Фанагории выходец с далёкого Запада. И это – уже второе (см. очерк 44) свидетельство культа Афины на Боспоре примерно в одно и то же время.

50–54. О граффити начала христианской эры из Фанагории. В 2020 г. Н. В. Завойкина опубликовала ряд надписей на различных носителях [Завойкина 2020, 169–183]. Под № 1 она [там же, 170–172] представила хозяйственные записи (рис. 6. 1), которые связала в одно высказывание.

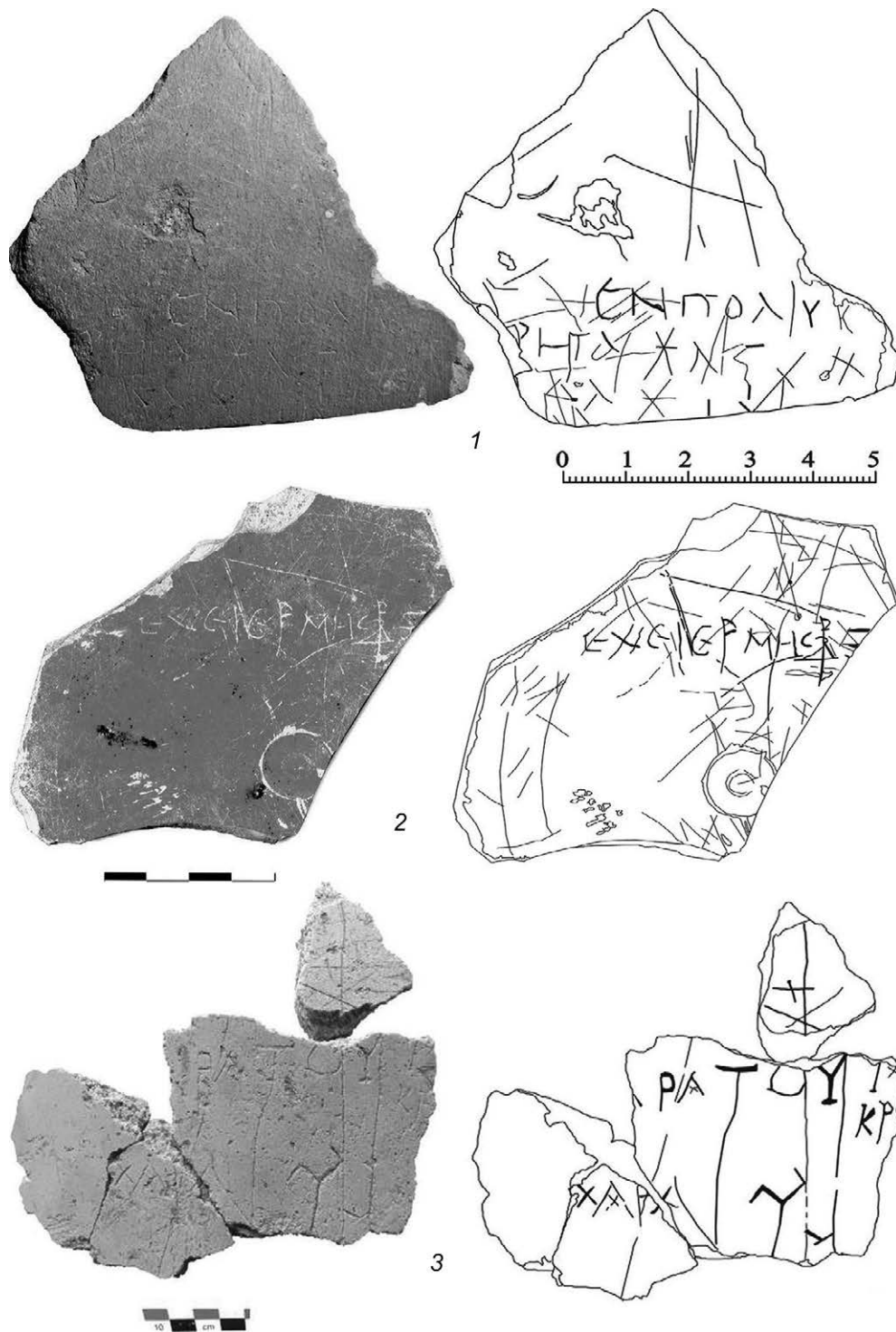

Рис. 6. Граффити из Фанагории (по: [Завойкина 2020]): 1 – запись о суммах в денариях, значащихся за разными лицами; 2 – граффито с суммой в пользу Гермеса; 3 – граффити прихожан храма на облицовочной штукатурке колонны

Первая литера стк. 1, по-видимому, действительно, *эпсилон*, что вкупе с *ню* даёт 55 (с меньшей цифрой, как обычно, впереди большей: чтение *сигмы* привело бы к 250-ти, что выбивалось бы из ряда дальнейших сумм). Следом идёт сокращение ЛИ Полю-: начало слишком распространённое для того, чтобы его имело смысл дополнять, и повторяющийся в дальнейшем значок денария – X. РНГА в стк. 2, скорее всего, – генитив от нового гипокористика *Ρητῆς (ср. Ρῆτος – LGPN IIIA s. v.), образованного от таких АН, как Ρητορικῶς (LGPN passim), Ρητορίων (LGPN VB s. v.), Ρητόριος (LGPN VC s. v.). За ним следуют – X и *лямбда* (30). В стк. 3 видны: *дельта* с *лямбдой* (34) и X. От стк. 4 остались *йота* (10) и частично X. Чтение: 55 от Поли~ денариев, от Ρετῆς – 30 денариев, 34 денария, 10 денариев.

51. В той же статье Н. В. Завойкина [там же, 172–173] приводит числовую помету в пользу Гермеса (№ 2: рис. 6. 2): ἔχει Ἑρμῆς ΔΡ Ε. Несомненно, ἔχει = ἔχη (3 л. conj. praes. с обычным для веков от Р. X. неразличением долготы [e] в окончании). Выходит – «да получит Гермес 60 драхм». Скорее всего, пожертвование в храм.

52. Н. В. Завойкина [там же, 175–177: № 5] издала несколько граффити на штукатурке (рис. 6. 3). Если таковая сохранилась, как считает автор, от покрытия колонны, то остатки имён (включая патронимик Ἀράτου) и травмированная тамга Аспурга связаны между собою тем, что принадлежат к нередким в эпиграфике упоминаниям о себе прихожан храма. Один из них подчеркнул свою принадлежность к племени Аспурга: о поклонении варваров эллинским богам писал уже Геродот (Hdt IV 78).

Разные начертания перекладыны *альфы* подтверждают мнение издателя, что граффити оставлены разными людьми. ХАРА может быть либо началом ЛИ (ср. КБН 1278. 13, 1280. 7: Χάραξτος), либо полным – Χαρά, встречающимся на Боспоре в «малой» эпиграфике городища Артезиан (рис. 7. 1)⁶ и на двух золотых перстнях из Фанагории (ср. [Тохтасьев 2015, 201–202]: с неверным пониманием АН как свёрнутого выражения χαρὰ τῆ φоруση).

53. Следом [там же, 177–178: № 6] Н. В. Завойкина издала граффито по сырой глине на ножке фимиатерия, начертанное в две строки (рис. 7. 2). Стк. 1 содержит несколько букв в лигатуре с *омикроном* и *сигму*. Поскольку третий и четвёртый знаки стк. 2 нанесены явно иначе, чем *омикрон* и *сигма* стк. 1, то в них надо видеть *ипсилон* и *йоту*.

Стк. 1 логично разворачивается в новый антропоним Νίτος (ср. Νιτώνις LGPN VA s. v.; Νίθων LGPN IIIA s. v., а также Νήτης LGPN VA s. v. и Νυταρ LGPN VB s. v.). В стк. 2 читается ἦρι – датив лексемы женского рода, параллельной ἦρος (см. Bull. ép. 28, p. 388: Сицилия, Лилибей). Получается вполне уместная для фимиатерия votивная надпись локальному женскому гению. Возможно, Апатуре или персонажу из её свиты.

54. Заканчивает Н. В. Завойкина [там же, 178–180: № 7] деловой записью на черепице (рис. 7. 3). Судя по тому, что стк. 1 следует конфигурации излома, надпись была наца-

⁶ Искренне благодарю руководителя Артезианской археологической экспедиции Н. И. Винокурова за разрешение опубликовать фотографию тарелки с граффито.

Рис. 7. 1 – Тарелка с именем *Χαρά* из раскопок городища Артезиан (фотография Н. И. Винокурова); 2 – Фанагория. Посвящение Нита гению места (по: [Завойкина 2020]); 3 – Фанагория. Деловая запись на фрагменте черепицы (по: [Завойкина 2020]); 4 – Фанагория. Помета об амфорах для траурного ритуала Пиррии (по: [Завойкина 2022])

рапана уже на фрагменте предмета. В первой строке читается: ϵ' Βασί (аббревиатура имени), ϵ' Ι – «5 Баси~, 5 Ι –»: от второго ЛИ осталась только одна буква.

В стк. 2 глубоко прорезаны ΡΒ, по-видимому, – число 102. Его контраст с предыдущими куда как скромными цифрами может быть объяснён тем, что предшествующие *ρο* и *βετε* сигма и йота принадлежат окончанию дательного падежа мн. ч. несохранившегося полностью слова третьего склонения, указывающего на то, что благоприобретателей (лиц или хозяйствующих субъектов: например, храмов, хозяйств и т. п.) было много.

55–56. **О гипокористиках в боспорской ономастике.** В 2021 г. Н. В. Завойкина [Завойкина 2021, 72–96] сформировала подборку АН в городах Азиатского Боспора, которые она отнесла к сармато-аланскому кругу. Среди них Ἦρακῆς [там же, 82] – чисто эллинский гипокористик от одного из многочисленных ЛИ, образованных от ТН Геракла (Ἦρακλείδης и проч.), склоняющийся по нормам, принятым в греческом языке для подобных образований.

К тому, что, как раз, абсолютно невероятно, чтобы Герак Понтиков был управляющим двором (ἄρχων αὐτῆς) Савромата II, мне пришлось возвращаться уже дважды [Шелов-Коведяев 2021, 755–766; 2022, 332]. Даже на специально увеличенном фото фрагмента стк. 6 второй надписи Герака [Павличенко 2020, 123] (не говоря уж о личном осмотре камня, которое истребляет все и всякие сомнения) чётко различимы затёршиеся верхние части спинки и полукружья *po* в имени правителя («архонта») Савромата.

Кроме того, должность Герака была не «главный переводчик аланов» (так в КБН, у Н. А. Павличенко и Н. В. Завойкиной), но – «начальник службы аланских переводчиков». См. об этом, с библиографией [Шелов-Коведяев 2021, 755–766].

56. Имя Σαρματᾶς [Завойкина 2021, 84] восходит, безусловно, к ЭН. Но ударение в нём должно ставиться не так, как в КБН (дорийская форма Σαρμάτας неуместна в Горгишпии в период полного господства койнэ, на котором ЛИ писалось Σαρμάτης – ср. [Шелов-Коведяев 2021, 424]). Это – тоже гипокористик от АН Σαρματάδης и т. п. (LGPN s. v.), склоняющийся по древнегреческой норме.

57–61. **О граффити и дипинти на амфорах из Фанагории.** В прошлом году Н. В. Завойкина [2022, 113–123] опубликовала несколько надписей, которые она все сочла коммерческими. Под № 1 [там же, 114–118] (рис. 7. 4) на тулове хиосской амфоры читается Πυρρίης κλαυσεταί «траурные Пиррии». Такое понимание объясняет, почему – в апотропеических целях – *ипсилон* и оба *po* в имени, равно как и *тау* и вторая *альфа* в прилагательном сознательно перечёркнуты.

Женское ЛИ Πυρρίη (в ионийской огласовке) – новое. Его появление оправдывают не только Πύρρα (ж.: LGPN I, II, IV, VB s. v.), Πυρρίς (ж.: LGPN IIIA s. v.), Πυρρίας (м.: LGPN I, II, IIIB, IV, VA. B. C s. v.) и Πυρρίης (м.: LGPN I, VA s. v.), но более всего – зафиксированный в Причерноморской Фракии АН, который издатели прочли Πυρρείός (LGPN IV s. v.). Учитывая его датировку (II в. от Р.Х.), когда ложный дифтонг ει часто заменял ι, его правильное чтение – Πύρρ<ι>ος. Тогда наша Πυρρίη – его женский аналог.

Κλαυσεταί – мн. ч. ж. р. (со вставным [e]) от адъектива κλαυστός, ή, όν: ср., наоборот, выпадение [s], давшее у Аристофана κλαυτός (LSJ s. v.). Κλαυσεταί относится, тем самым, к амфорам (κεράμεια), предназначенным для заупокойного ритуала Пиррии. Возможность обозначения амфоры словом не только среднего (τὸ κεράμειον), но и женского рода – подтверждает граффито ἀπολεκταί (отобранные) вкупе с цифровыми обозначениями на горле амфоры близкого времени из раскопок Пантикапея (рис. 8. 1, 1a)⁷.

⁷ Искренне благодарю руководителя Пантикапейской (Боспорской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. А. Пушкина за право использовать данное изображение.

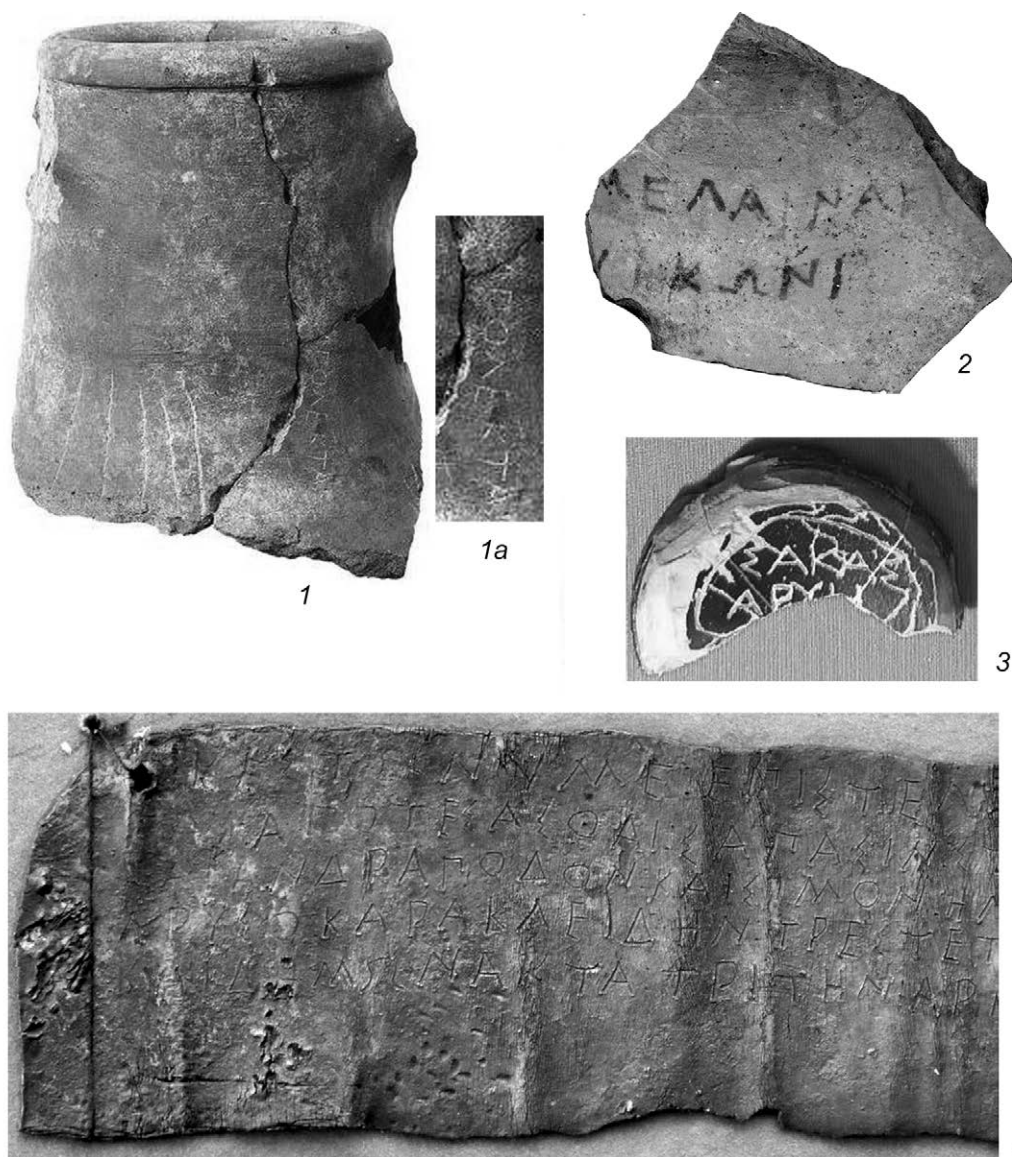

Рис. 8. 1, 1а – граффито на горле амфоры из Пантикапея (фотография В.П. Толстикова); 2 – владельческое дипинто на стенке фасосской амфоры из Фанагории (по: [Завойкина 2022]); 3 – магическое граффито из Китя (фотография Ф.В. Шелова-Коведяева); 4 – начальные строки письма из музея СГУ (фотография Ф.В. Шелова-Коведяева)

58. *Альфа* на горле хиосской амфоры третьей четверти VI в. до Р.Х. [там же, 118–119] – привычное обозначение партии товара. Она может быть цифрой или сокращением ЛПИ получателя, чему есть масса примеров по всей эллинской ойкумене.

59. Дипинто (рис. 8. 2) на стенке фасосской амфоры *μέλαιναί Νίκωνι* [там же, 119–121], по аналогии с заметкой 57 выше, предлагаю читать: «Никону (амфоры) красного

вина», – ибо Фасос славился, прежде всего, своей винодельческой продукцией. Ведь у южных народов красное вино (как и виноград) называется до сих пор чёрным: например, в современном греческом – μαύρο и νερό.

60. АУ в дипинто [там же, 121] – типичная аббревиатура имени, каких много, например, в Танаисе.

61. Начертанный краской прямой крест [там же, 121–122] есть не *χι*, но обыкновенная помета торговца: аналогии тому находятся каждый год по всему Причерноморью и Средиземноморью.

62. О свинцовом письме из археологического музея СГУ. В 2018 г. Н. В. Завойкина и Н. А. Павличенко [Pavlichenko, Zavoykina 2018, 40–51] издали документ, найденный частным лицом, которое сообщило им, что он был обнаружен на берегу Таманского залива, поглотившего часть городища Патрэй. Поскольку в их распоряжении, как они пишут, была только фотография объекта, они сочли его письмом Писта Аристониму.

Недавно я изучил свинцовую пластинку, хранимую ныне С. Ю. Монаховым⁸ в Саратовском университете. Полная публикация этого замечательного памятника отдана мною в журнал *Stratum plus*. Но с некоторыми выводами я хочу познакомить русского читателя уже сейчас.

Начало письма читается следующим образом (рис. 8. 4): Πυθῶ ἦκ' ἔσ(σ)υτ' ὄ Ξένυλλε : ἐπιστέλλε(ι) τοῖ : Πίστος σὺδν σίτας κτλ. «Пюто́ только что была освобождена, о Ксенилл; Пист посылает тебе свиной корм и т. д.». Первая *omega* частично нарушена отверстием. Она и следующая за нею *эта*, как и вторая *omega* и *кси*, даны в лигатуре. Наречие ἦκα, глагольная форма ἔσσυτο (с гаплографией *сигмы*) и обращение ὄ начертаны *in crasi*.

Генитив σὺδν вписан между сткк. 1 и 2. Текст дарит науке новую лексему: в дополнение к давно известным (LSJ s. v.) м. р. ὁ σῖτος («зерно, хлеб») и ср. р. τὸ σῖτον («зерно, провиант») появляется ἡ σίτη (тут – во множественном числе) – «корм для животных».

63. О магическом граффито из Китея. Е. А. Молев неоднократно [Молев 1985, 52; 2003, 225 № 59; 2010, 156 № 60] публиковал любопытный остракон, найденный в Китее в первой половине 1980-х годов (рис. 8. 3). Он читал его – Σάκας ἀρχή «Сάκας, черпай!». Ю. Г. Виноградов [Bull. ép. 90, 595] считал, что написано Σάκας ἀρχή «Сάκας, начинай!».

Детальное обоснование нового понимания памятника отдано мной в сборник памяти В. П. Копылова. Оно исходит из необходимости учитывать, что некоторые буквы сознательно повреждены, а текст, за вычетом лесок, крепящих артефакт к стенду, перекрыт так называемой «магической паутиной», по окружности которой стилизованно изображены языки пламени.

По этим основаниям, предлагаю, по аналогии с давно известным на Боспоре фракийским именем Καца/Κομοσαρύη (КБН 75; 1078), чтение нового женского ЛИ Σακασαρύη. И рассматривать остракон как заклятье на его носительницу.

⁸ Сердечно благодарю его за предложение ознакомиться с артефактом.

64. О письме Клейдика из Гермонассы. В 2012 г. Н. А. Павличенко [Павличенко, Кашаев 2012, 288–298; ср. Pavlichenko, Kashaev 2012, 225–242] и С. Ю. Сапрыкин с А. В. Белоусовым [Сапрыкин, Белоусов 2012, 348–359] одновременно представили два разных понимания документа, поныне находящегося в частных руках. Пластина была ими изучена de visu и сфотографирована. В настоящее время наука располагает лишь фото артефакта.

По Н. А. Павличенко, Кледик сообщает Аристократу: ему известно о том, что некий Мандрохар улаживает какие-то несчастья, и просит своего корреспондента, придя к Сократу, собрать оставленное имущество в одно помещение и запечатать. Согласно С. Ю. Сапрыкину и А. В. Белоусову, Кледик разузнал для Мандра такие обстоятельства: образ жизни (?; очевидно, действий, например, козней. – Ф.Ш-К.) дурных людей и просит, чтобы Аристократ, придя к Сократу в разрушенные дома (?), собрал каменные остатки (!) в одно помещение и запечатал. Последние видят в том свидетельство потрясений, через которые прошёл полис в V в. до Р.Х.

Недавно В. П. Яйленко [2021, 323–327], верно определив достоинства и недостатки обеих версий, предложил следующее: Клейдик узнал от Мандра, что дела с жильём у того из рук вон плохи и потому просит, чтобы Аристократ, придя в дом Сократа, собрал оставленное в крытом помещении и запечатал.

Ясно [ср. Яйленко 2021, 323], что правильная интерпретация письма зависит от членения буквосочетания ΕΝΘΑΥΤΟ стк. 3 лицевой стороны, перевода стоящих рядом с ним слов δίαιταν и какῶν, а также τὰ λελιθμένα стк. 1 оборота. Надо согласиться с В. П. Яйленко в том, что в первом случае лучше чтение Н. А. Павличенко (τὰ ἐνθ' αὐτῷ ἐόντα), а для Μάνδρῳ χάριν – С. Ю. Сапрыкина и А. В. Белоусова. Разделяю и его недоумение по поводу «каменных остатков» последних соавторов.

В остальном ἐνθ' αὐτῷ следует понимать «там у него», какῶν – «бед, невзгод, (причинённого) вреда», δίαιτα – «состояние, расследование» (LSJ s. v.). Сложнее, но не безнадежно, обстоит дело с λελιθμένα. Тема, как известно [Schwyzer 1977, 155 u. Anm. 2; 297], отражала на письме звук, аналогичный современному английскому th: по сути, была одним из сибиллянтов и потому чередовалась с себе подобными (в том числе, с σ: например, [ibidem, 81; 93; 205 u. Anm. 1; 206; 233]). Приняв такую возможность для данного памятника, получаем τὰ λελι<σ>μένα: part. perf. от глагола λίσσομαι (корень λισ-) «просить».

Нужно признать, что ветеран [Яйленко 2021, 325] ближе предшественников подошёл к правильному толкованию текста, который описывает сугубо частную ситуацию, сложившуюся у Мандра. К сожалению, я не могу согласиться с В. П. Яйленко полностью.

Собрав воедино принятые выше словарные значения, я прихожу к тому, что δίαιταν какῶν есть разъяснение того, в чём именно заключаются τὰ ἐνθ' αὐτῷ ἐόντα. Отсюда фразу πυνθάνομα(ι) γὰρ Μάνδρῳ χάριν τὰ ἐνθ' αὐτῷ ἐόντα δίαιταν какῶν понимаю – «я разузнал для Мандра его тамошние обстоятельства: состояние (δίαιταν) бед⁹ (или: расследование невзгод)». Α συλλέξαντες τὰ λελι<σ>μένα εἰς μίαν στέγην, κατασφρακίσατε – «собрав всё просимое в одно помещение, опечатайте».

Полагаю, речь идёт о расследовании по обвинению в причинении ущерба, в связи с чем на имущество Мандра было обращено взыскание. С целью же обеспечения

⁹ Подобно тому, как у нас теперь говорят – «размер катастрофы».

его сохранности до выяснения всех обстоятельств дела, автор письма и требует собрать у Сократа все спорные объекты в одном помещении, кое и опечатать (запечатать).

В остальном, – понимая всю сложность работы с фотографиями, – хочу, всё же, заметить, что все издатели напрасно писали *συνλέξαντες*: после *ιπσιлона* ясно видны две *лямбды*, а эффект *ню* (которая всюду в письме начертана по-другому) создаёт сгиб пластины (см. рис. 9. 1). И прав В.П. Яйленко, что долгое [ε] в имени автора послания следует разворачивать в ει и писать по-русски – *Клейдик*.

65. Об остраконе с поселения Вышестеблиевская-3 (рис. 24). В 2015 году Н.А. Павличенко [Kashaev, Pavlichenko 2015, 61–79] опубликовала граффито, которое она сочла приказом не продавать земельный участок (рис. 9. 3). В 2021 г. к памятнику обратился В.П. Яйленко [2021, 327–329].

Он точно определил, что речь в записке идёт о границах (краях) участка и запрете переносить межевой камень. Однако *επισημον* древний автор писал всюду одинаково, поэтому в восстановлении начала стк. 3 ([Ω]ς) Н. А. Павличенко, безусловно, права.

66. О письме с горы Митридат (находка 1996 г.). В 1999 г. С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин, Куликов 1999, 201–206] издал свинцовую пластинку с семистрочной надписью (рис. 9. 4). В 2021-м В.П. Яйленко выступил за омоложение документа на несколько десятилетий. Весной 2022 г. я ознакомился с артефактом в фондах ВКИКМЗ¹⁰.

Осмотр памятника принёс несколько иные результаты, чем предложенные С. Ю. Сапрыкиным. В стк. 5 читается ΑΠΕΣΤΗΜΕ – оборванная форма 1 л. мн. ч. аог. II от глагола ἀφίστημι (LSJ s. v.): с неразличением долготы второго [ε], что говорит о более поздней дате, чем даже последняя треть IV в. до Р. Х., за которую ратует В. П. Яйленко. Поскольку в стк. 2 речь идёт о πεντήκον[τα] (50-ти), – сумме или объёме, – очевидно, что глагол означает «отложить что-то» (в денежном либо натуральном выражении).

Перед изломом в стк. 6 видны только ΕΠΙΜ, в стк. 7 – ΕΡΡΩ. Ἐπιπέλαια стк. 6 надо понимать как особую форму попечения – поручительство (LSJ s. v.). Из неё становится понятным содержание стк. 5: там дополняется ἀπεστ<ή>με[θα] – *первое* свидетельство существования у этого глагола медио-пассивного залога в аог. II – «то, что нами было отложено». Ἐρρω стк. 7 значит не «прощай!» (как прочёл С. Ю. Сапрыкин), но – «я в ущербе».

Документ обретает стройный смысл. Стк. 1: некий Гермей (Ἐρμαῖο[ς]). Стк. 2: за 50 единиц (πεντήκον[τα]). Стк. 3: поручился (ἐπιπέλη[θησαν]: [Сапрыкин, Куликов 1999, 201–206]). В сткк. 4–6 ситуация разъясняется более подробно: стк. 4 – ведь наличествует (ἔστιν γάρ); стк. 5 – то, что было принято нами в качестве залога ἀπεστ<ή>με[θα]; стк. 6 – под эти объекты я выдал поручительство (ἔδωκα ἐφ' αἷς τ[η]ν ἐπιπέλαιαν). Наконец, в сткк. 6–7 содержится просьба к адресату, чтобы он добился чего-то от некоего третьего лица (κο) / μίσει παρ' αὐτοῦ: имя должника не сохранилось), так как пишущий Гермей терпит убытки (ἔρρω).

¹⁰ Здесь и далее сердечно благодарю Генерального директора ВКИКМЗ Т. В. Умрихину за разрешение работать с памятником, Главного хранителя фондов музея Т. И. Охрименко и её сотрудников за отлично организованные условия моей работы.

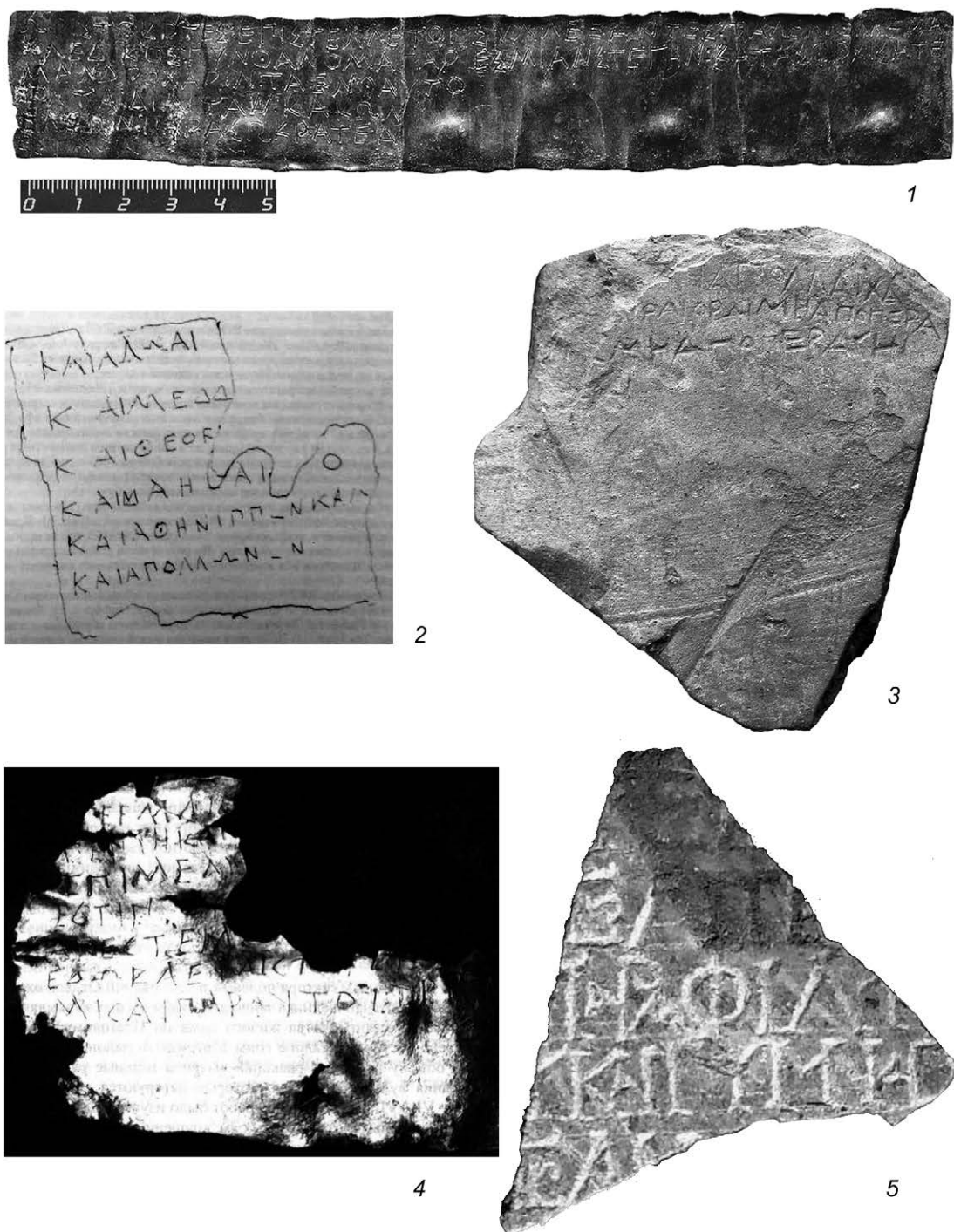

Рис. 9. 1 – Фрагмент письма Клейдика из Гермонассы (по: [Pavlichenko, Kashaev 2012]);
 2 – defixio из Пантикапея (по: [Сапрыкин, Зинько 2003]); 3 – остракон с поселения
 Вышестеблиевская-3 (по: [Kashaev, Pavlichenko 2015]); 4 – письмо с горы Митридат
 находки 1996 года (по: [Сапрыкин, Куликов 1999]); 5 – список имён, случайная находка
 2021 г. у мыса Зюк (фотография из интернета)

С.Ю. Сапрыкин прочитал в стк. 1 [Θιασ]ίτα[ι. В стк. 2 – название должности жреца, в стк. 3 – помощника брата милостивого, в стк. 4 – гимнасиарха, в стк. 5 – остатки имени.

Насколько я вижу, в стк. 1 наличествуют: травмированный *ипсилон*, затем, в лигатуре, *тау* и *эпсилон* (последний – со средней горизонталью в виде завитка) и нижний левый уголок *дельты*; в стк. 2 – *кси* с вычурной средней горизонталью, *альфа*, *пи* и часть *эпсилона*; в стк. 3 – правая половина *пи*, *ро* и *ΦΙΛΗ*: после *пи* и *ро* стоят отбивающие их треугольные точки; в стк. 4 – *ипсилон*, *каппа*, отделённая от последующих литер аналогичной точкой, *йота* и *ΓΥΜΝΗΣ* (*сигма* прямоугольная, *ΜΝΗΣ* – в лигатуре); в стк. 5 – *эпсилон* с завитком на месте средней горизонтали, *лямбда* и верхние окончания вертикалей *эты*. Итого, в сумме:

----]υ Τεδ[-----
 ----]ξ Άλε[-----
 ----]Π.Ρ.Φιλή[μωv?-----
 ----]ΥΚ.ΙΓυμνησ[ιov?----
 ----]ΕΛΗ[-----

App. crit.: Π, Ρ стк. 3 и Κ стк. 4 отбиты треугольными делителями, как принято в сокращениях римских *praenominum* и *nominum*; после Ι (*йоты*) в стк. 4 резчик забыл поставить аналогичный делитель; к Γυμνησ~ (гиперионизм?) стк. 4 ср. *cognominum* Γυμνάσιος после римских *praenomina* и *nomina* в Афинах середины III в. от Р.Х. и Миласе императорского времени (LGPN); стк. 2 – финал ΛΙ, оканчивающегося на *кси*, и начало патронимика: к Άλε ср. Άλε~ в КБН 386 (I в. от Р.Х., Пантикапей, надгробие) и Άλελλικῶν в КБН 1137 (III в. до Р.Х., Горгиппия, список победителей на соревнованиях); стк. 3 – Π(ублий) Ρ(уф) Φилемон (?): патронимик Φилемон у *боспорянина* встречается в списке членов *фиаса* в Танаисе (КБН 1283: 228 г. от Р.Х.); стк. 4 – Κ(ай) Ι(улий) Гимнесий (?); в начале сткк. 1 и 4 – завершения эллинского патронимика, к Τεδ~ стк. 1 ср. Τεδικομαδιος и Τεδικτας (LGPN Vb); в стк. 5 – не поддающийся надёжному восстановлению остаток (средние слоги?) ΑΗ; размер лакун в началах строк показан условно, он отражает только соотношение взаимного расположения букв у левого излома.

Мрамор, несомненно, донёс остаток перечня имён. Насколько его можно причислять к надписям *фиаситов*, сказать трудно: в списки сводились ΛΙ разного рода дарителей, попечителей строительства и т.д. (см. КБН).

69. В той же статье С.Ю. Сапрыкин [2022, 276 и рис. 4] публикует ещё один фрагмент списка имён. Он сам признаёт, что в нём упомянуты не обязательно *фиаситы*. Поэтому его включение в статью о *фиасах* несколько надумано.

70. **Об обереге из Пантикапея.** В начале настоящего материала я упомянул, что В.П. Яйленко [2021, 337–341] подробно рассмотрел мою работу, посвящённую *филактерию*, в котором 18 раз призывается Безымянный Б-г иудеев [Шелов-Коведяев 2020, 426 слл.]. Он в целом благожелательно отнёсся к моему пониманию *граффито*, предпочтя из предложенных мной вариантов интерпретации – второй: древний автор лишает своих недругов имён, тем самым стирая их личности. ΛΙ, которые уничтожаются,

скрываются, по мнению В.П. Яйленко, за отдельными буквами и их сочетаниями, рассыпанными по всему полю пластины.

Однако все эти буквенные обозначения – обычные магические litterae и voces magicae, встречающиеся во множестве наговоров (см. DT, PGM, SM etc.) и не имеющие никакого отношения к реальным антропонимам. Точно также и ΥΗΩΗ не есть имя: тетраграмматон именно, что (будучи его *заменителем*) его скрывает, и еврейский Б-г пребывает Безымянным.

Список литературы

- Белоусов А.В. 2020. Заметки о некоторых греческих надписях на бронзовой посуде из азиатской Сарматии // ВДИ. 4, 954–969.
- Бехтер А.П., Бутягин А.М., Дана М. 2018. Свинцовое письмо из Мирмекия // ВДИ. 4, 931–948.
- Болонкина Е.В. 2006. Граффити и знаки на грузилах из коллекции Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. I, 89–98.
- Бутягин А.М. 2022. Новые данные об архаическом некрополе Мирмекия // Доклад на VIII Всероссийской конференции «Слово и Артефакт».
- Драчук В.С. 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1–175, таблицы.
- Завойкина Н.В., Павличенко Н.А. 2016. Письмо на свинцовой пластине Патрея // Материалы по истории и археологии Фанагории. 2 (Фанагория. 4). М., 230–249.
- Завойкина Н.А. 2019. Сакральные граффити на керамике из ранней Фанагории // ДБ. 24, 253–272.
- Завойкина Н.А. 2020. Граффити первых веков н. э. из Фанагории // Нуранис. 2, 169–183.
- Завойкина Н.А. 2021. Представители сармато-аланского мира в городах Азиатского Боспора (II–III вв. н. э.) // Нуранис. 3, 72–96.
- Завойкина Н.А. 2022. Новые коммерческие надписи на амфорах V–IV вв. до н. э. из Фанагории // ДБ. 27, 113–123.
- Кругликова И.Т. 1962. Сарматские знаки на амфорах с поселения у д. Семёновки // КСИА. 89, 97–100.
- Молев Е.А. 1985. Археологические исследования Китея в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха Средневековья). Курск, 51–52.
- Молев Е.А. 2003. Граффити на чернолаковых сосудах из раскопок Китея // ДБ. 6, 217–238.
- Молев Е.А. 2010. Боспорский город Китей. Симферополь–Керчь, 1–315.
- Павличенко Н.А., Кашаев С.В. 2012. Новая эпиграфическая находка из Гермонассы // ДБ. 16, 288–298.

- Павличенко Н. А. 2020. Вторая надпись Герака, сына Понтика, главного переводчика ала-нов // ТС. 22, 119–127.
- Сапрыкин С. Ю., Куликов А. В. 1999. Новые эпиграфические находки в Пантикапее // ДГВЕ 1996–1997. М., 201–218.
- Сапрыкин С. Ю., Зинько В. Н. 2003. Defixio из Пантикапея // ДБ. 6, 266–275.
- Сапрыкин С. Ю., Белоусов А. В. 2012. Письмо Кледика из Гермонассы // ДБ. 16, 348–359.
- Сапрыкин С. Ю. 2022. Фиас Зенонова Херсонеса // ДБ. 27, 252–280.
- Соломоник Э. И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1–179.
- Тохтасьев С. Р. 2015. Надписи на перстнях, содержащие слова ХАРА и ЦУХН // Фанагория. 2. М., 201–206.
- Шелов-Коведяев Ф. В., Толстикова В. П. 2014. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. (Из истории Пантикапея начала эпохи классики) // ДБ. 18, 452–504.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2018. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 3, 98–106.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2020. De titulis Bosporanis et viciniis // ДБ. 25, 426–442.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2021. De titulis Bosporanis et viciniis III: Боспор и Рим в начале III в. н. э. // ВДИ. 3, 755–766.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2022. De titulis Bosporanis et viciniis VI // ДБ. 27, 315–335.
- Яйленко В. П. 2021. О датировке и текстологии новонайденных писем да наговоров Боспора // АМА. 20, 322–345.
- Belousov A. 2020. A Curse Tablet from Panticapaeum Necropolis (SEG LXIII 616) Revisited // Emerita. LXXXVIII. 1, 129–141.
- Deacy S. 2008. Athena. L.–N. Y., 1–175.
- Ehrhardt N. 1983. Milet und seine Kolonien. Fr. a. M.–Bern–N. Y., 588+Taf.
- Farnell L. R. 1896. The Cults of the Greek States. Vol. I. Oxford, 1–423.
- Graf F. 1999. Athena // DNP. Bd. 2, 160–167.
- Gruppe O. 1906. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 2 Bde.
- Guarducci M. 1967. Epigrafia Greca. Vol. I. R., X+580, Tav.
- Herrmann P. 1971. Athena Polias in Milet // Chiron. 1. 291–298.
- Kashaev S., Pavlichenko N. 2015. Letter on an Ostrakon from the Settlement of Vyshesteblievskaya-3 // Hyperboreus. Vol. 21, Fasc. 1, 61–79.
- Larson J. 2007. Ancient Greek Cults. A Guide. N. Y., XIV+305.
- Pavlichenko N., Kashaev S. 2012. A Personal Letter Found in Hermonassa // Hyperboreus. Vol. 18, Fasc. 2, 225–242.
- Pavlichenko N., Zavoykina N. 2018. The Lead Letter of Pistos from Patraeus // Hyperboreus. Vol. 24, Fasc. 1, 40–51.
- Roscher W. H. 1890. Athene // Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Bd. I. Lpz., 675–703.
- Schwyzler E. 1977. Griechische Grammatik. Bd. I. München, XLVII+844.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von. 1931. Der Glaube der Hellenen. Bd. I. Berlin, VII+412.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von. 1932. Der Glaube der Hellenen. Bd. II. Berlin, XII+620.

Summary

F. V. Shelov-Kovedyayev De titulis Bosporanis et viciniis VII

The paper continues the series of comments, and corrections to some published inscriptions from Cimmerian Bosphorus. **No 44** (fig. 1) discusses the worship of Athena *Ergane* in Panticapaeum in her possible relationship to Athena *Polias* on the background of reconstruction of the *polis'* life in this city at the 1st quarter of the V CBC. **No 45** (fig. 2) presents the correct lecture of the inscription on the bailer from the kurgan's excavations in Rostov-on-Don region at 1927. **No 46** (fig. 3–4) interprets the sings of the second line of inscription on the bronze cauldron founded in Volgograd region. **Nos 47, and 70** returns to the interpretation of 18 times ἀνώνυμος in the lead tablet from Panticapaeum necropolis. **No 48** proposes some observations concerning the lead letter of Oreios from Myrmekion. **No 49** (fig. 5) argues about the Athena's cult in Phanagoria. **Nos 50–54** (fig. 6, 7. 2) reinterprets the graffiti of the beginning of AD from Phanagoria. **Nos 55–56** insists that Herakas, and Sarmatas aren't sarmatians anthroponyms but the hypocoristics of Greek names. **Nos 57–61** (fig. 7. 3, 4; 8. 2) suggests some corrections to graffiti, and dipinti from Phanagoria. **No 62** (fig. 8. 4) offers the new understanding of the beginning of lead letter from Patraeus. **No 63** (fig. 8. 3) demonstrates that the famous graffiti from Kyteion is the defixio. **No 64** (fig. 9. 1) proves that the letter from Hermonassa talks about the legal proceedings concerning Kleidikos. **No 65** (fig. 9. 3) corroborates the V.P. Yailenko's lecture of the ostrakon from the Vyshestebliyevskaya-3. **No 66** (fig. 9. 4) demonstrates that the lead letter founded on Mithridates' mount in 1996 speaks about the guarantee on security. **No 67** (fig. 9. 2) proposes the correct lecture of the *defixio* from Panticapaeum. **Nos 68–69** (fig. 9. 5) discusses some lists of names founded on Zenonus' Chersonesos.

В. П. Яйленко

(Независимый исследователь, г. Москва)

Aut vidit, aut vidisse putat¹.

Античная географическая традиция о фанагорийском острове и попытки коррекции ее буром

Мы располагаем достаточно подробной и устойчивой греко-латинской традицией об «острове Фанагора», образуемом руслом Кубани, на основании которой издавна в литературе утвердилось мнение о пересечении рекой Таманского полуострова. Однако в последнее время появился ряд работ, развивающих гипотезу о невозможности прохода ее русла по полуострову, в связи с чем вынужденно перекраивается более или менее устоявшаяся к нашим временам система идентификации античных городов, поселений и географических объектов полуострова. Ввиду ряда обстоятельств, которые излагаем далее, считаем гипотезу ошибочной. В разделе I мы подробно рассматриваем данные античной традиции об острове Фанагора и убеждаемся в ее непротиворечивой цельности, прочности; в разделе II критически анализируем новые воззрения на его лимитацию и палеофизиографию. Раздел III уделен двум руслам рек и каналу, пресекающим Таманский п-ов от берега до берега. Раздел IV супплементарный, продолжает тематику раздела I – тут уточняем источники подробных известий Псевдо-Скимна и Страбона об острове.

В «Дон Кихоте» Сервантеса гл. XLV озаглавлена «О том, как Санчо Панса вступил во владение своим островом и как начал управлять им». Подобно Санчо, вступим и мы во временное управление Фанагорийским островом, коль он стал ристалищем коллег.

I. Античная письменная традиция о фанагорийском острове

Этот раздел призван, во-первых, выяснить формирования античной письменной традиции об одном-двух островах, дабы располагать более или менее определенной хронологией ее данных о них; во-вторых, извлечь из этих данных представление о физиографическом облике русла, отделявшего остров от материка, и его преобразованиях в ходе времён². Наиболее раннее известие об островах привел милетский

¹ «Или видит, или думает, что увидел» (Vergilius, Aeneis, VI, 454).

² Тезисный прототип раздела I опубликован [Яйленко 2017, 405–410], содержание сформулировано в его заголовке: «Развитие античной географической традиции об острове с Фанагорией и Гермонассой», существо его в основном источниковедческое: уточнение источников сведений Псевдо-Скимна, Страбона и других авторов об острове. Здесь мы рассматриваем эти вопросы в их полноте. Пользуемся случаем выразить благодарность А. А. Завойкину за ряд полезных замечаний.

географ позднего VI – раннего V вв. Гекатей. Далее следует группа авторов II–I вв. до н. э. – II в. н. э.: Псевдо-Скимн, Страбон, Мела, Плиний, Дионисий Перизетг; завершают традицию Стефан Византиец и Евстафий (не учитываем простые упоминания острова позднеримскими авторами). На самом деле Мела, Дионисий Перизетг, Стефан Византиец пользовались в числе прочих и раннеионийскими источниками, так что их сообщения отражают ситуацию V–IV вв. до н. э. Рассмотрим наиболее содержательные из них³.

Гекатею известны «остров Фанагора» и «остров Гермонасса» (apud St. Byz., s. pp. Ταυρικὴ ἡ Ἐρμόνασσα = Hecataios, fr. 208, 212 Jacoby): «Город Фанагория, названный по Фанагору, как сообщает Гекатей в книге «Азия»: «остров Фанагора и Фанагория» (fr. 212); «Гермонасса маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония» (fr. 208)⁴. Это ясное и недвусмысленное указание на то, что Таманский полуостров, на котором располагаются Фанагория да Гермонасса, был по меньшей мере в VI–V вв. поделен на два острова, и малость Гермонасского указывает, что водораздел проходил между обоими городами. Но в выписке Стефана из Гекатея не говорится, чем разделяются два острова. Эту лакуну восполняет известие географа I в. н. э. Мелы (Chogr. I, 112 = SC 2, p. 118) о двух рукавах Кораканды (Кубани); его сведения о населении и географии Северного Причерноморья восходят к данным писателей V–III вв. Гиппократа, Эфора, Тимонакта [Яйленко 2013, 184–186]⁵. По Меле, один рукав идет в Понт (море: Pontum, mare), другой в Меотиду (Болото, озеро: Paludem, lacum), они образуют остров⁶. Сравнительно с выпиской Стефана из Гекатея, Мела (resp. Гиппократ/Эфор/Тимонакт) дает более пространное разъяснение географической ситуации: «Затем выступает к Боспору между Понтом и Болотом косая и неширокая полоса земли, которой река

³ Данные античных авторов о двух островах и затем об одном, с греческими текстами, приводили в XIX в. Ф. Дюбуа, К. К. Гёрц, М. О. Поночевный и др. В XX в. последним был С. Р. Тохтасьев [2017, 28–31]: он выборочно привел тексты, чем и ограничился, этого ему показалось достаточно, чтобы оспорить мнение Д. В. Журавлева, У. Шлотцауэра и других членов российского-германской команды о Кубанском Боспоре, также мнение Ю. В. Горлова, А. В. Поротова и других сотрудников российско-французского коллектива о мифичности Шимарданского русла Кубани. Это весьма куца аргументация, потому ничего не решившая.

⁴ Продолжая этот пассаж о Гермонассе, Стефан перепутал таманский и трапезунтский соименные города: «Менипп в «Перишле» двух морей называет ее (Гермонассу) местечком Трапезунта; Гекатей и Феопомп говорят, что это город». Поскольку Стефан в заметке о Гермонассе упомянул Гекатея и начало ее идентично словам Гекатея об «острове Фанагора», известие об «островке Гермонасса» также атрибутируют Гекатею (как сказано, это fr. 208, 212 издания Ф. Якоби).

⁵ О развитии картины Геродота Эфором, а последнего Тимонактом см. Яйленко 2013, с. 180–191. Эту источниковедческую стемму мы построили для других целей, не для темы об островах, так что она не создана ad hoc, а существует объективно, вне речи об островах.

⁶ Эту традицию сохранила и позднеантичная Псевдо-Орфеева «Аргонавтика»: «Мы пристали к покрытому травой острову, который образуют своими изобильными руслами два потока, именно широко-могучий Фасис и плавно текущий Саранг, который с шумом посылает по земле в море полноводная Меотида чрез болотную траву» (SC 1, 915). Давно выяснено, что Кубань именовалась также Фасисом [Яйленко 2013, 37–40, лит.], а название Σαράγγης древнеиндийское – по Мегасфену (apud Arr. Ind. IV, 8; Polyaeus, I, 1, 3), так назывался приток Гидраота в Индии (= инд. Saranga). Развивая давнюю, идущую от К. Риттера, гипотезу об индоариях в Северном Причерноморье, мы собрали индийские и цейлонские параллели к названиям колхи, колы, Фасис Северо-Восточного и Восточного Причерноморья [Яйленко 2013, 43–44], теперь добавим туда и Σαράγγης. Упомянутые Псевдо-Орфеем болота, по которым течет Саранг заимствованы из поэтического же перипла II или I в. до н. э. Псевдо-Скимна (текст приводим чуть ниже), либо восходят к его традиции. Это показывает, что Псевдо-Орфей пользовался в числе прочего эллинистическими источниками, поэтому можно думать, что из них почерпнуто также имя Саранга.

Кораканда, изливающаяся двумя руслами в озеро и в море, придает почти вид острова. Там лежат четыре города: Гермонасса, Кепы, Фанагория и у самого устья Киммерий». Здесь островообразующие факторы почти те же, которые привел Страбон по выпискам из перипла конца II в. до н. э. Артемидора (см. раздел IV) – озеро (Меотида), море (Черное), два рукава Кубани. Нам важно указание Мелы, что регион стал утрачивать островной характер: два русла реки придают местности вид *raeno insula* «почти острова», т. е. один или оба рукава приобрели дискретный вид, сиречь стали плавнями. Из такой географической ситуации логично вытекают последовавшие за раннеионийской традицией, сообщения о единственном острове, отграниченном от суши одним руслом (вместе с Меотидой и Понтом).

Поэт-географ II или I в. до н. э. Псевдо-Скимн⁷ в ст. 874–885 переходит от описания Европы к Азии, граница которых река Танаис, упоминает обитающих при ней сармат и продолжает: «За ними, по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов». Нам тут важно упоминание источников рассказа Псевдо-Скимна о Боспоре – автора IV в. до н. э. Эфора и перипла II в. до н. э. Деметрия Каллатийца (рассмотрим сей вопрос в разделе IV). Иначе говоря, известия Псевдо-Скимна об острове рисуют состояние острова в IV–II вв. до н. э., скорее во II в. Упомянув меотов, в ст. 886–899 Псевдо-Скимн переходит к Тамани: «Затем следуют Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, и Синдская гавань, населенная эллинами, пришедшими из ближних местностей. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли на Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной *от моря* стороне, с другой – благодаря морю и озеру (*ταύτας περιέχει τὰς πόλεις διακεκμένας νῆσος, κατὰ τὴν Μαϊώτιν ἄχρι τοῦ Βοσπόρου ἡώραν ἀπολαμβάνουσα πολλὴν πεδιάδα, ἥτις (= νῆσος) τὰ μὲν τοῖς ἔλεσι καὶ τοῖς ποταμίσις ἀδιάβατος τοῖς τενάγεσιν τ' ἐν τῷ πέραν, ἃ δὲ τῇ θαλάττῃ τῇ τε λίμνῃ γίνεται*). При самом выходе из устья лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеп, основанный милетянами»⁸. Отсюда

⁷ Он писал при Никомеде I, II или III, т. е. во второй половине II или начале I в. до н. э. Свою *Периэгесу*, сиречь «Описание земли» (это поэма, написанная ямбами), он начал с Испании и Ливии, двигаясь на восток в основном по периплу, т. е. по прибрежным местностям – говоря преимущественно о прибрежных городах и окружающих народах. Далее описаны Южная Италия, Сицилия, Адриатика, Пелопоннес, перечислены города побережья от Аттики до Македонии, Пропонтиды, Геллеспонта. Затем Псевдо-Скимн переходит к описанию Понта, но после нескольких строк о Фракии (до ст. 724) единственная парижская рукопись этого сочинения (ее обозначают литерой D) обрывается. Уже в 1628 г. Д. Холштен подметил стилистическую и содержательную общность «Перипла» Псевдо-Скимна с безымянным (Псевдо-Арриановым) «Периплом Евксинского Понта» V–VI в. н. э., что позволило получить общее представление о дальнейшем тексте Псевдо-Скимна, посвященном описанию городов Причерноморья от Аполлонии во Фракии через Северное Причерноморье до Синопы и Гераклеи на южном побережье Понта. Позднее для реконструкции черноморской части «Перипла» много сделали М. Летрон [*Letronne* 1840, 331–420] и К. Мюллер (GGM I, 196–237). Уточненный текст описания Черноморья, начиная со ст. 722, дал О. Диллер по рукописи В «Перипла Понта Евксинского» (кодексы из Ватопеда, Британского музея и Парижской нац. б-ки), а также по двум старым апографам парижской рукописи D [*Diller* 1952, 165–176] (об истории реконструкции текста Псевдо-Скимна см. [Ib., 54 f.]). Есть новое издание [*Marcotte* 2000], но в нем текст о Причерноморье разделен на фрагменты, что лишило его цельности. Для нашей задачи вполне приемлемо издание К. Мюллера, по которому даем нумерацию строк поэмы (он и в SC 1, 87–91). Разбор сведений Псевдо-Скимна об основании городов Северного Причерноморья [*Яйленко* 2012, 489–496; 2017, 172–183].

⁸ Перевод И. И. Бережкова (SC 1, 90). Далее следует лагуна в реконструированном тексте Псевдо-Скимна, а со ст. 900 уже идет речь о закавказских моссиниках.

следует, что остров отграничивают Меотида, Понт и некая полоса «болот, речек да топей», из упоминания Фанагории и прочих городов явствует, что это весь Таманский полуостров (о Синдской гавани скажем далее, перейдя к Страбону).

В цитированном пассаже, на наш взгляд, необходимо уточнить синтаксическую роль выражения *ἐν τῷ πέραν*. Вставленное в этой цитате переводчиком И. И. Бережковым пояснение «от моря» о нахождении болот, речек да топей «на противоположной от моря стороне» по сути неточное, ибо отграничивается остров с другой стороны тем же морем да Меотидой – τῇ θαλάττῃ τῇ τε λίμνῃ⁹. Также обратим внимание, что во фразе ἤτις (= νῆσος) τὰ μὲν τοῖς ἔλεσι καὶ τοῖς ποταμίοις ἀδιάβατος τοῖς τενάγεσίν τ' ἐν τῷ πέραν, с ее *dativi causae*, слова τοῖς ἔλεσι καὶ τοῖς ποταμίοις «из-за болот да речек»¹⁰ отделены от τοῖς τενάγεσίν τ' «также вследствие мелководья/топей» словом ἀδιάβατος «недоступный» (дословно «непереходимый»), и как раз за τοῖς τενάγεσίν τ' следует выражение ἐν τῷ πέραν «на другой стороне», которое издавна относят ко всей фразе (*in adverso tractu* перевода М. Петрона, «на противоположной от моря стороне» И. И. Бережкова, Э. Штерна) и которое порождает недоумение: на другой стороне чего? Если на другой стороне от упоминаемых затем объектов τῇ θαλάττῃ τῇ τε λίμνῃ γίνεται, то где это? Если же соотнести ἐν τῷ πέραν с непосредственно предшествующим τοῖς τενάγεσίν τ', ситуация проясняется – на другой стороне от τοῖς ἔλεσι καὶ τοῖς ποταμίοις. В результате понимаем стт. 893–895 ἤτις (= νῆσος) τὰ μὲν τοῖς ἔλεσι καὶ τοῖς ποταμίοις ἀδιάβατος τοῖς τενάγεσίν τ' ἐν τῷ πέραν, ἃ δὲ τῇ θαλάττῃ τῇ τε λίμνῃ γίνεται следующим образом: «который (остров) недоступен частью (τὰ μὲν) из-за болот да речек, и на другой стороне (ἐν τῷ πέραν) от них из-за топей, а частью (ἃ δὲ) благодаря морю (Понту) да озеру (Меотиде)»¹¹. Таким образом, «болота, речки, топи» не отграничивают остров «с одной его стороны», это общее свойство его границ – и со стороны Черного моря и со стороны Меотиды: заболоченность обоих рукавов Танаиса-Кубани. Подобное состояние обоих рукавов описано в XIX в. и обусловлено бурным нравом реки: она выносит огромные аллювиальные массы, отложения которых в свою очередь стесняют течение ее вод¹². Также море на мелководье способствует заболачиванию побережья, пример чему восточное побережье той же Меотиды. Эти русла Кубани, азовское и черноморское, показывают на всех картах¹³.

⁹ Так, без уточнения «от моря», перевел уже М. Петрон, читавший в ст. 895 τὰ δὲ (в SC тут ἃ δὲ, см. ниже) в пандан к τὰ μὲν стиха 893: «*quae imperva est partim ob paludes, et fluvios, et vada quae sunt in adverso tractu, partim ob mare et paludem (Maeotin)*» [Letronne 1840, 412], – «который (остров) частью недоступный из-за болот, и речек, и мелей на противоположном крае, частью из-за моря и озера (Меотида)».

¹⁰ У ἔλος значения во множ. числе «заливные луга», «поймы» (это часть речной долины, затопляемая водой при разливе), «болота».

¹¹ Слова ἔλος и τενάγος среднего рода, поэтому обобщающая их местоимение асс. pl. neutr. ἃ «которых, которые», так что ἃ δὲ τῇ θαλάττῃ τῇ τε λίμνῃ γίνεται означает: «которые порождает море и озеро», т. е. Понт и Меотида. У пары τὰ μὲν – τὰ δὲ значения «частью – частью», «с одной стороны» – «с другой стороны» (LSJ, s. vv. ὁ, ἡ, τό, А VIII, 4); у Псевдо-Скимна во второй паре этой синтагмы указательное местоимение заменено относительным – ἃ δὲ. Как сказано, северочерноморская часть перипла Псевдо-Скимна восстановлена по Псевдо-Аррианову периплу, переводчик которого в SC (1, 281) Э. Штерн как раз и употребил слово «частью»: «которая не доступна частью вследствие болот и рек..., частью же благодаря морю и озеру».

¹² Красочное описание изменения характера местности своеобразным течением Кубани в дельте дал знаток местных реалий да древности В. Л. Строкин [2008, 441].

¹³ Например, физической К. Габлица (см. ниже рис. 1), на археологической С. Ф. Войцеховского (рис. 6).

Но у Псевдо-Скимна есть и другой текст, относящийся к трактуемой теме. В стт. 871–873, упомянув мнение Эфора (и, видимо, эритрейца Гекатея) об истоках Танаиса-Кубани, он пишет о двух её рукавах: она ἐξίησι δὲ δίστομον ἔχων τὸ ρεῖθρον εἰς τὴν λεγομένην Μαϊῶτιν εἰς τὸν Κιττιερικόν τε Βόσπορον «изливается двумя устьями, имея течение в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор». Тут фигурирует та же Меотида, что и в пассаже об острове, а вместо безграничного Понта дано необходимое уточнение – Киммерийский Боспор, т.е. Боспорский пролив. Последнее возможно только при впадении рукава реки в Таманский залив, и тут нет ошибки, поскольку об этом пишет и Страбон, называя вместо Киммерийского Боспора смежный с ним Корокондамитский залив (текст дадим далее). Хотя тут остров не упомянут, понятно, что второй рукав тоже образует остров, и это уже часть Таманского полуострова, отрезанная где-то на нем рукавом реки, идущим в Таманский залив. На это может указывать и расположение городов у Псевдо-Скимна: «Гермонасса, Фанагория... Синдская гавань... эти города расположены на острове», и далее, отдельно: «При самом выходе из устья (пролива) лежит город Киммерида... да город Кеп». Тут Кепы и Киммерида обособлены от предыдущей тройки, и это возможно при прохождении русла или протоки реки, образующей остров, около гряды Цимбалы¹⁴. Для такой локации рукава/протоки уместна характеристика её как полосы «болот, речек да топей». И важно, что от такого характера избавляется русло, идущее в Меотиду, ибо это соответствует полноводному и в средние века азовскому течению реки Кубань.

Как видно, в обоих пассажах Псевдо-Скимн имел в виду разные рукава Кубани. В рассказе об острове подразумеваются азовское и черноморское русла, ибо сей остров – весь Таманский полуостров, потому-то он и «занимает большое пространство ровной земли». А в стт. 871–873 речи об острове нет, просто констатируется (в продолжение ст. 870 по поводу мнения Эфора об истоке реки Танаис-Кубань), что она «изливается двумя устьями, имея течение» в Меотиду и в Киммерийский Боспор, сиречь в Боспорский пролив (но нам понятно, что таким течением часть Таманского п-ова тоже становится островом). Отсюда следует, что строки 870–873 поэт взял у Эфора, а пассаж об острове, стало быть, из второго своего источника – перипла Деметрия Каллатийца, ибо там, как и положено периплу, он описан с корабля: «(остров) недоступен частью из-за заливных лугов да речек, и на другой стороне от них из-за топей, а частью благодаря морю (Понту) да озеру (Меотиде)». В стт. 871–873 нет рукавов реки, есть полоса «болот, речек да топей», в стт. 886–899 полоса отсутствует, но есть два рукава реки; ввиду этой взаимозаменяемости можно заключить, что «болота, речки да топи» – характеристика тех же двух русел. Из такого сопоставления данных стт. 871–873 и 886–899 можно заключить, что остров образуют Меотида, Боспорский пролив и два рукава Танаиса-Кубани (об этом пишет и Страбон), которые представляют собой полосу «болот, речек да топей».

Известию Псевдо-Скимна, что одним руслом Гипанис-Кубань течет в Меотиду, другим в Понт, параллельно такое же сообщение эрудита I в. до н. э. Александра

¹⁴ См. ниже, в разделе III, второй вариант локализации русла (из трех) на Таманском п-ове. Еще одна особенность перечисления городов Псевдо-Скимном – расположение Синдской гавани, которую логично связывать с Синдикой, а не с Таманским полуостровом. Далее мы увидим, что такова диспозиция также у Страбона, данные которого позволяют найти решение вопроса.

Полигистора, скорее всего восходящее к Аристотелю¹⁵. Другое известие Псевдо-Скимна – о впадении Танаиса-Кубани одним руслом в Меотиду, другим в Боспор Киммерийский, т. е. в пролив, находит соответствие у Страбона, который пишет о течении русла реки в Корокондамитское озеро, издавна идентифицируемое с Таманским заливом. Страбон привел отчасти те же данные, что Псевдо-Скимн, но также иные, которые полнее разъясняют географическую ситуацию (XI, 2, 9–10): «Выше Корокондамы лежит довольно большое озеро, которое по ее имени называют Корокондамитским; в 10 стадиях от деревни оно соединяется с морем. В озеро впадает один рукав реки Антикита и образует некий остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой (ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἄλωρρόξ τις τοῦ Ἀντικείτου ποταμοῦ καὶ ποιεῖ νῆσον περικλυστὸν τινα)¹⁶. Некоторые и эту реку называют Гипанисом подобно *реке*, соседней с Борисфеном. Вступившему (εἰσπλεύσαντι «вплывшему») в Корокондамитское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонасса и Апатур – святилище Афродиты. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для врывающегося в озеро, а прочие города – по правую, за Гипанисом в Синдике (ὧν ἡ Φαναγορία καὶ οἱ Κῆποι κατὰ τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἴδρυνται, εἰσπλέοντι ἐν ἄριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ)¹⁷.

Во втором предложении сей цитаты выражение «в озеро впадает какой-то рукав реки Антикита» означает, что он впадает в Корокондамитиду, ибо на это указывает член выражения εἰς τὴν λίμνην «в это озеро», отсылающий к λίμνη... Короконδαίτιν предшествующего предложения. Поскольку Корокондамитиду издавна идентифицируют с Таманским заливом [Поночевный 1891, 70–71, лит.], отсюда следует, что «некий рукав реки Антикита» впадает в Таманский залив, и с этим обстоятельством вполне согласуется дальнейший текст – «Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны». Если считать, что имеется в виду плавание из Меотиды по Боспорскому проливу (т. е. с севера)¹⁸, то Таманский залив находится слева, однако там, во-первых, взгляду врывающегося открываются все перечисленные горо-

¹⁵ Орывок из какого-то сочинения Александра привел Стефан Византиец (s. n. Ὑπάνιος = SC 1, 268): «Гипанис – река и город между Понтом и Меотийским озером. Александр Полигистор говорит, что Гипанис, разделяясь на два рукава (διχῆ σχιζόμενος), одну часть воды изливает в Меотийское озеро, а другую в Понт». Александр не назвал свой источник, но характерная деталь – именование реки Гипанисом – восходит к Аристотелю (Hist. anim. V, 19, 14), так что данная традиция с большой вероятностью исходит от него, ибо после Аристотеля и до Полигистора этот Гипанис упоминают лишь Страбон (XI, 2, 4; 9) да не имеющий отношения к географии парадоксограф III в. до н. э. Антигон Каристиец, как раз со ссылкой на Аристотеля (SC 1, 410); в схолиях к «Противоядиям» поэта II в. до н. э. Никандра, хоть и поздних, изложение тоже по Аристотелю (SC 1, 446).

¹⁶ С. Р. Тохтасьев [2017, 28] ключевую фразу Страбона ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἄλωρρόξ τις τοῦ Ἀντικείτου ποταμοῦ καὶ ποιεῖ νῆσον περικλυστὸν τινα перевел так: «в озеро же впадает некий рукав реки Антикита и образует подобие острова (νῆσον ... τινα), омываемого...». Вполне ясное νῆσον ... τινα «некий / какой-то остров» он ошибочно перевел как «подобие острова», хотя совершенно равноценное выражение ἄλωρρόξ τις с тем же неопределенным местоимением τις передал, как положено – «некий рукав».

¹⁷ Текст и перевод по SC 1, 132, с двумя нашими поправками.

¹⁸ В периплах Псевдо-Скимна, Деметрия Каллатийца, Артемидора (последний служил Страбону тут историком), Северное Причерноморье описывается с запада на восток, так что сначала речь идет о европейском Боспоре, затем об азиатском. Поэтому Страбон и пишет о врывающемся в Корокондамитидский залив слева, т. е. из Боспорского пролива. А в параграфе VII, 4, 5 он пишет: «при входе в Киммерийский Боспор налево лежит городок Мирмекий», так что имеется в виду вход корабля в пролив с юга; этот пассаж Страбон заимствовал из перипла, который шел с юга вдоль кавказского берега, подобно периплу Арриана.

да, во-вторых, все находятся справа, включая Кепы да Фанагорию, которые, по Страбону, открываются слева. Далее в конце раздела III мы покажем, что тут же, в предшествующем § 4, Страбон писал об искусственном канале при основании Фонталовского п-ова, предшественнике Субботина ерика XVIII–XIX вв. Это позволяет понять, почему «Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны», более того, для вливающего в гавань Фанагории остальные пункты – Гермонасса да Апатур – находятся действительно справа. Итак, Фанагория и Кепы расположены на том острове, который отграничен судоходным каналом (он же «какой-то рукав реки Антикит»), соединявшем Меотиду с Корокондамитидским озером, сиречь Таманским заливом.

Как видно, текст Страбона довольно ясен, единственно, что вызывало недоумение в нем – последняя фраза «а прочие города – по правую руку/сторону, за Гипанисом в Синдике», ибо Гермонасса вовсе не лежит «на другой стороне (τέραν) Гипаниса, в Синдике»¹⁹. Отсюда заключали, что Страбон скомпоновал тут сообщения двух разных источников, тем более, что область «за Гипанисом» у него действительно Синдика (τέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ). А у критиков Страбона руслу Кубани, протекающего по Таманскому полуострову, это аргумент в пользу локализации сего русла в районе южных лиманов – Цукурского, Кизилташского да прочих (см. раздел II). Но на наш взгляд, данное затруднение вовсе не географическое, а многим проще – синтаксическое и вполне решаемое. Издатели «Географии» Страбона (разумеется, не посвященные в детальную географию Тамани) отграничивают его слова о «вливающем слева» запятыми (ἴδρυνται, εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ) ввиду следующих слов о «находящихся справа/по правую сторону остальных городах», т. е. вследствие бинарной конструкции «слева..., справа...». Однако достаточно убрать эти запятые и поставить колон после ἀριστερᾷ, чтобы получить текст, не вызывающий затруднений с географией местности: ἴδρυνται εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερᾷ· αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ, т. е. Фанагория и Кепы «располагаются для вливающего слева/по левую руку; остальные же города справа, на другой стороне Гипаниса, в Синдике». Посредством колона (у нас точка с запятой) «остальные города» отсекаются от начинающего это предложение местоимения ὧν, под которым подразумеваются перечисленные в предыдущем предложении Фанагория, Кепы, Гермонасса, Апатур. В результате они не входят в число «остальных городов», а входят те, которые упоминаются в следующей затем фразе: «В Синдике же, недалеко от моря, лежит и Горгиция, столица синдов, и Аборака».

На уместность нашей крошечной правки синтаксиса указывает присутствие Апатура в числе перечисляемых Страбоном пунктов. При упомянутой постановке запятых в выражении ἴδρυνται, εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ, да еще при открывающем предложении ὧν «из них» (четырёх топонимов), подразумевается, что «слева» Фанагория и Кепы, «справа» Гермонасса и Апатур. Однако последний не может входить в число «остальных городов», ибо никогда не был πόλις'ом, и Страбон ясно указал

¹⁹ Можно бы думать, что Страбон имеет в виду проходящий по Таманскому полуострову рукав реки (Шимарданский), на восточной стороне которого Кепы да Фанагория, на западной Гермонасса, Апатур. Однако восточная часть Таманского п-ова не именовалась Синдикой, и вообще Синдика лежит южнее полуострова [Молев 2018, 30 сл.], так что надо искать другое объяснение.

в предыдущей фразе, что это святилище (ἱερόν) Афродиты²⁰. В результате «справа» подразумевается одна Гермонасса, но при ней одной невозможно множ. число πόλεις. Стало быть, эти πόλεις – Горгишпия да Аборака следующей фразы: ἐστὶ δὲ καὶ Γοργυλία ἐν τῇ Σινδικῇ ... καὶ Ἀβοράκη «Есть и Горгишпия в Синдике..., и Аборака»; сим ἐστὶ δὲ как раз и уточняется, какие конкретно эти αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ «остальные города справа».

Теперь обратим внимание на некоторую разницу физиографии пределов острова у Псевдо-Скимна и Страбона. У первого иные физиографические объекты сравнительно с «рукавом реки» у Страбона: остров «недоступен частью из-за болот да речек, и на другой стороне от них из-за топей, частью благодаря морю (Понту) да озеру (Меотиде)» (см. выше). Страбон упоминает в числе островообразующих факторов те же море и озеро, что Псевдо-Скимн, но они дополнены рукавом реки и самой рекой: «В озеро впадает какой-то рукав реки Антикита и образует некий остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой (ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἀπορρώξ τις τοῦ Ἀντικεΐτου ποταμοῦ καὶ ποιεῖ νῆσον περικλυστὸν τινα ταύτῃ τῇ λίμνῃ καὶ τῇ Μαϊώτιδι καὶ τῷ ποταμῷ)». Как сказано, сей рукав (ἀπορρώξ) течет в Таманский залив, стало быть, самой рекой (τῷ ποταμῷ) остров отделяется от материка в ином месте; поскольку тут упомянута и Меотида, для реки остается лишь противоположное ей место – у Черноморья; об этом Страбон и говорит: «остальные же города справа, на другой стороне Гипаниса, в Синдике». Таким образом, «болотам, речкам да топям» Псевдо-Скимна у Страбона соответствует черноморский рукав Гипаниса (как сказано, его рукав, текущий в Таманский залив, был судоходным каналом). Вспомним и указание Мелы, почерпнутое у авторов V–III вв., что регион стал утрачивать островной характер: два русла реки придают местности вид *raepo insula* «почти острова», т. е. один или оба рукава приобрели дискретный вид, стали плавнями. Сеть бесчисленных плавней – характерная черта дельты Кубани поныне. Перемены ее водного режима от полноводности до засушливости обусловлены степенью обводнения верхнего да среднего течения, также режимом горных левых притоков нижнего течения. Отсюда ее бурный да своенравный характер, засвидетельствованный в XIX в.²¹

Итак, анализ данных Псевдо-Скимна показывает, что один рукав или оба обмелели. Такой же процесс наступления суши, точнее, наступления – отступления вод рукавов Кубани стоял за сообщениями одних авторов о двух островах, других об одном острове. Коротко говоря, разноречия писателей о числе островов тоже обязаны изменениям физиографической ситуации с рукавами Кубани. Напомним, что Гекатей различает острова Фанагора и Гермонассы, причем второй у него «маленький». Об этом и Стефан Византиец, часто пользующийся ранней традицией (s. n. Ταυρικὴ = SC 1, 266): «К Таврике примыкают два острова – Фанагория и Гермонасса». Вторит им и Аммиан Мар-

²⁰ Все упоминания Апатура античными авторами (Геродиан, Плиний, Стефан Византиец) имеют в виду святилище. С XIX в. и далее (напр. [Гайдукевич 1949, 214]) упомянутый Страбоном Апатур локализируют у Цукурского лимана, где найдено посвящение на беломраморной герме «Афродите Урании, владычице Апатура» времени Левкона I (389–349) КБН 1111. Этому соответствует известный Гекатею «залив Ἀλάτουρος в Азии». Сохранивший сие известие Гекатея Стефан добавляет от себя (s. n. Ἀλάτουρον = SC 1, 254): «название это по месту (τὸ τοῦ τόπων) Ἀλάτουρος».

²¹ Да и в XX тоже: по сообщению В.Л. Строкина [2008, 441], в 2007 г. вновь перестало существовать Пересыпское гирло, а оно известно со времен Эвлии Челеби.

целлин (XXII, 8, 30): «по правую сторону его²² лежат острова Фанагор и Гермонасса»; это тоже отзвук данных раннеионийской географии о Северном Причерноморье, использованных Аммианом в XXII книге [Ермолова 1988, 288]. Напротив, у Мелы (сиречь Гиппократ, Эфора или Тимонакта, V– III вв.) да Страбона (сиречь Артемидора, II в. до н. э.), речь идет уже об одном острове (напомним указание Мелы: «Затем выступает к Боспору между Понтом и Болотом косая и неширокая полоса земли, которой река Кораканда, изливающаяся двумя руслами в озеро и в море, придает вид почти острова»). Таким образом, в VI–V вв. до н. э. были два острова – большой Фанагорийский и малый Гермонасский²³. Видимо, водная преграда меж ними не была значительной, поскольку со II в. до н. э. (может быть, и с IV–III вв.) был один остров²⁴. При этом Псевдо-Скимн (< Эфор или Деметрий Каллатийский) пишет о большом острове (он «занимает большое пространство ровной земли»), это явное продолжение «большого острова Фанагора» раннеионийской традиции. У сохранившего ее Дионисия Перизгета (поэт времени Адриана) остров «обширнейший»: «Если же пройти прямо через Киммерийский Боспор <т. е. пролив>, встретится другой обширнейший остров, который лежит внутри Меотийского озера на правой стороне; на нем Фанагора и прекрасно построенная Гермонасса, в которых живут выходцы из ионийской земли» (Descr., vv. 549–553 = SC 1, 182–183). Согласно древним схолиям к ст. 730 «Прометей» Эсхила (SC 1, 337), Киммерийский пролив был частью (πλήρωμα, дословно «содержимым») Меотиды. Эти схолии восходят к александрийскому критику I в. до н. э. Дидиму [Christ 1890, 191], но поскольку данное известие находит соответствие у Дионисия, также представление о Боспорском проливе как части Меотиды принадлежит к раннеионийской традиции.

Мела же, следующий авторам V–III вв. до н. э. (Гиппократ, Эфор или Тимонакт, см. выше), говорит, что остров представляет собой «косую и неширокую полосу земли». Изменения площади двух островов, один из которых большой, другой маленький, затем одного острова, то большого, то меньше, обязано активной деятельности Кубани, то наступавшей на Таманский полуостров, то отступавшей (напомним, что текла она там, где ныне Ахтанизовский, Кизилташский и прочие лиманы). В конечном счете, обмеление ее рукавов завершилось с течением времени исчезновением островов – Тамань да Фонтал стали полуостровом. На портоланах XIV–XVI вв. показан только Кизилташский лиман [Волков 2016, рис. 1–17], так что Тамань – полуостров, но в XVII в. это был остров, как явствует, например, из описания Тамани у префекта Каффы в 1624–1634 гг. Эмиддио Дортелли д'Асколи: «Построенная генуэзцами она ... помещается на острове и называется островом в начале Черкасии, обойти который можно в один день по морю и двум рекам» [Северный Кавказ 2006, 56].

²² Керченского пролива, т. е. для вplывающих из Черного моря.

²³ На карте выглядит так: Сенная долина (рукав реки) делит Таманский п-ов (с Фонталом) на две неравные части – большую (это Фанагорийский остров) и малую (Герм. остров), примерное соотношение частей 2:1.

²⁴ Эхо традиции об одном острове докатилось и до Плиния (IV, 87): на Боспоре Киммерийском «лежат города Гермисий и Мирмекий, а внутри остров Алопека (intus insulam Alopescen)». Так как у Плиния нет известия об острове Алопека при устье Танаиса, скорее всего он ошибочно перенес название Алопека на Фанагорийский остров. Эту традицию подхватил и грамматик V–VI вв. Присциан (Perieg. 561–566 = SC 2, 438): на правой стороне Меотиды стоит тяжелой громадой остров – широкая Алопекия, за ним некогда населили Фанагору и Гермонассу ионийцы.

Подытожим изложенное в разделе I. Античная традиция о фанагорийском острове цельная – в ней нет внутренних противоречий, прочная – известия идут от VI–V вв. до н. э. вплоть до позднеантичного времени. Она развивалась в ходе времен – от простой констатации наличия 2 островов у Гекатея и далее 1 острова (данные писателей V–IV вв. Гиппократ, Эфора, Тимонакта у Мелы) до подробного описания положения и физиографии острова у Псевдо-Скимна, Страбона, известия которых почерпнуты у авторов периплов II в. до н. э. Артемидора и Деметрия каллатийского (см. ниже раздел IV). Периплы – это практическое руководство для мореплавателей, поэтому сведения Псевдо-Скимна да Страбона об острове точны, и если в чем-то возникает противоречие с данными источников иного рода, например геологического бурения, то эти данные приемлемы лишь до той меры, в которой они не противоречат сведениям периплов.

II. Обзор современной критики античных письменных данных о русле реки, проходящем по Таманскому полуострову

В надписях I–II вв. н. э. КБН 40, 697 из Пантикапея и 982, 1000 из Фанагории упоминается должность $\acute{\omicron} \acute{\epsilon}\lambda\iota \tau\eta\varsigma \nu\eta\sigma\upsilon\upsilon$ «губернатор острова», под островом имелись в виду нынешние Тамань да Фонтал. Как сказано, есть и длительная античная традиция об острове с Фанагорией и другими городами – от Гекатея до позднеримских авторов, она и эпиграфика взаимно верифицируют друг друга. По сообщениям греко-римских авторов, остров образуют Меотида, Понт и один или два рукава реки (Кубани). Традиционно, в соответствии с указаниями Псевдо-Скимна да Страбона, считалось, что рукав реки проходил по Таманскому полуострову и шел в Таманский залив. Это в последнее время подверглось критике в работах Ю. В. Горлова, Г. П. Гарбузова, А. П. Воскресенского, Д. В. Журавлева, ряда немецких да французских специалистов. Так, Г. П. Гарбузов [2016, 34–45] сосредоточился на Шимарданской (Сенной) долине, с которой со времен Ф. Дюбуа де Монперё отождествляли Страбонов рукав реки, и заключил, что его на Таманском полуострове не могло быть, ибо этому противоречат распределение сельских поселений на хоре Фанагории да ее природный рельеф, в особенности профиль низин дна (талвег) той долины, по которой адепты Страбона пролагали русло²⁵. Усомнился в данных античных авторов о рукаве Кубани и острове А. П. Воскресенский [2018, 210–223], полагая, что они соответствуют географическим реалиям Таманского полуострова лишь отчасти, так как отделявший остров от материка рукав Кубани, о котором они пишут, никогда не существовал. По заключению российско-французской группы ученых [Горлов, Поротов и др. 2002, 254; Горлов 2008, 420–421] (и другие работы), бурение на местах предполагаемого русла да в толще голоценовых отложений Таманского залива показало отсутствие следов речных наносов и сопутствующей фауны, так что не было никакого рукава Кубани, протекавшего по нынешнему Таманскому полуострову и впадавшего в Таманский залив. В связи с этим города, поселения и географические объекты известий античных авторов об острове критики приурочили не к Таманскому заливу, как принято донныне, а к южным лиманам – Бугазскому, Цукурскому, Кизилташскому, Витязевскому, Ахтанизовскому. Подробно рассмотрим эту гипотезу

²⁵ Подробней обратимся к этой статье далее.

далее, пока же отметим, что уважаемые коллеги, можно сказать, вернулись к мнению исследователя рубежа XVIII–XIX вв. Ф. Биберштейну (см. его карту – рис. 3 у нас).

Появилась и гипотеза, вообще убравшая рукав реки из островообразующих факторов: на месте дельты Кубани существовали 1–2–3 пролива. Специалисты российско-германской группы реконструировали по данным бурения шедшее между Таманским полуостровом и материком второе течение морского пролива, который назвали Кубанским Боспором и соотнесли с эпохой античности, так что это он отделял Таманский остров от материка [Журавлев, Шлотцауэр 2011, 252 сл.; Schlotzhauer, Zhuravlev 2014, 212–214; Журавлев и др. 2015, 107–115; Giaime et alii. 2016, 327–335; Dan, Brückner et alii 2020, 682 f.]. По их мнению, на месте южных лиманов была огромная морская акватория со множеством островов (эдакие кубанские Киклады, скажем мы). Они тоже переместили с Таманского залива сюда города и географические объекты. Часть археологов, хорошо знающих Тамань да Фонтал, критически отнеслась к их выводам, обоснованный разбор дали А. А. Завойкин [2017, 147–163, лит.], Е. А. Молев [2018, 30 сл., лит.] и др. Идея о проливе и архипелаге островов – серьезная альтернатива традиционному представлению о рукаве реки (Кубани), который, проходя по территории нынешнего Таманского полуострова, вместе с Понтом и Меотидой образовал остров, но и она подверглась критике [Сударев, Гарбузов, 2015, 157–158; Гарбузов, Поротов, Сударев 2017, 64–70]. По мнению названных авторов, тут был не пролив, а громадный палеолиман, включавший позднейшие Ахтанизовский, Цукурский, Кизилташский и др., он простирался до Семибратнего городища. Они указывают его среднюю глубину в 2 м, но при этом ведут речь о плаваниях по нему, в том числе греческих колонистов VI в., хотя сей глубины хватает лишь для усадки небольшого торгового судна без груза и работы кия, проще сказать, для рыбацкой лодки²⁶. Адепты и проливов, и лимана обосновывают привязку этих акваторий к античному времени расположением на их берегах поселений (например, на южном его берегу Капустин, Уташ, Семибратнее и пр.), в том числе ранних, с VI в.

Полагаем, что доводы против «Страбонова рукава» на Таманском полуострове, и элиминирующие этот рукав гипотезы о морском Кубанском проливе, либо палеолимане, интересны как средство проверки устоявшегося в науке мнения. Нижеследующий критический обзор аргументации выявляет их существенные изъяны.

Вообще, все это не очень ново: бурение российско-германско-французских команд подтвердило (и расширило) результаты прежних геологических исследований, согласно которым образование обширного объединенного Ахтанизовско-Кизилташского лимана относится к новочерноморской трансгрессии моря, проходившей 4–5 тыс. лет назад, уровень его был выше современного на 2,5–3 м; группа южных лиманов занимала значительно большую площадь, они были единым морским заливом, имели широкое соединение с Черным морем; «с этого времени начался новый период формирования рельефа Тамани, характеризующийся постепенным превращением ее из архипелага в

²⁶ Подобную ситуацию обрисовал и турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби [1979, 28, 220]: в Восточном Приазовье от Белосарайской косы до Азова глубина моря не превышает 2–3 футов, а осадка турецких галер и чаек 5 футов (1,5 м), так что они там не могли пройти. См. и соображения И. В. Волкова [2016, 2] об уровне воды в дельте Кубани и слишком большой усадке генуэзских кораблей, что препятствовало плаванию их тут.

полуостров» [Благоволин 1962, 177–181]. Таким образом, интерпретаторы новых данных бурения с основанием помещают на месте названных лиманов морской пролив меж материком и архипелагом островов, но... лишь в геологической перспективе, не исторической, ибо греческие источники сообщают о географии региона с VI–V вв. , т. е. с 2,5 тысяч лет назад, так что отстоят от завершающего этапа этих геологических преобразований суши и воды, можно сказать, от их результатов, на полторы тысячи лет!²⁷ Они показывают развитие географических условий во второй половине I тыс. до н. э. и первой половине I тыс. н. э. , дальнейшие сведения предоставляют источники XIV–XVII вв. – итальянские портоланы, путешественники Эвлия Челеби, д`Асколи да прочие. И примечательно, что у греко-римских писателей нет известий ни о морском заливе меж Таманью и материком, ни об упомянутых лиманах. Сейчас глубина их не превышает 2–4 м, а уровень моря был во второй половине I тыс. до н. э. примерно на столько же ниже нынешнего. Поэтому и гипотеза о палеолимане под вопросом. Мы видели (раздел I), что по данным Псевдо-Скимна (сиречь Эфора или Деметрия Каллатийца, IV и II вв. до н. э.), черноморское русло реки Кубань представляло собой «болота, речки, топи». По площади предполагаемый названными учеными пролив / залив / лиман огромен, и потому его обязательно отметили бы в периплах, но его нет ни у Артемидора (II в. до н. э. , его перипл пересказывал Страбон в описании приморских пунктов Боспора), ни у Арриана, который лично проплыл во II в. н. э. это побережье, ни в «Безымянном объезде Понта» V–VI вв. н. э. , основанном на географических реалиях того времени да периплов предшествующих веков. Видимо, не случайно впервые южные лиманы появляются на итальянских портоланах (морских картах) XIV в. [Волков 2016, рис. 1 сл.].

И с черноморским руслом Кубани не все ясно, возможно, для VI–V вв. до н. э. мы больше дорисовываем его («Черноморский проток Кубани, очевидно, отсутствовал», во времена Страбона сток реки шел, видимо, по Фанагорийскому руслу [Благоволин 1962, 181]). Впервые о русле реки, текущем в море (Понт), сообщает эрудит I в. до н. э. Александр Полигистор: одним руслом Гипанис-Кубань течет в Меотиду, другим в Понт; но это его известие восходит к Аристотелю (см. раздел I), потому может быть приурочено к IV в. Подтверждает дату известие географа I в. н. э. Мелы (один рукав идет в Понт, другой в Меотиду, они образуют остров), восходящее к авторам V–III вв. Гиппократу, Эфору, Тимонакту (см. раздел I). Наконец, о двух руслах реки сообщает и перипл II–I в. до н. э. Псевдо-Скимна, основанный на данных Эфора и Деметрия Каллатийца, авторов IV да II вв. до н. э. (см. раздел IV). Таким образом, античным авторам было известно, по меньшей мере с IV в. до н. э., впадающее в Понт русло Кубани, но о лиманах у них ни слова, и это скорее всего означает, что стока лиманов в Черное море не было, их отгораживала, как ныне, система кос, а если был сток, то незначительный. Резюмируем: ни лиманы, ни черноморское русло Кубани не были доступны мореходам, ибо в противоположном случае они были бы отмечены периплами; о функционировании морского пролива, доступного для плавания, речи не может быть в принципе.

Как сказано, адепты и проливов, и лимана обосновывают привязку этих акваторий к античному времени расположением на их берегах поселений, начиная с VI в. до н. э.

²⁷ Исторической считается та эпоха, которая освещена письменными источниками. Тут это время с VI в.

Но упомянутые Псевдо-Скимном «болота, речки, топи» на месте черноморского русла Кубани показывает, что между южным побережьем Таманского полуострова и, условно говоря, Семибратним побережьем вообще не могло быть поселений, ни греческих, ни синдских. По этой причине дислокация поселений тут не может служить средством привязки реконструируемого палеопролива/палеолимана по меньшей мере к IV–II вв. до н. э. (источники Псевдо-Скимна Эфор, перипл Дметрия Каллатийца). Скорее всего «болота, речки, топи» Псевдо-Скимна – это характеристика не только черноморского русла Кубани, но и мелководных лиманов. Судя по непрерывной, от VI в. до поздней античности, греко-римской традиции об острове, эти болотистые лиманы да русло реки отрезали Тамань да Фонтал от материка.

Далее, перевод палеопролива да палеолимана из геологической эпохи в историческое время сталкивается с необходимостью согласования с данными Страбона и других писателей о городах да географических объектах региона, что влечет перенос их туда с Таманского п-ова и залива, где локализуем устоявшаяся в современной науке традиция. Согласно Псевдо-Скимну да Страбону, один рукав островообразующей реки течет в Меотиду, другой в Киммерийский Боспор, т.е. в Боспорский пролив, что возможно, как традиционно считается, только при впадении рукава реки в Таманский залив (он часть Боспорского пролива); Страбон именуем залив/озеро Корокондамитским, по названию лежащей при устье Боспора Киммерийского порта Корокондама. В результате Корокондамитида Страбона, обычно идентифицируемая с Таманским заливом, перемещена на место нынешних лиманов Бугаз, Кизилташ, Цукур; соответственно, селение Корокондама, обычно локализуемую при Тузле, опущена южнее на поселение Волна 1 (близ мыса Панагия, откуда в новое время отсчитывается начало Керченского пролива). Для адептов палеолимана это невозможное решение – ему препятствует засвидетельствованная Псевдо-Скимном заболоченность Черноморского рукава Кубани – они не судоходные, тогда как Страбон пишет, что Фанагория и Кепы открываются вплывшему (εἰσπλέουσιν) в Корокондамитское озеро. Река Короканда Мелы у адептов палеопролива стала тем, что они назвали проливом Кубанский Боспор. Больше всех не повезло Гермонассе – она отправлена в Анапский район. Отчасти путала карты адептам палеопролива/палеолимана и Фанагория, так что были высказаны сомнения в локализации ее при Сенной. Однако недавно Н.В. Завойкина [2017, 209, № 48; 2020, 245–259] опубликовала граффито позднего VI – раннего V в. из Фанагории с именем Фанагора, так что стоит она на своем кондовом месте. А отсюда и другие разочарования, ибо Гермонасса – побратим Фанагории, они основаны одной колониальной экспедицией [Яйленко 1982, 272], парой же они переименованы после 12 г. н. э. в Агрипсию да Кесарию, а монеты, надписи с этими названиями да их этниконами группируются в Фанагории и станице Тамань²⁸.

Опустив Корокондаму на юг, коллеги реанимировали локализацию тут ее Фредериком Дюбуа (был здесь в 1833 г.), но наука преодолела ее ввиду противоречия с другими показаниями античных авторов. Приведем из числа последних данные перипла

²⁸ Яйленко 2010, 283–287. Результат тот же и при мнении О.Н. Мельникова [2015, 79–85], что в Кесарею переименована Фанагория, локализуемая им при поселке Гаркуша, и в Агрипсию Гермонасса, идентифицируемая с городищем у Сенной.

Арриана (§ 29), лично проплывшего тут: «От Синдики <Горгишпии> до Боспора, именуемого Киммерийским < т. е. пролива > и боспорского города Пантикапея 540 стадий; оттуда (ἐνθένδε) до реки Танаис <Кубани> 60; как говорят, она отделяет Европу от Азии; устремляется же она от залива при Меотиде и впадает в часть моря при Евксинском Понте»²⁹. При стадии Арриана в 197 м от Пантикапея до Танаиса-Кубани 11,82 км (округлим до 12 км)³⁰. Как видно, речь никак не может идти о южных лиманах – только о Таманском заливе, который здесь назван «частью моря при Евксинском Понте»³¹. Сейчас по воде от Керчи до поселка Тамань 15 км; с учетом ныне поглощенной морем таманской суши расстояние в 12 км приводит к косе Тузла. Как раз тут подводными исследованиями открыты две якорные стоянки кораблей V–IV вв. до н. э. [Кондрашев 1997, 207–208; 2010, 118], и в средневековье тут была переправа через пролив на крымский берег [Эвлия Челеби 1979, 50–51]³². Что речь идет именно о Таманском заливе, показывает и другая цифра Псевдо-Арриана (§ 64 = SC 1, 279): «За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондама, лежащее на перешейке или узкой *полосе* между озером и морем. За нею находится Корокондамское озеро, ныне называемое Описсас, образующее очень большой залив в 630 стадий, 84 мили. Если въехать в самое озеро и плыть вокруг *берега* в город Гермонассу, то будет 440 стадий, 58 ²/₃ мили». Как сказано, тут отсчет расстояний ведется от Синдской гавани-Горгишпии, так что от нее до Гермонассы 440 стадий, а с объездом Корокондамского озера 630 стадий. При вычете расстояния от Горгишпии до Гермонассы (630 минус 440 стадий) получаем объезд озера

²⁹ Перевод наш, также пояснения в угловых скобках. Тут Танаис часто принимают за Танаис-Дон, однако в результате получают нонсенс – сия река течет из Меотиды в Понт Евксинский. На самом деле это Танаис-Кубань, ибо как раз Псевдо-Скимн именует Кубань Танаисом [Кукина 1985, 145]. Поясним последнюю фразу και ὀρμάται μὲν ἀπὸ λίμνης τῆς Μαϊώτιδος, ἐσβάλλει δὲ ἐς θάλατταν τὴν τοῦ Εὐξείνου Πόντου. Перевод П. И. Прозорова (SC 1, 224): «Она вытекает из Меотийского озера и впадает в море Евксинского Понта». Поскольку Πόντος как λόγος само по себе «море», выражение θάλατταν при τὴν τοῦ Εὐξείνου Πόντου означает «море при Евксинском Понте» (gen. partitivus). Так надо понимать и λίμνης τῆς Μαϊώτιδος – «озеро при Меотиде». Поясним и ἐνθένδε «оттуда»: хотя перед этим упомянуты Пантикапей и Киммерийский (Боспорский) пролив, под ἐνθένδε может подразумеваться только Пантикапей, ибо Арриан ведет отсчет от городов (иногда гаваней), но не от крупных природных объектов. Итого от Пантикапея до реки Танаиса-Кубани 60 стадий.

³⁰ Вопрос о стадии Арриана не вполне ясен, есть оценки 158, 178, 185, 197, 200 м [Агбунов 1987, 14], берем среднюю в 197 м. Но если просчитать расстояние по всем этим вариантам величины стадии, то будут соответствовать 9, 48; 10, 68; 11,1; 11, 82; 12 км. Труд Арриана положен в основу анонимного перипла V–VI вв. н. э. «Объезд Евксинского Понта» (по мнению М. В. Агбунова [там же, 9–13], это полная и краткая версии перипла Арриана). Аноним указывает те же расстояния в стадиях, что и Арриан, но добавляет еще и перевод в мили. Сопоставление с переводом в мили (1 миля = 1480 м) дает стадию Арриана в 197 м. Этого Анонима обычно именуют Псевдо-Аррианом. Расстояние в 11,82 км подтверждают данные Страбона (XI, 2, 6–8). Он пишет, что пределы Боспорского пролива ограничены на европейском берегу Мирмекием и Акрой (север – юг), на азиатском напротив них Ахиллий и Корокондама; от Акры до Корокондамы 70 стадий по воде. При длине Страбоновой стадии в 156–158 м [Фирсов 1972, 162, 166 сл.] это ок. 11 км, и от села Заветное, где локализируют Акру [Масленников 1979, 37; Завойкин 2013, 128], такое расстояние ложится и на Тузлу.

³¹ Как сказано, называя Кубань Танаисом, Арриан следует традиции Псевдо-Скимна, и указание того о течении рукава реки в Киммерийский Боспор, т. е. в Боспорский пролив, означает впадение рукава в Таманский залив. Соответственно, в выражении Арриана «устремляется же она от залива при Меотиде» подразумевается меотийское русло Танаиса-Кубани. Обозначение Аррианом Таманского залива в качестве «части моря при Евксинском Понте» показывает, что наряду с ранней традицией (Гекатей у Эсхила) о проливе как части Меотиды существовало и мнение, что пролив – часть Понта.

³² В содержательной статье о Боспорском проливе Н. Ф. Федосеев [1999, 61 сл.] активно использует реконструкции пролива геологами, но странным образом подобно им уделил совсем мало внимания указаниям античных авторов на расстояния между городами по его берегам. В результате реконструкции геологов не соответствуют этим расстояниям, и не могут быть нами приняты.

в 190 стадий, или 25 милей, что равно 37, 43 км в стадиях и 37 км в милях³³. Это периметр Таманского залива античного времени, несколько меньший нынешнего³⁴. Система же южных лиманов несопоставимо больше по всем параметрам.

Отказ Таманскому заливу в возможности принять островообразующее русло реки вступает в противоречие и с указаниями Страбона (VII, 4, 5; XI, 2, 10), что Фанагория главный город азиатской части Боспора, откуда свозятся товары в нее; из области Пантикапея переправа в Фанагорию осуществляется по широкой части Боспорского пролива³⁵. Масштабное раскопанное городище у Сенного и большое число надписей оттуда вполне свидетельствуют, что это крупнейший город Азиатского Боспора, и 3 найденные на городище проксении IV в. до н. э. [Завойкин, Завойкина 2020, 135–149] непреложно подтверждают статус его как крупнейшего торгового центра в регионе. А Гекатей и последующие авторы дружно увязывают остров и Фанагорию, и поскольку она теперь прочно лежит на берегу Таманского залива, элиминировать сию акваторию из сообщений греко-римских авторов об острове невозможно. Это надежный заслон от перетряски устоявшихся отождествлений городов, поселков да географических объектов, фигурирующих в античной традиции об острове. Поскольку критики этой традиционной картины обосновывают пересмотр ее данными бурения, встает вопрос о надежности их интерпретации. В этом отношении показательно противоречие между упомянутым морем на рисунках-реконструкциях авторов идеи о палеопроливе, и вовсе неглубоким палеолиманом их оппонентов. Один из критиков реальности русла Кубани на полуострове Г. П. Гарбузов [2016, 36] признает: бурение предоставляет в этом вопросе не прямые, а косвенные данные. Что трактовка результатов бурения альтернативна, показывает и интерпретация Маркитантской банки, ныне покоящейся под водами Таманского залива. Бурением установлено, что в середине I тыс. до н. э. «внутренняя часть Таманского залива частично или полностью отгородилась от акватории Керченского пролива» тогда надводной Маркитантской банкой [Горлов, Поротов и др., 2002, 253]. Снова сошлемся на фанагорийские проксении IV в. до н. э., которые безусловно свидетельствуют о полной доступности Фанагории с моря, чему никоим образом не может препятствовать эта банка. Посему в приведенной цитате слово «полностью» ошибочно, а вот о частичном перекрытии входа в Таманский залив можно думать, ибо согласно Псевдо-Аррианову периплу V–VI вв. н. э. (§ 64 = SC 1, 279), «селение Корокондама лежит на перешейке или узком месте (ἐπὶ ἰσθμοῦ ἤτοι στενοῦ) между (Корокондамитским) озером и морем». Справедливо считается, что это Тузлинская коса³⁶.

³³ При стадии в 158 м это 30 км; при 178 м – 34 км, при стадии 185 м – 35 км, при стадии 200 м – 38 км. Перевод Псевдо-Арриана в римские мили: 84–59 = 25 милей = 39 км.

³⁴ От станицы Тамань до пос. Сенной по дороге 26 км, это $\frac{2}{3}$ нынешнего периметра примерно в 40 км. Цифра Псевдо-Арриана (от 30 до 38 км) меньше потому, что античной суши было больше, но главным образом вследствие измерения с корабля, при котором периметр залива античного времени существенно меньше, нежели по суше. Это подтверждается сообщением Страбона (XI, 2, 8), что до Корокондамы от селения Патрей 130 стадий плавания = 19,54 км, сиречь 20. При локализации Патрея у пос. Гаркуша и Корокондамы у основания Тузлы это плавание по заливу напрямик.

³⁵ Там, пишет он, ширина пролива 70 стадий, это 11 км (в его стадии 156–158 м [Фирсов 1972, 162, 166 сл.]).

³⁶ Правда, не исключено, что это сообщение относится к V–VI в. н. э., поскольку автор перипла привел также неантичное, раннесредневековое название Таманского залива (это Корокондамитское озеро Страбона и Мелы) Описсас, возможно, адыгского происхождения [Яйленко 2015, 419, № 68].

Рис. 1. Карта Таманского полуострова К. И. Габлица 1820 г., фрагмент (ресурс <https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?f=151&t=4570#gallery-1>, дата обращения: 22.02.2023)

Те же специалисты в числе доводов против течения русла реки в Таманский залив указывают на отсутствие речных отложений на его дне, но вместе с тем пишут и о периодах опреснения залива около середины I тыс. до н. э. [Горлов, Поротов и др. 2002, 253] и ок. 449–721 гг. н. э. [Горлов 2008, 417]. А это указывает на сток речных вод в него, подтверждение чему дают показанные на карте Таманского полуострова К. Габлица 1820 г. русла десятка небольших речек, стекавших в залив с Центральной гряды Тамани да с Фонтала (рис. 1)³⁷. Нет оснований считать, что они возникли в средневековье или новое время, а по названным специалистам получается, что и они не оставили следов в морфологическом срезе дна залива. Как видно из этих примеров, а далее мы их умножим, не всё ладно с интерпретацией данных бурения, на деле их трактовка неоднозначна. То же и с апелляцией критиков к выявленному бурением отсутствию речных отложений в предполагавшихся адептами Страбона местах залегания речного русла на Таманском полуострове, ибо свидетельства Ф. Дюбуа, К. Гёрца, М. О. Поночевного, которые приведем далее, указывают на обводненность Шимарданского русла.

Выше мы отметили, что доводы против мнения об островообразующем рукаве реки на Таманском полуострове, и элиминирующие его гипотезы о морском Кубанском проливе/палеолимане, интересны как средство проверки этого устоявшегося в науке мнения. Проведенный обзор аргументации критиков выявил ее существенные изъяны, так что в результате, полагаем, представление о Таманском рукаве выдержало проверку.

³⁷ По происхождению это речки, а не сезонные водотоки: они текут или на юг или на север, так как их водораздел приходится на проходящую через весь Таманский п-ов сопочную гряду, и часть их на рис. 1 закрашена синькой, т. е. это действующие речки, а не сезонки; более того, показанная на рис. 2 речка у Шимарданской бухты истекает из круглого водоема, который являет собой несомненный кратер сопки.

Рис. 2. Карта Тамани К. Габлица, фрагмент

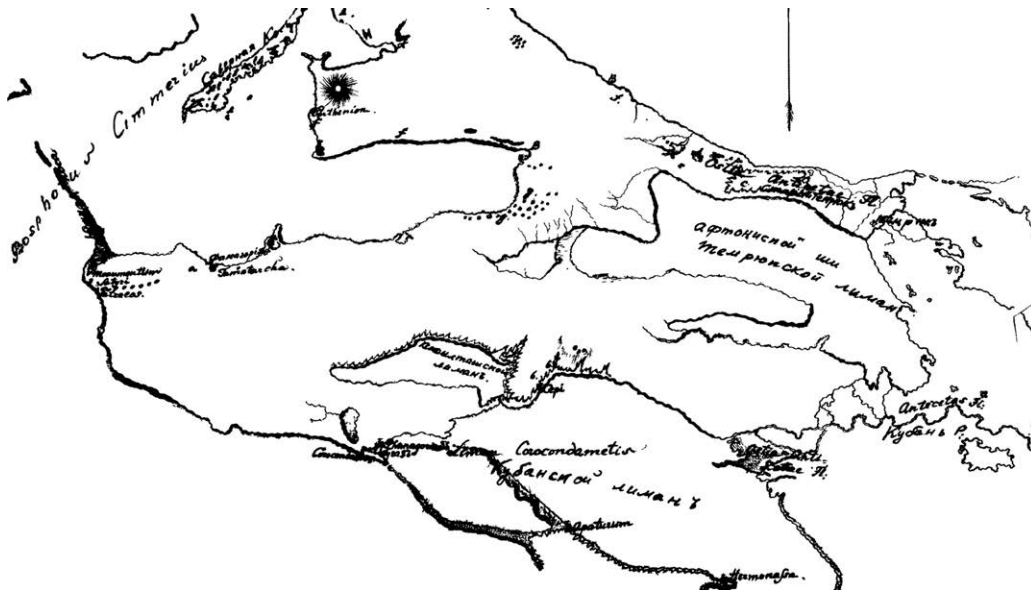

Рис. 3. Карта Тамани Ф. Биберштейна конца XVIII или начала XIX в. [Тункина 2002, 51]

III. Речные русла и канал, пересекающие Таманский полуостров от одного берега до другого

Посильно разобравшись в недостатках гипотез о палеопроток да палеолимане, обратимся к рассмотрению предлагавшихся в литературе трех реальных остатков русел, которые могли пересекать полуостров и соединять Таманский залив с «Ахтанизовским лиманом» (см. рис. 1, 2, 6)³⁸. Первое – Шимарданская (Сенная) долина, идущая от Шимарданской бухты Таманского залива к Соленому лиману (западный угол Ахтанизовского). Второе – остатки русла у западной полы сопочной гряды Цимбалки, к нему добавим показанное на карте К. Габлица русло реки, текшей с гряды в северный угол Ахтанизовского лимана. Третье – Субботин ерик у основания Фонтала. Согласно адептам Страбона, одно из них – остаток упомянутого им русла.

Наиболее вероятным кандидатом, начиная с Ф. Дюбуа де Монперё, считается расположенное близ Фанагории Шимарданское русло – Сенная долина (балка), идущая от Соленого лимана к Таманскому заливу (см. ситуацию на рис. 4–5: русло показано желтой заливкой, по нему проходит проезжая дорога XIX в.; см. и ситуативную схему на рис. 9). Последним вопрос о долине особо рассмотрел Г.П. Гарбузов [2016, 41–43], в результате отказавший ей в праве быть речным руслом. Он оперировал пространственным распределением датированной амфорной подъемки да поселений хоры Фанагории и некоторыми физическими свойствами долины. Его аргументация основательна, коллеги археологи-тамановеды вполне восприняли его выводы, так что мне, историку, поначалу казалось неудобным вторжение в их домен, но ... «пепел Клааса стучит в мое сердце», говорил Тиль Уленшпигель, герой одноименного романа Ш. де Костера: рассмотрев античную традицию об острове, убедился в ее цельности и точности, потому решился поднять критическое перо – разобраться с аргументацией критика, которая оказалась уязвимой во всем. Территориальное и хронологическое распределение подъемки может указывать, что крупной реки тут не было, но исключить меньшую водную артерию вряд ли способно, потому как селитьба всегда стремится к воде. К примеру, на карте археологических памятников Тамани Я. М. Паромова [1992, 122, 140; 2020, 305] реконструировано все русло Субботина ерика от залива до лимана, и в аккурат при нем располагается полтора десятка поселений VI–I вв. до н. э. (Юбилейное 1–15), – это наглядный пример тяготения селитьбы к воде: она не исключает поселения, а напротив, притягивает. Аргумент критика, что десяток поселений и столько же курганов оказались на пути русла, вряд ли правомерен, поскольку дельте Кубани свойственны перемены направления протоков, и больших, и малых, в зависимости от полноты водного режима; античные свидетельства об этом рукаве реки (см. выше раздел I), и не говорят о нем как полноводном, напротив, оно болотисто. Потому-то долина довольно широка (см. рис. 9), на космоснимке (рис. 11) видна очень широкая полоса низины, идущая от Шимарданской бухты меж гор Чирковых, Подошв, Боюр да Блевак

³⁸ Говоря об античной эпохе, название «Ахтанизовский лиман» мы порой заключаем в кавычки, поскольку, как сказано, существование тогда южных лиманов возможно, но неопределенно. Он появляется на портоланах XV в. [Волков 2016, рис. 11 сл.]. Есть и мнение, что в античное время на его месте располагалось азовское русло Кубани, шедшее на Пересыпь. В целях лучшей визуализации для читателя предполагаемой акватории античного времени именуем ее «Ахтанизовским лиманом». Когда же имеем в виду современный Ахтанизовский лиман, кавычек нет.

Рис. 4. Карта Тамани К. К. Гёрца [1870]

Рис. 5. Карта Тамани К. К. Гёрца, фрагмент

Рис. 6. Оцифрованная карта Тамани С. Ф. Войцеховского 1927 г., фрагмент (<https://felicina.ru/novosti-filialov/cifrovuju-kopiju-karty-tamanskogo-poluostrova>)

вплоть до Соленого озера, по ширине она равна Соленому, т. е. ок. 2 км. Захватила сия полоса и речку, показанную на карте Габлица (см. рис. 2) – она течет вдоль полы Блевак в Соленое. Эти данные позволяют думать, что проходивший по этой обширной местности сток воды из Ахтаниза, либо русло реки Кубань, менял направление в зависимости от напора поступавшей воды. Этим же обстоятельством объясняется и расположение в пределах долины нескольких пятен подьёмки, к которым апеллировал Г.П. Гарбузов, видя в них аргумент против водного наполнения долины. Русло/протока, как положено в дельте Кубани, было извилисто, менялось со временем³⁹, и появлявшаяся суша при воде закономерно обживалась. Нуждается в верификации и время бытования

³⁹ На правой части карты К. Габлица, которую мы отрезали на рис. 1, изображена сотня русел да протоков на небольшой площади. Смена прохода русел да проток Кубани на одной и той же местности вполне засвидетельствована М.О. Поночевным в районе ее приазовской Протоки. Приведем пример и из современного гидрологического описания: «В Переволоцком узле (16 км от устья) Кубань делится на Петрушин рукав, Качачий ерик и протоку Переволока. Петрушин рукав в Вербенском узле (2 км от устья) разделяется на рукава Чайкинский, Средний и Голинский. Основной – первый, с глубинами от 1,7 м в верхней части и до 6–7 м в нижней. Остальные оба рукава имеют глубины 0,5–3,0 м» (Природные ресурсы Воситочного Приазовья, их использование и охрана. 1. 3. Гидрографическая сеть и гидрологический режим. Эволюция лиманов дельты р. Кубани./Ресурс <https://geo.bobrodobro.ru/>, дата обращения: 22. 02. 2023). Как видим, на отрезке всего в 2 км Петрушин разделяется на 3 рукава, причем тут не учтены протоки. Это означает, что при ширине Сенной долины в 1–2 и более км (см. рис. 9, 11) по ней могли проходить, скажем, три русла/протоки.

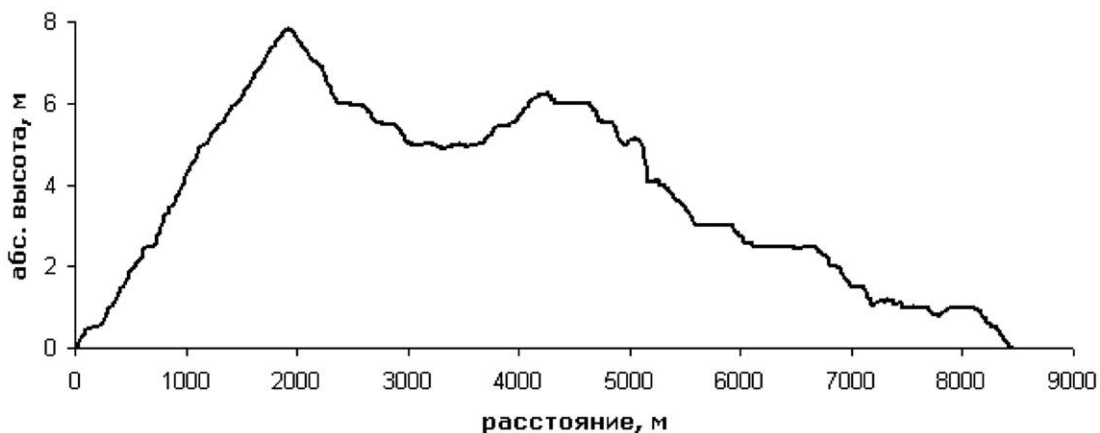

Рис. 7. Профиль дна Сенной долины с запада на восток
[Гарбузов 2016, рис. 17]

упомянутых им поселений да курганов тут, среди них есть турецкие⁴⁰. К. К. Гёрц [1870, 99] особо отмечает расположенную у подошвы Блевак сплошную могильную насыпь, в которой найдены еврейские надгробия хазарского времени⁴¹.

Еще один аргумент уважаемого коллеги связан с характером дна долины: «В современном состоянии рассматриваемую долину в принципе нельзя назвать речной, так как в силу свойств ее рельефа вода не может течь из одного конца долины в другой. Высшая отметка дна долины составляет около 8 м над уровнем и Таманского залива, и Ахтанизовского лимана (на рис. 17 показан профиль высот дна долины вдоль линии тальвега), причем над уровнем Таманского залива античного времени перепад высот и того более: тут надо прибавить еще минимум 2–3 м. Соответственно, прежде чем предполагать здесь любую реку, следует доказать, что в античное время этого перепада высот не существовало». Но аргумент риторический, ибо с таким же основанием можно поинтересоваться у автора цитаты: а чем доказывается наличие сего подъема в античное время? Разумеется ничем. И приложенная им схема тальвега (его рис. 17, у нас рис. 7) зрительная обманка, искажающая реальность ввиду несоответствия пропорций высоты и длины: на ней они в соотношении 1: 2,5, а реальное соотношение должно быть 1 к 1000 (8 м подъема дна на 8000 м длины долины). Посему действительная картина такова, что от поворота у Шимарданской бухты дорога идет 8 км к Соленому лиману с небольшим подъемом в 8 м, – для наглядности, это высота второго этажа наших зданий. К примеру, высота зеркала нынешнего Ахтанизовского лимана колеблется сравнительно с уровнем моря от нуля до +5 м⁴² в зависимости от силы ветра, глубины дна,

⁴⁰ В 1963 или 1964 г. был в фанагорийской экспедиции М. М. Кобылиной да И. Д. Марченко, мне поручили раскопки кургана, располагавшегося как раз к западу от Фанагории, начальницы опознали его турецким.

⁴¹ Эвлия Челеби не раз упоминает жестокие сечи меж казаками да турками на Таманском п-ове, так что турецких подкурганых или впущенных в курган захоронений должно быть много. Тот же Гёрц [1870, 62] упоминает сообщение А. Сумарокова, что в районе Стеблеевки вся равнина усеяна курганами, и надо признать, пишет Сумароков, что тут происходило важное побоище.

⁴² Ахтанизовская система лиманов. Ресурсы <http://www.fesk.ru/wetlands/320.html>, дата обращения: 23. 02. 2023.

очертаний акватории. Ф. Дюбуа, первым связавший эту долину со Страбоновым рукавом Антикита-Кубани, как натуралист, сведущий и в геологии, повел речь о заносах сего рукава извержениями сопки гряды Ассадаг, также наносов песка самой рекой [*Dubois de Montpéroux* 1843, 64, 79]. Г. П. Гарбузов пишет, что бурением на Таманском п-ове в местах предполагавшегося русла не обнаружено речных отложений. А их и не должно быть, так как Ахтанизовский стал наполняться речной водой только с XIX в., так что применительно к античности речь идет о протоке морской воды⁴³. Не подлежит сомнению, что поверхность Таманского полуострова существенно менялась за минувшие 2–3 тысячи лет под влиянием разнообразных природных факторов⁴⁴. Хорошей отправной точкой во времени служит карта Таманского п-ова Н. С. Благоволина [1962, рис. 42 = у нас рис. 8], на которой в интересующей нас местности показаны вертикальной штриховкой 4 «Протоки Пра-Кубани, занесенные аллювием и осушившиеся в доисторическое время», а косой штриховкой 5, отходящей от Фанагории, показаны «Протоки Пра-Кубани, существовавшие в I в. н. э. и осушившиеся в период I–XV вв.». Последние в остаточном виде давали наглядную картину еще в XIX в.: по словам К. К. Гёрца [1870, 64], от Ассодага (группа Васюринских сопки) до горы Близницы лежит «обширная лощина версты в две ширины». Зона же доисторических протоков Пра-Кубани (штриховка 4) показана по геологическим данным, и как раз на эту природную котловину приходится обсуждаемый 8-метровый подъем Сенной долины, так что она со временем зарастала – и в доисторическую эпоху, и тем более в историческую, когда местность активно обживалась. Поскольку рассмотренные в разделе I свидетельства раннеионийской географии о двух островах – Фанагорийском да Гермонасском – прочны, надо заключить, что в VI–V вв. (может быть, и в IV в.) тут проходила протока морской воды из Пра-Ахтанизовского лимана. А традиции IV–II вв. до н. э. известен один остров, с этого времени, стало быть, происходило зарастание ложа бывших протоков. Действующие силы зарастания – сотрясения почвы извержениями лежащих по обе стороны от русла сопки Чирковых, Подошв, Боюр да Блевак, снос ими почвы со склонов в низину, постоянно эту работу производили ветры и дожди.

Нельзя исключать и остаточные геологические явления. Поверхность Таманского полуострова – результат относительно недавних геологических процессов: тут «большая часть суши связана с современными структурными поднятиями (диапировыми

⁴³ По гидрологическим признакам лиманы дельты Кубани делятся на несколько групп, одна из них – приморские, они «отличаются большой пространственно-временной изменчивостью минерализации воды. Лиманы данного типа характеризуются самыми низкими концентрациями биогенных элементов и органических веществ» (Эволюция лиманов дельты р. Кубани./Ресурс <https://geo.bobrodobro.ru/>, дата обращения: 22.02.2023). Только в начале XIX в. Ахтанизовский лиман стал замкнутым бассейном. Позднее русла были прочищены и к 1864 г. вода в лимане стала пресной. В 1871 г. с прорывом Петрушина канала резко уменьшился черноморский сток реки и увеличился сток в Ахтанизовский лиман через Переволоку (Дельта Кубани. Геологические условия, история развития – ресурс <http://stepnoy-sledopyt.narod.ru/geologia/samoilov/kuban1.htm>, дата обращения: 23.02.2023). «До начала XIX в. лиман представлял собой замкнутый солёный водоём, связанный только с Азовским морем. В 1819 г. местными жителями лиман был соединён с рекой Кубанью. С тех пор шестая часть речного стока поступает в Ахтанизовский лиман» (Ахтанизовская система лиманов. Ресурс <http://www.fesk.ru/wetlands/320.html>, дата обращения: 23.02.2023). Ближайшая к интересующей нас местности часть Ахтанизовского лимана – озеро Солёное – наглядное свидетельство еще недавнего морского характера акватории Ахтаниза.

⁴⁴ Достаточно напомнить сообщение Плиния (II, 206) о тамошних городах Пирра и Антисса, которые ушли под воду (подробности [Яйленко 2015, 420]).

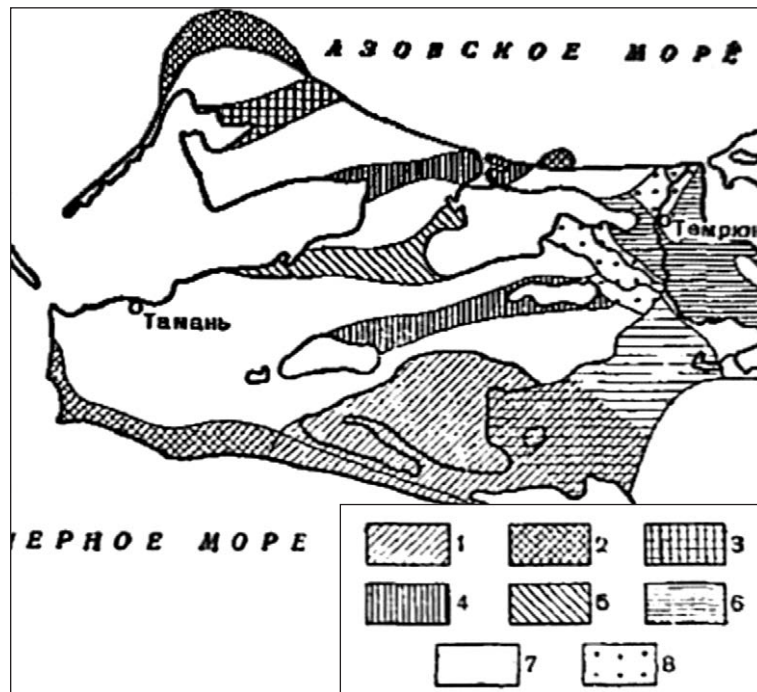

Рис. 8. Таманский п-ов в четвертичном периоде [Благоволин 1962, 180]

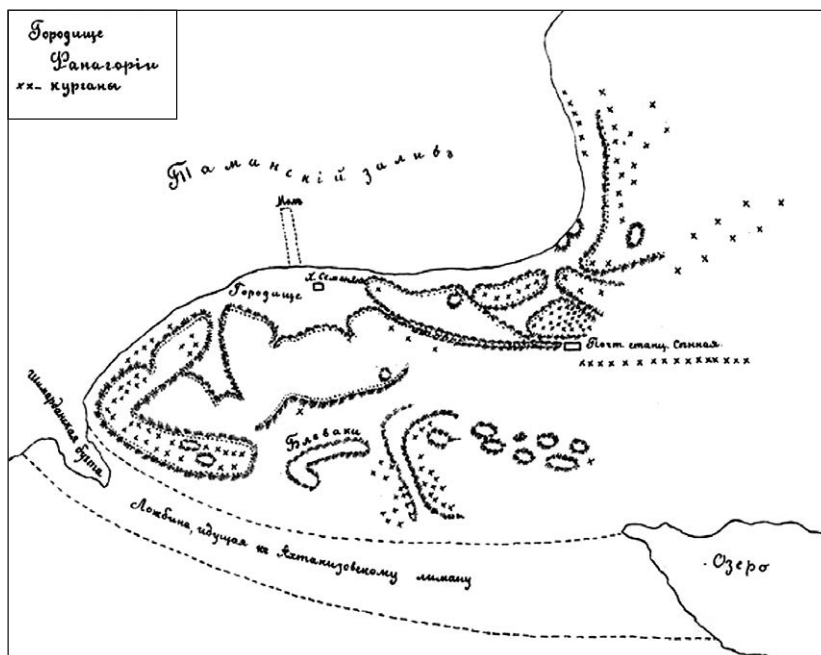

Рис. 9. Ситуационная схема русла М. О. Поночевного [1891, 115]

антиклинальными зонами), понижения между ними, в том числе занятые водными акваториями – современными структурными понижениями (синклинальными зонами)» [Тверитинова, Белобородов 2020, 159]. Понятно, что «современные» поднятия да понижения сей цитаты – из геологического времени, однако поныне продолжающаяся активность некоторых таманских сопок не могла не сказываться на рельефе местности подобным образом и в последние 2–3 тысячелетия. О воздействии сопок на характер местности свидетельствует Ф. Дюбуа: сопровождавший его старый казак говорил, что при извержении 1794 г. сопка Куку-оба вызвала сотрясение земли, тряслась и сама [Dubois de Montrépeux 1843, 51]. Мы вправе предполагать, что подобного рода сотрясения прилегающих к долине сопок Блевак, Чирковых, Боюр, Подошв могли обрушивать борта русла/проток, отчего они и заполнялись суглинком. Важно и то обстоятельство, что местность населенная, по долине проходила дорога (см. рис. 1, 2, 5), а люди обустроивают дороги по мере необходимости, что всегда приводит к подъему дорожного полотна⁴⁵. К примеру, рядом располагалось крупное поселение VIII–X вв. Чиркова гора 1 [Супренков, Науменко, Пономарев 2017, 236 сл.], жизнедеятельность которого естественным образом не могла не сказаться и на самой дороге, и на прилегающем участке долины в целом.

Важно отметить, что существенно иное, сравнительно с нынешним, состояние русла этого рукава/протоки даже в XIX в. показывают его описания знатоками географии Тамани К. К. Гёрцем (см. рис. 4, 5) и М. О. Поночевным (рис. 9). По словам К. К. Гёрца [1870, 22–23], до его времени сохранились следы этого рукава в виде небольших озер, также в рельефе местности да ее геологическом характере. От северо-западного угла Ахтанизовского лимана до Шимарданской бухты поверхность земли представляет собой низменность с особым родом растительностью, свойственной руслам рек. Проезжающий из ст. Тамань в Сенную, миновав хутор Высицкого, спускается в это русло и долгое время едет по его низменному ложу, а проехав Шимарданскую бухту, снова поднимается на поверхность прежнего уровня, где некрополь Фанагории. Остатком южной части русла К. Гёрц счел озеро, соединенное небольшой речкой с Ахтанизовским лиманом. Свидетельством древнего предназначения этой полосы земли, продолжает Гёрц, служат болота, стоячие воды и небольшая Шимарданская бухта, прорезывающая указанную низменность. Эта физиографическая характеристика Гёрца уходит вглубь веков: само имя Тамань, известное Э. Челеби, еще раньше арабским авторам, происходит от адыгского *темэн* «болото, плавни». Мы отметим из числа существенных изменений, сравнительно с картиной Гёрца, поглощение Ахтанизовским лиманом широкой полосы суши, которая отделяла упомянутое им озеро (тогда Яновского, теперь Солёный лиман).

Кубанский казак М. О. Поночевный [1891, 72–73] именует остаток древнего русла ложбиной, которая тянется от угла Ахтаниза до Шимарданской бухты, она «и теперь покрывается плавн<ев>ой растительностью». В 1877 г. Кубань сильно разлилась, он проезжал рядом с этой ложбиной и видел: она настолько заполнена водой, что вполне походила на реку. И нам тут самое время припомнить сообщение Ф. Дюбуа де Монперё,

⁴⁵ Моя подмосковная дачная деревня стоит на горе, у подножия текла мелкая речушка, которая перерезает дорогу. До войны или вскоре после нее сей мелкий поток забрали в трубу, но дорога грунтовая, потому постоянно проседает, что осложняет проезд наших автомобилей. Поэтому мы постоянно подсыпаям тут грунт, так что на моих глазах за полвека дорога выросла до 2 м.

что лет за сто ранее по этому руслу плавали суда (видимо, со слов сопровождавшего его казака); скорее всего, оно относится к южной части русла, где были упомянутые К. К. Гёрцем озера. М. О. Поночевный показал на своей ситуационной схеме обсуждаемого русла/протоки (см. рис. 9) расположенные рядом с ним «Блеваки» – гряду действующих тогда сопок (теперь это Майские сопки, успокоившиеся лишь в XX столетии; но еще и теперь есть булькающее сопло). Поночевный поддержал мнение Ф. Дюбуа и Ф. Жилия, что заносы русла обязаны действию близлежащих сопок, засору могла способствовать и сама река; «такое засорение наблюдается и теперь», – констатировал он.

Исходя из изложенного, трудно оспаривать, что сопки Ассадага, Чирковы, Подошв, Боюр да Блевак повлияли на формирование окрестного рельефа за последние 2–3 тысячелетия, в том числе на проходящее меж ними русло/протоки. Но Г. П. Гарбузов ссылается на геологические данные: на карте четвертичных образований Таманского полуострова дан продольный разрез рассматриваемой долины по результатам бурения; на ней вся центральная часть долины до глубин 60–70 м сложена лессовидными суглинками, при этом продуктов извержения грязевых вулканов тут не выявлено вообще. О суглинках мы уже сказали, а что до отсутствия продуктов извержения, то снова заключение геологов плохо соотносится с историческим временем: близ Шимарданской части долины расположен некрополь Фанагории, и К. Гёрц [1870, 38] пишет, со ссылкой на сообщение академика геологии Г. В. Абиha, что при раскопках 1852 г. мраморный саркофаг IV в. до н. э. извлечен из слоев грязевых сопочных наносов (понятно, что это работа Майских Блевак). Мы обратим внимание и на показанную К. Габлицем (см. рис. 2) речку, стекающую в Таманский залив меж селением Шимардан и западным некрополем Фанагории, ее верховье лежит близ обсуждаемого русла. Она вытекает из округлого водоема, и при том, что место тут подвышено, это несомненный действующий остаток сопла гейзера.

В связи с нашей темой изменения поверхности в данной местности обратимся и к форме Шимарданской бухты. К. Гёрц (с. 23) связывал ее с Шимарданским руслом, более того, усматривал свидетельство древнего предназначения долины в форме бухты, куда устье ведет: она прорезывается в долину. Вторит ему и М. О. Поночевный (с. 72): форма Шимарданской бухты уникальна – она врезается в сушу и вытянута в сторону долины. Тому, кто не знает этого, присутствие сей бухты кажется странным: она врывается в сушу ни с того, ни с сего, обуславливать ее не может ни устройство окрестности, ни действие стекающих вод, ибо окрестность здесь ровная, а возвышенности находятся вдали. Одним словом, заключил М. О. Поночевный, надо допустить, что действовал *deus ex machina*, либо рука человека. А мы обратим внимание на перемены в форме бухты на протяжении XIX в., зафиксированные картами К. Габлица, К. Гёрца, М. Поночевного (см. рис. 2, 5, 9). У Габлица по состоянию на 1820 г. показаны две секции бухты, она серповидной формы, выгнутой стороной обращена к Таманскому заливу, с которым сообщается узким устьем. У Гёрца на двух картах форма разнится: на одной она грушевидной формы, черешком обращена к заливу (рис. 5), на другой у нее вид клинка, такой же, как у Поночевного (рис. 9) – острием врезана в сушу, устье широкое⁴⁶. Сейчас бухта овалом обращена к заливу. Как видно, с 1820 г. она претерпела существенное видоизменение.

⁴⁶ Видимо, различие форм у Гёрца связано с их эволюцией во времени, ибо он занимался Таманью с 1859 г.

В наших рассуждениях, как и у коллеги Г. П. Гарбузова, немалое в сослагательном наклонении, и проблема в том, что никто не располагает реальным видом русла/протоки в античное время, особенно дна, а руководствуется современным состоянием да крайне дискретными данными бурения. Русло же, как видим, не могло не претерпеть перемен за 2–3 прошедших тысячелетия, главным образом за последние полтора столетия вследствие активного обживания человеком, в особенности распахания тракторами (К. Гёрц [1870, 94], насчитал близ Сенной до 3 сотен курганов, почти все распаханно). Согласно приведенным данным Ф. Дюбуа, К. Гёрца, М. Поночевного, в XVIII–XIX вв. русло полно воды разного уровня, а сейчас это заросшая наносным грунтом сухая балка. Глядя с горы Близница, любитель таманской старины Николай Тарнавский констатирует, что ныне она выделяется на местности лишь цветом растительности: «ложбина от Шимарданской бухты зеленой полосой идет под острым углом от поселка Приморского мимо Сенного к хутору Соленому, где ей навстречу выступает язык воды от Ахтанизовского лимана»⁴⁷. Понятно, что обводненность русла XVIII–XIX вв. обязательно сопровождалась иловыми отложениями (болото – оно и есть болото), но пресловутое бурение их не обнаружило⁴⁸. Это наглядный прокол археологов, для своих целей пытающихся воспользоваться данными инструментария совсем другой науки. Чтоб добраться до истины, нам нужен ряд выкопанных экскаватором поперечных траншей по пути следования долины, их борта покажут историю сложения ее дна и ложа. Без этого рассуждения Г. П. Гарбузова, автора сих строк и прочих коллег сродни тени несчастной Дидоны – Эней ее *aut vidit, aut vidisse putat* «или видит, или думает, что увидел»⁴⁹. Но увы, никто этой дорогостоящей затеей не займется – овчинка не стоит выделки, это всего лишь частный вопрос местного исторического краеведения.

Итак, диаграмма на рис. 17 Г. П. Гарбузова показывает всего лишь современный результат двухтысячелетнего заноса русла, да еще с искаженными пропорциями высоты – длины, потому его вывод, что «в силу свойств ее рельефа вода не может течь из одного конца долины в другой» (с. 41) неправомерен для античной давности. Как показано, современная поверхность Тамани вовсе не та, что была 2–3 тыс. лет назад. И ориентация на современное состояние поверхности Таманского полуострова логично приводит его к ошибочному по существу (не по форме) заключению (с. 35), что ни одна река не впадает в Таманский залив: сейчас да, но на карте К. Габлица 1820 г. показан стекавший туда десяток балок – остатков русел рек, причем часть их залита синькой, т. е. тогда это еще действующие речки (см. рис. 1, 2). Камышовые заросли долины вглубь от Приморского тоже красноречивые свидетели былой ее обводненности.

⁴⁷ «Дорогой боспорских купцов» (ресурс <https://proza.ru/2006/03/22-214>).

⁴⁸ Я старинный дачник Подмосковья, и на моих глазах завершается полувековой процесс зарастания русла в прошлом довольно широкой речки (она другая, не та, что упомянута выше). Питавшие ее ключи постепенно иссыкали, сначала образовались наносные островки (40–30 лет назад я собирал на них грибы, в особенности моховики, что знаменательно для водянистой почвы), затем их и протоку занесло глиной, песком, заросли они осокой да камышом, так что от русла остался теперь у подвышенного борта метровой ширины ручей. Что это была полноводная река, показывает ее разлив до полукилометра у соседнего села, где теперь топь с зарослями осоки да камыша.

⁴⁹ Vergilius, Aeneis, VI, 454. Контекст: спустившись в преисподнюю, Эней при свете луны то ли видит, то ли ему показалось, что увидел тень Дидоны. Он не так давно покинул ее в Карфагене и не знал, что из-за этого она свела счеты с жизнью, потому вовсе не ожидал увидеть во мраке Эреба; отсюда и неопределенность – видит он ее или это ему показалось.

Благодаря указанию перипла Арриана на расстояние в 12 км от Пантикапея до реки Танаис (Кубань), которое привело нас к основанию Тузлы (см. раздел I), мы можем понять самое интересное изменение рельефа прибрежной местности от Тамани до Шимарданской бухты, да и самого русла/протоки. Имеем в виду известие К. Гёрца [1870, 33], что низменная полоса (так он называл остатки русла) начинается от хутора Высицкого, там проезжающий из поселка Тамань в сторону Сенной спускается и долгое время движется по этому низменному руслу реки; миновав Шимарданскую бухту, он поднимается на прежний уровень поверхности у западного фанагорийского некрополя. На своей карте (см. рис. 4, 5) Гёрц показал желтой полосой это низменное русло: оно начинается почти сразу за станицей Тамань и следует вдоль берега залива к Шимарданской бухте, где поворачивает к Соленому озеру (видимо, строительством суворовской крепости Фанагория уничтожена конечная часть этой низменности, подходившая к Гермонассе). Во всяком случае, побывавший тут Эвлия Челеби [1979, 44–45] сообщает об озере шириной в милю к западу от крепости Тамань, окрестные жители пользовались его водой, но не пили; в него стекала вода небольших тамошних речек. Отправившись из станицы Тамань к Ахтанизовскому лиману, Челеби вскоре миновал несколько озер с горькой, но питьевой водой. Полагаем, все эти озера – остатки западной оконечностью прибрежного русла, которое в таком случае подходило вплотную к станице Тамань. К. Герц [1870, 69] привел сообщение побывавшего тут в 1800 г. Э. Кларка, что тот видел на дороге из Тамани в Сенную 3 каменных моста, под которыми текла речушка, местные жители переходили ее вброд. К. Гёрц резонно счел, что сия прибрежная низменность была руслом реки (заметим: озерная вода была пресной, так как ее пили). Добавим также, что это было продолжение ее Шимарданского – Сенного русла. Подводные исследования показали, что в античное время береговая линия отстояла дальше от этого русла, нежели сейчас: в Фанагории на 220–230 м, у пос. Приморский хорошо просматривается отмель на 200–350 м и продолжается в виде мыса на 600–700 м от нынешнего берега, античная Гермонасса затоплена водой на 180 м [Паромов 2015, 144, 146–147]. Поскольку расстояние от Пантикапея до реки Танаис указал один Арриан, сия протока действовала, по меньшей мере, около II в. н. э. У нее было и какое-то практическое значение, коль попала в перипл.

И последнее. Близ поселка Приморского на побережье залегает устье реки. Оно довольно широкое, борта невысокие, но прибой забил дно галькой да песком, так что реально они выше. Происхождение неясно, на карте Габлица нет речки, которая могла бы его оставить (см. рис. 2). Я был тут в 1960-х с И. Д. Марченко, Г. И. Соколовым, по их предположению, это русло Кубани прошло по полуострову в результате гидротехнических работ XIX в.⁵⁰ Нельзя исключить также, что это остаток древнего русла Кубани. Как бы там ни было, речка или протока, от которой осталось сие устье, истекала из Ахтаниза

⁵⁰ Ср. [Благоволин 1962, 181]: «В начале XIX в. в целях развития судоходства на Кубани были расчищены и углублены Переволока и Темрюкское гирло и одновременно забиты ерик Курка и некоторые другие. В результате началось быстрое нарастание надводной дельты в юго-восточной части Ахтанизовского лимана. Этот момент нашел свое отражение на карте Таманского полуострова, составленной Г. В. Абигом (1864 г.). Однако в конце XIX в. обе протоки были вновь занесены аллювием. В 1871 г. был вырыт Петрушин канал, и основной сток Кубани был направлен в Курчанский лиман. Одновременно были забиты все остальные протоки, в том числе и Черноморское гирло».

(больше неоткуда), так что шла по Шимарданско-Сенной долине. Это существенный аргумент против мнения тех коллег, которые считают физически невозможным прохождение русла реки через Таманский полуостров.

Итак, изложенное показало наличие физиографических условий для прохода русла или протоки по Шимарданско-Сенной низине. Из числа античных известий об острово-образующем русле реки этой артерии соответствует раннеионийская традиция VI-V вв. (Гекатей) о двух островах – Фанагорийском и Гермонасском. Дальнейшие известия Псевдо-Скимна и Страбона (их источники II в. до н. э.) указывают на зарастание этой артерии, как и Черноморского русла Кубани – они являют собой «болота, речки, топи».

Теперь обратимся ко второму кандидату на протоку, которая соединяла Таманский залив и «Ахтанизовский лиман». На подробной археологической карте, составленной в 1925/7 гг. сотрудниками Темрюкского музея во главе с директором С. Ф. Войцеховским (рис. 6)⁵¹, указаны «следы русла» ниже сопочной гряды Цимбалки. На нашем рис. 2, т. е. на карте К. Габлица, эта гряда показана с названием M (on)t Choumou Kaï (Шуму-кая), под нею следов русла нет (их надо поместить под буквами M.[†] Ch), зато правее показана балка речки, впадавшей в Ахтаниз, и ее верховье близко подходит к тем «следам русла», которые показаны на карте С. Ф. Войцеховского, так что вместе они могли быть протокой, которая соединяла Таманский залив с «Ахтанизовским лиманом». Как и в случае с Шимарданской речкой, истекающей из сопла бывшего гейзера (показана на карте Габлица, см. выше), тут на месте разделения обоих объектов проходит невысокая гряда, она тоже проседает, образуя широкое седло (см. рис. 2). Здесь образованию гряды могло способствовать присутствие рядом грязевых вулканов Цимбалы (турецкое Choumou Kaï), поныне в той или иной мере активных. В этом смысле показательно их параллельное турецкое название Kull oba «Гора пепла»; Ф. Дюбуа описал их извержения 1818 г. [Dubois de Montrépeux 1843, 56–58]. И поныне «на поверхности их сопочных полей заметны участки вспучивания и проседания почвы; в двух местах небольшие озера с угнетенной камышовой растительностью»⁵². Может быть, такие вспучивания почвы разделили надвое бывшую протоку – на «следы русла» да вытекающую неподалеку от них речку, текущую в Ахтанизовский лиман. Отметим, что от южной части Шимарданско-Сенного русла сохранилась такая же речка, тоже текущая в Солёный лиман (см. рис. 1–2). Локализация русла реки при Цимбалах соответствует расположению городов у Псевдо-Скимна (см. выше раздел I): «Гермонасса, Фанагория... Синдская гавань... эти города находятся на острове», и далее, отдельно: «При самом выходе из устья <т. е. Боспорского пролива> лежит город Киммерида... да город Кеп». Тут Кепы и Киммерида обособлены от предыдущей тройки, и это возможно при прохождении русла реки или протоки, образующей остров, около гряды Цимбал.

Обратимся к третьему руслу – Субботину ерику в вершине Таманского залива. Тут проходят остатки вала и рва при нем (с таманской стороны), также низина от угла Таманского залива до угла Ахтанизовского лимана. Побывавший тут в 1794 г. П. С. Паллас

⁵¹ Это современный оцифрованный вариант сотрудников Темрюкского музея, воспроизведение бумажного подлинника см. у Я. М. Паромова [1992, 122; 2020, 303]

⁵² Активный туризм на юге России (ресурс budetinteresno.info).

Рис. 10. Киммерийский вал, космоснимок Google [Федосеев 2017, 577]

счел вал Киммерийским, а проходящую по основанию Фонталовского полуострова низину остатком бывшей протоки Кубани, благодаря которой Фонтал был островом, имя его Киммерида; с этим согласился и Ф. Дюбуа [Dubois de Montpéreux 1843, 22]. Согласно с этим мнения Ф. Жилия, В.Г. Тизенгаузена одобрил ряд специалистов от К. Гёрца [1870, 33] до Н.Ф. Федосеева [2013, 134, 136]. Я.М. Паромов [1992, 140; 2020, 305] на своей карте археологических памятников Таманского п-ова поместил реконструкцию Субботина ерика как протоки от Таманского залива до Ахтаниза. Комментарий Г.П. Гарбузова [2016, 36] на все это краток: «Нечего и говорить, что никаких следов «Субботина Ерика» по результатам бурения найдено не было» (с отсылкой к статье Ю.В. Горлова 2007 г. и другим работам). По Ю.В. Горлову [2007, 87], бурением на месте ерика «вскрыта однородная толща покровных суглинков, в которой не обнаружены какие-либо следы перерывов, связанных с существованием в этом месте одной из палеопротоков кубанской дельты». Вроде бы поставлен крест и на Субботином ерике. Однако на карте К. Габлица на его месте показаны русла двух относительно больших рек, одно впадает в северный угол Таманского залива близ Киммерийского вала, другое в СЗ угол Ахтанизовского лимана; верховья их расположены неподалеку, так что в прошлом это могла быть единая протока (рис. 2). Красноречив в этом отношении и космоснимок Google (см. рис. 10), на который обратил внимание Н.Ф. Федосеев [2017, 572] – тут проходит почти непрерывная полоса низины от залива до лимана. По назначению вал считают оборонительным или гидротехническим сооружением античного времени, либо турецкого. И в местной традиции XVIII в. было представление о вале и рве при турецкой крепости, видели их и путешественники: ров располагался со стороны Фанагории, ширина его более 3 метров, он еще довольно глубокий [Dubois de Montpéreux 1843, 34; Гёрц 1870, 103], но это уже остатки бывших масшта-

Рис. 11. Космокарта Таманского п-ова с показом рельефа
[Сударев, Гарбузов 2015, 161, рис. 2]

бов⁵³. Местность здесь ровная, плоская, без подъемов или понижений, так что разделение некогда сплошной протоки от залива до лимана на две речки, показанные на карте К. Габлица, может быть обязано естественному зарастанию русла, не исключена и связь с некоторым подъемом почвы от землетрясений, вызванных извержениями уже упоминавшейся по этому поводу мощной сопки Куку-оба (Горелой).

Догадка, что Субботин ерик – естественного или искусственного происхождения протока от лимана до залива, находит подтверждение у турецкого путешественника Эвлии Челеби, который дважды посетил эти места в середине XVII в. и писал о 5 островах, упоминает он и «остров Таман» (Книга путешествий, II, 111). Как природную данность это отметили Ф. Дюбуа, указав, что каждый из 5 островов отделен проливом [*Dubois de Montpréaux* 1843, 22], также К. Гёрц [1870, 31–33]; согласно М. Поночевному [1891, 60–62], «судя по строению местности», было 4 острова, к его времени остались два – Кандаур, остальные трое слились в один. Раскладку этих островов на местности сделал И. В. Волков [2016, 9], добавив к предыдущим мнениям и свои аргументы (его статья уделена данным итальянских портоланов XIV–XVI вв.). Нам интересны его первые два острова, отграниченные в числе прочего Таманским заливом (два других на Ахтанизе). Первый остров у Челеби называется Таман (см. рис. 12, он обозначен цифрой I), это южная часть современного Таманского полуострова, его образуют Таманский залив, Ахтанизовский лиман, Черное море. Цифрой II обозначен остров Адахун, он отграничен Азовским морем, Ахтанизовским лиманом, Субботиным ериком (менее вероятен Шимарданско-Сенной рукав), Таманским заливом. По существу, это п-ов Фонтал, тогда бывший островом. Как видно, для разделения островов Адахун да Таман необходима водная преграда, и скорее всего ею был предшественник Субботина ерика. Критики могут воз-

⁵³ Бывавший тут в конце XVIII – начале XIX вв. ботаник и официал Ф. Биберштейн констатировал, что четких следов вала уже не видно [Тункина 2002, 567–568], потому он не показал его на своей карте (рис. 3).

Рис. 12. Таманский архипелаг островов, по данным Эвлии Челеби (реконструкция И. В. Волкова [2016, рис. 18])

разить: раскладка И. В. Волкова устарела, так как сделана с учетом не существующих (по их мнению) Субботина да Шимарданско-Сенного русел. Однако с островом Адахун их ждут проблемы, ибо, по Челеби, это еще и название Ахтанизовского лимана. Значение наименования Адахун – «Кровавый остров»: Эвлия Челеби [1979, 48–49] пишет, что тут была сеча Гедик-Ахмед паши с казаками, туркам победа далась ценой «потокров крови», это дало имя и острову, и громадному лиману; позже была еще одна кровавая сеча, утвердившая название⁵⁴. При этом островки III и IV, находящиеся при устье Ахтанизовского лимана, мелкие, а остров V залегает вдали – при Курчанском лимане, так что других кандидатов на остров Адахун, помимо Фонтала, просто нет. А одинаковый «кровавый» смысл названия части суши и лимана, при котором та лежит, верифицирует ее островной характер, ибо материк слишком большой объект, чтобы слыть «кровавым». Так, сильная крепость близ нынешней станицы Тамань, выстроенная генуэзцами и перестроенная турками, тоже получила наименование Хункала – «Кровавая крепость» (все от тех же боев с казаками), но нет известий о «кровавом» наименовании всего Таманского полуострова.

Повторим, что для разделения островов Адахун и Таман, т. е. Фонтала да таманской части Таманского п-ова, необходима водная преграда, и Субботин ерик вполне подходит для нее. Обводненный характер, по меньшей мере, его устья ныне, показало георадарное исследование: на глубине 0,3–0,5 м от поверхности воды лежит небольшой песчано-ракушечный слой, под ним в метр – полтора слой ила, он лежит на коренном глинистом

⁵⁴ У Челеби Адахун также имя Кизилташского (тур. «краснокаменный») лимана. Ахтаниз – это турецкое *ак дениз* «Белое море/озеро», так что «Белое» стало «Кровавым».

массиве⁵⁵. Оба эти слоя водного происхождения, намыты Ахтанизовским лиманом, дно которого теперь иловое. Как сказано, Ахтаниз только с XIX в. заполнен речной водой, до того он был морской акваторией, потому бурением и не могли быть обнаружены речные отложения, так что это вообще не аргумент против Субботина русла. Наконец, нельзя интерпретировать данные бурения без учета того, что само понятие «ерик» в народной географической номенклатуре имеет гидрологическую природу⁵⁶, так что Субботин ерик, несомненно, был в прошлом обводнен. При этом отсутствие в его русле речных осадков объяснимо, поскольку вода шла по нему морская – из Азовского моря в Таманский залив. Чуть далее мы с помощью Страбона покажем, что тут был прорыт искусственный канал, такие сооружения периодически очищают от наносов, чтобы могли проходить суда. По этой причине бурение не покажет ни речных, ни морских отложений дна сей водной артерии. Это наглядный пример неправомерности лобовой интерпретации данных бурения. *На сей очередной неувязке интерпретаторов данных бурения, распростимся с ним, – это инструмент геологов и для их нужд, и у них своя хронология, оперирующая миллионами лет, минимально десятком тысяч лет. Археология же должна использовать данные бурения только в составе комплекса исходных материалов разнообразного свойства – свидетельств письменных источников, местной традиции, в том числе гидрономинации да топонимики вообще, археологических показаний, палеоботанических да прочих, что позволит составить обоснованное понимание исторических изменений физиографии местности.*

Н. Ф. Федосеев [2017, 572 сл.] отметил существенное обстоятельство: Фанагория географически находится как бы в мешке, так что известия Страбона (VII, 4, 5; XI, 2, 10) о свозе в нее товаров из областей азиатского Боспора предполагает наличие восточного пролива, через который шли в нее поставки; им был Субботин ерик, имевший, стало быть, большое экономическое значение. Добавим и другой аргумент экономического характера – рыболовство да торговлю рыбой. Эвлия Челеби [1979, 47] нахваливает тьму рыбы, свозимой в стольный град Темрюк с окрестного Азовского побережья, и показывает, что основа местного хозяйства – рыболовство да аграрное производство, активная торговля рыбой да сельскохозяйственной продукцией. Замечательную местную рыбу отметил и Ф. Дюбуа, говоря о ловле ее на азовском побережье Фонтала [Dubois de Montpéreux 1843, 54]. В отношении рыбной ловли Таманский залив не идет ни в какое сравнение с Восточным Приазовьем, но основное население греческих городов проживает именно тут. Имея в виду огромное значение рыбы как статьи питания и торговли, мы можем констатировать абсолютную необходимость короткого доступа таманского населения в Восточное Приазовье. Субботин ерик проходит от воды до воды по ровной местности, так что если он от природы был разделен неким подъемом почвы надвое (две речки на карте Габлица, рис. 1, 2), ради одного короткого доступа в Меотиду не было бы большой проблемой прорыть через него канал или ров для прохода рыбац-

⁵⁵ «Геологическая структура придонного слоя грунта. Таманский залив, устье Субботина ерика» (сайт <https://www.geo-radar.ru/works/subbotina.php>).

⁵⁶ Это «дельтовый проток в низовьях Волги, Дона, Кубани, Урала; старица, залив, глухой проток, мертвое русло, заливаемое внешними водами; глубокий проток, соединяющий озера; рукав реки, ручей, приток, овраг; временно заливаемое русло в период высокой воды» [Мурзаев 1984, 202]. У населения дельты Кубани ериком называется протока, соединяющая два «лимана», т. е. две лагуны с морской водой; всего в дельте насчитывается 665 ериков [Тюнин, 5].

ких лодок, а по большому счету и грузовых судов⁵⁷. К примеру, вырыли же ров рядом, на поселении Голубицкая 2 шириной 10–11 м, глубиной в среднем ок. 2,5 м [Журавлев, Батасова, Шлотцауер 2019, 183]. Продолжая идентификацию П. Палласом упомянутого Страбоном рва с Субботинным ериком, рассмотрим текст великого Географа (XI, 2, 4–5). Текст следует за описанием юго-востока Меотиды: «Город Киммерик раньше лежал на полуострове, перешеек которого заперт рвом да насыпным валом» (τὸ δὲ Κίμμερικὸν πόλις ἦν πρότερον ἐπὶ χερρονήσου ἰδρυμένη, τὸν ἰσθμὸν τάφρῳ καὶ χόματι κλείουσα). Традиционно город размещают на Фонталовском п-ове [Завойкин 1999, 220 сл., лит.], в том числе мы, по расчету указанных Страбоном 120 стадий от Тирамбы и реки Антикит (Кубани) отождествив его с поселением Кучугуры 2⁵⁸. Субботин ерик как раз и лежит в основании (Страбонов ἰσθμός «перешеек») Фонталовского п-ова. Словом τάφρος обозначается искусственный ров, вырытый людьми (см. примеры: LSJ, s. v.), он бывает и столь большим, что представляет собой канал: так, вырытый «слепыми» Геродота (IV, 3) ров у крымского Перекопа был столь большим, что стал топонимом – дал имя ближайшей местности, городу, населению Τάφρος, Τάφριοι (Strabo, VII, 3, 19; Ptol. Geogr. III, 6, 5 и другие авторы); как сказано, по Константину Багрянородному, уже в древности он служил судоходным каналом. Что таков был и фонталовский τάφρος, свидетельствует указание Страбона (< перешла Артемидора), что Киммерик «служит отправной точкой для тех, кто плывет по этому озеру», т. е. Меотиде⁵⁹. Понятно, что жителям прочих поселений азовского побережья Фонтала и прилегающих к нему внутренних поселений Киммерик не был нужен в качестве отправного порта – они отплывали из своих бухт. Поэтому упомянутыми «плывущими» были в основном те, кому требовался короткий выход из Таманского залива в Меотиду. Далее, свидетельство Страбона, что вплывающему в Корокондамитское озеро, т. е. в Таманский залив, слева открываются Фанагория да Кепы получают объяснение только в том случае, если вплывают в залив через Субботин ерик (см. раздел I). Как видно, данные § 4 Страбона в нашей интерпретации подтверждают прозорливое указание покойного Николая Федосеева, что без Субботина ерика невозможен своз товаров со всего юго-восточного Приазовья в Фанагорию (отсюда, как свидетельствуют ее проксении, эти товары шли в Грецию). В XVII в. турки воспользовались древними рвом да валом, впритык пристроив свою крепость.

⁵⁷ Со временем ров, какой бы величины он ни был, зарос, когда им перестали пользоваться; именно такова судьба канала, соединявшего низовья Днепра как транспортной артерии с Меотидой. Его часть – Геродотов ров, вырытый детьми «слепых», по нашему мнению, он шел от озера Бук (Сиваш) к нижнему течению Гипакира-Каланчака [Яйленко 2013, 155–156]. Еще в античное время он преобразован в полноценный канал – σοῦδα, как назвал его пользовавшийся не дошедшим до нас античным источником Константин Багрянородный (De adm. imperii 42, 78–86): «Самый же залив Меотиды тянется прямо к Некропилам, находящимся недалеко от реки Днепр, мили на 4 (ок. 6 км), и сливается с ними там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив таким образом находящуюся внутри всю землю Херсона и Климатов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше. Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь два пути, по которым пачинакиты (печенеги) проходят к Херсону, Боспору и Климатам» [Константин Багрянородный 1989, 174–175, с нашими небольшими изменениями].

⁵⁸ Трактовку текста Страбона см. (Яйленко 2010, 414–418). Страбонова стадия 155,5 м [Фирсов 1972, 170], так что 120 стадий = 18,66 км. Тирамба традиционно помещается близ поселка Пересыпь, за Антикит принимают гирло Пересыпь. Поселение Кучугуры 2 существовало с VI в. до н. э. по V в. н. э. [Паромов 1992, 142]. Критики античной традиции об острове перенесли Киммерик на Ахтанизовский лиман.

⁵⁹ ἤ τις (Киммерик) ἐστὶν ἀφετήριον τοῖς τὴν λίμνην πλέουσιν.

Подытожим проведенное рассмотрение трех возможных вариантов локализации островообразующего русла на Таманском п-ове. Согласно Гекатею, на большом острове расположены Фанагория да Кепы, на малом Гермонасса, его картине соответствует Шимарданское русло. Протока Субботин ерик соответствует руслу Танаиса-Кубани Псевдо-Скимна, которое шло в пролив Боспор Киммерийский (Таманский залив часть этого пролива) и образовало остров с городами Кепы, Фанагория, Гермонасса (поэту не обязательно знать, что на деле это протока с морской водой или искусственный ров). Сообщение Псевдо-Скимна («Гермонасса, Фанагория... Синдская гавань... эти города находятся на острове», и далее, отдельно: «При самом выходе из устья <т. е. Боспорского пролива> лежит город Киммерида... да город Кеп») может соответствовать и руслу у Цимбалки. Три возможные локализации островообразующего русла/протоки античной традиции на Таманском п-ове не представляет собой противоречие между источниками, но отражают изменение физиографических условий на нем. В V–IV вв. (источники Мелы) регион стал утрачивать островной характер: два русла реки придают местности вид *raeno insula* «почти острова», т. е. один или оба рукава приобрели дискретный вид, сиречь обмелели. Про то же применительно ко II в. до н. э. сообщение Псевдо-Скимна (из Деметрия Каллатийца): «(остров) недоступен частью из-за болот да речек, и на другой стороне *от них* из-за топей, а частью благодаря морю (Понту) да озеру (Меотиде)»; как показано в разделе II, эти болота да топи относятся к характеристике островообразующего русла Кубани. Преобразование двух островов в один обязано уменьшению водного режима дельты Кубани, который определяется степенью таяния ледников, снегов в верхнем и среднем течении, мерой обводненности многочисленных притоков, особенно горных слева.

Подведем итоги и нашему обзору критики античной традиции, подправке ее данными бурения. Как сказано в конце раздела I, античная традиция о фанагорийском острове настолько цельна, что в своем развитии от VI–V по II–I вв. до н. э. лишена каких-либо внутренних противоречий, ее вершина – подробное описание положения и физиографии острова у Псевдо-Скимна да Страбона, известия которых почерпнуты у авторов периплов II в. до н. э. Артемидора и Деметрия Каллатийского. Упомянутые в разделе II уважаемые критики античной традиции археологи, поэтому не вполне осознают, что периплы – это практическое руководство для плавания в конкретной местности и потому сведения Псевдо-Скимна да Страбона об острове точны, а если в чем-то возникает противоречие с данными геологического бурения, то последние приемлемы лишь до той меры, до которой они не противоречат сведениям периплов. Потому и нет у критиков таких аргументов, которые не могут быть оспорены.

IV. Supplementum. Источники известий Псевдо-Скимна и Страбона об острове

Данные Страбона о Боспорском проливе и острове при нем более подробны и детализованы сравнительно с рассказом Псевдо-Скимна. Последнему известны Фанагория, Гермонасса, Кеп, Синдская гавань, Киммерида, на таврическом берегу Пантикапей. У Страбона на таманском побережье фигурируют наряду с ними также Корокондама, Апатур, памятник Сатиру и пр. Здесь он следует некоему периплу, и поскольку в па-

раграфе XI, 2, 14, говоря о Батах, упомянул Артемидора, считается, что для описания прибрежных областей Страбон основывался главным образом на его перипле, хотя использовал и другие данные [Грацианская 1988, 63–66, лит.]. Лакмусовая бумага сведений Артемидора – упоминание стадий между прибрежными пунктами. В Северном Причерноморье Страбон давал расстояния в стадиях от Истра до Бат (VII, 3, 15 – V, 5; XI, 2, 2–14), так что в основе описания приморских пунктов у него лежит перипл Артемидора, составленный в 104–100 гг. до н. э. Нам интересно выяснить соотношение периплов Псевдо-Скимна и Артемидора, чтобы знать, учитывал ли последний сведения Эфора и Деметрия Каллатийца в описании Боспора, которыми воспользовался Псевдо-Скимн, и в частности, в рассказе об острове с Фанагорией да Гермонассой. Это соотношение явствует из сведений Псевдо-Скимна об основании городов Западного и Северного Понта. Приморские пункты тут Псевдо-Скимн дал по периплу Деметрия Каллатийца (ст. 718–720), – описав Фракийский Боспор, он отмечает: «Затем следует Понт, со знанием дела описанный Деметрием Каллатийцем, последуем за ним в описании местностей по отдельности». Говоря затем о побережье Западного и Северного Понта, Псевдо-Скимн еще два раза упомянул Каллатийца (ст. 796, 878–880) – в рассказе об устье Истра и острове Ахилла (Левке), а также в пассаже о населении северо-востока Меотиды: за сарматами следует меотийское племя, по Деметрию, называемое язаматами, а по Эфору савроматами.

Поскольку сведения о городах Западного Понта Псевдо-Скимн, бесспорно, дал по периплу Каллатийца, можно твердо заключить, что характерной чертой последнего является не только указание на происхождение основателей, но также на время основания (ст. 730–796). Вот эти сведения: милетяне основали Аполлонию лет за 50 до царствования Кира; Одесс основан в то время, когда Астиаг правил Мидией, а Истрия – когда скифы вторглись в Азию, преследуя киммерийцев; калхедонцы и мегаряне основали Месембрию, когда Дарий выступил на скифов; Каллатис основали гераклейцы в то время, как власть над македонцами обрел Аминта⁶⁰. Относительно городов Северного Причерноморья такой ясной картины у Псевдо-Скимна нет: как сказано, Деметрий упомянут лишь раз, и не в рассказе об основании городов, а о скифском населении (язаматах) северо-востока Меотиды. Ситуация осложняется тем, что народы Скифии от карпидов на западе до савроматов и саков на востоке, а также большие географические объекты Псевдо-Скимн описал со ссылками на Эфора (ст. 835–873: о реке Борисфен и Гилее, о савроматах, о реках Танаис да Аракс). Поскольку рассказы об основаниях городов часты у Эфора, ктисис городов Северного Причерноморья Псевдо-Скимн мог дать не только по Деметрию, но и по Эфору.

Перечислим относящиеся сюда данные Псевдо-Скимна (ст. 804–899): Ольвию основали милетяне «во время мидийского владычества»; гераклеоты основали Херсонес Таврический по оракулу совместно с делосцами (без даты); Пантикапей просто упомянут;

⁶⁰ Также в рассказе Псевдо-Скимна об основании городов Южного Понта сообщены даты (ст. 958–975), что определенно указывает на авторство Каллатийца в отношении Гераклеи: ее основали беотийцы и мегаряне «в те времена, когда Кир овладел Мидией», а также Синопы (ст. 941–952, 972–875). Сложней дело обстоит с Амастрией: ее основали милетяне, когда дочь Оксиатра (брата персидского царя Дария) вышла замуж за тирана Гераклеи Дионисия (ст. 958–967). Казалось бы, это Каллатиец, но такой рассказ Страбон (XII, 3, 10) сопроводил ссылкой на Эфора.

Фанагория основана теосцами, Кепы милетянами. Как видно, дата основания указана только для Ольвии, и по этой причине автором сведений о ее основании можно признать Каллатийца, однако, как сказано, упоминание Гилеи сопровождается отсылкой к Эфору, так что точного заключения об авторстве рассказа об основании Ольвии сделать нельзя – это может быть и Каллатиец и Эфор. В рассказе об основании Херсонеса, Фанагории, Кеп упомянуто только происхождение колонистов, дат нет, и это может быть понято так, что сии сведения Псевдо-Скимн позаимствовал не у Каллатийца, а у Эфора, по которому описано население и важнейшие географические объекты Скифии. Однако это не единственно возможное толкование. В перипле Артемидора (у Страбона) в рассказе о городах Западного и Северного Причерноморья также даны сведения о происхождении колонистов, но дат тоже нет. Вот эти сведения (по Страбону – VII, 6, 1): Аполлонию, Одесс, Истрию основали милетяне; Месембрия колония мегарцев, Каллатис колония гераклейцев; Навлох город месембриян, Финиадой и Анхиалом владеют аполлониаты. Города Северного Причерноморья у Артемидора (по Страбону – VII, 3, 17; IV, 2; 4; XI, 2, 3): Ольвию основали милетяне; Херсонес Таврический колония гераклейцев; Пантикапей основан милетянами, Танаис боспорцами.

Отсюда можно заключить, что Артемидор следовал в описании городов Западного Понта, а также Ольвии и Херсонеса, периплу Каллатийца, но даты основания опустил: перипл Артемидора имел практические цели, поэтому там они излишни. По этой причине можно думать, в качестве альтернативы авторству Эфора, что в рассказе об основании Пантикапея милетянами Артемидор по-прежнему следует периплу Каллатийца. Однако у него это известие одиноко: при упоминании прочих городов Боспора – Феодосии, Нимфея, Фанагории, Гермонассы, Кеп и др. – сведений об основателях нет. Из всего изложенного можно заключить, что какое-то описание Боспора у Каллатийца было: судя по Псевдо-Скимну, велась речь об основании Фанагории теосцами, Кеп милетянами, также рассказывалось о народах Боспора и прилегающих областей (со ссылкой на него Псевдо-Скимн упомянул язаматов). Однако в целом Псевдо-Скимн отдал предпочтение в описании населения и географии региона Эфору. Страбон же, судя по обстоятельному и подробному описанию этнического состава и географии Боспора да соседних областей, использовал наряду с общими сведениями Эфора (со ссылкой об этом на него: VII, 3, 9) детализованные известия историков Митридатых войн, перипла Артемидора и каких-то других авторов⁶¹. В описании Черноморья Страбон следовал свойственному периплам ходу с запада на восток, как у Каллатийца, Псевдо-Скимна, Артемидора. Страбон не знает Скимна, однако мы видели, что ряд известий Страбона и Псевдо-Скимна восходит через Артемидора к общему источнику – к Деметрию Каллатийцу: это рассказ о городах Западного Понта, Ольвии и Херсонесе Таврическом, возможно, о Пантикапее. Страбон (I, 3, 20) хорошо знает Каллатийца – подробно пересказывает его сведения о землетрясениях в Греции, это позволяет думать, что и в описании Южного да Западного Понта он непосредственно обращался к его периплу. Для описания географии Таврики Страбон мог использовать трактат жившего

⁶¹ Стилистическую характеристику описания Боспора у Страбона см. [Грацианская 1988, 133–135].

в первой половине II в. до н. э. историка и географа, ольвиополита по происхождению, Посидония «О стране, называемой Таврикой»⁶².

Теперь сравним описания острова с Фанагорией да Гермонассой у Псевдо-Скимна и Артемидора (Страбона). Еще раз процитируем Псевдо-Скимна (ст. 886–899 = SC 1, 90⁶³): «затем следуют Гермонасса и Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, да Синдская гавань, населенная эллинами, пришедшими из ближних местностей. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли на Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен частью из-за болот да речек, и на другой стороне *от них* из-за топей, а частью благодаря морю (Понту) да озеру (Меотиде). При самом выходе из устья лежит город Киммерида, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеф, основанный милетянами». Упоминание основателей всех перечисляемых городов может указывать на перипл Каллатийца как источник сообщения, но отсутствие дат не позволяет утверждать это наверняка.

Вовсе иной по содержанию и характеру рассказ Страбона о Тамани, который определенно заимствован в своей основе у Артемидора, так как описание дано с моря и указано расстояние в стадиях от г. Корокондамы до озера. Вкратце содержание (см. текст выше, в разделе I) сводится к известию о большом озере по имени Корокондамитида, в него впадает какой-то рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой. При въезде в озеро находятся Фанагория, Кефы, Гермонасса, Апатур, при этом первые два города расположены на острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные за Гипанисом. Это несколько иная традиция сравнительно с Псевдо-Скимном, более подробная, так что Артемидор, следовавший в описании городов от Аполлонии до Херсонеса Таврического Каллатийцу, дал Боспор по иному источнику. Больше того, детальное до мелочей описание не характерно для Артемидора, так что Страбон сильно расширил его рассказ подробными сведениями, заимствованными из какого-то другого сочинения. В описании Боспора наряду с Артемидором Страбон упомянул Эратосфена (II, 1, 16: рассказ о медной гидрии в Пантикапее, расстрескавшейся от мороза), а упоминание о двойной победе полководца царя Митридата Неоптолема над скифами на проливе летом в морском бою и зимой на льду (II, 1, 16; VII, 3, 18) взято у историков Митридатовских войн. Эти источники могли содержать подробное описание рельефа Тамани да указания на малые города и Апатур. Ктисис боспорских городов Страбона не интересовал, потому тут у него нет упоминания основателей и дат основания.

⁶² [Яйленко 1988, 276; 2017, 569–570]. Страбон часто упоминает Посидония, однако это в основном писатель II–I в. до н. э. Посидоний из Апамеи. Сведения ольвиополита Посидония Страбон (VII, 4, 3) определенно использовал в рассказе о войне Диофанта и херсонеситов со Скилуrom да его сыновьями.

⁶³ С нашими поправками, обоснованными в разделе I.

Список литературы

- Агбунов М. В. 1987. Античная лоция Черного моря. М.
- Благоволин Н. С. 1962. Геоморфология Керченско-Таманской области. М.
- Волков И. В. 2016. О локализации итальянской фактории Копы на месте средневекового Темрюка (Часть 2) // Журнал Института Наследия 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cyberleninka.ru/article
- Воскресенский А. П. 2018. География Таманского полуострова и локализация городов Азиатского Боспора по данным «Географии» Страбона // Древний Восток и античный мир. 9. М., 210–224.
- Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л.
- Гарбузов Г. П. 2016. «Страбонов» рукав Кубани и хора Фанагории // Фанагория. Материалы по археологии и истории. 2 (Фанагория. 4). М., 34–45.
- Гарбузов Г. П., Поротов А. В., Сударев Н. И. 2017. К обсуждению результатов палеографических исследований в дельте Кубани // ДБ. 21, 64–81.
- Гёриц К. К. 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М.
- Горлов Ю. В. 2007. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 11, 86–105.
- Горлов Ю. В. 2008. Географическая ситуация на Таманском полуострове во второй половине голоцена // ПИФК. 21, 415–437.
- Горлов Ю. В., Поротов А. В., Янина Т. А., Фуаш Э., Мюллер К. 2002. К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 12, 248–271.
- Грацианская Л. И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 6–175.
- Ермолова И. Е. 1988. Римский историк IV в. н. э. Аммиан Марцеллин // Проблемы античной культуры. ТД конф. Ч. 3. Симферополь, 287–289.
- Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. 2019. Оборонительный ров поселения Голубицкая-2 // БЧ. XIX, 183–191.
- Журавлев Д. В., Шлотцауер У. 2011. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. 1, 252–293.
- Журавлев Д. В., Шлотцауер У. 2014. О дате основания поселения Голубицкая 2 // БЧ. 15, 139–148.
- Журавлев и др., 2015. – Журавлев, Д. В., Дан А., Герке Х. Й., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // БЧ. 16, 107–115.
- Завойкин А. А. 1999. Проблема локализации Киммериды // Древнейшие государства на территории СССР. 1996–1997 гг. М., 220–236.
- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь.

- Завойкин А. А. 2017. «Боспор Кубанский» – Остров – Гермонасса (Заметки по исторической географии Таманского полуострова) // ПИФК. 3, 147–163.
- Завойкин А. А., Завойкина Н. В. 2020. Третий декрет Спартокидов из Фанагории // ДБ. 25, 134–154.
- Завойкина Н. В. 2017. Основание Фанагории. Вторая половина 6 в. до н. э. // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 208–215.
- Завойкина Н. В. 2020. Граффито ок. 520-х гг. до н. э. из Фанагории // КСИА. 258, 245–259.
- Кондрашев А. В. 1997. Исследования у мыса Тузла // Археологические открытия 1996 г. М., 206–208.
- Кондрашев А. В. 2010. Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. 1. М.–Киев, 118–124.
- Константин Багрянородный 1989. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М.
- Куклина И. В. 1985. Этногеография Скифии. Л.
- Масленников А. А. 1979. О локализации некоторых городов европейского Боспора первых веков н. э. // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 33–41.
- Мельников О. Н. 2015. Кесария и Агриппия на Боспоре. Локализация по данным нумизматики и эпиграфики // Таврические студии. 7. Симферополь, 79–85.
- Молев Е. А. 2018. Синдика и Боспор // История, этнология и археология Кавказа. 2, 30–40.
- Мурзаев Э. М. 1984. Словарь народных географических терминов. М.
- Паромов Я. М. 1992. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. 1. М., 109–146.
- Паромов Я. М. 2015. Краеугольный камень таманской палеогеографии // КСИА. 241, 137–153.
- Паромов Я. М. 2020. История археологических исследований на Таманском полуострове. Ч. 2 // БИ. 40, 239–305.
- Поночевный М. О. 1891. Географический очерк Босфорского царства // Кубанский сборник. 2. Екатеринодар, 51–114.
- Северный Кавказ 2006. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. Сборник материалов. Изд. подготовил В. М. Аталиков. Нальчик.
- Строкин В. Л. 2008. «...Синдская гавань и одноименный город» (Strabo. XI. 2. 14) // ПИФК. 21, 437–458.
- Сударев Н. И., Гарбузов Г. П. 2015. К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. 7. Симферополь, 156–165.
- Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. А. 2017. Поселение VIII–X вв. Чиркова гора 1 на Таманском полуострове // Хазарский альманах. 15. М., 236–280.
- Тверитинова Т. Ю., Белобородов Д. Е. 2020. Грязевые вулканы в неотектонической структуре Таманского полуострова // Динамическая геология. 2, 157–186 (электронный журнал МГУ).
- Тохтасьев С. Р. 2017. Еще раз о географии Таманского полуострова в древности // Аристей. 16, 28–44.

- Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях Юга России. СПб.
- Тюнин Н. А. (б. г.). Дельта Кубани. Геологическое строение и физико-географические условия, 1–10 (Сайт: Delta_Kubani_1_Tyunin.pdf).
- Федосеев Н. Ф. 1999. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. 3. Керчь, 61–102.
- Федосеев Н. Ф. 2013. К вопросу о локализации Апатура, Кеп, Стратоклеи // ПИФК. 4, 132–140.
- Федосеев Н. Ф. 2017. О соединении Таманского залива с Меотидой // БЧ. XVIII, 571–578.
- Фирсов Л. В. 1972. Об Эратосфеновом исчислении окружности земли и длине эллиптической стадии // ВДИ. 3, 155–174.
- Эвлия Челеби 1979. Книга путешествия. Вып. 2. М.
- Яйленко В. П. 1982. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. в эпиграфических источниках. М.
- Яйленко В. П. 1988. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции: философ Бион, поэт Дионисий, историк Посидоний // ТД Крымской научной конф. «Проблемы античной культуры». Ч. 3. Симферополь, 275–277.
- Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.
- Яйленко В. П. 2012. Источниковедческий анализ известий Псевдо-Скимна об основании городов Понта // БЧ. XIII, 489–496.
- Яйленко В. П. 2013. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М.
- Яйленко В. П. 2015. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 19, 386–458.
- Яйленко В. П. 2017. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанатории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии и Нимфея // ДБ. 21, 398–440.
- Christ W. 1890. Geschichte der griechischen Litteratur. München.
- Dan A., Brückner H., Gehrke H.-J., Kelterbaum D., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. 2020. Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most ancient names of the Cimmerian Bosphorus, the Kuban Bosphorus and the southern part of the Taman Island // Homo omnium horarum. Сб. статей в честь 70-летия А. В. Подосинова. М., 682–725.
- Diller A. 1952. The tradition of the minor Greek geographers. Oxford.
- Dubois de Montpéroux F. 1843. Voyage autour de Caucase. T. 5. P.
- Giaime M., Avnaim-Katav S., Morhange Chr., Marriner N., Rostek F. 2016. Evolution of Taman peninsula's ancient Bosphorus channels, south-west Russia: Deltaic progradation and Greek colonization // Journal of Archaeological Science: Reports, 327–335.
- Letronne M. 1840. Fragments des poèmes géographiques de Scymnus de Chio et du faux Dicéarque. P.
- Marcotte D. 2000. Géographes grecs. T. 1. Introduction générale. Ps.-Scymnos. Circuit de la terre. Texte établi et traduit par D. Marcotte. P.

Summary

V. P. Yailenko

**An ancient geographic tradition on Phanagorian island
and the attempts to correct it with auger**

The article includes four parts. Part I contains source study. There is long ancient literary tradition on Phanagorian island, created with Maeotis, Pontus and brunch or two brunches of the river Kuban. The investigators of the XIX and XX centuries have confirmed its reality and indicated some dry branches on Taman peninsula. The author has studied all reports of the Greek and Roman writers about Phanagorian island (from Hecataios to the late Roman geographers) and finds its wholeness – it doesn't contain any internal contradictions, but reflects the real changes of island's physiography and hydrology. At the VI-V centuries BC there was some river's brunch, which divided the Taman peninsula in two islands, it dried afterwards and Taman became one island. In part II, the author has critically reviewed new hypotheses on strait or coastal salt lake between mainland and Taman island, they have erroneously rejected literary tradition on the river's brunch on Taman peninsula. In part III, the author examines three rests of the brunches on Taman peninsula, which may be ancient. The part IV is supplementary, here the author studies the sources of Strabo and Pseudo-Scymnus information on Phanagorian island.

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ	- Артезианская археологическая экспедиция МПГУ
АВ	- Археологические вести. Санкт-Петербург
АИБ	- Археология и История Боспора. Симферополь/Керчь
АМА	- Античный мир и археология. Саратов
АН	- антропоним
АНК	- Античное Наследие Кубани. Москва, 2010
АО	- Археологические Открытия. Москва
АП	- Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ	- Археологический Сборник Государственного Эрмитажа
АЧ	- Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. Краснодар
АЭ	- Археология в Эрмитаже
БИ	- Боспорские Исследования. Симферополь–Керчь
БС	- Боспорский Сборник. Москва
БФ	- Боспорский Феномен. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург
БЧ	- Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы международной конференции. Керчь
ВДИ	- Вестник древней истории. Москва
ВЭ	- Вопросы Эпиграфики. Москва
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГМИИ	- Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ДБ	- Древности Боспора. Москва
ДГ	- Древнейшие государства СССР / Восточной Европы. Москва
ЖМВД	- Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург
ЗООИД	- Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса
ИАК	- Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИИМК	- Институт истории материальной культуры РАН
ИТУАК	- Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН	- Корпус Боспорских Надписей. Москва–Ленинград, 1965
КСИА	- Краткие сообщения Института Археологии СССР/РАН. Москва
КСИИМК	- Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры АН СССР

ЛИ	- личное имя
МАИАСК	- Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма. Севастополь-Тюмень-Нижневартовск
МАИАСП	- Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья. Нижневартовск
МАИЭТ	- Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Симферополь
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград
МПАИ	- Методика Полевых Археологических Исследований. Москва
МПУ	- Московский Педагогический Государственный Университет
НЭ	- Нумизматика и Эпиграфика. Москва
ОАК	- Отчет Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург
ПАВ	- Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
Патрей	- Патрей. Материалы и исследования. Москва
ПИФК	- Проблемы Истории, Филологии, Культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск
РА	- Российская Археология. Москва
РАЕ	- Российский Археологический Ежегодник. Санкт-Петербург
СА	- Советская Археология
САИ	- Свод археологических источников. Москва
СГМИИ	- Сообщения Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А.С. Пушкина
стк., сткк.	- строка, строки
ТГУ	- Тамбовский Государственный Университет
ТН	- теоним
Тр. ГИМ	- Труды Государственного Исторического Музея. Москва
Тр. ГЭ	- Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/ Санкт-Петербург
ТС	- Таврические Студии. Симферополь
УрГУ	- Уральский государственный университет
Фанагория	- Фанагория. Результаты археологических исследований / Под. Ред. В.Д. Кузнецова. Москва, 2013-
ФКМ	- Феодосийский Краеведческий музей
ХСБ	- Херсонесский Сборник
ЭВ	- Эпиграфический Вестник. Москва
ACSS	- Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
AJA	- American Journal of Archaeology
AMSMG	- Atti e memorie della società Magna Grecia. Quinta serie. Pisa-Roma
Anm.	- Anmerkung

Annuario SAIA	- Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Roma
Antiquity	- Antiquity. A Quarterly Review of Archaeology
AntK	- Antike Kunst. Basel
Archaeology	- Archaeology. A Magazine Dealing with the Antiquity of the World. Archaeological Institute of America. Long Island City
ASCSA	- American School of Classical Studies at Athens
ASM	- Archivio Storico Messinese. Messina
ΑΓΩΓΗ	- ΑΓΩΓΗ, Atti della Scuola di Specializzazione in Beni Archeologici. Pisa
BAPD	- Beazley Archive Pottery Database
BAR	- British Archaeological Reports
Bd., Bde	- Band, Bände
BDEG	- Banque de Données des Epiclèses Grecques
BSA	- Annual of the British School of Archaeology at Athens
Bull. ép.	- Bulletin épigraphique
CEFR	- Collection de l'École française de Rome. Rome
CISA	- Centro Interdipartimentale di Servizi di Archeologia. Napoli
CVA	- Corpus Vasorum Antiquorum
DNP	- Der Neue Pauly
DT	- Au. Audollent. Defixionum Tabellae
Eirene	- Actes de la Conférence d'Études Classiques "Eirene". Bucureşti-Amsterdam
Eretria	- Eretria. Fouilles et Recherches. Bern-Lausanne
FGrH	- F. Jacoby. Die Fragmente der Griechischen Historiker
Fig.	- Figure
GGM I	- Müller K.-O. Geographi Graeci minores. Vol. I. Parisii, 1855
Hypanis	- Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Москва
IARPotHP	- International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period, Wien
Iliria	- Iliria. Reviste Arkeologjike. Tiranë
IosPE III	- Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. III = Древние греческие и латинские надписи Северного Причерноморья. Т. III. Вып. I. Клейма на амфорах, пифосах, черепицах и калиштерах и на разных прочих глиняных сосудах и предметах / Сост.: Е.М. Придик, Б.Н. Граков. Отв. ред. Д.Б. Шелов. (Научный архив ИА РАН. Р-2. № 2157-2198)
Klio	- Klio. Beiträge zur Alten Geschichte Beihefte. Neue Folge. Berlin-Boston
LGPN I, IV, VA	- Fraser P.M., Matthews E. A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford: Vol. I, 1987; Vol. IV, 2005; Vol. VA, 2010 (by T. Corsten)
Lpz	- Leipzig

LSJ	– <i>Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968</i>
MedA	– <i>Mediterranean Archaeology. Australian and New Zealand journal for the Archaeology of the Mediterranean World. Sydney</i>
MonAnt	– <i>Monumenti antichi. Pubblicati per cura della Reale Accademia dei Lincei. Milano</i>
NEA	– <i>Near Eastern Archaeology. The American Schools of Oriental Research</i>
NSc	– <i>Notizie degli scavi di antichità Comunicate dal Ministero all'Accademia Nazionale dei Lincei. Roma</i>
OxfJA	– <i>Oxford Journal of Archaeology</i>
PGM	– <i>Papyri Graecae Magicae</i>
Phosphorion	– <i>Phosphorion. Studia in honorem Mariae Cicikova / Под ред. Д. Герговой. София</i>
s.v.	– <i>specta verbum</i>
SA	– <i>Sicilia Archeologica. Rassegna di notizie, documentazioni e studi archeologici. Roma</i>
SC 1, 2	– <i>В.В. Латышев. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Санкт-Петербург, 1893–1906. Т. 1–2</i>
SIMA	– <i>Studies in Mediterranean Archaeology. Novås</i>
SM	– <i>Supplementum Magicum</i>
Stratum+	– <i>Stratum plus. Культурная антропология и археология. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест</i>
Taf.	– <i>Tafel(n)</i>
Tav.	– <i>Tavoli</i>
ThesCRA	– <i>Thesaurus Cultus et Rituum Antiquorum. Los Angeles</i>
Tumulus as Sema	– <i>Tumulus as Sema. Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC. Topoi. Berlin Studies of the Ancient World. Vol. 27. Berlin–Boston</i>
ΑΕΜΘ	– <i>Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και στη Θρακία. Θεσσαλονίκη</i>
AM	– <i>Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Berlin</i>
ΣΥΜΒΟΛΑ	– <i>Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Москва–Киев, 2010</i>
Τερψισ	– <i>Τερψισ. Studies in Mediterranean Archaeology in honour of Nota Kourou. Études d'Archéologie 10. Brussels</i>

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей, выравнивание по левому краю). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Объем рукописи не более 1,5 авт. листов с учетом объема иллюстраций (из расчета: текст – 1 авт. л. = 40 000 знаков с пробелами; рисунки – 1 авт. л. = 8 полосам (страницам)). Объем иллюстраций не должен превышать объем текстовой части. Допустимые отклонения определяются в индивидуальном порядке по согласованию с редколлегией ежегодника.

3. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках (*курсивом*) указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле!) прилагаются:

- а) Список литературы, оформленный по правилам (см. ниже);
- б) Список сокращений, использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–24 ДБ; новые сокращения вводить в том лишь случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);
- в) Перечень Подписей под рисунками;
- г) Резюме – до 1 страницы текста на русском (обязательно) и (желательно) на английском языке. Убедительная просьба – излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) – сопровождать их *принятой в литературе транслитерацией*.
- д) Макет статьи обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 7)¹, и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 6).

4. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках – на литературу внутри текста (например: [Масленников 1997, 107, рис. 3. 1, 5–7]); ссылки на древних авторов даются в *круглых* скобках (*Strab.* XI. 2, 3–5); текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем – по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация примечаний – автоматическая, сплошная, арабскими цифрами²).

5. Библиографическое описание в списке литературы. Используемая в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем – на иностранном. Каждое наименование выделяется³ абзацем (формат – выступ), например:

¹ Таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

² Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автору тому или иному лицу за содействие.

³ Но *не* отделяется абзацем!

- Балахванцев А. С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 61–65.
- Брашинский И. Б. 1984. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 240.
- Завойкин А. А. 1992. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. 204, 84–88.
- Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83)⁴. М., 187.
- Кобылина М. М. 1972. Раскопки в Фанагории в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4805.
- Кобылина М. М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 2, 51–61.
- Кузнецов В. Д. 2018. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Т. 4). М., 117–135.
- Boulter C. 1953. Pottery from the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. 22. No. 2, 59–115 + 21–41 pls.
- Tsetskhladze G. R. 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosphorus // *ΕΥΔΑΙΜΩΝ*. Studies in honour of Jan Bouzek (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis. Vol. XVIII). Prague–Brno, 467–490.

После фамилии автора (курсивом) и его инициалов указывается год издания и далее: Название работы, затем *через точку* – Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) – *через //* Название сборника. Номер тома/выпуска (для серийных изданий – журналов, ежегодников и т.п.). Место издания и (*через запятую*), номера/кол-во страниц (статьи/монографии). Если серийное издание обозначено общепринятым сокращением (КСИА, МИА, СА и т.д.), место издания не пишется⁵. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание: Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1-11. Ч. III; ... Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

6. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта *Times New Roman*. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются в стандартном наборе *Word*, например – *Symbol*, необходимо в тексте статьи отметить красным шрифтом и/или «маркером» те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, приложить файлы соответствующих шрифтов. *Греческий текст* рекомендуется писать в *Unicod* (шрифты *Hellenica.Reg* или *Greek* допустимы, ранние версии этих шрифтов обязательно предоставляются).

7. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации в электронном виде. Требования к электронному

⁴ Обращаем внимание: в монографиях ссылка на серию, в которой она опубликована, дается в скобках после названия.

⁵ Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

варианту: 1) предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)⁶; 2) рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате *TIFF* с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); 3) таблицы, сформированные в *PhotoShop*, сохранять в формате *tiff* (не сливая слои).

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна в том случае, когда это необходимо по замыслу автора (изображения комплекса находок, совмещение фото- и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т. д.). Прочий иллюстративный материал (напр., видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять *только* как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты полосы не превышают 212×145 мм, включая и подрисовочные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисовочные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (см. п. 2д).

Обязательно сопровождайте присланную статью указанием своего адреса, телефона и E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и в процессе подготовки рукописи к печати и своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124-35-88.

Редколлегия

⁶ С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

Древности Боспора. Том 28

научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В.Б. Степанов

Подписано в печать 20.06.2023. Формат 60×90/8
Уч.-изд. л. 43,2. Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в

.....

ISBN 978-5-94375-403-6

9 785943 754036